

Валерий ХАТЮШИН

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ

*Литературная критика
Письма*

Москва
«Голос-Пресс»
2014

ББК 84 (2Рос-Рус)6
Х-25

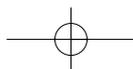
В четвёртый том Собрания сочинений Валерия Хатюшина вошли литературно-критические статьи, полемические заметки, реплики, выступления, предисловия и послесловия к публикациям других авторов, важные для автора письма, а также отклики современников.

Валерий Хатюшин
Собрание сочинений. Том четвёртый. М.: Голос-Пресс
2014. — 528 с.

ISBN 978-5-7117-0759-1

© В.В. Хатюшин. 2014
© Издательство «Голос-Пресс». 2014

Статьи

УРОКИ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

I

В плеяде знаменитых критиков прошлого века среди тех, кто наиболее глубоко проникал в тайнства творческого процесса, имя Аполлона Григорьева занимает свое бесспорное место. Придя в литературу после Белинского, продолжая его и учась у него, Григорьев пошел своим путем, выразившимся в существенном пересмотре и оспаривании взглядов великого учителя на самую природу творчества, на правду искусства и тайну художественного идеала. Находясь с ним на разных, нередко прямо противоположных, позициях при рассмотрении многих проблем, стоящих перед творческой личностью, Аполлон Григорьев вслед за Белинским также внес огромный вклад в развитие отечественной критики, в понимание русской классики, без чего невозможно себе представить ни самой русской литературы, ни нашего проникновения в нее.*

В своей литературно-критической деятельности Аполлон Григорьев был далек от революционно-демократических настроений, по причине чего являлся сторонником

* О «существенной разнице» их позиций говорит сам Григорьев: «...я становлюсь адвокатом... деятельности энергического и даровитого человека, память о великом художественном чувстве которого, пламенной любви к правде... — дороги мне, несмотря на всю существенную разницу моих убеждений, нравственных и общественных, с его убеждениями» (Григорьев А.А. Искусство и нравственность. Современник. 1986. С. 44).

славянофильской платформы в искусствоведении. Его «взгляд» нам интересен своей искренностью, этот взгляд расширяет наши представления о литературе вообще и разнообразии творческих процессов, в ней происходивших. Находясь на идеалистических позициях, Григорьев выразил очень важные истины художественного творчества, что ярко сказалось в его темпераментной полемике с Дружининым и с другими приверженцами лозунга «чистого искусства»: органическая талантливость его, острота художественного чутья разрывали путы отвлеченной теории.

Высоко значение литературного наследия русских критиков-демократов: Добролюбова, Писарева, Чернышевского... Их деятельность в русской словесности достаточно хорошо освещена литературоведческими исследованиями двадцатого столетия и имеет всенародное признание, тогда как критик Аполлон Григорьев еще мало изучен и его труды ждут самого глубокого осмысления и серьезной оценки с точки зрения их идейно-эстетического содержания. Взлеты мысли и духовные прозрения Григорьева должны стать нам известны так же, как и его ошибки и теоретические просчеты, объяснимые его увлекающейся поэтической натурой... А.Григорьев — счастливое достояние русской литературы, и потому — отнесем к нему с добрым вниманием. Ныне настала насущнейшая необходимость обратить пристальное внимание на теоретическое наследие этого прекрасного русского поэта и критика, чтобы более ясными глазами взглянуть на положение дел в современной критике, чтобы вернее разобраться в ней и увидеть, как «далеко» мы ушли в своем понимании искусства и сущности творчества.

Одним из интереснейших фактов отечественной критической мысли являются «Основания органической критики» — цикл статей Аполлона Григорьева, написанных в сороковые — пятидесятые годы девятнадцатого века, в которых были собраны его эстетические взгляды на вопросы теории искусства.

«Основания органической критики», по моему убеждению, должны были бы стать настольной книгой для каждого молодого литератора, ощущающего свой природный художественный дар, когда бы она удостоилась своевременного переиздания в двадцатом столетии в полном объеме. Литературно-критические статьи Аполлона Григорье-

ва вплоть до сегодняшних дней оставались для многих неизвестными, нечитаными, и потому теперь, когда, наконец, самые важные из них увидели свет, невозможно не признать, что откровения замечательного критика, о которых тут пойдет речь, выглядят поистине провидческими, каноническими, если не сказать гениальными.

Термин «органическая» для большей ясности можно было бы заменить определением «живая», «жизненная». В своих статьях Григорьев отстаивал кровную связь искусства с жизнью, идеальным отражением которой оно является. Такая «органическая» критика возможна только тогда, когда она зиждется на цельном и прочном, органически сложившемся мирозерцании, когда она — «не просто игра ума и остроумия» (А.Григорьев), а результат глубоких духовных исканий, высоких устремлений, когда она является действительно жизненным делом, тесно связанным с внутренними переживаниями. «Наши мысли вообще (если они точно мысли, а не баловство одно), — писал он в одном дружеском письме, — суть плоть и кровь наша, суть наши чувства...», которые, по его словам, созрели до формул и представлений.

Особенно важно осознать критический опыт наших могучих предшественников для лучшего понимания того, что происходит в искусстве теперь. Теперь, когда наша жизнь, еще недавно крепко связанная с *корнями* родной почвы, всё более и более усилием *иноземных веяний* утрачивает эту связь. Когда мир искусства захлестнули волны авангардистских и неоавангардистских течений, новаторских ухищрений, всякого рода «экспериментов» и «поисков нового», а вернее сказать, дряхлого псевдоискусства.

Что, на все это глядя, воскликнул бы А.Григорьев? Конечно, он нашел бы, что сказать. А может быть, повторил бы прежние слова: «...искусство всем истинным художникам... открывалось... в виде великой вверенной им мировой силы, в виде высшего служения на пользу души человеческой, на пользу жизни общественной».*

* Здесь и далее — цитаты из Собрания сочинений Аполлона Григорьева. Выпуск 2-й. Основания органической критики. М., 1915 год (Собрание издавалось в виде отдельных выпусков). В данной статье курсивом выделены слова и выражения, наиболее часто встречающиеся у Григорьева.

II

Одним из «заветнейших» вопросов литературы Аполлон Григорьев считал вопрос «о правде и искренности отношении художника к жизни и об искренности его таланта». Сюда же, по его убеждению, входит и «новый вопрос о связи художника с нравственностью», который, как он признавал, «долгое время старались обходить...»

Для Григорьева антиподом *правды* в искусстве всегда было *напряжение* или, проще сказать, вымученность, каковые он считал унижающими художника и отождествлял их с ложью. В этом смысле он являл пример неумолимой строгости в отношении к творчеству и не миловал даже такого поэта, как Гейне, «на удивительный дар которого, — по словам Григорьева, — ложь и напряжение положили свое клеймо».

Неестественные напряжения разъедают талант, как ржавчина, даже тогда, когда талант этот неподдельный, сильный и чистый, и окончательно растлевают таланты, что послабее.

«Жизнь таланта есть правда» — эти слова можно начертать девизом *органической* критики Аполлона Григорьева. Еще тогда, в середине девятнадцатого века, возник перед критиком вопрос, ставший для искусства конца двадцатого столетия гвоздевым: это вопрос об отношении искусства и нравственности. И потому для нас очень важно узнать, как же смотрели на тот «новый» вопрос почти сто пятьдесят лет назад. Интересно проследить, почему он вообще возник в русской литературе, признанной в мире самой гуманной и самой человеческой?

Григорьев писал: «Вопрос в нашу литературу пришел извне, пришел в эпоху сильного влияния германских теорий об искусстве, и значение его у нас не важно... потому, что жизнь наша крепко связана с корнями, как ни старались разрубить эту связь различные иноземные веяния...» Он заменяет слово «нравственность» словом «жизнь», замечая, что «и в этом виде вопрос представляется совершенно тождественным... с вопросом о правде художника и искренности художника...», и произносит одну из главных своих формул: «...создания искусства столь же живы и самобытны, как явления самой жизни, также рождаются, а не делаются, как рождается, а не делается все живое».

Эта формулировка природы искусства наиболее важна для понимания *органической* критики А. Григорьева, которая для точного истолкования явлений искусства обязана иметь с ним общую почву. Как отраженная жизнь, как ее выражение, искусство в то же время не является ее копировкой или тем более заменой. Оно живет своими законами, как считал критик, «хотя и не виновато в том содержании, которое ему дается жизнью», однако обязано различать, что в ней положительно и что отрицательно («жизнь жизни рознь») и нести в себе «семена будущего», а не плевелы и не *случайно-минутное*. Он был убежден, что в поэзии, хранящей вековые традиции и предания, «таится для мыслящего созерцателя более признаков живучести и, стало быть, более залогов будущего, чем в празднотатательстве мысли, вращающейся в водовороте случайного и минутного, источающейся в вечных стремлениях к новизне и притупленной постоянным раздражением».

III

Настоящее искусство, по Григорьеву, подходит к явлениям жизни с высшею, то есть самой нравственной мерой, а великие художники выступали не против высшей нравственности, они «боролись... с идеалом, извлеченным из минутных, жалких или порочных законов действительности».

Мы подходим к еще одной формуле А. Григорьева — к его представлению о правде и художнике: «Правда есть свет, озаряющий жизнь, отделяющий в ней случайное от существенного, преходящее и временное от неперменного и вечного. Художник, как носитель света и правды, является, таким образом, высшим представителем нравственных понятий окружающей его жизни, т.е. своего народа и своего века, и иным даже быть не может истинный художник».

Григорьев понимал творчество как выражение народной жизни и ее нравственные начала как коренные начала *художества*. Искусство — жизненное и народное — видит и исполняет свое назначение только являясь отражением *высших понятий* жизни. «Искусство по существу своему нравственно, поколику оно жизненно, и поколику самую жизнь поверяет оно идеалом», — утверждал он. Художник не имеет права взять для себя *мерилом* нравственных начал

нечто иное, кроме тех, которые даются ему народной жизнью, и личность его типична для жизни народа, он всегда в народе существовал и будет существовать, отличаясь только тем, что в нем этот тип наиболее гармоничен, в нем народ обрел «свою песню, свой голос, и голос сей не должен «на воздухе теряться по-пустому...»

Григорьев говорил, что искусство — дело земное, но посредством жизни соединяясь с *высшими нравственными началами*, оно есть «наилучшее, наивысшее, наиправейшее, наипровидящее» из всего земного. И даже там, где жизнь расшатывается и рушится, когда ее идеалы подорваны, оно выражается «тоскою о прекрасном и нравственном, отчаянием за... человека... казнию над самим собою, искренними стонами сердца», то есть является нам в своем *хранительном* значении по отношению к жизни.

Когда творчество органически связано с жизнью, нравственностью и народом, когда оно непосредственно вытекает из них, тогда художники не ищут где-то во вне себя высших понятий о добре и зле и об общественном благе, эти понятия «живут в них крепкою растительною жизнью, связанные с корнями почвы, на которой художник вырос». В торжество жизни и в ее законы поэт верит естественно, инстинктивно, не сомневаясь в своей вере. Без этой веры, убеждал критик, «невозможны создания таких образов, каковы образы Дантова «Ада», невозможен смех Сервантеса и Мольера, невозможна нравственная непогрешимость Шекспира». Но там, где жизнь отрывается от засыхающих корней, где она распадается на составные, разорвавшиеся, утратившие кровную взаимосвязь части, там художник мечется от одной *спасительной теории* к другой, вливая в каждую жар убеждений, искренне уверенный в своей правоте, в истинности *последней* из них. Все недуги и заблуждения эпохи он берет на себя и чувствует, как они обливают ядом его душу.

Сам прекрасный поэт, Аполлон Григорьев целеустремленно и неустанно отстаивал в своих статьях живую связь художественности и нравственности, приводя нас к мысли, что *художественное и нравственное* неразделимы, что их разъединенность нарушает стройность и гармонию в произведениях искусства, каковые, в том случае если они подлинны, всегда стремятся «к *охранению идеалов*».

«Художество требует великого спокойствия и полного обладания формами, а не подчинения им, — писал он, — служения прекрасному, а не чувственного раздражения им». Для него было несомненным то, что объектом воспеваания и поклонения для поэта прежде всего должна быть *красота*. Чувство красоты и отношение к красоте — «наичистейшее из всех *земных* отношений» — лучше всего способны показать нам внутренний мир и высоту стремлений поэта. Когда же муза *призывается насильственно* и творчество превращается в напряженно-вымученную работу, тогда мертворожденные плоды такого труда являют собой горькую насмешку над драгоценнейшим даром человека — творчеством. Нет ничего грустнее видеть плоды этой работы.

Удивительно актуально для наших дней звучат слова критика о насильственно призываемой музе, сказанные им полтора века назад: «...насильственно призывается она часто современным искусством, у многих, даже у даровитейших художников обратившимся в **борзопись** и служение прихотям толпы, жаждущей **вечно нового...**» (выделено мной. — **В.Х.**).

IV

Одно из высших качеств художника — *объективность*, которая не что иное, как *свойство таланта* соединяться с описываемым предметом, способность отступать от своей личной природы и жизни и проникать в чужую природу, в чужую жизнь и жить ею. Примеры такой объективности в художнике Григорьев находил в строках Баратынского:

С природой одною он жизнью дышал:

Природой одною он жизнью дышал:

Ручья разумел лепетанье,

И говор древесных листов понимал,

И чувствовал трав прозябанье;

Была ему звездная книга ясна,

И с ним говорила морская волна.

Но гораздо значительнее, ярче и глубже критик увидел раскрытие такой объективности в пушкинском «Пророке»:

Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон;
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Подобная объективность — это отклик сердца поэта, настроенность его слуха, *отзывчивость* на все живое. Эта отзывчивость, бесспорная для Григорьева, во все времена «должна составлять и составляет свойство каждого истинно художественного таланта...», потому что она «есть не иное что, как прозрение в сущность явлений...»

Художественная объективность, по Григорьеву, имеет несколько степеней. Первая и *низшая* степень, которая дается и не художникам, но людям, не лишенным каких-либо творческих задатков, — это умение *копировать*, способность к подделке, то, что называется *натурою*. Способность копировки дает возможность лишь скрупулезно переписывать явления жизни, как бы *передразнивать* их, не находя связи с другими явлениями и не в состоянии дорастать до свободной творческой силы.

Вторая степень объективности, обозначенная Григорьевым и являющаяся *высшей*, определяется способностью создавать типы — общие образы. Типы эти не складываются *аналитически*, сознательно. Критик верил, что «бессознательность придает произведениям творчества их неисследимую глубину». Умение создавать типы, то есть видеть общее в частном, Григорьев советовал всячески развивать, поддерживать в творческой личности, так как тот, кто рожден с такой объективностью, «есть уже художник истинный, поэт, творец». Однако, несмотря на свою жизненность, образы такого рода, по его замечанию, будут иметь характер «одностороннего представления... в котором видно дно».

И, наконец, третью степень объективности Григорьев называл «силою, сознательно обладающею светом и идеалом». Для более точного ее понимания он приводит слова Гоголя из рассказа «Портрет»: «Надобно, чтобы предметы внешнего мира перешли через душу художника и, очистясь там, как в горниле, вышли свободными созданиями».

Тем не менее после всего сказанного Григорьев добавляет, что объективность составляет *болезненное* или совершенно случайное явление при отсутствии личности в художнике. Деятельность таких талантов может быть и *ослепительна*, но она «не носит в себе живительного начала, проходит без следа, эгоистическая, капризная, замкнутая, выражающаяся, пожалуй, и мастерскими, но бессвязными и бессодержательными этюдами...»

Творческая же личность, именно как личность, наделенная талантом наивысшей степени объективности, обладает способностью не простого отождествления своего *внутреннего бытия* с явлениями внешней жизни, а *прозрения* этих явлений, руководимого «сознанием... светлого и широкого идеала».

В конце этой главы необходимо вновь вернуться к главному вопросу, поднятому Аполлоном Григорьевым в своих *основаниях органической критики*, к вопросу «о правде» и «об искренности отношений художника к жизни», чтобы вместе с критиком прийти к единому выводу: «...художество, как выражение правды жизни, не имеет права ни на минуту быть неправдою: в правде — его искренность, в правде — его нравственность, в правде — его объективность».

V

Рожденные от корней жизни, вскормленные ее соками и наполненные ее «могущественными силами», произведения искусства «порождают и вечно будут порождать новые вопросы», обращенные к жизни, будут давать собственные плоды и бросать в ее почву свои семена. Творения искусства, *рожденные*, а не *деланные*, словно деревья, растут ввысь и вглубь и сами дают жизнь новым творениям, «у них есть корни в прошедшем, ветви в будущем... они образуют новые миры: миры эти живут и, как все живое, озаряются мыслью». Так говорил Аполлон Григорьев.

В искусстве, как и в природе, все взаимосвязано. И потому ни одно явление «письменности» не может быть оторвано от другого и рассматриваться в отдельности, вне связи с предшествующими явлениями литературы. И задача критики — докапываться до корней произведений, до их глубинной сути, а не просто излагать их внешнюю сторону;

ее задача — писать о произведениях, а не «по поводу произведений», связывать с ними «общественные, психологические, исторические интересы». Без этой связи попытки критики объяснить то или иное произведение так и остаются попытками.

Григорьев отстаивал убеждение, что критика, будучи *органической*, как все подлинное в искусстве, требует поэтического понимания художественного произведения. Только тогда она оказывается способной к выявлению всех его тонкостей и глубины, только поэтическим слухом критик в состоянии уловить неслышимую мелодию, льющуюся изнутри художественного творения. Но под воззрениями *чисто-художественными*, по признанию Григорьева, всегда лежат вопросы философские, общественные, исторические. «Не только в каждом вопросе искусства, — в каждом вопросе науки лежит на дне его вопрос, плотию и кровию связанный с существенными сторонами жизни... — писал он. — Борьба за мысль головную невозможна... Только за ту головную мысль борются, которой корни в сердце, в его сочувствиях и отвращениях, смутных, но неотразимых и... могущественных предчувствиях! Вот почему вопрос о безразличии и отсутствии народности в знании точно так же не имеет существенного содержания, как требование чисто-художественной точки в критике искусства». Именно поэтому, считал Григорьев, единственно важной по значению является критика историческая.

Григорьев говорил о невозможности бытия критики *отрешенно-художественной*, разлагающей творческую деятельность на составные части, рассуждающей о плане созданий, о соразмерности частей и т.д. Он называл эти рассуждения бесполезными не только для истинных художников, которые «сами рождаются с чувством красоты и меры», но и не способными «массы» приблизить к пониманию и проникновению в содержание творений, «к оживотворению себя их содержанием», в чем видел Григорьев «важнейшее назначение критики».

Григорьев, конечно же, был оптимист. Он не верил в *безобразии форм* будущего искусства. Да и невозможно было в то время предположить зарождения в начале нового века и получения полных прав в русской литературе именно такой «отрешенной» критики, возникшей у нас в виде «формаль-

ной школы» и ее последователей литературоведов-структуралистов.

Еще менее он допускал возможности появления у нас критики *чисто-технической*, так как сущность искусства, по его романтическому представлению, до такой степени была русской критикой раскрыта, что не могла уже подлежать «суду чистой техники». Но и эти благие заверения, как мы теперь видим, оказались утопическими. В наши дни чисто-техническая критика приобрела полные права, она, можно сказать, переживает свое возрождение.

VI

Художник — прежде всего человек. Он никогда не творит в одиночестве. Вместе с ним в творческом процессе участвуют его предки, его страна со всей ее историей, местность, где он родился, вырос, природа той местности, люди, что его окружали, которых он любил и которые составляют его личную жизнь, жизнь его души, подготовленной к творчеству множеством наблюдений. Этот запас накапливается в его душе до необходимой меры, и тогда, как писал Аполлон Григорьев, «некая молния освещает художнику его душевный мир... и начинается творчество. Оно начинается и совершается в состоянии, действительно близком к ясновидению...» Поэтому «художество есть дело общее, жизненное, народное, даже местное. Как же мы отнесемся к нему с равнодушной техникой? — спрашивал Григорьев и с уверенностью отвечал, — этого нельзя!»

Как художник относится к жизни, так и критик должен относиться к художнику, то есть от имени жизни. Художественное произведение нельзя рассматривать вне связи с почвой, на которой оно родилось. Когда критика рассматривает его под этим углом зрения, тогда она «углубляется в самый жизненный вопрос». Рассматривать же технические особенности художника, по мнению Григорьева, — мизерное назначение, потому что «свои технические промахи каждый художник сам непременно знает, ибо великого художества без великого разума я не понимаю, да и критик, поколику он есть существо мыслящее и чувствующее, и поколику пульс его бьется в один такт с пульсом эпохи, знает, что так называемые технические промахи художника (разу-

меется, речь идет о художнике серьезном, а не борзописце и поставщике товаров на литературный рынок) происходят из какого-либо нравственного источника, из совершенно прямого и ясного отношения к вопросу».

Как радостно-горько читать сегодня слова одного из самых жизнеутверждающих критиков, для которого было ясно с беспорной непреложностью, что искусство «всегда остается тем же, чем предназначено быть на земле, т.е. идеальным отражением жизни...», сегодня, когда то и дело встречаешь в печати сентенции такого порядка: «...безмолвная и часто неосознанная посылка входят в образный строй современного поэтического мышления, образуют основу многих метафорических рядов» (М.Эпштейн).^{*} Это «поэтическое мышление» критик И.Шайтанов называет по-своему: «...метафорически-боковое зрение, ловящее отражения и подобия...»

Разве не для таких адептов «отрешенной» критики воскликнул Григорьев в одной из своих статей: «Будет вам низвергать нас из эмпирея в тартар и из тартара подымать в эмпирей, а то ведь в самом деле придется поверить мысли, которую некоторые смельчаки уже и высказывали, что оценка изящного есть дело личного вкуса. Помилуйте! вы скоро будете приглашать нас восторгаться... метафорическою поэзиею!»

VII

В искусстве открывается внутренний смысл жизни. И критика обязана проникать в этот смысл, разьяснять его (а не технические, не формальные ухищрения), выявлять подлинное содержание произведения, сознавая тот идеальный смысл, что лежит в основе человеческого сосуществования.

Идеал... Тут мы подходим к новому вопросу, стоявшему перед Григорьевым с неменьшей остротой, нежели вопрос «о правде и искренности в искусстве». Это вопрос об идеальном. Называя идею явлением также *органическим*, он пояснял: «Все идеальное есть не что иное, как аромат и цвет реального» (разумея при этом, что не все реальное является идеальным).

^{*} «Вопросы литературы». 1986. №5.

Идеал вечен и неизменен. И неправда, что он развивается и изменяется. Если признать развитие идеала, тогда можно будет признать несуществование его. Григорьев писал: «Когда идеал лежит в душе человеческой, тогда он не требует никакой ломки фактов: он ко всем равно приложим и все равно судит. Но когда идеал поставлен произвольно, тогда он гнет факты под свой уровень. Сегодняшнему кумиру приносится в жертву все вчерашнее».

В тайны идеала посвящена поэзия, именно того идеала, основанием которого является «душа человека, всегда единая, всегда одинаково стремящаяся к единому идеалу правды, красоты и любви...»

Развиваются же, по выражению Григорьева, «народные организмы», сложившиеся на протяжении тысячелетий и видоизменяющиеся в своих преданиях и верованиях. Но все эти *организмы* имеют нечто общее, а именно «единство, неизменное, никакому развитию не подлежащее, от начала одинаковое...», и оно «есть правда души человеческой».

Эта *правда*, доступная *интуитивной силе души*, не что иное, как ее идеал, который «пребывал и пребывает от века». Удивительный мыслитель, Аполлон Григорьев пронзительнейшим умом проник в смысл этого идеала и высказал нам одну из важнейших формулировок в своей теории искусства: идеал, заложенный природой в человеческой душе, — это «вечная правда, неизменный критерий различия добра и зла, права и не права. Не он... не вечная правда судится и измеряется веками, эпохами и народами, а века, эпохи и народы судятся и измеряются по мере хранения вечной правды души человеческой и по мере приближения к ней».

В самом начале своего рассмотрения эстетических воззрений Аполлона Григорьева я некоторые самые важные из них условно назвал «формулами». Условность обозначений их «формулами» объясняется тем, что сам Григорьев ничего не формулировал, как, например, формулируют что-либо холодным умом математики. Сухих, затвердевших формул он не любил и, когда таковые появлялись в критике, называл их ложными. Для Григорьева все его эстетические взгляды и убеждения являлись не чем иным, как *верованиями*. Он много раз повторял: «Только живое, только рожденное, только принявшее плоть и кровь, живет и действу-

ет. Только верование, принцип сердца, может наполнить жизнь содержанием». И утверждал: «Принцип, вносимый в жизнь верованием, есть... крепкое и коренное ч у в с т в о, а никогда не формула, ибо формула есть... «звук и дым Вокруг огня небес!» (разрядка моя. — В.Х.).

Принцип этот — «*новое слово* жизни и искусства... всегда рожденное, а не искусственно сделанное, всегда гениальное, т.е. с мировыми силами связанное». Это *новое слово* родственно и прошедшему, и настоящему, и будущему. У гениальных творцов (Григорьев имеет в виду только их, когда говорит о новом слове жизни и искусства) «созерцание не разорванное, а цельное... Мирно, тихо, осторожно, чуждая слепого бунта против форм, идет вперед творческая сила». Она впитывает из прошлого все оставшиеся там соки, осмысливает путь прошлого и создает новые миры. Она действует и творит всегда сознательно и *знает свое дело*. Но тот, кто начинает свою деятельность со слепого разрушения форм и не осознает пагубности **для жизни и для него самого** этого разрушения, похож, по словам критика, на чуждого жизни *метеора*, случайно ворвавшегося к нам из мрака мирового хаоса, и, словно метеор, он «исчезает в воздухе». Живая творческая сила не сжигает прошлого, она отвечает потребностям человеческой души в настоящем и не отвергает возможности зарождения гения в будущем, которое она «чувствует... как птицы заранее чувствуют грозу или вёдро».

1987

СЛЕПОЙ «ПОИСК» И ДУХОВНЫЕ ПРОЗРЕНИЯ

I

В современной критике почему-то чаще всего ведутся разговоры о тех молодых поэтах, которые, как про них пишут, «находятся в постоянном, неослабеваемом поиске». И чем больше они «ищут» (вот только никто не знает — что именно), тем пристальней к ним внимание критиков, тем больше о них идет дискуссий на страницах газет и журналов. Таким поэтам, по всей вероятности, и смысла-то нет никакого что-либо находить в своих «поисках», так как, случайно найдя свое подлинное поэтическое слово, они сразу перестанут быть притчей во языцех, перейдут в ряд «ничем не выделяющихся», «не прогрессирующих» молодых. И они это прекрасно понимают. Не стремясь к нахождению чего-либо достойного внимания, и, в сущности, даже не зная, что же надо искать, они делают вид, будто усиленно заняты поэтическими «поисками», которые затягиваются у них на годы и порой — на всю жизнь.

Нет, я не против творческого дерзания. Оно в литературе конечно же необходимо. Но я не устану повторять мысль, уже высказанную мной в печати: говорить о чем-либо новаторстве в литературе возможно только на основании с о з д а н н ы х, законченных, высокохудожественных и новых для своей эпохи литературных произведений.*

* «Наш современник». 1987. №1. С. 170.

Не намерен я также выступать и против творческого поиска как такового. Весь опыт русской классики заключает в себе мучительный **поиск истины**, а нравственно-эстетические искания наших величайших художников слова до сих пор волнуют и всегда будут волновать умы человечества.

Теперь же понятие новаторства так легко подменяется бесцельным, самодовлеющим экспериментом, не увенчанным какими-либо несомненными достижениями. Произвести впечатление «ищущего» свой стиль молодого поэта не составляет особого труда. Критики молодой поэзии то и дело придают первостепенное значение необычности стиха, изощренной, «небывалой» форме, словно непохожесть на то, что до сего дня в поэзии было, является залогом художественного качества.

Стоит начинающему стихотворцу назвать море «свалкой велосипедных рулей», как в печати о нем тут же объявляется: «Здесь взор поэта, его геометрическое зрение, обладающее способностью видеть мир в нескольких измерениях... Сам поэт идет к жизни на берег моря, похожий на бесконечную свалку, но из мировой свалки он воздвигает свой мир, как детишки делают домики из песка» (К.Кедров).

В том-то и беда, что в своем бесконечном «поиске» молодые экспериментаторы вместо серьезной и плодотворной поэтической работы заняты «деланием домиков из песка». И их «геометрическое» зрение только ради детской игры нерукотворный мир природы превращает в «мировую свалку».

Молодой критик М.Эпштейн дает еще одну оценку этому «поэтическому открытию»: «...даже самое простое и древнее, как мир, море входит в систему условно-знаковых координат: языки волн напоминают о многочисленных словарях, о волнистых рулях велосипедов, заполнивших все мирозданье до горизонта» (ниже пойдет более подробный разговор о данной работе Эпштейна). И словно на заказ такой умозрительной критики пишутся неожиданные, будоражащие воображение строки:

Кали Юга — это центрифуга.
Потому, чтоб с круга не сойти,
Мы стоим, цепляясь друг за друга,
на отшибе Млечного Пути.

И когда неслышный план астральный
с грохотом смешается земным,
в раскаленных джинсах иностранных
как Христос пойдешь ты по пивным.

(А.Еременко)

Или строки того же автора: «Её не касается трепет могучих инстинктов её. Всё вынесет, всё перетерпит суровое тело её, когда одиноко и прямо она на кушетке сидит и словно в помойную яму в цветной телевизор глядит».

В Москве немало молодых поэтов, выпустивших первые (вторые, третьи) книги стихов, о которых не сказано критикой ни слова. Но вот А.Еременко и А.Парщиков своих отдельных сборников не имеют (публикуются в основном в журнале «Юность»), и почему-то именно их усиленно выставляют как ярких представителей нынешней русской молодой поэзии. В последние годы только их имена в соседстве с Иваном Ждановым чаще всего мелькали во всевозможных статьях на затрагиваемую тему. За объяснением далеко не надо ходить. Они, может быть, и есть те самые «яркие представители» ищущих, или, как уже говорилось, играющих в поиск молодых стихотворцев, четко усвоивших настроения отдельных тоже молодых и тоже «ищущих» критиков, которые отличаются тем, что з н а ю т, кого надо находить, и, как правило, находят в таком направлении:

Первый — узловатей затопленного источника
и влажен,
сыпучесть второго такая,
что успел бы заполнить ухо
скачущей птахи.
Снится обоим: камень, курок или рукоятка,
яблочко от яблони,
Каин и Авель.

(«Борцы»)

Или:

О, как чистокровен под утро гранитный карьер,
в тот час, когда я вдоль реки совершаю прогулки,
когда после игрищ ночных вылезают наверх
из трудного омута жаб расписные шкатулки.

(«Элегия», А.Парщиков)

Удивительны даже не сами факты публикаций подобных зашифрованных текстов и даже не положительные отзывы о них в печати — удивительны попытки некоторых критиков обнаружить среди таких вот бесплодных «поисков» открытия и находки.

Естественно, для того чтобы придать значительность всем этим «поэтическим исканиям», необходимо показать какие-то результаты. Поэтому из словесной шелухи и нелепицы то и дело извлекаются мнимые ценности. Некоторым «ищущим» критикам ничего не стоит, закрыв глаза на рифмы «сойти — пути», «её — её», представить стихотворной находкой Христа, вместе с циничным автором шагающего по пивным «в раскаленных джинсах иностранных». Или чем не находка «яблочко от яблони»? Ведь, наверное, бывают яблочки и от груши! Чем не открытие — сравнение цветного телевизора с помойной ямой? Кого, как гром среди ясного неба, не поразит «сыпучесть» борца, «что успел бы заполнить ухо скачущей птахи»?! Разве не претендуют на гениальность некие «расписные шкатулки», что «вылезают наверх из трудного (?) омута жаб»? Можно сказать, неординарность мышления и новизна содержания — во всем своем блеске!

Вот еще пример: «Стою по колено в асфальте (?) и свет
Четырежды лег (?) на сутулые плечи... Едва лишь задремлешь (?), как тут же в ответ (?) Несет репродуктор железные речи (?)» (А.Лаврин).

Попробуй разгадать этот кроссворд! Один недоуменный вопрос накладывается на другой, одна бессмыслица нагромождается на другую, и тем не менее всё это печатается в московском сборнике «День поэзии». Пусть кто-нибудь объяснит, как это свет может накладываться «четырежды»? Каким образом автор хочет задремать, стоя «по колено в асфальте» и слушая «в ответ» (на что?) «железные речи» репродуктора?

Критик С.Чупринин в книге «Крупным планом», определяя творчество одной не менее зашифрованной поэтессы, пытается оправдать подобную стихотворную продукцию: «Трудно — кто спорит? — распечатывать эти соты, как и расшифровывать... зато распечатавшему, расшифровавшему, потрудившемуся достанется *радостная сладость благодарного понимания*» (курсив мой. — В.Х.). А тем, кто не

желает или не умеет распечатывать темные тексты, критик безапелляционно заявляет: «...не собирается она... удерживать читателей — идите к другим, более близким вам, пусть они с вами говорят и мыслят в унисон».

Хочется спросить критика: где учат «распечатывать эти соты»? С каких это пор поэзия стала предназначаться для кучки избранных, посвященных в таинства недоступной другим знаковой системы? И что это за «радостная сладость благодарного понимания», которая скрывается под семью замками, и ключ к пониманию которой вручается исключительно редким избранным? Остальных же — как утверждает посвященный критик — «удерживать» не стоит.

В своей книге С.Чупринин солидаризируется с теми, кто «склонны возлагать бремя ответственности (за то, что мы не имеем нового Пушкина. — В.Х.) на плечи журнально-издательских работников, сторонящихся стихов истинно новаторских, непривычных, экстраординарных...» Хотя он и вспоминает сумароковское: «Витийство лишнее природе злейший враг», но повторяет при этом назидательное поучение критика В.Гусева: «У нас... в поэзии как-то мало молодежи как именно молодежи. Молодежь должна делать глупости». Ни больше ни меньше. Именно «должна».

Я не знаю, что подразумевал В.Гусев под словом «глупость» — он этого не объяснил, хотя смыслы тут могут быть разные, — но уж чего-чего, а недостатка ее в стихах не ощущается. Давайте посмотрим: «Птиц, поднявшихся в испуге, Трепет в воздухе возник. И при этом новом (?) звуке Я узнал, всего на миг, — Эти улицы пустые, Этот дождь, пошедший вдруг... Будто дожил не впервые (?) До своих двадцати двух» (П.Катин). «Здесь могу прислониться к стеклу, никогда не обманет меня эта дверь, запретившая мглу и открывшая корни огня... «Маяковская» — самая нежная, многолюдная и одинокая, самая, самая неизбежная моя» (А.Ткаченко). «Расступается рощица И глядит желудево: Режу, точно закройщица, Непокорное слово» (Т.Бек). «Не снимая рукавицы, Дед курил с причмоком. А на нем сидели птицы, Словно он — душа теплицы С вечным солнцепеком» (Ю.Голицын).

Честное слово, до слез можно рассмеяться от этой «души... с вечным солнцепеком». Да не тут-то было. Критики С.Чупринин и В.Гусев всерьез выражают сожаление по по-

воду того, что в нашей поэзии «молодежь в основном аккуратна, добропорядочна и всеведуща, и если и позволяет себе глупости, то лишь как бы втихомолку...» Ничего себе «втихомолку»! Тираж «Дня поэзии», откуда взяты цитаты, сто тысяч экземпляров!

Но на запрос поспешно отзывается А.Прийма: «Спотыкался, падал, вновь шагал, молодой, нахальный и беспечный!», «Доводил я критиков до слез песнями фрондерскими, потешными», «А когда такое им загнул, что и сам качнулся, как помешанный, то никто руки не протянул. Кроме Ал.Михайлова, конечно». Здесь А.Прийма немного утрирует: «За такое» ему протягивает руку не только Ал.Михайлов, конечно.

Вышеприведенные стихотворные цитаты взяты мною из нескольких сборников московских «Дней поэзии», вышедших в восьмидесятые годы, где отбор стихов для публикации происходит более строго, чем, например, в отдельных книжках молодых авторов. Но многое из того, что мною было замечено — обманчивых поисков, мнимых находок и откровенной бессмыслицы, — могло бы и вовсе не существовать, если бы все это не спровоцировали некоторые критики в погоне за призрачными «удачами» необузданного новаторства. «В начале было Слово», — говорили прапредки человечества. Теперь же Т.Бек его «режет, точно закройщица». А ведь, как известно, «Слово было Бог».

Вот и Е.Сидоров на страницах журнала «Вопросы литературы» утверждает: «Совершенно ясно одно: одаренным молодым поэтам надо дать право на эксперимент». Во-первых, совершенно ясно другое: никто никому такого «права» дать не может, потому что не существует реальной инстанции, «дающей» или «не дающей» поэтам какие бы то ни было творческие «права». Поэт **рождается** с единственным правом — писать талантливо. И потом хочется спросить: что это такое — «эксперимент» в литературе? Чего хотят достичь «экспериментом»? Эксперимент — это нечто рационально планируемое, связанное с заранее намечаемыми условиями и просчитыванием возможных результатов. Поэзия же не производство. Она всегда непредсказуема и вдохновенна.

Чтобы не разжигать ненужных споров относительно плодотворности литературных «исканий», хочу процитировать Николая Васильевича Гоголя, который имел свой,

во многом неоспоримый взгляд на работу молодого литератора: «...если он, покорный общему нынешнему влечению всех, сам еще строится и создается, тогда ему даже опасно выходить на поприще: его влияние может быть скорей вредно, чем полезно. Это строение себя самого непременно обнаруживается во всем, что ни будет выходить из-под пера его. Чем он сам менее похож на других людей, чем он необыкновеннее, чем отличнее от других... тем больше может произвести всеобщих заблуждений и недоразумений».

Когда молодой литератор ничего достойного не создал, то всегда можно сказать, что он еще только ищет... Однако творчество не может и не должно удовлетворяться одними лишь поисками путей создания произведений искусства. Смысл творчества — именно в **создании** этих произведений. Поэт, еще только ищущий и не нашедший своего пути, не создавший подлинного художественного произведения, не может называться поэтом. Никто не знает, **сколько** он будет себя искать, **найдет ли** когда-нибудь и до чего дойдет в своих поисках.

Сущность творчества — **п р о з р е н и е**, а не поиск. Подлинный поэт, берясь за перо, не нащупывает — вслепую, наугад, наобум — истину (или то, что представляется ему ею), а уверенно прозревая ее, стремится передать бумаге (воплотить в слове) нечто, в его ощущении, бесспорное, открывшееся ему с непреложностью. Именно так — наверняка, а не «на пробу» — пишет и чувствует он в состоянии истинного вдохновения.

Однако самодовлеющий формальный «поиск» ворвался в творческую деятельность очень многих представителей современного искусства. Разговоры о «творческих исканиях» стали повседневным явлением на страницах печати, в передачах радио и телевидения: идет ли речь о современной музыке, о живописи, о театре, о литературе — непременно всем желательно видеть нечто необычное, одним словом — ни на что не похожее, и эти «искания» и «эксперименты» выдаются за достояние художественной новизны.

К примеру:

Полистилистика это звездная аэробика
наблюдаемая в заднюю дверцу
в разорванном рюкзаке
это закон

космического непостоянства
и простое пижонство
на букву икс
Полистилистика это когда я хочу петь
а ты хочешь со мной спать.
(Н. Искренко)

Для одних это — «простое пижонство на букву икс», для других же — целенаправленное, вполне сознаваемое разрушение сложившихся поэтических норм. И никто из них не вспоминает, не задумывается над тем, что духовные ценности русской и мировой литературы создавались прежде всего в результате огромной, титанической работы мысли, гениальных прозрений сердца и высочайших взлетов человеческого духа, которые обретали и новые формы художественного воплощения.

II

Защищать истинную поэзию — дело рук самих поэтов. По моему убеждению, «чистые» критики почти никогда не умели отличить поэзию подлинную от подделки. Виссарион Белинский был гениальным и, к сожалению, не повторившимся исключением. Наши лучшие критики поэзии, как правило, — те, которые явно или втайне сами являются поэтами.

«Нетерпеливыми жадными глазами вглядываемся мы, естественно, в лицо нового, подступающего поколения», — утверждает «чистый» критик С. Чупринин, и под взглядом его оказываются достойными внимания лишь такие имена, как А. Прийма, А. Ткаченко, П. Кошель, В. Урусов, Т. Бек, Л. Миллер. Но отчего «нетерпеливые жадные глаза» критика смотрят по преимуществу в одну сторону, ищут лишь в определенном направлении?.. «Жадный» взгляд из года в год замечает только те «явления» и те «дебюты», что прошли по страницам чуть ли не всех московских журналов на протяжении десяти последних лет. Но о ком критики молчат?

«Любимый мой пейзаж...» — так называлась моя статья в «Литературном обозрении» (1984. №10) по поводу вышедшего еще в 1983 году в издательстве «Молодая гвардия» сборника «Молодые поэты Москвы». Название статье дала

стихотворная строчка одного из авторов этого сборника. Имя его — Геннадий Ступин.

Теперь он автор двух собственных поэтических книг: «Тени тихие по полю...» («Современник». 1984 г.) и «Ясная моя судьба» («Сов. писатель». 1987 г.). Но уже тогда, после его первой значительной публикации в сборнике «Молодые поэты Москвы», было видно, что в поэзию пришел человек, чье дарование явно не ordinarily.

Тут я хочу вспомнить Белинского, чтобы не повторять того, что уже было сказано — и как сказано! — в русской литературной критике. Ведь лучше не скажешь. Белинский ответил едва ли не на все волнующие нас вопросы творческого процесса, надо только почаще его перечитывать.

«Представьте себе народ, у которого еще нет ни идеи творчества, ни слова для выражения этой идеи, а есть уже само творчество. Кто открыл ему эту тайну, кто навел его на эту мысль? Одна природа и больше никто. Само просвещение, в этом случае, дело совершенно постороннее, ибо оно только сообщает поэзии другой характер. И это очень естественно: чем бессознательнее творчество, тем оно глубже и истиннее». И далее: «...поэт, который сочиняет, не зная, что такое поэзия, что такое поэт... сочиняет по непреодолимому побуждению, которого не умеет ни понять, ни назвать, не есть ли он поэт по преимуществу?»

Путь в литературу Геннадия Ступина (усложненный, долгий путь) не похож на судьбу большого числа молодых, входящих в поэзию через филологию или близкие науки.

Ступин с запозданием начал публиковать свои стихи, быть может, — с запозданием и осознал свое призвание, пройдя до того серьезную трудовую школу вне литературной или филологической профессии, а родился и вырос он в городе Аткарске Саратовской области.

Некоторые его стихи как будто и прямо выдают, что написаны «самоучкой», но это поставят ему в упрек лишь те, кто забыл, что поэзии нельзя научиться стационарно, что поэзия возникает самым «беззаконным» образом — вне специальной подготовки, сознательной тренировки.

Таково стихотворение Г.Ступина «Аткарску» — одно из целого ряда посвященных родному городу автора. Это очень непосредственное, исповедальное, на первый взгляд — слишком пространно-подробное, стихотворение, написан-

ное почти целиком в тоне обычного устного, прозаического рассказа, но повествующее об авторе и его степной родине с такой пронзительной прямоотой, мужеством, правдой, с такой убедительностью, какие достижимы бывают именно поэтическим сознанием.

И вдруг понимаешь: эта личная исповедь, это частно-биографическое стихотворение есть, в сущности, широко-го звучания и значения картина российской провинции, а не только рассказ об Аткарске — родине Г.Ступина, которой внешне «изменил» он («давно я покинул тебя навсегда») и с которой навечно связан:

Я не первый изменщик такой, не последний —
Испокон беглецы все твои пацаны.
Слишком тихий ты, слишком ты скучный и бедный,
Слишком громко вещает и слишком победно
О великих свершеньях великой страны
Репродуктор на площади, бывшей Базарной...
Слишком резво бежишь ты за модой бездарной,
То обузив без меры,
То слишком расклинив штаны.
Не в угоду каким-нибудь плоским мыслишкам
Говорю о тебе я все «слишком» и «слишком» —
Слишком ты дорогой и родной для меня!..
...Сам меня провожал ты с надеждою, болью, тревогой
За наукой, на службу солдатскую, славы искать.
И снабжал меня сам ты котомкою легкой, убогой,
И пускал бесконечной прямою железной дорогой,
Научив меня видеть и думать, читать и писать...

«Читать и писать...» Тут, в стихах Г.Ступина, — благодарность за главное, что́ дает человеку родной город, город детства и что многим кажется обычным, законно-даровым, само собой разумеющимся, так что вовсе и не заслуживает поминанья...

Г.Ступин вообще умеет писать о главном, выявляя незыблемую ценность простых фактов, простых вещей. Выражая «само собой разумеющиеся» мысли и чувства, искренностью своей, добросовестной вдумчивостью он придает им свежесть, значительность новооткрытия. Иной раз он говорит как бы наивно, «слишком» простодушно, но истинность переживания, неподдельная простота открытой речи, обеспеченной жизненным опытом, серьезной

работой самопознающей души, не позволяют усмотреть в стихах ни банальности, ни самохвальства, ни риторической заданности:

Так спасибо тебе, ты мой город степной захолустный,
Уж за то, что однажды родился в тебе — навсегда.
Что вдали от тебя иногда мне тоскливо и пусто,
И пишу потому я порою отчаянно, грустно,
Но в стихах моих красная кровь — не пустая вода.
И в каких бы ни жил я известных больших городах —
Я аткарским останусь, степным, коренным,
то есть русским,
И не стану другим никаким
Ни за что никогда!

Под исповедальными, автобиографическими стихами Г.Ступина, посвященными родным местам, «подписаться» могли бы, кажется, очень многие люди, изменив разве что название города, области. В них не заметно искусство — дышит сама правда, а такое впечатление и есть знак безусловной художественности, поэзии.

Говоря об органичном патриотическом чувстве, пронизывающем стихи Г.Ступина, важно подчеркнуть, что поэт не смотрит на свою «малую родину» как на самоценный материал для стихов (такая нарочитость, заметим вскользь, к сожалению, свойственна некоторым поэтам): истинно «коренной» человек, провинциал, не стыдящийся своего «захолустья» и перед «известными большими городами», он идет от «малой родины» к «большой» (а не наоборот), и верная, горькая любовь к степному районному городу не сужает его горизонт — самосознания сына великой страны:

Такова уж судьба у российских селений бесчисленных:
Для столицы поэтов и мясо и хлеб поставлять,
Как у всех матерей, молчаливых, согбенных, бесслёзных,
Всех согреть-напоить, а себя забывать...
Но клянусь я тебе — пусть не свидеться нам никогда:
Да горит мне в России и в целом Советском Союзе
Над могилой отца моего
Жестяная звезда.

Город Аткарск, доселе затерянный в приволжской степи — не значившийся, кажется, на литературной карте нашей страны, — в лице Г.Ступина впервые, если не ошиба-

юсь, «поставил» Москве поэта. Причем поэта, задающего-ся немалой задачей: «Песню по русской дороженьке вытянуть...» — формулирует Ступин свою ответственность, свой долг. «Выдохнуть песнь свою, к небушку вынести — Ох, далека она и высока»...

Есть у Г.Ступина стихотворение, поразительное по эмоциональному накалу и достоверности переживания горечи осознанного одиночества. В нем автор скорбит о запустении, обезлюживании родной провинции, где «ветер и песок» метет ему нынче в глаза («Повидался с ветром и песком, А как будто с детством и отцом...»), где «вместо Теплого гнезда — пустое место», — и боль, тревога сдавливают горло. «Нет знакомых в городе родном», — начинает поэт и с суровым реализмом развивает свою весьма актуальную мысль:

Вымерло все в городе родном.
Лишь командировочный строитель,
Временный и беспощадный житель
«Бабой» бьет, играет мастерком...

Чистота намерения высказать «все как есть», горькое, светлое, болезненное, дорогое не смыкается у Геннадия Ступина с лестью ни самому себе, ни родному, теперь уже им покинутому, «захолустью». Слова печали и благодарности, упрека и покаяния, льющиеся из открытого сердца, не могут не взволновать, не возбудить сочувственных дум у читателя, даже и далекого от той жизни и быта, о которых говорит поэт.

Никого нет в городе родном.
Лишь могила свежая отцова,
Да бесстрастно ясный свет бывшего
В грудь толкает за любым углом.

И родных нет в городе родном.
И в пустой квартире коммунальной
Высохло в стакане поминальном,
Зачерствел, как камень, хлеб на нем.

Век бы не был в городе родном!
Падаю, постель не разбирая,
И глядит отец, всё понимая,
В черной рамке с треснувшим стеклом...

Это не означает, однако, что автор — пессимист. Г.Ступин просто стремится на деле исполнить задачу носителя «песни»: «Не задохнуться, и слова не выкинуть, И на подъеме не дать петуха». Только при этом, по его убеждению, возможно станет впоследствии (после смерти) «у дороги, в тиши неразбуженной, С чистою совестью тихо лежать»...

Поэзию Геннадия Ступина породила саратовская степь и дала ей широту взгляда, величавую распевность, порывистость и дерзновенность мысли. Простота и ясность его стихов всегда органически переплетены с глубиной чувства, с народно-философским осмыслением действительности. Пейзаж в них кажется заведомо неброским, унылым, но такова природа самой степи, тоскливо-бесконечной, сливающейся у горизонта с серыми небесами...

Любимый мой пейзаж: бурьян и снег, дорога
И небо серое иль сизое над ней.
А ежели стожок да ивняка немного,
То нет и ничего не может быть милей.
...Поскольку я иду немислимо далеко,
Минуя россыпи заманчивых огней,
Шуршит в бурьяне снег, теряется дорога,
Все ниже небо опускается над ней...

«О степь моя, ты непереходима! — скажет он в другом стихотворении. — Ты столько убаюкала до смерти На необъятной ледяной груди...»

Человек из народа, много лет проработавший грузчиком, ондатроловом, кочегаром, каменотесом, машинистом насосной станции, Ступин, тем не менее, обладает природной культурой языка, врожденной интеллигентностью, что, кстати, не так уж редко в рабочей и крестьянской среде. При всей своей тяге к знаниям, он, конечно, самоучка, самостоятельно докапывающийся до сути вещей, до корней явлений, до жизнеутверждающих истин. Он «учится» у природы «своим умом все понимать», способный к душевным прозрениям и совершающий на этом пути собственные открытия.

Я о себе задумался глубоко,
Что горько-одинокими дни мои...
А в темном поле, далеко-далеко,
Горели одинокие огни.

И так они потерянно мигали
Из темной и бездонной глубины,
Заваленной тяжелыми снегами
Огромной и таинственной страны,
Что, вглядываясь в свет их поневоле,
Превозмогая мчащуюся темь,
Я позабыл про собственные боли,
И про себя я позабыл совсем.
О, как невыразимо проходили
Они из тьмы во тьму, из тьмы во тьму...
И всё они безмолвно говорили,
Что нужно было сердцу моему.
И так их, одиноких, было много,
Что расступалась ночная мгла,
И в ней моя железная дорога
Светла и нескончаема была.
Гудки в ночи кричали как шальные,
Гремел вагон, рассыпаться грозя...
А я глядел в далекие, родные
Моей земли прекрасные глаза.
Они кружились тихо и широко
И пропадали, боже их спаси...
Я о себе задумался глубоко,
А увидел огни — по всей Руси.

Геннадий Ступин — самородок, какими богата русская земля, но которых надо заметить, разглядеть, чтобы увидеть чистоту и неподдельность природного дарования. Самородки, как известно, никогда не лезут на глаза, они хранят свой свет внутри, как те «земли прекрасные глаза», что видит поэт по всей России.

...Опять с досадою закрою книгу,
Чтобы вглядеться в небосвод ночной.
Рассудком бесконечность не постигну —
Зачем же чувствую ее душой?..

Я остановился на творчестве поэта, заслуживающего самого пристального внимания и почему-то упорно пренебрегаемого нашей литературной критикой. Но это не значит, что он — исключение...

1987

КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА

(О «новых веяниях» в критике)

Необходимо договаривать

Новая и до странности необычная волна критики вылилась на страницы некоторых московских журналов в недавнее время. Новые имена она поднимает на щит и усиленно рекламирует весьма странное веяние, проникшее в нашу молодую поэзию. Нежданно-негаданно она поставила нас перед свершившимся фактом, назвав это веяние, которое мы легкомысленно не принимали всерьез, «новым поэтическим ощущением мира... окончательно сложившимся», а его молодых представителей обозначила как «поэтов, давно сформировавшихся и вполне зрелых». «Мы — поколение Нового Арбата...» — определили они себя, и представляющая их «кредо» критика под тем же звучным заголовком уже дала на страницах журнала «Новый мир» (1986. №4) развернутую картину их стихотворческой деятельности (где же еще пропагандировать «новые» веяния, «новое ощущение мира», как не в «Новом мире»?).

Бремя лидерства в утверждении на поэтической ниве так называемой поэтической «программы», порожденной эпохой НТР, уверенно захватил молодой критик — автор упомянутой статьи — Андрей Мальгин.

Чтобы оправдать свой необыкновенный запал по защите «нового мироощущения» и не выглядеть неоправданно назойливым, А.Мальгин начинает свои критические откровения с постановки вопроса ребром, ничуть не сомне-

ваясь, что нападение — лучшая форма защиты: «...где молодые, которых заметили бы все? Именно все, а не только узкий круг друзей и покровителей?.. Где они?» А.Мальгин пользуется такими словами не случайно: пусть никто не думает, что сам он может быть «покровителем» какого-то «узкого круга» молодых стихотворцев.

Легко догадаться, что в вопросе «Где они?» для Мальгина сам собой заложен и ответ: их нет! А раз так, то можно развивать свою мысль дальше: «...что, если нового Пушкина и не должно уже быть? Может, времена гармоничных, цельных поэтов, властителей дум, безвозвратно прошли?» Ну а коли их времена «безвозвратно» прошли, то и ждать-то «гармоничных, цельных, поэтов», тем более «властителей дум» — нет никакого смысла. И «в таком случае если не на Пушкина, то хотя бы просто на незаурядного, яркого поэта можем мы в молодом нынешнем поколении рассчитывать?» Планка снижена. Пушкина не дождемся. Поэтому давайте «найдем» что-нибудь попроще, а вернее — поновой, понеобычной...

Вот тут-то мы и подходим к главному, тут-то вдруг и рассеивается завеса, за которой нам навязывались все эти далеко не случайные умозаключения. «А может, мы не там ищем?» — глубокомысленно спрашивает Мальгин. После чего он открывает нам, *где* надо «искать».

Здесь я хочу, уже не прибегая к иронии, начать разговор на заданную молодым критиком тему, поскольку он сам всерьез обсуждает вопрос о местонахождении истинного поэта. И сказать прежде всего надо следующее.

Поэтов не «ищут», как грибы в лесу. Поэты сами приходят и «завоевывают земли», сами открывают себя и заставляют любить их, мыслить и чувствовать с ними в унисон. Не деревенский уклад и не городские реалии делают человека поэтом.

Однако А.Мальгин, провозглашая необходимость «поиска» поэтического дарования, с сожалением констатирует, что до сих пор взоры читателей и критиков «*почему-то* были обращены главным образом в сторону русской деревни...» (курсив мой. — В.Х.). Автор статьи укоряет даже Михаила Дудина за то, что он в предисловии к антологии «Молодые голоса» сказал: «Они по всей России есть — березовые молодые рощи». Свое отношение к молодым бере-

зовым рощам А.Мальгин выражает так: «...да, есть у нас березовые рощи. Но есть также и покрытые асфальтом города...», забывая или не зная о том, что березовые рощи бывают и в городах...

М.Дудин в своем предисловии и не думал отрицать появления чисто городской поэтической поросли (никто так однобоко на молодую поэзию никогда не смотрел), но, с другой стороны, зачем надо Мальгину, ратуя за «поиск» современного властителя дум с «асфальтовым» уклоном, рассеивать наш интерес к талантам, родившимся в деревне? Ведь в том же предисловии к «Молодым голосам» Михаил Дудин говорит: «...человеческой душе, умеющей любить свою отчизну, — вся наша Земля — мать родная». И если вспомнить наших поэтов двадцатого столетия, то нельзя не увидеть, что большинство из них вышло именно из сельской стороны, хотя, конечно же, было и немало замечательных мастеров поэтического слова, родившихся, выросших и сформировавшихся в городах. Неизвестно, зачем надо поднимать спор на эту тему? Кажется, А.Мальгин видит или сознательно показывает только одну сторону истины. О другой же умышленно умалчивает. А заключается она в том, что настоящий талант способен возникнуть в любой среде, и мы одинаково обратим на него внимание, лишь бы талант этот был неподдельным.

А.Мальгин выражает сожаление по поводу будто бы недостаточной любви в стихах молодых поэтов к «большим» городам, недоумевая, почему «многие из них **еще до сих пор** считают своей «малой родиной» кто Белоруссию, кто саратовские степи, кто краснодарскую хату...» (выделено мной. — **В.Х.**). «Непонятно только, — удивляется критик, — отчего же город, большой город, не может быть этим самым «любимым уголком земли»?»

А ведь понять это так легко: да оттого, что в тех милых сердцу уголках земли поэты провели детство и юность — самые светлые и самые памятные годы своей жизни! (Кстати, любовь к «малой родине», непонятная Мальгину, подтверждает, что, все-таки, и теперь еще большинство молодых поэтов — деревенского происхождения). Что же еще до конца жизни должен считать человек своей малой родиной, кроме того места, того «уголка земли», где он родился?

Первым, самым естественным толчком к пробуждению в душе поэтического ощущения мира, по моему убеждению, является, чаще всего, живая природа: речка, озеро, лес, поле в лучах заката, чистое, незадымленное небо, ясные мерцающие звезды — всё то, чего в городе мы лишены и к чему всякий раз стремится наша душа из нервной суеты и бесконечного грохота городской жизни. Но при всем при этом я не хочу умолять того факта, что поэтом человека могут сделать и завод, и стройка, и армия, и многое, многое другое, и это ни в коем разе не означает, что поэты, вышедшие из села, не в состоянии полюбить город, в котором ныне живут, что им не дано сказать подобно тому, как сказал некогда один деревенский поэт: «Я люблю этот город вязевый...», а другой, рожденный в деревне под Вологдой, воскликнул от очарования видом «большого города»:

Но как — взгляните — чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный —
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь — о, русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

(Н. Рубцов)

Уверен, любовь к родной деревне есть залог пробуждения любви и к городу, где человек поселился, и к Родине вообще.

«Мы — поколение Нового Арбата...» (В. Вишневский) — вот, по мнению А. Мальгина, условный знак, признак того «нового» веяния, которое необходимо всячески поддерживать в формирующемся поэтическом поколении.

«Нас (это кого? — **В.Х.**) так долго уверяли, что вовсе не на Арбате, тем более не на Новом Арбате, не на асфальте, не среди крупноблочных конструкций следует и с к а т ь «смысл путей и судеб» (разрядка моя. — **В.Х.**), — бросает он кому-то обвинение в неискренности, не называя тех, кто «уверял», и сам при этом хочет нас уверить, что здесь, на Новом Арбате, также возможно отыскать «смысл» действительности и увидеть судьбу страны и народа. Что ж, не

буду этого отрицать. Скажу только, что когда русские интеллигенты-народники, озабоченные судьбой своей страны, стремились сблизиться с народом, то они искали его не в кривых московских переулках и не на каменной мостовой Невского проспекта, они «шли в народ» по разъезжим дорогам бескрайней России, и понятие народа в их сознании было неразрывно связано с понятием кормилицы-земли, на которой народ жил, которую обрабатывал и в которую врос всеми своими корнями.

Тем не менее всё, связанное в стихотворных излияниях с Арбатом, с этим символическим местом «большого города», бесконечно радует сердце новоявленного поклонника «городской музыки»: «...и я гулял на тех кривых Арбатах» (А.Чернов), «Мы, дети Филей и Арбата» (М.Поздняяев), — с удовольствием цитирует А.Мальгин. Интригует его и некий безымянный «переулок, где каждый шаг бывает гулок и каждый шаг неповторим... (О.Хлебников), потому что переулок этот для Мальгина составляет «пространство, что в себя вместило людские судьбы — судьбы мира (!)...» — «Ни больше, ни меньше...» — констатирует Мальгин. Природа нерукотворная, отраженная в стихах, как мы видим, не вызывает у него интереса, но все искусственное, неживое — порождает в нем удовольствие и похвалу: «Наверно, сросся я уже с природой рукотворной...» — радостно цитирует он О.Хлебникова или «технократического» А.Еременко, в которого, по словам Мальгина, «надо вчитаться», надо «посмотреть на мир глазами этого поэта»: «В густых металлургических лесах, где шел процесс создания хлорофилла...»

«Что в поэзии главное?» — повторяет читательский вопрос А.Мальгин. И, прямо не отвечая на него, пускается в иронические рассуждения: «Дело стало сводиться к «страдалице земле», слишком буквально понимаемой «почве». Во-первых, вряд ли можно согласиться с тем, что главное в нашей поэзии сводится к «страдалице земле», одним из подтверждений тому служат стихотворные «изыскания» «поэтов, давно сформировавшихся и вполне зрелых», популяризуемых Мальгиным. А во-вторых, если бы даже дело и сводилось, в основе своей, к буквально понимаемой «почве», то можно ли об этом сожалеть сейчас, когда нет у человечества проблемы, более острой?»

«Эксперимент и мораль, художественная форма и нравственность стали в рассуждениях некоторых критиков антонимами. Но еще удивительнее, что эти странные противопоставления никто не оспаривал», — пишет он и задается целью эти «противопоставления» оспорить, то есть попытаться, если следовать логике его мышления, эксперимент и мораль, художественную форму и нравственность сделать... синонимами. Задача, как кому-то может показаться, бессмысленная. Но для Мальгина, несомненно, имеющая смысл...

В состоянии ли мораль художника ужиться с «экспериментом», с так называемым «поиском» «новой», небывалой художественной формы литературного произведения? По Мальгину — вполне. Все дело в том, **какая мораль, какая нравственность** обеспечит возможность этих «экспериментов» и отказа от вековых, «корневых» традиций отечественной культуры. Складывается такое впечатление, будто он удручен тем, что молодые стихотворцы все еще никак не отбросят, как старый хлам, «опробованный стих», «правильные вирши», «стертую от частого употребления образность» якобы только затем, чтобы некий «издатель», этот «придирчивый ревнитель патриархальной нравственности» не заподозрил их «в оторванности от корней народной жизни» и «в забвении доставшейся от предков многовековой морали...»

Похоже, многовековая мораль А.Мальгину набила оскомину, с «экспериментом» она, естественно, никак не увяжется и потому не трудно предположить, что здесь желательна мораль другая... Какая же? Об этом можно догадаться по стихам М.Позднеева, которые А.Мальгин называет «наиболее удачными» и «наиболее глубокими»:

Я не грущу по упадку ремесел,
кройке, шитью и смолению весел.
Дело найдем мы и за морями...
Что там сегодня по первой программе?

Кого подразумевает М.Позднеев в слове «мы»? Что за «дела» обещает он «нам» и за какими «морями»? Разве не достаточно дел имеется на нашей «страдалице земле»? И заслуживает ли доброго слова поэт, не грустящий «по упадку ремесел»? Каждый подлинный поэт, чем более живет, тем

крепче срастается с почвой своей земли, тем острее отзывается его душа на горечи и беды своего народа. А вот Поздняяев имеет на этот счет иное мнение. Вот вам и мораль...

Даже там, где А.Мальгин не может полностью отвергать значение высокой нравственности как главного свойства таланта, он обязательно делает оговорку: «Однако...» Ну никак не хочет молодой критик безоговорочно поставить точку после бесспорного узаконения нравственности как «органичной и неотъемлемой черты» всякого таланта: «Однако если художник — пусть даже из лучших побуждений (а из каких же еще? — В.Х.) — ставит перед собой с п е ц и а л ь н у ю нравственную задачу... это еще не означает, что его произведение будет высокоморальным по своей сути, глубоко нравственным» (разрядка моя. — В.Х.). Правильно, не означает. Но ставить перед собой такую задачу художник все равно о б я з а н (и это необходимо договаривать). Сумеет ли он решить ее — покажет время, но стремиться к этой цели обязан каждый художник.

«Нельзя стать более (или менее) нравственным, чем ты есть», — прокламирует А.Мальгин. М о ж н о, — требуется ему возразить. Человек — существо совершенствующееся. На то ему и жизнь дается, чтобы развиваться духовно, этически, нравственно. Тому множество примеров, и литература, искусство играют в этом процессе не последнюю роль. Бывают случаи и обратного перевоплощения, когда человек опускается, опошляется, теряет нравственное лицо... Жаль, что такие бесспорные вещи приходится разъяснять литератору, каковым А.Мальгин себя считает.

«Стишки о босоногом деревенском детстве... еще не являются доказательством их причастности к кладезю многовековой народной морали, к истокам подлинной народной жизни». Казалось бы, не с чем спорить. Но все же чувствуешь, что говорит Мальгин не все, что-то скрывает за недоговоренностью, высказывает только половину доказательства своей «правды». Именно ту половину, которая ему нравится. По статьям Мальгина, непричастными к «кладезю многовековой народной морали» являются, в основном, стихи «о босоногом деревенском детстве» (откуда у него презрение к босоному детству?), о погибающей деревне, о ностальгической любви к покинутой «малой родине» того или иного поэта. Недосказанным же остается то, что и

стихотворные конструкции о «металлургических лесах», о расплавленном асфальте, о «ночном механизме», о всех этих «хлорофиллах», «дрозофилах», одним словом, о «природе рукотворной», которые Мальгин восхваляет, также «еще не являются доказательством их причастности к кладезь многовековой народной морали, к истокам подлинной народной жизни».

Презрительно упоминаемые *стишки* о «босоногом деревенском детстве» в отличие от экспериментаторских ухищрений А.Еременко свидетельствуют Мальгину «о заземности опыта, о вторичности мироощущения». «Не буду приводить примеры — десятки поэтических книжек, выпускаемых каждый год издательством «Современник»... дают обильный материал для подтверждения этой мысли», — утверждает он.

Я не знаю, как это вообще доступно на страницах печати говорить об «обильном материале» в подтверждение своей «мысли», отказываясь приводить примеры? Что тут можно сказать об этике самого критика? По меткому замечанию В.Куприянова, «голословность критики еще плачевней, чем литературные недоговоренности».

На каком же все-таки основании А.Мальгин делает заключение, будто бы «интерес к молодой поэзии резко упал и нынче, пожалуй, находится на самой низкой отметке за всю историю русской советской поэзии (!)» (разрядка моя. — В.Х.). Оказывается, нынче прилавки книжных магазинов, в частности, Дома книги на все том же Арбате, где Мальгин любит прогуливаться, заставлены неразошедшейся поэтической продукцией.

Разговоры о книжных завалах в Москве, о нераскупаемости многих стихотворных сборников ведутся давно и не только Мальгиным. Проблема эта действительно стоит остро, однако нельзя здесь так прямолинейно и целенаправленно обвинять во всем авторов книг. Ответственность за сложившееся положение прежде всего должны нести нерасторопные руководители торговых организаций, до сих пор не научившиеся пропорционально распределять издающуюся литературу по торговым точкам нашей огромной страны. Только по их вине книжная продукция скапливается в Центре. Пусть «прогуляется» Мальгин по книжным магазинам самого ближнего Подмосковья и тогда он обна-

ружит, что их отделы художественной литературы практически пусты. Ведь абсурдно же предполагать, будто поэтический сборник тиражом десять тысяч экземпляров не разоидется в самой читающей в мире стране с населением за 280 млн. человек! При книжном-то дефиците! Проблема эта придумана отдельными безответственными «деятелями» из Книготорга и теми, кому очень выгодно вести разговоры об упадке интереса к нынешней русской поэзии.

Наличие книги в магазине — не показатель ее низкого художественного качества. Лежать там может и прекрасная книга. Поэзия — не колбаса, которая от лежания портится и которую необходимо распродать за один день. Читательские вкусы еще далеки от совершенства и их следует развивать. Каждая книга ждет своего читателя. За стихами Э.Асадова в магазинах — давка, а Павел Васильев и Николай Тряпкин расходятся в течение года... Книга — так же и не газета (между прочим, газеты и те не всегда раскупаются), и то, что она лежит на прилавке магазина, не является само по себе фактом отрицательным. Следуя логике Мальгина, можно было бы подумать, что идеальным состоянием дел в литературе следует считать пустые полки книжных магазинов. Неужели было бы лучше, если бы там книги вообще отсутствовали? Судить о качестве какого-либо произведения, той или иной книги нужно не по внешним факторам: продано — не продано, а по их истинным достоинствам или недостаткам, которые как раз и призвана добросовестно определять умная и проницательная критика.

Такая деталь: Мальгин опять не договаривает, что отделы прозы или, скажем, литературоведения в том же Доме книги на Арбате тоже переполнены (еще одно обвинение Книготоргу), хотя ведь не станет же он на этом основании утверждать, что интерес к прозе или литературоведению «резко упал» и «находится на самой низкой отметке за всю историю русской советской...» литературы!

Теперь давайте посмотрим, что же, в конце концов, выделяет молодой критик из так называемого однообразного потока серости и пустоты, как он считает, захлестнувшего современную молодую поэзию? На что, по его мнению, следует в первую очередь обратить наше внимание?

Поколение, прогуливающееся по Новым и Старым Арбатам, составило, по Мальгину, «оригинальное и, возмож-

но, очень перспективное поэтическое направление». Может быть, эти новые поэты полюбили «большой город» за его красоту, за архитектурные памятники, современные постройки, театры или за напряженный ритм жизни? Увы, «в их стихах о городе почти что нет архитектурных красот, взгляд мимо них скользит не задерживаясь. Зато люди вызывают пристальный интерес...», — уверяет нас Мальгин. Постойте, разве только в городе живут люди?.. Но не будем торопиться с выводами, все дело, оказывается, в том, как и е люди... Проследим дальше за этими откровениями, в них немало забавного: «...молодые поэты не пропускают, кажется, ни одного прохожего, готовы немедленно отозваться... на каждое движение, полудвижение в их сторону. Простым любопытством этот интерес не назовешь». Если не любопытством, то чем же?

«...Остановись со мной, мой самый первый встречный, поговорим...» (Г.Калашников), «Его забот — всего-то ничего, его забот — всего-то три-четыре. Но как они измучили его» (О.Хлебников), — цитирует А.Мальгин и сам же объясняет: «В людском круговороте, многолюдье в ы и с к и в а ю т с я связи, выделяется общее, сближающее, р о д н я щ е е. Особенно ценятся дружеские и родственные (?) отношения» (разрядка моя. — **В.Х.**). «Мой круг знакомств. Мой круг знакомых. Я внутри его. Мой круг. Я им захвачен. И выйти из него — как из себя» (В. Коркия).

Так вот в чем дело. Только в городе возможно отыскать «своих», объединиться в «свой круг», врати всею плотью и кровью в него, чтобы уже никогда, «как из себя», из него не выйти... Вот на самом деле зачем нужен им город. В одиночку каждый из них ничего не представляет, ни на что не способен, он не продержится один на один со «свободной стихией»; им страшно и одиноко наедине с живой природой, с людьми, занятыми нелегким трудом на кормилице, «страдалице земле», и они прячутся в «переулки», за высокие стены «города», чтобы в «своем» тесном и теплом «кругу» чувствовать себя уютно и безопасно... А если и мучат их «три-четыре» (может, и меньше) заботы, то, без сомнения, «заботы» эти не касаются «упадка ремесел» и самого «большого города», потому что «дело» они себе ожидают «за морями», а пока им интересно — «что там сегодня по первой программе?»

Ведь и сам А.Мальгин не скрывает: «...принадлежат они **отнюдь не к самой многочисленной** части нашей молодежи и **недостаточно хорошо** знакомы с обстоятельствами и условиями жизни своих сверстников (!), работающих на заводах и шахтах (это «городские-то»! — **В.Х.**)... Из стихов их **не поймешь, чем** кроме сочинительства они занимаются, **где и кем** работают (!), **как** относятся к своему труду (!). **Стесняются** они этой **прозы** жизни или основным занятием считают творчество, а все **остальное** интересует их **постольку, поскольку** имеет то или иное касательство к этому основному делу?» (выделено мной. — **В.Х.**).

Занятная получается картина: «городские» молодые люди, увлеченные стихотворчеством, неизвестно где и кем работают, кЗк относятся к своему труду, из стихов их «не поймешь», чем они вообще занимаются, более того, они даже «недостаточно хорошо знакомы... с условиями жизни их сверстников»! Да что же это за люди? Откуда они взялись?! «Основное» их «дело» есть «творчество», а «все остальное интересует их постольку, поскольку...», то есть, можно сказать, вообще не интересует. Кое-кому из этой «не самой многочисленной части нашей молодежи» (однако названной «поколением») и прошлое перестало быть интересным, кое-кто уже не желает напоминаний о далекой войне и о недавнем собственном детстве:

Не напоминайте мне о том
времени отпетом,
отошедшем, прожитом,
погребенном,
паутиной, паутиной, крапивою крапленном,
на Немецком кладбище пластом
спящем.

Не напоминайте о шипящем
шаре первомайском, полусдутом, золотом...
(*М.Поздняев*)

Не такие ли беспомощные «шедевры», разящие затхлостью крайнего пессимизма, процитированные в «Новом мире», составляют на сей день, по Мальгину, «оригинальное и, возможно, очень перспективное поэтическое направление»? И не странно ли после уродливых строк: «а че-

рез воздух бесконечный был виден сломанный лесок... как хромосомы в микроскоп» (А.Паршиков) — услышать признание: «Тут мы имеем дело уже с новым поэтическим ощущением мира, именно в этом поколении окончательно сложившемся...»? Или, прочитав: «Ночной механизмик свистит за комодом — и в белой (?) душе расцветает диод», узнать, что «такая метафоричность без сопротивления (!) воспринимается вчитавшимся в его стихи читателем». Я не знаю, как насчет вчитавшегося читателя, но мне в конце концов хочется спросить: а не дурачит ли нас всех молодой критик? Может быть, он обладает необыкновенным чувством юмора, а мы по своей наивности принимаем его слова за чистую монету? И нам надо бы от души посмеяться над своей недогадливостью? Ведь заявляет же один из его подопечных: «Там, где они все еще плачут, мы давно смеемся сквозь их слезы» (В.Коркия)!

Однако проблеснувшей надежде не суждено оправдаться. Утверждение «поэтического направления» — дело не шуточное. Еще никому, на наше счастье, не удалось превратить литературную критику в *кривое зеркало*, хотя таких попыток, особенно в настоящее время, было немало.

Нет поэтов ни «городских», ни «сельских» (как нет ни городской, ни деревенской прозы, но есть единая, цельная русская литература), и настойчивое отстаивание Мальгиным термина «городской» поэт противоречит самой сути понимания истинной поэзии, не принимающей различий по происхождению поэтов, по месту их проживания, по образованию и по другим признакам. И никто их по этим признакам никогда не делил. Звание поэта не нуждается ни в каких определениях. Никто, естественно, не внушал Мальгину предпочтительности внимания к молодым литераторам, вышедшим из деревни, в ущерб их городским братьям по перу. Эту «проблему» он выдумал сам, дабы на законных основаниях утвердить лидерство в современной молодой поэзии за шумно им рекламируемыми стихотворцами «своего круга».

В заключение хочется вспомнить вопрос А.Мальгина: «...может, мы не там ищем?» Давно замечено: когда «ищут» — то ищут, как правило, не там. Поэзию надо видеть, а не «искать», тогда сами собой отпадут подобные вопросы.

1986 («Молодая гвардия». 1987. №1)

На грани развоплощения

Если искусство — идеальное отражение жизни, то критика, естественно, обязана быть не менее идеальным отражением искусства.

Книга статей поэта и критика конца XIX века Иннокентия Анненского так и называется: «Книга отражений».

Но если мыслители прошлого века не ставили и не могли перед собой ставить другой задачи, кроме как и д е а л ь н о г о отражения в своих критических работах русской и мировой литературы, то в нынешнем веке мы становимся свидетелями деятельности «литераторов», пользующихся как бы *кривыми зеркалами* для показа современной литературы в искаженном отражении.

Все мы были свидетелями, как эта самая критика грубо набрасывалась на произведения Астафьева и Белова и — одновременно — превозносила до небес книги Рыбакова и Гранина.

Не менее красноречиво это проявляется в работах критиков, заявивших о себе и о *своем взгляде* на культуру совсем недавно. И, в частности, о *своем взгляде* на «новую» поэзию.

В предыдущих статьях мною немало говорилось о тенденции в молодой поэзии к так называемому «поиску». Но «ищут» не только стихотворцы. Этим занята и часть современной литературной критики, которая неустанно разыскивает поэтов-экспериментаторов, находящихся в «поиске» новых стихотворных форм. И, естественно, их находит. Причем, надо заметить, что ей важнее всего отыскать не каких-либо отдельных, независимых друг от друга «новаторов», ей стало необходимо объединить их в «новое» поэтическое поколение, чтобы иметь дело с широким, если не общим, явлением в нашей поэзии.

Молодой критик М.Эпштейн так и начинает свою статью с красноречивым названием «Поколение, нашедшее себя» («Вопросы литературы». 1986. №5): «Долгое время, чуть ли не с конца 60-х годов, критика и с к а л а (!) в нашей поэзии новое поколение, ждала, призывала его — а оно все не появлялось. Выступали о т д е л ь н ы е более или менее заметные дарования: Ю.Кузнецов, О.Чухонцев, И.Шкляревский, В.Леонович и другие, — но никак не складывалось

состояние общности, точнее, в заимности (?), когда смысл, рождаемый одним, находит отклик и дополнение у другого и в поэтическом воздухе возникает та особая гулкость, пространная отзывчивость, по которой узнается присутствие целого поколения» (здесь и далее выделено мной. — В.Х.).

Критик задается целью найти в новом поэтическом поколении прежде всего «объединительную идею» (а не просто «отдельные более или менее заметные дарования»), утверждая при этом, что оно «заслужило» право «на исследовательский подход, предмет которого — смена эстетических установок... у молодых явленная как сдвиг, слом в медленной эволюции стилей».

Призыв молодой критики 80-х годов был устремлен не в пустоту. Он был ожидаем, к нему, по всей вероятности, готовились, так как на возглас «Где они?» (А.Мальгин) эта же самая критика без промедления начала на них указывать. И вот за каких-нибудь два года мы неожиданно стали свидетелями возникновения какого-то странного явления в молодой поэзии, получившего разные названия, но впитавшего в себя действительно единую «объединительную идею». Я не знаю, чем оно «заслужило» право «на исследовательский подход», но раз о нем кто-то настойчиво говорит, это значит, что перед говорящим такое право и в самом деле было заслужено.

Не случайно же сразу несколько критиков, перепевая друг друга, заговорили как бы в один голос: «Может быть, поколение, нетерпеливо ожидавшееся на протяжении 70-х, наконец-то нашло себя? И, в свою очередь, ищет критики, которая захотела бы принять и осмыслить его как целое?» — пишет М.Эпштейн в статье «Поколение, нашедшее себя». Ему вторит А.Мальгин в упоминаемой выше статье «Мы — поколение Нового Арбата» (считаю необходимым еще раз его процитировать): «Тут мы имеем дело уже с новым поэтическим ощущением мира, именно в этом поколении и окончательно сложившимся...», которое составило «оригинальное и, возможно, очень перспективное поэтическое направление».

Итак, мы поставлены перед фактом: рядом с нами — *поэтическое поколение*, по уверению критики, «окончательно сложившееся» и заслужившее право «на исследовательский

подход». И все бы ничего, можно было бы как-то с этим согласиться, да вкрадывается само собой в душу сомнение: а правомерно ли какое-либо поэтическое явление, даже и выразившееся не в отдельном даровании, а в целом круге имен, связанных общностью «ощущения мира» и «объединительной идеей», называть поколением? Ведь поколение — это не те, кого мы хотим или не хотим к нему причислять. Поколение — это не общность, не объединение, не круг, образованные по нашим желаниям и усмотрениям. Поколение — это часть человечества, в которой люди более или менее близки по возрасту. А как же быть с теми молодыми, которые холодны к этой «объединительной идее» и развиваются самостоятельно, независимо от сплоченного «круга»? Они что же — не поколение? Или наши критики объединяют молодых лишь на условиях *общности и взаимности*, по которым *узнается* присутствие *своих*? Почему же мы так легко приняли их формулировку «поэтического поколения»? Почему она никого не покорила, и журналы предоставляют свои страницы прокламированию некой «группки» и выделению из разнообразной поэтической поросли нашей страны узкого *круга* стихотворцев, именующих себя целым поэтическим поколением современности?

Давайте приглядимся, чем же так выделяется этот «круг» среди молодой поэзии нынешних дней. Прежде всего тем пресловутым «поиском», о котором было сказано мною в начале этой книги.

Даже и в наше время еще для многих бесспорно, что всё гениальное — просто и понятно. Конечно, поэзию надо учиться понимать. Но это не означает, что ее нужно уметь расшифровывать. Поэзия — не ребус. И разьяснять стихи для того, чтобы все увидели, о чем в них идет речь, — дело для критики неблагодарное и совершенно ненужное. В стихах должна оставаться тайна, волнующая сердце и разум. Пытаться же объяснить поэтическое произведение прозой — значит его загубить. Волшебство поэзии до тех пор поражает своей «необъяснимостью», пока с него не будет сорван покров таинственности.

А что делают молодые критики так называемого *нового поэтического поколения*? К примеру, М.Эпштейн, говоря о «нарочитой усложненности» сочинений этих стихотворцев, приводит строки одного из них:

...лошадь, как во льду испеченная,
стройней человека,
апостол движения...

После чего он начинает эти строки расшифровывать или, по выражению С.Чуприна, «распечатывать»: «Разве не превращается лошадь на глазах наших современников в реликтовое животное, в некое «ископаемое», запекшееся во льдах «доисторической» эры, подобно мамонту? И даже не запекшееся, а «испеченное» — сознательно и неизбежно приносимое человечеством в жертву техническому прогрессу и теперь в своей прозрачной, почти уже потусторонней «стройности» воспринимаемое как «апостол движения». Конечно, поэт мог бы объяснить все это намного пространнее и «доходчивее», но в какой мере он при этом остался бы поэтом?»

Выходит, чем доходчивее стихи, тем, по логике мышления критика, поэт в меньшей мере остается поэтом? Согласимся ли мы с его комментарием? С тем, что лошадь «на наших глазах» превратилась в «реликтовое ископаемое» и что она сознательно принесена «в жертву» техническому прогрессу? Или с тем, что прошлый век — это уже «доисторическая эра»? Таким способом нетрудно оправдать любую стихотворную нелепость. К чему нам все эти разъяснения? Не станем же мы, сталкиваясь с подобными «запечатанными» текстами, всякий раз прибегать к помощи толмачей — к всепосвященной критике?

Поэзия должна проникать в душу без посредников. Аполлон Григорьев такой критический метод называл «чисто-техническим», решительно отвергая его, так как сущность искусства, по его убеждению, до такой степени была русской критикой раскрыта, что не могла уже подлежать «суду чистой техники». Тем не менее, как видим, «чисто-техническая» критика пытается возродиться...

Изменился ли строй человеческих чувств со времен Пушкина? Или — возьмем еще дальше — со времен Ломоносова? И вообще, меняется ли эмоционально человек как таковой с истечением нескольких столетий? Сомневаюсь. Считаю, что ни умственно, ни чувственно, ни душевно человек не изменяется. Он все такой же. А претерпевает ли

изменение строй чувств у поэтов? Усложняется ли? Или, может, наоборот — упрощается? Уверен — ни то, ни другое. Вернее — все зависит от конкретной личности.

Говорить же о *строе чувств* всей русской поэзии как о некоем едином понятии и тем более рассуждать о *его* непрестанном изменении — безосновательно. Даже если и принять такую абстрактную категорию, как «строй чувств» русской поэзии, то и тогда вряд ли можно согласиться с тем, что *он* все время менялся.

Теперь обратимся к тексту М.Эпштейна: «Что касается поэзии, то строй чувств непрерывно менялся в ней, усложняясь вместе с образным строем... Если мы примем за абсолютную норму чувства высокий одический восторг Ломоносова, то уже Державин покажется нам довольно-таки бесчувственным поэтом, не говоря уж о сдержанном и почти «бесстрастном» Пушкине в его зрелые годы». Вот тут-то логика Эпштейну и изменяет: если уж говорить о *строе чувств* русской поэзии позднего пушкинского периода, то нельзя ограничиваться лишь взглядом на «бесстрастного», как считает критик, гения нашей литературы. Необходимо вспомнить и страстную поэзию Лермонтова, а также не обойти вниманием живших и писавших в то время Жуковского, Батюшкова, Давыдова, Вяземского, Баратынского, Языкова, Тютчева и многих других, в чьих стихах мы найдем и «одический восторг» Ломоносова и «иронию» Державина, и страстность раннего Пушкина.

Для какой же цели стали нужны М.Эпштейну подобные рассуждения? Оказывается, поэтическое чувство, по его словам, «развивается в глубину (это после Пушкина! — В.Х.), становится духовным знанием, овладевает мерой вещей...», то есть, «развиваясь в глубину», чувство, по его мнению, как бы теряет свою яркость, становится менее заметным, оно будто бы притухает, но на самом деле превращается в «знание» и «овладевает мерой». М.Эпштейн искусственно придумывает невозможную ситуацию: «Если мы примем за абсолютную норму чувства...» и т.д. Но к чему все эти «если»? Зачем нам или кому-то понадобится принимать за «абсолютную норму чувства» конкретное эмоциональное состояние того или иного поэта в минуту вдохновения? Во-первых, не может быть здесь никакой «абсолютной нормы», а во-вторых, кроме всего прочего,

умозрительные построения молодого критика по сути своей — ложны. Ведь ряд, предложенный им, можно бы и продолжить: если мы примем за норму поэтического чувства любовную лирику Пушкина (и это было бы прекрасно!), то покажется ли нам «бесстрастной» или, наоборот, «несдержанной» лирика Блока или Есенина?

Нам же хотят доказать, что современная поэзия, углубившись в самое себя, в открытом чувстве уже не нуждается. Оно, видите ли, настолько «развилось в глубину», что перестало являться чувством как таковым, растворилось до полной нейтральности, стало «нулевым». Но чтобы никто такую поэзию не обозвал бесчувственной, ей найдено оправдание: «Даже «нулевое» чувство, — пишет Эпштейн, — может быть поэтически значимым, высокоэкспрессивным...» и для подтверждения своих слов цитирует Маяковского: «...а самое страшное видели — лицо мое, когда я абсолютно спокоен?»

И опять молодой критик заблуждается: спокойствие — не «нулевое» чувство. Оно в психологическом состоянии человека имеет значение ничуть не меньшее, чем радость, восторг, печаль, ярость и т.д. Оно на равных со всеми остальными стоит в ряду наших чувств. Исходя из ложных посылок, М.Эпштейн неизбежно приходит к ложным выводам, так как «нулевое» чувство, вполне возможное в человеке, неправильно сравнивать со спокойствием, не говоря уж о том «спокойствии», какое имел в виду Маяковский.

«Нулевое» чувство близко к равнодушию, к безразличию, к отсутствию идеала, к духовной пустоте. Между прочим, критик приводит верный стихотворный пример такого «нулевого» чувства из А.Еременко:

Потусторонний взгляд. Им обладал Эйнштейн.
Хотя, конечно, в чем достоинство Эйнштейна..
Он, как пустой стакан, перевернул кронштейн,
ничуть не изменив конструкции кронштейна.

...Отсюда сам собой рождается наш взгляд
на поднятый вопрос длины пустого взгляда,
что сумма белых длин, где каждая есть — взгляд,
равна одной длине, длине пустого взгляда...

Кое-кому эти строки могут показаться ироническими, даже ерническими. Но посмотрите, как комментирует их

критик: «...пустота, измеренная человеческим взглядом, обнаруживает удивительную временную и пространственную протяженность, способность бесконечно делиться и складываться («сумма белых длин»), даже непрерывно рифмоваться с самой собой, не вызывая чувства однообразия».

Что он нам тут сказал? «Пустота... обнаруживает... протяженность...», а также «способность... делиться... складываться... рифмоваться...», хотя рифмуются «взгляд» со «взглядом» и «Эйнштейн» с «кронштейном». Ну и конечно, он точно знает, что «пустота» ни у кого не вызовет «чувства однообразия» (обратите внимание на стиль этих стихотворных вывертов А.Еременко: «Эйнштейн... как пустой стакан...»).

Воистину надо обладать «нулевым» чувством, чтобы избежать возмущения от такого претенциозного пустословия! Не яркий ли это пример «чисто-технической» критики, столь презираемой некогда Аполлоном Григорьевым?!

Вспомним, что еще в XIX веке А.А.Григорьев, обращаясь к такой «отрешенной», по его словам, критике, воскликнул: «Помилуйте! вы скоро будете приглашать нас восторгаться... метафорической поэзией!»

Как ни грустно, а нас к этому уже призывают. Нам пытаются внушить мысль о полноправном бытии «метафорических рядов» современной поэзии: «...безмолвная и часто неосознанная посылка входит в образный строй современного поэтического мышления, образует основу многих метафорических рядов», — констатирует М.Эпштейн. Это «поэтическое мышление» И.Шайтанов называет по-своему: «...метафорически-боковое зрение, ловящее отражения и подобия...» Вносит свою лепту и А.Мальгин: «У нас... есть углубленно-метафорические, растущие из **самых глубин** отечественной поэтической традиции **нашего века** (хотя многие им почему-то отказывают в корнях) Иван Жданов и Алексей Парщиков». Я не знаю, что имеет в виду А.Мальгин, говоря о глубинах поэтической традиции нашего века (словно традиция эта есть нечто более глубокое по отношению к поэтической традиции прошлого века), но вряд ли можно обнаружить в русской поэзии те корни, которые бы питали рифмованные ребусы, сколько их ни называй «углубленно-метафорическими».

Тут надо вспомнить, что шумному хору молодой «ищущей» критики предшествовал голос критика старшего по-

колениа — К.Кедрова («Лит. учеба». 1984. №4): «Здесь взор поэта, его геометрическое зрение, обладающее способностью видеть мир в нескольких измерениях...» Таковы слова. И ладно, если бы за ними стояло что-либо значительное! Тогда можно было бы этой критике простить «метафорически-боковое» и «геометрическое зрение»! Но теперь преклонения перед метафорой оказывается недостаточно, и вот уже вводится новый термин: «Метаметафора отличается от метафоры как метagalaktika от галактики. Привыкайте к метаметафорическому зрению, и глаз ваш увидит в тысячу раз больше, чем видел ранее» (К.Кедров).

М.Эпштейн идет еще дальше. Ему уже недостаточно даже суперметафоричности стиха, он говорит о метафоре, доведенной до «метаморфозы», и предлагает, рассматривая «новые поэтические стили», пользоваться именно таким термином, введенным академиком В.В.Виноградовым в работе «О поэзии Анны Ахматовой».

«Образ строится как поступательное опосредование все новых явлений, — пишет М.Эпштейн, — не просто сходных или смежных, но переходящих друг в друга. Для обозначения этого типа образности было бы уместно прибегнуть к понятию «метаморфозы». (Чего доброго, скоро договоримся до приемов черной магии в поэзии!) Если ко всему сказанному добавить еще суждение И.Подгаецкой: «...принцип «метаморфизации», а не просто «метафоризации» постепенно становится доминирующим в современной лирике» («Вопр. лит». 1980. №12), то трудно будет удержаться от восклицания: ну, дожили!

Давайте посмотрим, какая поэзия нам предлагается как пример всех этих метаморфоз:

когда ночь проходные дворы
затворяет и мрака опары
проступают сквозь поры коры
то ли кембрия, то ли юры.

(А.Королев)

Тут хочется задать вопрос: что такое поэзия? Вдохновенный полет мысли или наговорная тарабарщина? Глубокие душевные переживания или «ассоциативный ряд» взаимопроницающих понятий? Или мы уже настолько «окультурились», что «свободную стихию» и «чудное мгновенье»

легко поменяли на «тары-бары», «кронштейны» и «металлургические леса»?

Что ж, обратимся еще раз к критику-истолкователю метаморфозных курьезов: «Ничто ничему не уподобляется, но одно «проступает» в другом, бытие каждой вещи простирается в глубину времен и пространств — не условно, по сходству, а по свойству своей всеобъемлющей, всепроникающей причастности мирозданию». То ли критика стала заговариваться, то ли нас она желает заговорить? А может быть, над нами смеются? Ведь сказано такое не о чем-либо, а о «мрака опарах», что «проступают сквозь поры коры»!

Хотите еще пример из «ассоциативного ряда» «условно-знаковых координат»? Пожалуйста: «...Не размотать крылом сковавшие, как вата, Три километра сна, застывшие слюной(?). Вновь совершается твоя метаморфоза. Приснит-ся ли тебе в лазури жарких грез, О, шелковичный червь, в бреду метемпсихоза, Какой-то зимний лес и музыка берез?» (М.Синельников).

Способен ли кто-нибудь разобраться без переводчика в этой абракадабре? И самое главное: желает ли кто в ней разбираться? Оставим этот «бред метемпсихоза» без перевода на русский язык, не будем терять времени на его расшифровку, как и не станем путать поэзию с версификационными играми! Так же и не поверим М.Эпштейну, стремящемуся выдать желаемое за действительное, что «теперь, в 80-е годы, метаморфоза действительно может быть определена как в е д у щ и й принцип поэтического мировидения».

Естественно, что бессмыслица многих стихотворных текстов, производимых авторами *нового поколения*, предполагает не менее «заумные» их истолкования. Опасаясь выглядеть непонятливыми и недостаточно «культурными», мы подчас не заостряем внимания на абсурдности теоретических выкладок в работах критиков, относящих себя к *новому поколению*. Когда же попытаешься вникнуть в суть их словесных нагромождений и абстрактных формулировок, то придешь к неизбежному выводу: все они ложны, надуманны, неестественны, а иногда просто курьезны. И это закономерно: темные стихотворные тексты требуют подведения под них не менее темной и зашифрованной «теории». К ней, например, любит прибегать тот же М.Эпштейн:

«Поэтическая интуиция... пробуждается на грани исчезновения вещей, уводя нас в мир чистых сущностей, зато сами эти сущности обретают зримые очертания». Не правда ли, автор как бы бравирует философскими определениями. И вроде бы совсем неважно — **что** здесь сказано. Главное — сказано эффектно.

Рассчитывают на эффект и такие формулировки: «Жданов вроде бы изображает небытие... отражение, переходящее в мнимость, — но при этом изображает с каким-то очень точным, математически выверенным знанием. Ведь форма сама по себе — бестелесна, как число, но именно потому она точна (?) — на пределе развоплощенности рождаются абсолютное знание и высшая строгость».

Ну как? Не стану долго рассуждать об «отражении, переходящем в мнимость», о «форме», которая «сама по себе — бестелесна, как число», и о том, какое все это имеет отношение к поэзии. Я только хочу спросить, всем ли известно, что *абсолютное знание рождается на пределе развоплощенности?*

Позволю себе процитировать еще несколько фраз: «Некая плоть входит во что-то более плотное (?), на грани своего развоплощения обнаруживая уже иную, как бы в оскрепшую плоть тех сущностей, в которых она умирала». Или: «Вся поэзия Жданова... рисует... вполне зримое, объемное бытие вещей, ушедших в свое отражение... и там нашедших себя (!) с большей очевидностью, чем то текучее бытие, из которого они изошли. Тем же актом (?), каким вещь тонет в глубине своей сущности, эта сущность всплывает на поверхность и является нам: умирание равно воскресению».

Тут хочется глубоко вздохнуть. Но если, переведя дух, перечитать последнюю цитату еще раз, то вряд ли кто удержится одновременно и от недоумения, и от горькой усмешки. Такого насилия над здравым смыслом в литературной критике давно, пожалуй, не было! Здесь мы уже имеем дело с зашифрованным критическим текстом, «распечатывать» который вряд ли дальше стоит!

Стихотворцы *нового поколения*, по уверению М.Эпштейна, «пришедшие на рубеже 70—80-х, «заражены» чувством истории. Часто, как дети, «избегающие соприкосновений», чтобы не «умереть», они уходят в иные эпохи и культуры...»

С детьми их сравнивает и К.Кедров: «Сам поэт... идет к жизни на берег моря, похожий на бесконечную свалку, но из мировой свалки он воздвигает свой мир, как детишки делают домики из песка» (речь идет о стихах А.Парщикова).

С одной стороны, они, как нам говорят, «вполне зрелые» и «давно сформировавшиеся поэты», а с другой — инфантильные, «избегающие соприкосновений» (с кем?) дети, занятые деланием «домиков из песка». Так как же к ним относиться? Как к *поколению давно сформировавшихся детей*? И на все их поэтические шалости смотреть как на безобидные *детские игры*, в которых они, по словам М.Эпштейна, «даже самое простое и древнее, как мир, море», входящее в их систему «условно-знаковых координат», превращают в бесконечную мировую свалку?

Мы бы к ним так и относились, когда бы тут же, через несколько строк после сравнения их с детьми, нам не пришлось бы узнать: «Поэзия Парщикова — живая ветвь на древе поэзии, она упирается в небо» (К.Кедров). Или: «Жданов — м а с т е р изображать формы, уже как бы лишившиеся субстанции...» — раздает звания М.Эпштейн и продолжает в том же духе: «И.Жданова и М.Кудимову объединяет смысловая полновесность слова, о б р е м е н е н о г о глубокой ассоциативной памятью, погруженного сразу в контексты многих эпох».

Как вы думаете, какие стихи, по логике, должны были бы иллюстрировать вышесказанное? Все-таки речь идет о «смысловой полновесности слова»! Пожалуй, здесь ждешь стихов на историческую тему — ведь наши *дети*, как мы помним, «заражены чувством истории». И вот она, эта «погруженность» в «контекст» прошлой эпохи:

Виват, мудреющая баба,
Стратегиха варяжских кляч,
В ладье кочующего штаба
Рассевшаяся враскоряч!

Без чужой помощи мы ни за что не смогли бы догадаться, о ком эти строки, обремененные, по Эпштейну, «глубокой ассоциативной памятью». Но критик все знает: «Обращаясь здесь к княгине Ольге, Кудимова намечает **важные черты** своей собственной лирической личности, **национально весьма характерной**, хотя до сих пор не находившей

убедительного поэтического воплощения». Отныне, надо думать, собственная лирическая личность М.Кудимовой воплощена «поэтически» достаточно убедительно!.. Но если она, а с нею и другие своей «ассоциативной памятью» станут и дальше погружаться в «контексты многих эпох», то, боюсь, нам придется столкнуться с потоком пародий на «развоплощенные» исторические лица. Заигравшимся детям современной эпохи пора бы повзрослеть и научиться к истории своей Родины относиться по крайней мере уважительно, коли уж не способны к подлинной (не «ассоциативной») памяти и любви!

Не довольно ли любоваться подобным баловством? Не хватит ли «сдвиги» и «изломы» рифмованной пошлости, прикрываясь «культурной», а на деле пустозвонной фразеологией, выдавать за высокую поэзию?

Детям положено объяснять, что хорошо и что плохо. Но давайте прежде всего сами не будем в этих понятиях заблуждаться.

Некоторые критики считают, что «молодая поэзия — продукт скоропортящийся» (И.Шайтанов). Наверное, это действительно так, если иметь в виду тех молодых, кто причислен к *новому поэтическому поколению*. (Многие из них уже начали подлаживать свое творчество под требования «ищущей» критики.) Вот и приходится растолковывать, чем отличается «бред метемпсихоза» от «волшебной силы песнопения» (Пушкин), чтобы не было у них на свой счет заблуждений и чтобы они не «испортились» слишком быстро...

В своих «Основаниях органической критики» Аполлон Григорьев прекрасно сказал по поводу уже тогда появлявшихся формальных «исканий»: «...такие неестественные стремления представляют печальные последствия самолюбия, которому силы таланта не соответствуют и которое силится поразить чем-нибудь новым, забывая, что новое в явлении весьма скоро истощается, что не истощается и вечно нова только внутренняя и притом искренне передаваемая жизнь души человеческой».

1987 («Молодая гвардия». 1987. №10)

«ФАНТАЗИЙНЫЕ ПРОДЕЛКИ ЧЕРНЫХ ДЫР...»

Для кого создается литература? — задам я наивный вопрос.

Для всех нас... — ответит здравомыслящий читатель. И, без сомнения, будет прав.

Но мне очень интересно: как бы на этот вопрос ответил критик С.Чупринин?

«Откройте книгу, назовитесь своим...» — загадочно начинает он рецензию на книгу А.Вознесенского «Прорабы духа» («Новый мир». 1986. №1), — и, «хмелея от нечаянной родственности с собравшимися на пиру, можете оглядеться и прислушаться» (разрядка моя. — В.Х.).

Это уже что-то новое... До сих пор от читателя не требовалось называться «своим», когда он открывал, к примеру, книги Пушкина, Толстого, Шолохова... Ему и в голову не приходило, что в них он может оказаться «чужим».

Но, странное дело, первое и главное условие для общения с героями книги Вознесенского, которое предъявляет читателю С.Чупринин, — быть только «своим», а вернее, даже «родственно своим». А уж коли кому покажется «оскорбительным» (С.Чупринин такое вполне допускает) «предложение побыть на короткой ноге со знаменитостями» «Прорабов духа», тому критик дает недвусмысленный совет: «Тогда закройте эту книгу. Или — еще лучше — передарите ее тому, кто не взглянет в чуже на фантазийные проделки черных дыр и постояльцев самого несуразного в мире отеля «Черти», кого не шокирует, наоборот, восхитит

«пророк мирового хаоса», аккуратно развешивающий на балконе свои свежестиранные беленькие трусики...» (разрядка моя. — В.Х.).

Итак, критик резким движением «посвященного» разделил читателей на «своих» и «чужих». Я еще не ведаю, как и многие другие, к какому лагерю себя причислить, но чувствую, что если до сих пор не задумывался над вопросом: «свой» я или «чужой», и если даже не могу с уверенностью на него ответить, то, скорее всего, за «своего» меня здесь не примут, уж «своим-то», наверное, ответ на этот вопрос ведомо ясен.

Как и читатели, сознающие собственную ущербность оттого, что не чувствуют себя *своими*, я не получу пропуска, позволяющего войти в двери этого «самого несуразного в мире отеля» и, оставшись у закрытых мистических дверей, могу только с «завистью» проводить взглядом «осчастливленного», которого всюду пускают и говорят, по Чупринину, «дружелюбной скороговоркой»: «Заходите, читатель, ищите стул, а то располагайтесь на полу. Хватайте объятые паром картофелины и ускользящие жирные ломти селедки. Наливайте что бог послал!» И далее: «Устроились? Испробовали? Теперь, хмелея от нечаянной р о д с т в е н н о с т и с собравшимися на пиру...», чем-то напоминающем пушкинский «Пир во время чумы», прислушайтесь...

«Читает Белла. С в о я Белла. А вокруг тоже свои. Только свои» (разрядка автора).

Не правда ли, есть отчего загрустить! Мало того, что вас не пускают вечером в ресторан или кафе только потому, что вы *чужой*, вас не устраивают переночевать в полупустующие гостиницы, на дверях которых красуется неизменное «свободных мест нет», вам не продают билета на незаполненный поезд дальнего следования, — так теперь вам хотят ограничить вход на страницы книг, скрепленных печатью узкой посвященности.

И вы еще острее осознаете свою неполноценность, когда на ваших глазах кто-то проходит в вечерние рестораны, кого-то поселяют в гостиницы, кому-то в самом несуразном отеле наливают «что бог послал»...

Вы видите этих счастливых и недоумеваете: чем же они отличаются от вас? Какую науку постиг этот пресловутый «читатель», чтобы получить аттестат *своего*? Разве он ходил

не в тот же, что и вы, детский сад, протирал штаны не в той же, что и вы, школе, читал по слогам не ту же самую «Родную речь»? Что *знает* он и *не знаете* вы? Или он вылеплен из другого теста? Да нет вроде: те же два уха, два глаза, руки, ноги... Осуждаете ли вы его? А за что? За то, что ему кажется лестным «побыть на короткой ноге со знаменитостями»?

«Можете сколько угодно порицать этого читателя, — бросает нам С.Чупринин. — Можете завидовать ему... И это его, а совсем не вас будут называть избранным читателем, причислять к «всемирной элите», **возводить в ранг** «творянина», **назначать, если он захочет**, а он захочет, «прорабом духа». Это ему, а не вам **по-родственному** пожалуются: «Мы рано родились, желая невозможного...» (выделено мной. — В.Х.).

Вот так... Если он только «захочет» («а он захочет»), то его «назначат» «прорабом духа» или «творянином», это уж как ему больше понравится. А если даже и не захочет, то все равно — вас не назначат.

Ну что ты будешь делать! Опять — не пускают, билета на продают... В богатейший художественный мир Пушкина могут войти все желающие, а в «черные дыры» А.Вознесенского — только предъявив пропуск. В этих «антимирах» *своего*, восхищающегося, читателя привечают с благоговейной любовью, там «пророк мирового хаоса» «дорожит читательским вниманием, ценит понимание с л о в а, боится не оправдать... ожидания». «Он готов даже резко сбавить (и сбавляет) собственную «певческую скорость» (?) — лишь бы ненароком не оторваться от своего читателя...» (разрядка моя. — В.Х.).

Чупринину очень нравится тон посвященного. Он играет словами. Мол, посмотрите, что я умею, обратите внимание, какие коленца я выкидываю, заигрывая со *своими* и каким необыкновенно оригинальным должен казаться *чужим*: «...дело здесь не в славе, подстегивающей творческое самолюбие поэта. Вернее, не только в славе. Еще вернее: дело именно в славе...»

«Как восхитительно, как своеобразно!» — должна, вероятно, воскликнуть сидящая на полу *своя* «захмелевшая» читательница и хлопнуть в ладошки. Чупринин же будет вещать дальше о том, что слава — это «энергетическая о с н о в а творчества... необходимое у с л о в и е, без коего

нельзя выполнить обязанности, добровольно принятые на себя Вознесенским» (разрядка моя. — В.Х.).

Читатель, не испробовавший того, «что бог послал», начнет сомневаться: а и вправду ли все мы бегали в одну школу и читали за партой одни и те же учебники родной литературы? Правда ли, что все мы проходили Пушкина?

Блажен, кто про себя таил
 Души высокие создания
 И от людей, как от могил,
 Не ждал за чувство воздаянья!
 Блажен, кто молча был поэт
 И, терном славы не увитый,
 Презренной чернью забытый,
 Без имени покинул свет!
 Обманчивей и снов надежды,
 Что слава? шепот ли чтеца?
 Гоненье ль низкого невежды?
 Иль восхищение глупца?

В каком же это учебном заведении внушили Чупринину, что слава — «необходимое условие» творчества и, более того, его «энергетическая основа»? Или это касается только «творчества» Вознесенского, который «добровольно» (уж лучше бы подневольно) взял на себя «обязанности»?.. Взял с одним условием: хочу славы!

С этим ясно. Не понятно лишь, какие «обязанности» взял на себя желающий славы «пророк»? — спросит читатель, оставленный на улице перед входом в черную дыру «мирового хаоса».

Чтобы плетение словесных кружев не погрузило *своего* читателя в сладкозвучный сон, критик может себе позволить быть резким, кратким и прямым, как выстрел: «Он — посредник. Нужны для ясности синонимы?». «Почттарь... развозящий по городам и весям дипломы на «творянское» звание и весточки о том, кто и что нынче в моде, то есть пользуется повышенным спросом» (разрядка моя. — В.Х.).

Какие уж тут «души высокие создания»! Ведь они рождаются не от потребности в славе. За славу надо послужить «почтарем», побегать с раздачей «дипломов» на «звание», которое присваивает *кто-то* другой, а он — лишь только

простой разносчик весточек о том, что нынче (в отличие от «высоких созданий») пользуется повышенным спросом. Кто и что нынче в моде — лишь это волнует нашего «почтаря», а мода — родная сестра славы. Вдохновение и «высокие созданыя» здесь никого не интересуют как принадлежность другого мира.

Открыв карты, С.Чупринину уже самому скучно отнести «посредника» к миру искусства (ведь тот всего навсего как бы должностное лицо), и критик без обиняков переходит к технической терминологии для большего прояснения его назначения в век научно-технического прогресса: он — не что иное, как «ретранслятор, доносящий сигнал из этого застолья (собравшихся на пиру. — В.Х.) до самого периферийного глаза и уха». Вероятно, «периферийный глаз и ухо» — это те *свои*, что по разным причинам не попали в «застолье».

Можно на Вознесенского повесить и такую табличку: «...катализатор, многократно ускоряющий обмен веществ... в едином теле культуры» — настолько едином, что любое деление на верх и низ, высокое и массовое кажется в принятой системе отсчета не более чем досужей выдумкой презираемого Вознесенским (и его читателями) критика с «тухлым взглядом».

Нет, теперь я уже точно знаю, что мы учились в разных школах, учили нас по-разному, и предметы у нас были не одни и те же...

Но мы-то помним — у Пушкина:

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней...

Или:

...Ты царь. Живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.

«Ретранслятор, доносящий сигнал...», «катализатор, многократно ускоряющий обмен веществ...»

О том, что является «верхом и низом» культуры, «высоким и массовым», мы, читатели Пушкина, знаем еще со школьной скамьи по стихотворению «Поэт и толпа», которое обязаны были в школе учить наизусть. Оно не забылось, несмотря на то, что бывшие нерадивые ученики в своей «системе отсчета» называют подобный, пушкинский, взгляд «досужей выдумкой», а Вознесенский (и его читатели) — «тухлым взглядом».

В наши дни интенсификации производства, ускорения прогресса и повышения производительности труда работников сферы услуг (а именно к ним относятся «почтари») необходимо приобретение смежной специальности. Требования к «славе» также возрастают в соответствии с духом времени. Перестройка касается всех. Теперь уже не достаточно развезжать «по городам и весям» с *весточкой* о «самом модном», теперь за славу надо потрудиться в поте лица, эта дама капризна и изменчива, может и отвернуться...

Что ж, слава сладка. Пришлось А.Вознесенскому, как уверяет нас С.Чупринин, освоить и другую специальность: «Вознесенский **действительно** не только посредник между **читателем-новичком** и современной культурой. Он **действительно** еще и **вербовщик**, набирающий добровольцев в армию «вечных мальчиков» (выделено мной. — В.Х.).

Сделайте, сделайте, сделайте хоть
что-нибудь!

Вознесенский, конечно, «добровольно» согласился набирать «добровольцев» в армию «вечных мальчиков», сам оставаясь при этом тем же «вечным мальчиком» в импортных джинсах. Он «опытный вербовщик» и *дело* свое знает хорошо, ему нужна целая армия *своих*, ведь, в конце концов, он работает и на себя тоже: с каждым новым «добровольцем» увеличивается его слава.* И он готов за них побороться: «Мы будем бороться за молодняк!» Он готов засвистать «соловьем-разбойником», прогрохотать, как ТУ-104, лишь бы пробудить не ко времени распавшихся «прорабов»:

* В пушкинском «Моцарте и Сальери» Моцарт ни разу не говорит о славе, в то время как о ней всё время печётся Сальери.

Есть в каждом росток прорабства,
в самом есть непролазном.
Прорабы, прорабы, прорабы,
проснуться пора бы!

Прораб на стройке — это старший мастер. Читателю, прохлаждающемуся у закрытых дверей отеля «Черти», не просто сразу понять, о каких прорабах идет речь. При чём тут старший строительный мастер? Но читатель наш — человек любознательный. В газетах он читал о таинственных «мастерах», вовсе не причастных к гражданскому строительству. Эти «мастера» уже достаточно скомпрометировали себя в общественном мнении и теперь узнаются многими. Потому и целесообразно было дать им другое имя — «прорабы» — не меняющее содержательной сути, но затрудняющее их разоблачение.

Именно они озабочены «созиданием» и распространением нового *творящего духа*, якобы исходящего от мистического «Архитектора Вселенной». Они и есть проводники («почтари») идеологии — или религии — избранных, той самой «элиты», возводящей *своих* в ранг «творянина».

Проводники, «почтари», «вербовщики», или, говоря словами А.Блока, «стая посвященных в таинства кабинетной науки и европейской биржи», продолжающая «писать на своих знаменах старые гуманистические лозунги», — они *обязаны* вербовать «добровольцев», «вечных мальчиков» и так далее, одним словом, всех «спящих», которым предстоит ритуал посвящения в «прорабов духа».

С.Чупринин в этих хитросплетениях не путается, он прекрасно знает: «Во-первых, сразу отсеются... не с в о и для Вознесенского читатели. Во-вторых, **многие и многие**, казалось бы, вполне с в о и будут **тонизированы** лишь на **краткое время** и лишь на уровне **жестикуляции...**» (разрядка автора, выделено мной. — В.Х.).

Оказывается, к обряду полного посвящения будут допущены далеко не все *свои*, а «многие и многие» лишь прикоснутся к его азам, где им не позволено будет и рта открыть, где пообщаются с ними «лишь на краткое время» на уровне «жестикуляции».

Эти «многие» необходимы для славы, но довольствоваться будут «ковриками с лебедями» и «эстрадной песенкой», к которым так «демократичен» Вознесенский. «...Страна у

нас большая, — продолжает Чупринин, — и... непременно найдется подросток, который встрепенется в ответ на призыв: «Сделайте, сделайте, сделайте хоть что-нибудь!» (разрядка автора). А что нужно «сделать» — нам уже известно.

Этому *приобщающемуся к святым дарам* «подростку», по убеждению С.Чупринина, «безумно» польстит вопрос: «Вы спали в кровати Пикассо?» И еще более — «приподымающе» — польстит «пронизывающая всю эту книгу насквозь интонация сообщничества, подростов в а е м о г о равенства в интересах...» (разрядка моя. — В.Х.).

Пускай «сообщничество» и «равенство» только подразумеваются, главное, что «подростку» придется выучить иностранные языки, «чтоб без словаря читать Гюнтера Грасса и Арагона...» А если вам не суждено быть «таким подростком», читатель, и если вам важнее постигать русскую классику, тогда, по совету С.Чупринина, «отдайте эту книгу тем, для кого она прежде всего написана, тем, кто пока еще лишь (ну язык: «тем, кто пока еще лишь...!» — В.Х.) *приобщается к святым дарам*» (разрядка автора).

Какая слава не желает на века увенчать себя памятником? Слава А.Вознесенского не менее амбициозна. Его самая ранняя и пока еще не реализованная специальность *архитектора* мечтает выразить себя раз и навсегда: вознести «над площадью задуманный Вознесенским Поэтарх (поэт-архитектор. — В.Х.) — двадцатипятиметровую золотую сферу, символизирующую язык и человеческую культуру». Чтобы будущий, *приобщенный к святым дарам*, подросток не сомневался: «пророк хаоса» был архипоэт. Чтобы все — и свои и чужие — видели высунутый язык длиной двадцать пять метров, символизирующий «человеческую культуру». Хотя нас всех — и чужих и своих — еще в общем детском саду учили: показывать язык — некультурно...

1986 (ж. «Москва», 1987, №6)

Весьма показательно то, что ни С.Чупринин, ни А.Вознесенский на эту статью нигде и никак не ответили.

«ЛЮБИМЫЙ МОЙ ПЕЙЗАЖ...»

(Молодые поэты Москвы. —
М. «Молодая гвардия». 1983)

Коллективный сборник «Молодые поэты Москвы» объединяет тридцать авторов и достаточно широко представляет молодую поэзию столицы. Составитель Ст.Куняев, очевидно, считает этих поэтов лучшими среди сегодняшних молодых москвичей, и, несомненно, он имеет право на свой определенно заявленный вкус и даже на субъективность в отборе имен и стихов. Вместе с тем этот вкус можно отчасти оспорить и подосадовать, например, что в сборнике не нашли себе места стихи, на мой взгляд, интересных и недостаточно знакомых читателю молодых авторов, не издавших еще собственных книг. Я имею в виду Юрия Чехонадского, Ярослава Васильева, Веру Никитину, Владимира Ведякина, Светлану Максимову, выступавших уже в периодике. Они вполне были бы достойны заменить в данном сборнике тех, кто не очень-то убедительно представляет богатую дарованиями молодую московскую поэзию...

Однако рассмотрим подробнее реальное содержание книги. Наиболее значительными выглядят страницы, отведенные творчеству Геннадия Ступина, Натальи Попелышевой, Владимира Попова. Хотя все они нынче москвичи, лирика их имеет корни в разных уголках нашей страны, и конкретная родина, которую принято называть «малой», дала каждому из этих поэтов с в о и краски, с в о е настроение, а Г.Ступину и Н.Попелышевой, не побоюсь сказать, — с в о ю тему.

«Любимый мой пейзаж: бурьян и снег, дорога, И небо серое иль сизое над ней, — так просто и непринужденно начинает Геннадий Ступин одно из своих стихотворений. И добавляет с проникновенной непосредственностью: — А ежели стожок да ивняка немного, То нет и ничего не может быть милей».

Родившийся в г. Аткарске Саратовской области, Геннадий Ступин с горечью говорит о запустении родных мест, где вместо «теплого гнезда — пустое место». Боль и тревога сдавливают горло поэта. «Нет знакомых в городе родном, — замечает он. — Лишь командировочный строитель, временный и беспощадный житель, «бабой» бьет, играет молотком...»

Но в то же время «малая родина» не является для Геннадия Ступина, как для многих других «провинциалов», основной темой стихов. При всей любви к далекому районному городку, он своим поэтическим видением охватывает главную, большую Родину, сумев органично связать воедино воспоминания детства с гордостью за подвиг отцов и величие нашей страны:

Да горит мне в России и в целом Советском Союзе
Над могилой отца моего
Жестяная звезда...*

У Натальи Попельшевой — совсем иная биография, иной жизненный опыт. Сибирячка, представительница многолюдной, кустистой семьи, «временных жителей» она не допускает в круг своего зрения как *н е р е а л ь н о с т ь*. Она говорит не о временности, а, наоборот, о непривычности, нескончаемости жизни, замечает не запустение, но как раз полноту длящейся жизни, основа которой — преемственность. Герои Н.Попельшевой — Логиновы («Так и деревню звали»), из рода которых она происходит. Бывшие новгородцы три века назад поселились у слияния Ангары с Енисеем. Землепашцы, а впрочем, спорые в любой работе, они вложили свой хозяйственный талант в обживание и строительство могучего края. Логинов-дед некогда на Ангаре поставил «деревню — дома два», внук продолжает его дело с семейной сноровкой и уверенностью в себе.

* Более подробный анализ стихов Г.Ступина из этой статьи позднее был перенесен в статью «Слепой «поиск» и духовные прозрения».

Аспект семейной хроники, избранный автором, именно т р у д о в а я биография рода, и проблема наследования в поколениях фамильной жизнестойкости, хватки, умения в работе оказывается основной моральной проблемой для автора:

Моя родня большая — на подбор.
Как дядя Федор все — умелы, дюжи.
Скуласты, статны... Но и я не хуже.
Себя не посрамила до сих пор.

Интонация стихов эпична, бытовое повествование вспыхивает красками народно-песенного стиля:

Как две реки, мои отец и мать
У камня острого соединили руки.

Масштабность метафор продиктована не самолюбованием автора: собственная родословная представляется поэте не исключительной, но типичной для ее земляков, соотечественников; за образами Логиновых встает образ народа — этим-то и обусловлена торжественность слога, высота тона.

Заразителен оптимизм мироощущения Н.Попельшевой. Он основан на здравом смысле опять-таки народного толка... Женщина, она отвергает сетования на расшатанность дома, на «вырождение» мужчин, своевольную самостоятельность женщин («Дом раздобрел, но ослабел душою...») — отвергает всем своим праопытом, прапамятью, как и психологической зоркостью поэта:

...Но кто хоть раз не замер, поражен,
Когда внезапно каменно-спокоен
Из-под бровей знакомых глянет воин,
И жестом воздух будет подожен?
Кому не слышно: тайно шепчет кровь
Жене законы древнего искусства,
Чтобы она своей рукою грустной
Войну перешивала на любовь...

Душевное здоровье, отсутствие рефлексии, как, с другой стороны, и нарочитости в выражении своего мироощущения — вот что привлекает в стихах Н.Попельшевой.

Перечень лучших страниц сборника будет неполным, если не отметить публикации Геннадия Калашникова и

Владимира Попова, с их зрелым мастерством и не часто встречающимся гармоническим складом, а также отдельные стихи некоторых других поэтов — Владислава Артемова («Ночные птицы»), Татьяны Митрофановой («Тишина», «Я ухожу из мыслей и стихов...»), Вячеслава Фахрутдинова («Плотник», «Часы»).

Но, к сожалению, в сборнике «Молодые поэты Москвы» немалое место занимают и стихи случайные, легковесные которых не оправдывается возрастом авторов.

Вот Анна Гедымин откровенно декларирует необязательность своего «пения», утешая себя (или нас?) тем, что она «все равно жила-была»:

Пусть буду петь или не петь я,
Бездельничать, вершить дела —
В конце двадцатого столетия
Я все равно жила-была.
...А потому, что ни скажите,
Неволю чувствую свою:
Лишь одного столетия житель,
Я лишь одно его пою.

В стихах Вадима Орловского встречаешься с той наивностью, которая приводит автора на грань самопародии: «Скрылся в тайге от любимой; стала женою чужой... Пламя любви негасимой залил водой дождевой...Черт же тебя на дороге выставил, как напоказ!» Эта наивность бесконтрольного «самовыражения» чревата курьезами в разных темах, затрагиваемых В.Орловским: «...Идут года. Учитель сам себе я, и возраст приближается Христа... За три квартала, — да и то робея, — на школу я гляжу из-за куста!..»

Преувеличенная боязнь школы (в «Христовом»-то возрасте) — это не просто кокетство, но прежде всего недостаточность чувства, невыработанность вкуса. В результате вместо свободы самоощущения в стихах появляется лихость, основанная на самодовольстве автора, а также чрезвычайная облегченность восприятия, весьма далекая от подлинного артистизма. Именно этим отличаются стихи Александра Шаталова:

Молодой и совсем (!) некурящий,
Отрастивший для понта усы,
Я вдыхаю всей грудью пьянящий,
Возбуждающий запах весны.

Наполняются пеньем скворечни,
И в полях поднимается злак.
Сердце круглое, словно черешня (?),
Обтекает весенний сквозняк...

А.Шаталов и впрямь слишком раскован. Кажется, он не уважает толком ни одного предмета, которого касается пером, ни одного объекта своих «возбужденных» строк:

«С этой женщиной вы не финтите — Не напрасно ей (!) муж дорожит. На груди у нее Нефертити Из блестящей пластмассы лежит... Брови густо подкрашены краской, Вот, наверное, мужу везет!..» и т.д. Что это, сатирический портрет? Нет, на уме у автора прямое воспевание неотразимой красавицы («Из-за женщины этой убьются Не один и не два мужика»). А.Шаталов явно не отдает себе отчета в объективном значении написанного им. Мало утешает и обещание: «Придут потом успех и деловитость. Холодный воздух сердце охладит. Откуда-то возьмется домовитость, Ну, а пока — сквозняк в башке гудит»... Неужели же этот «сквозняк» (и именно в связи то с сердцем, то с «башкой») дал возможность составителю книги и автору предисловия к ней, Ст.Куняеву, сказать: «...дыхание стихов счастливо смешивается с дыханием времени»?..

Разговор о слабых сторонах сборника «Молодые поэты Москвы», о контрастности — по качеству — его страниц, которая свидетельствует о недостаточной требовательности в отборе стихов, можно было бы продолжить. Ограничусь, однако, замечанием, что контрастности качества сопутствует здесь тематическое однообразие. Так, многие публикации (как и подборки Г.Ступина и Н.Попельшевой) открываются стихами о происхождении авторов. Но занявшись поисками своих провинциальных, деревенских «корней», стихотворцы подчас забывают, что тема еще не обеспечивает гражданского звучания...

Впрочем, без определенных издержек вряд ли возможен коллективный сборник стихов, задача которого — многопланово показать молодую поэзию. И поскольку книга, изданная «Молодой гвардией», знакомит нас с несколькими действительно интересными поэтами, выход этого сборника следует приветствовать.

1984 («Литературное обозрение». 1984. №10)

МАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Должен честно признаться, мне трудно припомнить что-либо похожее: в поколении молодых литераторов появился «уникальный» возмутитель здравого смысла. «Уникальность» данного случая выражается не в аналитически остром уме, не в совершенстве стиля, не в убедительности аргументаций работ молодого критика. «Уникальность» свою он проявляет в навешивании ярлыков, а точнее — ярлыка всем тем, кто пытается с ним спорить в печати... Всем сразу. Без исключения. Громкую, скандальную известность приобрел он себе на этом деле. Кто теперь не слышал об А.Мальгине?

Необычайно удобную тактику выбрал он в борьбе со своими постоянными оппонентами, прибегнув к старому и давно испытанному способу ответного выпада, когда возразить нечем, но очень хочется. Способ этот называется: сам дурак. Достаточно кому-нибудь показать явные профессиональные промахи в критических публикациях А.Мальгина, как тут же не кем иным, а именно Мальгиным он будет обвинен в том же самом: в непрофессионализме.

Воспользуюсь словами из его статьи в «Литературном обозрении» (1986. №10): «Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы убедиться в том, что дело обстоит как раз наоборот».

На недостаток трибуны А.Мальгин пожаловаться не может. Свои статьи он публикует во многих московских журналах. Теперь он решил на веки вечные огульно заклеить своих молодых «противников» по критическому цеху: мол, все они просто-напросто непрофессиональны, и разговаривать с ними на равных он больше не собирается.

Есть отчего встать в тупик. Они доскональным образом анализировали его многодумные и пространные откровения относительно «новых веяний» в молодой поэзии, вчитывались в его нелогически-путанные рассуждения, вели с ним многословные, добросовестные диалоги на страницах печати, дискутировали, а он, оказывается, в душе посмеиваясь над ними, имел о них высокомерное и пренебрежительное мнение как о «непрофессионалах». Вот когда он открылся! И всякий, кто осмелится в будущем с ним в чем-то не согласиться, также попадет в разряд «непрофессиональных». Так что надо хорошенько подумать, прежде чем спорить с Мальгиным...

Поистине симптоматично, что статья А.Мальгина, опубликованная в «Литературном обозрении» под названием «О пользе профессионализма» с первых же строк показала профессиональную неподготовленность самого автора. А.Мальгин, как и следовало ожидать, в начальной же фразе что называется прокололся. Он решил начать свое выступление в журнале с бойких, отвечающих потребностям общей перестройки слов, соединив их с понравившейся ему цитатой из статьи критика А.Нуйкина: «Теперь вряд ли кто возьмется оспаривать мысль о том, что на все наши дела, в том числе на дела литературные, «дух времени побуждает взглянуть по-новому». И вместе с А.Нуйкиным А.Мальгин попал впросак. Потому что нетрудно оспорить их совместную довольно сомнительную «мысль».

Очень плохо, даже прискорбно, когда на «литературные дела» по-новому побуждает взглянуть не нравственно-эстетическое созревание литератора, а изменившийся «дух времени». Честный, уважающий себя критик не меняет своих взглядов на литературу всякий раз в соответствии с «новым духом времени». Честному человеку перестраиваться и меняться не надо: истинный, серьезный критик, как всякий истинный художник, во все времена, даже в самые сложные и неблагоприятные для искусства, смотрит на литературное творчество одними и теми же глазами и говорит то, что ему подсказывает сердце и совесть. И это значит, что во все времена он творит в соответствии с духом времени и естественным образом учитывает его требования.

Сделав такой вывод, не можешь не задать себе вопроса: на каком профессиональном уровне способен вести даль-

нейший разговор о состоянии современной критики человек, исповедующий такие и подобные «мысли», навеянные извне («духом времени»), а не вызревшие в нем самом — по логике развития творческой личности?

С призывом к «большей требовательности», к стремлению «преодолеть узкие места», к включению «в нелицеприятный и взыскательный разговор» А.Мальгину в первую очередь надо было бы обратиться к самому себе, причем не дожидаясь изменения «духа времени». Впрочем, сам Мальгин, сразу заявляя о «невысоком профессиональном уровне» многих критических выступлений, выходящих в печати, тут же смешным образом высекает и себя самого: «Что бы мы ни взяли, о чем бы ни взялись судить-рядить... — разговор у нас сведется к непрофессионализму, дилетантизму, некомпетентности, полуграмотности». Ведь в слове «мы» заключены все работающие в жанре критики, в том числе и те, кто Мальгину не по нраву, а «взять» для рассмотрения и оценки качества работ «мы» можем и публикации самого Мальгина... Откуда нам знать, что в словах: «что бы мы ни взяли», и «о чем бы ни взялись судить-рядить» ни в коем случае не подразумеваются его собственные статьи и положения, изложенные в них?

Об одном своем оппоненте он пишет: «Налицо все родоые (?) черты дилетанта: желание объять необъятное... обилие клишированных и чрезвычайно напыщенных формулировок, не имеющих конкретного содержания... известная доля косноязычия...»

О другом говорит: «...по мнению критика, поэт использовал здесь «вертикальные» образы. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы убедиться в том, что дело обстоит как раз наоборот. Если уж на то пошло (?), стихотворение пронизано образами скорее горизонтального свойства...»

Не знаю, сколько надо иметь «пядей во лбу», но если уж «на то пошло», то автору надо заметить, что «образы горизонтального свойства» — как раз и есть яркий пример «литературоведческого» косноязычия.

О непрофессионализме третьего он судит таким образом: «Не будем удивляться (?) тому, что автор статьи в двух предложениях четырежды употребила слово «современность» и производные от него...» Все дело в том, что разбираемый критик тоже, по мнению Мальгина, «дилетант»:

«Этот дилетантизм, так сказать, тенденциозный, агрессивный». Тут впору привести собственные слова Мальгина, адресованные одному из его «ответчиков»: «...в выражениях критик не стесняется».

По поводу четвертого пренебрежительно констатирует: «Справедливости ради (!) следует отметить, что гораздо чаще встречается иной дилетантизм — «никакой», совершенно безликий, беспомощный». И продолжает относительно его же: «Штампы, штампы, штампы. Бедный, худосочный язык, полное неумение заинтересовать читателя. Ни любопытной мысли, ни свежей идеи, ни интересного наблюдения».

Унизительней, кажется, некуда. Несведущий человек может подумать, что со страниц «Литературного обозрения» вещает этакий мэтр критики, писатель с огромным опытом, за плечами которого капитальные труды по исследованию русской и советской литературы... Каким же будет удивление этого несведущего читателя, когда ему скажут, что столь немилостивые суждения и оскорбительные обвинения принадлежат начинающему литератору, опыт работы в критике которого да и собственный возраст намного ниже тех, кого он судит, обзывая «дилетантами» и «непрофессионалами».

А чего стоит такое самоуверенное заявление: «Я умышленно не называю имен рецензентов и рецензируемых авторов. Выписанные фразы можно вставить в работу о л ю б о м авторе, переписать их из рецензии в рецензию и поставить под ними можно л ю б у ю подпись...» (разрядка моя. — В.Х.).

Не слишком ли далеко завело молодого критика столь ярое неуважение к своим сверстникам — собратьям по перу и к старшим коллегам! Ведь этакий Хлестаков-Мальгин уже выносит приговор не только отдельным именам, но и целым критико-литературоведческим изданиям: «Даже в рецензиях такого respectable журнала, как «Вопросы литературы» немало заштампованной скуки, общих мест» (наверное, ему было бы веселее на страницах этого «respectable» журнала читать хохмы в духе Александра Иванова...). Не зарывается ли юный «ниспровергатель» авторитетов, не преувеличивает ли свою непогрешимость суждений и оценок? Не злоупотребляет ли нашим общим стремлением к гласности?

Его упреки неугодным критикам разнообразны. Обратим внимание на такой: «Мы имеем дело... с общим невысоким уровнем филологической культуры. Наконец, нередко с желанием околотитературные интересы предпочесть литературным... поддержать, наконец, за принадлежность к той или иной группе или тенденции».

Не могу не заметить: укорять кого-либо за приверженность к определенной группе (голословно, без уточнения) Мальгин просто не имеет права. Любой, кто читал его статьи, знает, как узок круг молодых стихотворцев, прокламируемых им с неистовым упорством и более чем сомнительным оправданием их чисто кастового творчества (именно тех «молодых», кто причислен к «новому поэтическому поколению»). Помня об этом, А.Мальгин как бы невзначай делает отступление от своих же слов, сказанных в начале его статьи и касающихся «большей требовательности», «нелицеприятного и взыскательного разговора». Подойдя со строжайшими мерками к одним и с поношением «комплиментарности» других критиков, он все же кое-кому (не себе ли?) дарит поблажку: «Если критик увлечен материалом... — да пусть будут даже самые восторженные оценки на страницах нашей литературной печати!.. А то в последнее время, идя навстречу н о в е й ш и м т р е б о в а н и я м, в некоторых редакциях усматривают «комплиментарность» едва ли не в каждом критическом сочинении и у л ь т и м а т и в н о требуют от автора вставить в него (в кого? — **В.Х.**) обязательный абзац о том, что есть, мол, у разбираемого автора, кроме достоинств, еще и следующие серьезные недостатки... То есть в каждую бочку меда теперь непременно считается нужным погрузить весомую ложку дегтя» (разрядка моя. — **В.Х.**).

Видите, как не нравится Мальгину, когда «некоторые редакции» не просто, а «ультимативно требуют» от него того, что сам он таким же тоном приказывает делать другим: быть «требовательнее», «не отворачиваться от недостатков, стремясь преодолеть узкие места...» и т.д. Эти «некоторые редакции» он предостерегает: «...как бы в нашей критической к у х н е мед и вовсе не перевелся...» (разрядка моя. — **В.Х.**).

Что ж, если «мед» переведется там, где имеет место «кухонная» критика, то литературе от этого хуже не станет.

Как раз наоборот... В данном случае, хоть А.Мальгин и называет свою «критическую кухню» *нашей*, мы точно знаем: нам на ней делать нечего и находиться даже опасно. «Квалифицированный» шеф-повар там очень часто путает мед с дегтем...

Еще в золотой век русской литературы Аполлон Григорьев имел смелость сказать: «...публика не верит уже более критике именно потому, что критика сама в себя не верит». Он, конечно, преувеличивал. Но в наше время на примере Мальгина публика, чего доброго, с григорьевской констатацией может и согласиться...

Читая А.Мальгина, то и дело сталкиваешься с его принципиальным *н е п о н и м а н и е м* сущности творчества как такового. Доказательства можно приводить бесконечно. Обратимся к тексту: «Подобным образом некоторые критики-дилетанты (!) упорно не желают принимать во внимание жанр произведения, и поэтому снова получается, что ругают его *н е з а т о*, растрачивают свой критический пыл понапрасну, вхолостую» (разрядка автора).

Во-первых, непонятно, кого ругают: жанр? За что же его ругать? Жанр — он и есть жанр. Но если молодой критик тут имеет в виду автора или произведение, которое «ругают», то никакой литературный жанр не может служить оправданием бездарности и пустоты как песенных поделок, так и толстых романов. Ко всем жанрам критические мерки обязаны быть приложимы *о д и н а к о в о*.

А как относиться к такому нравоучению: «Всякие есть поэты, всякие есть стихи (всякие — еще не значит хорошие. — В.Х.). Не стоит критику брать на себя ответственность (!)... и упрекать поэта за то, что в его стихах чего-то нет».

Отчего же не брать на себя критику такую ответственность? Более того, критик призван именно для того, чтобы такую «ответственность» на себя брать и упрекать поэта в первую очередь в том случае, когда в его стихах нет главного и неизменного: поэзии и души. Когда ни поэзии, ни души в стихах *н е т*, тогда рассматривать то, что в них *е с т ь*, — это и означает «растрачивать свой критический пыл понапрасну, вхолостую».

А.Мальгин, по всей видимости, уже решил, что в деле компрометации не нравящихся ему критиков и поэтов все

средства хороши. Для этого он разрешает себе поизгаляться на ничего не значащих фактах биографии кого-нибудь из них. Так, дабы «убедить» читателей в литературной «некомпетентности», к примеру, бывшего «инженера», по выражению Мальгина, «воспитанника военно-морских пенатов», задается недвусмысленный вопрос: «Какие новые, свежие мысли о нашем литературном процессе принес с собой этот самородок?» Разве не чувствуется в самом вопросе издевка по отношению к писателю, кстати, давно и серьезно работающему в литературе?

В другом случае, указанном А.Казинцевым в статье «Простые истины» («Наш современник». 1986. №10), он может опубликовать выдержки из внутренних рецензий издательства «Современник», для печати не предназначенных. Грубо иронизирует он даже по поводу Николая Рубцова, называя его «автором... который скакал по холмам задремавшей Отчизны». И в то же время как ни в чем не бывало хвалебно высказывается о поэме, еще не опубликованной...

Эти и другие подобные случаи «профессиональной» деятельности А.Мальгина на ниве критики говорят о явном нарушении им журналистской и писательской этики. Однако, как видим, сам он не собирается делать для себя соответствующих выводов, да и, вероятно, кое-кого такая «деятельность» вполне устраивает.

В заключение необходимо добавить, что кичиться своим профессионализмом непростительно для любого, даже и опытного литератора. Что же касается А.Мальгина, то о его профессиональной подготовленности как критика вообще говорить преждевременно, принимая во внимание хотя бы тот далеко не полный ряд стилистических, языковых казусов и мировоззренческих просчетов, который представлен здесь. Самомнение и неуважительное отношение к собратьям по перу — лишнее доказательство профессиональной незрелости автора.

1987

О МНИМОМ И ПОДЛИННОМ В ПОЭЗИИ

1

Сколько сломано копий на страницах печати вокруг этой пресловутой «новой волны» в поэзии! Копий-то сломано много, но «волна» эта существует, как говорил Маяковский, и ни в зуб ногой! И я тоже писал о ней, писал негативно, а между тем она только еще более процветала и утверждалась. Конечно, если пальцем указывать на сорняки, они расти не перестанут. Но лучше ли — не обращать на них внимания?..

Буду категоричен — скрывать своего мнения не хочу — тем более, что его полемичность никого не лишает возможности ответить тем же. А сказать надо следующее.

Наносные, извне пришлые веяния захватили часть наших молодых стихотворцев, выпестованных и усиленно рекламируемых отдельными критиками. Всякий поэт значительней всего там, где он до предела искренен. «Жизнь таланта есть правда», — писал Аполлон Григорьев. И потому не могу не задать себе вопроса: искренно ли их «творчество»? На самом ли деле они так видят и чувствуют мир или это — сознательное оригинальничанье на потребу некоторым критикам, призывающим к поиску и эксперименту в поэзии?

Пускай определенная часть критики уверяет нас, что есть правда в сравнении моря со свалкой велосипедных рулей. Я не знаю, удалось ли эту «правду» кому-нибудь дока-

зять, но ведь в каждом из нас есть природное ощущение правды того или иного образа. И если образ, метафора вызывают протест, если они натужны и неестественны, разве имеют они право называться хотя бы отдаленной правдой поэзии? Лично я — сомневаюсь.

Ни для кого не секрет, что молодая поэзия конца восьмидесятых годов очень резко разделилась на так называемых «метафористов» и последователей классической русской стихотворной школы, как их еще называют — традиционалистов. Казалось бы, в таком разделении нет ничего тревожного, так как в целом поэзия от этого только должна будет выиграть... Однако, если присмотреться повнимательнее к тем и к другим, то не сможешь не увидеть, что один из путей ведет в тупик.

Метафора испокон веку непременно присутствовала в песенном, фольклорном и поэтическом творчестве всех народов мира. Метафора придает речи исключительную выразительность:

Вознеслась ты под свод голубой
Над бродячей толпой облаков...

(А.Фет)

Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег...

(С.Есенин)

Из приведенных примеров ясно, что Фет и Есенин написали свои произведения не для того, чтобы облака назвать «бродячей толпой», а собачьи глаза — «золотыми звездами», ради этого они не стали бы братья за перо. В их стихотворениях — другой, более глубокий, смысл, относящийся к человеческой жизни и смерти...

Когда же метафора становится самоцелью, метафорой ради метафоры, пусть даже и развернутой, тогда стихотворчество превращается в безделицу, в игру. Тогда поэзия теряет основной смысл, главную цель: отобразить человеческую жизнь со всеми ее глубокими переживаниями и высокими устремлениями. Превращение поэзии в «ассоциативный ряд условно-знаковых координат», за что ратуют критики М.Эпштейн, К.Кедров и другие, не способствует достижению этой главной цели, а наоборот — уводит

от нее на путь блужданий в потемках новаторства и экспериментализма.

Корни современной метапоэзии угадываются в отечественной декадентской поэзии начала XX века. Но в отходе нынешних молодых стихотворцев от традиции, точнее сказать — от пушкинской традиции в русской поэзии, велико влияние и западной декадентской мысли.

В журнале «Октябрь» (1987. №9) нашла место очередная статья под названием «Ностальгия по настоящему», где немало места уделяется восхвалению стихов этих, как их теперь называют, «нонконформистов». Вновь они названы «новым поэтическим поколением», как будто поэтическое поколение, вынужден я повторить, это лишь некая группа, исповедующая «новые» творческие принципы. И уже все остальные пишущие сверстники в понятие этого «поколения» как бы не вписываются.

Автор статьи В.Шохина, рассуждая о стихотворческих попытках одного из представителей нонконформистского — технократического — течения в современной поэзии и, как она пишет, «вполне сознательно» осуществляемой им стратегии «превращений и скрещиваний», цитирует такие строки: «Я там умер вчера. И до ужаса слышно мне было, как по твердой дороге рабочая лошадь прошла, и я слышал, как в ней, когда в гору она заходила, лошадиная сила вращалась, как бензопила...» После чего В.Шохина заявляет: «На мой взгляд, это одно из самых сильных трагических стихотворений в сегодняшней поэзии».

Приходится напоминать критику, что лучше бы в своих работах воздерживаться от столь категорических оценок, таких как «самое сильное», «одно из лучших» и т.д., в особенности, когда имеешь в виду современность. Ведь практически невозможно охватить одним взором все публикуемые ныне стихи в нашей великой поэтической стране (не говоря уже о стихах неопубликованных), чтобы вести речь о **самом** сильном, **самом** трагическом. Хотя бы еще и потому, что в «одном из самых сильных» стихотворений можно и не заметить элементарной языковой безграмотности: «в гору она заходила». Заходят НА гору, а в гору — поднимаются, идут... К тому же, в отличие от «взгляда» В.Шохиной, на мой взгляд — действительно очень грустно, когда подлинно трагическое в литературе и в жизни (чего-чего, а

этого у нас всегда было в достатке!) заслоняется для критики уродливыми ассоциациями, «образами», высосанными из пальца. Если здесь и возможно говорить о трагедии — то лишь о трагедии несчастного автора приведенных «стихотворных» строк, убивающего молодость за пустым занятием.

«Нонконформисты» в переводе с английского — несогласные, не признающие традиций. Но в чем же состоит цель их новых формальных изысков? Вряд ли в создании именно литературных, духовных ценностей. Похоже, ими движет горячее желание самоутверждения, дешевой популярности через оригинальничанье, эпатаж, эстрадный шум, критическую болтовню. Разве цель поэзии в том, чтобы необычнее самовыражаться?

Мне кажется, да нет, я уверен: эти «нонконформисты» лишены способности поэтического видения мира — и потому вообще не способны именно к поэтическому изображению. Эти «стихотворцы» задались целью создать новую, искусственную флору поэзии, однако живая поэзия с ней не срастается, она сама отторгает от себя эти «пластмассовые елочки» и «металлургические леса». У них разные клетки, их атомы не совмещаются, происходит реакция отторжения или взаимоуничтожения, как при столкновении вещества с антивеществом. Ведь поэзия **не всё** в себя впитывает, **не всё** может являться пищей для нее, **не всё** составляет ее плоть. Кто-то думает, что произведи он подобное «скрещивание» — и это уже станет поэзией, потому что — эффектно и необычно. А критика в лице В.Шохиной сразу же даст и оценку такому насколько извращенному, настолько и притяннутому за уши «ассоциативному» видению: «...посмотрите, какая сила чувств... какая здесь щемящая тоска по прошедшему...»

Однако критик, как и сами замкнувшиеся на голых эффектах «стихотворцы», забыли или никогда не думали о том, что веществом поэзии и веществом живой природы может быть только органическое вещество, не срастающееся с мертворожденными побрякушками всякого рода «экспериментов». По крайней мере даже и мертвая вещь должна быть одухотворена и возвышена действием живой человеческой души. Мне могут возразить, приведя в пример искусственные сердечные клапаны или металличе-

ские кости, вживленные в организмы некоторых людей. Но ведь помня об этих людях, мы будем говорить все-таки о больных, неполноценных организмах.

Алхимия слова сродни деятельности авантюристов алхимии вещества, немало экспериментировавших в своих «лабораториях» над получением «философского камня», способного простой металл превратить в золото, и изобретением «эликсира молодости». Они и жизнь тщились создать искусственно. Ничего не вышло. Хотя в ходе своих экспериментов алхимики открыли фосфор и нашатырь, но золото — меру всех материальных ценностей — не создали.

Живая, истинная поэзия — то же золото. Стихотворные экспериментаторы могут «найти» свой нашатырь в виде «металлургических лесов» или «бинокля совы», однако создать з о л о т о им не по зубам. Подлинному поэту не нужны ни словари, ни энциклопедии, ни указатели путей его нахождения. Он **знает, видит, чувствует** его в собственном сердце. Золото поэзии возникает не в ходе «лабораторных исследований», оно сотворяется в глубине человеческой души, рождается в счастливых творческих муках, как всё живое на земле. Алхимикам стихотворчества надо бы понять раз и навсегда: золото нельзя с д е л а т ь.

Точно так же, как живая природа страдает от загрязнения искусственными продуктами современной цивилизации, живая поэзия изнемогает от засорения вымученными и насильно навязанными ей аксессуарами неумного «эксперимента». «Эксперимент» в поэзии сравним с вторжением техники в природу: и то и другое оставляет после себя поваленные, изуродованные деревья, выкорчеванные корни, развороченную землю, срезанную траву, грязь, перемешанную с отвратно разящей соляжкой, разруху, асфальт, бетонные серые коробки — одним словом, территорию, не пригодную для нормальной, естественной жизни не только флоры и фауны, но и самого человека.

Человек на этой территории поначалу задыхается, болеет, но постепенно перерождаясь, сам становится роботом, неотделимой частью техники, придатком ЭВМ. Таков путь экспериментальной науки. На этом пути человек забудет старую, живую поэзию. Начнется поэзия машин и компьютеров. Путь этот погибелен для природной жизни. Тех-

ника стремится человека во всем заменить, вытеснить и за ненужностью — отменить, уволить, запретить, чтобы одной осталась в мире и всецело властвовать в космосе. На этот путь нас толкает «нонконформистское искусство».

В.Шохина в своей статье, оправдывая эксперимент как таковой — и в науке, и в литературе — впадает, к сожалению, в прямую демагогию: «Если уж нам говорить об эксперименте в широком смысле, то нам ли, живущим в стране уникального исторического эксперимента, так уже пугаться этого слова!»

Ничего не остается, как ответить ей без обиняков: да, мы немало экспериментировали в своей истории, и не потому ли сейчас нам приходится очень многое перестраивать!

2

Странные мысли навяли мне вышедшие в разных московских издательствах в 1985 году сборники стихов трех тридцатилетних поэтов, не обделенных вниманием критики. После прочтения их книг я почувствовал ранее не знакомое мне, какое-то новое поветрие, все более захватывающее, увлекающее отдельных новоявленных стихотворцев послевоенного поколения. Много раз я спрашивал себя: что это? — не передавшееся им по кровному и духовному наследству трепетное отношение к святым для нас понятиям, очерствение души, принижение и опошление памяти? Давайте попробуем разобраться.

Наверное, оттого, что в прежние времена очень часто с трибун произносились высокие слова, за которыми не стояло ни выстраданной боли, ни сердечной правды, слова эти для поколения, оберегаемого от каких бы то ни было личных потрясений, потеряли свое подлинное звучание, стерлись, стали малозначимы. Через сорок с лишним лет после самой страшной войны мы, ныне живущие, и старые и молодые, напряженно помним и долго, ох как долго еще будем помнить о ней, потому что таких жестоких утрат и страданий прежде не знала история.

В сорок пятом году наши отцы и деды спасли мир. Наверное, это было им предназначено исторической судьбой. Громадные жертвы оказались не напрасны. Все это так. И такое не должно повториться. Но вот я читаю холодные,

бросающие в дрожь своим равнодушием слова человека, родившегося в пятидесятые годы и взявшего на себя право говорить от имени всех — и живых и мертвых:

Мы не раз вызволяли народы из тьмы,
За полком посылая полк,
Пол-Европы засеять своими костями —
Интернациональный долг.
О страдания чаша! А сколько чаш
Мы испили? Мы в этом толк
Понимаем. Наверное, это — наш
Интернациональный долг.

Кто это «мы»? Не слишком ли поспешно и легко Юрий Поляков причислил себя в слове «мы» к тем, кто действительно вызволял народы из мрака фашистского порабощения?! Понимает ли он, что стоит за его безразличными словами «за полком посылая полк»? Знает ли он: куда «посылали» полки? В состоянии ли он увидеть, почувствовать за отправленными в ненасытное пламя войны полками хоть одного живого человека?

После того, как советские солдаты «засеяли пол-Европы своими костями», — не кощунственно ли столь размашисто рассуждать об их непомерном долге? Долг каждого из нас, не воевавших, — не бросаться громкими словами, а научиться хранить строгую, скорбную память, бережное уважение и любовь к павшим. Они умирали не для того, чтобы кто-то из нас через много лет мог самоупоенно и самовластно судить об их долге...

Однако Ю.Поляков прочно взялся за военную тему. «Не могу не писать о войне!» — восклицает он в одном стихотворении своей книжки «История любви», изданной в «Современнике». Чем же обосновано такое, казалось бы, благородное стремление? Долгими раздумьями? Мучительным осознанием невосполнимости рано угасших человеческих жизней? Или исключительно желанием быстрого взлета на волне военно-патриотического воспитания? По книге Ю.Полякова не видно, чтобы его стихи вышли из-под пера после долгих раздумий, их отличает мелкотемье, суетливое многословие, невыстраданность, вкусовая и языковая невзыскательность, типа «В подушке каждого младенца Сидит заржавленный осколок».

Ю.Поляков и сам признается в собственной «неправомочности» обращения к военной теме, заявляя при этом: «Я пишу без п р а в а». В другом стихотворении читаем:

На фронте не убили никого!
 Война резка — в словах не надо резкости:
 Все миллионы — все до одного —
 Пропали без вести.

Более странных слов о войне я не встречал. Что бы автор в этих строках ни имел в виду, как бы их далее ни развивал, строки эти в самом начале, просто сами по себе — оскорбительны по отношению к бессмертным, незабываемым подвигам, к славе героев, далеко ведь не сплошь безвестных. Дело не в том, что погибнуть, пропав без вести, — оскорбительно, нет. Оскорбительно строить мелкие, ложные обобщения из похода брошенной фразы: «На фронте не убили никого». Удивительно, что Поляков этого не чувствует.

А ведь я помню: Поляков неплохо начинал, и именно с темой войны были когда-то связаны его лучшие стихи. Но, видимо, прежние удачи, кстати отмеченные критикой, вскружили голову молодому поэту, и незаметно для себя он впал в легкомысленную декларативность и беспечную нетребовательность в своей работе над словом.*

Теперь давайте обратим внимание еще на одного москвича — Михаила Поздняева, издавшего в «Советском писателе» первую книжку стихов под названием «Белый тополь». И посмотрим, как он выражает свое отношение к людям, опаленным последней войной:

В пельменной иль пивной
 исполнимся виной
 пред хмурыми отцами,
 что приняли свой бой
 моложе нас с тобой —
 ягнятами, птенцами.

* Критика Ю.Полякова единодушно изымалась редакторами из всех моих критических статей, публиковавшихся в журналах в конце восьмидесятых годов. Причина: Ю.Поляков являлся в то время секретарем Союза писателей РСФСР. В конце концов строки эти вошли в мою книгу критики, запланированную «Современником» на 1990 год в серии «Диалог со временем». Но в последний момент, когда книга была набрана и подписана в печать, директор «Современника» Л.Фролов приказал аннулировать набор готовой к печати книги.

Во-первых, заметим, правильнее говорить: исполнимся вины. А во-вторых, зададимся вопросом: если М.Поздняяев и ратует за совесть по отношению к воевавшим отцам, то почему именно «в пельменной иль пивной»? Да и совсем уж не вяжется это грубое и обидное сравнение молодых отцов с «ягнятами». Но дальше — больше:

И громом в облаках —
в их круглых кулаках
гудят стаканы с красным
самтрестовским вином.
И город за окном
им кажется (?) прекрасным,
как в те лихие дни,
когда сошлись они
к столу — в военкомате —
с гармошкой на горбе,
с окурком на губе (это в военкомате-то! — В.Х.)
и с тройкой в аттестате...

По многоточию после «тройки в аттестате» невозможно не понять столь ехидного авторского намека на то, что наши «хмурые отцы» попали на фронт потому, что плохо учились в школе...

Цинизм — это и есть подленькая издевка и беспардонная насмешка. Читаешь некоторые строки Поздняяева и чувствуешь, что хихикающему стихотворцу доставляет какое-то странное удовольствие возможность хотя бы в стихах поставить на кухонную захлавленную полку рядом с луком и пивной бутылкой Достоевского и Толстого:

Слався, Кухонная Полка,
где соседствуют карболка,
полкоробки сухарей,
две бутылки из-под пива,
медицинская крапива,
аспирин и лук-порей!
Рядом с куклою слепую
банка с гречневой крупую
здесь устроила постой,
следом — жмутся и теснятся,
рыжей кожей лоснятся
Достоевский и Толстой.

Но в то же время понимаешь и другое: под Кухонной Полкой подразумевается что-то иное, если пишется она с заглавных букв... Догадываешься, что она — название некой территории, области, чуть ли не страны, поскольку на ней умещаются и рощи, и стада, и толпы, и поле, хотя на поверку она есть нечто примитивное и довольно банальное, вроде всамделишной, самой обычной кухонной полки:

Полка? Бог с тобою — поле!
Там шатаются от боли
рощи, толпы и стада —
словом, все, что мы с тобою
непутевою судьбою
называем б е з с т ы д а.
То, что нас на карту ставит,
то, что нас т е с н и т и д а в и т,
жмет, как р ж а в ы е т и с к и,
под свою строгаёт мерку.
А на деле, на поверку —
два гвоздя, кусок доски.
(разрядка моя. — В.Х.)

А разве не того же эффекта стремится достичь М.Поздняяев в нарочитой забывчивости, придуманном отсутствии памяти, вернее, уважения к памяти, которые приводят к написанию таких вот строк: «Дни в трясине лет увязли и на память не идут. Проще самого простого — дату казни Льва Толстого, члена тайного кружка, или тютчевской дуэли в предвоенном Коктебеле, у подножья Машука — я не помню». Но с какой издевкой автор признается, что при всей своей непамятливости он помнит лишь дни зарплаты: «И с лицом молодеватым я по **пятым** и **двадцатым** за зарплатою стою...» (выделено автором).

Книга М.Поздняяева полна всевозможных намеков. Каждый волен толковать их по-разному, однако есть в них что-то однотипное, завязывающее их в один узел. Каждый увидит, что намеки эти одного порядка: «Вот этот прах именовался «Дом». Вот этот хлам когда-то звался садом», «И ты, мой Василек, растешь сегодня корнями вверх и книзу головой». Или это: «Я не грущу по упадку ремесел... Дело найдем мы и за морями...»

В книге Поздняяева немало беззастенчивых заимствований, причем нередко переименованных на свой лад: «Иных

уж нет, а те — их тоже нет», «Где гарантия, что им... этот *желтый едкий* дым будет сладок и приятен?» (курсив мой. — **В.Х.**), «...и парус одинокий в тумане...», «Вот уголок земли, где я провел...»

Пренебрежительное отношение к полю, которое «давит» автора «как ржавые тиски», становится причиной пренебрежения и к русскому языку: «Кой тебе годик?», «ключищу на сквере», «Торчишь, как клоун, на людях», «скопище облак», «там смог течет», «дам и юниц», «судьба копала ему ловушку в виде искупленья» и т.д. И эта выморочная, пестрящая элементарными грамматическими ошибками книга издана в «Советском писателе»!

Но вот я беру в руки книжку другого автора, тоже пытающегося писать о войне, и снова — «мы воевали», «мы вызволяли», «нас убивали», «наши страдания». Откуда это стремление с такой легкостью встать рядом с героями? Ведь не дети же они в самом деле! И должны понимать, чего стоят такие строки:

Слепые пули Сталинграда
нас убивали наповал.
Нам открывались круги ада (?),
каких и Данте не знавал (!!).

И наши смертные (?) поступки
воспел и галл, и бритт, и финн... (?)
Ах мама, не греми посудой,
когда идет военный фильм...

Как лестно, наверное, сидя спокойно у экрана телевизора и смотря «военный фильм», приравнивать себя к тем, кого убивали пули Сталинграда! Эти чванливые строки, из которых, как уши осла, вылезают «смертные поступки», что воспел «*бритый финн*», я обнаружил в очередной поэме А.Щуплова, напечатанной в его книге «Повторение непройденного» («Молодая гвардия»). Вот ведь в чем дело: оказывается, достаточно кое-кому из молодых поэтов посмотреть фильм «про войну», чтобы тут же написать: «нас убивали наповал» и возомнить, будто им открылись такие «круги ада», каких «не знавал» сам великий Данте! И отнести стихи в издательство. И стать продолжателем неувядающей темы поэтов военного поколения. Но словно чувств-

вуя за собой грешок суесловия, они все время оправдываются. Один, не желая отказываться от многообещающей темы, говорит, что будет за нее держаться «без права», другой (Щуплов) — только потому, что, будто бы, «родился с последней войной», хотя в аннотации к его книге сказано: родился в 1949 году.

Новое поветрие, захватившее часть нынешней молодой поэзии, действительно похоже на цинизм. Поэма А.Щуплова «Доказательство от обратного», как и публиковавшаяся ранее — «Серебряная изнанка», затрагивает некоторые исторические реалии Российского государства. По отношению к прошлому своей страны, к судьбам тех или иных конкретных исторических лиц в общем-то нетрудно определить духовную сущность автора, тип его умонастроений, степень этической зрелости, развитости души.

Но что можно сказать о поэте, имеющем такой взгляд на нашу историю, на русский народ: «Порой из русской ахи-неи, репьями очертившей путь (?), проглядывала, пламенная, судьба народа, свет и суть». Из какой это «русской ахи-неи» проглядывает свет и суть нашего народа? Что можно подумать о поэте, в таком духе характеризующем в прозаической части поэмы людей, составивших славу российской словесности?

«— О язык! В русский язык, сударь мой, немцы насыпали слов немецких, петиметры — французских, предки наши — татарских, педанты — латинских, переводчики священного писания — греческих... Вот вам и язык! И все-таки *зараза ништячества* (курсив мой. — В.Х.) весь российский Парнас невежественно охватила. — Горькая засмешка молнией пролетела по нетолстым губам Сумарокова».

А вот как Сумароков отзывается, по Щуплову, о Тредиаковском:

«— А-а-а... Поповский заскребушек, — напыскал глаза собеседнику слюнями Сумароков. — Когда сей ч е р н и л ь - н ы х д е л м а с т е р (разрядка моя. — В.Х.) протягивает мне руку, я с опаской взираю на его ногу: не отдал бы! В молодости был *атеиста*, поэтому по старости сделался святошей и переложил стихами (назовем это стихами!) всю Псалтирь» (курсив автора).

И далее: «Уж задохнулся Сумароков морозным русским языком. Он стул поднял над головою, приняв за утро пол-

ведра». Третьяковский же, этот «чернильных дел мастер», в поэме А.Шуплова только тем и занимается, что пишет доносы...

О какой этической зрелости и развитости души можно вести речь после пошлейших до неприличия перлов, которыми напичкана поэма от начала до конца? Я бы не стал их цитировать, не будь они опубликованы молодежным издательством: «Трещат парижские корсеты на грудях, вырвавшихся в ночь». О России: «Все церкви твои в целомудренном блюде пред небом бесстыдные выставят груди». О мученике-самосожженце: «Молчал сожженец полутрупом. Качался облак угловой. Уж таял снег. И голопупом Амур летал над головой». О царице Елизавете: «Елисавет сидела с грузной грацией, и пудра уже начала сыпаться в ее декольте в форме каре».

Наверное, хватит? Однако обилие пошлости, даже скабрёзности в поэме не ограничивается поразительно нездоровым интересом к разного рода корсетам и декольте. Из поэмы не ясно, чем прогневил «тонкую» натуру нашего стихотворца сподвижник императрицы Елизаветы генерал-фельдмаршал А.И. Шувалов, но поиздевался над ним Шуплов от души: «Шувалов дал отсрочку строчке, потер на животе нагул и зло гусиные пупочки в лицо французю отрыгнул», «Ну а Шувалов от томленья пошевелил собою стул и, удалившись в размышленья, ягнячьим мясом отрыгнул», «Шувалов толстым носом хрюкнул». Если добавить сюда выраженье «издав животный булькоток», то получится, что А.Шуплов в своей исторической поэме уделит немалое внимание неопрятному процессу пищеварения у елизаветинского начальника тайной канцелярии. Воистину прав Шуплов, говоря о своем «творчестве» в последней книге: «И слова, будто рыбы, раздувшие алые зебры, натекают с утра в мой струящийся тщетный язык».

Когда в стихах молодых авторов встречаются какие-то языково-стилистические или чисто вкусовые погрешности (как у того же А.Шуплова: «тырком, ошупкой, насшибок») — это еще полбеда, это, может быть, дело поправимое, изживаемое со временем. Другое дело — цинизм. Он впитывается глубоко. Он способен разрастаться с годами. Циничный человек, а тем более пишущий стихи, — явление, мягко го-

вора, удручающее. Опошлить при желании можно все: историю, народ, культуру. И очень жаль, когда откровенная пошлость в поэзии как бы не замечается критикой, а порой даже и находит своих защитников.

В аннотации к книге Щуплова «Повторение непройденного» сказано: «Поэма-хроника «Доказательство от обратного» знакомит читателя с историческим прошлым нашей Родины, тематически перекликаясь с его предыдущей поэмой «Серебряная изнанка», принесшей автору популярность в самых разных читательских аудиториях». Поэтому не могу промолчать и о той «предыдущей» поэме Щуплова, «принесшей автору популярность», если верить аннотации. Поэма также называется исторической, но построенной на материале фольклора. Поначалу я не мог понять столь странного названия поэмы, однако внимательно ознакомившись с ней, увидел ее подлинную, лицевую сторону. Но об этом в следующей главе.

3

Народное творчество, как известно, анонимно. Но значит ли это, что современный поэт может брать народные речения как прямую основу образной системы своего произведения и претендовать при этом на оригинальность и единоличное авторство? Ведь фольклор — тоже литература, а народ — тоже автор. И, кажется, выдавать народное творчество за свое могут только люди безответственные, уповающие на то, что другие этого не заметят, или сознательно не считающие подобную практику литературным воровством. Разумеется, использовать фольклор в своей работе литераторам никогда не возбранялось, но ведь никому не приходило в голову претендовать, к примеру, на авторство пословицы «На воре шапка горит». Как бы вы ни меняли порядок слов в ней, все равно автором ее будет народ, да и не найдется на свете такого смельчака, который всерьез бы заявил, что слова эти он сам придумал.

Однако народное творчество очень велико, если не безбрежно по своему объему. Далекое не все сказки, песни, пословицы и поговорки мы можем знать или помнить. Для этого существуют различные словари и сборники, кропотливо составленные русскими писателями, учеными, соби-

рателями фольклора. Труд их колоссален, неповторим по своей значимости и, казалось бы, не может не вызывать в каждом сердце глубочайшего уважения и благодарности. И все же кое-кто, как увидим, имеет на этот счет свои, далекие от общепринятых, суждения и пытается чужой труд выдать за собственные находки и откровения.

Несколько раз в периодике мне приходилось встречать хвалебные статьи и отзывы относительно поэмы А.Шуплова «Серебряная изнанка», вышедшей в «Молодой гвардии» в сборнике его стихов под таким же названием. Собственно, под влиянием критики я в свое время прочитал эту поэму и должен сказать, что мой интерес к ней увеличивался с каждой страницей: ничего подобного в литературе я еще не встречал, хотя многие строки поэмы показались мне очень знакомыми. Если бы строки эти были заключены в кавычки, я бы только посетовал на обилие цитат в поэме и не придал бы этому факту большого значения, но тут в кавычках я обнаружил лишь одну знакомую мне строчку: «Тенти-бренти, пришла коза в ленте», — остальные же шли без них, как авторский текст:

Все, у кого уши выше лба растут,
все, кто переплыл море, а в луже утонул,
все, кто подковал козла, чтобы мерин не падал,
все, кто хлебал молоко, а отрывает чесноком,
все, у кого нос с локоть, а ума с ноготь...
все, у кого по моде — голова в комод...
все, кто с медом и лапоть съест,
ждут, когда солнышко задом оборотится.

Евгений Евтушенко в своей статье «Надежда надеяться», напечатанной в «Литературной газете», хваля поэму, признавался: «Иногда даже не разберешься: то ли это искусно цитируемые народные м е т а ф о р ы, то ли новоизобретенные?» (разрядка моя. — **В.Х.**).

Но разобраться можно. Достаточно взять в руки «Пословицы русского народа. Сборник Владимира Даля» и убедиться, что приведенные выше стихотворные цитаты — это пословицы, собранные Далем и «искусно» переписанные Шупловым в свою поэму.

У Даля читаем: «Выше лба уши не растут», «Переплыл море, да в луже утонул», «Подковать было козла, чтоб ме-

рин не падал», «Хлебал молоко, а отрывивает чесноком», «Нос с локоть, а ума с ноготь» и т.д., и т.п. На протяжении всей поэмы происходят эти, мягко говоря, «заимствования» фольклора, а точнее — беззастенчивое присвоение чужого труда. Знал бы Даль, на кого он работает! Для разнообразия приведу еще несколько примеров Щуплова-Даля: «Передние колеса лошадь везет, а задние сами катятся», «У каждого — хвост длиной в великий пост», «Наперед — оплеуха, назад — тычок», «Глаза — по кулаку, а слеза — по палке». Вот вам и лицевая сторона поэмы! Это ли не информация для критиков и литературоведов! Изнанка была серебряной, каким-то будет лицо?

Поэма называется исторической, построенной на материале фольклора. В то время, как две трети объема «Серебряной изнанки» без всяких кавычек просто-напросто списаны из сборника «Пословицы русского народа». Никакой ссылки на Даля или хотя бы мимолетного упоминания о нем в поэме нет. Исторический же материал содержится лишь в беспорядочных, неизвестно зачем притянутых эпиграфах из самых разных источников, словно автор то и дело желает нам доказать свою начитанность. Здесь перемешались протопоп Аввакум, Симеон Полоцкий, Державин, Ахматова, Иван Жданов и ученик десятого класса А.Калик. Кроме них, в эпиграфах шесть раз используется Шамфор и семь раз Вольтер.

В самой же поэме историческое лицо — английский король, который сыплет русскими пословицами, опять же любезно предоставленными Далем: «Не торопи умирать, дай состариться!», «Жена ль моя — не баба? Дети ль мои — не ребята?», «Или в лесе вам леса нету? Или в людях вам людей нету?»

Е.Евтушенко так заканчивает свой анализ поэмы Щуплова: «Разгребая чрезмерные цитаты, полузавалившие поэму, я много раз искренне радовался тому, что эта поэма возбуждает счастливую надежду надеяться на то, что наша поэзия никогда не иссякнет». Но надежда Е.Евтушенко на деле основана вовсе не на щупловском тексте. Ведь «полузаваленный» чрезмерными цитатами А.Щуплов забыл поставить в кавычки даже известную строку Данте: «Земную жизнь пройдя до половины», — не утруждаясь при этом грамотно ее переписать (у Щуплова: «земную жизнь прой-

для наполовину»). Используя фольклор Щуплова (собранный В.И. Далем), о существе поэмы хочется высказаться цитатой из нее:

Махалка измахалась.
Брыкалка избрыкалась.
Во лбу звездочка мизикает.
Издали и так и сяк, а вблизи — ни то ни сё.

Трудно понять, для какой цели Щуплову понадобилось в таком огромном количестве засыпать свою поэму русскими пословицами. То ли он и впрямь хотел выдать их за собственный текст, то ли таким способом желал оправдать принцип раешной поэмы?.. Ведь пословицы, записанные им длинными столбцами, не несут в контексте поэмы никакой смысловой нагрузки, художественно и логически ничем не оправданы. Тут невольно подозреваешь автора в насмешке над читателем.

Должен еще раз повторить: использовать фольклор в литературной работе никому не запрещается. Все зависит от знания: каким образом и для какой цели. Народное творчество надо тоже уметь уважать. И очень грустно, что «счастливая надежда» Е.Евтушенко на неиссякаемость поэзии «возбуждается» при разгребании в чьих-то стихах «чрезмерных цитат».

Знания сами по себе литературы не делают. Некоторые поэты забывают о том, что знания даются и для того, чтобы не повторяться. От соблазна сыграть на своих познаниях и на публицистическом материале не отказался и другой нередко упоминаемый в обзорных критических статьях молодой поэт Геннадий Красников. Его поэма «Эпицентр», по примеру Щуплова, пестрит теми же грехами: упор на эпиграфы, ставка на прочитанное. Отчего происходит такое? Может, от слабости. Авторам нечего сказать, и они говорят чужими словами, чужим голосом, призывают на помощь великих или сильных мира сего. Однако сказать так ничего и не удается.

Все эти многочисленные эпиграфы не что иное, как спасательные круги, с помощью которых стихотворец, не умея самостоятельно плавать в море поэзии, пуская пузыри, пытается добраться до берега, где его ждет, как ему кажется, признание и почет. Но за первыми аплодисментами

приходит неизбежное разочарование, потому что никогда блеск и мишура не имели долгой жизни. И что это за поэмы пришли в литературу?! Поэмы, состоящие из эпиграфов, примечаний, заимствований, подражания и откровенного плагиата! Ведь и впрямь: по меньшей мере каждая десятая строчка поэмы А.Шуплова украдена.

Если же говорить о личном «вкладе» А.Шуплова в «Серебряную изнанку», то я уже тогда, до знакомства с «Доказательством от обратного», был поражен тем обилием расхристанной пошлости, какой перенасыщена поэма и которую, по всей видимости, автор использует как выразительное средство в своем «стихотворчестве»: «Девка ахнет, в жар нырнет, руки расплескает. А сама к груди прижмет и не отпускает. Ну а грудь у ней, каких не увидать ныне: прут из кружев золотых золотые дыни». Или: «Значит, так: он вышел на дорогу, видит, в небе облако плывет. Ночь тиха, пустыня внемлет богу, то есть слышен собственный живот».

Пошлость остается пошлостью во что ее ни ряди, и принцип раешной поэмы не может служить ей оправданием.

У меня нахальством плечи скошены
и зрачки вылазят из углов (?).
Мне по средам снится критик Кожин
с толстой книгой «Тютчев и Шуплов».

Что это? Мальчишеская наглость или унижение великого поэта? А может, и то и другое одновременно?

Молодым свойственно озорничать и в жизни, и в литературе. Однако есть допустимые пределы. Есть понятия, которые для всех нас святы. Увы, для Шуплова пределы эти, видимо, не обозначены. И он ёрничаёт:

Сегодня я — болтун, задира, циник —
земную тяжесть принял на плечо (?),
и сам себе — и Лев Толстой, и Цыбин,
и Манделштам, и кто-то там еще.

Возмущает уже не столько дурное скоморошество автора, сколько позиция редактора, одобрявшего подобное.

Конечно, слабые строчки можно отыскать у кого угодно, дело не в них. Строчку нетрудно поправить. Но как излечить микроб хлестаковщины, передавшийся некоторым молодым стихотворцам, как инфекционное заболевание, и

губящий, разлагающий недавно здоровую душу? Этот микроб опасен для всех, и не только в поэзии...

«Не душа болит, а что-то около», — признается А.Шуплов в одном из своих стихотворений. Весьма загадочное обозначение «болевого точки» или больного места поэта!.. И не в этом ли таинственном «около (!) души» зарождается более чем странная, необъяснимая тоска по некоему, зашифрованному для читателя з о н т и к у, под которым, как полагает автор поэмы «Серебряная изнанка», может в грядущем укрыться все человечество?

«Лирическое отступление о зонтике» не раз поставит читателя в тупик. Сначала воодушевивший автора зонтик называется «солнешник», так что, похоже — речь и впрямь идет о солнечном зонтике, а волнение пишущего связано с тем, что этот полезный предмет находится в загоне у лирических поэтов («А солнешник — простой и милый зонтик — который век стесняются воспеть!»). Шуплов намеревается восполнить этот пробел, отбросив рутину и предрассудки. И тут же выясняется, что для воспевания зонтика надо отбросить не вообще предрассудки, но именно щепетильность, даже стыдливость, ибо доселе обойденный поэзией предмет — «простой и милый зонтик» — оказывается сродни... «санузлам и унитазам», «ночным горшкам и писсуарам»:

А что стесняться? Кончим дело сразу!
Закусим удила, рванем вперед,
поскольку санузлы и унитазы
вошли в литературный оборот.
И, поражая уши кулуаров
новейшей энтээровской стряпней,
волна ночных горшков и писсуаров
влилась в словесность мощною струей.

Именно вслед за этой «струей» А.Шуплов спешит воспеть «зонтик», который «как невидимый прогресс сопровождал рокочущей эпохи возвратно-поступательный процесс». И при этом предрекает милому предмету славное историческое будущее:

...И если вдруг в ненужный миг догадок (?)
(не дай-то бог, что этот миг придет!)
шипящий, черный ядерный осадок

как гром на наши головы падет,
мы зонтики надвинем, словно латы (?),
любимых бесполезно (?) скрыв плечом...

«Зонтик» становится символом самых высоких понятий: с одной стороны, место ему в «музее Добра», с другой же стороны, он способен осенять человечество в лучших его, возвышенных порывах:

Пусть зонтик наш (?) стоит как символ веры
и учит быть хорошими людьми (?).
Пусть рядом сбор проводят пионеры
о бесконечной дружбе и любви.

Похоже ли это на насмешку или издевку — не стану уточнять. Но символом какой веры способен служить «зонтик»? Неужели и вправду он имеет какие-то — одному Щуплову ведомые — духовного рода заслуги перед человечеством? Неужели «зонтик» на самом деле в состоянии защитить нас от ядерной грозы?.. И что ж он такое — этот «зонтик», «солнечник», если Щуплов заговорил о нем именно в продолжение темы «ночных горшков и писсуаров»? Не хочу никому навязывать расшифровку этого понятия, но все же должен сказать, что А.Щуплов, считающий себя профессиональным литератором, обязан бы и знать, что на уголовно-блатном жаргоне это слово обозначает не что иное, как... фаллос. Впрочем, разгадка тут, в сущности, одна: неуважение к читателям, неуважение к поэзии.

После прочтения поэмы А.Щуплова «Серебряная изнанка» у меня возникло такое ощущение, будто и впрямь я увидел не лицо, а темную изнанку стихотворчества. Поэтому и счел необходимым показать ее лицевую сторону, которая обнаруживает, что лица-то у автора как раз нет — есть разве что личина, ухмыляющаяся маска, готовая лишь дурачить читателя ложной фольклорностью, ложной свободой творчества... Жаль, что ей это удалось — по крайней мере относительно ряда критиков и даже поэтов.

Как это ни прискорбно, последние чаще всего изошряются в апологетических упражнениях, посвященных друг другу. Сверстник А.Щуплова Геннадий Красников изливается в дифирамбах на страницах «Литературной России» (1986. №37): «Стихи Александра Щуплова читать весело... Весело

оттого, что тебе как читателю передается какое-то восторженное, праздничное отношение к слову, к музыке стиха». «**Увлекательный** сюжет, **необычное** построение, **богатый** исторический материал (мы это уже видели. — **В.Х.**), **патриотический** пафос (видимо, подразумевается «русская ахинья». — **В.Х.**), **прекрасный** язык (!) соединяются в новой поэме (имеется в виду поэма «Доказательство от обратного». — **В.Х.**). «Все **богатство** интонаций, все **кладовые** лексикиспользует он в стихах. Для него самый страшный грех — правильность...», «Стихи А.Шуплова... точно передают современность вообще, его отношение к истории, к прогрессу, к миру, войне», «...он сам себя вышколил (!) на опыте близких по стилю старших товарищей» (выделено мной. — **В.Х.**). Уж не Евтушенко ли здесь подразумевается под «старшими товарищами»? Что тут скажешь?.. Когда для стихотворца самый страшный грех — правильность, тогда и рождаются такие перлы, как «сбор... о бесконечной дружбе и любви»...

Грустно видеть подобные явления в нынешней поэзии. Еще грустнее сознавать, что явления эти не единичны, что они образуют уже заметный поток, изливающийся в умы и души поклонников поэтического слова, среди которых немало молодых читателей. Прививая определенный вкус, циничный стихотворец порождает циничного читателя. Долг тех, кто желал бы для будущего сохранить здоровым организм русской поэзии, — противопоставить всему наносному в ней произведения молодых, проникнутые даром высокой художественности и духовности.

4

Мне приходит на память, казалось бы, в сравнении с А.Шупловым, безобидный случай. В «Молодой гвардии» был издан сборник стихов трех юных поэтесс: Е.Славоровой, Л.Оспищевой и Е.Горбовской. В аннотации к сборнику помещены такие слова: «Лирический герой трех московских молодых поэтесс — наш современник, только вступающий в жизнь: мир перед ним распахивается настезь, всё удивляет. Это проникновенные строки о родных и близких им людях, о Родине. Стихотворения насквозь биографичны, свежи, искренни, полны обаяния юности». И вдруг у одной из них — Е.Горбовской — читаю:

Глупые, безоблачные лица
И глаза, готовые влюбиться —
Двоечницы, дуры, кобылицы —
Жаждают счастья, верят в небылицы
И целуются в подъездах со шпаной,
Перемазавшись помадою губной...
А потом — дождина проливной
Ломится в оконное стекло (?),
И ревут — по-бабьи, громко, зло
В одуревшие от ужаса подушки (?) —
Школьницы, девчонки, потаскушки.

Что ж, может быть, строки эти и «биографичны», и я отнюдь не считаю, будто в жизни нашей ничего подобного не встретишь. Мне только не понятно, на какой читательский вкус рассчитывало издательство, восторженно аннотируя неуклюжие признания о «глупых, безоблачных лицах», «кобылицах» и «потаскушках» как «проникновенные» и «полные обаяния юности» стихи о «нашем современнике»? Разве такой молодая современница видится комсомольскому издательству? — «Медленно ползет Лифт вдоль этажей (?). Как же мне везет На чужих мужей. Прислонясь к стене, Я кусаю рот (?), Потому что мне — Вообще везет».

Издание первой книги у многих нынешних «молодых» растягивается на долгие годы. Груз неизданного давит на них, отравляет душу, порождает пессимистические настроения. Это ненормально, и это отрицательно сказывается на всей нашей поэзии. Но такая ненормальность, как ни удивительно, уживается рядом с потрясающими фактами сомнительной скороспелости, поспешности при издании стихотворных сборников едва оперившихся и не в меру пробивных городских «современниц», о чем можно судить на примере той же Е.Горбовской, Н.Турбиной, О.Лебедушкиной.

В своих рифмотворческих опытах они хотят выглядеть очень взрослыми, искушенными в жизненных страстях, мировых проблемах и в «чужих мужьях». Но при этом с ними неизбежно случаются обычные грамматические казусы школьных времен: «лифт вдоль этажей» (вдоль — значит в длину), или «я кусаю рот». И мы бы простили им эти опыты, когда бы издательства не распространяли и не реклами-

ровали их заведомо примитивную продукцию массовым тиражом.

Конечно, для того, чтобы понимать и распознавать поэзию, уметь отличать ее от бездушных стихотворных поделок, необходимо самому обладать поэтическим зрением. Подлинная критика, как уже говорилось в начале этой книги, требует именно поэтического понимания художественного произведения. Только тогда она оказывается способной к выявлению всех его тонкостей и глубины, только поэтическим слухом критик в состоянии уловить неслышимую мелодию, льющуюся изнутри художественного творения.

Мысль эта не нова, ее высказывал еще Аполлон Григорьев. Но в жизни всегда есть чему удивляться: немало занятельного можно обнаружить в комментариях современных поэтов к стихотворным публикациям своих молодых собратьев по перу. Преследуя благие цели, желая поддержать добрым словом, эти поэты самым курьезным образом подставляют начинающего автора с его еще слишком уязвимым творчеством под неизбежный критический обстрел. Отчего это происходит? Наверное, оттого, что далеко не всякий поэт, как это ни парадоксально, в действительности обладает совершенным поэтическим слухом.

Вот что пишет в небольшом предисловии к стихам М.Тарковского, опубликованным в том же, что и статья В.Шохиной, девятом номере «Октября» за 1987 год, Юнна Мориц: «За этими сухими (биографическими. — В.Х.) фактами — судьба и личность молодого поэта, у которого в отличие от многих «пишущих» сверстников есть свой собственный жизненный путь (!) и реальный опыт. И даже в этом (в чём? — В.Х.) видна незаурядная творческая сила и воля, в чем убеждаешься, когда читаешь его стихи... В его стихах много пленительной свежести, раскованности».

Тут редактору отдела поэзии журнала «Октябрь» надо было бы заметить, что и у остальных «пишущих» тоже есть какой-никакой, но все же «свой жизненный путь» и «реальный опыт», несмотря на то, что Ю.Мориц им в наличии таковых отказывает. И, конечно, у каждого этот «путь» и «опыт» — особенный. Что же касается «незаурядной творческой воли», то на сей раз поэтесса оказалась права, «воли» этой и «раскованности» молодому автору не занимать.

Не согласен я однако с тем, что такая «раскованность» способна создать впечатление «пленительной свежести» и «естественности». Судите сами.

Было тихо. Все уснули.
К темным окнам лип снежок.
Мысль в башку влетела пулей,
Из мозгов потек стишок.
.....
Я зардеюсь, буду мучиться с ответом,
Дегустируя черничное варенье,
И отвечу: «Я зоолог по анкетам,
Но мне нравится писать стихотворенья».
.....
Затаюсь на пиршестве гигантов,
Я глотаю мысли не дыша...
Если небо сравнивать с талантом,
Я бы был созвездием ковша.

Разумеется, неплохо «бы быть» созвездием, хотя бы даже и «ковша». Хуже другое: когда «мысли» «в башку влетают пулей» и «глотаются не дыша», тогда действительно при всем желании «писать стихотворенья» из «мозгов» «потечет» по меньшей мере лишенный свежести и естественности бездарный «стишок», как бы ни раздаривала хвалебные эпитеты Ю.Мориц.

5

Цель этой статьи отнюдь не заключается в «разносе» чьих-либо слабых стихов или в *разоблачении* каких-то мнимо-значимых авторов. Я вообще не стал бы братья за перо, когда бы прежде всего не имел горячего желания показать пример творчества истинного, когда бы в поколении тридцатилетних не видел поэтов, данных милостью самой природы, окрыленных силою земли нашей, богатой на таланты.

И как бы критика, пишущая о поэзии, ни пыталась исказить панораму вступающего в литературу нового поколения, проповедуя и воспевая тенденции «поиска» и нонконформизма, — все же не заглушить, не умалить голосов поэтически чистых и естественных, которых, на счастье и на спасение наше, имеется в достатке.

Кто это придумал, что русская поэзия вдруг ни с того ни с сего обмельчала и утратила значительность? Кому понадобилось заводить подобные разговоры? Так и хочется спросить: кому это выгодно? Конечно, если трезвонить во все колокола об А.Паршикове, А.Еременко и А.Щуплове, то можно и впрямь поверить, будто русская поэзия себя изжила. Но, к счастью, такого никогда не было и не случится: истинная поэзия живет и здравствует, независимо от того, кем заняты поэтические программы Центрального телевидения и страницы литературного журнала «Юность».

Мне кажется, слова В.Белинского, сказанные в свое время об Алексее Кольцове, звучат сейчас еще более современно, чем даже в те далекие годы: «...он является среди дикого и нескладного рева, которым терзают уши публики гг. непризванные поэты... является в то время, когда хриплое карканье ворона и грязные картины будто бы народной жизни с торжеством выдаются за поэзию... Грустная мысль!.. Неужели и в самом деле стихотворное паясничество и кривлянье должны заслонить собою истинную поэзию?..»

В противовес «историческим» поэмам А.Щуплова, отмеченным критикой и принесшим, как нас хотят уверить, автору «популярность», я хочу привести небольшое стихотворение, тоже касающееся истории нашей Родины, критикой не замеченное, хотя и опубликованное дважды: в «Дне поэзии» и во второй книге стихов молодого автора:

Забудь про земные свободы,
Но ухо к земле приклони —
Услышишь подземные воды,
Шумящие здесь искони.
Услышишь — восходят из гари
Потомки родов и племен
От плотника до государя,
Издrevле — до наших времен.
Восходит под вечные своды
Все то, что горело дотла, —
И нового века заводы,
И древних веков купола.
И в шуме грядущего гула,
Не слышанного отродясь,

С тобою и пахарь Микула,
И Красное Солнышко князь.
И в будущей памяти, с ними,
Душа обретает и зрит
Отечество, отчество, имя
И свет, что над нами горит.

В этом стихотворении сказано о вещах более понятных, точных и дорогих каждому русскому сердцу, способному слышать подземные токи родной земли, «шумящие здесь искони». «Потомки родов и племен», восходящие «из гари», — «Все то, что горело дотла», «Отечество, отчество, имя» — это не шупловская «русская ахинея», из которой якобы «проглядывала... судьба народа, свет и суть». Свет здесь не проглядывает, а, обретенный и зримый душою, «над нами горит». Это стихотворение принадлежит Владимиру Карпецу.

Его стихи уже сейчас удивляют глубиной мироощущения, в них отражается чуткая восприимчивость автора к жизни народа и пережитое слияние явлений действительности с образами его фантазии, с порывами сердца. Они проникнуты трепетной любовью к российской природе, полны напряженной думы о нашем историческом прошлом. Чувство возвышенного патриотизма и сознание сыновнего долга перед Отчизной ярко окрашивают все страницы его второй книги стихов «Свет над нами», изданной в «Современнике» в 1985 году.

Я возвращаюсь в даль веков,
Меня зовет сгоревший кров
И над юдолию земною
Зовут глаза нетленных тел:
Оставь себя и свой надел,
Пиши, что было со странюю.

Не так ли в Туле и Твери
Стоять за други до зари
Звала земля?.. Смотри, смотри —
То предок слышит зов набата:
Оставь свой плуг и меч бери —
«Враги сожгли родную хату».

Это стихотворение-призыв, обращенное взглядом в глубь российской истории, не может не найти отклика в ду-

шах наших современников, всех тех, кто не равнодушен к судьбе родной земли. Как тут не вспомнить, не сравнить слова Ю.Полякова, цитированные мною выше, «На фронте не убили никого» со словами поэта того же поколения — Владимира Карпеца! Стихи разных авторов бывает достаточно поставить рядом, чтобы оценить по достоинству присутствие подлинной поэзии.

Склонность В.Карпеца к философскому осмыслению жизни, выразившаяся поначалу в двух его прозаических книгах «Федор Глинка» и «Муж отечестволюбивый», заметно сказалась и на его лирических размышлениях с их глубиной и выразительностью:

Всё мы едем и едем — поля, переезды, грачи...
Так светла и тревожна твоя бесконечная дума...
Эта жизнь прошумит — говори же о ней... Но молчи
О святой тишине, колыбели вселенского шума.

Этой глубины и выразительности В.Карпец достигает с помощью осязательных, зримых образов, путем художественно впечатляющих обобщений:

За окошком медленное тленье.
Ждет зимы синичник на стволе;
Брось-ка в печь веселые поленья,
Чтобы жарко стало на земле!

И тогда из-под любого крова
Души дров, сияя, воспарят,
Словно знаки круга мирового
Золотою буквицей горят.

Словно все ворота открывает
Дивный град на солнечной горе...
Вот какие думы навевает
Печки жар в холодном ноябре.

Тяга к художественным обобщениям выводит поэзию В.Карпеца на дорогу **нравственных исканий**, венчающихся благородной, жизнеутверждающей авторской позицией.

Примечательно в этом смысле стихотворение «Космоплаватель», где поэт пытается посмотреть на отношения человека и Вселенной несколько непривычным взглядом,

иронизируя по поводу его усиленных потуг познать тайну космоса, тайну, которую, по мысли автора, разгадать невозможно. Став «насельником пустоты», устремясь на пустые «колоземные круги» и тем самым удовлетворяя жажду познания, претензии «гордого ума», человек отрывается от той красоты (невольно разрушая ее), что дарована ему самим космосом, красоты, где стучит по лугу дождь, ворожат пчелы, «смежает веки океанская вода»... Человек же беспрельдно стремится во тьму, «вперед», исчисляя «пути светил» и не ведая, «что там, выше...»

...Будет дождь стучать по лугу,
Будут пчелы врожать...
Кто пустил его по кругу
В беспредельности кружить?

Светят звезды лежанные...
Нету радуги-дуги.
Пусты околземные,
Колоземные круги.

...Но летит, летит землянин,
Воплощая зов мечты;
Был оратай-поселянин,
Стал насельник пустоты.

Выше неба, выше крыши —
Радость гордому уму,
Все вперед, а что там, выше, —
То неведомо ему.

Чувство сострадания к живой природе, потребность единения с нею легко разглядеть в пейзажной лирике В.Карпеца. Неторопливые, вдумчивые слова заставляют прислушаться и поверить в искренность, подлинность душевной работы поэта, когда, к примеру, он говорит, прощаясь с золотом сентября: «Если осыпется этот лес, Что останется мне? — Холод осенних пустых небес, Рябь на речной волне», когда с приходом унылой предзимней поры признается: «У людей и природы одна Путь-дорога в кольце мироздания». Даже и в стихах о любви поэт верен своей немногословной и точной манере в выражении глубокого, сильного, порой горького чувства:

Нет, не выйдет у нас ничего
И — чтоб вышло, не нужно, поверьте.
Одиночество выше. Его
Не похитишь у жизни и смерти.

..Так зачем эта тьма так поет?
Так зачем сгоряча и тревожно,
Проблистав от низин до высот,
Между нами, как молния, бьет
Этот отблеск любви невозможной?

Будем надеяться, что Владимир Карпец, достигший поэтической зрелости, еще более разовьет и возвысит свой самобытный, крепкий талант.

Когда Юрий Кузнецов в своем интервью для «Книжного обозрения» (1987. №40) сказал, что настоящей поэзии из всего публикуемого только один процент, — он был не прав. Многих поэтов мы просто не знаем. Они есть, однако критика, в большинстве своем, говорит о чем угодно и о ком угодно, но только не о них. В литературно-критическом потоке имеются радостные исключения, как, например, Александр Казинцев, на страницах «Нашего современника» открывший всесоюзному читателю кемеровского поэта Игоря Киселева, или Татьяна Глушкова, впервые поведавшая об имени, никому дотоле не известном — Вере Никитиной, опубликовав со своим предисловием ее удивительные по чистоте стихи в «Дне поэзии» за 1978 год (первая книга стихов Веры Никитиной вышла в «Советском писателе» в 1988 году).

При всей нашей критической разноголосице и разношерстности истинным ценителям поэзии есть на кого возлагать надежды, и это далеко не евтушенковские находки с его «надеждой надеяться». И пусть мною уважаемый Юрий Кузнецов утверждает: «Звать меня Кузнецов. Я один, остальные — обман и подделка», — это его личное дело и мнение. Сам он, кстати сказать, был избалован критикой, о нем писали много и разное, что, возможно, и подтолкнуло его на такого рода эгоцентризм.

Но есть, например, поэт Юрий Никонычев, живущий в Москве. И что-то я давно не видел, чтобы кто-нибудь написал о его творчестве хоть несколько добрых слов, как, впро-

чем, и критических. Поэта не замечают, обходят молчанием, хотя он уже пятнадцать лет публикуется в центральной прессе, и это при том, что А.Щуплова, Г.Горбовскую и Ю.Полякова не раз упоминали в ряду *самых* талантливых, интересных, самобытных и т.д. молодых. Налицо — явная подмена ценностей.

Но истина рано или поздно все равно вступает в свои права. Так всегда бывает: когда литературная критика являет свою слепоту и глухоту, и более того, когда она превращается в *кривое зеркало*, защищать истинную поэзию берутся сами поэты.

Первая книга стихов Юрия Никоничева «Зеленая радость» увидела свет в «Советском писателе» еще в 1978 году, когда автору не было тридцати. Вторая — под названием «Напев» издана тем же «Советским писателем» через девять лет — в 1987 году. Такой разрыв между книгами обусловлен не творческим кризисом автора, а нынешней консервативной, долгоплановой, тихоходной издательской практикой, при которой считается вполне нормальным, когда тоненькая книжка стихов ждет выхода в свет восемь, десять, двенадцать и более лет. Такова горькая действительность (напрашивается вопрос: имели бы мы великую русскую поэзию девятнадцатого века при подобной проблеме книгоиздания?). И больших изменений к лучшему в ближайшем будущем скорее всего не предвидится.

Но повторяю: как поэт Ю.Никоничев сложился до своего тридцатилетия, а пора его творческого созревания и становления пришлось на годы, предшествовавшие выходу первого поэтического сборника. Это видно и по стихам, в него вошедшим. В них почти нет проходных строк, слова, эпитеты не выпирают, не кричат, но мысль напряжена, глубока, неординарна. Лирическое дыхание стихов естественно и свободно, в чем легко убедиться, например, по стихотворению «Море»:

...Ты безучастно рокотало,
Играя вечною волной,
И ничего не обещало
Мятущейся душе немой.
Не оттого ли ночью звездной
В твоей необозримой мгле

Нас привлекает рокот грозный,
Теряющийся на земле.
Зыбей холодное волненье
Душе навевает сон светлей,
Чем сладкий голос утешенья
Лесов цветущих и полей.

В первой главе этой статьи я говорил об *органическом веществе* поэзии как о непереносимом условии ее жизнеспособности, ее бытия. Говорил, что всякое инородное тело, насильственно привнесенное в животрепещущий организм поэзии, неизбежно губит ее или должно быть ею из себя вытолкнуто.

Главным признаком творчества Ю.Никоньчева я бы назвал именно органическую связь душевного мира автора с живым и таинственным миром природы, связь, буквально пронизывающую стихотворную ткань всей его новой книги. Пусть извинят мне такое сравнение, но я увидел здесь тютчевское ощущение мира — в интонации, во взгляде, в трагическом слиянии с духом природы. Тютчевское «О чем ты воешь, ветер ночной? О чем так сетуешь безумно?.. Что значит странный голос твой..?» я вспомнил, когда читал: «Лес шумел вековой немостою, бесконечною думой объят», когда проговаривал про себя:

Шумит ли ветер, или свищет дождь,
Иль гром грохочет в смутном отдаленье, —
Любому звуку образ свой найдешь,
Но в этом ли твое предназначенье?

Ты сам лишь звук необъяснимых сил,
Что вызвали тебя из бездн вселенной;
В тоске твой образ кто-то воплотил
Для утвержденья мысли сокровенной.

Не только эхом в этом мире быть
Дождя и грома иль земного ветра, —
Твое предназначенье — воплотить
Мерцающие тайны тьмы и света.

Но ведь это — о предназначении поэта, задача которого — не только быть эхом голосов природы: ветра, грозы, дождя, но, что более важно, — воплотить в слове иль в звуке

«мерцающие тайны» человеческого существования и «бездн вселенной».

Душа поэта, сливаясь с образом природы, сама становится ее естественной, одухотворенной частью, которая приобретает зримые очертания:

Листопад.
Холодные ветра,
Словно птицы, свищут до утра.
Фонари качаются во тьме, —
Милая, не думай обо мне.

В комнате моей темным-темно.
Безучастно ночь глядит в окно.
Чей-то голос слышу в тишине, —
Милая, не думай обо мне.

Словно птицы свищут до утра
За окном холодные ветра.
Фонари во тьме сырой горят, —
Милая, ты видишь —
Листопад...

В стихах Ю.Никонычева есть та подкупающая таинственность, которая не требует объяснения, расшифровки, ибо понимается исключительно сердцем. Но таинственная эта *информация* необходима нашему сознанию ничуть не меньше, чем точные, документальные факты, узнаваемые прямым зрением, постигаемые логической мыслью. Она дает нам возможность ощущения себя в мироздании, в своей слитности с землей, небом, с пением птицы, блеском росы... Ощущение поэтом этой целостности мира приводит к *духовным прозрениям* — плодам всякого настоящего творчества.

Александр Гончаров при жизни не опубликовал ни строчки своих стихотворений. Более того, он даже никому их не показывал. Умер он в Москве в 1979 году, и только через восемь лет после этого его вдова осмелилась принести эти стихи в редакцию журнала «Молодая гвардия», где я в то время работал. Таким образом они попали в мои руки, и я оказался их первым читателем.

Стихи меня захватили. Во-первых — своим поэтическим уровнем. И, во-вторых, таким фактом: на желтых страницах рукописи под стихами стояли очень давние даты: с 1941 по 1948 годы. Я тут же позвонил Зинаиде Ивановне Гончаровой — вдове поэта. И вот что я узнал: Александр Александрович Гончаров родился в 1924 году в Москве. Здесь же окончил среднюю школу, курсы шоферов и в 1943 году в свои девятнадцать лет ушел на фронт. Был он простым солдатом, водителем бронемашин. Освобождал Украину, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию и после победы над Германией сразу же был направлен на Дальний Восток — воевать дальше, с Японией.

В мирное время старший механик А.Гончаров плавал в Арктике на легендарном «Красине», работал в МВТУ им. Баумана.

Но что примечательно: последние стихи А.Гончарова помечены 1948 годом. То есть расцвет его поэтического дарования пришелся на самые тяжелые для нашей страны годы. Причем в сорок первом году ему было всего семнадцать лет, а в сорок восьмом — двадцать четыре. В дальнейшем А.Гончаров серьезным поэтическим творчеством почти не занимался, так что мне в руки попали стихи молодого, если не сказать юного, человека, написанные в грозное время нашей истории и отмеченные печатью истинного, светлого, пронзительно-русского таланта.

Опять в пути. Опять переселенье.
Опять, пугливо кутаясь в дожди,
Бегут назад туманные селенья,
Чтобы возникнуть снова впереди.
По сторонам, беззвучно рассыпаясь,
Летит в кюветы веером вода,
И ветерок, на стекла натываясь,
Уносится неведомо куда.
Вся мысль — в ревуших яростных моторах,
Вся жизнь — в руках, застывших на руле.
Из-под колес летит змеиный шорох,
Резиной придавленный к земле.
А впереди опять встают туманы,
Плывут навстречу мутной пеленой.
Когда ж блеснет луч солнца долгожданный,
Всему живому близкий и родной?
Брось яркий свет на пасмурные дали!

Чтоб, прежде чем идти в смертельный бой,
Не из обломков перебитой стали,
А средь полей увидеться с тобой.

Стихи семнадцати-двадцатилетнего Александра Гончарова — не по возрасту зрелы, особенно по сравнению со стихами некоторых нынешних «молодых» переростков, поднимаемых на щит современной критикой. Что-то давно мы не видели в наше мирное, сытое время стихов, в столь раннюю пору написанных, в которых проступали бы серьезные приметы мировоззрения, чувствовалась бы закаленная душа, готовая к жизни и к смерти во имя своего идеала.

Заинтересованного читателя я хочу с радостью отослать ко второму номеру журнала «Молодая гвардия» за 1988 год, где опубликована подборка стихотворений А.Гончарова, сочинявшего их в окопах, блиндажах, за рулем бронемашин, под артобстрелом, бомбежкой. Это стихи поэта тонкого душевного строя, с оружием в руках ковавшего великую победу.

Не могу не привести еще одно его стихотворение «Большой перевал», написанное в Хингане летом 1945 года, когда еще шла война с самурайской Японией.

Мне не спалось. Я встал чертовски рано —
Опять тоска...
Со мною рядом на хребтах Хингана
Спят облака.
Сырой туман наверх ползет по скалам
В ночную тьму,
И кажется — за этим перевалом —
Конец всему...
Я вспомнил фронт, карпатские дороги —
Была война,
А здесь туман, да горные отроги
И — тишина...
И, точно сон, рожденный тишиною,
В лучах луны, —
Как будто снова рядом ты со мною, —
Как до войны...
Как будто ты — неслышно и незримо —
Идешь со мной
Через огонь, через завесу дыма,
В мороз и зной...

Мне кажется, эти строки могли бы достойно встать рядом с сурковской «Землянкой» и симоновским «Жди меня».

Что ж, есть поэты на нашей земле, о которых мы узнаем не сразу, а лишь после их смерти. Таких немало было среди поэтов-фронтовиков. И конечно же, мы до сих пор знаем не всех. Русская земля действительно богата талантами, многие из которых так и уходят не признанными, не услышанными, не оцененными. Да, впрочем, большинство из них, не знаемых нами, и не стремились к известности, к признанию. Они жили тихо, скромно, скрывая от знакомых свое тайное общение с Музой... Тем интереснее их открывать, тем благодарнее мы должны относиться к ним сейчас, когда они от нас ушли.

Но уходят от нас и признанные таланты. Совсем недавно мы потеряли воистину одного из лучших (если не самых значительных после Николая Рубцова), подлинно русских поэтов — Анатолия Передреева, крупность которого для нашей литературы мы еще до конца не сумели осознать.

Анатолий Передреев оставил после себя настоящие поэтические жемчужины, многие строки его уже сейчас стали крылатыми: «Околица родная, что случилось, Украина, куда нас занесло? И города из нас не получилось, И навсегда утрачено село», или это: «Заболев по родимым краям, Из далеких вернусь путешествий...», или: «Перебирают детство, как наследство...» Не перестанут вызывать грустную улыбку его «Ботинки»: «И было мне понятно только, Что я остался босиком... Ну как я в город Севастополь Таким поеду босяком?!» Наверное, каждый, кто имел радость лично общаться с поэтом, не раз слышал, как он читал: «То ли сон о старшем брате, То ли память детских лет: Рук широкое объятье. Портупея. Пистолет».

Анатолий Передреев оставил нам и свой литературный завет — небольшую поэму «Баня Белова», в которой простыми, ясными словами впервые, может быть, в современной поэзии после многих пессимистических, даже апокалиптических философствований о погибельности технократической цивилизации вдруг показал нам *свет в окне* лишь на время уснувшей далекой вологодской деревни и подарил надежду на ее возрождение:

К деревне ведет и тропа и дорога.
Еще так богата земля, и так много

И сил, и красоты у земли этой древней...
Доколе лежать ей, как спящей царевне,

Доколе копить ей в полях своих грусть,
Пора собирать деревенскую Русь!

В этой поэме деревня предстает *спящей царевной* из сказки В.А. Жуковского, о чем с прозорливой проницательностью еще при жизни А.Передреева успела сказать Татьяна Глушкова в своей книге статей «Традиция — совесть поэзии»: «Характерно, что в полном соответствии с фольклорной традицией, со всем мудрым жизненным опытом народа, мостком перехода от небытия к бытию, средством, служащим обновлению помраченного, утраченного духа, оказывается в повествовании А.Передреева *быт*, бытовое-физическое действие, подготавливающее тело к возвращению в него души. В данном случае это — русская деревенская, «черная» баня с ее «целительным даром», подобным свойству мертвой и живой воды, воскрешающей в сказках сраженного героя».

Анатолий Передреев как бы вручил нам руководство к действию. А действительность и время устами поэта диктуют свою волю:

Пора! — это Времени слышно веленье —
Увидеть деревне свое возрожденье.

А все, что в душе и в судьбе наболело, —
Привычное дело, привычное дело...

Во второй половине двадцатого века такие поэты как Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Николай Тряпкин, Анатолий Передреев — самые яркие продолжатели классической, пушкинской традиции в русской поэзии. Их творчество предельно искренне, жизнеутверждающе и оптимистично, несмотря ни на какие тяготы их жизни, неустроенность быта, перипетии личной судьбы. Их поэзия — подлинна. Их отношение к творчеству, к великому русскому слову должно являться примером для каждого, кто чувствует в себе силу поэтического дара, кто одержим стрем-

лением к истинно духовной работе, а не к мнимым успехам литературных экспериментов и стихотворному паясничеству.

Из личного общения с Анатолием Передреевым я вынес для себя урок необычайной строгости и честности к Поэзии. Несмотря ни на что, при любых обстоятельствах А.Передреев был до предела искренен, до жестокости честен в своем творчестве и во взгляде на стихотворную работу других. Он мог месяцами не написать ни строчки, ибо брался за перо только по велению взволнованной души и чистого, неподкупного сердца. И потому мы не найдем в его стихах ни одного фальшивого слова, ни одной случайной, лишней строки.

Известно, что А.Передреев был самым близким другом Николая Рубцова. Два чистейших, честнейших поэта второй половины двадцатого века встретились в Москве и, чувствуя огромный талант друг друга, подружились, делили трудности московской студенческой жизни... Есть фотография, где Рубцов и Передреев — молодые и красивые — стоят обнявшись. Они навсегда останутся для нас молодыми. Даже Передреев — высокий, стройный, подтянутый, улыбающийся, с копной густых волос, с поблескивающими глазами — хоть и пережил Рубцова на семнадцать лет...

Кто из молодых современных поэтов способен так же достойно, высоко и честно пронести переданную А.Передреевым поэтическую эстафету? В одном только можно не сомневаться: это будет поэт, выросший из великой пушкинской традиции и осознавший ее как единственную, многогранную, духоподъемную основу, питающую все истинно русские таланты.

1998 («Молодая гвардия». 1988. №9)

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ СХЕМА

Что такое тенденциозность в литературе? На этот вопрос, не заглядывая в литературоведческий словарь, можно было бы ответить примерно так: тенденциозность — это сознательное нежелание писателя видеть и изображать жизнь во всей совокупности ее проявлений. Когда автор увлечен какой-либо, взятой не из реальной действительности, а головной идеей, долженствующей утвердить в общественном сознании субъективную точку зрения, выгодную ему самому или некоей, пусть даже многочисленной, группе людей, тогда неизбежно и выступает на арену искусства это дурное явление — тенденциозность.

К вопросу о тенденциозности в искусстве с величайшей осторожностью и даже подозрительностью подходили не только классики мировой литературы, но и вожди коммунистического движения. Ф.Энгельс по этому поводу писал: «Чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.37. С.36). Эти простые и точные слова невольно приходят на память всякий раз, когда заходит речь о произведениях нагумевшей прозы, увидевшей свет в последние годы.

Повесть Д.Гранина «Зубр» лишь с великой натяжкой можно назвать повестью. Всем должно быть видно, что это — пространный очерк, причем документальный очерк, в котором почти нет ничего художественного в том смысле, в каком необходимо отличать художественную литературу от публицистики. И в данном случае разговоры о «взаимотношении художественного образа и реального прототипа» (Лавлинский Л. «Лит. обозрение». 1988. №6) не имеют

никакого отношения к делу, так как Гранин сам признается в «Зубре», что ему ничего не надо было выдумывать о Тимофеева-Ресовском, что его повествование основано на «подлинных» документах, личных встречах и воспоминаниях современников ученого. Читается «Зубр», как читается любой очерк — исключительно в познавательных целях, вне всякого расчета на художественные особенности подлинно литературного произведения. И пусть документальная публицистика — это тоже литературный жанр, «Зубр» — все же не более чем публицистика. Поэтому заводить разговор о собственно художественных достоинствах повести «Зубр» безосновательно. Они отсутствуют. Говорить же о «Зубре» как о событии в нашем искусстве — значит, небескорыстно грешить против истины.

Гранин неоднократно подчеркивает: «...все лица у меня достоверные»; или: «Если бы о Зубре я сочинял...» и т.п. Писатель нарочито не устает повторять, что в своей повести он отобразил «единственный ход жизни, который... не мог вообразить», что в ней «Зубр остался точно таким же, каким был». Следовательно, хочу еще раз заметить, нет у нас никаких оснований ссылаться в данном случае на спасительную *правду художественного вымысла* для того, чтобы в темных местах повествования с удобством отделять судьбу литературного героя от судьбы прототипа.

Теперь, переходя непосредственно к судьбе Тимофеева-Ресовского, изображенной в повести, нельзя пройти мимо вопроса: насколько точно она изображена? Насколько беспристрастен и логичен писатель в своем взгляде на эту судьбу, как оперирует фактами и документами, которыми он располагает? Ведь жизнь и деятельность генетика Тимофеева-Ресовского доньше еще не вполне прояснена. Мы пока не можем сказать точно, что знаем всё о его научных изысканиях, опытах, когда он находился и работал на территории Германии в тридцатые и, тем более, в сороковые годы. Недаром же в печати за последнее время появилось столько противоречивых и взаимоисключающих публикаций. Как говорится, дыма без огня не бывает... Но надо отдать должное Даниилу Гранину: он дал толчок к выявлению интересных свидетельств, вынул из небытия истории личность неординарную. Однако остаться объективным и беспристрастным к этой личности писатель не пожелал.

Гранин заранее отвергает всяческие сомнения насчет безобидности биологических исследований Зубра в лабораториях фашистской Германии: «Пустили слух, что в Германии он работал на гитлеровцев, занимался опытами на людях, на советских военнопленных... Фактов не приводили, клевета не нуждается в фактах».

Если клевета в них не нуждается, то правде без них, надо думать, никак не обойтись. К фактам мы еще вернемся, но интересно взглянуть на то, как сам Гранин опровергает данную, по его убеждению, «клевету», на каких документах, на каких «фактах» строит собственную убежденность? А ни на каких. Их у него нет. Но есть домыслы: «Наверняка можно было бы собрать письма, справки, показания спасенных при его участии людей, тех, кому он в годы фашизма оказывал помощь. Сотрудники Буха опровергли бы (еще бы! — **В.Х.**) измышления о каких-то опытах над людьми и тому подобную клевету. Многие дали бы свидетельства — и Лауэ, и Гейзенберг, и Паули. Зубр посрамил бы клеветников и появился бы перед нами как один из **героев** антифашистского Сопротивления. Это была бы **славная** история о советском ученом, который, отвергнув свое безопасное существование, включился по-своему **в борьбу** с фашизмом в центре Германии» (выделено мной. — **В.Х.**).

Многое не согласуется тут у Гранина с логикой рассуждений. Выходит, что Зубр не вернулся в Россию, отверг «свое безопасное существование» ради борьбы с фашизмом в центре Германии. Но ведь за несколько глав до этого умозаключения прозаик размышляет: «Решение Зубра не возвращаться — поступок или **самосохранение**? Можно ли требовать от человека **самоубийства**? И если человек отказался шагнуть в пропасть, то поступок ли это? Каждое время, наверное, имеет свое понятие поступка» (выделено мной. — **В.Х.**).

Напрашивается вопрос: так где же было «безопаснее» Зубру для сохранения своей жизни? В центре Германии или в России? Видимо, там, где он остался. Кошунственно за это осуждать. Генетика в то время подвергалась разгрому в СССР. Но не менее абсурдно делать из него на этом основании «героя антифашистского Сопротивления».

Прозаику приходится гадать: «можно было бы собрать», «опровергли бы» (могли ли сотрудники лаборатории в Бухе

не опровергнуть «слухов» об опытах на людях, если иначе они пошли бы под суд?), «многие дали бы», «посрамили бы», «это было бы» и т.д. Гадания гаданиями, но они не прибавляют ясности и никого не убеждают, потому что, как указывает Гранин, «ничего этого сделано не было».

А вот слухи в свою очередь после выхода в свет повести переставали быть только слухами. Появились некоторые публикации. Так в статье «Страницы Уранового проекта» («Лит. Россия». 1988. №21) С.Иванов рассказывает об участии Тимофеева-Ресовского в разработках по созданию в Германии в 1939—1945 годах атомной бомбы. Как генетик он должен был заниматься проблемами биологической защиты от радиоактивного облучения. С.Иванов, основываясь на документах и публикациях в германской прессе, пишет в своей статье: *«Немецкие коллеги Тимофеева-Ресовского и члены его семинара энергично включились в ядерные исследования. В.Гейзенберг стал научным руководителем Уранового проекта. К.Ф. фон Вайзеккель — ведущим специалистом, Н.Риль как один из руководителей фирмы «Ауэргезельшафт» возглавил производство урана»*. На этом основании очень странным представляется пожелание Д.Гранина сослаться на показания руководителя Уранового проекта В.Гейзенберга о неучастии Ресовского в этом проекте, в то время как последний находился в его непосредственном подчинении...

Далее С.Иванов сообщает: *«Полученный практический опыт позволил в 1941 году выступить с некоторыми обобщениями. Я имею в виду статью «Механизм воздействия ионизирующих лучей на элементарные (основные) биологические единицы» («Натурвиссеншафтен». Тетрадь 29). Авторская связка Тимофеев-Ресовский — К.Г. Циммер (с 1957 года Циммер возглавлял Институт лучевой биологии в крупнейшем ядерном исследовательском центре Карлсруэ в ФРГ. — В.Х.) была в этой статье дополнена еще одной фамилией — Н.Риль. Что это могло означать? Будучи руководителем фирмы «Ауэргезельшафт», обеспечивающей ураном немецкие ядерные разработки, сам Риль, конечно, не мог вести биологические научные исследования. Может быть, он хотел своей подписью упрочить положение Тимофеева-Ресовского в глазах властей? Или материалы, положенные в основу статьи, взяты из практики возглавлявшегося Рилем производства?»*

Так или иначе, Риль поставил свою подпись под статьей, подчеркнув связь Отделения генетики с урановым производством».

А.Кузьмин в «Нашем современнике» (1988. №4), ссылаясь на статью в журнале «Naturwissenschaften» (1942. Тетрадь 40. С.602), говорит об опытах, проводимых в Отделении генетики на военнопленных, которым вводили в кровь радиоактивное вещество для выявления у людей скорости кровообращения. Он же в письме, напечатанном в седьмом номере «Нашего современника» за 1988 год в дополнение к прежде сказанному пишет: *«Сейчас многое поставлено в зависимость от решения вопроса об опытах на людях... Материал С.Иванова стоило бы наложить на сведения Д.Ирвинга (Вирусный флигель. М. 1969. С. 218—220). Дело в том, что проект не сводился к атомной бомбе. Англичан больше пугала подготовка вермахтом радиоактивной войны (распыление радиоактивных веществ с помощью обычного вооружения). И именно это направление разрабатывалось в отделе Ресовского. Норвежские патриоты, взорвав установку для получения тяжелой воды, спасли миллионы жителей Европы и в какой-то степени реноме Ресовского, поскольку проект не был реализован.*

Многое остается неизвестным. Не ясно, как соотносятся с Урановым проектом «опыты» по стерилизации, проводившиеся на тысячах жертв с помощью сильного рентгеновского облучения (см. Иванюшкин А.Я. Врачебная этика и преступления фашистской антимедицины. В кн.: «Философские вопросы биологии и медицины». М. 1986. С. 62—69). Но ясно, что не в этом «храме» следовало бы искать новые кумиры».

Из этих далеко не полных примеров видно, что утверждения Гранина о «клевете» и «подлых слухах», якобы не имеющих под собою никакой почвы, не что иное, как попытка закамouflировать истинную сущность научных исследований сотрудников института в Бухе.

Случаен ли тот факт, что арест гестаповцами сына Тимофеева-Ресовского за участие в подпольной антифашистской организации, впоследствии расстрелянного в концлагере Маутхаузен (вот кто боролся с фашизмом в центре Германии!), никак не отразился на судьбе ученого? Его даже не допрашивали, подтвердив тем самым его значимость в Урановом проекте.

Сам Тимофеев-Ресовский, как известно, публично не опровергал свидетельств о его бесчеловечных опытах в немецком биологическом центре. Гранин по-своему объясняет упорное молчание Зубра: «Неверно было бы считать, что его не заботила собственная репутация. Еще как заботила! Почему же он молчал, так упорно отмалчивался? Я настойчиво допытывался об этом у Воронцова и у Яблокова. С некоторыми оговорками они сходились в одном — гонор мешал».

Может быть, и впрямь Зубру мешал «гонор», но что помешало писателю обратиться к документам, не являющимся секретными, нам не известно. Гранин, так и не сумев привести никаких доказательств обратного, стремится поразить читателя убийственной логикой своего довода: ничего этого не было, потому что «ничего такого не могло быть». Ну что ж, и такая формула бывает неплоха, когда есть вера в правоту своих убеждений. Но, чувствуется, достаточной веры нет и у самого Гранина. Иначе зачем надо срывать на последний бессильный вопрос: «Перед кем оправдываться? Перед клеветниками, шпаной, людьми, лишенными совести?»

Действительно, зачем надо на протяжении всего повествования оправдываться за своего героя с помощью голословных предположений, не подкрепленных ничем, кроме «личного мнения», если оправдываться не перед кем?

Несколько раз в повести Гранин заставляет нас поверить в то, что его герой — потомственный дворянин — был ярким противником антисемитизма. Думается, никто из читателей в этом не сомневается: писатель сам рассказывает о том, что Зубр даже во время войны («в центре Германии») принимал на работу в свою лабораторию лиц еврейской национальности. Казалось бы, все понятно. Но, сообщив об отвращении своего героя к антисемитизму, Гранин через несколько страниц напоминает об этом во второй раз, затем — в третий, в четвертый... Господи, хотелось сказать, да ясно же это, ясно! Но нет, Гранину словно очень сильно хочется кого-то в этом убедить...

Представьте себе, если кто-нибудь, взявшись описывать жизнь каких-либо великих русских ученых, ну, скажем, Сеченова, Павлова, Циолковского, то и дело повторял бы тезис об их неприязни к антисемитизму. Такая настойчивость

наверняка вызвала бы недоумение и подозрительный вопрос: и чего это автор так суетится, чего столько времени вертится вокруг одного качества в натуре своего героя? Это что, главная черта в характере человека? По-моему, с гораздо бóльшим доверием и с большей симпатией стоит относиться к людям, являющимся противниками любого национального экстремизма.

Работу над производственным романом «Новое назначение» А.Бек закончил в 1964 году, до снятия с поста главы государства Н.С.Хрущева. Временной фактор написания романа прослеживается с его первых до последних строк, и, несомненно, он имел огромное значение как для самого автора, так и для внутреннего развития замысла данного произведения. В эпоху Сталина и Брежнева такой роман вряд ли был бы написан Беком. Сейчас же, вчитываясь в текст, все время чувствуешь, что автор как бы *отстаёт* от нынешнего взгляда на затрагиваемую историческую действительность, что в наше время о многом в своем романе А.Бек сказал бы резче, откровеннее, прямее (подлинная литература и по-настоящему талантливые художники в своем предвидении всегда опережают историю). Тем не менее «Новое назначение» — это именно производственный роман начала 60-х годов — эпохи «потепления» — с попыткой даже не осуждения (в содержании романа этого нет), а осторожного показа негативных сторон сталинизма через образ Александра Леонтьевича Онисимова, получившего от Сталина неожиданное назначение на должность народного комиссара танкостроения.

Онисимов в романе — сталинист, честный, принципиальный исполнитель указаний партии, причем исполнитель, нередко идущий наперекор собственному мнению и собственным убеждениям, которые в конце концов оказываются верными, но в момент так называемой «сшибки» личного мнения с мнением *Хозяина*, олицетворявшего *мнение партии*, умеющий подчиниться, так сказать, соблюсти партийную дисциплину. Пример тому — история с электропечью конструктора-самородка Лесных, идею которого Онисимов отклонил, не поддержал, счел неперспективной в металлургии, но после личного распоряжения Сталина беспрекословно провел эту идею в жизнь, в кратчайший

срок осуществил в Сибири строительство завода по выплавке стали методом Лесных. Практика доказала первоначальную правоту Онисимова: изобретение Лесных оказалось несвоевременным, его печи не дали желаемых результатов, их пришлось разрушить. Но ослушаться постановления Совета Министров СССР, как это сделал академик Челышев, Александр Леонтьевич — высококлассный специалист своего дела — не нашел гражданского мужества, да и к тому же считал предосудительным. Это постоянное преодоление себя, сшибка личного убеждения с вышестоящим (первоначально роман так и назывался — «Сшибка») стала причиной нервной болезни (начали дрожать пальцы) и зарождения в его легких раковой опухоли.

Онисимов обречен, он это понимает, но врачи продолжают его обманывать, то утверждая, что у него запущенная форма пневмонии, то находя признаки какой-то редкой болезни под названием актиноминоз.

Сшибка с гражданской совестью рано или поздно приводит человека к личной трагедии. Это на образе Онисимова хочет доказать нам Александр Бек. Сталинизм, как раковая опухоль, убивает, разлагает душу и организм любой здоровой личности. Это, видимо, основная концепция романа. Выживают и имеют будущее не исполнители типа Онисимова, а такие бесстрашные люди, как Челышев, Головня-младший. Роман заканчивается символически оптимистично: «Час спустя Василий Данилович (Челышев. — В.Х.) в шляпе, в пальто шагает по каменным приступкам дома приезжих под ночное небо Андриановки, чуть окрашенное мерцающим багровым отливом. Доменщика-академика влечет завод». А в это же самое время из кремлевской больницы в престижный санаторий уезжает (лечение — бесполезно) якобы для поправки здоровья бывший нарком Онисимов — уезжает умирать.

Роман бесхитростен, прямолинеен: даже честный, убежденный член партии, но сталинист — не имеет никаких перспектив на будущее, должен заживо сгнить, хоть бы и в привилегированном лечебном заведении. И все бы именно так воспринималось, когда бы роман Бека был опубликован в том же 1964-м или по крайней мере — в 1965 годах. В наше время о «Новом назначении» редко бы кто вспоминал, во всяком случае нелепо сейчас было бы

его критиковать. Но история распорядилась иначе, и трагедия романа, а еще больше его автора состоит не только в том, что роман опубликовали только в 1986 году, но, по моему убеждению, в том факторе, что между временем его написания и опубликования лежит целая эпоха, названная нами «периодом застоя». Александр Бек, поставив последнюю точку в «Новом назначении», по всей вероятности, совершенно искренне предполагал, что сталинизм и сталинисты — явление прошлое, отжившее, что онисимовы в своих санаториях доживают последние дни. И глубоко ошибся. Колесо истории повернулось вспять.

Слабость романа А.Бека состоит, главным образом, в том, что автор не понял действительности, не почувствовал грядущих изменений в политической и нравственной жизни страны, не увидел тех, кто в скором времени придет к власти и двадцать лет будет править страной, толкая ее к пропасти и расплодив многомиллионную армию алчных бюрократов, тормозящих развитие нового в науке и в производстве, поступая еще хуже, чем делал это его главный персонаж по отношению к энергичному, неординарно мыслящему металлургу Головне-младшему. А придут даже не сталинисты (у тех были убеждения и бескорыстная преданность делу), придут отвратительные карьеристы и политические демагоги в союзе с преступной мафией коррумпированной номенклатуры. Ведь преемник Онисимова в романе — новый министр черной металлургии Цихоня, «покладистый» и беспринципный, уже приказавший разрушить самую первую, экспериментальную печь Лесных, очень удачно впишется в будущую систему «ударных» пятачков застоя... Цихоня хуже Онисимова.

А.Бек слишком уверовал в историческое невозвращение своего героя и просчитался. Брежнев перечеркнул его надежды. Общество было заражено *культу личностей* (имя Брежнева стало обязательным употреблять с дополнением «лично»), и оно не могло избавиться от этой болезни, не переболев ею самым жестоким образом. Но эта зараза, как чума, требовала немалых жертв. И уйти из жизни раньше времени пришлось не бековскому Онисимову, а самому автору романа, так и не увидевшему конца новой, «застойной» эпохи извращенного сталинизма. Можно уверенно предположить, что трагедией для него стал не факт запре-

щения романа к печати, а сознание ошибочности главной идеи романа. Необладание же даром предвидения и художественного прозрения всегда оборачивается для писателя творческой неудачей и даже трагедией как художника.

Однако есть острая необходимость сказать следующее: сталинизм, даже в том виде, в каком его представляет нам большинство органов печати, еще далеко не изжил себя, не ушел насовсем в прошлое. Мы и теперь еще не имеем ни моральной, ни конституционной гарантии невозвращения авторитарной власти и командно-административных форм управления во всех сферах нашей жизни. И потому никто еще не может сказать, что с культом личности покончено навсегда, что раковая опухоль сталинизма не способна себя возродить, что метастазы этой болезни уже не будут разъедать наше общество в будущем.

Ныне становится ясно, что А.Бек писал свой роман на потребу дня, в русле официального, хрущевского, курса в общественно-политической жизни страны конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, не ожидая и не чувствуя резких изменений в нравственной атмосфере общества последующего двадцатилетия. И потому его роман — конъюнктурный. Трагедия писателя Пыжова, выведенного в «Новом назначении», в лице которого легко угадывается Александр Фадеев с его попыткой создания романа «Черная металлургия», роковым образом повторилась в судьбе самого Александра Бека. Как литературный герой Пыжов, как реальный писатель Фадеев, так и сам А.Бек, увлекшись ошибочной, иллюзорной идеей, каждый в своем конкретном случае оказались обреченными на творческое поражение.

«Все мы дети Арбата...», — констатирует И.Золотусский в «Литературном обозрении» №6 за 1988 год. Что это: походя брошенные слова? Лично я себя к подобным *детям* не отношу, да и вряд ли согласятся с мнением Золотусского люди, с которыми я строил КамАЗ, газопровод «Сияние Севера» и новые кварталы Москвы. Более того, они, возможно, сочтут за оскорбление такое высказывание, так как жизнь свою провели в каждодневном физическом труде и знают цену куску хлеба и заработанному рублю. Для многих из них Арбат — не более чем салонно-аристократи-

ческое местечко Москвы, а дети Арбата — это те, кто провел там свое беспечное детство. И хотя известный критик вполне справедливо считает, что нашумевший роман А. Рыбакова «поражен... политическим резонёрством и риторикой логики», все же никак не могу согласиться с невольно оброненной им рискованной фразой.

Прежде я уже высказывал мысль о том, что Арбат внедрился в наше общественное сознание не случайно, он стал как бы центром оторванного от жизни и от народа *круга* интеллигентствующих бездельников, именующих себя нонконформистами и разуверяющихся во всем: в Родине, в народе, в себе, наконец.

«Мы — дети страшных лет России», — сказал Блок. Писатель А. Рыбаков и вместе с ним критик И. Золотусский под Россией подразумевают исключительно Арбат. Пусть даже «дети Арбата» для них своего рода метафора, тем не менее наш народ — это столь грандиозная величина, что она никак не умещается в границах подобного метафорического видения.

Что же касается одноименного романа А. Рыбакова, то приходится с уверенностью говорить: роман этот — абсолютно тенденциозный, от начала до конца написанный по заданной схеме. В этой схеме все просто: Сталин — коварный интриган, человеконенавистник, inferнальный злодей, Киров — прямой, бесхитростный рабочий лидер, кристальной чистоты коммунист, жертва темного сталинского заговора, Орджоникидзе — честный, принципиальный труженик партии.

Хотя, казалось бы, зачем полновластному Хозяину государства так хитроумно и долго плести смертельную интригу вокруг Кирова? Ведь там, где ему надо, согласно схеме Рыбакова, Сталин действует быстро и четко: все его потенциальные «враги» без промедления уходят в небытие. Что-то в этой схеме не вяжется у Рыбакова при всем его страстном желании протащить эту версию сквозь игольное ушко своего схематического замысла. Не сомневаюсь, будь у автора хоть малейшие фактически доказательства своей концепции, история с Кировым приобрела бы в романе для сюжетной линии гораздо большее значение. Но вся беда в том, что нет у Рыбакова ни фактов, ни каких-либо доказательств причастности Сталина к убийству Кирова. А когда

нет доказательств, но очень хочется, чтобы все было именно так, тогда никак не обойтись без заданной схемы, в рамках которой любое историческое лицо и любые исторические события можно гнуть под нужную мерку, втискивать в прокрустово ложе надуманной концепции. Как ни грустно, а приходится признавать, что **данная проза лишена традиционных признаков полноценной русской литературы.**

Как видим, и Гранин и Рыбаков решили отойти в своих новых вещах от принципа как можно большей близости к исторической правде. Они задалась целью нарисовать *свою* правду, в которой действительное может быть проигнорировано, а желаемое возведено в непреложность реального факта.

Данную статью я начал с вопроса о тенденциозности в литературе. Если же все-таки заглянуть в литературоведческий словарь, то можно увидеть, что одно из канонических определений тенденциозности звучит в точности так: «навязываемая читателям предвзятая, ложная мысль, в угоду которой писатель искажает факты, дает одностороннее освещение изображаемым явлениям».

Мне кажется, лучшей иллюстрацией данного определения может служить проза, о которой шла речь в этой статье.

1988 («Молодая гвардия». 1989. №2)

ПОСМОТРИМ ИСТИНЕ В ГЛАЗА

...Формы и ритмы музыки никогда не меняются, не производя изменений в важнейших политических формах и направлениях.

Платон, «Республика»

Но если музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?

Н.В.Гоголь

Искусство или эстрада?..

На протяжении последних десятилетий на страницах журналов и газет нередко появлялись довольно странные, хотя, на первый взгляд, безобидные понятия, такие, например, как «современное эстрадное искусство» или «искусство эстрады» и тому подобные. Эстрада к сегодняшнему дню настолько заполнила нашу жизнь, что теперь уже всем кажется, будто стала она неотъемлемой частью современного искусства и что без нее оно обмельчает, потеряет что-то очень важное...

Когда говорят об «искусстве» эстрады, в первую очередь имеют в виду эстрадную песню, так как именно она собирает громадную аудиторию, именно ей чаще всего предоставляются самые большие залы, сцены, дворцы и даже стадионы, именно ей посвящены бесчисленные республиканские и международные конкурсы, фестивали, гала-кон-

церы. И в то же время в прессе неоднократно появлялись статьи о бессодержательности современного песенного потока, о бездуховности репертуара, подражательности западному стилю наших бесчисленных ВИА или, как теперь называют, «групп». Но всякий раз, критикуя, бичуя и высмеивая это, прямо скажем, невеселое явление нашей жизни, все-таки продолжали привязывать его к искусству, упоминая при этом образцы «эстрадного искусства», которые, якобы, необходимо брать в пример и которые, опять же якобы, в действительности имеются. Так, глядишь, в конце концов доживем до того, что в искусстве главным станем называть эстраду, как некогда называли главным — кино...

Критик Евгений Лебедев в статье «Кое-что об ошибках сердца» («Новый мир». 1988. №10) говорит о том, что эстрадная песня есть «самое недостоверное из искусств, ибо она в первую очередь стремится понравиться, а не постичь жизнь». Но даже он в своей умной и очень убедительной статье, пусть с оговорками и натяжками, все-таки не отрывает ее от «недостоверного и с к у с т в а». Однако все более приходится убеждаться в том, что современная эстрадная песня далека от искусства в истинном его понимании. То, что живет один день, никак не может относиться к искусству. Настоящее искусство вечно, а песни-однодневки, сотнями пущенные в эфир, как однодневки-мотыльки, обречены на краткое существование и, умирая, исчезая, не вызывают ни жалости, ни огорчения в народной душе. Как мотыльки, они беспечно похожи одна на другую и сменяются на следующий день точно такими же, потому и остаются ощущение, будто живут они на свете достаточно долго. Теперь это называют легким жанром. А когда-то было у него другое название: низкий жанр. Низкий в том смысле, что находящийся на низшей, начальной стадии в культурном развитии человека. И выход он имел исключительно на театральные задворки и в стенах кабаков. Ныне же этот жанр вознесли до уровня сцены Большого театра, то есть как бы приобщили к высокому, придали статус вечного искусства. Приобщить-то приобщили, но не задумались над тем, чем отличается вечность от одного дня.

Для подтверждения своих слов хочу привести пример — красноречивый и грустный — отрывок из рецензии на фестиваль эстрадной песни в Сопоте, опубликованной в газе-

те «Труд»: «Репертуар наших исполнителей, вступивших на конкурсные подмостки, хотя формально выглядит «апробированным», тем не менее **не трогает** переполненный амфитеатр. Дело в том, что репертуар этот попросту **старомоден** — не побоимся этого слова. Не секрет, что в области легкой музыки **чрезвычайно важно** «угадать» именно сегодняшний запрос публики... Какие же выводы напрашиваются? Может быть, стоит учесть практику тех стран, где с помощью постоянно действующего **«плебисцита шлягеров»** наиболее популярные произведения мировой и собственной **развлекательной музыки** определяются **еженедельным голосованием** радиослушателей и телезрителей? Именно радио и телевидение располагают самыми дешевыми и эффективными возможностями для оперативного изучения (и формирования!) конъюнктуры в этой области. Широкая гласность поможет, в частности, вернее оценить, кто в **данный момент** способен достойнее представить нашу страну на том или ином международном конкурсе» (выделено мной. — В.Х.).

Что и говорить... Здесь каждое слово противоречит давно сложившемуся пониманию творчества как такового. Когда это, в какие прежние времена для подлинного искусства было «чрезвычайно важно» «угадывать» запросы публики? Искусство создается для народа на все века, а не на «сегодняшние» запросы легкомысленной публики, вкусы которой оно призвано формировать, а не наоборот. Разве приемлемо для музыки понятие «старомодности»? Народные песни, как и произведения музыкальной классики, никогда не устаревают. Устаревают только модные «шлягеры», состряпанные на «еженедельную» потребу их ветреных поклонников. Этот вид «развлекательной музыки», словно в насмешку, дал красноречивое прозвище сам себе: «шлягеры»... Вот вам лишнее подтверждение тому, что эстрада не имеет никакого отношения к искусству, причем невольно сделанное журналистом, желающим ее превознести.

Эстрадной песне, как известно, нужны стихи. И ее производителям хотелось бы иметь в виде материала хорошие стихи, а в идеале прекрасные стихи или даже гениальные. Но вот парадокс: эстрадная песня с прекрасными, а тем более с гениальными стихами никак не увязывается, просто

не склеивается. Современные эстрадные певцы и рады бы со сцены горланить в микрофон под оглушающе-оглупляющую музыку песни на стихи классиков русской поэзии, да только сами стихи этому противятся, не поются. Не поется с эстрады ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Фет, ни Тютчев, ни Некрасов, хотя не было у нас более музыкальных поэтов. На их стихи написано множество романсов и песен, которые немислимо себе представить в грохоте электромузыкальных инструментов и в отупляющем реве микрофона. Могут возразить: то был другой век, была другая музыка, другое исполнение. Пусть так. Но ведь стихи классиков советской поэзии тоже не увязались с эстрадой. Ни Блок, ни Есенин, ни Ахматова, ни Заболоцкий, ни даже такой песенный поэт, как Исаковский не оказались втянутыми в эстрадный репертуар. Они выстояли, вернее сказать, выстояли их стихи, хотя композиторы-эстрадники с удовольствием бы воспользовались их именами для рекламы и живучести своих однодневных поделок. А попытки были, когда, прикрываясь именами умерших поэтов, производилась на свет откровенная песенная халтура — безликий ширпотреб, называемый нынче массовой культурой. С дикими завываниями пытались запеть с эстрады того же Есенина или Рубцова. И новый парадокс: песенки эти просуществовали столько же, сколько существует обычно вся эстрадная продукция — один день. Даже прекрасные стихи не спасли.

Поразителен общеизвестный факт: плохие стихи при исполнении эстрадной песни выглядят хорошими, а хорошие — плохими. Интересен и другой факт: песни на иностранных языках слушать даже приятнее, чем на родном. Они не раздражают текстом. Ты его просто не понимаешь, и уже это хорошо.

В чем тут дело? Почему так удивительно неживуча подобная песенная продукция? Может быть, дело в излишнем навязывании нам ее на каждом шагу? В кричащих беспрерывно репродукторах, транзисторах, магнитофонах, телевизорах и т.д. Ведь и самим ее производителям очевидно, что она живет всего один день, и потому нужно побыстрее выжать, вытрясти из нее как можно больше дивидендов, чтобы получить от нее максимально возможный доход, и сами, таким образом, отбивают у нас к ней инте-

рес, она просто очень скоро надоедает. Но почему же тогда не надоедают вот уже сколько времени русские романсы и народные песни? Не надоедают и живут «Коробейники», не надоедают протяжные, то грустные, то похожие на стон песни о ямщиках, казацкие песни, цыганские романсы, не надоедают и не могут надоесть незамысловатые песни на стихи Михаила Исаковского. Как все это объяснить?

Ницше высказывает такую мысль: песня становится произведением искусства только тогда, когда музыка, написанная к ней, обладает силою породить из себя новый миф — глубокий трагический образ. Бродячие музыканты, барды, менестрели, акыны, современная эстрада — все было направлено и направляется исключительно на развлечение людей. Искусство никогда не было их целью. Позабавить и подработать — вот в чем всегда заключалась их цель. Они не могли прожить без зрителя, причем зрителя неразвитого, неразборчивого, иначе не достигалось главное — подработать. Легкое, веселое надолго не задерживается в памяти народной. Ушли музыканты — и забыли про них. Прослушаем мы концерт какой-нибудь новой рок-группы и пойдем по своим делам, заботам и печалям, не помня ни лиц исполнителей, ни названий их песен. А придя домой, машинально включим на кухне динамик и вдруг замрем не дыша, ухватившись за дверной косяк и боясь пошевелиться. И защежит сердце, и сожмет его невыносимой тоской, и рука сама собой потянется к глазам, чтобы от самих себя скрыть набежавшие слезы. Что случилось? Нет войны, все живы, все здоровы, а не удержать слез ни знаменитому музыканту, ни человеку, далекому от искусства, при звучании этой всем близкой и понятной песни «Враги сожгли родную хату»...

Роковая наивность

Давайте спросим самих себя: способно ли искусство приобретать разрушительные тенденции? Искусство, которое во все времена выполняло роль исключительно духовного созидания. Неужели мы дожили до той поры, когда одна из его форм — музыка — вдруг стала работать на извращение человеческой личности?

Что бы там ни говорили, однако сейчас все мы являемся свидетелями обрушившегося на наши головы нового вида массового психоза — так называемой рокомании, то есть музыкального наркотика, не менее разрушительного для человека, чем опиумный дурман.

На страницах журнала «Юность» некий Сим Рокотов (говорящая фамилия), проводя «Уроки рок-музыки», пытается внушить своим читателям, что «рок вернул музыкальной культуре фольклорную простоту и доступность...» (разрядка моя. — В.Х.). Тут нелишне возразить роковеду Симу Рокотову: во-первых, истинная музыкальная культура не нуждается в той «простоте и доступности», какие он подразумевает. От них она как раз более всего страдает. А во-вторых, фольклор пока еще не ушел из нашей музыкальной культуры, чтобы его «возвращать». И в-третьих, сам фольклор не настолько прост и доступен, чтобы его можно было отождествлять с той претенциозной примитивностью и «общедоступностью», которыми кичатся наши доморощенные рокеры.

В таких вещах все-таки надо бы разбираться человеку, претендующему на просвещение молодежи в области музыкальной культуры. И уж ежели он на эту роль претендует, хочу задать ему вопрос: что это такое — «молодежная музыка»? То, что попроще, погромче и повеселее? А ведь рок — это нечто, относимое Рокотовым к «музыкальной культуре» и, значит, к искусству... К искусству, воспринимаемому бездумно, механически. Не доходят ли апологеты рока до абсурда?..

Давно пришла пора сказать прямо: нет и не может быть никакой «молодежной музыки», будь это рок или иная молодежная эстрадно-песенная продукция. Потому что музыка — это не децибеллы, не животные завывания, не синтезаторы, не электро-ударный грохот, не световой эффект, не динамики и не микрофоны, не извивающиеся тела, не искаженные в тупом остервенении лица, не дикие визги возбужденной толпы, одним словом — абсолютно не то, что называют «молодежной музыкой».

Музыка — это голос человеческой души, именно человеческой, не способной на дикий звериный вой. Музыка может нести в себе глубочайший трагический образ и поднимать человеческий дух до вершин радости. К искусству

нельзя, бесполезно прикасаться безмысленно, с пустым сердцем. И если что-либо п р и н и м а е т с я именно так, то это уже — не искусство. Если нечто, выдающее себя за музыку, воспринимается всеми, кто слушает, без единой мысли в голове, без духовной работы, без внутреннего очищения, то это все что угодно, но только не музыка. Если нечто, выдаваемое за музыку, пробуждает в людях не высокие и благородные чувства, а низменные и стадные инстинкты, то это все что угодно, но только не музыка.

Искусство (и в данном случае музыка) — не коробка конфет: открыл, положил сладость в рот и получай удовольствие, не важно — взрослый ты или ребенок. К искусству (и в данном случае к музыке) надо идти долгим путем нравственного созревания и духовного совершенствования. И оно будет доступно тому, кто пойдет этим путем. Кто же замкнется на «простоте и доступности» оглушающего и потому оглуляющего рока и вследствие чего будет мнить себя знатоком «музыкальной культуры», тот не только никогда не постигнет истинного наслаждения от прикосновения к миру прекрасного, но еще и опошлит, извратит, измельчит собственную душу. Этот путь уводит в противоположную сторону от светлого искусства и нередко для личностей, выбравших его, кончается трагически. Вспомним, чем кончили жизнь короли рока Дж.Хендрикс, Дж.Леннон и Э.Пресли.

Однако некоторые, довольно известные и уважаемые творческие деятели пытаются представить увлечение молодежи рок-ритмами как некое безобидное занятие. То главный редактор журнала «Огонек» заявит на всю страну с телевизионного экрана, что лично ему, вообще-то, рок не нравится, но пусть его слушают другие, не надо им мешать и тем более запрещать. То Виктор Розов с трибуны пленума Союза писателей СССР кинется на защиту молодых поклонников бита. То Юрий Щекочихин и в телевизионной передаче, и в «Литературной газете» настойчиво отстаивает п р а в о молодежи на длину волос, стиль одежды и направление своих увлечений. И, конечно же, — на увлечение роком.

Бедная молодежь! Мало ей музыкальных рингов, заполнивших голубой экран, мало ей западных дисков, расходящихся по стране бесконечным потоком, так еще влия-

тельные взрослые дяди с таким упорством отстаивают везде, где только можно, их и без того неограниченные права на потребление музыкального наркотика! И все потому, что редкие голоса нет-нет да и усомнятся в печати в нужности и правильности широкой пропаганды поп-ритмов.

Например, прозаик Ю.Сергеев на том же писательском пленуме выступил со словами: «Металлорок — со всей символикой ордена палачей средневековья, разрушительной программой уничтожения культуры и возведения «храма сатаны» — это не музыка, а движение буржуазной психологии» (речи писателей на пленуме были опубликованы в «ЛГ» 6 мая 1987 года). Такие и подобные им, хотя и очень редкие заявления могут, наверное, кое-кого напугать, и потому эти разговоры стараются спешно предупредить или просто высмеять, как тот же Ю.Щекочихин, иронизирующий по поводу того, что, мол, некоторые «патриоты» склонны рок-музыку относить к проявлению сатанизма...

И, наверное, все так бы и выглядело, усмехнулись бы мы и на этом успокоились. Однако реальные факты, как бы ни старались их замолчать, говорят об обратном. И тут одно из двух: или наши защитники рока — люди малосведущие в этом вопросе, или — напротив — сознательно искажающие всему миру известную истину. Дело в том, что почти все западные рок-группы сами не скрывают своей приверженности к сатанизму. Ведь сатанизм — это не просто мистические (и потому вызывающие иронию) проявления темных потусторонних сил, как думают многие, сатанизм — это реально существующее оккультное течение в общественно-философской жизни Запада, имеющее своих, опять же реальных, проповедников, и довольно широко распространенное в Западной Европе и в США.

Чтобы убедиться в этом, достаточно перевести на русский язык названия песен из репертуара наиболее известных западных рок-ансамблей. К примеру: «Евангелие от Сатаны» (группа «Битлз». Кстати, первый альбом, выпущенный «Битлзами» в 1968 году, назывался «Дьявольский Белый Альбом»); «Столбовая дорога в ад», «Адские колокола», «Стреляй, чтобы убивать», «Грязные дела делаются дешевой грязью» (группа «ЭйСи/ДиСи»), «Симпатия к дьяволу», «Танец с мистером Д» (группа «Роллинг Стоунз». Выпустила альбом под названием «Их сатанинским Вели-

чествам». Почти все рок-концерты и фестивали «Роллинг Стоунз» были отмечены насилием, беспорядками и многочисленными смертельными случаями); «Квадрофобия» («ЗЕ ХУ». Эта группа прославляет зло ради зла, ничем не мотивированного насилия и всеобщей анархии во всех областях как личной, так общественной жизни); «Я убиваю детей» (группа «Панк», что в переводе с английского означает — подонок); «Элис Купер идет в ад», «От Элиса со злобой» (Элис Купер — американский исполнитель песен панк-рока. Его специализация состоит в восхвалении всех форм половых извращений). Список этот можно было бы продолжать неограниченно.

Если для кого-то подобные названия звучат малоубедительно, тот может попробовать свои силы в переводе на родной язык текстов этих песен. Например, в песне группы «Раш» есть такие слова: «О, Сатана... именно ты сияешь... стены Сатаны... стены жертвы... Я знаю, что ты есть тот, кого я люблю». Или группа тяжелого рока «ЭйСи/ДиСи» (расшифровывается как Антихрист — Смерть Христу) восхваляет колокола ада в песне «Адские колокола»: «Ты еще молод. Но ты умрешь! Я не пощажу твоей жизни. И никто не воспротивится мне! Я обрел свои колокола. И я возьму тебя в ад! Я обрету тебя! Сатана обретет тебя! Адские колокола. Да! Адские колокола!» А вот какую информацию можно почерпнуть из песни «Лестница в небо» группы «Лед Зеппелин»: «...по мере того, как мы опускаемся вниз по извилистой дороге, наши тени становятся более значительными, чем наши души. Именно там прогуливается Дама, которая нам всем знакома. Это она получает белый свет и хочет показать нам, каким образом все может превратиться в золото... Когда все станут Одним и Один станет всеми».

Хотелось бы спросить: знакомы ли с этими текстами наши влиятельные защитники рока? Но дело не только в названиях и текстах песен рок-ансамблей. Гораздо опаснее другое. А именно — последствия от воздействия тяжелого, металлического рока на психику, физическое и нравственное состояние молодых его поклонников.

Большинством рок-н-ролл рассматривается как безобидная форма развлечения или как преходящее пристрастие взбалмошной молодежи. Однако сами «Битлз» заявляли противоположное: «Наша музыка способна вызвать

эмоциональную неуравновешенность, патологическое поведение и даже бунт и революцию», «Рок-н-ролл — это более чем музыка, это энергетический центр новой культуры и мировой революции». Издатель журнала «Панк» Дж.Холстром высказался еще откровеннее: «Рок-н-ролл — форма войны, рок-концерт похож на налет. Что нынешним ребятам нужно — так это третья мировая война...»

Ученые многих стран мира, в том числе и в нашей стране, о чем писала «Советская Россия» в беседе с психологом, профессором Г.А. Аминовым 5 июня 1987 года («Уязвимый «рок»»), проведя исследования на предмет воздействия тяжелого рока на человеческую психику и организм в целом, пришли к общим результатам, выразившимся в фактах тяжелого травмирования слуха, зрения, позвоночника, эндокринной и нервной систем аудитории, пристрастившейся к этому виду звукового одурманивания. Учеными было обнаружено, что битовая «музыка» может вызывать удивительные физические эффекты: изменение пульса и дыхания, повышенную секрецию эндокринных желез, которые регулируют жизненные процессы в организме. Например, американские ученые установили, что низкочастотные колебания, созданные усилием бас-гитары, к которым добавляются повторяющиеся действия бита, в значительной мере влияют на состояние спинномозговой жидкости. Эта жидкость, в свою очередь, непосредственно влияет на слизистые железы, регулирующие секреции гормонов. В результате нарушается равновесие половых и надпочечных гормонов, так что различные функции контроля нравственного торможения опускаются ниже порога допустимого или нейтрализуются в человеке.

Ими же было выявлено еще более страшное — психологическое — действие рока: изменение эмоциональных реакций, сдерживающих стремление к неконтролируемому насилию; как сознательная, так и рефлекторная утрата контроля над способностью к сосредоточению; значительное ослабление контроля над умственной деятельностью и волей, подвергаемых действию подсознательных импульсов; нервно-чувственное сверхвозбуждение, вызывающее эйфорию, внушаемость, истерию и даже галлюцинации; гипнотическое состояние, превращающее личность в подобие робота; депрессивное состояние, достигающее вплоть

до невроза и психоза, особенно в случае сочетания музыки и наркотика; тенденции к самоубийству; самоизувечивание в различных формах, особенно на больших сборищах; необузданные порывы к разрушению, вандализму и мятежу после концертов и фестивалей рока* (в последнем факте все уже успели убедиться, посмотрев документальный фильм «Легко ли быть молодым»).

Об этом же говорится в статье «Рок-музыка и человек», опубликованной в журнале «Политическое образование» (1987. №10). Ее авторы А.Попов и Е.Саволей пишут: «Советские исследования показывают, что при частоте 6—8 световых колебаний в секунду теряется глубина восприятия, а при частоте 25 колебаний в секунду вспышки света совпадают с частотой биотоков мозга, что ведет к потере ориентации и контроля над своим поведением. Используется и действие высокой частоты в диапазоне ультразвука. Когда мозг подвергается такому воздействию, то в нем происходят биохимические реакции, аналогичные тем, которые вызывают введение морфия. Вот почему ультразвуковые сигналы называют «эндофрином», т.е. «естественным морфием». Высокочастотных составляющих особенно много в металлороке».

Мышление, сила воли, нравственное сознание подвергаются столь беспощадной атаке со стороны всех органов чувств, что их способности к здравому суждению и сопротивлению оказываются сильно притупленными. В этом состоянии нравственного и умственного замешательства дается зеленый свет разгулу наиболее диких, до того сдерживаемых импульсов, таких как ненависть, гнев, ревность, мстительность и сексуальность. Самое лучшее нравственное и духовное воспитание не может в течение сколь-нибудь долгого времени устоять перед неизбежной эрозией сознания, сердца и духа, которая вызывается ежедневным и вошедшим в привычку слушанием рок-музыки.

Тут я хочу еще раз обратиться к нашим защитникам рок-компании: как они относятся к известным во всем мире фак-

---

* Не будучи специалистом-медиком, данные сведения об изменениях в человеческом организме под действием рок-музыки я почерпнул из книги американского публициста Ж.-П. Режимбаля «Рок-н-ролл», изданной в США и переведенной на русский язык.

там массовой истерии? Во время представления «Битлзов» в Ванкувере (Канада) хватило тридцати минут на то, чтобы сто человек оказались затоптанными, подверглись нападению или были серьезно ранены; в Мельбурне (Австралия) более тысячи человек получили тяжелые ранения в связи с фестивалем рока; в Цинциннати (США), в колизее Ривер Фронт, в декабре 1975 года одиннадцать молодых людей были затоптаны до смерти десятью тысячами зрителей, а группа «ЗЕ ХУ» начала свой концерт, как будто ничего не произошло, и иступленные зрители заполнили сцену в конце представления, что привело к гибели еще нескольких человек от удушья. Вот оно — «искусство», которое в прямом смысле **убивает**.

Может быть, наши «защитники» желают повторить все это у нас? Не думаю. Но кроме как недомыслием, ничем иным не могу объяснить претензии А.Вознесенского стать еще одним сторонником оправдания панк-рок-бита и воспевания ленинградского «Аквариума»: «Но кто шагнул в Чернобыле в огонь? Мы не дали им скафандры против радиации, которые бы их защитили. Молодые пожарные погибли и спасли нас с вами. Так пускай их поколение танцует и слушает что хочет! Увы, есть в нашей жизни элементы вандализма, но причем здесь рок-н-ролл?»

Что́ это, неосведомленность в том, о чём берешься судить, или сознательное искажение истины? Из фактов, изложенных выше, ясно, причем здесь рок-н-ролл. После суда над виновниками нашей великой трагедии ясно и то, что не «мы не дали» молодым пожарным скафандры «против радиации». Их «не дали» те самые трусливые и подлые преступники, что втихую отдали распоряжение о проведении «эксперимента» на Чернобыльской АЭС. Но надо же было еще до чего додуматься! — оправдывать рок героизмом пожарных в Чернобыле!!!

Убежден: безнравственно всю нашу молодежь привязывать к примитивным поклонникам рока. Надо прямо ответить Вознесенскому: оставьте пустую демагогию, рокеров среди героев Чернобыля не было и не могло быть! Героизм, самоотверженность — другой природы, они не имеют ничего общего с бездумным и развязно-расхристанным развлечением. Это уже потом, когда опасность миновала, А.Пугачева и иже с ней приехали покрасоваться перед те-

лекамерой во Дворце культуры Чернобыля и повеселиться перед людьми, которым, увы, было не до веселья.

Всех тех, кто сомневается в серьезности надвигающейся на нас с Запада эпидемии рока (не менее опасной и разрушительной, чем эпидемия СПИДа) и новых его направлений в форме «хеви-металла», «хард-рока», «панк-рока», «пост-панка», «скинхедза» (для бритоголовых), «жесткого» и «едкого» рока, хочу отослать к № 6 журнала «Москва» за 1987 год, где опубликована доказательная, подробная, с высоким знанием дела написанная статья кандидата исторических наук Натальи Корзун «Феномен массовой культуры». Для убедительности процитирую несколько небольших отрывков из этой статьи.

«Видеоролики Принса, М.Джексона, Мадонны, П.Бенатара, «Кисс» и других многочисленных американских рок-групп насыщены сюрреалистическими или откровенно натуралистическими сюжетами, в многоцветном контексте которых активно пропагандируется насилие — драки и вакханалии в тюрьмах, схватки враждующих банд, поножовщина и проституция, гангстеризм, сексуальные извращения, неотвратимость конца света. Зрителя пугают не только мистическими исчадиями ада, но и реальными «носителями зла» в фуражках с красной звездой».

«Круг замкнулся. И говорливого рокера из «Секс pistols», гордо заявившего: «Мы не за музыку, мы за хаос», убедительно поправил менеджер этой группы М.Мак Ларен: «За деньги из хаоса».

«Чтобы окончательно передавить конкурирующие группы, «хеви-металл» вводит сатанинские элементы — бушуют землетрясения, сверкают молнии, а в видеороликах «металлистов» толпятся вурдалаки и прочая дьявольская нечисть».

«Один из влиятельнейших ультраправых проповедников Дж.Суоггарт высказался совершенно определенно: «Рок — план дьявола, в нем заложены сатанинские идеи». Это известно Суоггарту из первых уст: его брат Дж.Ли Льюис — один из американских рок-ветеранов».

Рок-бизнес для Запада стал уже поистине роковым. Он обернулся для западной культуры сущим **роком** в полном смысле этого слова. И потому статья Натальи Корзун заканчивается сообщением, предупреждающим всех нас и в особенности идейно незрелых защитников молодежной

масскультуры: «В штате Северная Каролина власти развернули «беспощадную» борьбу с роком и порнографией — в тюрьму была отправлена продавщица киоска, торгующего подобными изданиями. Ей 21 год, она мать-одиночка. «Почему в тюрьму попала служащая, а не владелец магазина?» — спрашивает американская журналистка Э.Мак Даниель. Был получен официальный ответ — властям не удалось обнаружить его местопребывание. Удастся ли обнаружить местопребывание и призвать к ответственности тех, кто растлевает ум и душу ядом масскультуры США? Ядом ненависти, насилия, разврата, медленно, но верно убивающим в человеке все человеческое...»

Остается только добавить: местопребывание наших пропагандистов и защитников рока ни от кого не скрывается. Это и телевидение, и пресса и многие молодежные издания, засоряющие общественную жизнь рекламой продукции рокеров. Между тем, наше общество теряет своих детей. Вряд ли из них в будущем выйдут патриоты Отчизны. Но уже сейчас эти юнцы становятся замешанными в самых разных преступлениях. Неужели Розов, Коротич, Щекочихин, А.Дементьев, Вознесенский и другие «защитники» об этом ничего не знают?..

Улетай, туча...

Нечасто так бывает, чтобы просмотренный фильм сразу же заставил взяться за перо. В данном случае меня настолько ошеломил музыкальный фильм «Пришла и говорю», в котором занята Алла Пугачева, что я не мог удержаться, чтобы не высказать о нем своих мыслей и невеселых впечатлений. Хочу сразу признаться: увиденное меня не просто ошеломило, но даже несколько шокировало. Честно говоря, я не ожидал увидеть подобное, да еще вынесенное на широкий экран...

О внешней стороне фильма — о смеси примитива и пошлости — говорить много не хочется, ее, я думаю, заметили многие. Но вот о внутреннем, о смысловом содержании нужно сказать особо, так как если вовремя этого не заметить, не раскрыть, не дать оценку, то подобные фильмы начнут плодиться, как грибы...

Все песни в фильме «Пришла и говорю» Алла Пугачева поет о себе. Причем «я» в ее песнях — не образ артиста или лирической героини, нет, «я» в них — это лично певица Алла Борисовна Пугачева. Все песни фильма посвящены именно ей. Я не припоминаю в истории песенного искусства другого примера, когда бы певец исполнял столько песен лично о самом себе. Так и хочется спросить: не слишком ли много вы на себя берете, Алла Борисовна? И не слишком ли большое, прямо сказать, непреходящее значение лично вы придаете собственной персоне?

Скромность, как известно, украшает человека. Однако, словно нарочно, создатели фильма и сама певица все делают именно вопреки скромности, желая как бы посмеяться над общепринятой истиной. Слушатель вместе с А.Пугачевой, которая, кроме всего прочего, является и автором музыки всех песен фильма, и автором текстов некоторых из них, так вот, слушатель обязан мучительно страдать по той причине, что Пугачева скоро сойдет со сцены и что этот факт для нее самой и для всех нас должен явиться трагедией. Мы вынуждены были слышать, а теперь после выхода фильма осуждены видеть, как певица «устала» и как она, извергая одни и те же слова, кричит мужским, иступленным голосом: «я устала... устала... устала...» и с какими-то неуклюжими, дергающимися движениями катается по полу в окружении полуобнаженных, похотливо трясущихся молодых людей. Все это было бы просто бездарно и пошло, если бы то и дело на протяжении всего фильма не демонстрировались кадры обезумевших толп поклонников Аллы Пугачевой, давящих друг друга в стремлении взять автограф или хотя бы взглянуть на нее вблизи, о фанатических девицах, преследующих ее на каждом шагу, о переполненных, рукоплескающих стадионах, на которых она выступает, кадры, где ей дарят золотые диски с записью ее голоса и цветы, цветы, цветы... То есть нам все время хотят показать идола, кумира, богиню, доказать, внушить истинность, огромность, непревзойденность ее всенародного признания в нынешнее время. Однако сама навязчивость, выпренность, с какими все это преподносится, убеждает в том, что авторам фильма уж очень хочется выдать желаемое за действительное...

В самом деле, почему это мы должны страдать (именно страдать) оттого, что Алла Борисовна в будущем (когда оно

наступит — не говорится) покинет столь «дорогую» для нее сцену? И что взамен ей, «загнанной лошади», придут, уже подходят более сильные и более красивые молодые? Почему-то речь в песнях идет не о более талантливых молодых (повидимому, такое невозможно...), а дословно «более сильных». Хоть эстрада — и не лучшее место для развития настоящего таланта, но всякое может быть... И почему это сама Алла Пугачева не иначе как трагедией считает уход со сцены? Настоящие художники, подлинники актеры не сходят со сцены никогда, как не сошли со сцены Щепкин, Качалов, Яхонтов, Ермолова, Комиссаржевская, как не сошли со сцены Шаляпин, Лемешев, Русланова, Георг Отс и многие другие. Уходят со сцены навсегда и бесследно только посредственности, и лишь для них этот уход действительно является личной трагедией. Как только на афишах театров и концертных залов перестают появляться их имена, они умирают навеки. Не этого ли боится сама Алла Пугачева? И не этим ли она пугает всех нас? Как говорится, пугает, а нам не страшно.

Но, оказывается, есть выход и для Пугачевой. Как ни странно, можно на неопределенный срок избежать заката ее карьеры и долго-долго еще не лишаться ей ни золотых дисков, ни кассовых сборов, ни цветов, ни бесноватой публики, ни баснословной рекламы и т.д. А дело вот в чем. В фильме есть небольшой, но, я уверен, не случайный фрагмент. Он очень символичен и, думается, имеет для будущего Аллы Пугачевой немаловажное значение: на одном из концертов со сцены пел ее двойник — очень похожая или прекрасно загримированная женщина, заучившая все движения и повадки Пугачевой. Сама же знаменитая певица в это время сидела в зале и вместе со всеми аплодировала своей удачно сделанной копии, которая шевелила губами в соответствии со звучанием фонограммы подлинного, всем нам известного голоса. Затем Пугачева вышла на сцену и, обнявшись со своей, надо сказать, более изящной, помолодевшей копией, пела и танцевала вместе с ней под собственную фонограмму, а оболваненная публика пришла от этого действия в еще больший восторг. Как видим, концерты Пугачевой в наш технический век можно устраивать и без участия самой Пугачевой! Может быть, нечто похожее готовят нам в будущем? Может быть, об этом мечтают и сама певица, и ее покровители?..

Тексты песен фильма «Пришла и говорю» не отличаются своим художественным, если в данном случае позволено так выразиться, уровнем от всего того «шлягерного кошмара», что уже много лет заполняет эфир и отравляет слух и вкусы нашей молодежи. Но при всей своей топорности содержания они, тем не менее, получились «со смыслом». И смысл этот часто без щепетильности, иногда несколько завуалированно бьет в одну точку, а именно: вдолбить в голову каждому слушателю, что перед ним — звезда первой величины (тут же — кадры о бушующем стадионе, где А.Пугачева — в лучах прожекторов). И когда такая артподготовка проведена, и слушатель-зритель ко всему готов, певица заявляет ни больше ни меньше: двадцатый век — это она. Теперь уже не удивлюсь, если услышу анекдот о каких-то политических деятелях времен Аллы Пугачевой... А затем оглохшего, обалдевшего от истерических визгов, кривляний извивающихся в диком танце девиц, от одних и тех же фраз, выкрикиваемых певицей невероятное множество раз, раздавленного зрителя под конец можно и поугубить песней об «улетающих, тающих в облаках» самолетах, в которых улетает от нас сама претендентка на роль всенародной любимицы и уже подумывает над тем, чтобы к нам не вернуться... Что здесь имеется в виду, можно только догадываться. Но на память почему-то приходят слова из другой небезызвестной песни в ее исполнении: «улетай, туча...»

Серость и бездарность всегда о себе слишком много кричат, поднимают вокруг своих персон огромный шум, сопровождаемый, как правило, непомерными амбициями, высокомерием и зазнайством. Вспоминается интервью, данное «Литературной газете» А.Пугачевой по поводу создания в Москве Дома искусств, в котором она хотела бы стать «хозяйкой». Подобные заявления делаются без тени малейшего стеснения, ввиду того, что А.Пугачева без сомнения уверена (и у нас не должно быть сомнений) в том, что только одна она достойна претендовать на должность хозяйки Дома искусств нашей огромной страны. Можно себе представить, что за «искусство» в нем бы пропагандировали и кого бы вообще туда пускали...

Всем известно, что кичливая амбициозность есть первый признак пустоты и никчемности. Похоже, А.Пугачева

и сама понимает это. В одной из ее песен есть такие слова: «И звездная болезнь — как символ поражения...» Но если бы мы имели дело только с пустотой и никчемностью! Вред, наносимый нашему молодому поколению, морально формирующемуся на фоне подобного рода «эстрадного искусства», каждодневно бесконечным потоком изливающего свою продукцию на наши головы из все терпящего эфира, вред этот способен стать непоправимым. И долго, ох как долго придется нам искоренять его последствия в будущем, в прямом смысле вытравлять из одурманенных сердец и притупленных мозгов яд пошлейшей бездуховности, все более заполняющей современную эстраду. Производители этого яда прекрасно знают о его последствиях и потому стремятся побыстрее захватить как можно больший круг молодежи в свои одуряющие тиски. Эфира для них уже недостаточно. Им подавай теперь киноэкран. Тем более что опыт в кино у них уже имеется, опыт рекламы кинопрокатным способом «женщины, которая поет». Теперь она «пришла и говорит». Но о чём?..

Приглашение к сомнению

Всем известно, как много пишут и говорят о «великом певце», о «страдальце» и «мученике» Владимире Высоцком, который объездил чуть ли не весь земной шар и которого многие из нас имели возможность видеть и слышать еще при его бурной и веселой жизни. Этот «гонимый» (а ему нельзя отказать в актерских способностях) играл все ведущие роли в своем театре и даже грозил разорвать отношения с друзьями-актерами, желавшими сыграть в спектакле главную роль, о чем мы узнали из телевизионной передачи, посвященной его жизни и творчеству. Он снялся в огромном количестве фильмов и почти во всех — пел свои песни. Прекрасная судьба, завидная доля. Но отчего же он мучился, что не давало ему до конца выразить себя? Как уверяют нас некоторые критики, ему не удалось при жизни реализовать свой поэтический талант, который был у него чуть ли не великим...

И вот журнал «Огонек» (1988. №4), пытаясь восполнить этот пробел в нашей культуре, публикует такие слова из

воспоминаний о нем современных писателей: «Высоцкий — явление н а ц и о н а л ь н о й культуры (разрядка моя. — **В.Х.**) самого высшего класса» (Ю.Карякин). «На памяти моего поколения не было человека, на которого бы так откликнулась публика, как на Владимира Высоцкого. Так откликнулась, с таким доверием отнеслась, с такой любовью и печалью проводила бы с этой земли. Значит, он был поэт». (Н.Крымова).

Что ж, последнее замечание весьма красноречиво и естественно отражает бытующее мнение некоторых деятелей культуры о назначении поэта. Публика так не откликнулась, с таким доверием и вниманием не отнеслась и с такой печалью не проводила с этой земли ни Рубцова, ни Прасолова, ни Передреева. Значит, по логике Н.Крымовой, они не были поэтами в истинном значении этого слова. Публике, как говорится, виднее. Давайте спросим публику, кто и что ей больше нравится, и на основании этого ответа скажем народу «подлинную» правду о настоящей поэзии и перепишем заново учебники литературы... Но тогда придется смириться с тем, что наши дети станут изучать русскую словесность по детективам Ю.Семенова и песенкам про «путану» и «ночное randevu на бульваре роз».

Теперь хочу сказать без иронии. Если на чье-либо стихотворное (или стихотворно-песенное) творчество в поголовной восторженности откликается публика, то я глубоко сомневаюсь в том, что данный автор — истинный поэт.

Публика вообще редко когда способна заметить и оценить настоящего поэта, потому что он пишет не для нее.

Потребности публики в массе своей — мелки и примитивны. Ей подавай что-нибудь в духе «миллиона алых роз» — и успех будет обеспечен. Причем поголовный успех. Но значит ли это, что автор ревущего из всех окон шлягера — и есть настоящий поэт?

Нет, не в том состоит сущность творчества. Поэт никогда не живет сегодняшним днем, ему скучны потребности невзыскательной публики, он ими переболел еще в младенчестве своей души. Поэт живет в будущем, он всегда опережает свое время, и потому толпа его не понимает, не чувствует, а чаще всего — презирает, так как он не опускается до уровня ее интересов, но пытается ее возвысить, повести за собой. Толпе же этого не надо. Ей хорошо и приятно слы-

шать песенки, сделанные для ее настроения, именно их толпа называет настоящим, подлинным искусством и ничего другого ей не надо. Вспомним пушкинские слова, вложенные в ее уста:

Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? Чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?

Высоцкий писал для чрезмерно широкой, слишком неразборчивой публики, и потому он был в столь громадной массе — любим. А ведь это не трудно — писать для масс...

Уверен, ажиотаж вокруг Высоцкого пройдет. Лет через десять люди будут удивляться: да где же в его стихах поэзия? Все эти песенки — безвкусная пошлятинка, сдобренная алкогольно-уголовным жаргоном, паясничаньем и сальными прибаутками: «Мне говорят, она заразная, и глаз подбит, и ноги разные, мне говорят — она наводчица, а я плевал, мне очень хочется!» И все это хотят выдать за великую поэзию?! Давайте не будем смешить потомков...

Конъюнктура бывает всякая: официозная, воспевающая существующий порядок жизни, и мещанская, отвечающая мелким запросам и часто подпорченным вкусам обывателей. Так вот песни Высоцкого — это и есть самая настоящая конъюнктура. Он знал, на кого работал, чувствовал потребности аудитории, служил ей за свою популярность, платил за ее верность новыми и новыми вульгарно-ерническими безделками, не имеющими к поэзии никакого отношения.

Считается, что Высоцкий умел говорить правду. Какую именно правду, о чем? — этого в точности не вспоминают, но так считается и все тут. Собственно, ничего по-настоящему правдивого и особенно смелого он в своих песнях не сказал. Но если даже и допустить, что он все-таки выразил нечто уж слишком правдивое, то возникнет вопрос: почему же в наши прежние такие-сякие «застойные» времена

ему **давали** эту «правду» говорить и при всем при том выпускали неограниченно гастролировать да и просто «погулять» за кордон? Ведь мы знаем, что те, кто действительно имел смелость сказать Правду, — умолкали надолго или навсегда. Не потому ли, что «правда» его была никому не страшна?

Чаще всего Правду он высмеивал, доводил до абсурда, и в циничном своем к ней отношении под хохоток замирающей публики Она превращалась в *правдивую ложь*.

Когда над Правдой издеваются и смеются, — это не означает, что говорят п р а в д у.

Высоцкий действительно говорил, точнее пел о том, что наш народ спивался, но под его хрипящий крик народ почему-то с еще большим азартом продолжал спиваться и дальше. Вот это — правда.

И если сейчас в его архивах находят откровенные, смелые строки и публикуют их, то это не значит, что их он — произносил. Оказывается, по-настоящему смелые слова и у него — молчали. А поэтов, которые так и не смогли при жизни сказать всю наболевшую в них правду, в нашей стране было немало. И не нужно думать, что Высоцкий среди них — лучший. Ведь правда в поэтических произведениях не может являться самоцелью, необходимо ее художественное воплощение.

Самые правдивые произведения Твардовского, Ахматовой, Смелякова, Яшина увидели свет только после смерти их авторов. Разве есть у Высоцкого хоть что-нибудь, близкое той горькой п р а в д е, которую сказали они?

Он сам признавался в одном из посмертно опубликованных в «Огоньке» стихотворений:

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз.
Мы тоже дети страшных лет России —
Безвременье вливало водку в нас.

Если не обращать внимания на стихотворную неряшливость данных строк («хотя... но»), то нельзя не заметить, что обыгрывание блоковских слов «Мы — дети страшных лет России» выглядит на фоне «вливающейся» «в нас» водки неумно и кощунственно.

Честно говоря, как личность Владимир Высоцкий мне импонировал. В молодости я тоже на какое-то время попал под влияние его песен, пока всерьез не стал задумываться над смыслом творчества как такового. Высоцкий был человек одаренный от природы, в нем были заложены творческие задатки, но уж явно невеликие. И вот эти невеликие творческие задатки боролись в нем, раздирали во все стороны, изматывали душу. В нем было много темперамента, страсти, желания действовать, кричать, быть на виду. Это его и погубило.

Не умея отдать всего себя чему-то одному, он, видимо, и сам толком не знал, кто он больше — поэт ли, бард ли, актер? И тот, и другой, и третий, — возразят мне его поклонники. Не буду спорить — пусть так. Но тогда прекратите все разговоры о **великом** поэте Высоцком!

Давно сказано: служенье муз не терпит суеты. Быть великим поэтом — это такая заслуга и такое достоинство, которые выпадают на долю редчайшим личностям, положившим на это всю свою жизнь без остатка. Излишне приводить примеры. Их все знают без меня. Быть великим актером — тоже самое. Быть великим певцом — тоже. А кое-кто склонен даже считать Высоцкого великим композитором. Сами видите — смешно.

Да потому он и не стал ни тем, ни другим, ни третьим, что способности эти в нем были посредственные. Будь он действительно настоящим поэтом, то всем остальным в своей жизни он давно бы пренебрег, отбросил как л и ш - н е е, мешающее серьезному, глубокому творчеству. Но он не способен был отказаться ни от чего для себя лишнего, именно потому, что, скорее всего, не чувствовал в себе духовной силы и потребности в настоящей поэтической работе. Когда поэт чувствует в себе такую силу, тогда все остальные прежние его увлечения теряют для него значение и отходят на задний план. Лермонтов был способным художником, но сам относился к своим занятиям живописью не иначе как к приятному увлечению.

Но тогда Высоцкому надо было бы отказаться от самого главного в его жизни — от бешеной, умопомрачительной славы. Однако отказаться от славы способны только настоящие творцы... Для Высоцкого это было невыносимо. И это — лишнее подтверждение тому, что он не был настоящим поэтом.

Какой же следует окончательный вывод из всего сказанного в этой статье? Вывод не нов: к подлинной культуре человек приходит путем глубокого нравственного и духовного совершенствования. А все то, что под видом «массовой культуры» или «культуры для масс» навязывается нам насильно, преследует на каждом шагу, затягивает в свои сети, используя для этого все имеющиеся средства и возможности, — никогда не бывает настоящим, облагораживающим искусством, но является на деле подделкой под него. Искусство и, в частности, музыкальная культура не хватают человека за шиворот и не требуют: на, бери, люби нас, ведь мы же настоящие! Нет, оно лишено агрессивности и самодовольства, необходимости суетиться и кричать о себе, потому что ему принадлежит вечность.

Музыкальная эстрада явилась той «благодатной» почвой, которая породила далеко небезобидную рок-музыку, а та в свою очередь может стать (и наверняка станет) основой для еще более разрушительных форм звукового воздействия на человека. Мы обязаны предостеречь себя от этого.

Однако я не питаю никаких надежд на то, что многие люди после публикации этого материала непременно охладят к музыкальной эстраде, что молодежь отвернется от рок-ансамблей и понизится популярность А.Пугачевой и В.Высоцкого. Отнюдь. Но кое-кто задумается. Кто-то все-таки задаст себе вопрос: на что же он тратил до сих пор время, оглушая себя ревом всех этих «Апельсинов», «Витамин» и «Унитазов?» Что дали его душе эстрадные безделушки? И, уверен, в ком-то зародится благодарное сомнение, которое неотвратимо заставляет мыслить. А мыслящий человек — это уже положительный результат. Мыслящий человек начинает многое понимать.

1988

ПОЭТ И КНИГОПРОДАВЦЫ, или О диктатуре организованного спроса

Идеалисты далекого прошлого считали, что истины не знает никто. Приблизившись к ней, человек должен умереть, так как истина, — говорили они, — это Бог.

Я не намерен впадать в рассуждения об абсолютной истине. Я имею цель коснуться вопроса достоверности, правдивости некоторых принимаемых многими на веру конкретных истин, которые внедряются в нашу общественную жизнь, выгодно используя трибуну гласности.

До недавнего времени на страницах печати усиленно раздувался шум вокруг якобы возникшей в нашей стране новой «проблемы» — нераскупаемости поэтических сборников. Инициаторами этого шума, как и самой навязываемой нам «проблемы», явились работники Книготорга, для которых непроданная книга стала объектом громких нападок и настоящего презрения, хотя тот, кто озабочен судьбой книги, не будет по крайней мере ее презирать. И, заметьте, шум подняли именно те, кто по долгу службы обязан книгу пропагандировать, доносить до читателя и, если хотите, рекламировать, потому что за любую книгу 25% ее стоимости отчисляется на содержание Книготорга!

Однако его работникам нет времени заниматься пропагандой книги, им надо делать план. Они признают исключительно дефицит (как и вся система торговли), им подавай «товар» массового спроса, то, что в «моде», то, что расхватывается мгновенно, будь то кроссовки, джинсы или иностранный детектив. Поэзия же, как утверждают про-

давцы книжных магазинов, никому не нужна, хотя тут они, скорее всего, выражают не общее, а лишь собственное отношение к поэзии.

На каком же все-таки основании делается заключение, из которого следует, что интерес к поэзии в нашей стране резко упал? Оказывается, прилавки книжных магазинов г. Москвы, в частности, Дома книги на Арбате, заставлены неразошедшейся поэтической продукцией. И обвиняются в этом авторы книг. И ответственность за сложившееся положение книготорговых дел, как нас хотят уверить, должны нести опять же авторы книг, а вовсе не беспринципные руководители торговых организаций, до сих пор не «научившиеся» пропорционально распределять издающуюся литературу по торговым точкам нашей огромной страны.

Поэт написал книгу стихов, с большим трудом издал ее, и после всего этого он должен нести ответственность за то, что Книготорг не умеет работать, вернее — не желает эту книгу распространять, оправдываясь голословным утверждением, будто книга стихов никому не нужна. А по чьей вине, хочю я спросить, книжная продукция скапливается в Центре?! Пройдитесь по книжным магазинам самого ближнего Подмосковья — и тогда вы обнаружите, что их отделы художественной литературы практически пусты, я уж не говорю о других областях и о глубинке! Ведь абсурдно же предполагать, что поэтический сборник тиражом десять тысяч экземпляров не разоидется в самой читающей в мире стране с населением более 280 миллионов человек! При книжном-то дефиците! Проблема эта придумана отдельными безответственными и нерасторопными «деятелями» из Книготорга и теми литераторами, кому выгодно вести разговоры об упадке интереса к нынешней русской поэзии.

Наличие книги в магазине — не показатель ее низкого художественного качества. Лежать там может и прекрасная книга. Поэзия — не колбаса, которая от лежания портится и которую необходимо распродать за один день. Читательские вкусы далеки от совершенства и их следует развивать. Книга — это не товар сиюминутного спроса. Книга имеет воспитательную функцию, и поэтому это вопрос политического характера — в первую очередь, и в последнюю очередь — амбиций торговли.

Д.С. Лихачев, выступая в Концертной студии «Останкино», сказал, что рано или поздно будет прочитана каждая книга, главное — книгу сохранить. Каждая книга ждет своего читателя.

Книга — так же и не газета, и то, что она лежит на прилавке магазина, не является само по себе фактом отрицательным. Следуя логике книготорговцев, можно было бы подумать, что идеальным состоянием дел в литературе следует считать пустые полки книжных магазинов. Неужели было бы лучше, если бы там книги вообще отсутствовали?..

Судить о качестве какого-либо произведения, той или иной книги нужно не по внешним факторам: «продано — не продано», а по их истинным достоинствам или недостаткам, которые как раз и призвана добросовестно определять умная и проницательная критика. Если же издательство выпустило безграмотную, бездарную книгу, то говорить об этом надо во всеулышание на страницах печати, остальные же авторы не должны от этого страдать.

Дело торговли — не вмешиваться в литературный процесс, а перестраивать свою работу, стараться книгу пропагандировать и распространять, этому они могли бы поучиться у книжной торговли дореволюционной России. Тогда книги развозились по деревням в самые отдаленные уголки страны и раскупались теми самыми крестьянами, которых мы привыкли считать безграмотными и темными. Вот это и называлось подлинной пропагандой книги, принесением культуры в массы, в народ. Таким образом у нас сохранились книги с прошлого века.

А то ведь что получается: выпустили на страницы «Литературной газеты» торговых работников — и они начали рассуждать о том, что в литературе хорошо и что плохо, что надо издавать и что не надо, что дает им план и что не дает. А не спросить ли нам типографских работников: что им легче печатать, стихи или прозу? И на основании их пожеланий пересмотреть издательские планы и тиражи... А ведь работники книжной торговли зависят от нас, живут за счет нас, литераторов, и тем не менее диктуют нам свои условия. Не спрашивают нас, как им перестроить свою работу — а мы могли бы им многое что посоветовать! — но приходят с претензиями, с упреками, с проповедью своих эгоистических, узковедомственных устремлений.

Двадцать лет назад ни с того, ни с сего нам придумали «проблему» нехватки бумаги. Ни в одной стране мира такой проблемы не возникло, даже в тех странах Африки, где сплошные пустыни и совсем нет лесов. Но такая «проблема» должна была возникнуть именно у нас. И почему-то все в нее спокойно поверили. Над нами весь мир смеялся, а мы сэкономили бумагу на художественной литературе и больше ни на чем. Таким образом были подняты цены на книги и продолжают беспредельно подниматься до сих пор.

Теперь нам придумали новую «проблему»: оказывается, книги перестали пользоваться спросом у населения. А кто спрашивал население? Пусть какой-либо орган печати проведет референдум и выяснит мнение населения нашей страны по этому вопросу — и он будет завален мешками писем, призывающих издавать книги как можно в большем количестве, потому что книг в стране не хватает. Если книги лежат в Доме книги на Арбате, то это не значит, что они лежат в Тульской, Костромской, Архангельской, Смоленской и других областях. Там — настоящий книжный голод.

Когда же человек пытается сделать заказ на ту или иную, даже не художественную, а, скажем, литературоведческую книгу, то книжные магазины ему в этом отказывают. Такие факты выявлены повсеместно, и это доказывает то, что Книготорг сознательно действует на уменьшение тиражей книг. Когда же книга набирает, допустим, 20 тысяч заявок, то издательство все равно, как правило, выпускает ее тиражом 10 тысяч экземпляров (от малых книжных тиражей находятся в убытке государство и автор, но, может быть, это кому-то на руку?). Как это ни парадоксально, однако приходишь к выводу, что книги **не нужны** именно книжной торговле. План же себе они всегда «сделают». Каким образом? — это их маленькие хитрости...

И ведь что примечательно: антипропаганда русской книги, и, в частности, поэтической книги, идет параллельно с колоссальной пропагандой, с баснословной рекламой эстрадного ширпотреба, так называемого массового искусства, в основном — западного, растлевающего души нашей молодежи. Всем понятно, какой вред приносит западная эстрада, но ее — рекламируют. Однако никакого вреда не приносит поэзия, а наоборот — только пользу каждому человеку, но ее распространять не желают...

И все же истина в данном вопросе окажется неполной, если мы не учтем того факта, что амбиции Книготорга под-держала часть нашей литературной критики, «осветившей» в печати мнение об упадке интереса к поэзии среди населения страны. И возразить ей хочется следующим образом: если критика нам сообщает, что поэзия теперь не вызывает особого интереса у населения — это значит, что-то случилось с населением, а не с поэзией... Ведь не станем же мы обвинять природу, если у кого-то пропадет «интерес» к лесу, к полю, к горам... Скорее всего — станем говорить об ущербности человека или даже о его болезни...

Но с каким упорством, с какой настойчивостью та самая часть критики внушает нам мысль о снижении **спроса** на поэзию!

Что же случилось с населением (если верить этой критике), коль поэзия ему стала не нужна?! И как понимать **спрос** на стихи? Как на товары легкой промышленности, что ли? С каких это пор поэзия обязана удовлетворять **спрос**? Разве поэт творит ради спроса и согласно ему?

Поэт пишет, исходя из собственного душевного состояния и не спрашивает «толпу» о ее пристрастиях, которые чаще всего ближе к массовым развлекательным жанрам псевдокультуры, нежели к истинной, глубокой поэзии.

Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский,
Ты пользы, пользы в нём не зришь.
Но мрамор сей ведь Бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пишу в нём себе варишь, —

сказал Пушкин в стихотворении «Поэт и толпа».

Подлинная поэзия, так же как серьезная классическая музыка, не может быть доступна каждому, она и **не должна** пользоваться массовым спросом, так как требует напряженной духовной работы, глубокого в неё проникновения. Спрос никогда не являлся ее движущей силой. Даже при желании далеко не все способны понимать ПОЭЗИЮ, как и серьезную, к примеру, камерную музыку. Для этого необходим **талант**, необходим душевный орган, отзывающийся на прекрасное, необходим такой склад сознания, который позволит прочитывать самые глубокие образы. А с таким

даром люди, согласитесь, рождаются не все (хотя при упорной духовной работе в человеке может развиваться и вкус, и чутье, и восприимчивость к прекрасному, любовь к искусству). И не нужно поэзию превращать в коллективное чтиво, примитивное и всем доступное. Пусть она останется тою тайной, которая как раз более всего к ней влечет.

Всё сказанное касается лишь разговоров о падении спроса на поэтические книги, разговоров, повторяю, демагогических, преследующих, как правило, корыстные цели принизить современную русскую поэзию и на этом фоне — превознести декадентствующих «метафористов», «авангардистов», «поэтов новой волны» и т.п., по уверению все той же части критики, «пользующихся спросом». Но при всем этом нужно признать, что население наше, в особенности молодежь, действительно отвращается от настоящей поэзии современной эстрадой, как музыкальной, так и стихотворной, увлекающейся легковесными пародиями и циничным хохмачеством.

Очень мало кому из простых советских людей известен поэт Анатолий Передреев. Кого я ни спрашивал о нем — почти все пожимали плечами. Я не раз допытывался: кто же вам известен из современных русских поэтов? поголовно называли Евтушенко. Затем вспоминали про Вознесенского. Эти двое имеют почти стопроцентную известность. А вот А.Передреев, при жизни не гнавшийся за славой, и после смерти еще долго будет оставаться вне массового сознания, потому что критика наша (за редким исключением) и книжная реклама его не касаются. Передреев, как можно предположить, им не нужен. Но кто же в таком случае нужен, о ком она трезвонит на каждом шагу? Вряд ли кто обвинит меня в предвзятости, если я назову такие имена: Слуцкий, Высоцкий, Бродский, Галич... Этот список можно бы и продолжить, да боюсь, что и меня обвинят в излишней тенденциозности. Но куда денешься от фактов?

И все же, несмотря ни на что, большинство поэтов, прозаиков, критиков в своей душе прекрасно сознают, что А.Передреев, написавший раз в десять меньше Евтушенко и Вознесенского, в современной поэзии занимает все же ключевое место. Спрос же работает в сторону вышеупомянутых имен...

Газета «Книжное обозрение», усиленно рекламируя на протяжении последних лет определенные книги и теперь пожиная плоды этой рекламы, объявляет нам якобы выявленные «цифры» читательского спроса художественной литературы, чтобы на этом основании еще более увеличить и без того раздутые тиражи рекламируемой литературы. Что ж, сделав рекламу, не трудно выявить спрос... И меня абсолютно не удивляет, что в первых рядах этого «спроса» стоят «Дети Арбата».

Я могу привести красноречивую иллюстрацию к сказанному. Группа молодых московских писателей как-то выступала в Высшей комсомольской школе. Аудитория была настроена по отношению к ним довольно критически и даже пыталась обвинить советскую литературу в искажении исторической действительности (что и впрямь нередко соответствует истине). Тогда один из молодых писателей спросил: кто из сидящих в зале читал «Детей Арбата»? Поднялся лес рук. После этого он задал другой вопрос: а кто слышал о книге «Кануны» Василия Белова? Вверх поднялась одна-единственная рука... Вот вам выявление еще одного читательского спроса. А ведь в зале присутствовала будущая номенклатура.

Но мы-то, литераторы, знаем цену тому и другому произведению, мы-то в состоянии отличить тенденциозное легкое чтиво, насквозь пронизанное надуманными схематичными концепциями, от подлинно художественной литературы, стоящей в одном ряду с лучшими произведениями русской классической прозы. А вот цифры читательского спроса, без труда варьируемые «Книжным обозрением», говорят, как видим, об обратном... Это не трудно — писать для масс ради собственной популярности. Для масс писали Демьян Бедный и А.Безыменский и популярность имели повсеместную. Что от них теперь осталось? — Ничего.

Задам еще один вопрос: кто из молодых писателей наиболее серьезно и плодотворно работает в жанре прозы, кто убедительнее других и, главное, художественно выразительнее выступил в печати в последнее время? Кто из них в состоянии отразить нынешние беды и чаяния народной жизни? Я мог бы назвать три имени, хотя это не означает, что нет рядом с ними других. Это Н.Скромный, С.Алексеев, М.Шукин. Они не просто авторы каких-то оригиналь-

ных рассказов, ими на достаточно серьезном художественном уровне написаны глубокие по содержанию романы. К чему я это говорю? А к тому, что когда в Союзе писателей СССР готовилась делегация для поездки в США, то из молодых прозаиков была выбрана Т.Толстая. Ее, наверное, очень ждали в США, так как перед этой поездкой она была забаллотирована на приемной комиссии Московской писательской организации. Что ж, реклама, таким образом, ей была обеспечена, однако выиграла ли от этого наша литература в глазах американского народа при знакомстве в «прозой», которая смахивает на беспредметную болтовню в очередях, слобренную кулуарными дамскими анекдотами с присущей им циничностью и пошлятишкой?

Я убежден, что газета «Книжное обозрение», публикуя цифры читательского спроса, преследует весьма далекие от нашей культуры цели. Если издательства начнут ориентироваться на эти «цифры», то, боюсь, в их планах места для настоящей литературы не останется. Нужно не спрос выявлять, а правильно ориентировать читателей в потоке книжной продукции, публиковать информацию о каждой вышедшей (хотя бы в московских издательствах) книге и стараться каждой из них дать принципиальную критическую оценку, что делать, конечно, намного труднее. И осуществлять это должны люди с чистой совестью и развитым эстетическим вкусом. Но пока ничего подобного «Книжное обозрение», увы, не являет.

1988

О ПРИНЦИПАЛЬНОСТИ И СМЕЛОСТИ В ПЕЧАТИ

Как просто, как легко стало нынче бросать на обе стороны обвинения! И каждая сторона старается побольше, побольнее уязвить другую, а все потому, что и впрямь невиновных нынче нет...

Но как хочется каждому «обвинителю» чувствовать себя самым смелым, самым честным, самым невиновным!

И не случайно эти «самые смелые» способны лишь на то, чтобы обвиняемую сторону назвать общим безличным именем «вы», вместо точного знания и называния того, к кому они «имеют смелость» обращаться.

Вот и Юрий Карякин после письма к «Инкогнито» («Знамя». 1987. №9) кому-то бросает на страницах «Огонька» (1988. №19. С.26) жестокие слова: «Вы пытаете факты точно так же, как ваши предшественники пытали живых людей. Вы снова хотите их, эти факты, арестовать, заточить, испепелить. Для вас преступлением является само раскрытие преступлений. Почему? Почему вы приходите в неистовство против тех, кто раскрывает преступления? Почему не находите слов сострадания для жертв и слов негодования для палачей?»

Но в чей адрес брошены эти немилосердные обвинения? Их автор, видимо, рассчитывал на то, что они сами найдут своих «подсудимых», которые, мол, легко догадаются, что обвинения эти обращены именно к ним. И как приятно, наверное, сознавать себя таким бесстрашным: не называя никого конкретно, обвинить всех тех, кто причисляет себя к «врагам перестройки»...

Но грозные слова, к сожалению, летят в пустоту: врагом перестройки сейчас не считает себя почти никто.

Смелости все же хватает на то, чтобы к личным врагам во время перестройки отнести безответных, ушедших в могилу и не могущих ничем возразить... Тот же Ю.Карякин бесстрашно объявляет: *«Даже слова «Лидия Тимашук» и «честность» склеивались. Ну и что? Расклеились!»*

Смело, броско сказано. Но только всякая недоговоренная смелость имеет оттенок небольшого сомнения. А что случилось с самой Лидией Тимашук, с той «свидетельницей» по так называемому «делу врачей»? Ю.Карякин любит задавать вопрос: «почему?» Так вот, **почему** он и другие «поборники справедливости» это скромно умалчивают? Не смею тягаться с ними в «бесстрашии», но все же скажу: ее убили на улице. И я тоже хочу спросить: разве она — не жертва?

Честные, напрасно оболганные люди не уподобляются уголовным преступникам, а отдают лжесвидетелей под суд. И только честный суд, доказав всем вину подсудимого, имеет право его карать вплоть до высшей меры наказания. Тот, кто не боится честного суда, свидетелей не убивает, даже если те — лжесвидетели. А убийство на улице — это хуже тех процессов, на которые с такой «смелостью» теперь обрушивается Ю.Карякин. Но где же была его «смелость» даже не сорок, а каких-нибудь три года тому назад?.. Неужели его «смелость» ждала своего часа, а до этого боялась даже высунуться.

Читаешь нынешнюю, захлебывающуюся от неожиданной смелости прессу и невольно вспоминаешь поговорку: «мели, Емеля, твоя неделя». Неужто и впрямь пришла эта неделя, и надо успеть сказать все, что зудит под ложечкой, пока не опередили, не сказали другие? И в этом перехлесте страстей, в этом припадке взаимных обвинений то и дело забывается логика, мысль, цель, ради которых людям дана возможность высказаться.

«...Что я мелю?», — словно опомнившись, спрашивает сам себя Ст.Рассадин в огоньковской статье «...Всё разрешено?» (1988. №13). И в этом вопросе — неожиданно для самого автора прорвалось искреннее удивление собственным словоблудием, разлившимся более чем на две страницы журнального текста.

Оказывается, «всё разрешено» исключительно Ст.Рассадину и журналу «Огонек», остальным же высказывать свое мнение — нельзя, не разрешается. И на тех, кто осмеливается сказать нечто не нравящееся критику, обрушивается поток яростной брани со страниц органа печати, якобы борющегося с консервативным застоем, с противниками перестройки. И Ст.Рассадин готов причислить себя к духовным лидерам перестроечного периода, как, впрочем, и во времена так называемого «застоя» он искренне считал, что идет в первых рядах борцов с потрясателями существующих порядков в жизни страны и культуры.

«Огонек» за последние три года побил все рекорды скандальных публикаций. Похоже, он решил возродить печальную славу периодических изданий конца девятнадцатого века, имевших уровень бульварной или «желтой» прессы. А для этого все средства хороши: погоня за дешевыми сенсациями, публикация псевдоразоблачительных документов, кража неопубликованных материалов из других редакций (о чём поведала «Литературная газета» от 30 марта 1988 года в статье Михаила Синельникова «Должны быть все-таки святыни...») и т.д., в общем — всё то, чем так славится западная, не разборчивая в средствах пресса. Да, видимо, читателям не хватало именно такого журнала, если в киосках за ним — очереди... Вот только сомнительно: все ли потребности публики обязана удовлетворять наша печать?

Литобозреватель «Огонька» Т.Иванова из номера в номер диктует советским читателям, **что** из прессы «надо» и **что** «не надо» читать. Назидательным тоном она старается внушить всем, кто просматривает «Огонек», свою, «единственно верную», точку зрения: из московских журналов читать «надо» исключительно «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Юность», из ленинградских — «Неву». Еще добавляет: «Урал» из поля зрения выпускать нельзя. Он, да еще «Волга», да «Подъем», да еще «Дон» — от этих журналов есть чего ждать». Потом вдруг спохватывается: «А «Горизонт», оказывается, тоже надо читать» («Огонек». 1988. №34). Как говорил известный эстражник: милая дама, спасибо за подсказку. А то бы мы никогда в жизни не догадались, от кого «чего ждать».

А что же читать «не надо»? Здесь критикесса так же безапелляционна: совершенно ни к чему читать «Наш совре-

менник», «Молодую гвардию» и даже «Москву» с ее «Историей государства российского», потому что они просто-напросто — «пусты». Зачем советским людям острые статьи критиков М.Лобанова, А.Кузьмина, М.Любомудрова, В.Кожина, А.Ланщикова, публицистов И.Васильева, М.Антонова, И.Шафаревича, А.Салуцкого и многих других, выступающих в этих журналах? Совершенно ни к чему! Да и куда их работам до «обзоров» Т.Ивановой! Эти статьи, внушает критикесса, неинтересны, беспроблемны, «пусты»! Для чего читать произведения В.Распутина, В.Белова, К.Воробьева, В.Чивилихина, М.Алексеева, В.Астафьева, А.Иванова, Ю.Бондарева, В.Пикуля, по странной случайности попадающие в «серые» журналы? «Не надо» это советскому народу! Ведь все они, эти «писатели-заединщики» — бесталанны, безграмотны, лжепатриотичны. Ведь в июльском номере «Юности» за 1988 год И.Дементьева, информирует Т.Иванова, «говорит с ними совсем напрямую, совсем откровенно — и про безграмотность, и про склонность к доносу, и про интриганство и про бесталанность, и про попытки елеем и квасом лечить социальные недуги, и про «остро-патриотические» призывы (зыбка грань между национальным и националистическим!), за которые народ так дорого расплачивается...» А расплачивается наш народ за то, что никак «не войдут в разум пропагандисты любви к малой родине, насмешники над интернационализмом...», то есть — те самые авторы трех московских журналов, которые читать не рекомендуется (не могу не напомнить, что до своего «обозревателя» в «Огоньке» Т.Иванова работала зав. отделом критики журнала «Наш современник» и сама в нем публиковалась).

Эта циничная, беспринципная демагогия так бы и осталась ничтожной демагогией, когда бы в своем бессилии не доходила до откровенной, сознательной лжи. Заканчивает свое «обозрение» непримиримая критикесса в согласии и с традицией приемов самой махровой желтой прессы, не гнушающейся дешевыми подлогами: «Приемщица одну за другой вернула мне подписные квитанции — вы сами знаете, как это происходило: «лимит». А на «Наш современник» и «Молодую гвардию» подписку оформила без разговоров. «Вот, — обратилась я к очереди, — подписывайтесь, ведь свободно!» Но в огромной толпе (вы знаете, какая она

была огромная), кроме меня, желающих не нашлось. Хотя мне никогда не понять, зачем мы содержим непопулярные журналы, продающиеся в нагрузку. Зачем на многие подписывают «по разрядке». Зачем?.. Почему не оставим ровно столько бумаги, сколько у них подписчиков? Кто-нибудь может мне все это объяснить?»

Вот это и есть беззастенчивая дезинформация! Зачем, кому она понадобилась в советской печати? Хотя Т.Ивановой никаких «объяснений» на самом деле не требуется, все же надо кое-что объяснить. В 1988 году (до объявления свободной подписки) подписаться в почтовом отделении на «Молодую гвардию» и «Наш современник» (я уж не говорю о журнале «Москва») было во много раз сложнее, чем на «Огонек» или «Юность». Это прекрасно известно и читателям, и самой Т.Ивановой. А для того, чтобы увидеть, кто у кого «съедает» бумагу, достаточно сравнить тиражи названных журналов.

Интерес же читателей к упомянутым нежелательным для «Огонька» изданиям неизменно растет, о чем свидетельствует факт увеличения тиражей всех трех «неудобных» журналов по сравнению с 1987 годом. Беспрецедентный произвол произошел по отношению к журналу «Москва». Его тираж с 430 тысяч в 1987 году поднялся до 680 тыс. в 1988-м и был пресечен волевым усилием Министерства связи, о чем сообщил в печати главный редактор журнала М.Алексеев. Можно себе представить, какой в прессе поднялся бы визг, если бы нечто подобное случилось с «Огоньком» или «Юностью»? Заявление же Т.Ивановой о том, что кто-то у нас подписывается на центральные литературно-художественные журналы «в нагрузку» или «по разрядке», выглядит насколько неумным, настолько и смехотворным.

Откуда оно взялось, это враждебное наступление на органы печати, отстаивающие идеи патриотизма, любви к Родине, радеющие за сохранение национального самосознания, культуры и природной среды нашего народа? Не сомневаюсь, советские читатели в большинстве своем разбираются в том, **что** пропагандируют и **с чем** борются те или иные органы прессы. И никак нельзя не обращать внимания на публикации, наполненные ядом лжи и нечистой плотной демагогии.

Не раз я спрашивал себя: почему вообще возможны на страницах нашей печати заведомые искажения правды? Чем их объяснить? Только лишь недомыслием? Или, может, за ними кроется чья-то корысть, стремление ввести читателей в заблуждение? Нередко последнее очень походит на правду.

В журнале «Молодая гвардия» (1987. №7) была опубликована статья Вячеслава Горбачева «Перестройка или подстройка», в которой автор дал оценку некоторым нежелательным, а иногда просто нетерпимым явлениям, происходящим в нашей стране в связи с перестройкой и демократизацией всех сфер советского общества. Статья во многом полемичная, в некоторых местах довольно уязвимая, но вызывающая на спор, на дискуссию. Сколько больших вопросов в ней поднято! Однако такие органы печати, как «Советская культура» и «Огонек», решили, что дискутировать тут не о чем, и взялись за разнос статьи, за оскорбление автора, журнала в целом, а заодно и его главного редактора. Должен признаться, что я в своей жизни такого яростного нападения на центральный орган печати никогда еще не видел. Неужели для того нам даны демократизация и гласность, чтобы на виду у всей страны так бесцеремонно поносить своих творческих оппонентов?! Похоже, редакции «Советской культуры» и «Огонька» в пылу раздражения статьей В.Горбачева совсем забыли о миллионах читателей, обозвав редколлегию авторитетного журнала «политическими недорослями». И неизвестно, до чего бы они еще договорились, если бы на эту недостойную российской печати площадную брань не обратила внимание газета «Правда» в передовой статье «О культуре дискуссий».

Отчего же так возмутились позицией «Молодой гвардии» редакторы двух упомянутых изданий (а статьи в них именно редакционные)? «Советской культуре», например, не понравились слова В.Горбачева о том, что «наряду с объективными оценками и методологическими выводами по культу личности, данными XX съездом КПСС, существует еще и наше личностное отношение к И.В. Сталину...» Но что же тут поделаешь, если это личностное отношение к Сталину действительно существует в нашем народе?! Не станет же «Советская культура» при всей своей прямоте это отношение отрицать или запрещать! (По мнению некото-

рых деятелей культуры, получается, что похороны В.Высоцкого отражают отношение к нему народа, а вот похороны Сталина отношение народа к Сталину — не отражают.) Разве в силах «Советская культура» отменить тот факт, что тысячи советских воинов шли на смерть в Великую Отечественную со словами «За Родину, за Сталина!»? Хотел бы я послушать автора этой статьи (не подписавшегося) на политинформации перед боем в ту жестокую войну...

Не понравилось «Советской культуре» и другое мнение В.Горбачева, а именно то, что «Сталин, быть может, в большей мере был жертвой бюрократического аппарата, чем мы думаем». Но что же неправдоподобного в таком мнении? Или, может, редактору «Советской культуры» гораздо удобнее и проще во всех преступлениях тридцатых годов обвинить одного лишь Сталина и закрыть тему? Чтобы навсегда было ясно: во всех жестокостях тех лет, репрессиях и разрушениях памятников истории и культуры виноват один «кровожадный диктатор». Чтобы мы перестали при этом упоминать имена Л.Кагановича, Ярославского, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Мехлиса и других, чтобы начисто забыли всех лагерных палачей. Напрасные надежды. Тема эта ждет своего глубокого и откровенного раскрытия.

«Огонек» так же с неудовольствием отнесся к вопросу, поднятому В.Горбачевым, о нарушениях социалистической законности в годы, предшествовавшие культу личности Сталина. «Здесь, мол, выяснять и выяснять еще...», — саркастически отозвался на этот вопрос «Огонек». А почему бы и не выяснить? Отчего так пугает редакцию «Огонька» желание этих выяснений? Не потому ли как раз, что тогда выплывет немало других имен, непосредственно причастных к тем самым репрессиям и нарушениям социалистической законности? Имен, которых «Огоньку» и «Советской культуре» выявлять почему-то не хочется... Никто не собирается оправдывать и приукрашивать Сталина, у него немало своих грехов. Но нечестно списывать на него чужие преступления, как и нельзя забывать, что первые «трудовые лагеря» были созданы и начали действовать до прихода к власти Сталина, а именно — с 1918 года.

Привела в раздражение редакцию «Советской культуры» и критика фильма «Покаяние». Но ведь ясно, что как бы кто к этому фильму ни относился, трудно умалить факт

баснословной его рекламы еще до выхода на экраны. Так агрессивно обрабатывалось общественное мнение. Не для того ли, чтобы «убедительнее» выглядела первая премия, данная «Покаянию» на Всесоюзном кинофестивале? А ведь фильм-то для нашего времени откровенно слабый. Та страшная тема, к которой авторы фильма лишь прикоснулись, раскрыта поверхностно, декоративно, слишком «поинтеллигентски» в худшем смысле этого слова.

Перегруженный тяжеловесной, искусственной символикой, фильм оказался затянутым и не приближенным к тому времени, которое пытался отразить. Он выглядит натужным подражанием сюрреалистическим образцам западного кинематографа. В нем так и не была поставлена главная, самая трагическая проблема изображаемой эпохи, а именно проблема отношений диктатора и народа. Фильм лишь частью, да и то довольно банально обозначил проблему отношений диктатора и интеллигенции. Но ведь не она, не эта проблема явилась причиной главной трагедии нашей страны в недавнем прошлом, она была лишь следствием...

Реалистически показанная правда — всегда во много раз сильнее и страшнее любых, даже самых изощренных иносказаний-символов. Покажите нам правду жизни — и она заставит содрогнуться самые черствые сердца. Вот это и будет подлинным искусством. А ссылки на «застойные времена», в которые снималось «Покаяние», и оправдания тем, что, мол, тогда невозможно было иначе сказать правду, выглядят жалко. Искусство существует не за счет оправданий. Оно есть или его нет. Василий Шукшин умел говорить правду в те самые «времена».

Когда московские сионисты устраивали демонстрации на Старом Арбате (с соответствующими транспарантами), требуя свободной эмиграции в Израиль, то газеты не придали этому откровенно антипатриотическому выступлению никакого значения. В печати никто их не осуждал. Но стоило только представителям общества «Память» организовать митинг на Манежной площади в защиту нашей общенародной святыни — Поклонной горы, как пресса дружно набросилась на них, яростно обвиняя во всех смертных грехах за этот смелый и явно патриотический поступок. В чем только их ни обвиняли! И в национализме, и в разжигании великорусского шовинизма, и в кликушестве, и в

искажении действительности, договорились даже до проповеди фашизма. А все почему? Да потому, что этим выступлением на Манежной площади и последовавшей затем их встречей с первым секретарем Московского горкома партии Б.Ельциным удалось на время приостановить срытие Поклонной горы. Работы по ее планировке были остановлены, хотя в настоящее время Поклонной горы больше не существует.

Но тут возникает естественный вопрос: как же так? Ратужа за гласность и демократизацию общества, наши органы печати, с одной стороны, не обращают никакого внимания на действия антипатриотического характера, и с другой — так резко и безоговорочно стараются пресечь поступки явно патриотические. Как это связать? Но это еще не всё. Разнось по всем статьям патриотическое общество «Память», наши органы печати ни разу не дали выступить на своих страницах никому из его представителей. Неужели именно так понимает демократизацию наша печать? А ведь мы не раз слышали, как с трибун ораторы заявляли о том, что в споре высказаться должны обе стороны... До сих пор в отношении общества «Память» слово давалось только одной стороне, точно как в старые «застойные времена».

1988

О ПЕРЕКОСАХ ГЛАСНОСТИ И ПИСАТЕЛЬСКОЙ СОВЕСТИ

Может быть, и впрямь плохи наши дела, если от писателя ждут гласности? От русской литературы ждут, для которой в прошлом не было ничего важнее Правды, для которой высшим мерилom нравственности и художественности, высшим достоинством любого по жанру произведения и высшей его целью всегда была Правда жизни и только Правда! Одно дело — гласность на страницах газет, в выступлениях на партийных и писательских съездах. Здесь нам ее действительно не хватало, и в последнее время она принесла нашему обществу огромную, еще до конца не оцененную пользу. Но совсем другое дело — гласность или правда в литературных произведениях наших лучших писателей, являющихся совестью народа и страны. Там она была всегда. Писателей этих призывать к правде — кощунственно, они сами всю жизнь стремились к ней и в своих произведениях отстаивали ее, когда официальных призывов к «гласности» еще и в помине не было.

Разве не гласности хотел Валентин Распутин в «Прощании с Матёрой»? Разве не к тому же стремился Борис Можаев в своих «Мужиках и бабах»? Разве не горькую правду сказали нам Василий Белов в романе «Все впереди» и Виктор Астафьев в «Печальном детективе»? Им ли нужно перестраиваться?!

Для кое-кого перестроиться — это всего лишь перекраситься. Тем, кто во все времена был хамелеоном, перестроиться в очередной раз — дело нехитрое. Они-то перестро-

ятся в первую очередь и кричать об этом будут громче всех, а через несколько лет повернут в любую другую сторону, куда их позовут... Гораздо сложнее быть прямым и честным всегда, от начала и до конца, и не потому, что этого «время требует», а оттого, что иначе не позволяет жить писательская совесть.

Однако трудно не увидеть, что сама гласность начинает принимать у нас какие-то странные формы: многим почему-то стало очень приятно расписываться в собственной недалёковидности и недавней трусости. То и дело слышишь, будто еще лет пять назад все мы ничего вокруг себя не видели, не слышали, не понимали, а теперь вдруг — прозрели, поумнели и стали такими смелыми. Ораторы на трибунах то и дело бьют себя в грудь, каются во всех смертных грехах, разоблачают «застойные явления», благодарят приход «нового времени» и советуют всем начинать перестройку с себя. Но при этом почти каждый из них считает, что лично ему как раз изменяться уже не надо... Говоря об «ораторах на трибунах», я имею в виду прежде всего самих писателей.

Хочу также согласиться с мнением Ю.Бондарева, считающего, что гласность в литературно-общественной жизни у нас, по сути, односторонняя. Мы, как говорят, «открыли шлюзы». И пошло и поехало! На телевизионные экраны необузданным потоком хлынули волны неистовой рок-музыки, разрушающей не только податливые души нашей молодежи, но и поистине — всё вокруг живое. Причем опять же — с широкой пропагандой, с подробным объяснением «творческих исканий» этих бесчисленных, рождающихся как грибы по осени, рок-групп. Вот уж где групповщина так групповщина! Поток вопящих «групп». Просто какой-то рок на нашу голову!

Пресса и телевидение вдруг ни с того ни с сего начали защищать наших «хиппи», «панков», «металлистов», «рокеров» и других «волосатиков», подвергшихся растлевающему влиянию западной поп-культуры, под видом того, что-де длина волос и экстравагантность одежды еще ничего страшного не означают. Хотя та же самая пресса не раз в прежние времена писала о том, что среди американских «хиппи» и «панков» более всего наркоманов, извращенцев и бродяг, то есть людей, потерянных для общества. Разве не

ясно, что от рок-музыки, длинных волос и металлических цепей на шее — один шаг до наркотиков, тунеядства и уголовных преступлений...

Нередко гласность используется, к сожалению, в явно спекулятивных целях. Например, подчас диву даешься, какую огромную роль в духовной жизни нашей страны приписывают иные авторы некоторым литературным именам. Все мы со школьной скамьи знаем, что в России в двадцатом веке было три великих поэта — Блок, Маяковский и Есенин. Теперь же небольшая авторская группа, заполнившая страницы «Огонька», из номера в номер тоном высших арбитров внушает читателям, будто великими русскими поэтами являются: Мандельштам, Пастернак, Ходасевич, Цветаева... Между тем, как бы кто ни ценил этих поэтов, ясно, что титул «великих» пристегивается к ним их крикливыми поклонниками без всякой оглядки, например, на проблему народности, от которой весьма далеко было их творчество. Так и хочется спросить: не слишком ли много возникло великих поэтов?

Трудно понять и назойливое возвеличивание В.Высоцкого. Он был талантливый актер. Но как раз о его актерских способностях сейчас, как ни странно, помалкивают и активно раздувают из него большого поэта, кем на самом деле он никогда не был. Поэт и бард (в современном значении) — это далеко не одно и то же. Песенные тексты В.Высоцкого в большинстве своем не имеют никакого отношения к высокой поэзии. Однако культ Высоцкого приобретает черты агрессивности, массивной атаки на читателя.

Такие атаки не кажутся бескорыстными. Тем более что «жрецы культа» Мандельштама, Пастернака, Ходасевича, Цветаевой, Высоцкого одновременно широко пропагандируют и лично себя. Трудно сосчитать, сколько раз за последние два-три года появлялись на страницах «Огонька» А.Вознесенский, Б.Окуджава, Е.Евтушенко и некоторые другие явно «избранные»... Да о какой демократичности массовых журналов можно говорить, если, к примеру, за четыре месяца 1987 года я встретил в литературной прессе пять (!) обширнейших интервью с о д н о й Б.Ахмадулиной, имеющих единственное содержание: восхваление этой поэтессы до небожительских высот, как и неуёмное

самовосхваление с ее стороны. Ни о чём другом, кроме проблемы «любви» к этой поэтессе и личным ее друзьям, во всех этих рекламных публикациях не идет речи. И это в пушкинский год!

Однако иным героям «гласности» недостаточно превозносить свое литературное значение. Им захотелось также представить себя такими бесстрашными борцами за свободу, страдальцами за правду, благодаря чьей стойкости мы и дожили наконец до гласности и перестройки. Это надо процитировать:

«Мы формировались духовно и профессионально во время общественного катаклизма, когда в стенах этой крепости образовались бреши. Мы проникали в эту крепость и продолжали вести нашу войну, иногда разъединенно, слыша на отдельных улочках выстрелы товарищей. Бреши искусно замуровывались, отсекая нас от поэтической молодежи. Вырывали вокруг крепости ров с водой, чтобы следующему поколению стало невозможно прорваться к нам на помощь. Мы смертельно уставали, патроны и силы кончались. Над нашими головами начали кружиться иностранные вертолеты, гостеприимно (!) сбрасывая заманчиво покачивающиеся над нашими головами веревочные лестницы. Но по ним карабкались только слабые (вот бы узнать — кто здесь имеется в виду под словом «слабые»? — В.Х.), обменявшие борьбу за свободу в своем Отечестве на радиостанцию «Свобода».

Так образно рассказывает на страницах «Огонька» Е.Евтушенко, невольно духовно связывая себя с теми, кто отправился работать на радиостанцию «Свобода» (нам остается только гадать: то ли под «слабыми» он подразумевает Войновича, Коржавина, Галича, Копелева, Бродского, то ли — Солженицына, то ли — подлеца Синявского-Терца, автора омерзительного пасквиля «Прогулки с Пушкиным»). Может быть, этот рассказ для кого-то и выглядит правдивым, но я бы хотел спросить у некогда чтимого мною поэта: как ему удавалось отбивать «осаду» в своей мистической «крепости» и — одновременно — не вылезать из заграничных командировок, строить особняк на берегу Черного моря и обменивать «Волгу»-пикап на «Мерседес-Бенц»? Пристало ли поэту, гражданину Отчизны кичиться тем, что он в тяжелые для творческой личности времена не променял Родину на сладкую жизнь за кордо-

ном? Это ли не пример демагогического злоупотребления гласностью!

Истинный поэт всегда гражданствен, всегда патриот. Пушкин знал, что идет на смерть. Но он был «невольник чести» и погиб в поединке за честь России. Из гражданских, патриотических чувств исходит народность художника. Сергей Есенин очень редко в своих стихах, в отличие от Евтушенко, употреблял слово «народ», однако не станем же мы спорить о том, кто из них подлинно народен.

Всё яснее становится видно, что интерес к обществу «Мемориал» сходит на нет. И как бы ни стремились его лидеры в своих публичных и печатных выступлениях весь геноцид по отношению к нашему народу ограничить только сталинским периодом в советской истории, все-таки истина без крика и шума пробила себе дорогу в сознание многих честных людей. Покричали «мемориальцы» в свое время, повыступали на митингах, побудоражили общественное мнение, заполучив кстати кругленькую сумму на банковский счет общества, и на этом успокоились. А их место на трибунах заняла новая организация под названием «Комитет «Апрель», переманившая к себе не только многих «глашатаев» «Мемориала», но и с еще большим азартом подхватившая их истрепавшиеся лозунги. Организация эта — чисто писательская, созданная в марте 1989 года (но почему тогда — «Апрель»? Для звучности или по другим каким причинам?..). И заявляют они о себе как о «Писателях в поддержку перестройки» (ППП). Публично объявив, что они существуют **при** Союзе писателей, всё же — называют и считают себя «независимыми», то есть находящимися как бы **вне** писательского Союза.

Всякий раз, когда читаешь в печати материалы, публикуемые комитетом «Апрель», поражаешься их вызывающей и прямо-таки самоупоённой беспринципности. Мы всё гадаем, кому выгоден национальный экстремизм в ряде наших республик, а под боком у нас, оказывается, живут и открыто действуют те, кто этот самый экстремизм провоцирует каждым своим заявлением. И к тому же считают себя «Писателями в поддержку перестройки»...

Желание граждан русской национальности равноправия с коренным населением Прибалтики, их абсолютно справедливое требование отмены ценза оседлости при вы-

борах в местные Советы и соблюдение Конституции является для наших писателей из «Апреля» не чем иным, как проявлением «русского шовинизма». Но в то же время откровенная дискриминация гражданских прав русскоязычного населения на территории Эстонии, Литвы и Латвии у этих самых «апрелевских» деятелей ни в коем случае за шовинизм не признается.

Ну что ж, хорошо, что позиция их обозначилась так прямо и недвусмысленно. Хотя многим из нас давно уже ясно: **любые** дискриминационные, экстремистские и националистические поползновения по отношению к русским **никогда** не будут вызывать протеста у членов ППП и у сочувствующих им. Но любые обиды и тем более возмущение русского населения подобной дискриминацией всегда будут называться ими «русским шовинизмом» (видимо, только так они мыслят свою «помощь перестройке»). Это было ясно с давних времен, с тех самых, когда Николай II (в 1913 году) отменил черту еврейской оседлости на всей территории Российского государства, хотя до сих пор факт этот упорно приписывается завоеваниям Октября.

Наглость, с какой «апрелевские» экстремисты выкрикивают свои лозунги, просто потрясает. «Единого русского шовинистического фронта не будет!» — заявляют они в печати («Литературная Россия» от 22 сентября 1989 г.) в ответ на моральную и материальную поддержку российскими писателями участников политической забастовки трудящихся Эстонии. Сама эта поддержка кем-либо справедливых требований рабочего класса прибалтийских республик, состоящего в основном из русских, расценивается ими как происки «единого русского фронта», ну и, конечно же, — «шовинистического». И то ли эта наглость от боязни зарождения такого фронта, которого на самом деле пока не существует, то ли от их безоговорочной невозможности вообще примириться хоть с малейшей солидарностью русских с русскими. То есть налицо какое-то патологическое или, как они любят выражаться, зоологическое неприятие любых проявлений национального самосознания и самоуважения со стороны русских. Вот уж где шовинизм так шовинизм!

И всё это происходит не где-нибудь, не в Палестине, не в Прибалтике, не в Молдавии, а в самой России! В центре

России находятся и прекрасно себя чувствуют, выступают в российских органах печати силы, не желающие позволить русским хоть в какой-то мере осознать, почувствовать, проявить свое национальное достоинство. И при этом называют нас «шовинистами». Где еще такое возможно? Разве что в оккупированной стране. Но ведь мы же не палестинцы в Иерусалиме!..

Всё было в нашей многострадальной истории XX века. Народ грабили, мучили, расстреливали, гноили в лагерях, взрывали, оплевывали его святыни. Все было. Убивали крестьянских поэтов, морили народ голодом, доводили до людоедства, а тем временем вывозили хлеб за границу. Но при всей этой бесстыдной вакханалии зверского геноцида все-таки Пушкина не трогали. Хоть и кричали вслед за Маяковским: «Сбросим Пушкина с парохода современности!», но лозунги лозунгами, а тем не менее взять и «сбросить» русского гения рука ни у кого не поднималась. Тогда не поднималась. А вот теперь, в наше перестроечно-плюралистическое время, видать, в самый раз. И орган печати Союза писателей РСФСР журнал «Октябрь» публикует мерзкий пасквиль оскандалившегося на Западе Абрама Терца (Синявского) «Прогулки с Пушкиным». И когда российские писатели, российская общественность выразили свое возмущение этой акцией, то, естественно, комитет «Апрель» ринулся на защиту и гл. редактора «Октября» А.Ананьева, и новоявленного Дантеса-Терца-Синявского. «Как вы смеете возмущаться? — удивились они. — Ведь у нас же плюрализм мнений! Ведь этот Синявский в свое время так пострадал!..» От подобного плюрализма хочется сплюнуть.

Можно ли себе представить, чтобы российский писатель, приехав в Израиль, опубликовал нечто подобное в каком-либо тель-авивском журнале по отношению, например, к еврейскому поэту Хаиму Бялику или Шолом-Алейхему? И что бы с ним в этом случае было? Да что там Тель-Авив! Можно ли себе представить, чтобы нечто подобное о названных еврейских литераторах было напечатано у нас, в российском журнале? И пусть бы даже не напечатано, а только написано и размножено. Какой бы гвалт поднялся! И кто бы тогда из русских писателей решился встать на защиту этого «пасквилянта»?

Однако тут надо сразу признать: подобные фантазии не-реальны. И не потому, что их никто нигде не допустит, а по причине того, что русский писатель, если он писатель истинный, никогда себе подобного не позволит в силу своего нравственного развития. Истинный писатель, какой бы литературе он ни принадлежал, ничего похожего никогда не напишет и, если он редактор, — не напечатает. Ну и, конечно же, — не станет защищать проходимца, унижающего самое дорогое, что у нас есть, потому что все мы вышли из Пушкина, как бы ни противились этому наши блудные дети. Но дети, распинающие свою мать, даже не могут быть достойны жалости, они достойны только презрения.

Ничуть не удивляет, что повесть покойного В.Гроссмана вышла в свет именно в журнале «Октябрь», вышла для того, чтобы объявить миру сногшибательную концепцию: тайна русской души, оказывается, объяснима «историей ее тысячелетнего рабства». И многие из «апрелевцев» подхватили этот тезис. «Рабы, исключительно рабы!» — завопили они со страниц «Огонька» и «Юности», словно забыв, что еще вчера взалоб обзывали всех нас «шовинистами». Вот уж точно: левая рука у них не ведает, что творит правая. Как тут не посоветовать: все-таки решите для себя точнее, кто мы — рабы или шовинисты? Ну ведь никак же не могут быть шовинисты рабами! Или, может быть, они что-то напутали вслед за путаником Гроссманом?

Уж где-где, а в России за всю ее историю **никогда** не было рабства. Опять же — многое было. И золото-ордынское иго, и крепостное право (которое в отличие от поголовной советской коллективизации отнюдь не являлось преступным по отношению к собственному народу), но вот в **р а б с т в е** как таковом Россия ни в каком веке ни у кого не была и себе в рабство никого не брала. А перепутал В.Гроссман Россию, видимо, с древней Иудеей, историей тысячелетнего **рабства** которой он, вероятно, переболел в своей юности, ознакомившись с Ветхим Заветом. Вот уж где было настоящее **рабство**, и те самые иудеи, то бишь евреи, на протяжении почти тысячелетия являлись не мифическими, а подлинными **рабами** и Египта, и многих других империй: Вавилона, Персии, Македонии, Рима. И только в данном случае, исходя из исторической реальности, можно говорить об их истории «тысячелетнего рабства».

Конечно же, я иронизирую, говоря о том, что В.Гроссман что-то напутал. Ничего он не забывал, всё знал. Да уж больно велик соблазн позор одного народа переложить на плечи другого, и, наверное, кое у кого и впрямь силён в крови комплекс раба, если они всё еще блефуют по поводу чужого — выдуманного — рабства.

«Не могу не испытывать русофобии...» — несколько раз повторила поэтесса Е.Шевелева на одном из собраний «Апреля» (это выступление опубликовано в «Московском литераторе» 13 октября 1989 г.), перечислив причины, которые ей не позволяют «не испытывать» этого человеконенавистного чувства к целой — огромной — нации, к целому — великому — народу. Ну что ж, допустим, что Е.Шевелева и вправду столь «благородно» возмущена нежеланием «неливовских жителей Литвы» быть дискриминированными, второсортными людьми на территории их проживания. Бог ее знает, может, она на самом деле против равноправия этих людей с коренным населением Прибалтики. Может, это — ее выстраданная позиция, всякое бывает. Но откуда взялась у нее русофобия? С какой стати известную поэтессу переполняет эта «фобия» ко всему русскому народу? Или, по ее логике, за злодеяния против русского народа таких изуверов, как Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Ягода и Каганович, мы все должны теперь с гордо поднятой головой заявлять с трибуны Центрального дома литераторов о переполняющем наше сердце антисемитизме и срывать при этом бурные аплодисменты, чем награждало собрание «Апреля» ту же Е.Шевелеву каждый раз при словах «не могу не испытывать русофобии...»?

Не может она не испытывать русофобии, как сказано в ее выступлении, и при воспоминании о харьковском еврейском погроме. Здесь уж совсем что-то странное. Очевидно, Е.Шевелева, помнящая дореволюционные события, забыла о том, что Харьков — это украинский, а не русский город. Может, ее отец, адвокат, один из защитников Бейлиса, на рассказ которого она ссылается, тоже забыл уточнить, что погром этот устроили... украинские националисты. Впрочем, какое всё это имеет значение для наших «апрелевцев», гордых своим «благородным», как они считают, чувством русофобии — по любому, самому несуразному поводу!

Сколько можно терпеть эту лживую, лицемерную демагогию?! Во всех еврейских погромах обвиняют русских и, как правило, называют при этом погромы, имевшие место до революции в Харькове, Киеве, Кишиневе, Минске и т.п. Вот и Е.Шевелева, наверное, из тактических соображений решила потрафить тем силам, которые возмущаются правдой и бурно аплодируют лицемерию и лжи. Что ж, каждый испытывает то, что он «не может не испытывать»...

1989

О ЛЖЕПОЭТАХ И РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Если оглянуться на прошлое в протяжении двух последних веков, то легко увидеть, что на каждом примерно десятилетнем отрезке истории России рождался большой или великий поэт. Что касается девятнадцатого века, то здесь, наверное, и уточнять не стоит — поименно, так как великих, гениальных, значительных поэтов было даже больше, чем исторических десятилетий. Но чем нас порадовал век двадцатый? Чем он богат и интересен в этом смысле? И здесь хотелось бы разобраться подробнее, пристально взглядевшись в имена и лица духовных выразителей этого жестокого столетия и особенно — во второй его половине. А если уж быть более точным, то главная цель моих размышлений — выяснить, понять, из каких корней, на какой почве вырастает настоящий поэт, национальный художник, в котором соединяются редкие качества глубоко талантливой личности и достоинство истинного гражданина Отечества. И исходя из этих размышлений — трезво взглянуть на «признанные» имена и, может быть, узнать, разглядеть, почувствовать появление действительно крупного, долгожданно значимого поэта в последнем десятилетии этого века.

Наверное, многим будет понятно, почему именно речь хочется вести лишь о конце нашего столетия. Ведь золотая его пора (в поэтическом отношении) — примерно первое двадцатипятилетие — отмечена целой плеядой великолепных русских поэтов, среди которых что ни имя, то целый

мир со своей космической бесконечностью, глубиной, высочайшей духовностью и трагедией, в которых отразились, как небеса в капле росы, и дух и трагедия России. Это — прежде всех — имена, думается, ни у кого не вызывающие сомнения, споров и отрицания: Александр Блок и Сергей Есенин. Следом за ними можно поставить целый ряд в каком угодно порядке в высшей степени блестящих, составляющих славу отечественной поэзии, имен: Маяковский, Хлебников, Гумилев, Кузмин, Северянин, А.Белый, Г.Иванов, Ходасевич, Бальмонт... За ними, уже переходя в тридцатые и далее — в сороковые, в пятидесятые годы, идут Клюев, П.Васильев, Исаковский, Кедрин, Цветаева, Ахматова, Заболоцкий, Пастернак, Твардовский... В шестидесятые годы творили замечательные, народные поэты Рубцов и Прасолов. В семидесятые — со всей мощью раскрылся и стал известен широкому читателю уже давно ждавший своего часа Николай Тряпкин, продолжающий и поныне удивлять нас неподражаемой лирикой. В эти же годы создал свои лучшие поэтические произведения еще по достоинству не оцененный Анатолий Передреев. Восьмидесятые годы — это, несомненно, поэтическое время Юрия Кузнецова.

Меня можно упрекнуть за то, что я упустил чьи-то имена, почитаемые другими любителями стихотворного слова. Каждый волен записать их самостоятельно. Однако в целом, думаю, характер русской поэзии в лучших ее примерах отражен достаточно четко, и уж во всяком случае названные мною выразители российской духовности, боли и красоты вряд ли будут кем-то оспорены.

Но я, конечно же, продвигу главный недоуменный вопрос моих оппонентов: что же это я так тенденциозно умалчиваю о самых, казалось бы, известных, самых нашумевших за прошедшие три десятилетия — о Евтушенко, Вознесенском и Ахмадулиной? Но нет, вовсе не в умалчивании тут дело, потому что как раз о них я и хочу поговорить подробнее (совершенно сознательно не упоминаю здесь Р.Рождественского, так как он оказался наиболее официальным, конъюнктурным, самым «придворным» среди них, достаточно вспомнить его поэмы «Письмо в тридцатый век», «Двести десять шагов», и т.п., которые в наши дни (при жизни автора!) выглядят по меньшей мере пародийно и не могут вызывать ничего, кроме горькой усмешки).

Путь измены

С именем Евгения Евтушенко связано многое в нашей литературе. Он (в компании с А. Вознесенским, Р. Рождественским, Б. Ахмадулиной) в шестидесятые годы ворвался в русскую поэзию громко, смело, вывел поэтическое слово на уличные эстрадные подмостки и концертные залы. Они — эстрадники или, как их тогда называли, «громкие поэты» — действительно всколыхнули, взбудоражили тихое, скованное морозом цензуры море российской поэзии, вдохнули в нее азарт, страсть, молодое сбивчивое дыхание, грохот сверхзвуковых авиамашин, вызвали к ней настоящий, широкий, неподдельный интерес всего нашего общества, воспрянувшего духом после хрущевской наивной «оттепели» в культурной жизни страны.

Многие из нас зачитывались их стихами, многих подкупали в них не только молодой задор, крик, эпатаж, задиристость, но и некая глобальность, «бесстрашие» в выборе тем, прикасавшихся к острым проблемам жизни страны и мировой политики: «Двадцатый век нас часто одурачивал. Нас, как налогом, ложью облагали...», «Я распят, как Христос, на крыльях самолетов, летящих в эту ночь бомбить детей Христа».

Многим нравилось, что Е. Евтушенко клеймит в стихах «сопливый фашизм», апартеид, американское вторжение на Кубу и во Вьетнам. Многие из нас, тогда еще юное поколение, заучивали наизусть огромные куски из «Братской ГЭС» («Казнь Стеньки Разина», «Диспетчер света», «Коммунары не будут рабами», «Бал выпускников»...) и, подражая поэту, сами лезли на сцены художественной самодеятельности, размахивали руками и драли глотки перед замершим и удивленным залом, срывая аплодисменты и дешевенькие призы:

Бал,
бал,
бал на Красной площади!
Бал в двенадцать баллов — бал выпускников!
Бабушка, вы мечетесь,
бабушка, вы плачете, —
ваша внучка,
бабушка,
уже без каблучков.

Но мы обольщались и евтушенковской лирикой 60-х годов. Вечерами, гуляя с подругами по темным скверам, мы вкрадчивым голосом читали им нечто, как нам казалось, загадочное и неотразимое: «Стою у дерева, молчу и не обманываю, гляжу, как сдвоенные светят фонари, и тихо трогаю рукой, но не обламываю сосульку тоненькую с веточкой внутри». Или: «Скулит наш бедный пес до умопомрачения, то лапой в дверь мою, то в дверь твою скребя. За то, что разлюбил, я не прошу прощенья. Прости меня за то, что я любил тебя». Наши подруги смотрели на нас восхищенными глазами и затаенно вздыхали...

Помню, как в 1968 году в журнале «Юность» я, уже сам пытавшийся сочинять, прочитал поразившее меня стихотворение. Начиналось оно необыкновенно лирично, грустно и проникновенно:

Идут белые снеги,
как по нитке скользя...
Жить и жить бы на свете,
да, наверно, нельзя.

И заканчивалось оптимистически, глубоко и патриотично:

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.

Вообще, надо сказать, стихи Евтушенко тех лет отличались высоким патриотизмом, что, собственно, и подкупало в них многих читателей и поклонников его давнего таланта. Достаточно вспомнить прозвучавшую на весь мир песню: «Хотят ли русские войны? Спросите вы у тишины над ширью пашен и полей и у берез и тополей. Спросите вы у тех солдат, что под березами лежат, и вам ответят их сыны, хотят ли русские войны. Не только за свою страну солдаты гибли в ту войну, а чтобы люди всей земли спокойно видеть сны могли. Под шелест листьев и афиш ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж. Пусть вам ответят ваши сны, хотят ли русские войны». Такие слова запоминались надолго, закреплялись в душе намертво, потому что в них трепетала еще не угасшая боль и была настоящая правда.

Но время шло. Е.Евтушенко в своих стихах откликался чуть ли не на все мировые проблемы и события внутри страны. Постепенно над ним засиял ореол заступника всех униженных и оскорбленных, незаслуженно репрессированных и притесняемых в любой точке земного шара, будь то бывший заключенный «Ваня» («Итальянские слезы»), безработная бродвейская актриса («Нет роли») или узники самосовских тюрем в Никарагуа. Поэт словно бы всерьез поставил перед собой задачу все раны и страдания этого мира взять под свою защиту и как бы осенить их своей широкоохватной и неутомимой лирой. Он, похоже, и сам уверился в том, что эта ноша ему по плечу. И пошли самоуверенные признания: «...всею шкурой чувствую, как брата, любого нищего земли», и начались многозначительные стихотворные заверения типа этого:

Ты учти, Белый дом (никуда эту правду не денете!), —
на блокноте моем капли крови и Кинга, и Кеннеди.
Слезы выдавил газ, под дубинками кровью я харкаю.
Я надеюсь на вас, мои внуки из Беркли и Гарварда!

Или такие:

Да, я тот большевик, кто борец в Петрограде,
Нью-Йорках, Парижах,
в ком кричит боль живых вместе с болью погибших.
Да, я тот большевик, пролетарски всемирный и русский,
Чья душа — броневик, против сволочи временной прущий.

Подобная всеядность начинала настораживать. Возникло недоумение: куда девались лиричность, нежность, человечность, теплота, таинственность, которые не могли же так легко и просто выветриться из его стихов на сквозняках мировых пространств после многочисленных заграничных командировок, круизов, международных симпозиумов, разного рода фестивалей и т.д.? (По собственному признанию, он побывал в девяноста двух странах). Ведь поэт, думал я, если он таковой по природе своей, должен везде оставаться поэтом, даже и откликаясь на трудности жизни эфиопских крестьян. Ведь душу поэта, верилось мне, не так-то просто соблазнить, изломать, подкупить баснословной рекламой радио и телевидения, мировой известностью,

выступлениями на стадионах и бесчисленными огромными публикациями в центральной прессе: в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Труде», «Литературной газете», в престижных изданиях («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Москва», «Юность», «Огонек» и т.д.), где одна за другой после его загранпоездки и внутрисоюзных командировок выходили многословные и слишком претенциозные поэмы: «Коррида», «Под кожей статуи Свободы», «Пушкинский перевал», «Казанский университет», «Снег в Токио», «Пресека» (о БАМе), «Ивановские ситцы», «Северная надбавка», «Голубь в Сантьяго», «Непрядва», «Мама и нейтронная бомба» (которой он все же «добил» комиссию по Государственным премиям...) и, наконец, «Фуку».

Не скрою, долго во мне боролись противоречивые чувства по отношению к Евтушенко, долго я не мог разобраться (и, наверное, не я один): что же это за явление такое? Пока в конце концов не пришел к убеждению: поэт менял талант на дешевую популярность, комфорт, гонорары и тиражи. Трудно сказать, сознательно ли он на это пошел, но не сомневаюсь в том, что теперь эта сделка им осознана, принята как данность, как факт. Он знает, что душа его насквозь изедена дьяволом барыша и политиканства. Ждать от нее чего-либо живого, естественного, честного, родного и человеческого уже бессмысленно. Такого поэта больше нет. И только подтверждением этой мысли является уход Евтушенко в кинематограф, где, впрочем, также у него не получается ничего правдивого, серьезного, ценного: душа продана, талант загублен.

Страсть к политиканству в натуре бывшего поэта красноречиво проявилась и еще сильнее подтвердилась в нахрапистом стремлении любыми путями прорваться в народные депутаты СССР. Окольными, прямо-таки детективными путями — прорвался. Выступил на Первом съезде народных депутатов с крикливой демагогической «обвинительной» речью против... нашей армии (вспомним эти слова: «Не только за свою страну солдаты гибли в ту войну...») Против армии, спасшей мир от фашизма, с которым всю жизнь в стихах воевал Евтушенко.

Казалось бы, зачем поэту власть? Ведь он и без того — властитель дум миллионов своих сограждан. Истинный по-

эт, который всегда — пророк, выше любых земных властителей и царей, он способен одним только словом, одним движением руки повести за собой народ. Земная, законодательная власть ему не нужна, она для него скучна, смешна и ничтожна. Слово поэта имеет Божественный отблеск, оно в силах пережить века, цивилизации и оно — бессмертно. Наверное, я совершаю грех, наделяя слово поэта свойствами Высшего Слова, Логоса. Думаю, Бог мне простит... Но поэт, рвущийся к власти...

Подчинившись барышу, соблазнившись земной властью, бывший поэт в закономерном итоге отвернулся от собственного народа, а затем и предал его. Точнее сказать, этот народ он перестал считать своим, кровным, сравнил его с «детьми Шарикова», обозвав «рылами», «самодовольнейшей грязью», а страну — «отечественным болотом» («Вандея»). Всех же честных патриотов России, радеющих за возрождение национального самосознания, он преспокойно и расчетливо смешал с «вандейским навозом». Нашу историю, полную неисчислимых бедствий и жертв, он теперь видит и понимает лишь так: «О наши русские коалы! На всех идеях и делах, эпохи носом подпевалы, вы дремлете, как на стволах». Коалы — это сумчатые медведи, живущие в основном на деревьях. По мнению Евтушенко, русский народ всю свою историю проспал, а германский фашизм разгромили французы и англичане... И геноцид 1918—1930 годов, оказывается, осуществлялся космополитами по отношению к спящим «русским коалам»... Большого бесстыдства вряд ли можно себе представить.

В любой другой стране за унижение национального достоинства и оскорбление своего народа охамевший словоблуд типа Евтушенко был бы привлечен к суду или по меньшей мере подвергся бы беспощадному презрению и потерял бы всякую возможность публиковаться у себя на родине. Такое произойдет где угодно, только не у нас (у «русских фашистов»). Уж такая это страна, здесь разрешено оплевывать любые святыни, в полной уверенности своей безнаказанности, не сомневаясь в том, что народ наш («черносотенцы», «самодовольнейшая грязь», «вандейский навоз») все молча проглотит. И более того — извращение национальной сущности русского народа с помощью основной массы леворадикальной (сионистствующей) печати бу-

дет возведено в заслугу, в геройство, станет залогом многотиражных публикаций и чуть ли не мировой известности. Такова реальность.

Нравственная деградация бывшего поэта должна была привести к поступку не просто аморальному, но к подлинно предательскому по отношению и к тем несчастным, замученным и оскорбленным, о сочувствии к которым он вещал на всех своих концертах в шестидесятые-семидесятые годы (вот истинная цена заверениям: «всей шкурой чувствую, как брата, любого нищего земли»): на земле единственного в мире (в настоящее время) фашистского государства он разгуливал и выступал (народный депутат СССР!) в форме израильского офицера — невымышленного оккупанта и расиста. Что, выходит, теперь, надев форму фашиста, бывший поэт перестал чувствовать «всей шкурой», что в этой самой форме израильские расисты **каждый день** убивают и калечат безоружных палестинцев — женщин, стариков, детей, **каждый день** бросают в тюрьмы, избивают, пытаются, депортируют несчастных людей только за то, что они хотят **свободно** жить на своей Родине? Что, он уже больше не относится к ним «как к братьям»? И в нём уже больше не «кричит боль живых вместе с болью погибших», когда палестинскую женщину за волосы волокут по асфальту? Ну как тут не вспомнить его нашумевшее в свое время стихотворение «Бабий Яр»?

...Мне страшно. Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.
Мне кажется сейчас — я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту,
а вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.
...Мне кажется — я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессилен,
напрасно я погромщиков молю.
Под гогот: «Бей жидов, спасай Россию!» —
лабазник избивает мать мою.
О, русский мой народ! Я знаю — ты
по сущности интернационален.
...Я знаю доброту твоей земли...

Ах, Евгений Александрович, как, наверное, сладостно в творческом зуде воображать себя «иудеем», «бредушим по древнему Египту», да к тому же еще с перспективой погибнуть не как-нибудь, а «распятым на кресте», чтобы потом всю жизнь носить «следы гвоздей»! В жизни всё куда банальнее до отвращения: посетив палестинскую столицу Иерусалим (ныне оккупированную иудеями), вы только и способны на то, чтобы нарядиться в облачение слуги современного Понтия Пилата, хотя я прекрасно себе представляю, что похожи вы были исключительно на горохового шута.

Что ж, можно себя вообразить и еврейским мальчиком в Белостоке, на глазах которого «лабазник избивает мать» под гогот «бей жидов, спасай Россию!» Выходит — русский избивает, если далее идет восклицание: «О русский мой народ!» и спасать надо Россию, несмотря даже на то, что Белосток — это город в Польше и что в еврейских погромах там русские никогда не участвовали.*

Но какое это все имеет значение для бывшего поэта-интернационалиста! Ведь русский народ у него тоже «по сущности интернационален», а потому и он мог, *в принципе*, участвовать в погромах. Вообразить это трудно, но для поэта-интернационалиста — м о ж н о.

Действительность же бывшему поэту неинтересна, потому что в действительности все происходит не так, как в его воображении: ни одного еврейского погрома бывший поэт в своей жизни ни разу не видел (хотя не скрывает, что очень хотел бы увидеть, и время от времени даже назначает точную дату, о чем оповещает на всю страну по телевидению). Зато по тому же телевидению, правда, лишь в течение двух-трех информационных минут программы «Время», он имел возможность наблюдать палестинский погром от рук евреев-сионистов. Но представить себя арабским мальчиком, на глазах которого израильский солдат избивает мать, — этого бывшему поэту-интернационалисту **не дано**. Да что там представить! Ему не дано это даже **увидеть** — ни на экране телевизора, ни в самом Израиле!

* Как, впрочем, и во многих других — наиболее известных — киевском, одесском, кишинёвском, минском и т.д., которые, как правило, происходили в национальных окраинах.

Что ж, русской поэзии не убудет. И тот факт, что бывший поэт отвернулся от России в другую, более выгодную для него сторону, говорит о проявлении в конце концов его настоящего лица, неподдельной внутренней сущности, скрывааемых им многие и многие годы. И теперь он мог бы вполне определенно изменить поминавшуюся здесь строку в одном из своих давних стихотворений, строку, которая абсолютно не соответствует истине: «если будет Россия, значит, буду и я»... Слово «Россия» здесь стоит не к месту.

Путь отчуждения

Теперь уже совершенно ясно, что и Белла Ахмадулина, в отличие, например, от Анны Ахматовой, никак не вписывается в понятие *русский национальный поэт*. Ее замкнутая на себе, глубоко эгоистическая «поэзия» так и не вылилась, несмотря на широкие прежние авансы и посулы, в живое отражение народной жизни (пусть бы даже и через собственную судьбу, как у Ахматовой: «Я тогда была с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был») в прочувствованное понимание бед этой земли. Так называемые «ахмадулинские кружева», а точнее, по меткому выражению Валентина Сорокина, «бельевые веревки» ее бесконечно длинных стихов есть верный пример изошренного самоупоения и голой манерности в современной поэзии.

Ее отчужденно-элитарное, а чаще узко-салонное творчество тлеет в кастовом мирке своих, избранных, почитателей и ценителей, посвященных в «секреты мастерства». Это достаточно четко показал А. Вознесенский в книге «Прорабы духа»: «Читает Белла. С в о я Белла. А вокруг тоже свои. Только свои».

В начале ее творческого пути так же, как у раннего Евтушенко, в стихах ощущалась свежая интонация, искренность и легкое дыхание. В книгах же, вышедших в последнее десятилетие, мы отчетливо видим искусственную метафоричность, натужность мышления, напыщенность речи, вместо глубокого сильного чувства — жеманность, деланную чувственность или наоборот — мертвенную сухость:

Ночь, белый сонм колонн надводных. Никого нет,
но воздуха и вод удвоен гласный звук,
как если б кто-то был и вымолвил: Коонен...
О ком он? Сонм колонн меж белых твердей двух.

Стихи кажутся подчас высосанными из пальца, настолько явны в них бессодержательность, стилевая неорганичность, и многословная пустота. Если себя ей, может быть, еще удастся обмануть, то вдумчивого читателя уже не обманешь: напускное и вымученное лезет из всех щелей. Вот для иллюстрации сказанного строки одного из последних стихотворений книги Б.Ахмадулиной «Избранное», вышедшей в «Советском писателе» в 1988 году:

Я помню голос тот, неродственный канонам
всех горл: он одинок единоголasyа средь,
он плоской высоте приходится каньоном
и зренью приоткрыт многопородный срез.

Творческое поражение некогда одаренной поэтессы теперь уже выглядит не парадоксальным, оно естественно и легко объяснимо, с одной стороны, отчужденностью автора от живой, одухотворенной, светлой природы и народного быта, а с другой — желанием оставаться на виду, на слуху, на волне известности, в центре эстетических суждений.

Раннее поэтическое созревание, внимание критики и обожание публики были когда-то сравнимы с взволнованным состоянием невесты, вступающей в новую, неизведанную жизнь, где все внешнее — приятно, а дальнейшее — неясно:

Хочу я быть невестой,
красивой, завитой,
под белою навесной
застенчивой фатой.

Чтоб вздрагивали руки
в колечках ледяных,
чтобы сходились рюмки
во здравье молодых.

...Страшно и заманчиво
то, что впереди.

Плачет моя мамочка, —
мама, погоди.

...Громко стулья ставятся
рядом, за стеной...
Что-то дальше станется
с тобою и со мной?..

(1956 г.)

Белла Ахмадулина словно предчувствовала собственную судьбу в одном из своих первых стихотворений «Цветы», написанном в 1955 году: «Цветы росли в оранжерее. Им дали света и земли не потому, что их жалели или надолго берегли. Их дарят празднично на память, но мне — мне страшно их судьбы, ведь никогда им так не пахнуть, как это делают сады. Им на губах не оставаться, им не расквашивать шмеля, им никогда не догадаться, что значит мокрая земля».

Талант действительно обладает даром пророчества: судьба оранжерейного цветка стала прообразом судьбы (которой было «страшно») будущей оранжерейно-богемной поэтессы, так и не вырвавшейся за стеклянные стены своего искусственно-декоративного мирка, даже несмотря на то, что своей вышедшей недавно книге она дала название «Сад». В этом «саду» нет ни свежего ветра, ни блеска росы, ни пенья соловья. Зато в нём — излишество ночных беспредметных бдений, сомнамбулических грёз и невнятных шептаний под электрическим светом настольной лампы. Одним словом, в нём — мир, похожий на бред больного, увядающего сознания.

Страдание сознания больного —
сирень, сиречь: наитье и напасть.
И мглистая цветочная берлога —
душно-лилова, как медвежья пасть.

Над ней — дымок, словно она — Везувий,
и думает: не скушно ль? Не пора ль?
А я? Умно ль — Офелией безумной
цветы собирать и песню напевать?

Плутаю я в пространном фиолете...

и т.д.

Здесь всё — необязательно, неосязуемо, эклектично, то есть без надобности притяннуто из разных нестыкующихся, придуманных плоскостей, не одухотворенных душевным светом поэта. И потому поэзии здесь нет, а есть только неудовлетворенная претензия (отсюда такое бесконечное многословие) на оригинальность, на необыкновенный образный строй, якобы исходящий из внутреннего шаманства, граничащего с метемпсихозом. Окончательно заплутавшись в «пространном фиолете», поэтесса решила сыграть роль «безумной Офелии», чтобы в «напасти наитья» околдовать читателя бессмысленной бутафорикой лжеприроды, где самая обычная, поросшая травой и цветами канава обязательно «душно-лилова, как медвежья пасть». Поэзия, порожающая антиприроду, сама становится антипоэзией.

Говоря о Евтушенко и Ахмадулиной, у нас принято непременно вспоминать имя Андрея Вознесенского. При этом многим кажется, что Вознесенский — явление даже более сложное в современной поэзии. Но впечатление это обманчиво. Он — большой «мастер» пускать пыль в глаза, именно казаться, а не быть, запутывать внимание читателей: «Я — Гойя! Глазницы воронок мне выклевал ворог...», «Я горло повешенной бабы, чье тело, как колокол...», «Я Мерлин... Я героиня самоубийства и героя...», «Я двоюродная жена...» и т.д. Примеривание чужих масок — это и есть неумение или нежелание быть самим собой, отсутствие с о б с т в е н н о г о поэтического «я». В стихах он может предстать перед читателем кем угодно, зарифмует любые, самые несуразные идеи, но собственной сути, истинной своей тайной надежды — никогда не покажет: «Я — семья, во мне как в спектре живут семь «я»...» Все это несет в себе талмудические признаки неоткровенного искусства: громоздя метафорические конструкции, устраивая словесный хаос, кощунствуя и одурачивая, — не выдать истинных намерений.

Серьезного значения для русской литературы «стихи» А.Вознесенского не имеют, так как они — плоды чуждой нам «культуры», чуждой поэтики. Теперь уже ясно, что называть его «большим поэтом» — грешно, потому что человек, издевавшийся «стихотворно» над крестом — символом веры, ни в одной христианской стране не может в уважи-

тельном смысле именоваться поэтом как выразителем народного духа, а тем более — русским поэтом. В его поэме «Из жизни крестиков» («ЛГ». 1989. №39) кресты — это «тюремная решетка», Казанский собор — «крестовый паук архитектуры», а противотанковые ежи — «группенсекс крестов» (вспомним реакцию мусульманского мира на роман «Сатанинские стихи» Соломона Рушди... Я не призываю к тому же, однако наше пренебрежение к оплеванным святыням неоправданно затянулось...).

Если Евтушенко и Ахмадулина в начальный период своей поэтической карьеры все-таки иногда достигали уровня полноценной лирики, то Вознесенскому этого не удалось никогда: декларативность и отсутствие гармонии — признак всей его стихотворческой деятельности. Однако почему-то очень немногие замечают, что вирши, сочиняемые Вознесенским, крайне примитивны в смысле формы и начисто лишены духовной животворной глубины. И рассуждать о каких-то их чисто внешних «особенностях» — напрасная трата времени. Подавляющее большинство их исполнено примерно в таком ключе (строки беру наугад):

Скоропортящиеся поэты!
Успейте сказать, пока помните это.
Рисуйте, художники, денно и ночью,
руки напряженье под ноюшей тяжестью ноши.

Примитив и пошлость переплетаются буквально в каждой строфе его «стихотворного» собрания сочинений:

Прожил художник один.
Много он бед перенес.
Но в его жизни была
целая площадь из роз.

Таких самодовлеюще бездарных поделок не позволяют себе даже начинающие члены самых захудалых литобъединений. И, видимо, не случайны подобные самопризнания: «Я пуст, я стандартен. Себя я утратил», «Я нищая падаль. Я пища для морга». Хоть эти строки и являются, по Вознесенскому, «переложением» из Микеланджело, все равно в данном случае ясно, что для самовыражения «толмач» выбирал их на собственный вкус.

«Скоропортящиеся поэты»... По-моему, очень точно сказано. Талант обязательно изменяет изначально даровитым личностям, если те встают на путь безнравственности и отчуждения от земли, вскормившей их. Более того: природный талант начинает мстить им, оторвавшимся от этой земли и культуры, так как любая культура — это дух народа, происходящий из недр земли, на которой народ проживает. Он мстит пустой, суетливой, дешевой славой и опустошенным сердцем. «Скоропортящиеся поэты» уже при жизни пожинают плоды своего политиканства и лицемерия: они сами становятся свидетелями народного к ним отчуждения.

«Среди горних светил...»

Я не напрасно в начале этой статьи сказал, что 80-е годы — время поэзии Юрия Кузнецова. Начав издаваться еще в 70-х и, может быть, написав в эти годы лучшие свои стихи, он в последнее десятилетие утвердился в нашей литературе серьезно, основательно, авторитетно. О нем много написано разного, взаимоисключающего, но больше — положительного и чаще — справедливого. Его поэзия неизменно являлась предметом споров и размышлений на страницах печати, у него появились даже эпигоны, а это — уже признак собственного, нерасхожего стиля. Создать свой стиль в поэзии, закрепить в умах отличительную художественную канву и образную систему — достоинство, принадлежащее далеко не многим.

Именно ему удалось в очень яркой форме привнести в современную литературу запомнившийся многим образ погибшего отца. Этот образ (как основной, цементирующий) прошел сквозь всю его поэзию, но особенно впечатляюще он прозвучал в стихах первых книг: «Отец мой окончен войною», «Отец, — кричу. — Ты не принес нам счастья!..», «Я пью из черепа отца...»

Как раз первое мое знакомство с творчеством Ю. Кузнецова состоялось после прочтения стихотворения «Возвращение», напечатанного в какой-то газете, стихотворения, буквально резанувшего меня по нервам своим мистически-реальным воплощением: отец — столб крутящейся пыли...

Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет..
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука.
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждет, —
Через поле и пашню
Столб крутящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

После этих строк сразу стало ясно, что к нам пришел необычный поэт. Собственно, таким он и оставался на протяжении многих последующих лет.

Однако, пристально наблюдая за творчеством Ю. Кузнецова, я с сожалением стал замечать: в последние два-три года он пишет все небрежнее по форме, эмоционально суше и мельче по содержательной сути. То ли это начало творческого кризиса, то ли — результат облегченного, в связи с авторитетом и известностью, отношения к своему поэтическому призванию. Возможно, все, что я скажу ниже, будет выглядеть излишне резко, но не сказать этого я не могу, хотя прекрасно себе представляю то неудовольствие, которое вызову своим суждением у многих.

Дело, наверное, в том, что большинство из нас как-то привыкло по инерции считать поэзию Ю. Кузнецова ведущей и чуть ли не самой духоподъемной в современной русской литературе, отчего мы просто перестали замечать все те провалы, сбои и откровенную халтуру (как, например, зарифмованные анекдоты), что становятся все заметнее в его неоднозначном и противоречивом творчестве. Да и сам он, похоже, стал менее требователен к своей стихотворной работе, считая, видимо, что достиг такого мастерства, когда все вышедшее из-под его пера — заранее должно быть

талантливым и неподражаемым. Словно бы «стрела Аполлона», по уверению автора, вытащенная однажды им «изолба», навсегда стала залогом неувядаемости таланта. Отсюда и это самоуверенное: «Имя мне Кузнецов. Я один. Остальные — обман и подделка».

В принципе, в поэзии подобный эгоцентризм встречался нередко и воспринимался с пониманием не только как поза или самоирония, но и как необходимость самосовершенствования, как выражение гордого самосознания (достаточно вспомнить И.Северянина). Но в данном случае поэт Ю.Кузнецов, всерьез возомнив себя единственным, в чём ему помогли многие критики, снизил сам для себя планку поэтического мастерства и органического развития в своем мироощущении (хотя последнее, сознаю, происходит в литературном творчестве не по воле художника). И потому я не верю *такому* сознанию Ю.Кузнецова. Для меня это похоже на затянувшееся стремление автора шокировать читателя своей неумной экзальтированностью (в чем он схож с А.Вознесенским), которая проявлялась у него на протяжении всего творчества.

Возьмем одну из его публикаций — подборку стихов в журнале «Наш современник» (1989. №10). И что же мы видим: неряшливые, плоские рифмы, такие как: кровь — любовь, далеко — глубоко, шмелями — снами, море — просторе, любви — свои, раздули — до дури, света — смеха, открылись — очутились и т.п. Большинство стихотворений этой подборки написано с помощью парных рифм. Но ведь это самый простой прием стихосложения! Мне могут возразить: такой рифмовкой нередко пользовался Сергей Есенин. Да, действительно пользовался. Но посмотрите, сколько в тех строках поэзии!

Голубая кофта. Синие глаза...
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Кружит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

Я сознательно процитировал это стихотворение полностью, чтобы отчетливо было видно эмоционально-образное, поэтическое да и просто содержательное отличие есенинских строк от аналогично зарифмованной пошлости современного поэта, претендующего на роль главного продолжателя классической традиции в русской поэзии. Обратим еще раз внимание на то, что все образы приведенных выше есенинских строк зримы, физически ощутимы, их видишь, осязаешь, им радуешься или печалишься вместе с автором. Но читаем у Ю.Кузнецова:

Жил я один. Ты сказала: — Я тоже одна,
Буду до гроба тебе, как собака, верна...

Так в твою пасть был я брошен судьбой на пути.
Грызла меня, словно царскую кость во плоти.

Страстно стонала, хотя и другие порой
Кость вырывали у пасти (?) твоей роковой.

С воплем бросалась на них ты страшной сатаны,
Полно, родная! Они, как и ты, голодны.

Высосан мозг, и в порожней кости иной раз
Дух или ветер поет про последний мой час.

Брошенный буду мерцать среди горних светил...
В бога поверь, чтоб тебя он за верность простил.

На первый взгляд, может показаться, что в этих строках заложен какой-то глубокий смысл, который хоть и темен, хоть и недоступен пониманию читателя, все же оставляет его в предощущении какого-то потустороннего бреда: и непонятно, и необычно... Однако всем, кто знаком с русской и прежде всего — с классической поэзией (продолжателем которой критика называет Ю.Кузнецова), должно быть совершенно очевидно, что подобная нарочитая «потусторонность» и вызывающе деланная «усложненность» поэтического текста есть не что иное, как игра в поэзию, за которой — отсутствие искреннего переживания и душевная анемия, способная породить лишь словесную бессмысленность. Естественное чувство, возникающее после прочтения приведенных выше строк — неприятие. Нужно обла-

дать поистине исковерканным, извращенным сознанием, чтобы представлять себя обглоданной костью в собачьей пасти... «родной» женщины, которая у автора превратилась в домашнего зверя только лишь из-за слов: «Буду до гроба тебе, как собака, верна...» До подобных экспериментов (как: «в порожней кости иной раз дух или ветер поет») не «доискались» даже наши молодые абсурдисты и метафористы.

Но читаем дальше:

Призраки с четвертым измереньем
В мир проникли плотным наважденьем.
Среди них ты ходишь и живешь,
Как в гипнозе, слыша их галдеж.

В каждой строке — полная несурязица, доходящая до насмешки над языком, грамматикой и элементарной поэтической логикой: «с четвертым измереньем», «плотным наважденьем», «ходишь и живешь» (тавтология). К какому действию относится выражение «как в гипнозе», стоящее между двух глаголов и выделенное с обеих сторон запятыми? — «живешь, как в гипнозе» или «как в гипнозе, слыша их галдеж»? И тут невозможно, непозволительно оправдывать языковую небрежность, неряшливость и поэтическую безвкусицу какими-либо «глубокими» и важными для автора мыслями, актуальностью темы, хотя тема бесов в русской литературе давным давно разработана.

Где хваленый профессионализм Ю.Кузнецова, если то и дело в его стихах встречаешь: среди, твою, иной, моя, если он пишет подобным образом: «вырывали у пасти твоей»? Нет, искренне сомневаюсь в его уверениях: «Буду мерцать среди горних светил...» С такими неуклюжими стихотворческими потугами можно только разве что тлеть «среди» бессодержательных завалов антихудожественной продукции, которой нас пичкают на каждом шагу всякого рода псевдонаторы и от которых мы давно устали.

Юрий Кузнецов подчас не останавливается перед критикой Пушкина, Блока, Есенина и других наших классиков поэзии. Что, мол, первый проигнорировал отечественный фольклор, второй — слишком высокопарно Русь называл своей женой, а третий — вообще занимался самолюбова-

нием: «Я по-прежнему такой же нежный...» Однако ни один из трех великих русских поэтов в своем творчестве не относился к женщине, как к собаке, хотя бы даже метафорически, и уж тем более — к родной...

Что ж, великие поэты, среди которых наш «живой классик» мечтает «мерцать», вряд ли пострадают от его претензий к ним, а сам он, в отличие от Пушкина, Блока и Есенина, всегда может ответить на такого рода нечастое для него критическое выступление.

Поэт для России

Сейчас о поэзии пишут мало. Критика, словно устав от литературной борьбы, замерла в ожидании новых ярких имен на поэтическом поприще. Те из молодых, кого она прославляла и на кого надеялась в недавние годы (см. статью И.Роднянской «Назад — к Орфею!» в «Новом мире» №3 за 1988 г.) ее чаяний не оправдали, что, кстати, редкими головами предсказывалось (см. статью «О мнимом и подлинном в поэзии» в «Молодой гвардии» №9 за 1988 г.). Так называемое «новое поэтическое поколение» авангардного или нонконформистского толка в лице широко разрекламированных бывших его «лидеров» (пресловутых метафористов) до странности скромно, тихо и без видимого сожаления кануло в небытие. И будущие критики поэзии, читая периодику восьмидесятых годов и натываясь на эти имена, будут с недоумением пожимать плечами и воспринимать наш недавний полемический ажиотаж вокруг этих имен как нелепый курьез или как смехотворную мистификацию.

Точно так же не оправдали надежд и ожиданий критического цеха и предыдущие «лидеры» молодой поэзии, получившие основательную поддержку в прессе еще в семидесятые годы. Никто из них за последние десять-пятнадцать лет не вырос в значительную для русской литературы фигуру или по крайней мере в действительно серьезного поэта: ни П.Кошель, ни В.Урусов, ни Т.Реброва, ни А.Ткаченко, ни А.Прийма, ни Т.Бек, ни Л.Миллер, ни многие другие, отмеченные тогдашней критикой. А ведь десять лет — это большой срок для поэзии.

Но давайте непредвзято, спокойно и рассудительно оглядимся вокруг себя, давайте попристальней, без амбиций и групповых интересов посмотрим на современную поэзию. Ведь сколько бы мы ни ругались и ни наускаивали друг на друга, сколько бы ни поднимали на щит пусть даже и незначительных, но — *своих*, время все поставит на соответствующие места, литература и история все равно рассудят по-своему. Этот пристальный взгляд и ляжет, скорее всего, в основу будущих размышлений о поэзии наших дней.

Вступая в девяностые годы, мы вправе надеяться на то, что на поэтическом небосклоне взойдет новое, никому не вемое, яркое имя. Может быть, это имя будет вовсе не молодое, может быть, оно уже кому-то известно, но именно в этом десятилетии его слово засияет новым духовным светом, удивит всех силой таланта и таинственной глубиной.

Почему Сергей Есенин остался народным поэтом, несмотря ни на какие посмертные запреты? Думаю, это случилось потому, помимо гениальных его поэтических способностей, что он сумел затронуть те струны в народной душе, какие до него с такой пронзительностью не удавалось всколыхнуть никому (с каждым годом талант Есенина только укреплялся, становился глубже, яснее, возвышеннее). И душа народная отозвалась, зазвучала, почувствовала в нём бесконечно родное, до боли шемящее и полюбила его на все времена. Тут дело было вовсе не в критике (она его ругала), не в официальном признании (он в нём не нуждался), а в отклике народной души на проникновенную, грустную песню поэта.

Душа народа — понятие мистическое, животворящее. Только она в состоянии возродить народ из небытия. Более полувека пошло на уничтожение русского народа. Теперь наступило время его возрождения. И потому в последнее десятилетие этого беспощадного века, уверен, явится (или откроется) поэт, рожденный из самой нашей живой народной стихии, поэт, осененный Высшим Провидением и способный услышать тоску и надежду этой измученной и великой души.

Уже после того, как были написаны эти строки, судьба, словно в оправдание наших небезнадежных ожиданий, подарила радостную встречу с поэтом необычайно зрелого,

сильного дарования. Его имя кому-то уже известно в литературе, хотя широкому читателю оно пока ни о чём не говорит, так как критика, пишущая о поэзии, не способна ничего видеть и слышать вокруг себя, кроме тех, кто из года в год не сходит со страниц печати...

Со стихами поэта Виктора Смирнова, живущего в древнем Смоленске, я, как, наверное, и многие, всерьёз знакомлюсь впервые, несмотря на то, что прежде они иногда попадались на глаза в периодике, существенно не выделяясь из общего поэтического потока. Так бывает: в душе, занятой спокойной духовной работой, постепенно накапливается взрывная энергетическая сила, способная при неожиданном душевном созревании или жизненном надломе выплеснуться волной необычно смелых, эмоционально броских, резких художественных образов и красок. Так, смею думать, случилось и с поэзией Виктора Смирнова. Читатели сами могут в этом убедиться, прочитав большую подборку его стихов на страницах журнала «Молодая гвардия» №1 за 1991 год, и, не сомневаюсь, многие согласятся: в поэзию пришел (да-да, пришел! Ведь мы предполагали, что он может прийти и немолодым) весьма неординарный поэт, который сам почувствовал, услышал голос своей звезды, поверил в приход своего часа:

Я долго жил. Я долго шел к черте,
Чтоб яркий луч увидеть в черноте.

Чтобы рождала тёмная душа
Веселый мир, от радости дрожа.

Пришел мой час. Пришла моя пора.
В руке — огонь жар-птицына пера.

И звёзд, и трав я слышу голоса.
Иное зренье обрели глаза...

Иное зренье... Это и есть то самое главное в искусстве, тот неповторимый миг творческого взлета, ради которого художник мучительно мыслит, трудится долгие, порой бесплодные годы. И великое счастье художнику, когда этот час наступает... Тогда сами приходят необходимые слова, эпитеты, образы, метафоры, тогда ничего не нужно придумы-

вать... В этом заключается сущность любого творчества, которую Аполлон Григорьев, может быть, одним из первых назвал *прозрением*.

Это состояние необычайной творческой легкости (не облегченности!) у Виктора Смирнова высказалось по-своему зримо: «Свалилась с плеч тяжелая гора... Не удержать бегущего пера», «В грудь ворвалось сиянье рек и рош. У окон русская качнулась рожь».

И вот тут мы должны остановиться, спросить себя: почему автору важно сказать: «русская качнулась рожь»? Разве для художника так уж принципиально важно в его вдохновенном состоянии, что рожь, увиденная им, — русская?.. (Представляю, как это уточнение покоробит эстетский слух «левой» критики). Другого и быть не может. Именно оно, это слово, переплавленное в горниле сердечного пламени, может быть, и переродило поэта, заново создало его.

Русская рожь... Символ России, Родины. Почему русская земля перестала быть хлебной житницей, веками кормившей весь мир?.. Ведь в слове «хлеб», в самом этом понятии заключен смысл жизни русского человека, скрыта разгадка нашей трагической истории и надежда на спасение...

Какой сейчас нужен поэт для России? — вот одна из острейших проблем современной литературы. Тот ли, что кричит о «русском фашизме» на фоне объединения Германии и нескончаемого потока со всех концов СССР бесприютных русских беженцев, в упор не замечаемых ни союзным, ни российским правительством, ни Верховной государственной властью? Тот ли, что увлечен наваждением потусторонних призраков «с четвертым измерением»? Тот ли, что блуждает, как сомнамбула, в «пространном фиолете», совершенно отрешившись от реальности? Или тот, кто может сказать, как Виктор Смирнов, —

Не верь тому, что прошлое — быльё.
И, как свою единственную славу,
Коль выплыл на течение своё,
Не отдавай на торжище Державу.

Не отдавай просторов седину,
Ребенка смех, старухи причитанье.

А главное: семью, село, страну
Не отдавай чертям на поруганье!

Рассветной песней заглушай гнилье,
Не поддавайся на звезду обмана.
Коль выплыл на течение свое,
Дыши бескрайней ширью океана.

Плыви, не медля и не торопя
Судьбу — она того уж точно стоит!
И вечно помни: только на тебя
Отечество с надеждой светлой смотрит.

Сейчас, когда страна в беде, когда она нуждается в защите и в добром умном слове, ей нужен поэт-подвижник, поэт-патриот, пришедший от самой земли русской и вскормленный ее горькими соками. Я не согласен со словами Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Лучше сказать иначе: уж если ты поэт, ты не имеешь права не быть гражданином.

В годину смуты и народных волнений, когда страна вновь стоит перед болевым вопросом: «Куда несет нас рок событий?» такой поэт не может не прийти.

Простилась даль с веселостью вчерашней,
До злобы недовольная собой.
Народ прозрел — а это очень страшно
Для тех, кто мыслит, что народ — слепой.

Но нету места мести и презренью.
Лучом сквозь ярость снега и дождя,
Сквозь гул и гам к великому прозренью
Народ ведет незрячего вождя...

Прозрение поэта — залог прозрения народа. «Поэт», который не верит в свой народ, хоть и любит напыщенно восклицать «О русский мой народ!», называя его при этом «вандейским навозом», — такой «поэт» для своей страны мертв. Народу и стране нужно не самоунижение, не самобичевание, к которым то и дело призывают беспринципные демагоги из «левых демократов», а вера в продолжение жизни, надежда на будущее. Это нужно, чтобы сеялась и цвела за окном русская рожь, чтобы росли дети, чтобы ненависть не победила любви.

Это нужно, чтобы Русь решала:
Жизнь с какого начинать конца?
А сирень свои цветы роняла
На окостеневшие сердца.

Верится: лишимся слов истёртых —
И земля забудет недород.
Как иначе воскресить из мёртвых
Наш безверьем скошенный народ?

Да, тысячу раз прав Виктор Смирнов, истинный русский поэт: иначе невозможно возродить наш народ, во многом разуверившийся и обессиленный. И сколько бы нас ни озлобляли и ни толкали к гражданской войне, корневая, жизнотворная поэзия будет говорить о добре, о мире, о любви, и об уважении к человеку.

Поэт говорит не ради благодарности, но всё же стоит поклониться пронзительному слову настоящего поэта.

1990 («Молодая гвардия». 1991. №1)

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ

Просматривая свой архив — рукописи, записные книжки, дневниковые заметки, накопившиеся за двадцать пять лет литературной работы, мне всякий раз приходится наталкиваться на беспорядочно разбросанные в них торопливо записанные мысли, короткие «философствования», а также — литературно-критические отрывки и зарисовки, не вошедшие ни в одну из моих законченных статей и никогда не публиковавшиеся. В конце концов — пришла идея собрать их воедино, нескромно подражая розановским «Опавшим листьям», солоухинским «Камешкам на ладони», бондаревским «Мгновениям», и, ни в коем случае не претендуя на какое-либо сравнение с ними, все же попытаться «сшить» некое оригинальное литературное эссе. И для начала — включить в него только мысли и отрывки, касающиеся непосредственно литературы и искусства.

Думаю, нет ничего странного в том, что каждый отрывок и каждая отдельно взятая мысль несет на себе отпечаток нашего грустного, если не сказать горького времени, даже и в том случае, когда какие-то из этих «плодов размышления» появились на свет более десятилетия назад. Без удивления я обнаружил, что среди них нет ни одного радостного взгляда. Потому-то и мой «короб» размышлений (а В.В.Розанов собирал свои мысли в «короба») назван мною «Горькие плоды».

В России только русские писатели понимают жизнь народную и знают, как ее изменить к лучшему. Один порядочный писатель важнее всех политиков. Писатель идет от жизни, и он имеет большее право указать путь, по которому должно развиваться общество.

* * *

Тот поэт, который доволен жизнью и полон глупого оптимизма, есть подделка, он — продукт данной действительности. Истинный поэт стоит над действительностью, видит ее настоящее лицо и его глаза излучают печальный свет. Поначалу с тихой грустью смотрит он на этот мир, но с годами его сердце наполняется все большей горечью.

* * *

В русской поэзии всегда был переход за границы искусства.

* * *

Нам кажется, что искусство только тем и занимается, что изображает жизнь и порождается человеком для человека. Однако тот факт, что в жертву искусству без сожаления были отданы многие жизни, говорит прямо: искусство для настоящего художника важнее, выше и значительнее его собственного существования.

* * *

Как-то я присутствовал в гостиной Центрального дома литераторов, где обсуждалось творчество двух довольно посредственных молодых ленинградских стихотворцев, которых проталкивал в Москве Александр Кушнер. Защищая своих подопечных, известный поэт в запале сказал: «Что вы думаете, новый Пушкин придет с наклейкой? Мол, смотрите, я — гений!» В тот вечер мне не хотелось обижать Кушнера, но ему можно было отпарировать: в начале XIX века Пушкин пришел без «наклейки». Однако Державин сразу же увидел, что пришел гений. Кушнер мог мне возразить: чтобы увидеть Пушкина, нужен Державин. Но я бы ответил: гении не приходят в одиночку. Как мессия является вслед за предтечей, так и рядом с новым Пушкиным обязательно будет Державин.

* * *

Творческая личность в какой-то мере даже значительнее гения природы. Рожденное природой живет и умирает, а созданное творческой личностью — бессмертно.

* * *

Писатель для критика — как для астронома звезда.

* * *

Если хочешь загубить стихотворение, попытайся объяснить его прозой. Волшебство до тех пор поражает нас своей необъяснимостью, пока с него не будет сорвана пелена таинственности.

* * *

Вся жизнь поэта — его лирический дневник, а стихи — лишь отрывки из этого дневника.

* * *

Фильм ни в коей мере не может сравниться с книгой. Книга заставляет думать, она порождает в сознании зрительные образы, которые развивают фантазию и абстрактное мышление. Во время же просмотра фильма думать некогда, он слишком привлекает внимание и зрительных образов не порождает, так как сам является калейдоскопом быстро меняющихся картин. Поэтому книга гораздо важнее и полезнее фильма.

* * *

Владимир Чивилихин в романе-эссе «Память», касаясь «Слова о полку Игореве», пишет: «В поэме нет ни одной цитаты из священных книг, нет обращений к Господу Богу, нет оценок князей с позиций религиозной морали; и вообще традиционный христианский антураж, в отличие от «Почучения» Мономаха, «Хождения» игумена Даниила, «Слова» Даниила Заточника, «Слово о князьях», совершенно отсутствует в «Слове о полку Игореве». Несомненно, что перед походом воинство Игоря по христианским канонам тех и более поздних времен отслужило в Новгород-Северском молебен и молилось перед битвой, но об этом в поэме ни слова потому, возможно, что автор не верил в пользу молитв».

Мне думается, тут дело в том, что христианская религия в XII веке еще не была на Руси опозитизирована, и принадлежностью поэтических текстов, как бы по инерции, еще оставались в основном языческие божества. Скорее всего, христианство в то время еще недостаточно укоренилось в

сознании русского населения, не говоря уже о песнях, сказках и «Словах». Поэзия тех лет продолжала обожествлять природу, ее явления и красоту. Поэтическая традиция предшествующих веков оставалась, по всей видимости, еще достаточно сильна. И «Слово о полку Игореве» это всецело подтверждает, ведь оно — художественное произведение, в отличие от тех документальных, летописных трудов, которые в противовес «Слову о полку» перечисляет В.Чивилихин.

* * *

Современники русских поэтов, вы жили рядом с ними, вы видели, как они шли к смерти, и не встали на их пути. Вы смеялись над ними при жизни, а потом, доведя их до гибели, били себя кулаками в грудь и называли себя их друзьями.

* * *

Литература в ее истинном понимании всегда служила добродетели. Русский писатель мог быть обличающим что-то, мог быть озлобленным на что-то, но никогда он в душе не был злым. Только любовь к добру располагает человека к истинному творчеству.

* * *

Творческая личность — всегда совесть народа. Она неизменно вступает в противоречие с окружающей действительностью, потому что никогда не может смириться с обыденностью, серостью, пошлостью реальной жизни.

* * *

Любимая женщина способна пробудить у поэта вдохновение, но потом, овладев им, она сделает всё возможное, чтобы он бросил писать.

* * *

Тот, кто далек от искусства, опасен. Именно они рвутся к власти. Власть унижает человека.

* * *

Истина рождается не в спорах. В них она еще более затуманивается. К истине человек приближается в одиноче-

стве путем долгих, мучительных размышлений. Но истины не знает никто. Подойдя к ней, человек должен умереть.

* * *

Настоящий поэт всегда идет впереди жизни. Он — утренний луч грядущего дня.

* * *

Искусство и литература сближают народы. Политика их разделяет.

* * *

Поэтическое познание переходит в познание философское.

* * *

Франция, на фраке твоего приличия так и осталось не стертым пятно от крови Пушкина.

* * *

Они во всём нам чужие. *Они* не знают названий цветов и деревьев, *они* не понимают даже голосов птиц, поющих нам о нашей родине...

* * *

Разрушение поэзии, литературы и даже культуры в целом — начинается с разрушения рифмы.

* * *

Пройдут годы, и люди будут говорить: вот поэт, которого мы все ждали и который прошел мимо нас незамеченным.

* * *

Все рассказы о непомерном пьянстве Есенина — это ничтожные и подлые басни. Ни один пьяница, каким бы гениальным он ни был, не успел бы к тридцати годам написать столько, сколько написал Есенин, и тем более — столько прекрасных, неповторимых произведений.

* * *

Если бы Россия пошла за славянофилами, то не было бы у нас никаких революций.

* * *

Молодые поэты начинают в большинстве своем со стихов о любви, о природе, о родине. Евтушенко начал с политических стихов.

* * *

«Чевенгур» Платонова — это приговор. Кому? Думайте сами.

* * *

Если говорить о негативных процессах, мешающих молодым писателям в творчестве, то тут, наверное, можно порассуждать и о трудностях опубликования в периодике, и о многолетних ожиданиях выхода первой и второй книги, и о том, что некоторые редакторы все еще боятся произведений смелых, остропроблемных. Но если касаться именно творчества, то здесь никакие негативные процессы истинно талантливому человеку помешать не могут. Талантливый литератор делает свое дело, пишет о том, что его волнует, несмотря ни на какие внешние трудности, потому что талант — вещь непобедимая, и он тем упорнее стремится к цели, чем больше трудностей (негативных процессов) встречает на своем пути. И чем талантливее писатель, тем больше он испытывает сопротивления со стороны внешних сил. Так было всегда, и от этого мы никуда не уйдем, как бы ни перестраивали и ни демократизировали свое общество. Без особых препятствий и без видимых последствий обычно выходили и будут выходить книги среднего уровня, малопримечательные. Так что трудностей и всякого рода сопротивлений высокоодаренному человеку в своей литературной судьбе избежать никогда. Главная наша задача — вовремя отличать истинное в искусстве от плевел. (1987 г.)

* * *

Теперь, когда речь заходит о молодой литературе, очень часто стали пользоваться неприятным словом «групповщина». Хотя в литературных группах в принципе не должно быть ничего противоестественного. В начале XX века было множество литературных групп: символисты, футуристы, акмеисты, имажинисты, конструктивисты, рапповцы, напостовцы, лэфовцы и т.д. Что ж, молодым свойственно

объединяться по взглядам на искусство, по образу мыслей и идей. Все зависит от того, что это за идеи, мысли и взгляды и насколько талантливо в творческом отношении они выражаются. Сейчас же подобных литературных групп, по моему убеждению, просто не существует. Да и говорить о разнообразной «групповщине» в среде молодых писателей — не совсем точно. Сегодня у нас есть одна немногочисленная часть молодых литераторов, явно обособившаяся и претендующая на роль целого поэтического поколения, как они себя именуют, — «поколенья Нового Арбата». Они-то и противопоставили себя всем остальным молодым литераторам, в группы не объединившимся, но ввиду такого противопоставления заявляющим, и подчас бурно, о своем несогласии со взглядами и идеями этих, далеких от проблем нашей действительности, «новоарбатцев»: «металлистов», «метафористов», «метаметафористов» и т.п. Назвав себя «новым поколением», они как бы зачеркнули остальных своих сверстников, собратьев по перу, что незамедлительно отразилось на публикациях такого молодежного литературного журнала, как «Юность», полностью переключившегося на рекламирование представителей этого «поколения» и предоставившего свои страницы их более чем странному и удивительно однообразному «творчеству», как бы сделанному одной рукой...

Например, в «Юности» №4 за 1987 год помещены их фотографии. Казалось бы, вот она, группа, обозначающая сама себя. Смотрите, кому неясно! Да не тут-то было. Их молодой пропагандист А.Мальгин на встрече молодых литераторов с писателем В.Карповым, показанной по Центральному телевидению, на всю страну объявил, что на этой встрече собрались якобы в основном представители «другой группы». Хотя А.Мальгину прекрасно известно, что никакой «другой группы» нет и в помине, а есть только остальные, которых он «пропагандировать» отказывается, будучи трубадуром «поколенья Нового Арбата». Так что все разговоры о групповщине в среде молодых литераторов понимаются многими неверно и выгодны лишь тому узкому кругу молодых, что действительно обособились, отделились, демонстративно сгруппировались, желая создать не зависимости от общей русской литературы «Союз литераторов». (1987 г.)

* * *

Не раз на поэтических семинарах прошлых Всесоюзных совещаний молодых писателей мне приходилось слышать о том, что подстрочники стихов того или иного инационального автора, к сожалению, не способны стать фактом русской поэзии. Однако, мне думается, никакие стихи, написанные на одном языке, и не должны стремиться стать фактом поэзии в переводе на другой язык. Главное — чтобы они стали фактом поэзии на своем родном языке. Так, Пушкина невозможно сделать фактом французской поэзии. Да, французы переводили Пушкина, но это не значит, что они почувствовали и поняли всю прелесть пушкинского стиха. Поэт может быть самим собой только на родном языке и сделать его равноценным поэтом на другом языке невозможно, потому что он создает себя сам и никто другой за него этого никогда не сделает.

Тем не менее многие национальные поэты именно это и хотели: чтобы переводчики сделали их большими поэтами на русском языке. В принципе, такое возможно. Например, Расула Гамзатова, как говорят сами аварцы, на родном языке никто не читает, а только — на русском. Но вот Шевченко — действительно гениального поэта — любые переводы только портят.

Мне приходилось общаться со многими национальными поэтами и все они хотели, чтобы их стихи выглядели на русском языке так же хорошо, как и на своем. Но ведь настоящая поэзия — вся в языковых символах, в языковых метафорах, языковых знаках, которых очень часто нет в других языках.

У каждого народа свое образное мышление, свое мировидение, свое отношение к миру, и все это отражается в искусстве, в творчестве. Стихотворный же перевод — жалкая, мертвая иллюстрация того, что дышит, живет естественной жизнью. Поэзия — это волшебство языка, и она способна оставаться волшебством только в рамках данного языка, ведь волшебство — неповторимо. Так, невозможно перевести строки Сергея Есенина «Милый, милый, смешной дуралей», потому что вряд ли существует на каком-либо другом языке слово, адекватное нашему «дуралей». Уменьшительное «дурачок» сюда не подойдет, весь смысл и вся прелесть этой строки именно в слове «дуралей».

Но для чего же тогда нужен перевод? А ведь он нужен, я в этом не сомневаюсь. Перевод нам дает возможность увидеть прежде всего содержание произведения, его дух, его основную мысль (здесь я веду речь исключительно о стихотворных переводах). Он может передать чувство, настроение, пафос стихотворения, поэтическую насыщенность, глубину. Но, повторяю, волшебство языка, а это главное в поэзии, остается для перевода недостижимым.

* * *

Там, где писатель хоть в чем-то сознательно говорит неправду, перестаешь верить всему остальному, все остальное, даже и то, что написано в художественном отношении неплохо, не будет иметь нравственного смысла.

Такое произошло с романом Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Неправда оказалась главным действующим лицом романа и выразилась она в основной его концепции, благодаря которой этот роман и получил столь высокую известность у нас в стране и за рубежом. Достаточно привести несколько цитат, чтобы стал ясен основной стержень романа и раскрылась суть той самой концепции. Вот что пишет В. Гроссман:

«Первая половина XX века войдет в историю человечества как эпоха поголовного истребления огромных слоев еврейского населения, основанного на социальных и расовых теориях. Современность с понятной скромностью молчит об этом».

Автор говорит о первой половине XX века, а сам имеет в виду 30—40-е годы — времена германского фашизма, роль которого в преследовании еврейства современность не только не замалчивает, но как раз наоборот — небескорыстно выпячивает из общей трагедии всех народов Европы. Но неправда Гроссмана в большей мере состоит даже не в этом, а в том, что первая половина XX века действительно войдет и уже вошла в историю человечества как эпоха поголовного истребления огромных слоев славянского населения, истребления, основанного на социальных и расовых теориях. С 1917 года теории эти начали проводить в жизнь с физического уничтожения русского дворянства, духовенства, купечества, аристократии, затем — крестьянства, среди которого евреев не было. За два года рассказачи-

вания на Дону было уничтожено около двух миллионов человек. Эти цифры уже опубликованы. О какой же первой половине XX века пишет Гроссман? О каких массовых уничтожениях евреев по социальному признаку он вешает, когда органы ВЧК были сплошь напичканы евреями? И кого они уничтожали — евреев, что ли?

Вот еще цитаты: «Этим же утром мне напомнили забытое за годы советской власти, что я еврейка». «В моем сознании с царских времен антисемитизм связан с квасным патриотизмом людей из «Союза Михаила Архангела». Оказывается, в годы советской власти антисемитизма у нас не было (героиня забыла, что она еврейка), но исходил он якобы от «квасных патриотов» в те самые царские времена, когда и была отменена черта еврейской оседлости...

В.Гроссман все время делает упор на притеснениях именно евреев. К примеру, о репрессиях немцев на оккупированной территории по отношению к русским и украинцам у него говорится как-то вскользь, походя, они у него на втором плане: «Немцы в округе уничтожают всех евреев, не щадя детей, стариков». «Руководство партии и лично Адольф Гитлер вынесли решение о полном уничтожении еврейской нации». «Жизнь евреев при фашизме была ужасна, а евреи не были ни святыми, ни злодеями, они были людьми» (как будто другие — людьми не были).

В.Гроссман на протяжении всего романа проводит идею национальной исключительности евреев (а это и есть расовая теория), он все время пишет только об их страданиях, его по-настоящему волнует только этот вопрос. В то время как у Гитлера в списке категорий населения, подлежащих уничтожению, славяне стояли на первом месте, а евреи — на последнем, десятом по счету. Уж если говорить о том, кому плохо было при фашизме, то как можно почти ничего не сказать о русских, украинцах, белорусах? Ведь русских погибло намного больше, чем всех остальных, вместе взятых. А уж если сравнивать с погибшими евреями, то это вообще вещи несравнимые! Одних только русских погибло 18 миллионов! О каком антисемитизме тут можно вести речь на фоне дикого антирусизма! И вот славяне, неизмеримо более всех пострадавшие в первой мировой войне, в репрессиях большевизма и во второй мировой войне — именно они должны это доказывать и не где-нибудь, а в сво-

ей собственной стране! Они, своей беспримерной жертвенностью в прямом смысле **спасшие** в первой половине XX века евреев от уничтожения! Какой же нужно обладать циничностью, подлостью и ненавистью ко всему русскому, чтобы рядом с этими астрономическими жертвами, от которых мы до сих пор не можем оправиться, так смаковать тезис о жертвах антисемитизма?! Хотя давно известно, что в правительстве и в партии Гитлера было немало евреев...

Гроссман очень много рассуждает о покорности обреченных на гибель жителей еврейского гетто на территории оккупированной Украины, о том, как они смиренно наблюдали за казнью невинных. Не знаю, может быть, среди евреев и была такая покорность, но вряд ли о ней можно говорить по отношению к другим слоям нашего народа, которые оказывались в плену. Это прекрасно показали Михаил Шолохов в «Судьбе человека» и Константин Воробьев в повести «Это мы, Господи...» Какая там покорность! Люди не сдавались, боролись, сопротивлялись до последнего вздоха. Гроссман же свою философию покорности выводит исключительно из еврейского гетто, распространяя ее на всех советских людей. А это опять — ложь.

* * *

В 1990 году в №11 журнала «Молодая гвардия» были напечатаны мои стихи, после чего критик Ст.Рассадин трижды набросился на меня в печати за эту публикацию: в «Огоньке», в «Известиях» и в «Литературной газете». Во всех тех своих разносных статьях он цитировал практически одни и те же стихотворные строки в полной уверенности, конечно, что никто из читателей не заметит такого равнодушно-настойчивого цитирования. Более всего Рассадина не мог потерпеть, как он выразился, «смелости» стихов, так как были в них слова о «розенфельдах» и «апельбаумах»... В «Литературной газете» (1991. №38) он делает заключение: «Обижу многих (и себя), но скажу: смелость Хатюшина — а имя ему легион — общая наша вина».

Смелость в стихах, по Рассадину, очень опасна. И если она кем-либо допущена (какой ужас!), то виновато в этом все общество, все компетентные органы, проглядевшие, вовремя не пресекшие даже само **помышление** автора о ка-

кой-либо незаконной «смелости» высказывать стихотворно наболевшие мысли.

Впрочем, тут меня Рассадин ничуть не удивил. Именно так он и обязан понимать собственное критиканско-полицейское назначение при литературе. Удивило другое: отчего это наш литнадзиратель так зацикленно сосредоточился на одном авторе, если «имя ему легион»? Как же он умудрился прохлопать целый «легион» «смельчаков» и возопил об этом, «обижая многих и себя», с таким опозданием, когда и поделать уже ничего невозможно?! Но иначе как его ленью ума не объяснить того факта, что для обозначения л е г и о н а обнаглевших бездарей он в трех статьях подряд цитирует одни и те же строки одного и того же автора...

* * *

В своих воспоминаниях «Бодался теленок с дубом» («Новый мир». 1991. №№ 6—8) А.Солженицын обвиняет многих современных ему писателей в неискренности и даже во лжи (среди них — и Шолохов, и Твардовский, и М.Алексеев, и Леонов). Например, о М.Алексееве он так говорит: «Конечно, выходя на люди, Алексеев стоит только на лжи. Гибель собственных *родителей* от голода в коллективизацию он в *автобиографическом* «Вишневом омуте» скрыл как деталь незначительную» (курсив автора). Обвинение жуткое. Да только поторопился скорый на суд писатель с выводами, хотя, конечно, откуда ему было знать, что в то самое время (речь идет о 60-х годах) уже писался М.Алексеевым роман «Драчуны» где именно эта тема — гибель крестьян, в том числе и его родителей, — явится основной и наиправдивейшей темой произведения.

В своем сочинении А.Солженицын обрушивается чуть ли не на всех своих литературных современников в годы его жизни в России; на кого-то, впрочем, — на А.Г. Дементьева, Евтушенко, Чаковского, Вознесенского, Е.Шевелеву и т.п. — вполне заслуженно. И сквозь все повествование проходит собственная обида за несправедливые обвинения; автор остро реагирует на каждое малейшее по отношению к нему недоброе слово. Основная же мысль его обиды — в том, что его не уберегли, должным образом не оценили для советской литературы (вот и Ленинскую премию не дали), не откликнулись на горячие стремления

стать лояльным к советской власти писателем, не пошли навстречу неоднократным порывам сблизиться с руководством страны (Хрущевым, Суловым) и партаппаратной номенклатурой (В.С. Лебедевым, Демичевым, И.Т. Фроловым). А ведь как он стремился, как желал стать своим! Как добивался напечататься в «Правде» и в «Известиях»! И — сорвалось... («Если бы на полгода раньше...» — вздыхает он по поводу своего запоздалого знакомства с Хрущевым).

И теперь, по прошествии многих лет, разве и мы не имеем права критически взглянуть на ту же, описываемую им действительность, на литературную жизнь тех лет, одним из персонажей которой был сам Солженицын? Не обнаружим ли и мы в его поступках, словах ничуть не меньше фактов приспособленчества, лицемерия и неправды? Если уж кто-то (даже и пострадавший, даже и сверхзнаменитый) облачается в мантию судьи, то пусть и он согласно библейской заповеди не забывает о справедливости полной, о правде всецелой, которая чаще всего не бывает великодушной ни к кому.

* * *

Давайте прочитаем вот эти стихотворные строки:

Есть у меня в душе одна вершина
С певучим эхом... Дремлет жизнь моя,
Но чутко откликается и длинно
На первый луч иного бытия.

Еще душа темна наполовину,
Но властный луч иного бытия
Заставил петь и трепетать долину,
Но этот трепет слышу только я.

А теперь попытаемся вдуматься в смысл прочитанного: «в душе одна вершина с певучим эхом...», «жизнь откликается длинно на первый луч...» Но «первый луч», оказывается, — из «иного бытия». Надо полагать — утренний. Правда, мы не знаем, есть ли день и ночь в «ином бытии»?

Но рассуждаем дальше: если «одна вершина» — в душе, то, видимо, на «луч» должна откликаться тоже душа, а не жизнь. Однако этот «луч» «заставил петь и трепетать долину». Где? Какую? Надо понимать, что в душе. Значит, там, в

душе, есть не только «одна вершина», но и «долина». И трепет этой «долины» слышит только он, автор. Не правда ли, — глубоко философский образ...

Все эти размышления не стоили бы и выеденного яйца, когда бы приведенные выше беспомощные в поэтическом отношении строки (заметим, как неуклюжи во второй строфе два противопоставления «но») не выдавались за высокую, серьезную русскую поэзию и не принадлежали Ю.Кузнецову, опубликовавшему их в «Нашем современнике» (1991. №9), в котором уже стало чуть ли не правилом печатать любую поэтическую безвкусицу и откровенную несурязицу этого поэта.

Здесь же Ю.Кузнецов поведал читателям и о таком своем «глубокомысленном» открытии:

...Все мы привязаны — всех испокон
Держит привычка, обычай, закон.

Дух мой летает, но держит его
Нить, что в руке не от мира сего.

О, Вседержитель! До Судного дня
На расстояньи ты держишь меня...

Смысл этой притчи про ловлю стрекоз
Ведал ловец человеков — Христос.

Только и всего-то? — хочется спросить. — Только в этом и весь смысл «притчи»? И дело даже вовсе не в кощунственно-примитивном недоумстве: «ловец человеков — Христос», дело в том, что строки эти не имеют хоть сколько-нибудь приблизительного отношения к поэзии, я уж не говорю о большой, тем более русской поэзии.

Однажды в журнале «Молодая гвардия» (1991. №1) мне уже пришлось сказать о снижении поэтического дара Ю.Кузнецова. Тогда многим мои слова показались преувеличенными, многие не согласились со мной и почти все задавали странный вопрос: если не Кузнецов, то кто же? Кто из современных русских поэтов сильнейший? На кого равняться? Кто способен быть нашим поэтическим знаменем? Насчет знамени — не знаю. Знаю только, что примитив (которого почему-то мало кто замечает), напыщенная искус-

ственность и ущербная самонадеянность (все та же его болезнь: «Но этот трепет слышу только я») не имеют права являться знаменем русской поэзии, если не понимать под ней узкого круга его (Кузнецова) зашоренных подражателей.

* * *

Юрий Кузнецов — выдуманный поэт. Выдуманный им самим и критиками русского направления. Он существует для литературы, но его нет для России, для русского народа. И пишет Ю.Кузнецов на потребу определенной критике, определенному органу печати, пишет как бы в русле своего придуманного «имиджа». Пишет чаще всего плохо, искусственно, неестественно. Его тяжеловесная, трудно читаемая манера стихотворческой работы к поэзии имеет отдаленное отношение. Он, конечно, поэт, но поэт не классической школы, поэт средней руки, не развивший в себе чувство гармонии.

* * *

Критикесса Н.Иванова в журнале «Знамя» (1992. №1. С.200) додумалась до обвинения современных русских поэтов в «феминифобии» и даже в «кастрации» и «евнушестве». Сделав такое «открытие», она выносит диагноз: «Отсутствие любовной лирики у Ст.Куняева; или женоненавистническая позиция, выраженная в лирике (да и в статьях об А.Ахматовой и М.Цветаевой) Ю.Кузнецова; отсутствие любовных мотивов на страницах «Нашего современника» или «Молодой гвардии» с и м п т о м а т и ч н ы (разрядка моя. — В.Х.).

На первый взгляд, какая-то доля правды в словах критикессы имеется... Наверное, любовная лирика и впрямь не часто выходит на страницы названных журналов, озабоченных горькой судьбой нашего Отечества, стоящего перед дилеммой: быть или не быть. Но это только отчасти. Критикесса лукавит, высасывая из пальца свои «открытия» и указывая лишь на стихи Куняева и Кузнецова. Во-первых, все поэтессы, публиковавшиеся в патриотических журналах, были широко представлены именно любовной лирикой. А во-вторых...

«Твой взгляд кричал: «Не тронь!» А губы — жарко жили... И первый твой огонь В мои ворвался жилы...» Это из

«Молодой гвардии» (1991. №1. С.10). А вот из «Нашего современника» (1991. №8. С.60): «Ночью полнолуной, предосенней Воздух сада чутко молодой. Хорошо с любимой спать на сене, Положив — под голову ладонь...» Не хочу сказать, что примеры эти — шедевры любовных мотивов в поэзии, но всё же они наиболее достоверно опровергают диагнозы критикессы о «евнушестве» русских поэтов-патриотов.

Н.Иванова в своем критическом опусе выливает на читателя ушат патологоанатомических, изобретенных ею безъязыких словооборотов в расчете на пусть и пошло-ватую, но стилевую изысканность: «образ плодоносящего чрева», «соблазн живой женственности», «отелесивают ее духовность», «менее половозрелым», «идеологический оргазм», «фалличность нации» и т.п. В проблемах «фалличности нации», думаю, Н.Иванова разбирается получше многих «патриотов» (слово «патриот» она употребляет только в кавычках), но вот «идеологический оргазм» вряд ли даже она способна получить от наличия в каких-либо журналах стихов о любви. Тут надо, как в анекдоте, «поработать головой», чтобы на страницах поменявшего прежний цвет «Знамени» сделать новое «открытие» о столь ею ненавистных, ужасных «патриотах». И чем мерзее — тем приятнее...

* * *

Наступили самые худшие времена для творчества, какие только можно себе представить. Издательств для современной художественной литературы больше не существует. Все они срочно и безнравственно переориентировались только на ту «литературную» продукцию, которая приносит сверхприбыль. О творческой личности в наше время речи вообще не идет. Да и в самом деле, кого может волновать творческая личность в стране, где большинству населения грозит настоящий голод? Отныне художественное творчество обречено на угасание.

Преступно навязанный нам «рынок» окончательно разорит не только страну и простое население, но и загубит целое поколение новых писателей, которым будет перекрыта дорога в большую литературу. Теперь на этой земле правят бал дельцы, спекулянты, воры и халтурщики. Истинные художники здесь больше никому не нужны. Бесовская власть уважает только успех, добытый хитростью, об-

маном и подделкой. Лишь это сегодня ценится высоко. Любая звонкая халтура, дешевка, фальшь ныне спонсируется, рекламируется, имеет высокий «спрос» у рыночных дельцов — бывших фарцовщиков. Для них настали золотые времена. Эта бывшая ничтожная «фарца» становится хозяйкою страны и, развалясь в кресле перед телекамерой, на тусовочном жаргоне излагает нам свою узколобую ахиною о смысле жизни...

Живые русские писатели теперь — как пасынки России, как русские беженцы, отверженные, не знающие приюта. Они вызывают у обывателей усмешку, а у кого-то — даже ненависть. Вот оно, время, в какое нам суждено жить!

Талантливый человек больше не пойдет в литературу. Скорее всего, он не пойдет и в коммерцию, так как русские по природе своей не коммерсанты и не бизнесмены. Страсть к наживе — чисто иудейская черта. Талантливый русский займется честной работой, но дар свой художественный — зарует в землю.

Горько все это сознавать. Горько жить в такое время. Но и умирать — тоже горько, не видя никакого просвета для тех, кто останется после тебя... А просвета не видно, потому что власть в стране узурпирована подонками. Она и раньше им принадлежала, но тогда они хоть делали вид, что «заботятся» о своем стаде, «думают» об искусстве, о молодых дарованиях... И как ни странно, эти дарования действительно становились на ноги, они действительно творили и их действительно издавали. А ведь для писателя главное — творить и выходить к людям. Писать в стол можно лишь при наличии колоссальной веры в свой дар, в свою страну, в свой народ. Но это — страшная участь.

1983—1992

ОТЧУЖДЕННАЯ ВЛАСТЬ

Мне не удалось выступить на VII съезде Союза писателей России, хотя, будучи делегатом съезда, я трижды записывался для выступления. И потому теперь — обращаюсь уже к помощи печатного слова, чтобы по прошествии некоторого времени заново оценить свои предсъездовские размышления и как бы свежим взглядом посмотреть на то, чему был свидетелем во время работы нашего форума. И начать хотелось бы вот с чего. Собравшись 11 декабря 1990 года в здании Театра Советской Армии, мы с огорчением увидели, что никто из правительства на наш писательский съезд не пришел — ни из союзного, ни из российского. Ни Горбачев, ни Ельцин нас даже не поприветствовали. Что это, если не демонстрация отчуждения представителей Верховной власти от писателей всей страны? Можно ли себе представить, чтобы так повел себя Сталин при всех его недостатках? Ведь нам известна его знаменитая фраза: «Где я возьму других писателей?» Он понимал, что с писателями, при всей трудности для правительства общения с ними, все же нужно жить дружно. Главы правительств приходят и уходят, а литература остается на века, и как ты писателей ни игнорируй, все-таки они являются выразителями общественного мнения и народных чаяний в гораздо большей степени, нежели те, кто достиг вершин власти. И когда власть отгораживается от писателей собственной страны стеной равнодушия и даже презрения, тогда становится ясно, что эта власть отшатнулась не просто от писателей, а от собственного народа. И потому такая власть должна уйти. Но для того, чтобы уйти, нужно обладать хо-

тя бы каплей благородства, хотя бы долей ответственности за судьбу государства.

На съезде многие говорили об опасности гражданской войны. Действительно, порой кажется, что она и впрямь неизбежна. К ней нас толкают все так называемые «демократические партии» и «народные фронты». Собственно, она уже началась, если иметь в виду события в союзных республиках. Но когда такая война будет в широком масштабе спровоцирована в России, тогда может так получиться, что она станет не гражданской, а Отечественной войной против новой ползучей орды, вторгшейся в нашу землю.

Там, в Театре Советской Армии, некоторые испугавшись фарисеи от литературы призывали нас заняться исключительно литературными проблемами. Но уже тогда я не сомневался, что через несколько месяцев эти проблемы нам покажутся смехотворно несерьезными в условиях всенародной огромной беды. Я был уверен, что если сейчас мы открыто не скажем власть имущим демагогам о нашей воле и о своем противостоянии им, то эти проблемы никогда не будут решены.

Почти все выступавшие были едины в убеждении: псевдодемократы, дорвавшиеся до власти в Советах, вместе с правительством национального предательства совершенно сознательно развалили Советский Союз. Так называемые перестроечные силы, вскормленные еще брежневской мафией, разрушили все экономические связи в стране, перекрыли каналы снабжения продуктами первой необходимости и под барабанный бой продажной прессы, пять лет галдевшей то о «новом мышлении», то о «европейском доме», то о хозрасчете, то об аренде, а теперь — о рынке, приватизации и частной собственности, — эти перестроечные силы преступно ограбили и без того разворованную страну, натравили национальные окраины на русский народ и на Советскую Армию. А наш президент в это самое время, словно в насмешку над всеми нами, получил Нобелевскую премию мира...

Многие из нас понимали: с Советским Союзом покончено. Большинство так называемых «суверенных республик» не желает подписывать этот пресловутый «Союзный договор». Мы видели: с социалистическим лагерем и Варшавским договором, да и с самим социализмом, кстати

сказать, тоже покончено. Теперь — настала очередь Российской Федерации. Многим было ясно, что ельцинско-силаевская программа «500 дней», рассчитанная на одураченных, политически неграмотных и безразличных от безысходности россиян, — есть не что иное, как программа окончательного ограбления, закабаления, раздробления и, наконец, уничтожения российского государственного устройства за 500 дней. И с огорчением приходилось убеждаться, что лидеры да и само население многочисленных автономий России в эйфории от мнимой самостоятельности идут на поводу у разрушителей России, спекулирующих их национальными чувствами и превращающих эти автономии в своего рода таран против нашего единства. Ведь поодиночке расправиться с нами — куда способнее. Не получится ли так, что народы этих республик опомнятся, когда уже будет поздно?

Об этом говорилось на съезде. Но я собирался сказать еще и о том, что история человечества не знала подобного примера по унижению и оскорблению властью собственного народа. Вся эта беспримерная по циничности и фантастическая по безнравственности паспортно-талонно-карточная система распределения продуктов при богатейшем урожае показывает, что новоявленные бесы или, как их еще называют, «дети Швондера», то есть потомки тех самых перестройщиков, которые уничтожили великую Россию после 1917 года, все силы и все средства бросили на то, чтобы довести до конца дело своих предшественников: окончательно разорить Россию, разложить изнутри ее армию, а народ, изнузив голодом и межнациональной враждой, превратить в рабов, в заложников мирового капитала, лишив этот народ возможности защищаться. И самое удивительное то, что при этом, как говорится, народ безмолвствует. Неужели и вправду с ним можно делать все что угодно?

Мне хотелось сказать, что Союз писателей СССР — это уже фикция, существующая лишь на бумаге. Но Союз писателей России — еще не погиб. «Дети Швондера» его тоже стремятся оболгать, ошельмовать, рассорить, разложить изнутри. Для этого они создали «пятую колонну» в нашем писательском союзе — комитет «Апрель», организацию литературных конъюнктурщиков, графоманов и провокаторов, способных лишь злобно шипеть на всё русское и ус-

траивать судебные процессы над теми, кто заикнется о их национальной принадлежности. На многие годы они опозорили себя процессом над Смирновым-Осташвили, которого сами же пригласили к своему «свободному микрофону». Тем не менее из столь ненавистного им Союза писателей России они почему-то выходить не желают. Интересно, почему бы это? Не потому ли, что тогда они никому не будут нужны — ни здесь, ни своим зарубежным хозяевам, так как перестанут быть «пятой колонной»? Может быть, нам самим подумать о размежевании с ними?

Простые люди часто спрашивают: что же им делать? Их понять можно. Но и писатели многие не знают, что делать. Говорят: надо заниматься литературой, а не политикой. Мол, всё само собой образуется. Такое стыдно слушать. Вспомним Некрасова: «Не может сын смотреть спокойно на горе матери родной...» А Родина-мать у нас одна. Может так получиться, что через полгода, а то и раньше нам и литературой не дадут заниматься...

Мне хотелось заставить задуматься всех о том, что те псевдодемократы, которые прорвались в Советы, мирным путем власть не отдадут. Не для того они к ней с таким остервенением рвались. Вспомним январь 1918 года, когда их идейные предшественники увидели, что проиграли на выборах в Учредительное собрание. «Караул устал», — сказали они. После чего началась гражданская бойня. Не с этой ли целью нынешние иудодемократы и национальные предатели разжигают общее недовольство, злобу, национальный экстремизм, провоцируют голод, насаждают физический и моральный террор? Не для того ли, чтобы приблизить всеобщую резню? А во время гражданской войны парламентских выборов быть не может. Там будет только диктатура. Талоны и карточки — это и есть первые атрибуты грядущей диктатуры.

Русские писатели-патриоты, может быть, единственные в стране, кто знает, что нужно делать. Нужно объединять вокруг себя народ и армию, ошельмованную псевдодемократами. Похоже, армия сама находится в растерянности от беспримерного предательства интересов народа руководством страны. Она словно застыла в состоянии шока от ударов, наносимых ей из-за угла, в спину разгулявшимися экстремистами, подогретыми науськиванием нашей анти-

государственной, лжедемократической печати. Нам нужно не поддаваться самим и смело разоблачать ложь, которую по всем информационным каналам каждый день обрушивают на наши головы сионизированные средства массового оболванивания.

Если простые труженики желают знать правду, если они не хотят быть раздавленными космополитической торгово-рыночной мафией, то пусть объединяются вокруг патриотических изданий, пусть вливаются в патриотические общества, имеющиеся во всех крупных городах России, и требуют отзыва из Советов всех уровней изолгавшихся депутатов-демократов, отстаивающих интересы миллионеров-теневиков. У нас есть единственная возможность избежать братоубийственной войны — объединившись ради выживания Отечества, показать нашу смелость и сплоченность.

Большинство писателей на съезде прекрасно понимало, что антипатриотические, антинародные силы, стоящие у власти, постараются замолчать, а если не удастся, то исказить смысл наших выступлений и решений. Вспомним, как отнеслись они к письму писателей России, под которым подписались в общей сложности несколько сот человек. А президент и Верховные Советы СССР и России сделали вид, что этого письма не заметили... Так и произошло: после закрытия съезда в газете «Известия», отличающейся своей агрессивной левизной, вышла многословная статья под названием «Театр одного съезда» (1990. №349), обозвавшая писательский форум «импровизированным спектаклем», «достойным подмостков, на которые выкатывают танки».

Но и о наших литературных делах нельзя было умолчать. Многие из нас до сих пор до конца не осознали всей трагедии того факта, что искусство и, в частности, литература попали в кабалу чистоганной рыночной политики новых властей. Все издательства в каком-то повальном опьянении безрассудно бросились в коммерцию, абсолютно наплевав на подрастающее литературное поколение, судьба которого поистине беспросветна. Издаваться им абсолютно негде. Это жестоко скажется на будущей русской словесности. Вот это и есть одна из новых форм удушения национальных культур. Теперь типографии, спекулируя бумагой, и торговая сеть, спекулируя книгами, диктуют издательствам, что и в каком количестве они должны издавать. И похоже, работ-

ников издательств такая практика вполне устраивает, ведь с переходом на хозрасчет им стало очень выгодно потрафлять низким вкусам обывателей, выпуская баснословными тиражами Агату Кристи, Юлиана Семенова и бесчисленные гороскопы. Мы рискуем остаться без литературной поросли. И с какими чувствами лет через пять, через десять будем смотреть в глаза отвергнутых ныне издательствами и загубленных молодых талантов? Разве не понятно, что это окончательно перекрывает пути к возрождению нашей когда-то великой культуры и высокой духовности? Приходится говорить прописные истины: преступно да и просто глупо подчинять литературу торгово-издательскому эгоизму.

Почему мы молчим, видя как российское издательство «Современник» разваливается на глазах? И сколько бы руководство издательства ни оправдывало себя волюнтаризмом типографий, его собственная бездеятельность, беспомощность, да и во многом равнодушие, безразличие к своим авторам и договорным обязательствам в первую очередь объясняют очень огорчительный для всех развал этого некогда сильного предприятия.

И все же главная причина всего этого безобразия — в той античеловеческой системе существования, в которую нас всех загоняет наша безнравственная власть. И это — отнюдь не система капитализма, как думают многие. Это — система ограбления оккупированной страны. Мы все с вами оказались в оккупации и должны наконец понять, что любые увещевания, любые просьбы к оккупантам вызывают у них лишь презрительный смех и желание закабалить нас еще больше при виде нашей беспомощности. Можете ли вы себе представить, чтобы кто-нибудь уговорил Израиль не убивать палестинцев и освободить их землю? Оккупантов глупо и бесполезно уговаривать, с ними надо поступать так, как поступили в свое время Минин и Пожарский.

Жаль, конечно, что об этом не удалось сказать на съезде. Но в любом случае наша борьба за спасение Отечества только начинается. И все больше единомышленников вливается в наши ряды, все громче и бесстрашнее звучит голос российских патриотов, единственно способных вывести страну из великого развала, в который вновь ее завели обманувшие народ «демократы».

Декабрь 1990 (ж. «Кубань». 1991. №4)

ОТВЕТ ЛИТЕРАТУРНЫМ ПОГРОМЩИКАМ

Пристально вглядываясь в развитие событий в стране с начала 1991 года, сегодня со всей ясностью видим, что наше общество стремительно и неотвратимо катилось к взрыву. Государственный переворот **не мог не произойти** в стране, ввергнутой в пучину экономического хаоса и настоящей гражданской войны между республиками и между нациями. Общее недовольство ситуацией в государстве росло среди народа с каждым днем, престиж руководящих органов и президента неуклонно падал.

Вдохновителей этого недовольства смешно видеть в органах патриотической печати, мгновенно обвиненных в «идеологической подкормке» августовского путча, тираж которых — капля в море леворадикальных средств массовой информации, осуществляющих монопольную «четвертую власть» в стране. Разве не эта — демократическая — пресса поносила М.Горбачева чуть ли не за каждый его указ, разве не она приписывала ему личную ответственность за трагедию в Нагорном Карабахе, в Баку, в Тбилиси и Вильнюсе? Разве не она бесконечно шельмовала и дискредитировала армию, делая из нее козла отпущения за все промахи высшей государственной власти? Такие нападки не могли пройти бесследно, и обида униженной армии, может быть, и подтолкнула на отчаянный шаг некоторых из ее генералов. Так кто же на самом деле спровоцировал этот названный ныне антиконституционным путч?

События 19—21 августа еще предстоит трезво и серьезно проанализировать. Как вышло, что против президента Горбачева выступили все высшие государственные чины СССР? Самое простое — назвать их всех авантюристами и заговорщиками. Гораздо труднее этот факт до конца осмыслить. Ничего подобного еще не было в истории России и Союза. Найдите другой такой случай в истории человечества, чтобы все главные министры страны вместе с председателем законодательного органа стали изменниками Родины!.. Это не укладывается в сознании. И почему-то такое должно было произойти не где-нибудь, а в России, прославленной своим бесконечным патриотизмом! Всё руководство — изменники...

А население сидит на карточках и талонах (как во время войны), которые нечем обеспечить и негде реализовать. «Это наши трудности», — самокритично сказал президент. Но — ни слова о том, как из этих трудностей выбираться.

Да, патриотическая печать, в том числе и журнал «Молодая гвардия», критиковала многие авантюрные экономические программы демократов, за шесть лет перестройки доведших основную часть нашего населения до нищенского существования. Но это не значит, что мы были виновниками этого нищенского существования и массового недовольства им. Мы были зеркалом общественного мнения самой униженной части населения страны. Да, мы критиковали Горбачева и Ельцина. Но это не значит, что они не заслуживали критики и во всем были правы. И это, конечно же, не значит, что мы явились «идеологами государственного переворота», как выразились все демократические газеты и как объявили по телевидению А.Яковлев и Г.Попов. Такие умозаключения могут исходить лишь из примитивного мышления. Уж скорее идеологами переворота были те, кто довел страну до нынешнего жалкого существования.

Чуть ли не самые нелепые оскорбления обрушились на журнал «Молодая гвардия». Газета «Известия» от 24 августа и комментатор А.Бовин по телевидению обозвали нас «профашистским изданием». Горько слышать подобное. И более всего возмущает то, что этот ярлык «Молодой гвардии» клеит газета, фактически поддерживавшая путч и опубликовавшая все документы ГКЧП. Вправду говорят:

для того, чтобы отмыться виноватому, нужно как можно грязнее и подлее оскорбить невинного. Комментатор же Бовин, присутствуя на пресс-конференции с «восьмеркой заговорщиков», никак не выразил своего к ней отношения, хотя обязан был это сделать. Но тогда он не знал, чем дело кончится. А вот уже после 21-го, чувствуя свою безнаказанность, с легкостью неимоверной обвинил других в самых страшных грехах.

Ведь надо же додуматься — обвинить в фашизме журнал, все время своего существования **борющийся** именно, и в первую очередь, с фашизмом. Символично и не случайно наше имя взяла себе молодежная **антифашистская** организация оккупированного Краснодона, большинство членов которой погибло от рук фашистов. Мы уже привыкли ко многим бездоказательным и всегда голословным обвинениям демократической прессы, но услышать **такое** для нас — дико. Мы возмущены и выражаем самый гневный протест. Выходит, что все наши авторы и почти полмиллиона друзей-подписчиков — тоже фашисты?! А среди них — десятки тысяч участников Великой Отечественной войны. «Известия» и А.Бовин не только нас, а прежде всего — их оскорбили. Вот к чему приводит нетерпеливое желание выслужиться перед властью «двурушнических», как они себя называют, органов печати.

Брошенное обвинение было тут же подхвачено и другими, скорыми на неправый суд, обслуживателями «демократов». И вот уже 26 августа на собрании «Апреля» известный «сталинист» и властолюбивый политический диктатор в литературе Е.Евтушенко, устроивший минипутч в секретариате Союза писателей СССР, зачитал «резолюцию», в которой журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия» названы уже не профашистскими, а прямо «фашистскими изданиями, сеющими межнациональную рознь». Как и прежде, до каких-либо доказательств (хотя какие тут могут быть доказательства?!) таких жутких обвинений новоявленный путчистский секретариат в своей «резолюции» снизить не соизволил. Главное для них было — воспользоваться благоприятным моментом и попытаться уничтожить неудобные издания. А для этого, по их пониманию, все средства хороши. Не нравится газета «День» — закрыть. Не с ними «Литературная Россия» — сменить главного ре-

доктора. А многотиражку «Московский литератор» — вообще выкинуть из здания Московской писательской организации. И плевать им — крикливым плюралистам — на истрепанные ими лозунги свободы слова, печати, позиции и волеизъявления кого бы то ни было. По их давнему убеждению, все газеты и журналы должны быть подстрижены под одну гребенку. В этом и состоит подлинная суть их «демократизма» в литературе и в политике.

Где, когда журнал «Молодая гвардия» сеял межнациональную рознь? Что за чушь? Между какими нациями? Может быть, между армянами и азербайджанцами? Может, между грузинами и осетинами? Или между узбеками и турками? Между молдаванами и русскими? Кто в прямом смысле **разжѐг** эту межнациональную рознь, доведя ее до настоящей войны, гибели людей, физического насилия и сотен тысяч беженцев, миллионов обездоленных? Почему бы Евтушенко с подручными не назвать подлинных виновников этой страшной розни и не обвинить их в фашизме и расизме? Но куда там! Виновник у них — «Молодая гвардия». Это даже не поиски ведьм, это какая-то умопомрачительная азефовщина.

Но, конечно, не подлинная межнациональная рознь волнует Евтушенко и иже с ним. По всей видимости, в любом упоминании ими межнациональной розни надо понимать пресловутый и давно всем надоевший «антисемитизм». Мы уже устали доказывать абсурдность этого ярлыка. Не нами доказано, что «антисемитизм» — это классовая дубина в руках идеологов сионизма для достижения их корыстных целей в любой стране мира. Разоблачать же сионизм у нас пока еще не запрещено никакими законами.

Казалось бы, здравомыслящим людям тут всё должно быть ясно. Однако, к глубокому нашему сожалению, далеко не всем присуще здравомыслие. 27 августа на дверях нашей редакции появилось «Обращение» к «Молодой гвардии» коллег из журналов, находящихся с нами под одной крышей и издающихся в одноименном издательстве. Прискорбно было читать, как журналисты и литераторы, считающие себя прогрессивными, ставили нам свои условия существования. Органы родственной с КПСС организации (ЦК ВЛКСМ) — «Сельская молодежь», «Перспективы» (бывший «Молодой коммунист»), «Ровесник», «Литера-

турная учеба» и другие диктовали давно уже независимой, самостоятельной редакции, кто должен стоять у руководства и входить в ее редколлегию. Издания, среди которых — и недавно лишь оперившиеся, и убыточные, пожелали разгромить популярный и прибыльный журнал, который по возрасту старше самого одноименного издательства, их вскормившего. Неужели так хочется им войти в историю литературы в качестве погромщиков одного из известнейших и старейших литературно-художественных журналов (выходящего с 1922 года), без которого уже немислимо себе представить русскую культуру? Вот оно — безжалостное, узколобое, тоталитарное мышление. Вот он — геростратов комплекс. И ведь они верят в то, что творят благое дело, думают, что вот они-то и есть настоящие демократы. Как-то даже неудобно и стыдно за них. Особенно — за «Литературную учебу», ведь и после этого она будет спокойно вещать о нравственной высоте, честности и духовности русской литературы.

Сами демократы не раз говорили, что власть, уничтожающая оппозицию, подписывает себе смертный приговор. Гибель компартии СССР — яркий тому пример. «Молодую гвардию», конечно, можно и закрыть и разгромить, но вырвать ее из сознания честных людей и из контекста русской духовности и культуры — невозможно.

Август 1991 («Молодая гвардия». 1991. №10)

А НУЖНА ЛИ ИМ ВОЛЯ?..

(О «просветителях» с наручниками)

Ну вот и проявилась наконец подлинная физиономия *их* «демократии». Вернее, ее («демократии») злобный звериный оскал. Многие представляли себе и многие все еще представляют эту *их* «демократию» как свободу слова, печати, форм существования, одним словом — свободу для всех. И *они*, когда боролись за власть, и вправду именно в этом нас нахраписто убеждали, именно на этих обещаниях и лозунгах выбивались в лидеры «перестройки» и подлинно с этими надписями на знаменах шли по нашим головам к нынешнему развалу и хаосу.

И вот теперь, объявив себя «национальными героями», *они* публикуют в газете «Московский комсомолец» (от 26.09.91) статью под названием «*Я пришел лишить вас слова*», в которой совершенно спокойно (и объясняя нам необходимость такого шага) требуют «закрыть назад» ненавистные *им* газеты, журналы и телепрограммы. И в первую очередь — «600 секунд», «Рабочую трибуну», «Пульс Тушина», «Наш современник», «Молодую гвардию», «Военно-исторический журнал», «Литературную» и «Советскую Россию» (перечисляю в порядке *их* изложения). «Да и «Правду», — не унимаются *они*, — туда же». Потом, спохватившись, что не всех вспомнили, удлиняют список своих «врагов»: «Также следовало бы лишить депутатских мандатов идеологов переворота — группу «Союз». Да-да, я не оговорился: авторы этой статьи называют всех несогласных с такой «демократией» своими врагами, и слово «враги» — набирают вразрядку.

Как говорится, приехали. Быстро же, надо сказать, *их* терминология дошла до излюбленного *ими* словечка: «в р а г революции» или «в р а г народа»... А врагов, конечно же, надо уничтожать, изолировать, запрещать, всячески давить. «Да, это неконституционно», — соглашаются *они*, но что тут поделаешь — ведь в р а г и же! (Не *они* ли в августе этого года на весь мир возмущались «неконституционностью» введения чрезвычайного положения в стране?)

Вспомним, на какой остервенелой критике сталинизма, на каком поношении *ими* тоталитарного мышления дорвались *они* до своей «свободы слова», чтобы тут же со знанием дела выкорчевать любую иную не *их* свободу, любое не *их* право! Впрочем, чему тут удивляться: перед 1917 годом *их* предшественники вели себя на сто процентов точно так же, понося «гнет самодержавия»... А придя к власти — залили страну кровью.

И нынешние, выучившиеся на нашем горьком опыте демократы, объясняют нам, неразумным, азы своего зоологического расизма: оказывается, в нашей стране существуют «два народа с диаметрально противоположными представлениями о том, что есть свобода». «Первый народ» — это интеллигенция, то есть тот, кто во время известных событий, по *их* словам, писал и «лепил» листовки. А «второй народ» — тот, что листовок не «лепил» и тем более, по причине своего невежества, не писал. Он всего-навсего — навоз, на котором выросли «враги» из группы «Союз» и «Пульса Тушина». И потому — слушайте и вникайте: **«Сегодня этот народ не имеет права голоса. Он не должен иметь его ни завтра, ни послезавтра, ни через десять лет».** Вот она, еще раз напомню, *их* «демократия»! Вот *их* подлинно фашистская программа, откуда само собой вытекает афористическое: «Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилии опирающуюся власть».

Согласно этой большевистской, а точнее сказать, троцкистско-фашистской «демократии», в соответствии с какой в 1918 году были аналогичным образом запрещены и разгромлены **все** небольшевистские газеты и журналы, сегодня *они* предлагают «годика на два» изолировать Александра Невзорова, пока при полной безгласности *они* не рас-

правятся с остальными «врагами». А там «годика через два, глядишь, *всё придет в норму*, и ты вылезешь из подполья», — обещают *они* известному журналисту. Что означает *их* «норма», наверное, ясно без объяснений. И В.Жириновского — туда же, под арест, чтобы никто не смел даже и заикаться о русских бедах, русских проблемах, русских беженцах, вообще ни о чём русском. Пусть вовсе не будет у русских никаких политических лидеров. Логика *их* проста: «не вижу — значит, не существует». На основании семидесятилетнего опыта своей диктатуры *они* уверены: этот «второй народ», «в отличие от интеллигенции, никогда не защищал битых», то есть *они* не сомневаются: *им*, «первому народу», всё позволено, потому что якобы опять пришла *их* власть.

Это извращенно-примитивное, топорно-расистское мышление *они* в своей статье называют «просветительской программой», одним из главных пунктов которой — «немедленный (!) роспуск всех детских военно-патриотических клубов», кроме, надо полагать, клуба «молодой бейтаревец». Такие вот демократические «просветители» не останавливаются на полном запрете любой патриотической деятельности и печати, *их* «просвещенный ум» уже диктует на будущее **«ответственность не только за слово и дело, но и за помышление»**. Так что большевистские идеи в наши дни успешно развиваются.

Впрочем, о «демократии» *они* с блеском в глазах могли болтать только тогда, когда поносили самими же устроенную «коммунистическую систему» (статья-то публикуется в «Московском *комсомольце*!»), за семьдесят с лишним лет своего бытия наломавшую *им* бока. Теперь же, когда, по *их* убеждениям, «демократия» вновь в «этой стране» победила и, якобы, привела *их* к железной власти, она для *них* — как отработанный шлак: «В джунглях демократию устраивать — дело неблагодарное. Не приживётся демократия в джунглях», — не моргнув глазом, без сожаления отказываются *они* от нее. Ах, «демократы», не рано ли вы сбрасываете «демократические» маски?! Говорят, Сталин — фигура мистическая. И придет он из ваших же рядов...

Но кого и чего, в самом деле, боятся и от кого хотят избавиться такие вот агрессивные «демократы»? А боятся они неких мифических «фашистов» и общества «Память» (членов которой — всего-то несколько десятков человек). «Фа-

шист должен быть бит везде и всегда. Фашист вне закона», — заявляют *они* в «МК». А фашист у *них* — тот, кто *хочет* повесить «соседа-еврея». Но есть ли такие? Примеров не приводят, но знают: если кто-то сказал дословно *именно эти* слова или даже только подумал — значит фашист. Откуда же этот страх? За годы перестройки, вскормившие «демократов» (о прежнем тихом времени «застоя» и говорить нечего), мы не слышали ни об одном факте притеснения, избиения (не дай Бог!) и тем более гибели (об этом страшно подумать!) на национальной почве кого-либо из евреев. Зато знаем десятки, сотни, тысячи фактов издевательств и убийств русских и людей других национальностей на территориях всех наших республик. Россия наводнена русскими беженцами, доведенными до отчаяния притеснениями на национальной почве, хотя мы не слышали ни об одном беженце-еврее. Всему миру известен еврейский «Апрель», погубивший русского рабочего К.Смирнова-Осташвили. Однако фашист у демократов только тот, кто *задумал* «повесить соседа-еврея». Но всякий, убивший русского, по их понятию, — не фашист.

Откуда же взялось это смещенное, а на самом деле — истинно фашистское сознание у наших «демократов»? Надо полагать, всё из той же, древней как мир, «просветительской программы», списанной с тайных манускриптов «священных» талмудических учений. По этим учениям они и есть — «первый народ», «богоизбранный».

Газета «Московский комсомолец» устами своих авторов призывает **громить** собрания русского общества «Память», в прямом смысле требует каждого из его членов — **бить**, отправлять в «реанимацию»: «Вышел через месяц, поговорил — и обратно к врачам. На третий раз либо его добьют, либо он станет уважать право личности и чужое мнение... Пусть они нас боятся. И молчат» (никто никогда не слышал, чтобы «Память» отвергала право личности или чужое мнение и уж тем более, чтобы призывала к погромам, как это делают наши «демократы»). Уважать же «чужое мнение», то есть *их* мнение, как нам уже известно, означает — «молчать». Любой, не согласный с этим «мнением» — враг, фашист, и он должен попасть в реанимацию.

Стоит ли уточнять лишний раз тип такой логики? По моему, и так слишком ясно. Но ответить на эту логику нуж-

но вот что: когда чистой воды фашизм, прячущийся под «демократической» личиной, со страниц прессы требует прямых расправ и погромов над организациями и людьми, даже близко не заявлявшими ничего подобного этой преступно-расистской бредятине, то данный орган печати вместе с его авторами (здесь — с собственными корреспондентами) **обязан** быть привлечен к уголовной ответственности по совокупности статей УК РСФСР: ст. 74 (возбуждение расовой вражды, унижение национальной чести, прямое или косвенное ограничение прав, а также те же действия, соединенные с насилием или угрозами), ст. 207 (угроза нанесения тяжких телесных повреждений), ст. 140 (принуждение с целью ограничения свободы печати). И первый, кто **обязан** привлечь данных авторов и данную газету к ответственности, хотя бы ради реабилитации себя за гибель невинного человека, — это литературная организация «Апрель», столь ревностная на словах к правам человека и его национальному чувству. В противном случае, они, «апрелевцы», проигнорировавшие фашистскую публикацию, подтвердят свою солидарность с изложенной выше «просветительско»-палаческой моралью обнаглевших русоненавистников.

Издываясь над словами Степана Разина «Я пришел дать вам волю» (по книге В.Шукшина), авторы «МК» с удовольствием паясничаят: да кому эта воля нужна?! И, любуясь собой, отчетливо и с расстановкой декламируют, как со сцены: мы пришли, чтобы заткнуть рот русским патриотам. Но в заключение с этими авторами — А.Рондаревым и Д.Гореловым — можно было бы поговорить на их языке: «Вышел на улицу, сказал, что для своего благополучия надо перевешать миллиона два или просто соседа-русского — ушел в реанимацию. Вышел опять через месяц, поговорил — и обратно к врачам. На третий раз либо его добьют, либо он станет уважать права личности и чужое мнение».

Не нравится? Но я только повторил чужие слова. И я никого не имею права заставить «молчать». Русские приходят не для того, чтобы кого-то «лишать слова».

1992 («Молодая гвардия». 1992. №1-2)

БЕЗ РОССИИ МИР ПОГИБНЕТ

*(Беседа с корреспондентом газеты
«Красный воин» Ольгой Рыжовой)*

Валерия Васильевича Хатюшина знает и ценит современная Россия. Его острая публицистика, литературная критика, политические стихотворные памфлеты написаны для людей, которым небезразлична собственная страна. Удивительно в его личности другое. Смелый публицист, знающий все тонкости современной политики, уживается в нем с чутким поэтом. По-русски откровенным и по-русски печальным. Модные сейчас вопросы о личной жизни ему не задашь. Вся она, страница за страницей, раскрывается в его поэтических сборниках.

Валерий Хатюшин родился в городе Ногинске Московской области, после окончания средней школы служил в армии, где начал писать поэтическую «Солдатскую тетрадь». Работал на стройках Москвы, писал и публиковал свои стихи. В 1986-м был принят в Союз писателей. Окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР.

В прошлом году Валерию Хатюшину исполнилось 50 лет и... увидела свет, на мой взгляд, самая лучшая его поэтическая книга «Избранные стихотворения». Сейчас он по-прежнему работает в журнале «Молодая гвардия». Во многих изданиях выходят новые стихи и публицистика Валерия Хатюшина.

— *Валерий Васильевич, с чего для вас началось открытие поэзии?*

— Конечно, со стихов Пушкина. Он был первым поэтом, который меня поразил и удивил. Даже когда я открыл для себя Лермонтова, Маяковского, Есенина, Цветаеву, то

Пушкин все равно остался кумиром, образцом для подражания. Но тогда были первые пробы пера. Теперь, в год его 200-летия, я вижу некую пророческую линию в моем творчестве. В этом году не специально, сами собой у меня появились стихи, посвященные Пушкину. Лучшим из всего мною написанного на эту тему я считаю стихотворение «Пушкин». Его и предлагаю для публикации в «Парнасе».

— *Спасибо. А как складывалась сама творческая судьба?*

— Подражательные, еще слабые стихи я начал писать со школы, с шестнадцати лет. Первые мои публикации, как ни странно, появились в армии. В газете Сибирского военного округа «Патриот Родины». В годы моей службы, это был конец 60-х, многие газеты имели такое название. Да и мы сами, благодаря не только политзанятиям, но и самой атмосфере страны, были искренними патриотами Родины. Сейчас такое редко говорят, но армия действительно дала мне очень многое. С духовной, творческой стороны. Хотя я служил в Сибири, у нас была прекрасная библиотека: классика, современная литература — ни в чем не было недостатка. В армии я прочитал всего Пушкина. Осилит полное собрание сочинений Лермонтова, Есенина. Меня поразила необычная сибирская природа, тайга. Юношеские впечатления — самые яркие. Все они выплескивались в стихи. Среди них были и о неразделенной любви...

— *В армии?*

— Что ж тут странного? В армии солдат живет перепиской с любимой девушкой. Та его нередко не дожидается и выходит замуж. У парня — переживания, чуть ли не трагедия. И... пишутся стихи.

— *Вот в вашей книге «Деревья собираются в дорогу» есть глава «Солдатская тетрадь». Я заметила: одни стихи были написаны непосредственно в армии, другие — позже.*

— Несмотря на то, что времени для поэзии в армии было очень мало, я писал стихи постоянно. У меня осталась куча записных книжек. Стихи, проза, какие-то наброски, размышления. Если говорить о стихах, не все они равноценны. Многие так и остались в черновиках как необходимый творческий опыт. В них были только «голые» чувства и никакого литературного профессионализма. В армии я стал осмысливать поэтическое слово, стал работать над ним. Ведь в ранних стихах, таких несовершенных, как раз и от-

тачивается литературный вкус, собственный творческий взгляд, собственное, неподражательное слово. Лишь немногие армейские стихи были пригодны для публикации. Они и составили небольшую главу «Солдатская тетрадь». Многие были написаны и после солдатской службы по воспоминаниям о чувствах, которые я пережил там. Кстати, сейчас я решил заглянуть в свои солдатские черновики, пересмотреть, почерпнуть из них что-то новое. Может, получится книга.

— *Наверное, ваше представление об армии за последние годы изменилось?*

— Да и сама армия стала другой. Служить стало почти опасно. Во-первых, появились «горячие точки». Солдаты получают ранения, гибнут. Идет самая настоящая война. Во-вторых, изменилось отношение к военной службе, к Отчизне. Я знаю хороших ребят, которые добросовестно служат, честно выполняют свой долг. Но они, как правило, родом из провинции. Для большинства же армия представляется непрестижным делом. Такое мнение подогревают «демократические» средства массовой информации. Появились организации, которые «помогают» ребятам увильнуть от службы. Многие боятся пресловутой «дедовщины».

Да, неуставные отношения встречались всегда. И при мне старослужащие требовали к себе, скажем так, уважения. Но лично для меня такое «неписаное правило» не стало чем-то страшным.

Сейчас трудно работать самим командирам. России необходимо вернуть патриотов. Как? Благодаря тому же политвоспитанию, занятиям с солдатами. При этом офицер должен учитывать и одуряющий шквал поп-культуры и не впадать в смехотворную кондовость. Сама служба, солдатская жизнь станет другой, если парень почувствует себя защитником, патриотом своего государства. Но еще нужна и осязаемая забота этого государства по отношению к солдату. А за последнее время в прессе то и дело встречаешь заметки, что солдаты недоедают, не получают обещанных денег в том же Косове.

— *Не секрет, что будущего солдата формирует в том числе и окружающая культура. Вы пишете о своих взаимоотношениях с массовой культурой: «Оказался будто я в чужой стране». Часто вас посещает такое чувство?*

— Всякий раз, когда включаю телевизор или радио. Одни и те же голоса, одни и те же лица. Как правило, нерусские лица. Исковерканный каким-то жаргоном родной язык. Я уже не говорю о массовой книжной культуре: кровь, насилие, секс. Все это подавляет психику и ведет к аналогичным действиям. «Чернушная» пропаганда убийства, издевательств, наркомании, реклама спиртных напитков негативно сказывается и на армейской дисциплине. А рок-музыка? Какой радиоканал ни включи — везде грохот, западные ритмы. Между прочим, в своей публицистической книге «Посмотрим истине в глаза» я посвятил целую главу рок-музыке, где приложил доказательства ученых-психиатров того, что рок разрушает человеческую психику, головной мозг, нервную систему. За последнее время все больше ребят ездят с наушниками...

— *Которые, кстати, сами называют «дебильничками».*

— Подобная музыка действительно притупляет человеческое сознание. Если же ее постоянно слушать, то со слухом могут возникнуть проблемы не в старости, а гораздо раньше. Такая массовая псевдокультура насаждается сознательно, чтобы зомбировать молодежь. Отвлечь ее от серьезной музыки, серьезных книг, а значит, отвлечь от реальных жизненных и политических проблем.

Детективы, сексуальная литература и порнофильмы тоже разрушают сознание. Сейчас уже говорят не о любимых, а о «партнерах», не о любви, а о том, «как заниматься любовью». Для русского сознания эти понятия просто кощунственны.

— *Валерий Васильевич, чему же, на ваш взгляд, следовать в общественной и литературной жизни?*

— Современному обществу, как и литературе, нужно продолжить свои традиции, вспомнить свои богатейшие корни. Ведь самое важное в русской литературе — ее духовные основы, стоящие на русском Православии и на нашей русской классике. Одна из самых мощных классических линий — пушкинская. Пушкин благотворно повлиял не только на русскую литературу, но и на другие сферы культуры: музыку, живопись, повлиял даже на образование. А русская культура признана самой великой в мире.

— *Только благодаря Пушкину?*

— Нет. Творчество этого гения легло в русскую литературу на ее народные первоосновы: христианство, добро,

правду, на величайшую народную мудрость и народное целомудрие. Что же касается общества, то ему тоже стоит вспомнить свои основы. Без осознания себя русскими людьми, патриотами Родины мы ничего не достигнем ни в экономической, ни в политической жизни. И тем более в армии — без русской национальной религии, без уважения к Отечеству служить просто невозможно. Мы должны вернуть молодежи эти почти утерянные качества. Вот взять хотя бы, с другой стороны, современное воспитание и народную мудрость. Раньше в семьях было большое количество детей, а теперь, хотя пресловутому сексу обучают чуть ли не со школьной скамьи, русских детей рождается всё меньше.

— *Я хотела бы остановиться на патриотических основах нашей страны. В недавних стихах вы написали, что свое творчество посвящаете Победе 1945-го года. Сейчас о ее «свете добра и правды» почти не говорят...*

— Та Победа явилась для нас жизнеутверждающей. Если бы ее не было, то и мы бы не появились на свет, не было бы самой России. Сейчас в прессе появляется масса публикаций, принижающих значение Великой Отечественной войны, значение Победы. К сожалению, мое поколение эту Победу упустило. То, ради чего воевали наши отцы и деды, «сдано». Мы проиграли все, что они отстаивали. Я уж не говорю о Европе, от нас отошли Украина, Прибалтика, Закавказье. Наша страна разорена, находится в полнейшем экономическом упадке. Те самые воины, ветераны, которые нас спасли, стали никому не нужными, униженными стариками. А мир живет исключительно благодаря их Победе. Потому что пока существует Россия, существует весь мир. Без России мир погибнет. Это не просто моя выдумка, такую идею выдвигали многие мыслители. Россия является противовесом мировому злу, тем добром, о котором я говорил в своих стихах.

Я верю, что новое поколение вернет упущенное, не даст исчезнуть Победе. И следующий век будет веком России. Она вернет все свои потерянные территории. Опять будет единое государство.

— *Большое, как СССР?*

— Знаете, когда наша политическая обстановка наладится и рубль вновь станет твердой валютой, сойдет затме-

ние межнациональной злобы, то народы, с таким рвением отсоединившиеся от нас, снова вернуться в Россию, без которой им не выжить. Еще хочу добавить, что сейчас, перед выборами, русским людям особенно важно понять, где правда, а где ложь под слащавой маской всеобещаний.

— *Валерий Васильевич, меня заинтересовали сами названия ваших поэтических сборников, которые вышли около десяти лет назад, «Вечерний свет» (1989 г.), «Год Полыни» (1990 г.). Скажите, было поэтическое предчувствие ухода определенной духовной атмосферы, ухода самой страны СССР?*

— Предчувствие-то было даже раньше. Книжки действительно вышли в эти годы, а стихи были написаны раньше. В середине восьмидесятых по обстановке в верхах уже было видно приближение нелучших времен. Вскоре последовал Карабах, Сумгаит, столкновения в Прибалтике. Я видел, что страна идет к развалу, и сильно это переживал. Тогда появился новый большой поток в моей лирике — гражданственный. В 1992 году у меня почти нелегально, за собственный счет, вышла книга «Русская кровь». Вся она состояла из стихов гражданского звучания: с первой до последней страницы. Ни одно издательство ее напечатать не могло. Там прямо давалась оценка господствующей власти. Зато читатели ее раскупили моментально. Книга, кстати, выдержала два издания. Многие стихи из «Русской крови» положены бардами на музыку. Их исполняют на патриотических вечерах. К слову сказать, композитор Сергей Лебедев записал целую кассету на мои гражданские стихи.

— *И все же говорить с поэтом только о политике — дело неблагодарное. Тем более, ваша лирика поразила меня правдивостью, «открытой раной» души. Неужели не страшно отдавать для публикаций стихи, посвященные дочери, прощанию с женой?*

— Я считаю, настоящее поэтическое творчество без искренности существовать не может. Оно должно быть до конца правдивым, до конца открытым. Для этого не надо на каждом шагу кричать о своих чувствах. Стихи сначала пишутся для себя, и меньше всего думаешь о публикациях. Просто чувства переводятся в слова. Посмотрите, самые лучшие стихи в русской поэзии — открытые, откровенные. Того же Пушкина, Лермонтова, Есенина, Рубцова. Те, в которых душа обнажена. А печаль? Я ее не боюсь. Вообще

главным качеством любого таланта является смелость. Чтобы состояться человеком, тоже необходимо мужество: не побояться показать своих чувств, которые, возможно, вызовут усмешку, не побояться прослыть «отсталым», проявив свою любовь к Родине, уважение к армейскому долгу.

— *Валерий Васильевич, а новых книг у вас не намечается?*

— В конце этого года я хочу издать большую книгу, которая вместила бы в себя мою публицистику, разбросанную по журналам и брошюрам. Задуманный труд подвел бы итог моей публицистической работы за последние десять лет. Название будет примерно таким: «Черные годы. История нашей борьбы». Книга стала бы летописью нашей борьбы с псевдодемократией. А что касается поэзии, то опять же в этом году я планирую издать книгу стихов. Наполовину она будет состоять из лирики, наполовину — из гражданских стихов. Я назову ее «Разлука».

Август 1999 (Литературное приложение КВ «Парнас»)

НАЗНАЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Накануне двух революций 1917 года в России почти не было современной тому времени истинно русской патриотической литературы. Что могла видеть и читать российская публика в начале XX века? Пьесы Чехова, построенные на бессмысленной болтовне их героев, одни из которых в финале по еще более бессмысленным причинам стрелялись, как в «Чайке», а другие — убивали друг друга на дуэли, как в «Трех сестрах»?

Поэзия Александра Блока, бесспорно, гениальна, но стихи его в большинстве своем, как ни больно об этом говорить, навевали читателю безволие, безысходность, смирение перед судьбой. Я понимаю, что таким заявлением вызову бурю возмущения всех «блоковедов» и ради справедливости скажу: в этом смысле блестящим исключением является блоковский цикл стихотворений «На поле Куликовом» (1908 г.). Но прочтите его промасоненную пьесу в стихах «Роза и крест» (1915 г.). Мало у кого хватит терпения дочитать до конца этот напичканный *бродско-вознесенскими* символами претенциозный бред. Даже вершина творчества Блока — послереволюционная поэма «Двенадцать» русскими патриотами того времени сразу же была воспринята как пародия на Христа и как большая услуга «революционной власти», от которой он в дальнейшем сам же и пострадал.

Большевики пели: «Весь мир насилья мы разрушим...» А Блок им подпевал: «И старый мир, как пес безродный...», «И старый мир, как пес паршивый...» Он отлично понимал, что «старый мир» — это тысячелетняя Россия, и в

творческом упоении выводил строки: «Товарищ, винтовку держи, не трусь! Пальнем-ка пулей в «Святую Русь». В кондовую, В избяную, В толстозадую!» Нет, не случайно это погружение в «музыку революции» кончилось для него плачевно.

Активно выступал перед публикой молодой Маяковский со своей полусумасшедшей «флейтой-позвоночником» и стихами о плачущей лошади, над которой якобы ржали бесчувственные прохожие. Но он еще дальше был от патриотических настроений, став впоследствии «глашатаем» мирового коммунизма «без России и Латвий».

Да, уже выступал в печати Сергей Есенин, но к тому времени он был известен лишь узкому кругу литераторов.

Был еще Горький с его «Буревестником», призывавшим «сильнее грянуть буре» гражданской войны.

Иван Бунин в повести «Деревня» (1910 г.) «разоблачал» косность, невежество и безысходность деревенской жизни. А в его рассказе «Старуха» (1916 г.) это «видение» крестьянского быта достигало, надо полагать, предреволюционного пафоса российских либералов: «...в непроглядных полях, по смрадным избам, укладывались спать бабы, старики, дети и овцы...» Ну как тут не «пальнуть» из винтовки в этот мерзкий «старый мир» с его смрадными избами, несознательными бабами и овцами?.. (Вот откуда вышел солженицынский «Матренин двор».) Да, подобные настроения в литературе того времени работали исключительно на поразительную политику, удобную большевикам.

Вспомним, о чем писали Ремизов, Ф.Сологуб, Л.Андреев, Короленко до 1917 года? Кто был персонажем их рассказов и повестей? Убогие, никчемные людишки. Даже патриот Куприн в «Поединке» (1905 г.) «обличил» тупость, грязь и подлость как армейской жизни, так и вообще всего русского бытия. Никто из серьезных писателей художественно полноценно не изобразил ни героев Русско-японской войны 1905 года, ни тем более Первой мировой. Что же касается Алексея Толстого с его «Хождениями по мукам», то этот роман он закончил лишь в 1941 году.

Февральская революция просто не могла не произойти, так как в России на то время начисто отсутствовала глубоко национальная патриотическая идеология. А «русские» философы — Вл.Соловьев, Н.Бердяев, В.Розанов, П.Фло-

ренский, Г.Федотов, Н.Лосский и многие другие накануне антиправославной вакханалии и отречения царя были заняты еретическим богоискательством, в основном масонского толка. Наш же лучший национальный мыслитель И.А. Ильин — продолжатель дела А.С. Хомякова, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского — так же как Иван Солоневич, свои главные работы написал уже после революции, в эмиграции.

О том, что делал в литературе Лев Толстой в начале XX века, как, впрочем, и в самом конце XIX, говорить просто стыдно. Он впал в такую ересь, в такую гордыню, в такое словоблудие, что все это можно объяснить лишь старческим маразмом. Ну разве может нормальный человек всерьез сесть за написание собственного Евангелия? И его официальное **отпадение от церкви**, которое часто неправильно называют «отлучением», — не что иное, как позор для русской литературы.

Совсем немного на ниве героической гражданской лирики успел сделать Н.Гумилев, сам участник войны. Но он в начале века все же был еще экзотическим романтиком в поэзии. Клюев, Бальмонт, Северянин, Брюсов, А.Белый, Кузмин, Ахматова оказались не способны или еще не успели стать пророками и предупредить народ о грядущей катастрофе. Это уже потом, настрадавшись, выдающиеся поэты Клюев и Северянин создали свои лучшие, глубоко национальные произведения. Но до этого властители дум столичного бомонда всем своим космополитическим творчеством только психологически расслабляли читателей и почитателей авторов стихов о «Прекрасной даме», «Жирафе» и «Ананасах в шампанском», не говоря уже о том, что другие (вроде Мариенгофа, Бурлюка, Маяковского) — вообще дискредитировали монархию, державность, национальную русскую идею.

Нельзя сказать, что в России совсем не было патристически мыслящих деятелей литературы, общественной и духовно-религиозной жизни. Активно печатались и предупреждали русский народ о масонском и сионистском заговоре Селянинов, Меньшиков, Шмаков, Нилус, Жевахов, Марков-Второй. Но их почти не слушали, точнее, их голос тонул в еврейско-масонском галдеже литературных салонов и «философских кружков» под пристальным оком Ме-

режковского, Вяч. Иванова, Гиппиус и других «братьев» и «сестер», которые, кстати сказать, отторгли от себя и Гумилева, и Есенина.

Одним словом, первая половина так называемого «серебряного века» русской литературы нанесла России вреда не меньше, чем вся еврейская революционная интеллигенция, вербовавшая прямых террористов типа «писателя» Савинкова, провокатора Азефа и мерзавца Каляева.

Для чего вообще нужна литература? — в который уж раз повторю этот риторический вопрос. Интеллигенты-гуманитарии непременно ответят: для того, чтобы отображать жизнь во всей ее полноте и во всех ее проявлениях. И, как всегда, покажут свою дремучесть. **Главная** задача литературы совсем не в этом. Сейчас «отображением» жизни гораздо эффективнее занимаются кино и телевидение, которые «оживляют» примитивные сценарии, не имеющие к литературе никакого отношения. Литература прежде всего **обязана нести миссию очищения человечества** от грязи и пошлости жизни. Литература обязана уметь лечить и воспитывать общество, давать ему идеал, показывать путь к **нравственному прогрессу**. В противном случае она не нужна вовсе и даже вредна. Сказанное не означает, что литература должна быть только такой и никакой другой. Но грош цена той литературе, которая вообще не выполняет воспитательной, нравственно-очистительной функции, если в ней нет примеров национального героизма. Искусство происходит от слова «искус», то есть — грех. И если оно заранее отказывается исправлять, нравственно совершенствовать человечество, то ничем иным, как грехом, оно не будет и быть не может.

Литературе необходим именно **герой**, во всех смыслах **герой**. Если литература не способна дать людям этот идеал, указать в положительном смысле наивысший пример для своего народа, то народ этот обязательно попадет в ситуацию, в какую русские попали перед 1917 годом. Но вот после того, как были созданы образы Павла Корчагина, Григория Мелехова, Семена Давыдова, стало совершенно ясно, что наш народ выстоит в самой страшной войне.

Литература создает миф, который обрастает реальностью, становится самой жизнью, и народ **тянется** за этим мифом, старается ему подражать, то есть литература, как

это ни громко будет сказано, создает собственный народ. С героями Чехова мы не разгромили бы немецкий нацизм.

Кто-нибудь из относящих себя к интеллигенции скажет: мол, я пытаюсь возродить традицию социалистического реализма в искусстве. Ну, во-первых, ни в жизни, ни в творчестве невозможно ничего возродить. А во-вторых, традиция социалистического реализма в лучших ее созданиях для современной литературы, вернее, для ныне живущих писателей просто-напросто недостижима.

Такие люди, как Николай Островский, приходят в литературу «беззаконно». Он не был писателем в обычном, «традиционном» понимании, вскормленным на переделкинских дачах и вспоенным в цэдээльских буфетах. Но только он способен, обязан был создать и оставить на века всем будущим поколениям совершенно потрясающий образ легендарного Павки, ломающий рамки всех на свете литературных традиций, в том числе и соцреализма. Создал — и ушел. Во всей мировой литературе подобных героев вообще никогда не было. И скорее всего, уже не будет. По силе духа, бескорыстному служению идее и моральной чистоте его можно сравнить разве что с христианскими святыми (хотя, будучи православным человеком, понимаю приближенность этого сравнения).

Может быть, я скажу крамольную фразу, но мне она таковой не кажется: литературные герои лучших произведений так называемого «советского соцреализма» по моральным качествам и художественному изображению — уникальны в воспитательном значении и недостижимы в значении нравственном. Как недостижимы художественные образы, созданные Гомером, Данте, Сервантесом, Шекспиром, Гете, Пушкиным, Достоевским. Из героев всей зарубежной литературы прошедшего столетия некого поставить рядом по силе духовного воплощения с литературными героями Михаила Шолохова. Не сомневаюсь, что в XXI веке это будет признано всеми.

Октябрь 1997 («Московский литератор». 1998. №4)

КТО ЗАНИМАЕТСЯ ПОДЛОГОМ (В защиту Владимира Даля)

Вот уже почти 160 лет существует известная «Записка» В.И. Даля о ритуальных убийствах. Впервые она была издана в 1844 году в Петербурге под названием «Розыскание о убийении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» (153 стр.) и, как указано на титульном листе ее первого издания, «Напечатано по приказанию г. Министра Внутренних Дел». Тираж этой книжки был мизерным, не более десяти экземпляров, один из которых, как сообщалось в печати, находится в библиотеке Московского университета. На обложке этого экземпляра имеется запись известного в начале прошлого века библиофила В.М. Остроглазова: *«Куплена сия книга у Петра Ивановича Бартенева, который продал ее мне по моим усиленным просьбам. Книга эта подарена Бартеневу Далем. В.Остроглазов. 1906 г. З/Х».*

В.И.Даль составил эту «Записку» по поручению Министра Внутренних Дел графа Л.А. Перовского, который в 1841 году перевел на службу из Оренбурга в столицу будущего автора «Толкового словаря» и определил чиновником особых поручений.

«Розыскание о убийении евреями христианских младенцев...» были отпечатаны для служебного пользования, повторяю, в 1844 году, когда В.И. Даль прожил чуть более половины своей продолжительной жизни (1801—1872). Но в том же году «Записка» эта получила хождение под другим названием — «Сведения о убийствах евреями христиан для добывания крови» и стала приписываться тайному совет-

нику В.В. Скрипицыну, директору департамента иностранных исповеданий. Сам Даль особо не противился такому повороту дела. Скорее всего, ему это даже было на руку.

Авторство В.И. Даля неоднократно подтверждалось многими русскими библиографами, публицистами и издателями — И.М. Остроглазовым (братом В.М. Остроглазова), Н.П. Гиляровым-Платоновым, П.И. Бартевым, А.Д. Чертковым, А.И. Мамонтовым, а также исследователями «еврейского вопроса», жившими во второй половине XIX — начале XX веков.

Но вот в наши дни — в ноябрьском номере газеты «Литературные вести» за 2001 год (гл. редактор В.Оскоцкий) помещена заметка некоего Б.Кушнера под названием «Кровавый навет в России: история и реальность», имеющая цель прорекламировать книгу Семена Резника «Расстление ненавистью» (Москва—Иерусалим. «Даат—Знание». 2001). И в заметке этой можно прочесть: «Еще в советские самиздатские времена по рукам ходила приписываемая Владимиру Далю «Записка о ритуальных убийствах». В наше время это сочинение многократно переиздавалось — все с тем же указанием авторства — издательствами национал-патриотического толка. Сочетание имени Даля с клеветнической, абсурдной, наконец, просто малограмотной «Запиской» настолько примелькалось, что уже воспринимается за данность даже и некоторыми серьезными авторами. Проведя кропотливое, почти детективное исследование, Резник убедительно показал, что выдающийся писатель и лингвист Даль никакого отношения к «Записке» не имеет, а составлена она была по поручению Николая I давно забытым чиновником Скрипицыным. Таким образом, мы имеем дело с очередным подлогом (узнаваемый почерк!) господ антисемитов». (Видимо, таким способом «Литературные вести» решили отметить 200-летие В.И. Даля...)

Как говорится, открыли Америку... Автор заметки, по всей видимости, не способен осознать вызывающей **абсурдности** и **малограмотности** резниковских «открытий»: невозможно себе представить, чтобы Царь, Глава Российской Империи, давал подобные поручения какому-то чиновнику Скрипицыну... Такое может прийти в голову только резникам и кушнерам. На эти привычно-пустозвонные «розыскания» не стоило бы обращать внимание, если бы

так лихо и огульно национально-патриотические издательства не были обвинены в «очередном подлоге». Даже скучно знакомиться с «кропотливым, почти детективным исследованием» Резника, потому что заранее ясно, что никакого «национал-патриотического» подлога в этих оправдательных «исследованиях» раскрыто не будет. Да и в чем подлог? В содержании изданной 158 лет назад «Записки» или в чем-то другом? Весь пафос «розысканий» Резника—Кушнера сводится лишь к установлению ее автора. Но никак не к логическому опровержению фактов, в ней изложенных (знакомый почерк!). Даже если и допустить, что ее автором является некий тайный советник Скрипицын, то это вовсе не означает, что смысл самой «Записки» — подлог. Но вот подобная давно надоевшая «логика» господ Резников и Кушнеров именно подложна. Таким же точно способом их светливые соплеменники да и они сами уже второй век тужатся «доказать» подложность «Протоколов сионских мудрецов». Разговор у них идет, как правило, о самом второстепенном в данном вопросе — об авторстве этих «Протоколов». Тогда как главным для нас является не их авторство, а то, что они **сбылись**.

Впрочем, кому там, в «Литературных вестях», нужна истина? Говорить **правду** о русско-еврейских отношениях, по разумению «Литвестей», — значит быть «зоологическим антисемитом», от кого бы эта **правда** ни исходила.

И все же никак не могу вообразить, что господа непробиваемые «семиты» и на этот раз обвинят в антисемитизме, в подлоге или кровавом навете великого русского историка С.М.Соловьева, отца не менее великого философа Владимира Соловьева — либерала во Христе. Вот о чем сообщает С.М.Соловьев в своем труде «История России с древнейших времен»: «Но призывая отовсюду искусных иностранцев, Петр (Великий. — В.Х.) только для одного народа делал постоянное исключение, для жидов. «Я хочу, — говорил он, — видеть у себя лучше народов магометанской и языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю; не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются и как ближних ко мне ни подкупают». И далее С.М. Соловьев приводит исторические факты, служившие причиной такого отношения к евреям: «Вести из Малороссии не мог-

ли внушить великороссиянам расположения к принятию жидов. В 1702 году 10 марта к черниговскому коменданту прислал полковник Лизогуб письмо, в котором говорилось, что в Черниговском уезде, в местечке Городне, жида замучили христианина и кровь рассылали по разным жидам, живущим в малороссийских городах. Перед судом в Чернигове жид Давид без пытки признался, что он со своим Яковом замучил христианина; объявил, что многие жида собирались в селе Жуковце в корчме о своем жидовском празднике, именно на Трупки, было их человек сорок с лишком, и просили его, Давида, чтоб он добыл на праздник Пейсар крови христианской, что он и исполнил. Яков также признался без пытки» (книга VIII. Том XV. С.74). (Должен сразу на всякий случай оправдаться: это не я, а С.М. Соловьев по отношению к евреям употребляет исключительно слово «жида»). Кстати сказать, с 1702 года, указанного Соловьевым, прошло уже триста лет, и ни о каком добром сожительстве русских с «жидами» в его «Истории» не сказано. Это к разговору о книге Солженицына «Двести лет вместе»...

Здесь можно было бы привести выдержки из большой и страшной книги другого великого русского философа В.В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови», написанной по горячим следам ритуального убийства (что было признано судом) Андриюши Ющинского в Киеве и впервые изданной в Петербурге в 1914 году. (Но что такое для господ Резников и Кушнеров труды Соловьева и Розанова? «Кровавый навет!», «Раствление ненавистью!») Также можно было бы процитировать не менее жуткие куски из книги И.И. Лютостанского «Об употреблении евреями христианской крови для религиозных целей» (С.-Пб. 1880 г. 2-е издание). Кстати, автор, поляк по национальности, в ней сообщает интересные для нас детали: «В первом издании нашей книги многих фактов мы были лишены, которые были украдены жидами. Сочинение Даля по вопросу крови — в Москве, находилось только в Чертковской библиотеке и единственный экземпляр. Управляющий библиотекой П.И. Бартенев вздумал перепечатать это сочинение и дал в типографию Мамонтова. Когда приступили набирать и разрезали книгу на части, тогда жид, бывший наборщиком типографии, дал знать своему

кагалу и, по общему совету, тот же наборщик ночью выбил стекло в типографии, влез туда, рассыпал весь набранный шрифт, находившуюся там часть разрезанных листов сочинения Даля хапнул и канул в неизвестность, как и постоянно делается у жидов. Полиция разыскивала в обеих столицах — но всё напрасно. Затем печатание прекратилось, г. Бартенев уцелевшую книжку Даля взял обратно и уже ее в библиотеке хранит строго под наблюдением собственного глаза». (Вот такая детективная история. По всей вероятности, здесь речь идет именно о том самом экземпляре книги В.И. Даля, который впоследствии, уже в XX веке, был подарен В.М. Остроглазовым библиотеке Московского университета.)

Однако, не сомневаюсь, никакие подтверждения нашей правоты не произведут на резников и кушнеров ни малейшего впечатления. К подобным публикациям у них отношение как в известном анекдоте: «Нэхай клеветуць!» Все без исключения факты и вековые свидетельства отвергаются ими с порога, потому что так им легче морочить голову лишенным информации гоям.

А теперь — самое главное, о чём все на свете резники предпочитают помалкивать. В.И. Даль, как и другие исследователи ритуальных убийств, нигде не говорит о вине в с е х евреев, не обвиняет их поголовно в употреблении христианской крови для ритуальных целей. Речь идет только лишь об одной глубоко законспирированной, фанатически сплоченной иудейской секте — хасидах. Вот что говорит В.И. Даль в итоге своего «Розыскания»: «Изуверный обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим известен. Он существует только в секте *хасидов* или *хасидым* — как это объяснено выше — секте самой упорной, фанатической, признающей только Талмуд и раввинские книги и отрекшейся, так сказать, от Ветхого Завета; но и тут составляет он большую тайну, может быть, не всем им известен и по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется; не подлежит, однако же, никакому сомнению, что он никогда не исчезал вовсе со времени распространения христианства, и что поныне появляются между жидами фанатики и каббалистические знахари, которые с этою двойкою целью посягают на мученическое убиение христи-

анского младенца и употребляют кровь его с мистико-религиозной и мнимо волшебной целью. Польша и западные губернии наши, служащие со времен средних веков убежищем закоренелого и невежественного жидовства, представляют и поныне самое большое число примеров подобного изуверства, особенно губерния Витебская, где секта хасидов значительно распространилась».

Так что господа резники, кушнеры и оскоцкие могут не суетиться и не вводить никого в заблуждение: никто никогда не обвинял всю еврейскую нацию в ритуальных жертвоприношениях. Их (резников и кушнеров) «благородное» возмущение работает вхолостую, не имея ни причины, ни почвы. И отнимать у Владимира Даля приведенные выше слова, а уж тем более называть их малограмотными — верх цинизма и пример профессиональной непригодности.

2002 («Московский литератор». 2002. №2)

О ПРАВСТВЕННОМ ОДИЧАНИИ

Статья «Кто занимается подлогом» в 2002 году была опубликована в газете «Московский литератор», после чего в «Литературных вестях» увидело свет письмо Семена Резника, присланное из Вашингтона (оказывается, и туда доходит «малотиражный» «МЛ»). Письмо это лишний раз подтвердило, что ничьи свидетельства, никакие доказательства на господ резников, как и было сказано прежде, вообще не действуют, не воспринимаются ими и отвергаются с порога. Правда как таковая их вообще не интересует.

В своем письме С.Резник снова, как глухарь, токует о «непричастности великого лексикографа к позору кровавого навета». Ни воспоминания современников В.И.Даля, ни цитаты из «Истории» С.М.Соловьева, ни книга В.В.Розанова, ни даже указы Петра Великого о выселении «жидов» — ничто не способно убедить резников и кушнеров в нашей исторической правоте. «Кровавый навет» — и всё тут, никаких ритуальных убийств вообще никогда не было в принципе, Владимир Даль своих «Розысканий о убийении христианских младенцев» не делал и «Записок» об этом не писал. (Не сомневаюсь в том, что факты, изложенные в статье «Кто занимается подлогом», Резнику и Кушнеру известны лучше, чем мне. Вот только признавать эти факты им во всех смыслах крайне не выгодно.) Для таких людей как раз и существуют русские пословицы: им хоть кол на голове теши — никакого толку, им хоть плюй в глаза — все божья роса.

На этой истории с книгой Даля можно было бы поставить окончательную точку: бессмысленно вести разговор с

теми, кому данный разговор не нужен. Однако в своем письме С.Резник гораздо больше внимания уделил перипетиям нашей современности, оттолкнувшись от другой моей публикации в «Московском литераторе» — а именно от стихотворения «Возмездие», связанного с событиями в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Не буду вновь приводить это стихотворение, оно за последнее время уже немало раз цитировалось в желтой прессе с тем, чтобы озлобленно его прокомментировать и заклеить автора в качестве «одичавшего изувера» (по выражению С.Резника). Скажу только, что основной смысл стихотворения «Возмездие» заключается в моем естественном, в моем органическом нежелании жалеть американцев.

Не спору, кому-то из «россиян», наверное, до сих пор жалко погибших 11 сентября обитателей Всемирного торгового центра. Об этой «жалости» за истекшее с того дня время нам все уши прожужжали депресса и телевидение. И чем назойливее они жужжали, тем в большей степени вызвали отторжение этой «жалости» в моем сердце, как и, не сомневаюсь, в сердцах очень многих нормальных людей. Не могу не напомнить такую красноречивую деталь: в ночь с 12 на 13 сентября 2002 года исполнилось ровно три года со взрыва жилого дома на Каширском шоссе в Москве. Центральное телевидение уделило этой дате всего 30 секунд в своих «Новостях». Но вот годовщине разрушения нью-йоркских небоскребов были посвящены два американских документальных фильма протяженностью полтора часа каждый. Если уж у российских либералов, молящихся на Америку, нет жалости к погибшим русским людям, то с какой стати я обязан жалеть их дорогих и любимых американцев?

Но С.Резник, живущий в Вашингтоне, уверен на сто процентов: весь остальной мир должен переживать исключительно за несчастных янки. И он учит нас, недоразвитых, как это нужно делать, цитируя рифмованную пошлость рецензента своей книги «Растление ненавистью. Кровавый навет в России» Б.Кушнера: *«Юный век в начале самом Осенен Вселенским Хамом, И не счесть увечья. Небо си-не — в сердце туча, Боже, что же так живуча Подлость человечья?»* Как ни бездарны и ни бессмысленны эти строки, тем не менее кое с чем тут можно согласиться: с неистреби-

мой живучестью человеческой подлости (хоть и относясь в этой фразе к слову «человеческой» с большой долей условности). Спросите любого школьника любой страны, помимо США и Израиля, с кем или с чем в его сознании увязывается понятие Вселенского Хама? И каждый без запинки ответит: с Америкой, с единственной на планете страной, сбросившей атомные бомбы на жителей японских городов. И мы ни разу не слышали о раскаянии американцев в этом самом страшном преступлении за всю историю человечества.

Однако поглядим, как, в свою очередь, рецензирует С.Резник рифмованную нелепицу своего недавнего рецензента. Махровая демагогия цитаты стоит того, чтобы привести ее полностью.

«Это строки — из стихотворения Бориса Кушнера, владеющего языком, который так бережно сберег для нас Даль. Кушнер разделяет те же представления о человеческом достоинстве, о праве на жизнь, свободу и стремление к счастью. И как поэт, и как литературный критик (я рад, что он посчитал нужным написать о моей книге), Б.Кушнер следует лучшим традициям русской литературы, сеющей разумное, доброе, вечное, а не подлость человечью.

*«Московский литератор» ориентируется на другие ценности, другой язык и других авторов. Ему нужен Вселенский Хам, стоящий вне цивилизации и способный только на то, чтобы... калечить души юношества, готовя **новых полковников Будановых** и прочих вояк того же пошиба, не пригодных ни к какому созиданию, а только к надругательствам над беззащитными, разрушению и рычанию.*

*Одержимые ненавистью к культуре, они крушат гигантские статуи Будды, простоявшие тысячи лет, потому что сами не могут слепить из глины **примитивного чёртика**. Они взрывают двуглавого красавца в центре Нью-Йорка, потому что это шедевр строительного искусства, тогда как сами они не способны соорудить **примитивной хижины** и обитают в пещерах. Они пытаются подогнать под свое собственное рычание Владимира Даля, «сионских мудрецов», Сергея Соловьева, даже «либерала во Христе» Владимира Соловьева — того, кто **первым в русской литературе** выступил против растления народа ненавистью, потому что это ведет к нравственному одичанию» (выделено мной. — В.Х.).*

Что тут скажешь?.. Даже немного жаль резников и кушнеров, по-хамски эксплуатирующих за своими буграми язык, который, по их недоумству, «бережно сберег» для нас Даль. Да, действительно, наш язык сильно отличается от языка прислужников настоящего Вселенского Хама. Наш великий русский язык, язык Пушкина, Достоевского и Шолохова не приемлет мерзкого цинизма, ставшего главным, основным признаком всей демократической печати. Развязное фиглярство, пошлый стиль, визгливая демагогия и поголовная бездарность стали родовым клеймом, метящим все, что пишут и говорят эти русскоязычные словоблуды. Самостоятельно они не способны понять, какую несут околесицу, когда в своем демагогическом иступлении обвиняют нас, якобы «одержимых ненавистью к культуре», в разрушении статуй Будды. И бессмысленно им объяснять, что наскальные статуи Будды разрушили **вскормленные и вооруженные Америкой** пакистано-афганские талибы-исламисты. У них, словоблудов, **такая** логика — «культурная» и цивилизаторская, и с этим уже ничего не поделаешь.

О нашей «хамской», по их понятию, неспособности к созиданию мы слышали от них вдосталь за последний век. **Такое** у них отношение к славянской культуре. Насильно, как говорится, мил не будешь. Видимо, именно по этой причине их кровные предшественники в 20—30-е годы прошлого века уничтожили на нашей земле тысячи православных храмов и памятников истории. Наверное, поэтому после оккупации Косова натовскими войсками и албанскими сепаратистами там не осталось ни одной православной церкви. И что из того, что некоторые из них были построены в XII веке?! Никто в Америке не выражает по этому поводу никакого сожаления, в том числе и очень «культурный» С.Резник. Конечно, наскальные изображения Будды — это верх культуры и зодчества, они резникам дороже. Ну разве сравнятся «Василий Блаженный», деревянные церкви в Кижях и храм Покрова на Нерли с «двуглавым красавцем в центре Нью-Йорка» — «шедевром строительного искусства»? Куда уж нам, «стоящим вне цивилизации», со своей многотысячелетней историей тягаться с «культурностью» и «цивилизованностью» двухсотлетних США? Мы ведь «хамы». Вернее, даже «Вселенские Хамы».

Мы, пригодные только к «надругательствам над беззащитными, разрушению и одичанию», никогда не сумеем оценить культурности бомбардировок Югославии и Ирака. Ну не дано нам этого от природы в отличие от резников и кушнеров. Мы никогда не поймем их гордости за страну, сбросившую на маленькую Сербию пять тысяч бомб, в том числе и заряженных обедненным ураном, и выпустившую полторы тысячи крылатых ракет. Им есть чем гордиться — около двухсот школ Сербии были превращены в руины. Им есть за что уважать Америку, есть отчего переживать за ее «ценности», за ее «право на жизнь, свободу и стремление к счастью», в отличие от нас, «хамов», «пригодных к надругательствам над беззащитными».

В Багдаде в качестве назидания всему человечеству оставлено полуразрушенное бомбоубежище, в которое в 1991 году через вентиляционное отверстие вошла «умная» американская ракета. В течение нескольких секунд шестьсот с лишним человек, среди которых были в основном женщины и дети, сгорели заживо. На бетонных стенах этого бомбоубежища остались темные контуры сгоревших людей. Наверное, С.Резник не захочет съездить в Багдад, чтобы полюбоваться делами дорогой Америки. Ему не жаль «хамов». И к надругательству над беззащитными он не причастен.

В стихотворении «Возмездие» я сказал о том, что и сам мог бы направить самолет на Белый дом. Это, конечно, стихотворная метафора, которая, тем не менее, выражает мое отношение к мировому жандарму — к реальному Всемирому Хаму без кавычек. Ведь для всех нормальных людей Белый дом в Вашингтоне — это символ зла, агрессии и жестокости. Честно говоря, я был очень удивлен реакцией либеральной околотитературной тусовки на эту публикацию. Мне было смешно наблюдать, с каким остервенением эта давно полинявшая, траченная молью, но все еще пишущая братия кинулась на защиту «оплота мировой демократии». (Как будто я и впрямь собирался сесть в самолет, чтобы лететь за океан...) В.Войнович — в «Известиях», Марк Кабаков — в «Вечерней Москве», Римма Казакова — на телеканале «Культура» (дважды) и в интервью еженедельнику «Алфавит», Ст.Рассадин — в газете «Версты», Г.Бакланов — в журнале «Знамя». Не удержались, не утерпели (обычно

они не пропагандируют неугодные имена). Обида за Америку оказалась сильнее. Правда, Войнович ограничился, по его разумению, саркастической характеристикой: «некий лауреат премии Сергея Есенина». Его «известинский» ответ под названием «Ненависть без примирения» был призван, казалось бы, морально уничтожить автора короткого стихотворения: *«Для того, чтобы самому пойти на такое, надо иметь большую веру во Всевышнего и готовность к самопожертвованию ради пропуска в рай... В любом случае он (автор. — В.Х.) к примирению не расположен, но и на встречное движение ему не стоит рассчитывать. Его можно пожалеть как убогого, но находиться с ним в человеческом общении — это уж слишком».*

Но кто говорит такое? Представитель какого «человеческого общения»? Диссидентствующий эмигрант с двойным гражданством. В отличие от него я-то как раз верю во Всевышнего, в конце концов наказавшего эту обнаглевшую, бесчеловечную Америку (недаром стихотворение мое называется «Возмездие»). И уж кому-кому следовало бы указывать на Бога, но только не Войновичу с его убогим и ублюдочным Чонкиным, отразившим ничтожный внутренний «мир» этого русофобского «романиста». И действительно: находиться в «общении» с Чонкиным и Войновичем — «это уж слишком» для русского человека. И с кем нам, извините, «примиряться»? С войновичами, чьи предки всю прошлую человеческую историю делали гешефт на войне?.. Что же касается самопожертвования, то войновичам и всем остальным резникам с кушнерами этого никогда не понять: за пятьдесят с лишним лет противостояния Израиля с арабским миром среди евреев не нашлось ни одного мстителя-камикадзе.

Как всегда, у «защитников общечеловеческих ценностей» не обошлось и без подлога. Ст.Рассадин в своем цитировании стихотворения «Возмездие» переврал почти каждую строчку, после чего обозвал «неумелой» самим же грубо и косноязычно перевранным строку. Но тут же — сам себе он задал вопрос: «И после этого, после такого — затевать, как собираюсь, разговор об искусстве? О его ответственности? Не дико ли?» Тут я с ним соглашусь: «после этого», после подобного подлога, начинать любой разговор об искусстве — и дико, и смешно.

Они, либеральные трещотки, очень любят разглагольствовать о чьей-либо, только не их, нравственной ответственности. Но вот Римма Казакова, имеющая свою передачу на телеканале «Культура», потребовала призвать меня не только к моральной ответственности за написание этого стихотворения. «Куда смотрит прокуратура!» — возопила она с телеэкрана (очень интересно на «демократическом» телевидении сочетаются «культура» с прокуратурой, особенно в устах «поэтессы»). Я, конечно, никогда не верил в их демократию, но чтобы так откровенно, так бесцеремонно, не стесняясь миллионов зрителей, опошлять и грубо перечеркивать, отменять ими же яростно декларируемую «свободу» — слова, печати, мнений, творчества!.. Это не может вызвать у нормальных людей ничего, кроме усмешки. Сами же они и доказывают, что все их крокодиловы слезы по поводу прошлой «невозможности говорить правду» Пастернаком, Мандельштамом, Ахматовой, Высоцким — не стоят ломаного гроша. Что уж тут рассуждать об искусстве и о поэзии как таковой! Намозолившая глаза Р.Казакова поэзию воспринимает по-неандертальски — в прямом смысле, в лоб: если сказал, что «мог бы направить самолет», значит, так и будет, значит, экстремист и террорист. Подать сюда прокурора!

Все мы помним эти строки Пушкина:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу!
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.

Слава Богу, что в то время литературная жизнь еще не была, как проказой, поражена нынешним полицейско-доносительским либерализмом. А то бы Казаковы и Кабаковы тех времен мгновенно накатали бы коллективный донос в Третье отделение, обвинив поэта в самых страшных грехах — от каннибализма до государственной измены. У них, у окололитературных либералов, во все времена было только такое отношение не к их свободе творчества, не к их пониманию природы поэзии.

Р.Казакова запрещает мне ненавидеть то, что я ненавижу, запрещает поэтически выражать свое искреннее чувство. И делает она это, по всей вероятности, потому, что сама

всегда писала в угоду временным обстоятельствам, ситуации и власти, то есть конъюнктурила. Стихотворчество для нее всегда являлось и осталось до сих пор кормушкой, копытном, способом приспособленческого выживания. Давно ли она верноподданнически графоманила, стряпала прокоммунистические вирши, декламируя их перед телекамерой на первомайской демонстрации?

Теперь ненавидеть Америку стало невыгодно и даже опасно: господа войновичи и рассадины не могут этого допустить. И потому, поэт, заглуши свою страсть, не открывай душу, прикуси язык! А иначе для всех непослушных у них есть свои суды, своя прокуратура и закон об экстремизме. И как удобно, как сподручно после этого, при моральной задавленности всех, кто не с ними, говорить об искусстве, о литературе, «о добре, истине и красоте»!

Однако сами они своей ненависти к нам не скрывают. Оказывается, министру культуры Швыдкому позволено без каких-либо последствий обзывать нас фашистами и на всю страну (по каналу «Культура»!) заявлять, что русский фашизм страшнее немецкого. (Вот где нужны и прокурор и психиатр!) Около двадцати миллионов одних только русских жизней (из 27 миллионов общих потерь СССР), положенных на алтарь спасения мира в войне с фашизмом, — это так себе, незначительный исторический эпизод, ни о чем им не говорящий. Ведь мы же — «хамы», какой от нас прок? Наше место — в могиле или за решеткой, как и всех «полковников Будановых и прочих вояк такого пошиба, не пригодных ни к какому созиданию». И когда мы пытаемся возразить, что в Чечне с позволения их «демократической» власти еще до военных действий произошел страшнейший геноцид русского населения, что почти все русские девочки в школах были изнасилованы, а многие дети убиты, что триста тысяч русских бежали оттуда, бросив все нажитое, что теперь там не осталось ни одного русского жителя, — эти наши слова пролетают мимо их ушей, они нас «не слышат», для них это не есть «надругательство над беззащитными». А вот чеченскую снайпершу, убившую несколько русских офицеров, трогать нельзя, так как это, видите ли, «ведет к нравственному одичанию», как учит нас С.Резник.

Белый дом, между прочим, существует не только в Америке, хотя американский российский либералам гораздо

дороже. В 1993 году наш Белый дом был расстрелян из танков. И сейчас очень кстати напомнить о том, кто науськивал безумную власть на этот расстрел. Нелишне перечитать письмо этой либеральной околотитературной «элиты», направленное в «Известия» 3 октября — в день останкинского расстрела. Теперь уже вряд ли кого удивит, что среди прочих очень характерных имен в списке подписантов красуется наша неувядаемая Римма.

**«ПИСАТЕЛИ ТРЕБУЮТ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА
РЕШИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

«Известия» получили текст обращения к согражданам большой группы известных литераторов. В нем говорится:

Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. Произошло то, что не могло не произойти из-за наших с вами беспечности и глупости — фашисты взяли за оружие (это анпиловские бабки с авоськами. — В.Х.), пытаясь захватить власть. Слава Богу, армия и правоохранительные органы оказались с народом (! — В.Х.), не раскололись, не позволили перерасти кровавой авантюре в гибельную гражданскую войну. (4 октября все увидели, что себе позволила армия. — В.Х.).

Ну а если бы вдруг?.. Нам некого было бы винить, кроме самих себя. Мы «жалостливо» умоляли после августовского путча не мстить, не наказывать, не запрещать, не закрывать. Не заниматься поиском ведьм. (Особенно Ю.Черниченко, оравший с телеэкрана: «Раздавите гадину!» — В.Х.) Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпеливыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпеливыми... К чему? К фашизму?

И «ведьмы», вернее, красно-коричневые оборотни, наглея от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листовками, грязно оскорбляя народ (? — В.Х.), государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать. (Фантазеры с перепугу. — В.Х.) И что тут говорить? Хватит говорить. Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии. (Автоматными очередями — по людям. — В.Х.).

Мы не призываем ни к мести, ни к жестокости, хотя скорбь о новых невинных жертвах и гнев к хладнокровным их палачам переполняют наши сердца. (Непревзойденные лицемеры! — В.Х.) Но хватит. Мы не можем позволить, чтобы судьба народа, судьба демократии и дальше зависела от воли кучки идеологических пройдох и политических авантюристов.

Мы должны на этот раз жестко потребовать от правительства и президента то (грамотей! — В.Х.), что они должны были (вместе с нами) сделать давно, но не сделали:

1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны быть распущены и запрещены указом президента. (Пожелание исполнено. — В.Х.)

2. Все военизированные формирования — разогнать. (Разогнать было нечего, кроме еврейского «Бейтара». — В.Х.)

3. Законодательство, предусматривающее жесткие санкции за пропаганду фашизма, шовинизма, расовой ненависти, за призывы к насилию и жестокости должно наконец заработать... (По отношению к либералам и всем нерусским экстремистам оно не работает до сих пор. — В.Х.)

4. Органы печати, изо дня в день возбуждающие ненависть, призывающие к насилию (например, «Известия» с этим письмом. — В.Х.) и являющиеся, на наш взгляд, одним из главных виновников происшедшей трагедии (и потенциальным виновником множества будущих), такие, как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» (а также ТВ, программа «600 секунд») и ряд других должны быть впредь, до судебного разбирательства, закрыты. (Просьба выполнена. Даже при большевиках лояльные им литераторы не делали подобных обращений к власти. — В.Х.)

5. Приостановить деятельность органов советской власти. (Требование выполнено. — В.Х.)

6. Не допустить, чтобы суд над виновниками превратился в фарс, как суд над ГКЧП. (А вот суда власть испугалась. — В.Х.)

7. Признать нелегитимность Съезда народных депутатов, Верховного Совета и др., в том числе Конституционного Суда. (Исполнено. — В.Х.)

История еще раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. (С отменой Конституции и разгоном Конституционного Суда! — В.Х.) Не упустим же такой шанс еще раз, как это было уже однажды.

Алесь Адамович, Анатолий Ананьев, Артем Анфиногенов, Белла Ахмадулина, Григорий Бакланов, Зорий Балаян, Татьяна Бек, Александр Борщаговский, Василь Быков, Борис Васильев, Александр Гельман, Даниил Гранин, Юрий Давыдов, Даниил Данин, Андрей Дементьев, Михаил Дудин, Александр Иванов, Эдмунд Иодковский, Римма Казакова, Сергей Каледин, Юрий Карякин, Яков Костюковский, Татьяна Кузовлева, Александр Кушнер, Юрий Левитанский, ак. Д.С. Лихачев, Юрий Нагибин, Андрей Нуйкин, Булат Окуджава, Валентин Оскоцкий, Григорий Поженян, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Александр Рекемчук, Роберт Рождественский, Владимир Савельев, Василий Селюнин, Юрий Черниченко, Андрей Чернов, Мариэтта Чудакова, Михаил Чулаки, Виктор Астафьев».

Как все помнят, своего шанса их «юная» «демократическая» власть не упустила. Танковые залпы по московскому Белому дому подвели черту под идеологической истерией перепуганных либералов. (Непонятно только, почему их письмо названо «обращением к согражданам», тогда как обращались они к Ельцину и к самим себе.) Невинные жертвы двухдневного расстрела стали платой за их страх, за их ненависть к нам, за их «великую демократическую революцию» — то есть за беспросветное, разрушительное, гибельное для страны «перестроечно-реформаторское» пятнадцатилетие.

А все-таки есть нечто предопределенное в том, что эти подписанты отметились под своим мерзопакостным «обращением». Теперь это уже история. Как не вспомнить еще одну русскую пословицу: что написано пером — не вырубишь топором. Кто-то из них сейчас, возможно, хотел бы вымарать, изъять свою фамилию из этого списка. Но тщетно. Они навеки подписали себе исторический приговор (да мы и не слышали слов раскаяния ни от кого из них). Этим своим письмом они навсегда лишили себя права говорить о нравственности, доброте и сострадании. Напечатанное в октябре 1993-го в «Известиях» обращение к Ельцину — прямое доказательство их нравственного одичания.

*Сентябрь 2002 («Московский литератор». 2002. №20.
«Молодая гвардия». 2003. №5-6)*

БЕЗ БОЖЕСТВА

В чём высший смысл творческой деятельности человека? Может, в отражении своего взгляда на окружающую жизнь, на те или иные предметы и явления бытия? Или в выражении своих чувственных ощущений по отношению к другим людям, к природе и событиям действительности? Или, может, в совершенствовании своего эстетического мироощущения? Все это, само собой, является необходимым условием и первой задачей любого творчества. Но только лишь условием и первой задачей.

Лев Толстой, размышляя о цели искусства, говорил о том, что цель эта будет достигнута тогда, когда читатель, зритель, слушатель начнет сопереживать вместе с художником. Да, конечно, в этом заключается сложнейшая задача искусства. Сложнейшая, но не главная и не конечная. Вернее сказать, в этом состоит только половина задачи любого творчества.

Все признают: талант, а тем более гениальность — это Божий дар. Слово — «высший подарок Бога человеку» (Н.В. Гоголь). И потому, хочу подчеркнуть, именно поэтому искусство, если оно искусство, а не баловство, не игра, принципиально должно быть подчинено **высшим религиозным задачам**. В деятельности художника, в конце концов, должен быть виден переход от эстетического мировоззрения к религиозному. Если этого не происходит, то можно сказать, что художник не состоялся.

Выше Бога нет ничего, и хотя бы только по этой причине религиозное чувство в человеке и в конечном счете в художнике выше и важнее чувства эстетического. К осозна-

нию этого в конце жизни пришел Пушкин («Веленью Божию, о муза, будь послушна...»).

Тут, правда, нужно обязательно оговориться: проблема эта крайне сложна и для любого художника таит в себе массу опасностей и соблазнов. Как уловить, как почувствовать ту тончайшую грань в органическом слиянии эстетического и религиозного чувства, за которой творчество как таковое уступает место морализаторству и назидательности? Об этой грани всегда помнил Достоевский. С этого пути в последнее десятилетие своей жизни сошел Лев Толстой, ударившись в ересь. Эта проблема стала причиной глубочайшего творческого кризиса у Гоголя, который и сгорел между этих двух огней — художественности и морали. Вся жизнь Гоголя — это мучительная борьба между чисто литературными и духовными устремлениями.

И все же. Знать и помнить о главной задаче искусства обязан каждый художник. В искусстве для человека, говорит Гоголь в повести «Портрет», заключен «намек о божественном, небесном рае». Искусство в понимании Гоголя, как и все прекрасное в этом мире, — есть отражение небесной гармонии, отблеск небесной красоты. И в то же время «нельзя служить и самому искусству, — как ни прекрасно это служение, — не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство...» — писал он в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность».

Но вот духовный отец Гоголя протоиерей Матфей Константиновский в беседах с писателем нередко говорил о «злоупотреблении дарованием». Это относилось даже и к Пушкину, у которого, по словам о. Матфея, «много хорошего, но много и греховного». По свидетельству современников, отец Матфей потребовал от Гоголя отречения от литературы и даже от Пушкина, дабы не соблазнять людей ложными путями к Истине под видом псевдохудожественности, так как истинная художественность исходит только из глубоко верующего сердца.

Такое вот предисловие, в котором я для серьезных литературных исследователей ничего нового не говорю, понадобилось мне после прочтения двух последних поэм Юрия Кузнецова «Путь Христа» и «Сошествие в ад».

На основании сказанного выше и переводя разговор о литературе и, в частности, о поэзии на уровень заданных

здесь приоритетов, необходимо сразу сказать, что и высшая цель поэзии — не эффектная строчка, не звучная фраза, не красивая или, наоборот, шокирующая метафора, главное в поэзии, как и в любом жанре творчества, — дух Истины, исходящий из созданного произведения, основанный на сознании художником правдивости, высшей подлинности того смысла слов, который он, автор, содержит в своем сердце и стремится донести до сознания других людей. То есть, проще говоря, истинный талант никогда не опускается до ложных смыслов и лживых фантазий, до любой, какой бы она ни была красивой и эффектной, неправды. Но ведь если с этих позиций, с этого уровня понимания поэзии посмотреть на то, чем занимается Юрий Кузнецов, то всем нам придется признать одно из двух: или те литераторы, которые объявляют его одним из «лучших», «талантливейших» и «самобытнейших» поэтов, лгут себе и другим, или они ничего не смыслят в природе творчества.

Ю.Кузнецова нередко называют мастером стиха. Ну что ж, может быть, так оно и есть. Но разве, как уже говорилось выше, **это главное** в поэзии? Разве **в этом** состоит основное качество таланта? Дьявол тоже чертовски мастеровит. И если Кузнецов за многие годы стихотворчества выработал собственный стиль и научился мастерски использовать метафору, сравнение, образ, инверсию и другие атрибуты стихосложения, то это вовсе не означает, что, будучи чертовски мастеровитым, он обрел истинный, глубоко органический и естественный русский талант, то есть стал поистине настоящим, национальным п о э т о м.

Можно сказать еще проще: когда в сердце поэта живет Бог, тогда и не может быть неправды в его творчестве, тогда он и не станет никогда плутать в дебрях никчемной ереси, какой бы «поэтически» впечатляющей она ни казалась. Но если Бога в сердце нет или почти нет (и значит, нет ощущения Истины и стремления к Ней), то все, что этот автор делает в стихах, — претенциозные словесные игры в расчете на такие же слабоверующие души и поверхностных, духовно необразованных «критиков». Необразованных — в том смысле, что не имеющих в себе Образа Божьего.

Но вернёмся к поэмам Ю.Кузнецова. Главный герой поэмы «Сошествие в ад» — автор. Христос же в ней выступает почти что в качестве экскурсовода: «А, это ты, — по-

дружески говорит Он то ли уснувшему, то ли умершему герою поэмы, с которым якобы общался еще при Своей человеческой жизни. — *Я попустил твой приход в Галилейскую Кану. Как бы иначе дорогу сломать ты сумел, Если бы воли превыше на то не имел?»* В этих словах нам открывается не просто давнее знакомство одновременно автора и героя поэмы с Сыном Человеческим, но и высшее произволение, то есть Божье указание на лицезрение как адовых подробностей, так и новозаветных событий, опять-таки по высшей воле изложенных Ю. Кузнецовым в другой своей поэме — «Путь Христа». Самоуверенный автор, судя по всему, всерьез вошел в роль нового апокрифического сказителя мук и славы нашего Бога.

Когда становится скучно среди земных проблем, когда кажется, что уже всё и обо всём сказано, тогда неудовлетворенная потребность к сочинительству толкает некоторых горделивых авторов к чему-нибудь необычайно заманчивому и таинственному. Большинству серьезных писателей для самовыражения обычно хватало земных, человеческих тем, но непомерные амбиции, подкрепленные высоким признанием «ценителей искусства», так и толкают отдельных слишком честолюбивых «художников» поиграть в «творческие» игры как с дьяволом, так и с Богом. К тому же дьявол сам то и дело выбирает и соблазняет этих гордецов замахнуться на что-нибудь подобное. И тогда обласканный «ценителями» автор берет в Иностранной комиссии Союза писателей командировку, чтобы пройти «путем Христа», а затем — заодно с распятым на Кресте Божьим Сыном — по-дружески побывать в «аду». Но что ему на этом «пути на Голгофу» и в этом «сошествии в ад» придет в голову, одному дьяволу известно. Неудовлетворенный стихотворческий зуд в подобных случаях, как правило, приводит к таким «поэтическим открытиям», «откровениям» и «прозрениям», рядом с которыми Апокалипсис Иоанна Богослова покажется легкой шалостью впечатлительного ума... Стихотворно, и, главное, «мастерски» оформленные, эти «открытия» затем, скорее всего, будут удостоены престижной литературной премии... Жаль только такой незначительной малости для «художника»: отягощенной дьявольским соблазном души. Да и денежки-то на премию в таких случаях подбрасываются все тем те вездесущим персонажем...

«Встань и сияй надо мною, звезда Вифлеема!» — отчеканит в начале своей поэмы наш горделивый автор. Кто-то из его «ценителей» наверняка отметит: как здорово сказано! такого еще не было в русской поэзии! Оно и правда: откуда этим обожателям «самобытного таланта» знать и как им догадаться, что звезда Вифлеема может сиять только над Христом и больше ни над кем?

Мне могут возразить: что, разве грех большой в новой форме отразить земной путь Христа и муки грешников в аду? Действительно, художник свободен в своем творческом выборе, запретных тем не существует. Разговор тут о другом — о нравственной зрелости души, о ее моральной готовности к подобной духовной работе. Потому что если такой готовности нет, то работа эта в лучшем случае превратится в пустой комикс, в худшем — в фантазийную ересь.

Чтобы браться за произведение о Христе, вовсе не обязательно ехать в Иерусалим. Съездить-то хорошо, только не обязательно. Но что нужно совершенно точно — это получить благословение на такой неимоверно ответственный труд православного духовника. И совсем не факт, что такое благословение будет дано. А если нет духовника, то надобно, чтобы он **был**. И только после этого, после благословения, — долго поститься, исповедоваться и причащаться к телу и духу Христа, чтобы смирить гордыню и по мере своих человеческих сил в наибольшей степени правдиво, а не придуманно и не произвольно пытаться отразить Его Путь. Хотя, конечно, любому из нас, «художников», изошряться в стихотворческих упражнениях, лучше бы все-таки не касаясь Божьего Сына. Для наших «художеств» существуют тысячи других тем и возможностей.

Не знаю, получил ли Ю.Кузнецов благословение, но Христова тема, как он сам говорит, ему была задана «превыше». И вот он на дружеской ноге с распятым Богом («А, это ты...») опускается «под Вселенную». И, естественно, очень скоро встречается с сатаной:

...И вот перед нами
Тень показалась, как туча в удушливый день.
Тень приближалась — косматая страшная тень.
...Это был Левиафан! И ударом хвоста
Ад всколыхнул и обрушил его на Христа.

Молнии злости Христа оперили, как стрелы,
Он их стяхнул — и зеленую ветку омелы
Бросил в противника острым обратным концом.
Пал Сатана на колени и рухнул лицом.

Не могу сказать, сколько в процитированных строчках поэтического мастерства и художественности, потому что ничего этого здесь просто не вижу (особенно в «обратном конце» ветки омелы), но то, что более чем на картинку из комикса описанная сцена не тянет, наверное, понятно без лишних объяснений.

Данте не случайно свое путешествие в ад назвал «Комедией». Он, в отличие от современных пиитов, прекрасно сознавал хоть и «божественную», но все же комедийность этих видений или, по-нынешнему говоря, их мультипликационность, тогда как наш высокопризнанный «художник» слишком уверовал в **серьёзность** собственных фантазий. Вот как, к примеру, описана встреча в аду с христианским святым, жертвой коварства Иоанном Предтечей. Встреча эта начинается со слов Крестителя:

Боже! Прости, что я был одинок головою.
Только в аду дождалась она встречи с тобою, —
Глянул на голову Бог и во имя свое
Взял и поставил на прежнее место ее.
И приросла голова...

Автор словно заставляет нас забыть о том, что в ином мире, в том числе и в аду, пребывают не физические тела людей, но их души. И вряд ли душа будет и там находиться с отрубленной головой... Но чтобы еще голове и «прирастать», как на физическом теле!.. (Даже не хочется долго говорить о другой фактологической «мелочи» для Кузнецова: оказывается, только в аду голова Иоанна Крестителя «дождалась встречи» с Христом. В земной жизни, выходит, они не виделись.) Опять нам показывают комикс, мультфильм. Тут можно уже уверенно сказать: автор поэмы не имел благословения от православного духовника.

«Этого нет ни у Пушкина, ни у Лермонтова!» — воскликнул в «Дне литературы» один из обожателей и эпигонов Кузнецова. В том смысле, что не брались великие поэты за подобные темы. И слава Богу, что не брались, — только и

остается сказать. Не было у них потребности писать собственное Евангелие и при жизни опускаться в ад. Не стоит живому «художнику» торопиться сойти в преисподнюю. У всех у нас имеется такая перспектива в близком будущем, не надо подгонять судьбу и ход событий. Душа ведь может оттуда и не выйти — остаться там навсегда. Даже самообольстительная «дружба» с Божьим Сыном не поможет. Только Ему, единственному на свете, удалось преодолеть врата ада. И это не шутки. Что дано Христу, не под силу «человекам», даже если они и «высокопризнанные художники».

Однако наш автор непомерно увлечен своими фантазиями. Даже Гоголя широким жестом приближенного к Мессии он отправил на вечные муки:

Кто там летает и дует, как ветер в трубу?
 Это проносится Гоголь в горящем гробу.
 Раньше по плечи горел, а теперь по колени.
 Гоголь всё видит и чует сквозь вечные тени.
 Хлюпает носом огарок последней свечи,
 Словно хлебает кацап с тараканами ши.

Мы не можем знать, где будем после смерти — в аду ли, в раю... Но самоупоенно и самовластно рисовать картинку с «проносящимся в горящем гробу» Гоголем... — с автором «Светлого Воскресенья», «Исповеди» и «Размышлений о Божественной Литургии»... Который в течение двух недель перед смертью строжайшим образом постился, соборовался, говел и приобщался Святых Христовых Таин... За такие вещи современному «художнику» уж точно ада не миновать.

Еще раз повторю, никто не знает, что нас ждет на высшем Суде. Но самовольно, вместо Христа и отвергая Божью милость, назначать места и определять участь людей в ином мире — это, по меньшей мере, глупо. А по большей... Впрочем, не будем уточнять.

В кузнецовском аду собраны Иван Грозный, Шекспир, Данте, Гете, Гоголь, Денисьева с Тютчевым, Сталин и даже Павлик Морозов... Надо сказать, неплохая компания... И еще неизвестно, кем бы Кузнецов, будь его воля, заселил рай... С каждым из названных персонажей этого «ада» хотелось бы подольше побыть рядом. Не пожалел наш автор даже убитого ребенка — Павлика Морозова, который — не кто иной, как трагическая жертва большевистской пропа-

ганды. Но, кстати сказать, если уж Данте у него — в аду, то где же в недалеком будущем быть и нашему адоизобразителю?..

«Путь Христа», мысленно повторенный Ю. Кузнецовым в стихотворной поэме, как видим, не привел автора к необходимому и, в принципе, должному результату — к осознанию, к ощущению Бога в душе. «Художество» заслонило этот возможный результат. То есть главная цель искусства, о которой было сказано в начале этой статьи, не была достигнута. Но ради чего писалась поэма? Ради того, чтобы в очередной раз зарифмовать новозаветные тексты и апокрифические легенды (к примеру, миф об Агасфере, укравшем чашу Грааля с кровью Христа)? Притом нередко значительно ослабляя их, искажая, обедняя и эмоционально, и смыслово. Взглянем хотя бы на такие строки:

Дьявол отец ваш. И знайте: когда сей отец
Ложь говорит, он свое говорит, ибо лжец.
Лжец и отец всякой лжи и любого сомненья!.. —
Громко вопя, фарисеи взялись за каменья...

Этот довольно вялый, хоть и рифмованный текст не идет ни в какое сравнение по нервному накалу и убедительной резкости с истинными словами Христа, сказанными иудеям и запечатленными апостолом Иоанном: «Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи».

Для какой нужды переиначивать слова Христа на собственный лад, если в результате этой переделки они выглядят явно слабее и недостовернее? Да это и естественно. Сколько ни тужься, а лучше чем в Священном Писании не скажешь.

Хотя ради полной справедливости необходимо все-таки признать: поэма «Путь Христа» менее претенциозна и более правдива, нежели «Сошествие в ад», и потому она местами несет на себе отблеск Божественной истины, но в этом, думаю, заслуга не автора, а силы и энергии того высшего света, которые исходят от самого Евангелия. Там, где автор не отходит от смысловой истинности священных текстов, его поэтическое мастерство впечатляет и подни-

мается достаточно высоко. Однако, уточню еще раз, речь тут идет исключительно о мастерстве.

Ну что же, автор доказал себе и другим свои «поэтические» способности. Но одновременно он продемонстрировал и свою духовную незрелость, что для поэта намного печальнее.

Из пересказанного повествования Евангелия Ю.Кузнецов вообще не делает для себя никаких выводов (а такие необходимы, иначе для какой надобности современному автору стихотворно полностью пересказывать то, что всему миру сказали апостолы?), кроме обычного для него конечного самолюбования: «Отговорила моя золотая поэма, Все остальное — и слепо, и глухо, и немо» (концовка эта повторится и в поэме «Сошествие в ад»). Оно и понятно: «всё остальное», кроме кузнецовского, «немо». Надо полагать — даже само Евангелие, ведь получается, что **всё** остальное, помимо «золотой поэмы», — «глухо». А к Богу наш стихослагатель в конце концов обращается не с мольбой о спасении души и прощении грехов, но с самоуверенным уговором: «Дай мне великую старость и мудрый покой!» Именно так, с восклицанием: «Дай мне!» И даже скорое сфантазированное им «сошествие в ад», судя по той же, повторенной концовке, так ничему его и не научит.

2003 («Российский писатель». 2003. №10.
«Молодая гвардия». 2003. №11-12)

ВО ИМЯ ИСТИНЫ

В своей статье «Без Божества», опубликованной в «Российском писателе» (2003. №10), мне хотелось вывести разговор о поэзии и вообще о творчестве, об искусстве на тот уровень, на котором этот разговор обязан происходить, как и происходил он когда-то — более века назад. Я хорошо понимал, что у немалого числа литературных наследников безбожного двадцатого века подобный разговор вызовет резкое отторжение, так как способен разрушить сложившееся под влиянием атеистической критики устойчивое представление о воспетых этой критикой кумирах.

Новые поэмы Юрия Кузнецова мне понадобились вовсе не для развенчания, как решили некоторые, одного из таких кумиров, а лишь для красноречивой иллюстрации *отрицательной* творческой энергии, в угоду нашему беспринципному времени активно реализуемой на пространстве современной русской литературы под маской религиозности. Что из этого вышло — многие видели. Самые писучие литературные критики газет «Завтра» и «День литературы» кинулись «на защиту» своего кумира. Как будто от этого зависело понимание творчества как такового. Как будто Ю.Кузнецов — это мерило и светоч для всей нынешней поэзии... Однако смысл моей предыдущей статьи, а также стремление, вернее, попытка коснуться наконец темы первой, важнейшей для искусства остались ими как бы незамеченными. Чего так испугались наши вроде бы русские и вроде бы патриотические критики?

Владимир Бондаренко срочно записал и опубликовал в «Завтра» (2003. №33) беседу с Ю.Кузнецовым под названи-

ем «Во тьме ада». И хотя в беседе этой никто из них двоих ни словом не обмолвился о статье «Без Божества» (развернутый и прямой ответ готовился в «Дне литературы»), тем не менее при чтении ее текста возникало ощущение, что делалась она в пожарном порядке.

В предисловии к этой беседе В.Бондаренко все же не смог удержаться от казуистического выпада в адрес автора статьи в «Российском писателе», выпада, совершенно необъяснимого для читателей газеты «Завтра», не знакомых со статьей «Без Божества»: «Лишь неопиты от Православия, сменившие райкомы и обкомы на храмы, с комиссарской однозначностью сейчас изгоняют из своих рядов и Юрия Кузнецова, и Александра Проханова... С кем останется в русской литературе? Валерий Хатюшин при всем старании не заменит вам Юрия Кузнецова».

«При всем старании...» Фразочка та еще... Однако читателям «Завтра» было совершенно невдомек, почему именно Хатюшин должен кого-то заменять? Как будто мне делать больше нечего... Дай Бог со своим крестом управиться. Как-то мелко и недостойно пламенного и всеядного критика Бондаренко выглядел этот странный намек на ответ. Видимо, сильным было раздражение... Но вот за «неопитов от Православия» однако же я вынужден вступить. Потому что здесь у Владимира Григорьевича вышла большая неточность.

К Богу люди приходят разными путями. Серафим Роуз — тоже неопит, долго искавший истину в католичестве, в буддизме, в мусульманстве и нашедший ее только в православной вере. Но ведь он ее все-таки нашел, в отличие от наших «неоднозначных» критиков (воспевателей Мориц и Витухновской). И стал замечательным духовным писателем. Все мы после советских средних и высших школ — неопиты. А вот бывшая партийная номенклатура как была безбожной, так и осталась, и свои райкомы с обкомами она сменила не на храмы, а на коммерческие фирмы, заняв в них руководящие должности. Не знаю, возможно, Александр Проханов и состоял «в их рядах», но вот Ю.Кузнецов, смею думать, вряд ли. Эта райкомовская номенклатура о нем скорее всего никогда и не слышала при всей его критической раскрутке. И «заменить ей» Кузнецова кем-то другим — просто смешно. Никто из нас не имеет для нее вообще никакого значения.

В беседе Бондаренко с Кузнецовым речь в основном идет о поэме «Сошествие в ад», в которой слишком вольно разыгравшаяся фантазия автора отправляет героя поэмы (естественно, Кузнецова) пройтись по адовым кругам вслед за распятым Христом. «Вот находка для поэта!» — восклицает Кузнецов, самоуверенно оправдывая вольность своей фантазии тем, что «поэт всегда прав — эту истину я знал давно».

На протяжении всей беседы Ю.Кузнецов без тени сомнения излагает набор тех якобы «истин», которые кажутся ему бесспорными и которые лежат в основе всех его творческих порывов. Под словом «поэт», надо полагать, он подразумевает прежде всего себя... Поэтому, само собой, все остальные права быть не могут...

«В Евангелиях поэзии мало», — заявляет Кузнецов, мотивируя этим умозаключением свою попытку написать собственное, с избытком поэзии, «Евангелие». «Ленин и Сталин политики, а политикам одна дорога — в ад», — открывает Кузнецов еще одну свою «истину» внимающему критику, который молча как бы с этим соглашается. Ну что ж, тогда и мы поздравим собеседников с еще одной «находкой для поэта», намерившегося свой пусть даже не комикс, а игровой фильм про ад заполнить всеми русскими царями и святыми равноапостольными князьями — Владимиром Святославичем, Александром Невским и Дмитрием Донским. Ведь все они были политиками...

В.Бондаренко, увлекшийся многозначительностью беседы и словно не желая снижать ее пафос, задает вопрос в русле кузнецовского «жанра»: «Считаешь ли ты, что тебе дана воля свыше на эту поэму?» И наш «всегда правый поэт» с угрюмой серьезностью отвечает: «Выходит, дана».

Возможно, читатель в этом месте снисходительно улыбнется. И будет не прав. Во-первых, потому что не поэт. А еще потому, что его улыбку или даже усмешку после следующей цитаты сменит недоумение: *«...измерим уровень Тютчева по одному из лучших его стихотворений «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» Это молитва. Вот последние слова: «Ангел мой, где б души ни витали, Ангел мой, ты видишь ли меня?» Тютчев смотрит с земли на небо, но он не видит души Денисьевой. А моя поэма видит и его женщину, и тень от дыма при луне. Так чей уровень выше? Духовный*

объем тютчевского стихотворения тонет только в одном куске «Сошествия в ад». Воистину, себя любить не запретишь... (Это тебе, читатель, подарочек к 200-летию великого поэта.)

«Уровень» Тютчева, как должно быть известно в первую очередь критику Бондаренко, уже давным-давно измерен. В.В. Кожин, неимоверно много сделавший для известности Кузнецова, в своей книге «Тютчев» цитирует слова Достоевского о Федоре Ивановиче как о «первом поэте-философе, которому равного не было, кроме Пушкина». Здесь же Кожин приводит высказывание Льва Толстого с еще более высокой оценкой «измерения»: «Тютчев, как лирик, несравненно глубже Пушкина». Хотя бы уже исходя из этих оценок, не стоило бы Кузнецову задавать свой самовнушительный вопрос «чей уровень выше?» Можно себе представить, что скажет учитель (Кожин) своему «ученику», когда они встретятся где-нибудь в «аду»...

Но это еще не все. Бондаренко, не меняя возвышенного тона, вопрошает: «Как ты считаешь, почему тебя с такой мощной поэмой «сбросили в кювет»? И ответ продолжается в том же духе: «Они испугались мощи. Мощь поэмы чувствуется бессознательно... У нынешних критиков нет соответствующего культурного инструментария».

Нет, не напрасно моя прошлая статья называлась «Без Божества». Одним из признаков слабой веры или даже отсутствия Бога в душе является гордыня — вещь страшно опасная. В это слабое место в душе человека легко вселяется бес. Как известно, именно из-за гордыни произошло отпадение ангелов тьмы от Бога. Преувеличенная самооценка способна разрушить любую личность. Церковь учит: гордость и самолюбие возникают вследствие отсутствия в человеке истины и правды.

В конце беседы нас, точно залпами автоматического гранатомета, не сомневающийся в своей правоте поэт ошарашивает целой серией своих непререкаемых «открытий»: «Может всё только поэзия. Она начинается сотворением мира и кончается преставлением света...», подразумевая здесь Ветхий и Новый Заветы. Он уже забыл, как несколько выше изрек другую свою железобетонную «истину»: «В Евангелиях поэзии мало». Но слушаем дальше: «Гоголь перепутал жанры. И потерпел неудачу. Он заведомо был обречен

на нее. Это неудача жанра. Она стоила Гоголю жизни... А у меня с жанром все в порядке».

Видимо, нам, не имеющим «культурного инструментария», хотят тут намекнуть: вот если бы «Мертвые души» писались стихами и не Гоголем, а самим Кузнецовым, у которого с жанром «все в порядке», тогда бы... А то так... — получилась «неудача жанра». Вот только опять же непонятно, для чего Пушкин и Лермонтов, будучи гениальными поэтами, писали прозу? Наверное, все дело в том, что рядом не оказалось Кузнецова, подсказать было некому: мол, успокойтесь, ребята, поэзия может всё... Да и вообще, «Войну и мир» с «Тихим Доном» лучше было бы в стихах сочинить... И не кому-нибудь, а только Кузнецову. Больше некому. У всех «уровень» не тот. И он, возможно, еще напишет. Ведь с жанром у него «все в порядке»...

Думаю, в первую очередь дорога в ад уготована не политикам и «предателям» вроде Павлика Морозова, а тем, кто попусту разбрасывается самообольстительными «истинами» и произносит со страниц печати (из под «адского станка Гутенберга») бесконечные благоглупости.

Когда душу тянет «во тьму ада», когда она блуждает в этой тьме, словно во сне, тогда и зарождаются в душе, как соблазн, как дьявольская прелесть, ложные открытия и бредовые фантазии, кажущиеся кому-то захватывающим откровением. Не стоит нам увлекаться адскими игрищами. Творческому человеку гораздо плодотворнее и спасительнее находиться не «во тьме ада», а на свету Истины — той, которая исходит не из горделивого сознания «всегда правого поэта», а от Отца, Сына и Святого Духа.

Современная литература, как и сопутствующая ей критика, блуждающие в потёмках греховной жизни, к нашему общему несчастью, давно утратили традиционное религиозное самосознание, которое в прежние времена сдерживало творческую личность от гордыни и самоупоения. Теперь во главу угла в писательской работе поставлена «свобода творчества», и именно такой подход к литературной деятельности, именно такой взгляд на искусство вот уже более века считаются в творческом окружении наиболее перспективными и единственно верными. Но «свободное творчество» — это «творчество», освобожденное от Творца.

Многие литераторы забыли, а кто-то и понятия не имеет, даже слушать не желает, что существует и всегда существовала литература другая — духовная, открытая горнему свету и прозревающая высшую Истину.

Современная, светская литература, названная Иоанном Кронштадским *отрицательной*, идет от человеческого ума и сердца, погруженных в «бездну» неудержимых фантазий. Другая же, идущая от Святого Духа, создана великими отцами Православной Церкви. Она никогда не конкурировала со светской литературой и смотрела на нее со снисхождением как на баловство несмышленных детей.

Святитель Игнатий Брянчанинов по прочтении гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями» говорил в одном из своих писем: в книге *«виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но в деле религии этого мало... Можно сказать, что книга издает из себя и свет и тьму. Религиозные понятия — неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного. Он писатель, а в писателе непременно от избытка сердца уста глаголют... Тут между многими правильными мыслями много неправильных... Советую всем друзьям моим заниматься по отношению к религии единственно чтением святых Отцов, стяжавших очищение и просвещение по подобию апостолов, потом уже написавших свои книги, из которых светит чистая Истина и которые читателям сообщают вдохновение Святого Духа...»* Кстати, Н.В. Гоголь вполне согласился с мнением архимандрита Игнатия.

Я здесь не навязываю мысль непременно измерять и направлять свои творческие способности по книгам духовной литературы. До этого всем нам нужно еще расти и расти. Но хотя бы знать о такой литературе, интересоваться и по возможности насыщаться ею, уверен, обязан каждый русский писатель.

Какая литература человеку важнее — зависит от самого человека и от общества, в котором он живет. В секуляризованном обществе, каковым мы до сих пор являемся, конечно, на первом месте стоит литература «душевная», отвечающая приземленным, чувственным потребностям как широких масс населения, так и отдельных «творческих личностей». В христианском же обществе, какой была Рос-

сия до XX века, не говоря уже о Святой Руси, духовная литература являлась главнейшей и неоспоримой. И вот теперь мы, оторванные от тысячелетней духовной литературной традиции, в течение ста с лишним лет погрязавшие в суесловие, высокоумие и самомнение, в конце концов сами себя погрузили во тьму придуманного ада (одновременно подразумевая под ним и нынешнюю жизнь) и самообольстительно думаем, будто «уровень» наших «художественных» потуг достиг каких-то необозримых высот...

«Культура», не ведущая к Богу, — это и есть *отрицательная* или *анти* «культура». Но в понимании Бога для нас тоже существует большая проблема. Ныне среди русских людей столько разнообразного мышления и вольных представлений о Боге и к тому же столько упорства в невежестве, что порой хватаешься за голову... И даже умные люди подчас хотят казаться умнее предков...

Многие из нас внушили себе, что антикультура существует где-то там, вне нас, у евреизированных либералов (честно говоря, в том стане нет даже и этого, там присутствует только самая примитивная халтура для идиотов и откровенный сатанизм). Но многие из нас — ошибаются: антикультура давно уже овладела русским лагерем и подчинила себе большую часть наших умов. Атеистическое образование ни для кого не прошло бесследно и породило свои ядовитые плоды в сердцах изначально одаренных людей. Сможем ли мы преодолеть последствия воинствующего атеизма — трудно сказать.

Но вернемся к первоначальному разговору. Смоленский критик Олег Дорогань свою статью в «Дне литературы» (2003, №8) назвал так: «Между миром и Богом. В защиту Юрия Кузнецова». Оказывается, защищать нам нужно не Тютчева и Гоголя от Кузнецова, а наоборот. Оно и понятно: *находящийся между миром и Богом* оказался в опасности...

В статье «Без Божества» я пересказал известный факт влияния на внутренний мир Гоголя его духовного наставника протоиерея Матфея. И Олег Дорогань чуть ли не с рапповской прямоотой ухватился за этот неприемлемый для него исторический пример: «Как хорошо, — радуется он, — что рядом с Пушкиным не оказалось такого духовника, невольного инквизитора отечественной литературы. А то не досчиталось бы человечество многих шедевров рус-

ского гения». Ну, к примеру, добавим мы, «Гавриилады» и «Тени Баркова», коих Пушкин стыдился в позднейшие свои годы.

Вот он, ярчайший пример плодов секуляризированного воспитания и извращенного сознания современной критики. Известно, что Гоголь сам добивался знакомства с отцом Матфеем — именно с **«таким»** духовником. Сохранилась их переписка, которой Гоголь необыкновенно дорожил, и все письма к нему отца Матфея всегда носил с собой. Одно из своих писем он заканчивает такими словами: «Обязанный Вам вечною благодарностью и здесь и за гробом весь Ваш Николай». А в письме к графу А.П. Толстому Гоголь так отзывался об отце Матфее, этом, по определению Дороганя, «инквизиторе отечественной литературы», и о его духовном руководстве: «По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал, и если я спасусь, так это, верно, вследствие его наставлений...»

Мы можем только сожалеть, что рядом с Пушкиным не оказалось в последние годы **такого** духовного отца. Случись это — и не погиб бы он, убитый морально, в 37 лет, и имело бы человечество новые шедевры русского гения. В конце жизни Пушкин сам ратовал за строгую нравственную цензуру, и его личным цензором, как мы знаем, был Царь. Не обошлось тут и без курьеза. «Гоголевские-то «Мертвые души» не вернешь», — сетует критик, мысленно обвиняя отца Матфея в предании огню Гоголем второго тома романа, в то время как защищаемый им поэт даже первый том «Мертвых душ» считает большой «неудачей жанра»...

О.Дорогань безоглядно, как в полымя, ринулся «на защиту» Ю.Кузнецова, словно того хотят отлучить от литературы. И вот критик со страстью повторяет нам, доказывает, внушает, что защищаемый «поэт-философ» «проник в метафизику, в подспудное и надчеловеческое», что в его поэмах «речитатив соединен с гомеровским гекзаметром» и что это «получилось органично», что «библейские сказания зазвучали по-новому», что «образный ряд поэм зиждется на образах-архетипах и на метатропах», что «каждый образ текуч и тяготеет к символу» и т.д., и т.п. Так кто же с этим спорил? Наоборот, мастерство кузнецовских поэм в целом мною признавалось. Речь в моей статье шла совсем о другом.

Не могу сказать, что О.Дорогань неубедителен. Он во многом убеждает, и, наверное, немалое число читателей убедил в своей правоте относительно поэтических возможностей Ю.Кузнецова. И тем не менее мы с ним говорим о разном. Он — о стихотворчестве, о мастерстве, подчеркну, со знанием дела. Я же — о Боге в творчестве, о нравственном выборе художника, об ответственности поэта и его моральном праве разговаривать с Богом на равных. И вовсе я не хочу утверждать, что такого права у поэта нет. Светская литература нас к такому праву приучила, хотя Церковь говорит о другом.

Истинное творчество (особенно литературное) происходит от Божьего Слова. Художник творит искусственный мир, уподобляясь Творцу, и он должен всегда помнить о том, кто наградил его этим даром. Чем дар больше, тем больше им нужно дорожить, и не гордиться этим. Потому что гордиться по большому счету нечем. Мы многое можем, но проникнуть в сущность Бога нам не дано.

Никто не может запретить Ю.Кузнецову писать поэмы о Христе. Наверное, скоро он нам представит новую свою стихотворческую работу под условным названием «Вознесение в рай». Но опять же это будет очередная и, конечно, очень мастеровитая фантазия поднятого критикой на шит современного «поэта-философа». И О.Дорогань напишет на нее развернутую, профессионально добротную апологетическую рецензию. И большинство читателей порадуются «новой удаче» неординарного автора.

Статья моя была о грехе гордыни. Когда через две тысячи лет после рождения и воскресения Христа кто-то делает Бога персонажем своих фантастических «произведений», — это и есть грех гордыни. Потому что мы все время забываем о том, что речь идет о Боге. Это Он однажды всех нас сделал персонажами человеческой истории. И вот теперь мы возомнили себя творцами Бога. А литературные критики с профессиональным знанием своего дела объясняют неразумным читателям, как хорошо, как умело и с какой бездонной глубиной это всё нами придумано. Не случайно же слово «искусство» имеет корень «искус», то есть грех. И чтобы творчество не стало грехом, духовная литература давно отвела на этот вопрос: «Божественная цель слова в писателях... — спасение человеков» (Игнатий Брянчанинов).

Мы и без того стоим на пороге последних времен. В новых наших паспортах уже начертано число Зверя. Мир уже «опутан паутиной» Интернета, как и предсказано в Библии. И третий, и четвертый Ангелы уже вострубили. Прочтите Апокалипсис.

Но критика в лице Дороганя нас все еще учит, как в партшколе: «Догматы церкви оставим на совести духовных особ. И не следовало бы их переносить на современное искусство». Для мира, видите ли, важнее всего это «современное искусство»...

Хватит нам из возгордившейся литературы делать фетиш. Она принесла людям столько же пользы, сколько и вреда. Нынешнее оголтело безнравственное телевидение — это в большой степени продукт литературы для масс. Потому и погряз мир в разврате и цинизме, что им отвергнуты религиозные постулаты, названные критиком «инквизиторскими». Потому и стало искусство отрицательным, что лежат невостребованными книги православных духовных наставников, в которых всё давно сказано просто и ясно: *«Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут... Когда усвоится таланту Евангельский характер — а это сопряжено с трудом и внутренней борьбой — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято»* (Игнатий Брянчанинов). Не такое ли наставничество, по мнению нашего критика, является «инквизиторским омертвлением»?

Олег Дорогань почему-то решил, что природа творчества «заключена в духовной бездне». (Ему необыкновенно понравилось это словечко «бездна», в своей статье он повторяет его в разных контекстах более тридцати раз.) И приходится напоминать нашему критику: поосторожнее надо бы заигрывать с «безднами». В «духовной бездне» чаще всего обнаруживается присутствие дьявола, и в реальности именно оттуда исходит антитворчество. Читаем в Откровении Иоанна Богослова: *«И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть дьявол и сатана, и сковал его на тысячу лет, И низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже наро-*

ды...» Но даже через две тысячи лет после изречения этих слов все еще находятся лжеучителя, прельщающие народ всевозможными безднами, в одной из которых, оказывается, таится «природа творчества».

О.Дорогань до того загипнотизирован игрой воображения автора поэмы «Путь Христа», что не способен разглядеть всей искусственности, всей натянутости ситуации, когда «мастер стиха» восклицает: «Встань и сияй надо мною, звезда Вифлеема!» Критик удивляется моему недоумению: «Позвольте, а над самим Вифлеемом, над матерью Иисуса, над волхвами.., над всеми людьми — она что, не сияла?»

Вот в этом всё и дело. Вот здесь и проходит пропасть или «бездна» между нашим с Дороганем пониманием природы творчества. Его очищенный от духовной традиции взгляд не улавливает подмены: в кузнецовской поэме выступает не Бог, а персонаж под именем Христа, не более того. А если над этим персонажем в поэме сияет какая-либо звезда, то почему она, по Дороганю, не может сиять и над автором? Ну не укладывается в секуляризованном сознании такая истина: да, конечно, те, кто реально, а не придуманно окружал новорожденного Христа, видели звезду Вифлеема, но она сияла не **ради** них и не **над** ними. Она сияла над Христом (над Божьим Сыном) и ради Христа. И возглас современного стихотворца «сияй **надо мною**, звезда Вифлеема!» звучит кощунственно и означает не что иное, как слабую веру в Бога, даже если обласканный славой пиит сумел мысленно перенестись в эпоху двухтысячелетней давности. Для того человечество и прожило эти две тысячи лет после рождения Божьего Сына, чтобы в конце концов о с о з н а т ь, кто Он и что Он для нас.

«У каждого человека своя бездна» — продолжает мудрствовать критик. Да, конечно, — нужно тут добавить. У каждого человека своя бездна греха. Отчего мир и движется к своему окончанию — к губительной бездне. И чтобы греховному человеку спасти душу и чтобы этой греховной душе после действительного пришествия Христа не оказаться «в озере огненном», надо быть твердым в единственно истинной православной вере и до самозабвения не поклоняться умозрительным, хоть и поэтически эффектным, безднам.

Пусть сколько угодно современные «поэты-философы» «проникают в метафизику, в подспудное и надчеловеческое». Пусть даже эти свои «творческие поиски» они упаковывают в собственную универсальную религиозность. Никто не запретит. Их, очень свободных «поэтов-философов», всегда тянуло к мистике, к метемпсихозу, к адским безднам. Однако надо понимать, что мистика и подлинная религиозность — не идентичны и часто ведут в разные стороны. Мистические рифмованные фантазии с именем Христа — это не вера, это сектантство, бесовская прелесть, горделивое умствование, что угодно, но только не православная вера. Вот то главное, о чем хотелось мне сказать.

Православие — это не одна из религиозных конфессий. Оно даже не конфессия. Православие — **единственный** путь к спасению. Можно до хрипоты кричать о догматичности и ортодоксальности подобного убеждения. Пусть маловерные кричат сколько угодно. Но Православие — единственный путь к Богу. За это Христос взошел на Голгофу. За это солдат Евгений Родионов не снял с шеи креста и был обезглавлен чеченцами.

Пусть никто не подумает, что здесь происходит спор о поэмах Ю.Кузнецова. Это не спор. О его поэмах я всё сказал в предыдущей статье. Это другой, в отличие от Кузнецова и Дороганя, мировоззренческий взгляд и другой подход к творчеству.

2003 («Российский писатель». 2003. №18)

P.S. Мои предостережения о том, что очень опасно при жизни погружать себя в ад, к глубокому сожалению, оказались провидческими. Эти самоуверенные стихотворные игры с Богом и дьяволом закончились для Юрия Кузнецова слишком печально.

18 ноября 2003 г.

ТЩЕТА КРИТИКИ

Как в искусстве самый низкий жанр — эстрада, так и в литературе самый низкий жанр — критика. И пусть В.Бондаренко не обольщается тем сознанием, что «критика — это литература!», так как она (критика) призвана не создавать, не творить подлинную литературу, а обслуживать ее.

Лишь малоодаренные литераторы, вступившие на критическую стезю, то есть не художники по своей природе, задерживаются на этой стезе надолго. Талантливый человек не может не развиваться, не расти творчески и духовно. И потому многие из тех, кто занимался когда-то критикой и литературоведением, пошли дальше, вырвались из узких литературно-критических оков. Одни посвятили себя историческим исследованиям (Кожин), другие ушли в историко-философскую публицистику (Глушкова, Казинцев). Они научились видеть шире и глубже, их стали волновать более серьезные, более глобальные проблемы, вставшие перед страной. А критика была для них всего лишь стартовой площадкой в мыслительной работе. Бондаренко же не захотел или не сумел свернуть с наезженной колеи. Да и, видимо, незачем ему было: набил руку на легковесной писанине, да и газету получил для себя — зачем что-то менять?

Вот и клепает он статью за статьей про всех подряд — от И.Тюленева до Е.Рейна. Уже до пенсионного возраста дожил, а всё нахваливает еврейских бездарей и русских графоманов. Не надоело, Владимир Григорьевич? Или ничего другого делать не умеешь? Что, очень хочется хоть каким-

то боком зацепиться в литературе? Не отсюда ли это твоё самовнушение: мол, без критики не было бы литературы. Надо же додуматься до такого!

Да, я и сам писал критические статьи, вызывавшие, кстати сказать, острую полемику и скрежет зубовный у наших идеологических противников. Хотя критиком никогда себя не считал. Сказал всё, что хотел сказать в этом жанре, и ушел в публицистику, потому что в стране начались великие трагические события. В литературе к тому времени уже никаких великих событий не происходило, ни в поэзии, ни в прозе. Страна погибала, враг изнутри раздирал Родину, а большинство российских писателей продолжало что-то трусливо мямлить. Бог знает о чем, но только не о постигшей нас катастрофе. А о внутренних врагах Родины они до сих пор боятся правду сказать. Между прочим, это является и причиной и фактором того, что народ позволил нашим врагам разрушить страну.

Какая сейчас может быть литературная критика?! И дело даже не в том, что не создано в последние годы великих произведений. Беда современной литературы в другом: она всё еще живет по старинке, смотрит на мир и оценивает его через прошлые, советские представления. Она пока еще не способна точно отразить произошедшее с нами и со страной. Современные писатели за редким исключением боятся говорить всем видимую правду, не решаются называть вещи своими именами. «Зачем мне это надо? — думают многие. — Не дай Бог войти в список одиозных авторов, тогда совсем кислород перекроют... Пусть там Хатюшин с Борисом Мироновым врагов России по именам называют, а мы посидим в кустиках, подождем, когда власть сменится». И лудят стихотворцы, как тридцать лет назад, безобидные стишата про березки, про облака, про речку и деревенских петухов, а кто-то и про Париж... И журналы с удовольствием их публикуют — проблем меньше. А писательские организации с такой же легкостью раздают им премии. Ну не смешно ли это — премия Александра Невского за стишки про осинки и лопухи?

Это как если бы Москва была взята нацистской Германией, а российские писатели спокойно обсуждали бы проблемы литературной критики, которая, в свою очередь,

благоволила бы к прозаикам и поэтам, восхищающимся красотами природы. А ведь «пятая колонна» демократов сделала все то, что мечтал сделать на нашей земле Гитлер.

Тридцать лет назад можно было и критиковать, и поддерживать подобную поэзию, забываемую безродными «метафористами». Но сейчас-то какой в ней прок на фоне убывания населения по миллиону в год? В скором времени все эти березки и речки перестанут нам принадлежать, ни деревень не будет, ни петухов. И нужно наконец понять, что при подобной приспособленческой литературе, сторонящейся народного горя и не решающейся говорить о главном, власть не сменится.

Так вот и приходится Бондаренке из статьи в статью прославлять Бродского и Юнну Мориц, присовокупив к ним Ю.Кузнецова да вытасченного недавно из небытия полуграмотного стихоплета Олега Григорьева. Ну не разбирается наш «критик» в поэзии, не дано ему это. Но очень хочется закрепиться в литературе, точнее, как сказал о нём когда-то В.Бушин, «всосаться» в нее.

Мне скажут: есть Проханов, есть Распутин и Личутин... Да, есть. Хорошие, сильные писатели. Да только давайте честно скажем: великих произведений они не создали. Крепкая распутинская повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» всё же главных врагов страны не показывает, молчит о них. И такова, к сожалению, тенденция всей современной литературы — молчать о главном. А отслеживать в наше время так называемый «литературный процесс» — удел критических посредственностей. Пусть они этим и занимаются.

Лучшая, наиболее серьезная критика исходит из-под пера самих прозаиков и поэтов. Художникам в истинном смысле этого слова не нужно суетиться, не нужно спешить с оценками, их критические работы, как правило, лишены тенденциозности и, одновременно, не являются для них смыслом жизни. Они способны оценить произведение именно взглядом художника, и потому их взгляд всегда интереснее мнения чистого критика.

Наша литература находится в каком-то двусмысленном положении: с одной стороны, все понимают, что произошло и что происходит с нами и со страной, но с другой стороны, писать об этом — лучше не надо. Потому что, видите

ли, власть нам может отказать в премиях. И при этом хотим признания народа...

Критика становится литературой лишь тогда, когда есть эта самая Литература с большой буквы. Когда же ее нет, то критика превращается в никчемную подёнщину, скатывается до вымученной рецензионной болтовни, которую никто не читает.

*2005 («Казачий Спас». 2005. №8.
«Патриот». 2005. №43.
«Дуэль». 2005. №49)*

С ПЕЧАТЬЮ «ВЕЛИЧИЯ»...

Во втором номере «Нашего современника» за 2006 год опубликованы письма Юрия Кузнецова поэту Виктору Лапшину, живущему в г. Галиче. Видимо, редакция «НС» решила, что каждое слово Ю. Кузнецова крайне ценно для современной литературы, и теперь можно и нужно печатать абсолютно всё, что им когда-то было написано и сказано. Понятно, что В. Лапшину захотелось таким вот способом повысить собственную значимость в глазах читателей, но вот зачем это нужно было «Нашему современнику» — не понятно.

Еще при жизни Кузнецова в русских литературных кругах почему-то очень многие совершенно искренне считали, что критиковать его никому не может быть дозволено. А уж теперь, после его смерти, — и подавно. Тем не менее они же, его защитники, с понимающей улыбкой воспринимали его собственные выпады — и в сторону классиков русской литературы, и в сторону современников. И ныне эти выпады, характеризующие в первую очередь самого автора, продолжают публиковаться. Открываем «Наш современник» и читаем.

04.06.1985. «Тютчев косноязычен. Свидетельство тому стихи: «Силенциум», где он нарушает ритм. Пигарев, который вел семинар по Тютчеву во время моего пребывания в Литинституте, находил, что такое нарушение ритма — загадочное своеобразие поэта. Какое к черту своеобразие! Косноязычие».

15.09.1987. «Книгу Глушковой я не читал и читать не намерен (речь идет о книге критики «Традиция — совесть поэзии». — В.Х.). Мне, однако, приводили по телефону ее пассажи. Да, пышет ненавистью и корчится на месте, ужа-

ленная тарантулом злобы ко мне. Это вполне объяснимо по мелкости ее женской природы».

16.12.1988. «Немного насчет Котюкова. Я разорвал полгода назад всякие с ним отношения. Я его много раз предупреждал раньше, чтобы он не ныл и не злобствовал по любому поводу... Как только он входил ко мне в дверь, то первое слово начинал с нытья... К тому же он стал дельцом. Я не стерпел и выгнал его. Он стал меня называть негодяем, так мне передавали».

25.02.1995. «Небезызвестная тебе Баранова-Гонченко, которой ты сдуру посвятил стихи, стала рабочим секретарем в СП РФ. И теперь выступает на всяких сборищах. Очень глупа».

22.02.1999. «Не знаю, следишь ли ты за «Нашим современником», хотя бы в уездной библиотеке, но я в прошлом году три раза в нем печатался. В №4 — перевод «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (думаю, перевод превосходит подлинник)...»

30.03.2000. «Посылаю газету с моей поэмой. На прописные буквы не обращай внимания, кроме как в начале. Идиот Бондаренко своевольно ввел прописные буквы, и в двух местах вышла на Христа пародия...»

Сначала хотелось бы поподробнее рассмотреть первый кузнецовский выпад в этой переписке — по отношению к очень известному стихотворению Ф.И. Тютчева «Silentium!» («Молчание!»), написанному автором в 1830 году, когда ему было 26 лет.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей

Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

Как легко догадаться, «косноязычие» Тютчева наш критик усмотрел, точнее, услышал в непривычных для слуха ударениях в словах «заход^ят», «звезд^ы» и «разгон^ят». Но, во-первых, при таких ударениях в этих словах никакого нарушения ритма стихотворения не происходит (сомневаюсь, что Кузнецов этого не понял). А во-вторых, надо сказать, что в XIX веке, особенно в первой половине, очень многие поэты довольно часто меняли привычное для нас ударение в словах (именно для сохранения ритма). Подобные вольности нередко можно встретить и у Пушкина, и у Лермонтова, и у других поэтов того времени. И уж косноязычием это никак нельзя называть.

Но самое главное заключается в другом — в том, что через три года, в 1833 году, Тютчев опубликовал в газете «Молва» новый вариант этого стихотворения — более органичный для восприятия современным поэтическим слухом:

Молчи, скрывайся и таи
И мысли и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
Встают и кроются оне,
Как звезды мирные в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум —
Их оглушит житейский шум,
Разгонят дневные лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

Почему-то почти во всех посмертных книгах Тютчева стихотворение «Silentium!» печаталось только в первона-

чальном варианте, хотя и логичнее и правильнее было опубликовать его в более позднем, исправленном виде (странно было бы предположить, что Кузнецов, являясь руководителем поэтического семинара Литинститута и ВЛК, не знал о существовании другого варианта одного из самых известных стихотворений Тютчева).^{*} Но как бы там ни было, в любом случае «косноязычие» Тютчева и «нарушение ритма» — не что иное, как слишком зазнайская и вульгарная выдумка обласканного «Нашим современником» поэта.

Нельзя тут не напомнить о том, что и в дальнейшем он не оставлял своих попыток принизить значение великого русского классика поэзии. Мне уже приходилось в статье «Во имя Истины» («Российский писатель». 2003. №18) цитировать другое высказывание Ю.Кузнецова на этот счет. В беседе с В.Бондаренко, опубликованной в газете «Завтра» (2003. №33), он таким образом возвышал себя над поэтическим уровнем Ф.И. Тютчева: «...измерим уровень Тютчева по одному из лучших его стихотворений «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.»... Тютчев смотрит с земли на небо, но он не видит души Денисьевой. А моя поэма видит и его женщину, и тень от дыма при луне. Так чей уровень выше? Духовный объем тютчевского стихотворения тонет только в одном куске «Сошествия в ад». И самое интересное — то, что Бондаренко с таким умозаключением скромно согласился.

В первом полном собрании стихотворений Ф.И. Тютчева, вышедшем в 1966 году, в примечаниях к стихотворению «Silentium!» говорится: «Silentium!» было любимым стихотворением Л.Н. Толстого. Он часто читал его вслух наизусть. «Что за удивительная вещь! — сказал он однажды А.Б. Гольденвейзеру. — Я не знаю лучше стихотворения». Не мог Толстой предположить, что придут времена, когда неприкасаемый автор с печатью прижизненного «величия» на челе назовет его любимого поэта косноязычным.

Но эти заметки будут неполными, если не привести в них примеров подлинного стихотворного косноязычия, упорно не замечаемого современной критикой: «Так в твою пасть был я брошен судьбой на пути», «Кость вырывали у пасти твоей роковой» (это, между прочим, о «родной» жен-

^{*} В 1854 году Тютчев изменил, улучшив, и две последние строки этого стихотворения: «Дневные ослепят лучи: Внимай их пенью и молчи».

щине), «Высосан мозг, и в порожней кости иной раз...», «Брошенный буду мерцать среди горних светил...», «Среди них ты ходишь и живёшь, Как в гипнозе, слыша их галдёж». Все эти «твою», «среди», «иной», бесконечно употребляемые автором вместо ритмически правильных ударений в словах «твою», «среди», «иной» или словооборот «вырывали у пасти», красноречиво говорят о его поэтической глухоте и неряшливости языка. Тут впору воскликнуть его же словами о Тютчеве: «Так может нарушать грамматику только чужестранец!». К какому действию, переспрошу я еще раз нынешних критиков, относится выражение «как в гипнозе», стоящее между двух глаголов и выделенное с обеих сторон запятыми? — «живешь, как в гипнозе» или «как в гипнозе, слыша их галдеж»? Да-да, эти элементарные, школярские признаки стихотворного косноязычия принадлежат никому иному, как любимому автору «Нашего современника» (кстати, и опубликованные на страницах «НС»).

Юрий Кузнецов действительно был уверен в том, что его перевод «Слова о Законе и Благодати» «превосходит подлинник». Думаю, не сомневался он и в «превосходстве» над оригиналом своего слишком вольного переложения Евангелия, так как, по его словам, «В Евангелиях поэзии мало» («Завтра. 2003. №33»), не утруждая себя задуматься над тем, что и в первом и во втором случае труд его **вторичен**. И хоть признаёт он в некоторых случаях пародийность своего изображения Христа, но — исключительно по вине «идиота Бондаренко».

Чего уж тут говорить о Тютчеве и Гоголе, великую поэму которого Кузнецов назвал «неудачей жанра» («А у меня с жанром все в порядке» — не смущаясь, заверил всех нас он). Ну и с живущими ныне авторами вообще церемониться было ни к чему: Глушкова, «по мелкости женской природы», «ужалена тарантулом злобы»; Котюков — «злойный делец»; Бондаренко — «идиот»; а Баранова-Гонченко — «очень глупа». И русская пресса все это печатает.

Выходит, Кузнецову было позволительно принижать русских классиков, не говоря уже о современных авторах, а вот самого Кузнецова, как решили многие, критически трогать нельзя. Как же, он ведь у них — великий... Странная логика, очень странная. Но еще более странно то, что весьма многие с такой логикой согласились.

2006 («Казачий Снас». 2006. №4. «Дуэль». 2006. №21)

ПОЭТЫ БЕЛОЙ ГВАРДИИ

К русскому читателю наконец возвращаются имена и произведения замечательных поэтов, связавших свою судьбу с Белой армией. Только теперь мы можем сказать, что та, прежняя, Гражданская война закончилась. И если в русской литературе уже давно восстановлены погубленные большевиками Н.Клюев, С.Клычков, П.Васильев, то отчего же так надолго забыли про не менее значимых для нас выразителей русской души, не менее талантливых певцов России? Да, они были белогвардейцами и воевали против новой власти за иначе понимаемую свободу. И очень долгие годы их называли врагами. Но в их груди билось русское сердце, искренне любящее Родину, и в их венах текла родная русская кровь, помнящая подвиги наших великих предков. Их поэтическое слово должно быть также дорого русской литературе, тем более что художественные образы, созданные в свое время этими великолепными поэтами, для нас, нынешних читателей, — это совершенно новое, неожиданное, а для кого-то потрясающее **открытие**.

Наш долг восстановить справедливость и вернуть к духовной жизни замечательных русских поэтов — Арсения Несмелова, Николая Туроверова, Сергея Бехтеева, Ивана Савина, Марианну Колосову и других, исторгнутых из российской словесности на волне классовой вражды. Пора заговорить о них в полный голос. В противном случае Серебряный век русской поэзии теряет свою цельность.

Весь двадцатый век корыстно замалчивались великолепные поэты Белого движения. И всё же они пробились к нам

своими изумительными произведениями сквозь железобетонные заслоны космополитической пропаганды. Пришло их время в России, как когда-то (всего-то лет тридцать назад) пришло время Н.Гумилева, М.Булгакова, А.Платонова, М.Цветаевой, Е.Замятина... Правильно сказано: рукописи не горят. В пожаре Гражданской войны не сгорели, сохранились для нас их стихи, как бы ни хотелось кому-то другого.

В 2007 году я посмотрел новую и старую экранизации романа Шолохова «Тихий Дон» и поймал себя на мысли, что нет у меня сочувствия к красным командирам Кошевому и Штокману. Более того, к этой мысли привел меня сам Шолохов. Читая роман и смотря фильм, невольно чувствуешь, что писатель сердцем своим остается на стороне восставших донских казаков в ответ на террор большевистской власти. Конечно, «Тихий Дон» — это произведение советского художника, но трагедия разгрома белоказачества показана им с такой болью, с такой пронзительной остротой и с такой жалостью к своим землякам, что нормальный русский человек просто не может не испытывать этого сочувствия к ним.

Разглядел это в том числе и Фадеев, руководитель советских писателей. Он выступил против издания третьей книги романа Шолохова, настолько правдиво в ней показана страшная участь гибнущего донского казачества. И мы знаем, кто сказал: «Эту книгу издавать будем».

Одним из участников Донского восстания казаков в 1918 году был Николай Туроверов, входивший в атаманский отряд есаула Чернецова артиллерийской команды Донского корпуса. Наверное, более никто так, как он, не запечатлел поэтически донскую эпопею этого жуткого противостояния одного народа, расколотого на враждебные части. Стихотворная исповедь Николая Туроверова — это донская трагедия, художественно изображенная с другой, противостоящей стороны, до того ярко и волнующе отражены в ней чувства и чаяния тех русских, которые многие десятилетия считались врагами. Однако перед Отчизной и перед Богом они ведь, на самом деле, врагами не были. Но кто с нашей, с красной стороны, сразу после Гражданской войны смог это понять — так, как понял это и сказал об этом Н.Туроверов в стихотворении «Товарищ», в какой-то степени пророческом, обращенном не только к своему прямому противнику, но и к нам, ныне живущим?

Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
...Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?

Родился Николай Николаевич Туроверов 18 марта (по ст. стилю) 1899 года в станице Старочеркасской. Мать и отец происходили из старинных казачьих фамилий Области Войска Донского (во времена расказачивания и раскулачивания они сгинули в лагерях). После окончания Каменского реального училища он поступил добровольцем в лейб-гвардии Атаманский полк и ушел на фронт Первой мировой войны. Затем — ускоренный выпуск Новочеркасского военного училища и снова отправка на фронт в чине хорунжего. Был награжден орденами Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира. После Октября вернулся на Дон.

С Белой армией Н.Туроверов прошел всю Гражданскую войну. Был четырежды ранен, участвовал в знаменитом Ледяном походе (изначально называвшимся Кубанским степным), ставшим для него еще одним тяжелейшим испытанием:

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.
Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее — Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,

Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели,
Степной — за Россию — поход.

1-й Кубанский степной или Корниловский поход, названный впоследствии Ледяным, начался 9 (22) февраля 1918 года, когда под напором наступавших красных частей Добровольческая армия вынуждена была оставить Ростов и двинуться на Екатеринодар в надежде на поддержку кубанского казачества. Вместе с плохо вооруженной армией генерала Л.Г. Корнилова, насчитывавшей около четырех тысяч человек и состоявшей в основном из молодых офицеров, ушел обоз с женщинами, стариками и ранеными. Оставляя Ростов, генерал Алексеев писал в письме родным: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

Весь поход двигались степью, по снегу и грязи, в метель и дождь, пробиваясь вперед с непрерывными боями. Однажды добровольческие части после дождя, града и внезапно ударившего мороза покрылись коркой льда, отчего поход этот и стал называться Ледяным.

28 марта (10 апреля) корниловцы осадили Екатеринодар и начали его штурм. Но силы оказались неравными. Красноармейцы серьезно подготовились к защите города, обрушив на осаждавших шквал артиллерийского огня. Во время одной из этих атак, на пятый день ожесточенных боев, прямым попаданием снаряда был убит генерал Л.Г. Корнилов. Командование Добровольческой армией взял на себя генерал А.И. Деникин. С новыми боями, прорвав окружение красных, 30 апреля (13 мая) его армия вернулась на Дон. За 80 дней похода (более половины из которых — с боями) было пройдено более тысячи верст. Убитыми было потеряно около 400 человек и около 1500 человек было вывезено раненых. И все же Ледяной поход оказался не напрасным. Под Екатеринодаром произошло соединение армии генерала Корнилова с Кубанской Добровольческой армией. Благодаря этому в августе 1918 года в результате

2-го Кубанского похода под командованием генерала Деникина Екатеринодар был взят Добровольческой армией. В память о легендарном 1-м Кубанском походе был учрежден особый Наградной знак — Меч в терновом венце, ставший символом всего Белого движения. Удостоен был этой награды и Николай Туроверов.

В 1919 году, получив чин подьесаула, Н.Туроверов стал командиром пулеметной команды Атаманского полка. В 1920 году во время великого исхода на одном из последних пароходов врангелевской эвакуации вместе с женой, красавицей-казачкой, он покинул Россию. Его стихотворение «Крым», посвященное тем трагическим дням, потом будут цитировать и в эмиграции, и в Советской России, даже не зная, кому оно принадлежит:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Остальную часть жизни Н.Туроверов провел в эмиграции: первое время — на контролировавшемся французами греческом острове Лемнос, потом была Сербия, где у него родилась дочь, и наконец — переезд в Париж, где он окончательно обосновался и в 1928 году издал первую книгу стихотворений и поэм «Путь». По поводу нее литературный критик А. Краснощекин писал в парижском «Казачьем журнале» (1929. №6), особо выделяя поэму «Новочеркасск»: «...читал эти двадцать глав его поэмы и думал: какая поразительная эпоха прошла на наших глазах и какая радость, что свидетелем этой эпохи был Туроверов. Хо-

телось бы пожелать одного, чтобы нашелся подлинно казачий, какой-то яркий художник-живописец и дал бы иллюстрации к этой поэме, а издатель не пожалел бы денег на соответствующее издание». В 1937 году вышла вторая книга Туроверова «Стихи». В дальнейшем его поэтические книги под этим же названием выходили в 1939-м, 1942-м и 1965 годах.

Во время Второй мировой войны в составе 1-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона Н.Туроверов сражался с немцами в Африке, о чём он потом поведал в поэме «Легион». Затем вновь вернулся в Париж, с которым связал всю свою дальнейшую жизнь, развернув активнейшую деятельность, направленную на сохранение в эмиграции русской культуры, военного искусства и истории казачества. В Париже он организовал объединение казаков-литераторов, возглавил Казачий Союз, воссоздал музей своего родного лейб-гвардии Атаманского полка, был главным хранителем уникальной библиотеки генерала Дмитрия Ознобишина, издавал «Казачий альманах» и журнал «Родимый край», собирал русские военные реликвии, устраивал выставки на военно-исторические темы: «1812 год», «Казачи», «Суворов», «Лермонтов». По просьбе французского исторического общества «Академия Наполеона» редактировал ежемесячный сборник, посвященный Наполеону и казакам. Кроме этого, после войны вышли в свет еще три книги его стихов.

Скончался Н.Н. Туроверов 23 сентября 1972 года. Был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа рядом с могилами однополчан Атаманского полка.*

В СССР его стихи тайно переписывались от руки, о нём ходили легенды в казачьих станицах и хуторах. Только он из казачьих поэтов его времени с такой силой и пронзительностью выразил боль изгнания соотечественников и тоску порушенной казачьей жизни. Донская Голгофа до конца дней стояла перед его глазами, и большей частью именно ей он посвятил свое поэтическое творчество. Покидая родимый край, он понимал, что при жизни вернуться назад ему уже не суждено:

* Летом 2007 года гроб с прахом Н.Туроверова был перевезен на родину — в станицу Старочеркасскую.

Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такую осталась
Тетива наших дум навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

Но не только в казачьих кругах русского зарубежья, — повсюду, где жили изгнанники из России, любовь к поэзии Туроверова была необыкновенна. На творческих вечерах, когда он читал стихи, люди в зале слушали его, затаив дыхание и не пряча своих слез. Ему удавалось в скупых неброских образах отразить всю глубину чувств, владевших сердцами русских людей, оказавшихся на чужой земле:

И слёз невольно сердце просит,
И я рыдать во сне готов,
Когда услышу в спелом просе
Вечерний крик перепелов...

Другой поэт русского Парижа Владимир Смоленский вспоминал об этом: «...совершенно незнакомые люди, видевшие впервые Туроверова, шли к нему, жали руку, со слезами на глазах целовали его. Крепкая любовь казака к своему родному краю, так легко совмещавшаяся со служением России, не всегда и не всем, неказакам, понятная, казалось, была понята всеми, заразила своей силой, объединила всех».

Казачий быт, степь, станичная вольница, родной курень, храп коней, «казачий престол Покрова», Дикое поле, казачья любовь, казачья песня и, конечно, война — жуткая, братоубийственная, Сиваш, Перекоп, Крым, Бахчисарай, «блеск холодной стали», русская кровь... — всё это с природной страстью и высоким мастерством отражено в стихах донского поэта. В слове его чувствуется энергия и упругость всадника, слившегося с полетом коня.

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль.
Но твёрдым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

Ни с чем не сравнимая трагедия Гражданской войны и до конца еще нами не осознанная катастрофа Белого дела явились причиной всех тех несчастий, которые переживает Россия теперь. Невосполнимые потери русского народа в начале XX века — в первую очередь, качественно невозполнимые — аукнулись нам по самому высшему счету. Нет, не случайно мы стали свидетелями моральной деградации нашего населения и крайнего дефицита высокопатриотических личностей в армейской «элите», способных на подвиг или на жертву во имя спасения Родины, не говоря уже о многочисленных партийных лидерах. И лидеры обмельчали, и «элита» выродилась. Не для того ли весь прошлый век сталкивали враги России самых сильных, самых смелых, самых мужественных русских между собой, чтобы пришли мы к нынешнему итогу?

Изгнанные на чужбину белогвардейские офицеры (а оставшиеся были физически уничтожены), несмотря ни на что, в большинстве своем не озлобились и до последних своих дней сохранили в душе любовь к России и сыновнюю верность великой Родине, которая уже имела другое имя. Наиболее ярко это выразил поэт Войска Донского:

Всё иссякнет — и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

По Высшей воле наша страна вернула себе прежнее имя. В наших силах вернуть России забытые имена певцов ее судьбы и выразителей ее духовного величия.

До чего же понятна и близка по духу поэзия Белого движения нынешнему времени! К 1917 году народ России по Конституции уже был уравнен в правах, а деление людей на «непримиримые классы» было навязано, искусственно внедрено в сознание обывателей социал-демократической пропагандой того времени. И обильно проплаченные враги русских, воспользовавшись войной, которую вела страна, и предательством масонского Временного правительства (как тут не провести аналогию с «перестроечным» временем?) путем обмана рабочих и солдат сумели перехватить власть в «отпавшей» столице.

Моральное состояние лучших людей России после Октябрьского переворота легко себе представить, вспомнив наши душевные переживания в августе 1991-го и в октябре 1993 годов. С той лишь разницей, что они, патриоты начала XX века, с оружием в руках поднялись на борьбу с безбожным, безжалостным, русофобским врагом. Ими так же, как и нами, была потеряна великая тысячелетняя Родина. И разве не те же мысли и чувства, выраженные при обороне Кремля 90 лет назад белым офицером Арсением Несмеловым, владели нами, когда на глазах у всего мира и, главное, на глазах всей сидящей у телевизора России расстреливали защитников Дома Советов?

...Отважной горсти юнкеров
Ты не помог, огромный город,
Из запертых своих домов,
Из-за окон в тяжелых шторах.
Ты лишь исхода ждал борьбы
И каменел в поту от страха.
И вырвала из рук судьбы
Победу красная папаха.
Всего мгновение, момент
Упущен был — упал со стоном.
И тащится интеллигент
К совдепу с просьбой и поклоном...

Так исторически сложилось, что лучшие (во всех смыслах) люди России большей частью находились тогда среди военных, тем более во время Германской войны. И потому в рядах русских боевых офицеров были Николай Гумилев и Арсений Несмелов. «Золотое сердце России // Мерно бьется в груди моей», — сказал первый из них, и был расстре-

лян в 1921 году. «Тебя добудем мы в бою, // Первопрестольная столица!» — выкрикнул второй и вынужден был через всю Сибирь с боями и армией Каппеля отойти к Владивостоку. А смертный приговор, вынесенный ему в 1924 году, был приведен в исполнение с опозданием на 21 год. Но поэзия Н.Гумилева давно уже вернулась к русскому читателю и обрела свое место на литературном Олимпе. В то время как стихов Арсения Несмелова до сих пор у нас почти никто не знает, а имя это так и остается малоизвестным — потому что он до конца Гражданской войны противостоял врагам исторической России. Ну, как же, разве можно было допустить к российскому читателю такие строки?

...В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.
В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые кроки.
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.
В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем, — надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.
Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днём начался русский гон —
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон...

Арсений Иванович Несмелов (Митропольский) родился 8 июня (по ст. стилю) 1889 года в Москве в дворянской семье, прошел обучение во Втором Московском и Нижегородском Аракчеевском кадетских корпусах. Первый его сборник стихов и прозы «Военные странички» вышел в 1915 году.

В звании поручика А.Несмелов участвовал в боях Первой мировой войны. Получил ранение. За исключительное бесстрашие был награжден четырьмя орденами.

Осенью 1917 года он принимал участие в московском антибольшевистском восстании юнкеров, жестоко подавленном, которое позже описал в поэме «Восстание». Затем воевал в рядах Белой гвардии — в войсках адмирала Колчака и генерала Каппеля. Участвовал в Сибирском Ледяном

походе — одним из наиболее трагических и суровых испытаний Гражданской войны (до сих пор малоизвестных большинству наших современников).

В документах Белой гвардии этот поход назван Великим Сибирским (Ледяным) походом. Возглавил его главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант В.О. Каппель, который в ноябре 1919 года, оставив Омск, двинул 30-тысячную пехо-конную армию на Иркутск — на освобождение предательски арестованного чехословацким корпусом Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака и выданного большевикам. Продвигались с постоянными боями от города к городу: Омск — Ново-Николаевск (Новосибирск) — Барнаул — Красноярск... Однако освободить адмирала не удалось, не успели, он был расстрелян большевиками по прямому приказу Ленина. Тогда каппелевцы двумя колоннами обогнули Иркутск и вышли к Байкалу. В феврале 1920 года армия генерала Каппеля перешла Байкал по льду и вышла к станции Мысовая, где их ждали войска атамана Семенова и санитарные поезда. Это была самая тяжелая часть пути Великого Сибирского (Ледяного) похода. Что такое зима в Сибири — никому объяснить не надо. На станции Мысовая раненые и больные каппелевцы были погружены в эшелоны, а остальные продолжили этот беспримерный поход до Читы. Всего было преодолено более тысячи километров.* По его окончании был учрежден Знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход», который ставился в один ряд с орденом Святого Георгия.

Находясь в Приморье, в Дальневосточной республике (ДВР), А.Несмелов всецело посвятил себя литературному творчеству. Во Владивостоке им были изданы сборники стихотворений «Стихи» (1921) и «Уступы» (1924), а также поэма «Тихвин» (1922). Здесь он взял себе псевдонимом фамилию погибшего в бою товарища (Несмелов).

После установления советской власти на Дальнем Востоке А.Несмелов почти два года продолжал оставаться во Владивостоке под надзором ОГПУ без права выезда. Но в 1924 году, заблаговременно узнав о готовившихся новой

* Генерал В.О. Каппель во время похода обморозил ноги и умер от воспаления легких.

властью расправах над бывшими белогвардейцами, покинул Родину и через глухую тайгу, через советско-китайскую границу и гаоляновые джунгли сумел добраться до Харбина — главного дальневосточного центра русской эмиграции.

В Харбине поэтический талант Несмелова раскрылся во всей своей силе. По признанию эмигрантских литературных кругов, А.Несмелов стал одним из лучших русских дальневосточных поэтов. Особую популярность имела его крайне необычная и оттого захватывающая «Баллада о даурском бароне», которая переписывалась и передавалась из рук в руки, как когда-то лермонтовское «На смерть поэта». И хотя в ней с холодной отстраненностью описаны бередящие душу зверства полусумасшедшего барона Унгерна, всё же художественное своеобразие и поэтически мастерская форма этой баллады заставляют любого читателя запомнить ее навсегда.

...Я слышал:
В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне...
И будто бы в дни,
Когда в яростной злобе
Шевелится буря в горячем песке, —
Огромный,
Он мчит над пустынею Гоби,
И ворон сидит у него на плече.

Стихи Несмелова публиковались не только в изданиях русской эмиграции в Китае, но и в Европе, и даже (в 1927—1929 годах) в советском журнале «Сибирские огни». В Китае вышли его поэтические книги «Кровавый отблеск» (Харбин, 1929), «Без России» (Харбин, 1931), «Через океан» (Шанхай, 1934), «Только такие!» (Харбин, 1936), «Полустанок» (Харбин, 1938), «Белая Флотилия» (Харбин, 1942), а также сборник новелл «Рассказы о войне» (Шанхай, 1936). В Берне отдельным изданием увидела свет его поэма «Георгий Семена» (1936). Творчество Арсения Несмелова высоко оценивали Борис Пастернак, Марина Цветаева, Николай Асеев, Леонид Мартынов и другие советские поэты.

Однако вынесенный большевистским режимом приговор все же настиг поэта. После вступления советских войск в Харбин в августе 1945 г. Несмелов был арестован и пере-

правлен в Советский Союз. Жизнь его оборвалась в том же году в тюремной камере НКВД.

Если нынешнее русское сопротивление заключено в основном в печатном слове, в песне, в митинге, то сопротивление большевистской диктатуре требовало борьбы подлинной, героической, сопряженной с личной гибелью. Воины из Белого стана, сопротивляясь насилию, сознательно шли на смерть. И потому их поэты были выразителями подлинного, **героического** патриотизма. В их сердцах жила Родина, великая и прекрасная, их патриотизм был глубоко искренним и национально-волевым.

Пели добровольцы. Пыльные теплушки
Ринулись на запад в стуко́те колес.
С бронзовой платформы выглянули пушки.
Натиск и победа! или — под откос.

Трагедия, пережитая ими, была ничуть не меньшей, чем та, какую переживаем ныне мы. И разве не о нашем времени сказаны эти слова? Ведь это к нам, нынешним, сквозь годы забвения обращается героический, пронзительно русский поэт Арсений Несмелов:

Воля к победе.
Воля к жизни.
Четкое сердце.
Верный глаз.
Только такие нужны Отчизне,
Только таких выкликает час.
Через засеки
И волчьи ямы,
Спешенным строем
Иль на коне.
Прямы, напористы и упрямы —
Только такие нужны стране.

Именно такая, жизнеутверждающая, волевая поэзия дает мощный толчок современному направлению русского поэтического сопротивления.

Судьба русской литературы беспрецедентно уникальна. Ведь она до сих пор до конца не изучена и даже полностью не познана. Разорванная 1917 годом, она всё еще таит в себе

массу потерянных или вычеркнутых из жизни имен, которые придется кропотливо и долго заново открывать нынешним и будущим ее исследователям. Более того, им, будущим исследователям, неизбежно придется пересматривать многие утвердившиеся ценности и целые пласты российской литературы XX века.

Давайте посмотрим: кто из советских стихотворцев воспел Гражданскую войну как нечто романтическое и необходимое? Ну разве что интернациональные «граждане мира», многие из которых в реальности не столько воевали на Гражданской, сколько создавали миф о своем участии в ней. Русские же национальные поэты каким-то шестым чувством ощущали сермяжную истину, что воспевать тут особенно нечего, стараясь держаться подальше от этой братоубийственной бойни и любыми путями сторонясь ее и в жизни, и в творчестве. Вот когда началась Отечественная война — тогда наши поэты проявили себя во всем блеске. Один только Твардовский чего стоит, не говоря о десятках других. Но для воинов Белой гвардии та Гражданская была на деле Отечественной. Ведь у них отнимали Родину. Поэтому и дала она столько русских витязей, одинаково владевших оружием и поэтическим словом. Среди них был офицер-кавалергард и проникновенный поэт Сергей Бехтеев.

Повторяю еще раз, потому что это очень важно: сейчас, в наше жестокое и лицемерное время, стихи белогвардейских офицеров читаются и воспринимаются крайне современно. Как будто и не разделяет нас почти целый век со времени их написания. Достаточно прочесть такие строки стихотворения «Русская Голгофа», написанного Сергеем Бехтеевым в 1920 году:

Ликует Антихрист-Иуда,
Довольный успехом побед:
Свершилось вселенское чудо,
И царства христианского — нет!
Гремит сатана батогами
И в пляске над грудой гробов
Кровавой звездой и рогами
Своих награждает рабов.
И воинство с красной звездой,
Приняв роковую печать,
К кресту пригвождает с хулою
Несчастную Родину-Мать!

Всё повторилось в России с какой-то дьявольской закономерностью, лишь только с большей подлостью и с большим коварством.

Вот уже почти двадцать лет русская патриотическая пресса пишет о закабалении России «пятой колонной», превратившейся на деле уже в «шестую колонну» бесчисленных предателей и грабителей нашего национального достоинства. И все эти годы мы говорим о безразличии населения к бедам страны, все эти годы мы безуспешно призываем русских к объединению перед личиной всемирного, циничного Хама, нагло попирающего наши традиции и нашу культуру. Современный бесстрашный поэт мог бы слово в слово повторить всё то, что в 1921 году Сергей Бехтеев выплеснул из своего сердца в стихотворении «Мать», которое абсолютно актуально и для нынешних дней:

Во имя безумной идеи «свобод»
В крови задыхается русский народ,
Бессильный сорвать свои путы,
Бессильный злодеев из царства изгнать,
Бессильный за правое дело восстать
В години невиданной смуты.
...О, люди! О, братья! Забудем раздор!
Ведь тризна злодеев — наш русский позор,
Глумленье над трупом любимым.
Пора помириться! Довольно молчать!
Ведь это же нашу несчастную Мать
Насилуют в доме родимом!

Теперь, когда атеистический XX век остался у нас за спиной, мы можем спросить самих себя: что было превыше всего для Российской империи как государства в прежние времена? Что являлось гарантом ее неколебимой державной стойкости перед любым врагом и любым несчастьем? И ответ может быть только один: Бог и царь. Когда в сердце народа был царь, а в душе — Бог, тогда никакая беда нам была не страшна и никакой враг не мог нас осилить. Но как только народ наш отрёкся от царя и от Бога, — беды, трагедии и катастрофы обрушились на Россию бесконечным потоком. (Тут необходимо сказать, что отречение царя от власти было невозможно без отречения от него народа. К тому же Николай II не отрекался ни от монархии, ни от Держа-

вы, он лишь после отказа от престола брата Михаила передал царство сыну Алексею. Но масонское окружение воспрепятствовало сохранению монархии.)

Без Бога и без царя нет правды, нет высшей Истины и нет справедливости на земле. Поэт и беззаветный патриот Сергей Бехтеев настолько остро чувствовал и понимал это, что, начиная с 1917 года, уже ни о чём другом не мог говорить в своих стихах. Его лира, точно вечерней колокол, изо всех сил пыталась пробудить оглохший в распрях и заблудший народ, заставить очнуться Россию и осознать свое гибельное сиротство. Его так и называли при жизни — «Царский звонарь». Но зов этой набатной лиры уже почти никто не слышал в народной среде:

Гулко несётся заутренний звон,
Будит упрямо заспавшихся он,
Но, погруженный в тревоги забот,
Спит непробудно пленённый народ.
Спит наша Русь, отгоняя сквозь сон
В двери стучащийся радостный звон,
Вновь неспособная сердцем принять
Мира и веры былой благодать.

Но даже сквозь кровь и муки Гражданской войны и сквозь тягостные годы эмиграции Сергей Бехтеев пронес веру в воскрешение богоносного народа и Российской империи, веру в неизбежное признание нашей Родиной святости царя. Да, удивляет, но не поражает дар предвидения поэта, поскольку подлинный поэт никогда не сомневается в том, что свет Истины и дух справедливости рано или поздно, хоть через века, но побеждают любое зло и всякую ложь. Он знал — русский Царь воскреснет и вместе со своей замученной семьёй обретет святость. Всё случилось гораздо раньше и в точности с прозрением поэта:

Пройдут века, ночные тени
Разгонит светлая заря,
И мы склонимся на колени
К ногам Державного Царя.
Забудет Русь свои печали,
Кровавых распрей времена;
Но сохранят веков скрижали
Святых Страдальцев Имена.

На месте том, где люди злые
Сжигали Тех, Кто святы нам,
Поднимет главы золотые
Победоносный Божий Храм.
И, Русь с небес благословляя,
Восстанет Образ неземной
Царя-Страдальца Николая
С Его замученной Семейей.

Сергей Сергеевич Бехтеев родился 7 апреля (по ст. стилю) 1879 года в с. Липовка Елецкого уезда Орловской губернии* в родовитой дворянской семье, в которой глубоко были заложены основы православного видения мира. Учился и воспитывался в Императорском Александровском (Царскосельском) лицее, где в свое время учился А.С. Пушкин. Там же он впитал и любовь к поэтическому слову. Три родные сестры С. Бехтеева состояли фрейлинами царского двора, и потому с юности он близко соприкасался с придворной жизнью и ее атмосферой. В дальнейшем верность императорской семье и приверженность монархии он сохранит в душе до конца своих дней. По окончании Лицея он поступил на службу в подшефный ее императорскому величеству Кавалергардский полк, где получил чин корнета.

Свой первый сборник стихов он издал в 1903 году. Книга эта вышла с посвящением матери Царя Николая II императрице Марии Федоровне.

С началом Мировой войны С. Бехтеев служит в действующей армии и после ранения попадает в Дворцовый лазарет, где устаивается посещения государыней Александрой Федоровной с великими княжнами. Закончив лечение, вновь отправляется на фронт и снова получает ранение. После пребывания в госпитале едет на родину, где узнает, что от него ушла любимая женщина. Горечь измены уже тогда коснулась его стихотворного творчества.

Для продолжения лечения в начале 1917 года он уезжает на Кавказ — в Кисловодск и Пятигорск. Там и застает его известие об отречении Николая. В его творчестве происходит резкий перелом — от личной драмы к высокопатриотическому осознанию событий, происходящих в стране.

* Ныне это Задонский район Липецкой области.

Здесь С. Бехтеев создает свой первый цикл гражданской лирики.

В октябре 1917 года поэт возвращается на родину, живет в Ельце и Орле. Видя хаос беззакония и разгром прежней жизни, он пишет пять стихотворений — «Россия», «Боже, Царя сохрани», «Верноподанным», «Святая ночь» и легендарную «Молитву», ставшую затем широко известной в Советской России. Через графиню А.В. Гендрикову эти стихи удалось передать в Tobольск царской семье, для которой они стали большой моральной поддержкой.

Со стихотворением «Молитва», была связана удивительная мистическая история. Дело в том, что во время расследования комиссией Н.А. Соколова преступления в Екатеринбурге автограф «Молитвы», сделанный рукой великой княжны Ольги, был обнаружен в книге, подаренной ей матерью — императрицей Александрой Федоровной (на книге сохранилась надпись: «В. К. Ольге. 1917. Мама. Tobольск»). По этой причине долгое время авторство «Молитвы» приписывалось царевне Ольге и в советское время «Молитва» даже публиковалась под ее именем. Эта история и впрямь выглядела очень правдоподобно: царевны при их кротости перед своей гибелью действительно могли молить Господа о прощении их мучителей.

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

Сознавая свой офицерский долг служить гибнущей Отчизне, Сергей Бехтеев вступает в Добровольческую армию. В ней он воюет с 1918-го по 1920 год.

Свой долг Сергей Бехтеев исполняет до конца, разделив все тяготы и скорби с Белым воинством. В рядах Белой армии поэт отступает в Крым. В ноябре 1920 года он навсегда покидает Россию, со множеством русских изгнанников отплыв из Керчи на пароходе «Самара». Прощаясь с Родиной, он пишет стихотворение «Прости», проникнутое горькой тоской и покаянием:

В глазах раскинулся широко
Простор безбрежного пути,
И шепчем мы с тоской глубокой:
«Отчизна милая, — прости!»

Найдя прибежище в сербской Воеводине неподалеку от г. Нови Сад, С.С. Бехтеев становится активным участником общественной жизни русской диаспоры, пишет статьи, редактирует издававшуюся в Белграде монархическую газету «Русский стяг». Свою гражданскую лирику он объединяет в сборник «Песни русской скорби и слёз», который выходит в свет в Мюнхене в 1923 году. В 1925 году выходит его автобиографический роман «Два письма»; в нём он с болью говорит о причинах поражения Добровольческой армии. Любовная лирика Бехтеева вошла в книгу «Песни сердца», изданную в Белграде в 1927 году. Главный мотив поэзии Бехтеева — это, конечно, трагедия России, измена царю ближнего окружения, предательство интеллигенцией и русским дворянством белой идеи и надежда на воскрешение великой Империи.

В конце 1929 года С.С. Бехтеев переехал во Францию и поселился в Ницце, где и провел все свои оставшиеся годы. Здесь он тоже вошел в круг русских единомышленников, так как в Ницце находился один из монархических центров, служит старостой храма во имя Державной иконы Божией Матери. В 1934 году здесь же был издан его сборник

стихов «Царский гуслир». В 1949, 1950, 1951 и 1952 гг. вышли в свет четыре его книги, объединенные одним названием «Святая Русь» и ставшие полным собранием стихотворений.

Надо сказать, что идея «За Веру, Царя и Отечество» настолько глубоко проникла в сознание поэта-монархиста Сергея Бехтеева, что никакие другие идеи, захватившие в то время Европу, и никакие другие события, происходившие в мире, уже не волновали его сознание. Даже Вторая мировая война никак не отразилась в его стихах, в которых он продолжал воспевать Россию, запечатленную его душой до революционной смуты. **Все творчество Бехтеева — это неустанная, самозабвенная молитва за Святую Русь.**

Довольно насмешек, довольно обид,
Предательской лжи и обмана!
Проснись, всенародный запятнанный стыд!
Пусть Божия правда опять озарит
Потёмки земного тумана!

Крамольная сила, рассейся, уйди!
Смирись, окаянное племя!
Надежда проснулась в усталой груди,
И очи мои лицезрят впереди
Грядущее, светлое время.

Безумство уляжется, горе пройдет,
Рассеются скорби и муки,
И вновь возрожденный, счастливый народ,
Увидев желанного Солнца восход,
Протянет к Нему свои руки.

Тогда, о, тогда мне не жаль умереть.
Жила бы лишь правда в народе.
На песни мои вам оков не надеть.
Я буду и мертвый восторженно петь
О Боге, Царе и свободе!..

Скончался С.С. Бехтеев 4 мая 1954 года. Похоронен на русском кладбище в Ницце. На могильной плите сделана надпись: «Сергей Сергеевич Бехтеев. Лицейст 59 выпуска Имп. Александровского лицея. Царский поэт. Офицер Белой Армии».

До сих пор в России мало кому известно творчество и даже имя необыкновенно талантливого автора, обладавшего на редкость проникновенным поэтическим даром, — Ивана Савина. Россия, наверное, единственная в мире страна, которая всё еще не собрала воедино и не удостоила заслуженной памяти своих гениальных певцов, запечатлевших в слове ее ни с чем не сравнимую судьбу.

При жизни его называли белым витязем, поэтом белой мечты... К.В. Деникина писала в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1957 году: «Савин, однолеток Лермонтова, скончался на 28-м году жизни... Его не знают широко. Жестокая судьба послала его в русскую жизнь в самые роковые годы лихолетья, в красную завихруху, которая снесла все устои нашей культуры; и надо сказать, что на его долю выпали все муки».

Широко его не знают в России до сих пор.

Поэт Иван Иванович Савин родился 29 августа (по ст. стилю) 1899 года в Одессе. Детство и юность провел в маленьком уездном городе Зеньково Полтавской губернии. В 19-летнем возрасте ушел добровольцем в Белую армию, поступив в эскадрон белгородских улан Сводного пока генерала Каледина. А после гибели А.М. Каледина и Л.Г. Корнилова воевал в армии Деникина. В огне Гражданской погибли четыре его брата и две сестры. Перед эвакуацией белых из Крыма он заболел тифом и, не успев эвакуироваться, попал в плен к красным. Пройдя ад пересыльных тюрем ЧК, оказался в Петрограде, где жил его отец Иван Саволайнен, финн по национальности. С помощью отца в 1922 году ему удалось освободиться из тюрьмы и вырваться в Финляндию, в г. Гельсингфорс (нынешний Хельсинки).

Здесь, в Финляндии, раскрылся яркий, самобытный талант поэта, прозаика и публициста Ивана Савина, произведения которого невозможно читать без искреннего сочувствия и душевного волнения. Работая грузчиком в порту и чернорабочим на заводе, он в свободное от работы время писал обжигающие своей правдивой остротой стихи и прозу, основанные на воспоминаниях о дорогой сердцу России и пережитой личной трагедии. Там, в эмиграции, возник потрясающий поэт Белой идеи, которому было всего двадцать с лишним лет.

Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следов у дверей.
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон и острог.

И хожу я по чёрному снегу,
Никогда не бывав молодым.
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.

Стихи, рассказы и статьи Ивана Савина публиковались в русских изданиях Финляндии, Латвии, Эстонии, Берлина и Парижа. Судьбой Ивану Савину было отпущено пять лет творческой жизни. Но за эти годы им были созданы поистине поэтические шедевры, о которых остались восторженные отзывы современников поэта. В 1926 году в Белграде тиражом 200 экземпляров вышел его единственный прижизненный сборник стихов «Ладонка», в предисловии к которому профессор В.Х. Даватс писал об этих стихах: «...в них нет ни патриотического шума, ни сентиментальной слащавости. И главное — в них нет нигде *стихотворной прозы*. Словами, которые падают в душу огненными каплями, выражает он *внеполитическую* природу белых борцов». А через тридцать лет Глеб Струве в работе «Русская литература в изгнании» так отзывался о первом издании «Ладонки»: «Религиозность, любовь к России и вера в нее, и верность «белой мечте», звучавшие как основные мотивы в этой скромной книжечке, стяжали Савину популярность в кругах, все еще преданных Белой идее. Но в стихах Савина не было ничего надуманно-тенденциозного, никакой пропаганды. У него был свой, приглушенный, но подлинно-поэтический голос» (Нью-Йорк, 1956 г.).

Летом 1927 года Иван Савин скончался от заражения крови после неудачной операции аппендицита, когда ему еще не было 28-ми. По свидетельству его жены, перед смертью, после нескольких недель мучений, он записал слабеющей рукой последние строки: «Произведенный смертью в под-

поручики // Лейб-гвардии Господнего полка». Похоронен на русском кладбище в Хельсинки.

И.А. Бунин, откликнувшись на смерть Ивана Савина, написал в парижской газете «Возрождение»: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе; во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы — особенно».

Такие строфы присутствуют, по сути, в каждом стихотворении Ивана Савина:

Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.

Поэт Милостью Божьей, Иван Савин — наше культурное достояние. Остается верить, что его творчество, являющее пример высокого таланта и верности России, будет наконец востребовано мыслящим русским обществом.

«Что имеем — не храним...», — справедливо сказано о российской всевозможной расточительности. Вот и эта русская поэтесса до недавнего времени была совершенно забыта и незнаема в России. Хотя в 20—30 годы прошлого века она считалась самой любимой поэтессой у эмигрантов Харбина. На ее могиле, находящейся в Чили, — эпитафия из ее же стихов:

Смертны и ты и я.
Сомкнем усталые веки.
Но Россия жива моя —
И теперь, и потом, и навеки.

Ее литературное имя — Марианна Колосова. Вряд ли она сама в конце жизни надеялась вернуться своими стихами на Родину. Однако, как известно, пути Господни неис-

поведимы. Открытие нами ее замечательного творчества — яркий, свершившийся факт.

Главная черта поэзии Марианны Колосовой удивительное своеобразие, непохожесть на всё то, что было в русском (и прежде всего женском) стихотворчестве до нее. Обладая глубокой природной талантливостью и культурой, она сумела соединить в своих стихах страсть, мужество, пронизательный ум и женскую неповторимую нежность. Не случайно эти ее строки стали крылатыми у белогвардейцев Сибири:

Пристальнее в душу посмотрите-ка:
Отдает свою по капле кровь...
Самая мудрейшая политика —
Искренняя к Родине любовь!

Не приняв ложь и безнравственность большевистской власти, пережив в молодости всю жестокость Гражданской войны, Марианна Колосова посвятила свою жизнь борьбе с поработителями России. Вся ее поэзия излучает страстную веру в высшую справедливость и надежду на восстановление погубленной Родины:

Россия? Ты еще жива?
В цвету черемуховом ты ли?..
Зимой, наверно, на дрова
Мою черемуху срубили...

Неправда! Ты не умерла,
Хоть и подрублена под корень,
С душой Двуглавого Орла,
Который грозам непокорен!

Ты — вся в огне и вся в цвету,
И ты ни в чём не виновата.
Лелеешь новую мечту —
И громового ждешь раската.

Марианна Колосова (Римма Ивановна Виноградова, в замужестве Покровская) родилась 19 мая (по ст. стилю) 1903 года на Алтае. Происходила из древнего и крепкого рода кубанских казаков. Ее отцом был священник, убитый воинствующими безбожниками, а ее жених, белогвардей-

ский офицер, был расстрелян чуть ли не на ее глазах. До Гражданской войны жила в Барнауле.

Весь 1919 год и начало 1920-го Марианна Колосова провела в районе Семиречья — последнем оплоте белых сил на юго-восточном направлении. Эту территорию удерживали остатки 2-го Степного сибирского корпуса под командованием генерал-майора Анненкова. После разгрома белых она навсегда покинула Россию, перебравшись вместе с анненковцами в Китай, сначала в Джунгарию, а затем в Харбин.

Там, в китайском Харбине, ее стихи стали публиковаться в русском журнале «Рубеж», а в 1929 году вышел первый ее сборник «Армия песен». В дальнейшем в Харбине увидели свет ее книги стихов «Господи, спаси Россию!», «Не покорюсь!», «На звон мечей». Творчество Марианны Колосовой высоко ценили русские поэты Харбина — А.Несмелов, А.Ачаир, В.Перелешин и многие другие. Современники называли ее «бардом Белой армии» и харбинской Мариной Цветаевой.

После оккупации Харбина японцами она в 1934 г. вместе с мужем, бывшим офицером Белой армии А.Н. Покровским переехала в Шанхай, где ее стихи увидели свет в журнале «Парус» и где вышли две ее последние книги: «На боевом посту» и «Медный гул». В 1949 году Китай стал коммунистическим, и семья Покровских уехала сначала на Филиппины, затем в Бразилию. В конце 50-х они окончательно осели в Чили. Скончалась Марианна Колосова 6 октября 1964 года. Похоронена в Пуэнте-Альто, пригороде Сантьяго. На табличке, прикрепленной к могильному кресту, имеется надпись: «Русская национальная поэтесса».

Время всё расставляет по своим местам. Шелуха отпадает и превращается в прах. Но живое слово, за которым стоят честь и достоинство, как зеленая ветвь, пробивается сквозь любые нагромождения лжи и клеветы. Поэты Белой гвардии возвращаются на Родину своим блистательным творчеством. Они возвращаются к нам на века и уже никогда не уйдут из наших сердец.

2007 («Москва». 2007. №7)

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Когда в сердце писателя нет стремления к религиозной Истине, его литературная работа является ничем иным, как профессиональной игрой. Вроде работы спортсмена, для которого игра — это и есть его профессиональная работа. Подобно тому, как для многих современных «поэтов» их творчество — не более чем стихотворная игра.

Так что же для нас важнее — Истина или игра в литературу? «Для кого как...», — наверное, ответят некоторые из нашей пишущей братии. Конечно же, можно не сомневаться, что для большей части литераторов и околотитульных функционеров игра в литературу гораздо важнее. И когда им пытаешься что-то сказать об Истине — на их лицах появляется пренебрежительная усмешка. Это вполне естественно, потому что игра в литературу стала их смыслом жизни, она, просто-напросто, их кормит.

Вот уже прошло 10 лет после написания мною и публикации в печати двух статей — «Без Божества» и «Во имя Истины». Поначалу они вызвали разнообразную реакцию — от признательной до резко непримиримой, но затем, когда по существу высказанных в этих статьях мыслей никому ничем серьезным возразить не удалось, про них постарались забыть, чтобы не возвращаться к этой важнейшей для нас теме, чтобы больше не поднимать этого главного для пишущих людей вопроса: что важнее — Истина или игра в «творчество».

Чтобы до конца прояснить тему разговора, повторю дословно свое вступление к статье «Без Божества»:

«В чем высший смысл творческой деятельности человека? Может, в отражении своего взгляда на окружающую жизнь, на те или иные предметы и явления бытия? Или в выражении своих чувственных ощущений по отношению к другим людям, к природе и событиям действительности? Или, может, в совершенствовании своего эстетического мироощущения? Все это, само собой, является необходимым условием и первой задачей любого творчества. Но только лишь условием и первой задачей.»

Лев Толстой, размышляя о цели искусства, говорил о том, что цель эта будет достигнута тогда, когда читатель, зритель, слушатель начнет сопереживать вместе с художником. Да, конечно, в этом заключается сложнейшая задача искусства. Сложнейшая, но не главная и не конечная. Вернее сказать, в этом состоит только половина задачи любого творчества.

*Все признают: талант, а тем более гениальность — это Божий дар. Слово — «высший подарок Бога человеку» (Н.В. Гоголь). И потому, хочу подчеркнуть, именно **поэтому** искусство, если оно искусство, а не баловство, не игра, принципиально должно быть подчинено **высшим религиозным задачам**. В деятельности художника, в конце концов, должен быть виден переход от эстетического мировоззрения к религиозному. Если этого не происходит, то можно сказать, что художник не состоялся.*

Выше Бога нет ничего, и хотя бы только по этой причине религиозное чувство в человеке и в конечном счете в художнике выше и важнее чувства эстетического. К осознанию этого в конце жизни пришел Пушкин («Веленью Божию, о муза, будь послушна...»).

Тут, правда, нужно обязательно оговориться: проблема эта крайне сложна и для любого художника таит в себе массу опасностей и соблазнов. Как уловить, как почувствовать ту тончайшую грань в органическом слиянии эстетического и религиозного чувства, за которой творчество как таковое уступает место морализаторству и назидательности? Об этой грани всегда помнил Достоевский. С этого пути в последнее десятилетие своей жизни сошел Лев Толстой, ударившись в ересь. Эта проблема стала причиной глубочайшего творческого кризиса у Гоголя, который и сгорел между этих двух огней — художественности и морали. Вся жизнь Гоголя —

это мучительная борьба между чисто литературными и духовными устремлениями.

И все же. Знать и помнить о главной задаче искусства обязан каждый художник. В искусстве для человека, говорит Гоголь в повести «Портрет», заключен «намек о божественном, небесном рае». Искусство в понимании Гоголя, как и всё прекрасное в этом мире, — есть отражение небесной гармонии, отблеск небесной красоты. И в то же время «нельзя служить и самому искусству, — как ни прекрасно это служение, — не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство...» — писал он в статье «В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём ее особенность».

Но вот духовный отец Гоголя протоиерей Матфей Константиновский в беседах с писателем нередко говорил о «злоупотреблении дарованием». Это относилось даже и к Пушкину, у которого, по словам о. Матфея, «много хорошего, но много и греховного». По свидетельству современников, отец Матфей потребовал от Гоголя отречения от литературы и даже от Пушкина, дабы не соблазнять людей ложными путями к Истине под видом псевдохудожественности, так как истинная художественность исходит только из глубоко верующего сердца».

Сказано это было, повторяю, 10 лет назад во вступлении к статье, написанной по поводу двух поэм Юрия Кузнецова «Путь Христа» и «Сошествие в ад». И не только сказано, но и опубликовано в газете «Российский писатель». Однако на сказанное очень многие литераторы не обратили внимания, а обратившие внимание постарались не придать ему никакого значения и быстренько про сказанное забыть. Потому что иначе нужно было поставить под сомнение абсолютно всю их «творческую» деятельность — как прошлую, так и будущую, и потому что иначе нужно было выбросить в мусоропровод 90% всей написанной в XX веке литературной критики. А сделать это, как все понимают, почти невозможно или невероятно трудно.

10 лет я думал: неужели никто из русских мыслителей и русских писателей нашего времени не коснётся этой крайне важной, хоть и опасной темы? Нет, не коснулись и постарались не заметить этих моих десятилетней давности статей «Без Божества» и «Во имя Истины» — даже те, кто неустанно твердил о великой духовности русской литерату-

ры, те, кто бесконечно подчеркивал свою приверженность к Православию и любовь к Богу. А ведь и правда, тема эта для них была опасна. Их «любовь к Богу» не подтверждалась делами.

Что такое Истина? Это Христос. Православный человек должен принимать это как бесспорный закон, как неоспоримую аксиому. Если он этого не принимает как закон и начинает по поводу сказанного разглагольствовать и словоблудствовать, значит он не православный и не христианин. Среди русских полным-полно неверующих, и с ними вообще невозможно вести серьезных разговоров. Речь идет о тех, кто искренне называет себя верующим православным человеком. Тем более человеком творческим.

Без Христа любовь, красота, добро становятся своей противоположностью.

«...Высшая цель поэзии, — писал я в статье «Без Божества», — не эффектная строчка, не звучная фраза, не красивая или, наоборот, шокирующая метафора, главное в поэзии, как и в любом жанре творчества, — дух Истины, исходящий из созданного произведения, основанный на сознании художником правдивости, высшей подлинности того смысла слов, который он, автор, содержит в своем сердце и стремится донести до сознания других людей. То есть, проще говоря, истинный талант никогда не опускается до ложных смыслов и лживых фантазий, до любой, какой бы она ни была красивой и эффектной, неправды». И далее: «...Когда в сердце поэта живет Бог, тогда и не может быть неправды в его творчестве, тогда он и не станет никогда плутать в дебрях никчемной ереси, какой бы «поэтически» впечатляющей она ни казалась. Но если Бога в сердце нет или почти нет (и значит, нет ощущения Истины и стремления к Ней), то все, что этот автор делает в стихах, — претенциозные словесные игры в расчете на такие же слабоверующие души и поверхностных, духовно необразованных «критиков». Необразованных — в том смысле, что не имеющих в себе Образа Божьего».

Большинство пишущих людей, из ныне живущих, вообще над этой дилеммой никогда в жизни не задумывались. Писали и продолжают писать, как в советское время учили: главное, чтобы было оригинально, «непохоже» ни на кого другого, интересно и не шаблонно, о чём бы ни шла речь в

литературном произведении. И еще желательно — чтобы «жизненно», хоть и не обязательно. В принципе, так и должно быть. Но этим и ограничивались. И очень редко, кто понимал, что это — лишь частичное условие творческого процесса. Однако почти вся советская литература являла собой отражение этого частичного, и по большому счету, не важнейшего условия литературного поприща. Да, советская литература стала концентрированным, ярчайшим выражением этой «оригинальной», «жизненной», в самом деле интересной, даже захватывающей *отрицательной* творческой работы. (Бесспорно, были прекрасные исключения. И они не могли не быть.) Термином «*отрицательная*» подобная литература названа Иоанном Кронштадским еще тогда, когда не существовало никакой «советской литературы». То есть речь идет вовсе не о прямолинейном отрицании Бога, Христа или веры как таковой. Речь идет о незнании, пренебрежении, а часто и отвержении высшего смысла и главной цели любого творчества.

Вот что было сказано мной 10 лет назад в статье «Во имя Истины»: «Современная литература, как и сопутствующая ей критика, блуждающие в потемках греховной жизни, к нашему общему несчастью, давно утратили традиционное религиозное самосознание, которое в прежние времена сдерживало творческую личность от гордыни и самоупоевания. Теперь во главу угла в писательской работе поставлена «свобода творчества», и именно такой подход к литературной деятельности, именно такой взгляд на искусство вот уже более века считаются в творческом окружении наиболее перспективными и единственно верными. Но «свободное творчество» — это «творчество», освобожденное от Творца. Многие литераторы забыли, а кто-то и понятия не имеет, даже слушать не желает, что существует и всегда существовала литература другая — духовная, открытая горнему свету и прозревающая высшую Истину».

Читайте Гоголя, Достоевского, Аксакова, Лескова... Читайте Ивана Шмелёва. Читайте Лермонтова, наконец:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он,
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

А это еще одна цитата из статьи «Без Божества»:

«Когда становится скучно среди земных проблем, когда кажется, что уже всё и обо всём сказано, тогда неудовлетворенная потребность к сочинительству толкает некоторых горделивых авторов к чему-нибудь необычайно заманчивому и таинственному. Большинству серьезных писателей для самовыражения обычно хватало земных, человеческих тем, но непомерные амбиции, подкрепленные высоким признанием «ценителей искусства», так и толкают отдельных слишком честолюбивых «художников» поиграть в «творческие» игры как с дьяволом, так и с Богом. К тому же дьявол сам то и дело выбирает и соблазняет этих гордецов замахнуться на что-нибудь подобное. И тогда обласканный «ценителями» автор берет в Иностранной комиссии Союза писателей командировку, чтобы пройти «путем Христа», а затем — заодно с распятым на Кресте Божьим Сыном — по-дружески побывать в «аду». Но что ему на этом «пути на Голгофу» и в этом «сошествии в ад» придет в голову, одному дьяволу известно. Неудовлетворенный стихотворческий зуд в подобных случаях, как правило, приводит к таким «поэтическим открытиям», «откровениям» и «прозрениям», рядом с которыми Апокалипсис Иоанна Богослова покажется легкой шалостью впечатлительного ума... Стихотворно, и, главное, «мастерски» оформленные, эти «открытия» затем, скорее всего, будут удостоены престижной литературной премии... Жаль только такой незначительной малости для «художника»: отягощенной дьявольским соблазном души. Да и денежки-то на премию в таких случаях подбрасываются все тем те вездесущим персонажем...

«Встань и сияй надо мною, звезда Вифлеема!» — отчеканит в начале своей поэмы наш горделивый автор. Кто-то из его «ценителей» наверняка отметит: как здорово сказано! такого еще не было в русской поэзии! Оно и правда: откуда этим обожателям «самобытного таланта» знать и как им догадаться, что звезда Вифлеема может сиять только над Христом и больше ни над кем?»

«В Евангелиях поэзии мало», — скажет наш поэт, автор двух т.н. «христианских» поэм в беседе с критиком — главредом «Дня литературы» 10 лет назад (2003, №33), мотивируя этим умозаключением свою попытку написать собственное, с избытком поэзии, «Евангелие». «Ленин и Сталин политики, а политикам одна дорога — в ад», — открывает поэт Кузнецов еще одну свою «истину» внимающему критику, который молча с этим согласится. И вслед за поэтом нам, согласившимся с ним (а ведь согласились очень многие!), останется только заполнить этот придуманный ад всеми русскими царями и святыми равноапостольными князьями — Владимиром Святославичем, Александром Невским и Дмитрием Донским. Ведь все они были политиками...

«Поэт всегда прав», — самоуверенно отчеканит автор поэм о Христе. И в этом утверждении обозначится уже не просто отсутствие Творца в сердце автора, здесь с хладнокровной откровенностью проявится культ этой самой отрицательной литературы и даже более того — культ, обожествление самого себя. Человек не может быть всегда прав, кем бы он ни был. «Я всегда прав», — это горделивая самоуверенность сверхчеловека. А гордый ум, гордыня — это еще один признак отрицательной литературы.

Главред «Дня литературы», увлекшийся многозначительностью той беседы и не желающий снижать ее пафоса, задаст вопрос в русле кузнецовского «жанра»: «Считаешь ли ты, что тебе дана воля свыше на эту поэму?» И наш «всегда правый поэт» с угрюмой серьезностью ответит: «Выходит, дана».

Тогда, 10 лет назад, никто из кузнецовских апологетов в этом месте даже не усмехнулся... Эпидемия отрицательного «творчества», захватившая пишущую братию чуть ли ни поголовно, в начале XXI века всё еще была сильна и более того — принималась ими как нечто благодное, необходи-

мое и высохудожественное... Однако выздоровление, пусть с трудом, со скрипом, но уже происходит.

Истинная культура имеет религиозную основу. Образованные люди это знают и понимают. Всё иное, не укладывающееся в данное понимание, имеет отрицательный, внекультурный, разрушительный смысл. А точнее говоря — вообще не имеет смысла. Эстетическое чувство для того и дано человеку, чтобы воспринять, увидеть красоту мира, созданного Творцом, чтобы понять совершенство, глубину и смысл жизни, подаренной нам Богом. А творческий талант, дар искусства дается нам, чтобы запечатлеть, восславить, раскрыть это Божественное творение и неисчерпаемые тайны жизни. Человек — высший акт Божественного творчества, и мир создан Творцом для человека. Эти простые истины были известны человечеству по меньшей мере 75 веков. Свой взгляд в трудные минуты, свой внутренний голос и свой творческий, а на самом деле, *молитвенный* дар человек всегда направлял к небу, к Создателю мира и жизни. И только в последние сто лет он вздумал «освободиться» от Творца и более того — сам захотел стать человеком-богом или сверхчеловеком. Он решил изменить природу — и окружающего мира, и свою собственную. Он попытался исказить Божественный кодекс жизни — данные нам свыше нравственные законы.

В XX веке работники сферы искусств и деятели новой «культуры», как в России, так и на Западе, вслед за коммунистическими и демократическими идеологами решили обойтись без Бога. Целый век люди жили и воспитывались в атмосфере *отрицательной* «культуры». Именно в этом веке человеческая цивилизация произвела колоссальный рывок вперед в области научно-технического прогресса. И именно в этом веке были самые страшные, самые разрушительные войны. А культура, искусство, художественное творчество в сравнении с предыдущим веком подверглись духовной деградации. Теперь уже многим стало ясно, что на службе искусственных, обезбоженных идеологий творчество утрачивает свою изначальную духовную основу. Этот век воочию показал, что при отсутствии Бога в своей внутренней сущности искусство и культура — угасают.

Но инерция сильна. И мы еще долго будем соревноваться в погоне за оригинальностью и «новизной» неожидан-

ных фантазий художника. И мы еще долго будем повторять совсем не оригинальные мысли о необходимости в произведениях искусства новых интонаций, стилей, своеобразия языка и других изобразительных средств, начисто забыв о главном. О том, благодаря чему и для чего мы пришли в этот мир. Так называемые «христианские» поэмы Ю. Кузнецова были возможны только вследствие того, что весь XX век культивировалась *отрицательная* литература. Однако их появление — факт положительный, т.к. они заставили задуматься над затронутой здесь проблемой и заговорить о том, о чём раньше, в прошедшем веке, предпочитали помалкивать.

И в заключение — два абзаца из статьи «Во имя Истины»:

«Когда через две тысячи лет после рождения и воскресения Христа кто-то делает Бога персонажем своих фантастических «произведений», — это и есть грех гордыни. Потому что мы всё время забываем о том, что речь идет о Боге. Это Он однажды всех нас сделал персонажами человеческой истории. И вот теперь мы возомнили себя творцами Бога. А литературные критики с профессиональным знанием своего дела объясняют неразумным читателям, как хорошо, как умело и с какой бездонной глубиной это всё нами придумано. Не случайно же слово «искусство» имеет корень «искус», то есть грех. И чтобы творчество не стало грехом, духовная литература давно ответила на этот вопрос: «Божественная цель слова в писателях... — спасение человеков» (Игнатий Брянчанинов)».

«Хватит нам из возгордившейся литературы делать фетиш. Она принесла людям столько же пользы, сколько и вреда. Нынешнее оголтелое безнравственное телевидение — это в большой степени продукт литературы для масс. Потому и погряз мир в разврате и цинизме, что им отвергнуты религиозные постулаты, названные критикой «инквизиторскими». Потому и стало искусство *отрицательным*, что лежат невостребованными книги православных духовных наставников, в которых всё давно сказано просто и ясно: «Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут... (Игнатий Брянчанинов)».

Критика то и дело пытается раскрыть нам «метафизику» творчества. Можно, конечно, при сильном желании расшифровать, растолмачить в нужном русле любые заумные стихотворные тексты. Но зачем и для чего? Поэзия не нуждается в толмачестве. И если тексты эти нужно расшифровывать, то они — всё, что угодно, только не поэзия. Метафизика не приближает к Истине.

У Василия Розанова есть фраза: «Россию сгубила литература». Это в значительной степени верно. Нужно только уточнить, **какая** литература.

*Декабрь 2013 («Немига литературная»,
г. Минск. 2014. №2)*

Полемиические заметки, реплики, выступления

ОБОШЛИСЬ БЕЗ РАЗГОВОРА О ТВОРЧЕСТВЕ

Развернувшаяся дискуссия молодых литераторов на Форуме творческой молодежи г. Москвы по проблемам творчества и книгоиздания вылилось в обсуждение одной проблемы — книгоиздательской, хотя и звучала в некоторых выступлениях озабоченность все уменьшающимся вниманием к историческому прошлому нашей Родины в творчестве молодых прозаиков и в особенности драматургов.

Конечно, за последние годы проблема книгоиздания превратилась в одну из самых трудных в жизни современных писателей и прежде всего — молодых. Выступающие справедливо сетовали на то, что рукописи много лет лежат в издательствах, не рассматриваются или же читаются большим числом рецензентов, редакторов, ввергаются в бесконечную круговерть издательско-бюрократического аппарата, но до типографского станка так и не доходят, а если и публикуются, то лишь после долголетних мытарств и ожиданий авторов.

Однако выход из существующего положения ряд выступающих видел исключительно в создании кооперативных издательств, где публикация рукописей якобы будет значительно упрощена и ускорена. Приходится подчеркнуть, что вообще большинство участников дискуссии вело разговор не о том, **что именно** они собираются издавать, а о том, **как бы поскорее** выходило в свет всё, ими написанное. Некоторые из них, как мне кажется, пришли не дискутировать, а вопреки демократичности Форума **диктовать** свои условия, требовать для себя неограниченных льгот, навязывать свой список членов так называемой «инициативной группы» по

«проталкиванию» рукописей в издательствах. Один из них призывал даже заставить редакторов «бояться» отвергать чью-либо рукопись...

Я считаю, что все это — не выход. По моему убеждению, необходимо первым делом упростить прохождение новых произведений в уже имеющихся государственных издательствах, для чего нужно просто-напросто их редакторскому составу строго соблюдать установленные нормативные сроки рассмотрения рукописей — без волокиты и бюрократизма.

Кооперативные издательства, наверное, возможны, но возникает вопрос: кто в первую очередь будет в них издаваться, не отойдет ли признак таланта в этом случае на последний план — в сравнении с материальным цензом автора?

Лично мне показалось, что проблемы творчества мало волновали молодых участников литературной дискуссии. Во всяком случае, она закончилась именно в тот момент, когда, в конце концов, была сделана попытка перейти к разговору о самом творчестве молодых...

1986 («Московский литератор». 1986. №52)

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Сколько бы ни писали и ни говорили о достижениях так называемой перестройки, все же за год после Форума творческой молодежи Москвы в жизни молодых писателей ничего не изменилось к лучшему. Из всех обещаний, планов и надежд, которыми нас интриговала Московская писательская организация, не осуществилось практически ничего. Прекратились даже разговоры о кооперативных издательствах. Давно замечено: всё, о чем непомерно много говорят, неизбежно тонет в болоте словопрений.

Те молодые, кто искал себе разных выгод и поблажек, целый год суетились, болтали, эпатировали публику на «литературных» вечерах, поносили на всех углах, как они говорили, «изживший себя» Союз писателей, пытались со-

здать независимый союз литераторов, но к концу этого года косяком ринулись в СП, когда им пообещали принять их в него всей толпой. Надо сказать, что мы явились свидетелями беспринципности руководства СП СССР, пожелавшего в обход собственного устава и всех пока еще существующих порядков принять в Союз писателей людей, для литературы сомнительных, о чем не раз говорила критика, людей, большая часть которых не имеет не только собственных книг, но и значительных публикаций в периодике. Людей этих, именующих себя «нонконформистами», «литераторами новой волны» и т.д., для отвода глаз и для некой странной «пропорциональности» (а скорее для общего спокойствия и более легкого приема) решили «разбавить» молодыми писателями, действительно давно и серьезно работающими в литературе, издавшими талантливые книги и немало лет ожидающими своей очереди приема в СП. Безнравственность такого решения возмутила очень многих. Ведь если кому-то надо «омолодить» Союз писателей (хотя что могут дать литературе искусственные вливания?), то это легко сделать из тех молодых, которые, имея по несколько книг каждый, уже два-три года ждут и не могут дожидаться своей очереди приема в СП на Бюро творческих объединений и Приемной комиссии. Почему же никто не подумал про них? Разве это не оскорбление всех молодых московских писателей?!

Но честно работающие молодые литераторы сами преподали урок нравственности старшим товарищам из руководства СП. Они отказались обходным, льготным путем вступать в Союз писателей. И тем самым обрекли на успех всю эту неблагоприятную затею.

Конечно, процедура приема в СП требует коренных изменений. Но пусть ее сначала изменят — после обсуждения на Съезде писателей, а потом уже — принимают на основании нового порядка, ставя всех в равные условия и не создавая никому лазеек и поблажек. Сейчас вызывает усмешку лозунг двадцатых годов: «Рабочих — в литературу!» Не будем впадать в другую крайность под лозунгом «В литературу — нонконформистов!»

От разговоров надо уметь переходить к делу. Повторю свою мысль, уже высказанную мной в печати: настоящий талант делает свое дело во все времена, несмотря ни на ка-

кие «негативные явления». Андрей Платонов сделал *свое дело*, совершил свой писательский подвиг в самые трудные для литературы времена. Дело писателя прежде всего в **создании** прекрасных произведений.

Серьезно работающие молодые писатели тоже делают *свое дело*. За прошедший год издали талантливые книги В.Карпец, Ю.Никонычев, М.Попов, Н.Шипилов, Ю.Сергеев, П.Паламарчук и другие. Они страстно выступали в печати («Москва» №6, «Молодая гвардия» №9), подготовили к выходу в свет коллективный сборник своих поэм, добились права издания новых литературных альманахов «Слово» и «Звено». Это ли не убедительное свидетельство их творческой состоятельности на фоне нытья и коллективных жалоб в «Литературную газету» нонконформистов на то, что их критикуют и что «Молодая гвардия» отказала в издании их экспериментаторских опусов! А почему, собственно говоря, нужно публиковать то, что неталантливо и бездуховно?

11 декабря 1987 г.

ЧТО ТАКОЕ «МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА»?

До чего же много идет сейчас разговоров о «новой волне», о «новом поэтическом мышлении» и «новых веяниях» в нашей литературе! Вот я и сам опубликовал несколько статей в центральных журналах о ставших непреодолимыми «проблемах» молодой поэзии. К ним я вернусь и на этот раз, но сначала хочу высказать несколько своих мыслей по поводу набивших оскомину «проблем» молодой литературы на основании собственных наблюдений, собственного горького опыта вхождения в литературу, будучи долгое время так называемым «молодым литератором».

Что такое «молодая литература»? Почему и когда она вошла в обиход нашей культурной жизни? Давайте будем откровенны и поговорим об этом всерьез, благо время такому разговору способствует.

По моему убеждению, проблемы «молодых» не существовало и не могло быть при нормальном, естественном раз-

витии литературы. В прошлом веке русские писатели в общении между собой были равны, несмотря ни на какой возраст. Пятидесятилетний поэт Жуковский на равных общался с тридцатилетним поэтом Пушкиным. Тридцатилетний Белинский как с вполне зрелым, профессионально сложившимся писателем разговаривал с двадцатипятилетним Лермонтовым. У него и в мыслях не было подумать о Лермонтове и тем более написать о нём как о м о л о д о м литераторе.

«Молодые» появились тогда, когда был создан Союз писателей. И до сих пор «молодыми», как правило, считаются те, кто не является членом СП, то есть — кандидаты в этот Союз, несмотря опять же ни на какой возраст. «Молодых» пестуют, им «помогают», готовят для вступления в творческую организацию, где они получают некоторые привилегии по отношению к тем, которые еще долго будут ходить в «молодых», порой больше мечтая об этих самых привилегиях, нежели о серьезной, плодотворной работе.

«Молодым» трудно издаваться, им подчас создают искусственные препоны, их рукописи по многу лет лежат в издательствах без движения только потому, что они — «молодые», и вход в литературу, то бишь в Союз писателей, для них строго ограничен, у этой организации нет возможностей распространять те самые привилегии на всех пишущих (Союз писателей, как часто говорят, не резиновый). Вот и маются эти взрослые люди, дожив до седых волос и бород, захваченные единственным стремлением — проникнуть в спасительный Союз, дабы обрести статус законной творческой личности, избавившись от упреков строгих органов в тунеядстве (когда сорокалетнего прозаика принимают в СП, он сразу же перестает считаться молодым). Только тогда они смогут себя чувствовать на равных со всеми обладателями членского писательского билета. Но для этого им надо пройти четыре инстанции с тайным голосованием. И не дай Бог, если при каком-то из этих голосований не хватит хоть одного голоса!.. Отсюда исходят все «проблемы молодых».

Для них организуют семинары, местные и Всесоюзные совещания, где говорят о слабых и сильных сторонах их творчества, и этим в большинстве случаев ограничиваются. Если раз в четыре года из пятисот участников очередного

Всесоюзного совещания пять человек рекомендованы для приема в СП, то считается, что совещание прошло успешно...

«Молодым» прощают недостатки, оправдывая издержками молодости и творческого роста. К ним относятся снисходительно, и к этому они привыкают. Молодежные подборки стихов и рассказов, опубликованные в периодике, даже пусть и слабые, оптимистически расхваливают в обзорных статьях, называя «свежей струей» и «чистым дыханием». И некоторым «молодым» даже нравится оставаться в этой категории пишущих, потому что другой возможности опубликоваться, кроме как в коллективе, в «братской могиле», у них попросту нет никаких шансов. Печатаясь таким способом, многие «молодые» доживают до преклонных лет.

Настоящий же поэт никогда себя не ощущает молодым. Он смотрит внутрь себя и видит бесконечный мир образов и фантазий своей души. И он остается один на один с этим миром, с богатой душой, умудренной глубоким жизненным опытом, пострадавшей, даже если сам поэт прожил еще недолго. Поэтому настоящий поэт не боится одиночества. Талантливая душа наделена зрелостью, природным чутьем к прекрасному и безобразному, она формируется гораздо быстрее физического созревания человека. К тридцати годам настоящий поэт — мудр не по годам, его творческие способности находятся в апогее своего развития, а душа — в состоянии высшего полета, в пору своего поэтического цветения. Время это может долго продлиться, а может быстро угаснуть. Кому как дано свыше, от природы, от меры таланта, развитого серьезным трудом. Но посмотрите: где наши тридцатилетние члены СП? Да их попросту нет. Они все ходят в «молодых», которым надо научиться ловчить, приспособливаться, кланяться, подлаживаться под критические и редакторские мерки, чтобы опубликоваться, пролезть, пробиться, обратить на себя внимание. А иначе — не заметят, не издадут, не примут... На это уходят многие годы. Вот к чему свелась деятельность «молодых» тридцатилетних, вот почему в этом веке мы имеем последнего великого тридцатилетнего поэта до образования Союза писателей... И быть ему еще не скоро.

Но если в тридцать лет поэт не проявил своей гениальности, то в сорок — уже не проявит. И здесь никчемны

ссылки на Тютчева и Фета. Они и в тридцать лет были гениальны. И не условно, а по своему творчеству.

Поэт — дитя «свободной стихии». Он не родится и не уживется в рамках Союза писателей. Он должен летать выше и видеть дальше, хотя бы за те пределы, где кончаются владения секции поэзии местной писательской организации.

1988 («Московский литератор». 1988. №10)

НЕ БУДЕМ БОЯТЬСЯ ПРАВДЫ (Выступление на собрании московских поэтов)

После публикации в журнале «Москва» небольшой статьи под названием «Кому памятник?», в которой шла речь о памятнике жертвам репрессий двадцатых—тридцатых годов, я получил массу читательских откликов. Вот что говорится в одном из писем: *«Мне иногда кажется, что сегодня главными инициаторами и носителями «культы» в стране являются самые неукротимые «разоблачители» Сталина: Коротич, Шатров, Гельман, Заславская, Вознесенский, Евтушенко, Войнович и многие другие, им подобные (в том числе и работники радиостанции «Свобода»). За последние месяцы мы не раз наблюдали примеры с их стороны истерических реакций на организацию «Память», на статью Нины Андреевой в «Советской России», на пленум Союза писателей РСФСР и т.п. Так, в нашей прессе я насчитал более двухсот статей, дискредитирующих общество «Память», однако, когда был раскрыт истинный автор письма «боевиков «Памяти», напечатанного в журнале «Знамя», то наши органы печати не придали этому факту никакого значения! А ведь это была провокация века! Становится страшно, когда видишь, что может сделать с общественным мнением страны один Норинский, написавший и разославший восемьдесят подметных писем. И с ужасом думаешь: а что могла бы сделать тысяча таких, как он, при подобном старании и такой же целеустремленности! В.М. Богданов, г. Новгород».*

Я прошу обратить внимание писателей на такой факт, подмеченный читателем из Новгорода: в прессе он насчи-

тал более двухсот публикаций с нападками на общество «Память», а как только был публично разоблачен автор, подписавшийся «боевиком «Памяти» в десятом номере журнала «Знамя» за 1988 год, то пресса действительно не придала этому никакого значения. А журнал «Огонек», как все видели, попытался даже защитить и оправдать провокатора Норинского. И мы с вами тоже, в принципе, не придали этой истории особой важности. Но если вдуматься, то невозможно не согласиться с тем, что мы и в самом деле были свидетелями провокации, достойной небезызвестного Азефа, в которой Бакланов выступил покровителем. Сейчас кое-кто пытается выгородить главного редактора «Знамени» и называет ту публикацию всего-навсего «ошибкой». Но хочется спросить: в чем ошибся Бакланов? В том, что не рассчитал возможности быстрого разоблачения автора анонимки? Или в том, что ее автором оказался человек нерусской национальности? А если бы, не дай Бог, оказался русский? Или, еще хуже, — действительно член общества «Память»? Тогда что — ошибки бы не было? Но скажите мне — в чем была цель той публикации в журнале «Знамя»? Какую цель преследовал лично Бакланов, публикуя то подметное письмо? А цель была та же самая, что и у Норинского: спровоцировать репрессии. Пусть даже против общества «Память», но — репрессии (хотя, впрочем, почему «пусть даже»? Большинство членов «Памяти» — это достойные уважения русские люди, настоящие патриоты своей страны). То есть — разжечь национальные страсти, искусственно породить всеобщее возмущение, сделать шаг навстречу гражданской ненависти. Разве не так? Как же тут можно вести речь о какой-то ошибке? И дело здесь не в том, что согласно закону никто не имеет права не только публиковать, но даже рассматривать анонимные письма, а в том, что сам Бакланов вслед за Норинским выступил в роли провокатора.

Не потому ли сейчас Бакланов отмалчивается? Он не выразил даже малейшего сожаления о случившемся. Поэтому я смею утверждать, что Бакланов ни о чем и не сожалеет, а если и разочарован, то только тем, что так быстро был разоблачен вместе с Норинским. Но я хочу сказать прямо: Бакланов выступил в этой истории как провокатор. И если он до сих пор не раскаялся, это значит, что в буду-

шем он способен будет вести себя так же. Никто не знает, что он приготовит нам на завтра. И мы не имеем права смотреть на это сквозь пальцы. Почему-то ни в одной секции московские писатели не высказали своего отношения к этой истории, не придали никакого значения поступку коммуниста Бакланова.

Наши отечественные «гуманисты» и «демократы» в кавычках типа Коротича, Евтушенко и т.п. очень любят по любому поводу указывать на Запад: вот, мол, как поступают честные и принципиальные люди в истинно демократическом обществе. Так вот, в демократическом обществе при подобных провалах функционеры уходят в отставку. А у нас им хоть бы что. Коротич опозорился с восхвалением книг Брежнева (до сих пор утверждает, что статьи о Брежневе, подписанные им, писал не он) — и ничего, улыбается с экрана телевизора, как ни в чем не бывало, вместо того чтобы сгореть со стыда или хотя бы покаяться. Но нет, мужества не хватает, ведь мужество надо воспитывать в себе всей своей жизнью. Бакланов тоже опозорился на всю страну — и ничего, выставляет свою кандидатуру кандидатом в депутаты Верховного совета. И все мы спокойно на это смотрим, а многих из нас это даже не возмущает, мы к этому привыкли.

Теперь несколько слов о комитете «Апрель». Я присутствовал на их первом организационном собрании и был свидетелем, как Алла Гербер вышла на трибуну и совершенно серьезно заявила: «Я не хочу спать в постели с ненавистным человеком...», — имея в виду, как потом выяснилось, Союз писателей и газету «Московский литератор». И это мнение, в общем-то, было сочувственно встречено всем собранием и в целом поддержано. И хочется ответить Алле Гербер: так ведь никто же вас не неволит — не спите, если вы на самом деле такая принципиальная, уйдите из этой ненавистной для вас «постели», то бишь из Союза писателей. Но дело в том, что Алла Гербер и другие члены «Апреля», называя себя независимыми, все-таки пока что желают в этой самой «постели» **оставаться**. На всякий случай...

И далее: комитет ППП, как они себя называют, подписал обращение в поддержку Соломона Рушди, автора книги «Сатанинские стихи», и многие из членов комитета в своих выступлениях поносили Хомейни, приговорившего

Рушди к смерти за оскорбление ислама и арабской нации. Смертный приговор — это, конечно, крайность. Но это не значит, что Рушди достоин полного уважения и всемирной поддержки. Оскорбление не должно оставаться безнаказанным. И я не верю в искренность этих наших «апрельских гуманистов». Каждый день нам телевидение показывает, как израильтяне убивают безоружных палестинцев, издеваются над ними, травят газами, бросают за решетку, и никого из «апрельцев» это не возмущает, никакого обращения в международный суд от них не поступило и конечно же не поступит. А тут весь Запад, как по команде, поднялся на защиту Рушди и наши «апрельские гуманисты» тут как тут. И самое удивительное то, что почти никто из нас этого потрясающего лицемерия просто не видит. Многие из нас привыкли к тому, что их оскорбляют на каждом шагу, называют «детьми Шарикова», шовинистами, фашистами, черносотенцами — и они хлеблют это молча, втянув головы в плечи, как будто живут в оккупированной стране, сидят и помалкивают, набрав в рот воды. При таком отношении к себе мы будем хлебать оскорбления вечно. Все наши беды от нашей трусости. И поистине нужен был Хомейни, чтобы все увидели, как надо реагировать на оскорбления. Хотя сам я, повторяю, против подобных мер. Однако не отвечать на унижения и оскорбления — вдвойне безнравственно.

Теперь о «Московском литераторе». Я считаю, что наша московская писательская многотиражка — одна из самых демократических газет столицы. Назовите мне хоть один другой орган печати, где бы так свободно могли выступить обе полемизирующие стороны? Да просто нет у нас пока что другого такого органа. «Литгазета» (1989. №13) попыталась недавно сделать нечто подобное, но все равно в диалоге Сарнова с Кожиновым последнее слово предоставили Сарнову, который голословно заявил, что не согласен ни с одним доводом оппонента и поставил на этом точку (я говорю о последнем слове Сарнова, потому что он выражает обычную политическую и литературную точку зрения «ЛГ»). Следующий же подобный диалог Чупринина с Латыниной вообще продемонстрировал односторонний — литгазетовский — взгляд на текущую литературу со сторон обоих «оппонентов».

Но посмотрите «Московский литератор». Вслед за статьей М.Лобанова вышла статья М.Синельникова. Вслед за статьей В.Калугина напечатана статья Б.Хотимского. После публикации программы «Товарищества русских художников» опубликована программа комитета «Апрель». В прошлом году была напечатана моя полемическая статья «К диктатуре организованного спроса?» и буквально через номер вышло критическое мнение об этой статье. То есть так называемый плюрализм проявляется в этой газете как нигде. Однако нашим *левым* очень хотелось бы, чтобы мнение *правых* вообще не публиковалось в «МЛ». И потому такой крик они подняли, столько искреннего возмущения с их стороны проявилось, когда «МЛ» начал печатать тех, кто с ними не согласен. Конечно, куда приятнее им были старые «застойные времена», когда печать одногласно выражала лишь их единственное и «неоспоримое» мнение. Они все еще никак не поймут, что пришло время, когда им ничего не остается, как согласиться с отражением на страницах печати другого взгляда и к этому привыкнуть.

1989

К СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИВЫКНУТЬ НЕЛЕГКО (Ответ на «Письмо в редакцию» П.Градова*)

В своей статье «Для кого освобождают пьедесталы?» («МЛ» от 31 марта 1989 г.) я спорил с теми, кто, пользуясь монополией на средства массовой информации, чуть ли не законодательно стремится утвердить мнение, будто для преодоления переживаемого ныне нашим народом нравственного тупика необходимо объявить преступными лишь сталинские репрессии. Так, сравнивая выступление Бухарина против Сергея Есенина и крестьянских поэтов с известным выступлением Жданова против Ахматовой и Зощенко, я задал такой вопрос: «Неужели в наше время возможно

* Павел Градов. «Письмо в редакцию». Московский литератор. 1989. №21-22.

сбросить с пьедестала одних вандалов и тут же — поднять на освободившийся пьедестал других?» Смысл этого вопроса П.Градову, видимо, показался непонятным. Или понятным, но — «кошунственным».

Что же, давайте переведем разговор в плоскость его, П.Градова, аргументов. Давайте сформулируем вопрос следующим образом: неужели «родственникам погибших в сталинских лагерях, да и всем нормальным людям, которые знают, что не в борьбе с контрреволюцией, не во время гражданской войны, а в мирные годы Сталин запустил человеческую мясорубку», было бы легче, если бы никто не вспомнил уничтоженного Троцким красного командира Ф.К. Миронова, а также — казаков, уничтоженных лишь за то, что они родились казаками, и расстрелянного Зиновьевым поэта Н.Гумилева? Но могут ли без возмущения «нормальные» люди читать в «Огоньке» о Бухарине: «Перед нами один из исторических примеров высокой нравственности, такие примеры не просто восхищают, но и воспитывают»? Что, у Бухарина застрял кусок хлеба в горле, когда умирали в деревнях миллионы людей, а он, сидя в Кремле, фантазировал: «...пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Или, может, данная «теория», по мнению Градова, не есть идеология? И вообще, каким себе представляют П.Градов и его единомышленники «нормального» человека?

П.Градов называет «кошунственным» утверждение о том, что «Сталин лишь увеличил мощь, ускорил обороты этой человеческой мясорубки». Но чтобы согласиться с Градовым, надо считать образцом «высокой нравственности» мечтающего о трудармиях Троцкого, благоговееющего перед «пролетарской секирой» Бухарина и желающего «несколько увеличить» число заключенных в стране Рыкова...

Решившись даже после стольких лет перестройки оправдать те преступления, к которым Сталин не имел отношения, П.Градов сослался на цитату из «Правды». Но трудно согласиться с тем, что перестройка затевалась лишь для того, чтобы окончательно поставить все с ног на голову и чтобы уничтоженного революционером Троцким народно-

го заступника Миронова мы стали считать более «инакомыслящим» для революции, чем сам Троцкий. Конечно же, не для этого была опубликована статья в «Правде»...

Самым же главным доказательством политической неблагонадежности «МЛ» П.Градов считает такую мысль: «Сталин глубоко впитал и на практике осуществил бесчеловечные планы идеологов партии». То есть, по убеждению Градова, до Сталина в партии было единомыслие, и, к примеру, Троцкий не был одним из идеологов, даже несмотря на то, что сам он публично называл себя «главным архитектором революции». И ведь даже школьникам уже известно, что как при Ленине, так и при Сталине *идеологом партии* был не кто иной, как Н.И. Бухарин. А Ленин и Сталин были в о ж д я м и. Но если даже при всём при этом для Градова «главным идеологом партии **был и остается В.И. Ленин**», то как тогда быть со сталинским периодом? Выходит, и тогда Ленин был «главным идеологом партии»? А беззакония, творимые в то время, вытекали из **его** идеологии?

Столь неожиданный поворот письма П.Градова и его удручающе *отсталый* взгляд на основную концепцию известного *Краткого курса* объяснить нетрудно. В то время, когда мы наконец-то посмели не числить в «верных ленинцах» Сталина, П.Градов пытается именем Ленина прикрыть и оправдать трагические страницы нашей истории, в которых Сталин играл не главную роль. Но, может быть, рассказывание проводилось вовсе не потому, что «главным» идеологом партии был Ленин?

«Зачем и кому нужны попытки обелить Сталина, оправдать чудовищные репрессии?» — спрашивает П.Градов, хотя трудно понять, отчего он об этом спрашивает, если я, во-первых, ни одним словом его не «обеливаю» (разве слова «увеличил мощь, ускорил обороты этой человеческой мясорубки» — есть обеливание?), а, во-вторых, не желаю делить вождей комдиктатуры на плохих и хороших?

О том же, **кто и когда** «запустил человеческую мясорубку», можно понять из слов Ф.Э. Дзержинского, сказанных им в одном из документов после Октябрьской революции: «Я предлагаю оставить эти концентрационные лагеря для использования труда арестованных, для господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения...»

Однако у меня тоже возникло немало вопросов к П. Градову. Например, для чего и кому необходимо подавлять чье-либо сострадание к «рассказаченным» казакам, к уничтоженным крестьянским поэтам, к «недоносителю» Н. Гумилеву? И чем отличается от Шеховцова тот, кто способен принимать в штыки любые попытки взглянуть на преступления против нашего народа, совершенные кем бы то ни было, кроме Сталина?

1989 («Московский литератор». 1989. №21-22)

БЕЗ ЧУВСТВА ЮМОРА

«Я всегда боролся с политическим сыском...», — объявил Е. Евтушенко в интервью газете «Вечерний Киев» (1990. №141), частично перепечатанном «Литературной Россией» (1990. №30). «Как только мне присудили Государственную премию за поэму «Мама и нейтронная бомба, — рассказывает он далее, — я сразу же обратился в Политбюро с требованием отменить цензуру». Что ж, в принципе, «поэт-интернационалист» обратился в Политбюро с неплохим требованием, хоть и лишь после того, как ему «присудили» Государственную премию... И теперь мы все, конечно, должны быть благодарны Евгению Александровичу за то, что цензуру в конце концов отменили...

В том же интервью «противник политического сыска» сообщает о никому не известных прежних гонениях на него: «...двенадцать (!) уважаемых писателей направили Брежневу письмо с требованием лишить меня советского гражданства и выслать из страны». По его свидетельству, этот вопрос был поднят на заседании Политбюро (!), где за «подвижника гласности» якобы вступился Косыгин, сказавший: «До каких пор мы будем превращать Политбюро в жэк, где зачитываются доносы?»

Ну как тут не согласиться: доносы писать нехорошо, даже в такую высокую инстанцию, как Политбюро.

Здесь же «поэт-демократ», демонстрируя широту своих взглядов, остерегает недоброжелателей общества «Память»,

пытается отстоять право этой организации на существование: «Возьмите, например, общество «Память» с ее откровенно профашистскими взглядами. Она бесчинствует, но разгонять эту организацию тем не менее нельзя», потому что «если завтра вдруг запретят «Память», на следующий день кто-то закроет «Мемориал», «Апрель»...»

Да, железная, вроде бы, логика у народного депутата: «Память», даже с ее, по его убеждению, «профашистскими взглядами» и «бесчинствами», разгонять не следует, чтобы сохранить «Мемориал» (в переводе с английского означающий «Память») и «Апрель» со всеми их откровенно просоциалистскими взглядами и бесчинствами.

Даже Нину Андрееву он защищает: «...если бы кто-то попытался запрятать ее за решетку (Евтушенко такое вполне допускает. — В.Х.), я первый бы против этого восстал. И добавляет: «Нужно хорошенько понять и помнить, что нетерпимость друг к другу может вновь привести к террору».

Браво, Евгений Александрович! Кто еще способен сомневаться в вашей бесстрашии и плюралистическом мышлении?

Правда, есть тут, в этом интервью, один маленький штрих, так, небольшой темный мазок на фоне блестящей саморекламы и незапятнанной биографии, ну просто капелка дегтя в медовом потоке самовосхваления: «Считаю, не мешало бы — и это не было бы в ущерб демократии и правам человека — устроить показательные процессы...»

Как «процессы»? Вот тебе раз... Может, это случайная оговорка «противника политического сыска»? Какие еще «показательные процессы»? Над кем? И это мы слышим из уст «антисталиниста», «демократа», хваленого «плюралиста», клеймящего со всех трибун «показательные процессы» 1937 года? Как это — «не в ущерб демократии и правам человека»? Кого же он собирается «показательно» судить? Оказывается, «тех, кто преднамеренно покушается на честь нации...» Может быть, тут имеются в виду те, кто оскорбляет и унижает одну из величайших в мире наций, обзывая ее «детьми Шарикова» и «русскими коалами»? Впрочем, вряд ли. Ведь по его собственному признанию, он «написал Горбачеву письмо с просьбой хоть где-нибудь, в одной из речей, упомянуть в ряду негативных явлений слово «антисемитизм» (какая болезненная потребность: хоть где-нибудь,

хоть в одной из речей!..). И теперь — выражает удовлетворение, что «оно таки прозвучало...»

«Письмо Горбачеву», конечно же, «народному избраннику» не представляется доносом, оно, разумеется, не то что письмо «двенадцати уважаемых писателей» в Политбюро... Ведь те собирались лишить его (самого Евтушенко!) советского гражданства, а тут всего-навсего — обвинение в фашизме, в антисемитизме, просьба показательных процессов над какими-то «русскими коалами»...

Но вот через месяц после данного интервью — новое признание «поэта-плюралиста»: «Однажды, встретив на съезде народных депутатов СССР тов. Мироненко (первого секретаря ЦК ВЛКСМ. — В.Х.), я сказал, что собираюсь написать открытое письмо ему о том, что этот сталинский журнал («Молодая гвардия». — В.Х.) занимается всем, чем угодно (!), за исключением воспитания молодых. Товарищ Мироненко успокоительно просил меня не выступать с таким письмом, заверяя, что А.Иванов вот-вот будет снят решением Секретариата ЦК ВЛКСМ. Ну, где же ваше честное комсомольское слово, тов. Мироненко? И скажете ли вы свое слово, тов. Зюкин?» («Книжное обозрение». 1990. №31).

Да, видно, надолго и крепко мемориальной памятью усвоил Евтушенко опыт «двенадцати уважаемых писателей» строчить доносные письма уступчивым верхам при всем рекламном декларировании «борьбы с политическим сыском»!

Чем же так насолил журнал «Молодая гвардия» и лично его главный редактор известному «демократу-плюралисту», что тот не постеснялся на всю страну объявить о своем доносе на журнал и требовании снять с работы А.С. Иванова? Ведь согласно его «железной» логике, даже общество «Память» «нельзя разгонять», чтобы, не дай Бог, не разогнали «Апрель»... Даже за Нину Андрееву он готов «первым восстать», понимая, что «нетерпимость... может вновь привести к террору»... А тут — вдруг такая негибкость! Снять главного редактора! — и точка. Дескать, не плюралист. Или намеренно «прораб перестройки» разжигает рознь, предвидя, что в ответ кто-то захочет снять и Ананьева, и Коротича, и Бакланова, и Аверина?.. Хотя в данном случае логика явно изменила «противнику нетерпимости», и тут даже «террор» ему не страшен. Как говорится, плюрализм в действии...

Но все же отчего Евтушенко так нетерпим к журналу «Молодая гвардия», что готов яростно доносить на него и, словно орден, вешать себе донос на грудь, признаваясь в мемориальном плюрализме публично? Оказывается, вот отчего: «Журнал «Молодая гвардия», который должен быть по замыслу своих основателей «кузницей молодых кадров литературы», стал кузницей групповщины, шовинизма».

Какие тому доказательства? Вот они: «При проведении совещаний молодых писателей наше поколение практически было оторвано от них руководителями ЦК ВЛКСМ — нам не доверяли семинаров». «Поэт-демократ» обвиняет ЦК ВЛКСМ и журнал «Молодая гвардия» в зажиме молодых дарований в угоду «групповщине и шовинизму», навязывая читателям «КО» мысль о том, что-де талантливой поэтической молодежи выход на страницы нашего журнала намертво закрыт (так уж получается, что «шовинизм» Евтушенко пристегивает к ЦК ВЛКСМ, куда сам же доносит на «сталинский», по его словам, журнал).

Однако «интернационалиста-доносителя» легко уличить в неправде: на нескольких Всесоюзных совещаниях молодых писателей он являлся руководителем поэтических семинаров. Причем его семинары всегда были самыми многочисленными по количеству молодых поэтов. Где же они? Кого из талантливой молодежи воспитал, ввел в литературу этот «мэтр», обделенный, как он считает, вниманием ЦК ВЛКСМ? Что-то не слышать о таких. Впрочем, есть два имени, «открытых» под его влиянием: А.Щуплов (работник «КО») и девятилетняя, творчески загубленная им Ника Турбина, которую он в начале 80-х годов для саморекламы возил в Италию и показывал как поэтическое «чудо природы». Повозил и бросил...

Разве журнал «Молодая гвардия» — единственный печатный орган для представления читателям молодой поэзии? Уж кто-кто, а Евтушенко имеет и всегда имел в этом смысле более чем широкое поле приложения своих возможностей для помощи молодым — от «Юности» до «Огонька» даже без использования в корыстных целях статуса депутата. Сам-то он, как никто во все времена — от сталинских до нынешних, — получал неограниченный выбор органов печати для собственных публикаций.

Но возьмем «групповой» журнал «Молодая гвардия»: в «Библиотечке» журнала каждый год издается 52 книжки молодых авторов (в основном — первые книжки) самых разных национальностей нашей огромной страны, в том числе и еврейской (это к слову о «шовинизме»). Всего же за время существования «Библиотечки» журнала «Молодая гвардия» к концу 1990 года вышло в свет 467 таких книг. Десятки (если не сотни) молодых советских поэтов, прозаиков, критиков, публицистов по этим книжкам были приняты в Союз писателей СССР (это к вопросу о «кузнице молодых кадров литературы», по поводу чего иронизирует наш «поэт-демократ»).

Что же касается новой евтушенковской «находки», представляемой им на страницах «Книжного обозрения», и которой, по его выражению, «должны быть посвящены» «весь журнал «Молодая гвардия» и весь важнейший отдел по работе с молодыми авторами одноименного издательства», а именно — Н.Грачевой, то судить о ее стихотворчестве можно хотя бы по тем строкам, что цитирует сам рекомендатель:

Не всплачет никто, не заохает,
Когда меня измудохают
И вышвырнут на раздорожие,
Чтоб в страхе крестились прохожие!

Нам только и остается — «в страхе» перекреститься от подобной деятельности народного депутата по «воспитанию» и рекламе таким вот способом «молодых кадров литературы».

1990 («Молодая гвардия». 1990. №11)

СТРАННЫЕ ОПРАВДАНИЯ

В «Литературной России» от 27.09.91 г. главный редактор журнала «Литературная учеба» В.Малютин попытался оправдаться в ответ на публикацию выдержек из письма нашей редакции в газете российских писателей («ЛР». 1991. №37). Честно говоря, оправдания эти выглядят мало-

убедительными и довольно странными. Когда 23 августа наши коллеги-журналисты из других редакций издательства «Молодая гвардия» повесили на наших дверях «Обращение к журналу «Молодая гвардия», требующее сменить редакционную коллегию или, в противном случае, — выметаться из здания, и когда мы увидели, что под тем оскорбительным текстом среди прочих стоит гриф «Литучебы», то нам было не до вопросов о том, сколько же на самом деле работников этого журнала разделяют погромные позиции данного «Обращения». Перед нами был недвусмысленный документ, которым нам угрожали. Теперь, задним числом, В.Малютин может называть его «частным делом журналистов», хотя сам он должен понимать, что в той ситуации *левого* контрпереворота такой документ никак не мог выглядеть чьим-то «частным делом» и имел очень ясную и конкретную цель, объяснять которую В.Малютину, думается, излишне.

Вполне логичным было бы принести в своем «ответе» публичное извинение нашей редакции за это хамское «Обращение», невольным соучастником которого стал журнал, возглавляемый Малютиным, но уж никак не предъявлять претензии нам по поводу того, что мы «вовремя» не внесли изменений в текст своего письма (кстати, опубликованное в №10 «МГ» это письмо под названием «Литературные погромщики, опомнитесь!» не упоминает «Литературную учебу»). Считаем, что «соответствующие коррективы» **вовремя** должна делать у себя в коллективе нападающая сторона, а не наоборот... Но если уж не удалось «вовремя» остановиться, то надо хотя бы постараться не обвинять в собственных грехах других...

Однако даже и в этом своем «ответе» В.Малютин решил заодно оправдать **всех**, подписавших то небольшевистское «Обращение», чтобы одним махом обелить себя не только перед нами, но и перед ними. Все дело, оказывается, в том, что «не все журналисты ИПО «Молодая гвардия» разделяют большевистские идеи журнала «Молодая гвардия» (!).

Во-первых, странно такое слышать от человека, совсем недавно претендовавшего на должность главного редактора нашего журнала. А во-вторых, скорее всего В.Малютин последние пять лет вообще не брал в руки «Молодую гвардию», которая именно в эти годы, в отличие от «Литучебы»,

из номера в номер развенчивала интернационал-фашистские идеи «пламенных марксистов-революционеров». В качестве же продолжения и развития «большевистских идей» в наши дни вполне можно считать то самое «Обращение» к «МГ», под которым среди прочих стоит и гриф журнала «Литературная учеба».

1991 («Московский литератор». 1991. №18)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

Добрый вечер, дорогие мои друзья.

Я очень рад вас всех видеть, я рад, что вас так много, что этот зал полон единомышленников, друзей, ценителей поэзии и патриотов России.

Я вас всех приветствую и надеюсь, что сегодняшний вечер мы благополучно доведем до конца, несмотря на то, что сегодня 13-е и к тому же — пятница...

Мы сейчас живем в такое жуткое время, когда каждый прожитый год отнимает столько нервных, душевных и физических сил, сколько при нормальной жизни тратится, наверное, в течение пяти лет, и сегодняшнее событие для меня очень необычно и даже странно, потому что все последнее время я был занят совсем другими мыслями, и этот полувековой рубеж мне свалился на голову как-то совершенно неожиданно.

Многие мои знакомые и читатели меня спрашивали: а что означает 30-летие творческой деятельности? Поясню. Творческая деятельность у литератора начинается со дня первой публикации. Не со дня написания первого литературного произведения — стихотворения, рассказа и т.д., а именно с первой публикации.

Ровно 30 лет назад, в 1968 году, когда я служил в армии, в Сибири, я опубликовал стихотворение в газете Восточно-Сибирского военного округа. И вы знаете, теперь я вижу, что в той публикации была своего рода глубокая симво-

лика. Газета, в которой я опубликовал то свое стихотворение, называлась «Патриот Родины». Это было тридцать лет назад.

Кстати сказать, тогда в той стране, в которой мы жили, в Советском Союзе, чуть ли не каждая вторая армейская газета называлась «Патриот Родины». И в этом тоже была своя символика и своя закономерность, потому что большинство народа Советского Союза были патриотами Родины. И это являлось нормальным состоянием нормальных людей.

Мы жили в великом государстве, которое уважали во всем мире, уважали и боялись, потому что признавали нашу силу. Мы были гражданами великого Советского Союза, мы гордились этим государством и уважали сами себя. Мы не стеснялись называть себя патриотами, и никто нас за это в нашей стране не имел права оскорбить. За спиной того государства стояла величайшая история, которая простиралась на несколько тысяч лет. И Советский Союз, пройдя через годы смут и жесточайших испытаний, в конце концов стал продолжателем громадного исторического пути, проложенного Российским государством до 1917 года.

Вот уже около десяти лет мы живем в другой стране, в стране, где на государственном телевидении слово «патриот» высмеивается, оскорбляется и унижается. В стране, где стало «непрестижно» называть себя патриотом Родины. А все дело в том, что у нас с вами отняли Родину, ту Родину, в которой мы родились.

После службы в армии мне пришлось много помотаться по стране. Я в своей жизни не только писал стихи и статьи. Я очень долгое время работал физически. Сначала по комсомольской путевке я уехал на Север, на строительство газопровода «Север-Центр». После Севера я строил КамАЗ, работал там монтажником-высотником. Оттуда я приехал в Москву и в течение пяти лет строил здесь жилые дома. Все эти годы, пока я работал на разных стройках, я продолжал писать стихи, которые публиковались в самых разных газетах — от районных многотиражек до центральных, в коллективных сборниках, во многих журналах, стихи звучали на радио, на телевидении. Всю свою творческую жизнь я писал в основном лирические стихи, так как по своей природе я — лирик. Но в те годы мною было написано немало

стихов о труде, на так называемую рабочую тему. В Советском Союзе труд рабочего человека пользовался уважением, и стихи о труде были естественны для того времени. Но вот в нынешнее демократическое время ни у одного поэта я не встречал стихов о труде. И это тоже показатель для наших дней.

В те годы я жил в вагончиках, в общежитиях, в коммуналках. Порой испытывал невероятные трудности и житейские неудобства, но никогда не приходило ко мне, как, наверняка, и к многим из вас, ощущение безысходности. То ощущение, которое мы с вами испытываем ежедневно в течение уже нескольких лет. Потому что у нас была Родина, над которой никакому русскоязычному политику, никакому банкиру и никакому сексомольскому журналисту не позволительно было издеваться в средствах массовой информации.

Я не хочу сказать, что тогда все было идеально и благополучно. Далеко нет. И тогда приспособленцы и лжецы занимали многие высокие посты. Достаточно только вспомнить биографию нынешнего астенического, а говоря порусски, невменяемого президента. Даже и тогда в газетах и книгах мы правду читали между строк. От нас скрывали подлинные события первых лет большевистской власти, нам не говорили правды об истинных жертвах гражданской войны, о подавлении Кронштадтского мятежа и крестьянского восстания в Тамбовской губернии, о расказачивании, о раскулачивании, мы не знали, из кого в 20-е годы состояли органы ЧК и НКВД. Нам долгое время морочили голову то культом личности Сталина, то баснями о хрущевской оттепели, то анекдотами о брежневском маразме. И многие из нас оказались духовно нестойкими, многие не сумели разглядеть лживости и подлости горбачевской гласности и перестройки. А вспомним кампанию по уничтожению неперспективных деревень. Вспомним нашу борьбу против поворота северных и сибирских рек. Ведь всё это было в советское время. Нынешняя война против нашей Родины готовилась уже тогда.

Очень скоро мы станем свидетелями окончания этого века. Двадцатый век справедливо называют жестоким веком. Никогда в течение одного века не было таких разрушительных и таких беспощадных войн, как в XX веке. И все

эти страшные войны XX века своим опустошительным вихрем пронесли по нашей земле и по нашим людям. Но и теперь мы с вами являемся жертвами, участниками и свидетелями новой страшной войны. Это самая подлая и самая изощренная война, потому что многим кажется, будто мы живем в мирное время. За последние пять лет число умерших и погибших на территории России превысило число родившихся на 7 миллионов человек. Эти данные опубликованы в газете «Советская Россия». Я хочу повторить, чтобы все поняли: не умерло, не погибло 7 миллионов, а число лишившихся жизни превысило число родившихся на 7 миллионов. Это значит, что умерших и погибших гораздо больше. Что это, если не война? Эти жертвы русского холокоста говорят о том, что с Россией сейчас идет невидимая третья мировая война. И союзников у русского народа в этой войне нет. Ну разве что только Белоруссия.

На самом же деле война с Россией и русским народом шла весь XX век. И мы обязаны это понять. Потому что если не поймем, то погибнем. А вот если поймем — то спасемся и выстоим. Года два назад я так и назвал одну из своих статей в «Молодой гвардии» — «Если поймем — спасемся». Но мы обречены это понять. Мы обречены на прозрение личности России в этом мире. Россия уникальная страна. Она как бы противостоит всему остальному миру, в принципе духовно погибшему. Причем я здесь имею в виду и Россию дореволюционную, и Советский Союз, и даже нынешнюю Россию. Как это ни парадоксально, но теперешняя российская власть — это тоже остальной мир, так как она здесь проводит интересы западных государств, враждебных России. Но Россия всегда ускользала из лап Запада, даже и тогда, когда, казалось, его ставленники полностью захватывали здесь власть. Россия одинока в этом мире. Остальной мир во все века пытался завоевать и погубить ее. Однако ему никогда этого не удавалось. Более того, Россия всегда спасала остальной мир. И те, кого она спасала, затем переходили в стан ее врагов.

Вы посмотрите: Запад сейчас стремится развязать новую войну в Европе. Все страны Запада просто окрысились против православной Сербии. Даже бывшие ее союзники из соцлагеря. И кто сейчас сдерживает новую войну в Европе? Только одна Россия. Сакральная сущность, то есть Божест-

венное предназначение самой России настолько велики, что даже теперешняя российская власть волей-неволей вынуждена выполнять эту неизбежную историческую роль.

Но нам с вами от этого не легче. Эта историческая роль слишком дорого обходится русскому народу. И чем мы духовно слабее, чем безразличнее, равнодушнее, трусливее, тем наши жертвы многочисленнее, тем горше и невосполнимей наши утраты.

Россия в конце XX века исполняла миссию распятого Христа и тем самым являлась спасителем этого мира, потому что без нее весь остальной мир погряз бы в безнравственности, не знал бы предела в жестокости и пожрал бы сам себя. Пример тому — две атомные бомбы, сброшенные на Японию апостолами демократии — США. И для того, чтобы сохранить мир на земле, мы обязаны быть сильными. Наша сила — это залог спасения самих себя и всего остального мира. Но для этого управлять Россией должны русские люди.

13 ноября 1998

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ «РЕЙТИНГА» ПОЭТОВ

Вот мы и дожили до этого дня, вот мы и дождались: журнал «Поэзия» расставил ныне живущих поэтов по местам. Правда, кое-кому места вообще никакого не досталось, эти кое-кто где-то там, ниже пятидесятого... Обидно, наверное. Что им теперь делать? Кому жаловаться?

Нехорошее слово «рейтинг», введенное в русскую речь политическими напёрсточниками типа Е.Киселева, теперь коснулось и людей возвышенного труда, людей, причастных к сфере духовной деятельности. Хотя, чего греха таить, мы и сами в прошлом то и дело провозглашали кого-то лучшим из лучших, первым из первых или вторым после лучшего... Вспомним некогда раздутых до небес Рождественского, Евтушенко, Ахмадулину, Гамзатова... Да и ныне продолжаем с придыханием повторять имя автора «черепа

отца», в свое время поднятое на щит стараниями Вадима Валериановича Кожина. Поднятого до такой степени, что он сам уверовал в собственную «гениальность» и теперь уже брезгает публиковаться вместе с другими поэтами в «Дне поэзии» по причине своей «исключительности». Случай курьезный, но горькая правда заключается в том, что имя этого «гения», не говоря уже о его стихах, за пределами узкого круга поэтов для народа России является пустым звуком и вообще ничего не значит — при всей той баснословной рекламе, сделанной ему и в нашей, и в не нашей периодике за последние тридцать лет.

Главный редактор журнала «Поэзия» Лев Котюков ссылается на каких-то безымянных «независимых экспертов» в определении наших мест, но мы-то не настолько наивны, чтобы не понимать, кто именно указал нам на наше положение в российской поэтической семье. Думаю, не до такой степени «независимые эксперты» хитры, чтобы в своем «Рейтинге» поставить Льва Котюкова на последнее место... Кстати сказать, лично мне вовсе не зазорно было увидеть свою фамилию в первой половине этого списка. Даже наоборот. Так что пишу я эти строки вовсе не из-за ущемленного самомнения, а по просьбе самого Льва Котюкова.

Итак, поглядим на этот самый «Рейтинг». Собраны в нём, за редчайшим исключением, в основном москвичи, будто бы Москва — это вся поэтическая Россия. В то время как творчество большинства поэтов из провинции нам и тем более «независимым экспертам» почти что неведомо. Однако есть всё же и пробившиеся, знаемые имена (вспомним, к примеру, Алексея Решетова из Перми и Виктора Лапшина из Галича). Но вот живет в Воронеже Владимир Шуваев, поэт сильный, глубокий, поэт русской всеохватной стихии. Многие ли в Москве, в цэдээльском буфете слышали о нём? Его для нас как бы нет. А вот Липкины и Миллер — давно закрепились в сознании.

Понятно, для чего в «Рейтинге» среди первых пятнадцати имен оказались Лиснянская, Ваншенкин и Липкин, хотя их вообще не должно быть даже среди пятидесяти. Мы по старинке все еще опасаемся обвинений в ущемлении национальных меньшинств, которые в своих изданиях и на телевидении стали поголовным большинством, и нас туда близко не подпускают. И никаких обвинений они не боятся.

Теперь — о главном. В любом списке, в любом рейтинге серьезное значение имеют только начальные позиции, первый десяток имен, после них имена можно расставлять в любом порядке, так как истинное значение поэта определяют только время и душа народа.

Россия всегда славилась множеством поэтов — хороших и разных. И, конечно же, их, настоящих, на сегодняшний день гораздо больше, чем пятьдесят. Но первая десятка — это те, кто завоевал право считаться главенствующими всей своей жизнью и именно поэтическими достижениями, а не с помощью навязчивых и корыстных «мнений». Ведь для того, чтобы быть крупным, значительным поэтом, недостаточно только писать стихи. Надо пройти путь поэта, нужно суметь не изменить поэтической судьбе, которая часто невыносима и порой трагична.

Так вот, если исходить из такого — наиболее объективного подхода, то с небольшой долей погрешности возглавлять десятку поэтов, живших и писавших до даты, указанной в «Рейтинге» (31 марта 2001 года), должны были первые пять имен: Цыбин, Куняев, Сорокин, Горбовский и, может быть, Фирсов. И только следом за ними мы вправе назвать Казанцева, Кузнецова, Глушкову, которой вообще не нашлось места в «Рейтинге» журнала «Поэзия», и (говорю со всей ответственностью) Владимира Шуваева. Десятое место я оставляю свободным, дабы «независимые эксперты» и все желающие могли заполнить его по своему усмотрению. Далее рассматривать имена хороших действующих поэтов, повторяю, можно в любом порядке. Главное, никого из них не упустить из виду.

С рейтингом поэтов XX века в целом можно согласиться, хотя и в нем слишком завышенно выглядят Чуковский, Вертинский, Поплавский и Несмелов на фоне того, что в этот список не попали ни Примеров, ни Прасолов, ни... автор этих строк. Да и Котюков, поставленный «независимыми экспертами» выше Ахматовой, Кедрина, Передреева и Шаламова, занял, не побоюсь сказать, чье-то чужое место.

В опубликованных «Рейтингах» главный редактор журнала «Поэзия» немного похулиганил, решил нас подразнить. Ну что ж, пусть теперь держит ответный удар со стороны еще живых, «действующих» поэтов.

2001 (ж. «Поэзия». 2001. №3)

ОТВЕТ «ПРИМИРИТЕЛЮ»

Автор Чонкина, прочтя мою подборку стихов в «Московском литераторе» (2001. №20), очень сильно обиделся за свою «мать родную» — дорогую и любимую Америку. В «Известиях» от 10 ноября с.г. он не удержался от цитирования четырех строк восьмистрочного стихотворения «Возмездие». Правда, смелости Войновича не хватило на то, чтобы процитировать стихотворение полностью и назвать автора. Он ограничился, по его мнению, саркастической характеристикой: «некий лауреат премии Сергея Есенина»... Мотивы Войновича понятны: зачем делать рекламу человеку из другого лагеря? Да еще, не дай Бог, многотысячный читатель «Известий» прочтет и запомнит стихотворные слова, близкие и понятные двум третям населения России:

С каким животным иудейским страхом
С экранов тараторили они!..
Америка, поставленная раком,
единственная радость в наши дни.
И не хочу жалеть я этих янки.
В них нет к другим сочувствия ни в ком.
И сам я мог бы, даже не по пьянке,
направить самолет на Белый дом...

Известинский комментарий под названием «Ненависть без примирения» призван, казалось бы, морально уничтожить автора вышеприведенных строк: «Для того, чтобы самому пойти на такое, надо иметь большую веру во Всевышнего и готовность к самопожертвованию ради пропуска в рай... В любом случае он (автор. — В.Х.) к примирению не расположен, но и на встречное движение ему не стоит рассчитывать. Его можно пожалеть как убогого, но находить с ним в человеческом общении — это уж слишком».

Но кто говорит такое? Представитель какого «человеческого общения»? Диссидентствующий эмигрант с двойным гражданством. В отличие от него я-то как раз верю во Всевышнего, в конце концов наказавшего эту обнаглевшую, бесчеловечную Америку (недаром стихотворение мое называется «Возмездие»). И уж кому-кому следовало бы указывать на Бога, но только не Войновичу с его убогим и уб-

людочным Чонкиным, отразившим ничтожный внутренний «мир» этого русофобского «романиста». И действительно: находиться в «общении» с Чонкиным и Войновичем — «это уж слишком» для русского человека. И с кем нам, извините, «примиряться»? С войновичами, чьи предки всю прошлую человеческую историю делали гешефт на войне?..

Что же касается самопожертвования, то войновичам этого никогда не понять: за пятьдесят с лишним лет противостояния Израиля с арабским миром среди евреев не нашлось ни одного мстителя-камикадзе.

P.S. Марк Кабаков в «Вечерней Москве» (01.11.2001) и Римма Казакова на телеканале «Культура» процитировали стихотворение «Возмездие» полностью (естественно, движимые обидой за Америку). Не понимают либеральные трещотки, что это цитирование безмерно радует миллионы сердец простых граждан России.

Ноябрь 2001

ОСТРОВК РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вышел в свет 2-й номер журнала «Русич» за 2007 год, издающегося в г. Обнинске бесстрашным русским патриотом Игорем Кулебякиным. Нельзя не сказать, что каждый номер журнала «Русич» — это одновременно и событие для русской общественной мысли, и личный мужественный поступок его главного редактора, настолько интересны, значимы и глубоко содержащиеся в нем материалы.

В новом номере и на этот раз впечатляюще поэтические страницы. И важно то, что основную часть их составляют стихи поэтов Калужской области — А.Карижского, Н.Осадчей, С.Андреева, Р.Маслевской, В.Ленской, А.Анцупова, Д.Калинина. И очень удачно подсвечивает их стихотворная подборка маститого, прославленного поэта Станислава Куняева, тоже, кстати, уроженца Калуги. А открывает номер глубокое и трагическое стихотворение И.Кулебякина «Господа юнкера... Господа...»

В заслугу главному редактору надо поставить довольно обширную публикацию стихов замечательных поэтов Белого движения — Арсения Несмелого и Николая Туровева. Возвращение их в русскую литературу — дело для нас необходимое. Эти стихи читаются с особым сердечным волнением.

Необычайно сильны во втором номере публицистические материалы. Большая статья неизменного автора «Русича» Людмилы Бутовской «Я русский! Какой восторг», уверен, заставит вздрогнуть и задуматься даже людей, равнодушных к бедам России. Автор в этой работе поднимает самые острые, самые главные вопросы современной российской жизни, откровенно, без недомолвок анализирует животрепещущие для нас проблемы *русскости, еврейства* и русско-еврейских отношений. В статье прямо говорится, чья в России власть и кто виновен в истреблении русского народа. Статью эту, как прокламацию, должен прочесть каждый, кому дорого Отчество.

И все же не могу не сказать о некоторых спорных моментах этой работы. Людмила Бутовская, как я не первый раз замечаю, в своей публицистике то и дело ссылается на т.н. «исторические изыскания» неизвестно откуда на нас свалившихся двух бойко и шикарно издающихся авторов — А.Фоменко и Г.Носовского. Уже много раз в патристических изданиях **доказана** провокационность и, мягко говоря, ненаучность их «исторических» домыслов, а в сущности, подтасовка и подгонка русской истории под некие абстрактные, взятые с потолка «математические формулы». Согласно их «изысканиям», «открытиям» и «формулам», не было в нашей истории хазарского и татаро-монгольского ига, не было ни Александра Невского, ни Дмитрия Донского, ни Ивана Грозного, ни Лжедмитрия. Более того, даже не было на земле Иисуса Христа, не говоря уже о десятках других исторических личностей. В таком случае, если логически идти дальше вслед за Фоменко и Носовским, нам следует отменить не только всю классическую русскую историю, но и всю классическую русскую литературу, на ней основанную. Видимо, цель подброшенных нам шустрых провокаторов именно такова. Кстати сказать, сама Людмила Борисовна упоминает в своей статье Александра Невского, который как раз контактировал с золотоордын-

ским ханом и заключил с ним мир, готовясь к войне со шведами. Но ведь если верить А.Фоменко, не было в природе ни того, ни другого... Зачем Людмиле Бутовской понадобилось пиарить двух проходимцев от враждебной нам «исторической науки» — совершенно не понятно.

Но уже в следующей же публицистической работе 2-го номера «Русича» русская история возвращается на свои естественные круги. Я имею в виду замечательную статью профессора Тверского университета Вл. Юдина «Звенья исторической памяти», посвященную нашему знаменитому историку и публицисту Вадиму Кожинуву. В работе этой освещается долгое время скрывавшийся от нас за идеологическими шорами период хазарского каганата и влияние иудаизма на его правящую верхушку. В учебниках истории и в демпрессе этот период нашей истории до сих пор под запретом. И журнал «Русич» вместе с другими патриотическими изданиями эти запреты прорывает, тем самым утверждая в сознании наших читателей свое просветительское направление.

Эта просветительская функция журнала, как мы видим, — основная для составителя и главного редактора. Именно с таковой целью размещены здесь важные в познавательном смысле материалы калужских и обнинских авторов — воспоминания о военном детстве Валерия Коваленко, обвинения в беспамятстве городских обнинских властей Льва Сухова, размышления о библейском русском народе Анатолия Демидова, а также очень поучительная беседа Андрея Сигутина с протоиереем Дм. Моисеевым о зависимости нашего здоровья от состояния души.

В этом же русле подвижнической деятельности журнала следует рассматривать и статью московского православного публициста Игоря Артемова «Москва — Третий Рим», в которой на основе исторической преемственности прямо обосновывается право России на восстановление православной цивилизации в мире и на «византийское наследство».

И все же главной в этом номере, на мой взгляд, является работа Валентины Сологуб «Договор с преисподней», с неоспоримым знанием дела раскрывающая сатанинские ритуалы, уже десятилетиями осуществляемые на наших глазах омасоненной российской властью. В частности — поклоне-

ние «вечному огню», который горит на площадях многих наших городов и символизирует, согласно Священному Писанию, вечный, всепожирающий огонь преисподней. Ведь все военные жертвы гоев, по каббалистическому учению, — это жертвы дьяволу. Материал Валентины Сологуб очень важен для понимания сущности нынешней власти и той трагедии, которая случилась с Россией после 1917 года.

Выписывайте, приобретайте, читайте журнал «Русич». Он — стровок русской культуры в бушующем море русофобских СМИ и телевизионной похабщины.

2007 («Московские ворота». 2007. №36)

ОСТАНОВИТЕ РУСОФОБСКИЙ ТЕРРОР!

*(Обращение писателей к президенту
Российской Федерации В.В. Путину)*

Уважаемый Владимир Владимирович!

К Вам обращаются писатели России. После того, как в Уголовный Кодекс РФ была внесена 282 статья («разжигание межнациональной и религиозной розни») и подписаны Вами новые поправки к Закону «О противодействии экстремистской деятельности», ужесточающие этот закон, ретивыми судебными и прокурорскими исполнителями была развязана по всей России настоящая «охота на ведьм». Уголовные преследования русских писателей, журналистов и редакторов по этим статьям УК хлынули каким-то сорвавшимся с тормозов лавинообразным потоком. Такое впечатление, будто кто-то решил нам всем отомстить, воспользовавшись очень удобным для этой мести моментом борьбы с экстремизмом. Развязан настоящий судебный и «правовой» беспредел против изданий и авторов, отстаивающих национальные интересы России и русского народа. Вот лишь небольшая часть этой жуткой хроники:

В Санкт-Петербурге закрыта газета «За русское дело». Там же произведен обыск в квартире К.Душенова, издателя газеты «Русь Православная», были конфискованы все компьютеры и газетные материалы, а сам Душенов был из-

бит ворвавшимися в квартиру рубоповцами. Против К.Душенова возбуждено уголовное дело по ст. 282 УК РФ.

В Ульяновске вынесен приговор главному редактору газеты «Весть» писателю В.Вострягову по ст. 282 УК РФ. Своим постановлением суд закрыл газету «Весть», запретил к распространению книги Вострягова как «экстремистские» и приговорил его к лишению свободы на 1,5 года условно.

В Новосибирске 20 июня 2007 года по ст. 282 ч.2 УК РФ осужден на 2 года 10 месяцев лишения свободы главный редактор газет «Русская Сибирь» и «Родная Сибирь» Игорь Колодезенко.

В Москве по решению Замоскворецкого суда закрыта газета «Дуэль», произведен обыск в квартире ее главного редактора Юрия Мухина, конфискован компьютер. Перовским судом Москвы запрещены к распространению книги известного писателя и историка Юрия Петухова и против него возбуждено уголовное дело все по той же пресловутой 282 ст. УК. Здесь же за последние годы было возбуждено несколько уголовных дел по той самой, как ее окрестили, «русской» статье УК против издателя В.И. Корчагина.

В Обнинске Калужской области произведен обыск в редакции и в квартире главного редактора газеты «Московские ворота» И.Кулебякина, конфискованы все компьютеры и архив редакции. Против главного редактора возбуждено уголовное дело по ст. 282.

23 ноября в Санкт-Петербурге сотрудниками РУБОП произведен обыск в редакции газеты «Новый Петербург», по уголовному делу, возбужденному против этой оппозиционной газеты, изъяты все компьютеры.

Нельзя не напомнить о наиболее известном судебном преследовании писателя и общественного деятеля Бориса Миронова, более года тянущемся в Новосибирске по той же 282-й статье УК. Б.Миронов, сказавший в прессе правду о мафиозно-племенном клане местного губернатора Толконского, согласно понятиям местных властей, тоже стал «экстремистом».

В центральной печати то и дело появляются какие-то по меньшей мере странные списки «запрещенной литературы», в которых присутствуют как публицистические, так и художественные законно изданные книги.

Все эти и десятки других подобных действий, противоречащих Конституции Российской Федерации и Закону о свободе слова и распространении информации, напоминают уже не только 30-е годы прошлого века, но и самые худшие времена человеческой истории — костры испанской инквизиции и годы нацистского террора в Германии. И что более всего возмущает — провоцируются эти преследования и уголовные дела исключительно заявлениями бурно расплодившихся в нашей стране еврейских организаций, существующих в большинстве своем на средства иностранных фондов и правительств, то есть — теми самыми людьми, которые все уши нам прожужжали рассказами о «сталинских репрессиях».

Таким образом для каждого разумного человека складывается впечатление, что русских писателей, журналистов и редакторов преследуют сугубо по национальному признаку и в основном за преданность своей Родине и своей культуре. И у всякого разумного человека возникает вопрос: чья же в России власть? Потому что власти российские никак на всё это беззаконие и на наши возмущения не реагируют.

Каждому здравомыслящему очевиден абсурд: в стране, где отменено обозначение национальности, продолжают судить за «национальную рознь»... Спрашивается, а для чего тогда убрали графу национальности в паспорте и во всех иных документах? Или, может, отныне национальность будет у всех написана на лбу? Но, Владимир Владимирович, будем откровенными, все в России прекрасно знают и понимают, что убрали эту графу в угоду одной-единственной нации. И по требованию этой же единственной нации продолжают судить русских за слишком расширительно и произвольно толкуемые «антисемитизм» и «ксенофобию»...

Но давайте опять же откровенно посмотрим на то, что происходит в России на фоне закрытия русских национально-патриотических изданий и преследования русских писателей и журналистов.

В Ингушетии русских уничтожают целыми семьями, но Госдума накануне новых выборов отказалась даже рассматривать на своем заседании эти факты национального террора. А «экстремистами», по воле властей, становятся те, кто об этом пишет.

По всей России кавказцы убивают русских, но «экстремистами», по суду, становятся те, кто пытается им противостоять.

Изданные в России книги Талмуда и Каббалы разрешают грабить, обманывать и убивать гоев (неевреев), но «экстремистами», согласно процветающей либерально-русофобской прессе, являются те, кто осмелился об этом открыто сказать.

До сих пор не вынесен приговор кавказским убийцам в Кондопоге, хотя прошло уже полтора года с тех событий. Видать, для тамошних судей это такое неподъемное дело... И ведь либеральная пресса ни разу не назвала тех убийц экстремистами...

Практически каждый Божий день (и это не преувеличение) сообщается о массовых отравлениях и заражениях детей в детских лагерях, детсадах, интернатах, пансионатах, роддомах и т.д. Травят уже крысиным ядом. О расследованиях этих диверсий ничего не слышно. Но тех, кто пытается выявить виновных, тут же объявляют экстремистами.

Судебная власть сохранила жизнь маньяку Пичушкину, зверски убившему более 60 человек. Но «экстремистами» в ее глазах являются те, кто требует вернуть смертную казнь для подобных нелюдей.

Сотни тысяч русских людей за пределами России брошены на унижение, ограбление и уничтожение. Но «экстремистами» в глазах прокуроров и судей являются те, кто напоминает в печати об их трагической судьбе.

Всему миру известно, что русские как нация стремительно вымирают, и власти российские играют в этом процессе не последнюю роль. Но пока еще нас, русских, более 80 процентов в своей стране. И потому Россия в настоящее время, согласно международным стандартам, сугубо **моноэтническое государство русского народа**. Не сомневаемся, что Вы понимаете последствия подрыва русского генофонда: дальнейшее распыление и ослабление **государствообразующей нации** приведет к гибели России как цельной, единой и независимой Державы. Всем мыслящим людям это понятно без лишних объяснений. Поэтому мы, писатели России, руководствуясь целью сохранения нашего государства, обращаемся к Вам с предложением: до своего ухода с поста Президента России внести в новую Госу-

дарственную Думу закон или законы, способствующие сохранению русской нации и пресекающие проявления русофобии.

Уважаемый Владимир Владимирович, все те, кому дорога Родина, — чувствуют и понимают, что Россия сейчас стоит перед Рубиконом: или она скатится в пропасть массовых репрессий против всех свободно, национально и творчески мыслящих людей, не стыкующихся с «линией партии», или все-таки преследованиям писателей и журналистов будет положен конец. О каком свободном творчестве можно вести речь при нынешней моральной подавленности творческой личности? Ведь за открытое выражение своей нравственной позиции по новым законам писателю может грозить тюремный срок. Чем это отличается от 1937 года? Настал тот момент, когда мы, писатели, как и все деятели русской культуры, хотели бы услышать Ваше слово о происходящем в сфере идеологии, и когда вся страна могла бы увидеть Вашу реакцию на наши тревожные обращения к Вам.

Члены Союза писателей России:

Юрий Бондарев, Иван Шевцов, Николай Кузьмин, Арсений Ларионов, Олег Шестинский, Валерий Хатюшин, Борис Миронов, Олег Платонов, Людмила Щипахина, Андрей Облог, Владимир Бояринцев.

*2008 («Потаённое». 2008. №1;
«Память» (Новосибирск). 2008. №1)*

ОТВЕТНОЕ СЛОВО НА ЦЕРЕМОНИИ ВРУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ШОЛОХОВСКОЙ ПРЕМИИ

Дорогие друзья!

Конечно, очень радостно и очень приятно стать лауреатом Шолоховской премии вслед за такими достойнейшими в русской литературе именами, как Юрий Бондарев, Анатолий Иванов, Петр Проскурин, Валентин Пикуль, Арсений

Ларионов, Олег Шестинский. Более того, необыкновенно почетно быть шолоховским лауреатом вместе с выдающимися политиками нашего времени: Фиделем Кастро, Слободаном Милошевичем, Ким Чен Ир, Александром Лукашенко, Игорем Смирновым, а вот теперь и вместе с президентом Венесуэлы Уго Чавесом, совершенно потрясающим политическим деятелем современности.

Существует множество литературных и общественных премий, но имя Шолохова, данное той премии, которую мы сегодня получаем, без всяких сомнений, **НАИБОЛЕЕ ЦЕННО** для русской литературы за последние сто лет. Можно без преувеличения сказать, что Михаил Александрович Шолохов — это самый великий писатель XX века в мировом масштабе. Выше Шолохова в XX веке во всей мировой литературе никого нет. И это вынужден был признать Запад, который при всей своей ненависти к Советскому Союзу и к советской власти всё же присудил Нобелевскую премию **советскому** писателю.

Правда, на Западе да и нередко у нас в России можно услышать мнение, что Шолохов создал *единственное* гениальное произведение мирового уровня — роман «Тихий Дон». На самом же деле — гениально всё, что создано Шолоховым в прозе. Да за один только рассказ «Судьба человека» Шолохов был достоин Нобелевской премии. Нам самим надо четко понимать и неустанно говорить, что роман «Поднятая целина» по художественному изображению **НЕ УСТУПАЕТ** «Тихому Дону». И что бы там ни долдонили либеральная критика, художественные образы героев «Поднятой целины» навсегда запечатлелись и продолжают жить в народной душе точно так же, как и образы героев «Тихого Дона». Послесоветское время не истребило в нашей памяти ни Семена Давыдова, ни Макара Нагульнова, ни деда Щукаря. И никогда не истребит. Потому что образы эти волей гения стали живыми, и время перед ними бессильно.

Я прекрасно понимаю, что звание лауреата Шолоховской премии обязывает меня стремиться в своем творчестве к уровню лучших образцов русской литературы, как бы это ни было трудно. Выражаю глубочайшую благодарность Комиссии по присуждению Международной премии имени Михаила Александровича Шолохова за это награжде-

ние. Особенно значимо получить эту награду из рук Юрия Васильевича Бондарева. Уверен, что сумею оправдать надежды искренне уважаемых мною старших собратьев по творчеству. Огромное спасибо.

24 мая 2007 («Патриот». 2007. №25-26)

ГДЕ НУЖНА РЕТИВОСТЬ?

Десятки русских журналов и газет за последние годы опубликовали поэтические произведения вычеркнутых в свое время из литературы поэтов Белого движения. Большинство русских читателей восприняли их стихи спокойно, с пониманием чисто литературного мотива этих публикаций.

Уже девяносто лет прошло с начала братоубийственной Гражданской войны, и, казалось бы, пора нам примирить в своем сердце раздутую целый век назад классовую злобу между красными и белыми. Пора бы понять, что война эта была спровоцирована врагами России. Но... куда там! Классовая ненависть к белым дворянам всё еще кипит в старческих умах замшелых большевичек.

И вот одна такая «граждански непримиримая» (небезызвестная Лилия Беляева) чисто по-рапповски, с какой-то пещерной озлобленностью процитировала в уважаемой патриотической газете строфу из стихотворения расстрелянного белогвардейского поэта Арсения Несмелова «Баллада о даурском бароне», опубликованного мной в журналах «Молодая гвардия» и «Слово». Ну никак не дойдет до этих полуграмотных публицисток, бесконечно обуреваемых неистовой любовью ко всем большевикам, что та, девяностолетней давности, Гражданская война давным-давно закончилась. Однако, похоже, они об этом не слышали и всё еще продолжают пускаться под откос поезда...

Тут, конечно, случай клинический — этим неугомным большевикам, заикленным на классовой вражде, невозможно понять, что публикуя, к примеру, стихи Арсения Несмелова, мы имеем дело с **художественными произведениями**, а не с дуболомно-прямолинейной (типа кос-

ноязычно-беляевской) статьей и что в его стихотворении «Баллада о даурском бароне» необычайно талантливо изображён сумасшедший, жестокий, кровавый барон Унгерн — без всякого сочувствия к нему. Или, может, в шолоховском «Тихом Доне» не убивают красноармейцев? (Живуч оказался ханжески-рапповский подход к поэзии в наше время!)

Ну, ладно, про поэта Арсения Несмелова простой читатель мало что слышал. Но кто, спрошу я у пламенно-расхристанной публицистки, расстрелял Николая Гумилева? И, главное, за что? Может, не большевики, а кто-то другой? И здесь тот случай, когда на евреев всё не спишешь. Среди большевистских карателей было немало и русских подонков. И это чётко показал в своем романе Шолохов. Но нашей полуграмотной большевичке с ее параноидальной ненавистью к закавыченным ею патриотам (авторам газеты «Патриот») всего этого, как видно, не дано понять от природы. Абсолютно все белогвардейцы, по ее большевистскому «мышлению», вообще людьми не были (а уж тем более русскими людьми): их всех до единого надо было перевешать или расстрелять. И навсегда вытравить из памяти потомков. Что и пытались сделать девяносто лет назад. До конца не получилось. Не успели. А вот прямые потомки тех далеких большевиков теперь вновь оказались у власти...

2008 («Патриот». 2008. №48)

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ В ЦЕНТАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

В последние дни я иногда задумывался и пытался разобраться, что же это такое для меня — 60 лет? Ровно десять лет назад в этом зале я проводил юбилейный вечер по поводу своего 50-летия. И тогда я говорил, что полувековой рубеж свалился на меня как-то совершенно неожиданно, и что я его по-настоящему не осознал. Но вот прошло еще десять лет, и я вновь пытаюсь понять, что значит для поэта 60 лет. Думаю, что этот возраст — очень серьезный, особенно для писателя, живущего в нынешнее время.

60 лет для писателя — время осмысления всей прошедшей жизни, это годы, определившие всю его литературную судьбу, годы, в которые написаны главные книги его жизни, лучшие стихи, рассказы, статьи, потому что в них, в литературные эти плоды, были вложены страсть, темперамент и энергия, каких больше уже у него никогда не будет. И хотя дальше, после этого рубежа, писателя будут вести мудрость, и душа, все же судить о нем как о писателе и тем более как о поэте будут по тому, что он успел сделать до 60-ти.

Недавно я поймал себя на мысли о том, что я видел счастливую человеческую жизнь, что я и сам имел к этой жизни отношение. Потому что я жил в Советском Союзе, я жил, как и многие из вас, при социализме. И вспомните, чего греха таить, мы тогда по-настоящему не ценили этой жизни. И только теперь мы понимаем, ЧТО это было такое. Теперь мы имеем возможность сравнить, что такое социализм и что такое капитализм. Ну разве возможно было тогда то, что мы видим сейчас вокруг себя? И потому мы с вами знаем, что такое счастье. Мы его видели своими глазами. А ведь молодое поколение, родившееся в конце 80-х — начале 90-х годов этого счастья себе даже представить не могут. И потому именно мы, 50-ти и 60-летние, должны это счастье вернуть всему народу, потому что мы о нем еще помним, мы имеем о нем представление. Это та синяя птица, которая улетела из-за нашего простодушия, из-за нашей неверности ей, и которую мы должны вернуть.

Вот я и пытаюсь по мере сил и таланта сделать это все последние двадцать лет — в своих стихах, в своих статьях и в своей прозе. Кто читал мой роман «Поле битвы», тот мог это увидеть. И вот только что издательство «Советский писатель» к моему юбилею издало новую книгу прозы «Не изменяй себе». Она продается здесь, в фойе Дома литераторов. Я думаю, вам будет интересно ее прочитать. Ну а в прошлом году увидела свет там же, в «Советском писателе», книга гражданской лирики, написанной за последние 20 лет, — «Русская кровь». Гражданская лирика, как и мои статьи, — это форма бескомпромиссной борьбы за нашу Россию, которую у нас отняли, за то счастье, которое мы имели, за тот воздух национальной свободы, которым мы дышали. Вот здесь, в этом зале, находится небольшой островок, частица того счастья, того воздуха и той прекрасной Родины, в ко-

торой мы жили и чьим воздухом мы дышали, очень часто не цenia этого счастья и почти не сознавая его. Но теперь-то мы способны оценить то, что потеряли, и мы знаем то, за что нам нужно бороться. И если есть у нас такие бойцы, как Олег Платонов, Борис Миронов, Татьяна Миронова, Владимир Квачков и многие другие, то мы вернем ушедшую Родину, потому что правда и добро — на нашей стороне.

А ведь там, в Советском Союзе, я был лирическим поэтом, писал стихи о любви, о природе, о жизни и даже не думал, что мне придется взяться за гражданскую поэзию и писать опасные публицистические статьи. И потому сегодняшней вечер я хочу начать именно с лирических стихотворений, которые, в общем-то, составляют основную, большую часть из всех моих стихов.

21 ноября 2008

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕЗЕНТАЦИИ КНИГИ Б. МИРОНОВА «РУССКИЕ — ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ»

Борис Сергеевич сказал о том, что русские со страшной скоростью уничтожаются и вымирают, но при этом не желают бороться за себя и за наши национальные ценности. В этом есть большая правда, но не вся. Мы, здесь собравшиеся, тоже русские, и мы, конечно же, можем бороться. Все последние 20 лет мы живем в постоянной борьбе.

Сам факт того, что многие из нас, русских патриотов, прошли через уголовные дела и через тюрьмы, а многие и до сих пор находятся в тюрьмах, говорит о том, что мы боремся. Сам факт того, что мы пишем и публикуем статьи в нашей прессе и издаем книги о наших национальных ценностях, говорит о том, что мы всё же боремся. Да и то, что многие уже погибли в этой борьбе, тоже о чем-то говорит. Другое дело, что борьба эта пока не принесла нам успеха. И потому кажется, будто все наши усилия — напрасны.

Но, во-первых, мы столкнулись со страшной антирусской властью, для которой не существует ничего святого.

А во-вторых, мы оказались в меньшинстве. Русских людей, сознающих себя русскими, в России — меньшинство. И поэтому у нас очень слабая поддержка в стране.

Да, население России в большей части за последние 20 лет деградировало. И будет деградировать дальше. Вот поэтому Путин уже призвал не церемониться с радикальной политической оппозицией, то есть с нами, потому что единственной политической оппозицией этой власти является только русская оппозиция. И сейчас назрел острый вопрос: как, каким образом мы должны дальше бороться за свои национальные ценности? Ведь наша борьба за национальные ценности — не что иное, как политическая борьба с этой властью, потому что национальные ценности русского народа вступили в непримиримое противоречие с действиями власти по отношению к основной массе народа России.

Нас, русских, совершенно откровенно заменяют и уже во многом заменили на нашей русской территории другими племенами. Вы посмотрите, уже вся сфера торговли находится в чужих руках. Это произошло настолько быстро, что люди не успели это по-настоящему осознать. И нас с вами, русских, по документам уже не существует. Ни в одном документе не сказано о нашей национальности. Через одно-два поколения наши внуки вообще не смогут доказать того, что они русские. Теперь в метриках при рождении ребенка национальность родителей не указывается. И в скором времени такое понятие, как «русская нация» вообще потеряет всякий смысл. Русские города стремительно заселяются инородцами из Средней Азии и Кавказа. Ясно, что эта акция — спланированная и ускоренно осуществляемая сверху, кремлевской властью.

И что же нам остается? Скрипя зубами за всем этим наблюдать? Или мирно дискутировать на эту тему, не зная, что делать и как остановить надвигающуюся национальную катастрофу. Ну, во-первых, конечно же, нам необходимо продолжать об этом во всеулышание говорить и писать. И чем больше — тем лучше. А во-вторых... Вот это «во-вторых» власть сразу же пришьет нам как экстремизм. Она всё заранее продумала и подвела наши возможные действия под Уголовный кодекс. И мы в своих словах пока не будем подставляться. Но вот это «во-вторых» мы должны иметь в уме и обязаны к нему готовиться. Да, нас, пишущих и говоря-

ших патриотов, можно пересажать и даже перестрелять, но русская национальная катастрофа от этого никуда не уйдет, и она коснется абсолютно всех и не только русских.

За свои национальные ценности мы бороться можем, просто уж слишком хитёр и коварен враг, с которым мы имеем дело. Почему он нас пока опережает и переигрывает? Да потому, что у него только вид человеческий, и он выставляет впереди себя вроде бы людей. «Людей», исполняющих свою волю. Но на самом деле враг этот не имеет отношения к человеческой природе, и он всё знает про нас — все наши недостатки, все наши слабые стороны. А мы очень часто в нём заблуждаемся, думая, что боремся с конкретными нехорошими людьми. И потому формы нашей борьбы должны быть изменены. Как? Об этом нам нужно будет хорошенько подумать.

Кстати сказать, в последнее время появилась интересная инициатива снизу, пришедшая от простых русских людей. Это идея Собрания русского народа. Причем — ВСЕГО русского народа. В один из всероссийских праздников, например, 9 Мая, провести в центре Москвы Собрание всего русского народа. Объявить о нём заранее в наших русских СМИ, основательно подготовиться к его проведению и собрать в этот день в Москве весь русский народ — столько, сколько смогут приехать со всей России. Кто запретит людям приехать в Москву? Что, перекроют вокзалы и остановят поезда? Вряд ли получится. Это будет небывалый нонсенс! И если соберется несколько миллионов человек, власть наконец услышит СЛОВО русского народа.

28 февраля 2009

«РУССКИЙ ПОЭТ»...

В феврале 2009 года в «Литературной газете» мы, пять писателей (А.Бобров, Ю.Баранов, А.Облог, А.Белова и я) опубликовали статью под названием «На раздаче», в которой выразили свое отношение к беспардонной деятельности т.н. «русского поэта» Льва Котюкова по пробиванию се-

бе всевозможных литературных премий и наград. (Как утверждают некоторые его защитники, их у него более ста...) Кроме данной деятельности, Л.Котюков, незаконно присвоив себе должность председателя полумифической Московской областной писательской организации и пользуясь этим своим служебным положением, ради создания имиджа большого благодетеля раздавал награды нужным ему, но далеким от литературы людям, о чем так же было сказано в нашей статье. И Котюков, как это ни странно, подал на нас в суд. Что он хотел доказать в суде — до сих пор непонятно.

На судебные заседания собственной персоной Котюков не являлся (то ли из трусости, то ли из высокомерия), но посылал вместо себя доверенных лиц. На одном из заседаний его доверенное лицо И.Витюк вместе с котюковским «свидетелем» М.Вайдманом обвинили нас... В чем бы вы думали? Правильно, в антисемитизме... Хотя в нашей литгазетовской статье т.н. «еврейский вопрос» вообще ни с какого бока не затрагивался.

Мы уже привыкли к тому, что стоит только в печати по критиковать еврейского автора, как тут же будешь обвинен в антисемитизме. Но ведь Котюков на каждом углу кричит, что он «русский поэт»... Ну что ж, выводы теперь делайте сами...

P.S. В конце концов свой судебный иск Котюков отозвал.

2009 («Патриот». 2009. №28)

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ В ГАЗЕТЕ «РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

- 1. Ваше самоощущение в современном обществе?*
- 2. Вам как писателю в первую очередь хочется высказаться или — создать произведение искусства (хотя, вроде бы, важно и то, и другое)?*
- 3. Свыше получает, читателю передает — таким было всегда представление о писателе. Насколько утратил сегодня*

писатель своё сакральное значение? Нет ли у вас ощущения, что современный литературный процесс уже не является своего рода общегражданским форумом? Какова перспектива у коммерческой литературы, доверившейся ощущению, что «Бог умер» даже не в религиозном, а в общефилософском значении этого нищезанского образа современного мира?

4. У нас теперь появились «фабрики звезд», в том числе, в литературе, и, скажем так, талант перестал быть главным компонентом на пути к славе. Мечтаете ли вы, противостоящий медийным фабрикам кустарь-одиночка, о славе? Или все-таки — «нас мало избранных»?

5. Каковы ваша самая горячая мысль и ваше самое тревожное обращение к современному читателю?

6. Мы живем в новом тысячелетии, после многих революций и связанных с ними катастроф, после двух коренных ломок общественного строя, причем вторая предполагает полный отказ от христианских норм жизни, а, следовательно, коренным образом меняет наш национальный менталитет. Возможна ли в современной литературе связь с литературой прошлых эпох? Какие книги из прошлого, включая XX век, могут быть актуальны сегодня и почему?

7. Какого вопроса вы от нас не дождались и что бы вы на этот вопрос ответили?

ТВОРЧЕСТВО — ЕСТЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДУШИ

1. Лично для меня вопрос немного странный и к тому же риторический. Действительно, каково может быть самоощущение русского писателя в современном обществе? И даже более того — русского человека? В обществе, где всё русское одними опошляется, другими игнорируется, третьими искажается, а чаще всего вообще находится под негласным (или очень даже гласным) запретом. В стране, где по 282 ст. УК преследуют исключительно русских. Действительно, каково в этой ситуации может быть самоощущение русского поэта? Думаю, ответ на этот риторический вопрос для многих самоочевиден.

Конечно, можно порассуждать о том, как воспринимается писатель обществом, а также о «радости творчества», о «рассветах и закатах», которые «никто не отменял» (Л.Бер-

зина). Но, во-первых, единого общества в России уже давно нет, а во-вторых, одно дело — творчество и совсем другое — самоощущение. Если современный русский писатель (и в первую очередь, поэт) наслаждается жизнью и не испытывает чувства безысходной горечи вплоть до бесильно сжатых кулаков, то для меня он не является ни писателем, ни русским.

2. Ни то и ни другое. В молодости, когда мир казался прекрасным, открытым и непознанным, — да, хотелось высказаться. Затем, когда литературное слово стало профессией, было желание создать некое новое «произведение», которое всем бы открыло глаза и всех бы удивило. Теперь же, когда наивные взгляды на жизнь выветрились, а лекционные воззрения на творчество остались в прошлом, стало ясно: истинный талант как дар природы и Бога *прозревает* смысл существования человека на земле и являет миру откровение конкретной души, наделенной особыми свойствами. Художественные способности этой души тем сильнее, весомее и значительнее, чем менее она заражена корыстью, самолюбованием и гордыней и чем более она безоглядна и напитана тягой к правде и справедливости. Эта душа не просто «высказывается» или создает некое «произведение», ее художественное творчество — это ее *естественная жизнь*, тот высший смысл, ради которого она дана художнику.

3. У немцев есть такой анекдот. Когда умер Ницше, на заборе появилась надпись: «Ницше умер. Бог».

Еще раз повторю. Настоящий художник, если он живет творчеством, а не играет в него, ничего ниоткуда не получает и ничего никому не передает (ну, разве что своим ученикам). Его творчество — это жизнь его души, даже тогда, когда он ничего не создает. Душа его все равно трудится, накапливает впечатления, переживает, мучается или радуется.

Да, писатель в современной России уже не имеет того внешнего общественного значения, какое он имел в советское или в царское время. И виновна в этом, конечно, нынешняя власть, не заинтересованная в откровенном и громком голосе русского писателя. Однако сакральное значение национального писателя не может быть утрачено ни в какие времена, т.к. зависит оно не от власти, не от общества и не от внешних обстоятельств. Оно — в нем самом,

в его ясно сознаваемой или даже в неосознанной миссии, которую несет каждый истинный национальный художник и которая чем естественнее, сердечнее, бескорыстнее, тем сакральнее для общества и для искусства.

Смешно читать, как некоторые стихотворцы гордятся своим провинциальным происхождением. На деле же, иногородние графоманы ничем не отличаются от столичных графоманов. Талантливая душа талантлива не потому, что родилась в провинции или в столице. Где бы ей ни пришлось родиться, она выразит свои способности лишь в зависимости от собственной прозорливости, искренности, смелости и силы духа.

Так называемый литературный процесс — опять же понятие эфемерное и абстрактное. Он, конечно, существует, и он, наверное, необходим для оценки литературных произведений, направлений и настроений, но не этим процессом живет художник, а жизнью своей души, *«усовершенствова плоды любимых дум, не требуя наград за подвиг благородный. Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд...»*

А для «коммерческой литературы» мертво всё — и Бог, и Ницше, и сама литература. Для нее даже деньги мертвы, потому что не приносят ни творческой радости, ни счастья, ни покоя.

«Избранность» предполагает посвященность. Это особая тема разговора. Моцарт и Пушкин знали, о чем говорили.

4. В славе много пустого шума, ложного самомнения и суесловия. Слава враждебна творческой личности. Тот, кто ее добился, скоро погибает как личность или как человек. Примеров — сотни. Она опасна, и лишь немногие могут с нею ужиться. К славе ведет не талант. Славу *делают*, раскручивают искусственно — через СМИ и телеящик, ее добиваются с помощью эпатажа, скандалов, всевозможного пиара. Слава убивает творчество.

Но пишущий человек хочет известности, чтобы о нем знали и чтобы его читали. Это логично и объяснимо. Литературная *известность* (не слава!) заставляет писателя держать планку, работать над собой, добиваться совершенства. Тот, кто способен чувствовать эту грань и не переходить ее, сохранит себя и не загубит свою душу.

А звездная болезнь — удел бездарей и завистливое вожделение графоманов. Человек не может быть звездой: никто

не знает, что нас ожидает в следующую минуту. Но гений знает себе цену. И он спокоен за себя. Раскрутки требуют лишь те, кто в себе не уверен.

5. Я понимаю тех, кто хочет «подняться на суетой и личными проблемами», чтобы «увидеть великое и вечное», как и тех, кто призывает дорожить «любовью». Однако самая горячая мысль, не дающая мне покоя, наполнена осознанием безысходности нашей национальной жизни, которая все более и более утрачивает русскую идентичность и насильно загоняется в тупик. И разговоры о вечном и о любви это движение остановить не способны. Как ни удивительно, большинство писателей, живущих ныне в России, видеть этого не желают и продолжают усыплять себя успокоительными надеждами: мол, всё обойдется, не такое видели... Как раз они-то «не такое» не видели. И вот это всеобщее смирение и безразличие к угасанию русской нации вызывает самую большую печаль и тревогу.

6. В ответе на предыдущий вопрос уже сказано не просто об изменении национального менталитета, а об утрате национальной идентичности русского народа, документально лишнего этой властью своего названия (от паспортов до Конституции), своей, русской, истории, территории и своего характера. Такой же морально-психологический удар испытало русское сознание и перенесла русская литература в начале XX века. Но сколько при этом было создано литературных шедевров! В отличие от нашего времени. Причем, та литература до сих пор полностью не открыта и не исследована. Я имею в виду литературу Белого движения и первой волны русской эмиграции. Два года назад я составил, написал предисловие и издал книгу «Меч в терновом венце», в которую вошли пять лучших поэтов Белой гвардии — Н.Турочеров, А.Несмелов, С.Бехтеев, И.Савин и М.Колосова. Их чувства, переживания, мысли и надежды удивительно сродни нашим чувствам и мыслям, их стихи можно цитировать, не указывая дат, как откровения о нашем времени — слово в слово! Но поэтов этих по-прежнему замалчивают, блокируют, не желают пускать к русскому читателю, ведь уже тогда, в начале прошлого века, они всё предсказали на сто лет вперед и всё сказали о тех, кто пришел ныне к власти.

Кстати, в газете «Российский писатель» и в журнале «Молодая гвардия» были опубликованы большие подборки этих прекрасных поэтов.

7. Есть у меня и свой вопрос к писателям. Мы много рассуждаем о духовности, о классике, о назначении искусства и т.д. Но почему-то современный писатель перестал читать и выписывать литературные журналы. Литературный процесс потому и утрачен, что писатели перестали друг друга читать и просто-напросто не знают, что печатается в русских журналах. На публикуемые в них поэзию, прозу, публицистику, критику реакция со стороны писателей практически отсутствует. Какой же тут может быть «процесс»? С одной стороны, власти библиотекам не выделяют денег на подписку, а с другой — писатели тоже решили, что и без литературных журналов проживут. Но вот о духовности поговорить — это с удовольствием...

Мне как главному редактору «Молодой гвардии» приходится много читать поступающих материалов по долгу службы. Но я регулярно читаю или хотя бы внимательно просматриваю и «Наш современник», и «Москву», и «Аврору», и «Слово», и «Всерусский Собор», и «Родную Ладогу»... Что мы можем спрашивать с населения, если творческие люди уже не имеют интереса к собственной профессии? Тиражи журналов стали мизерными еще и потому, что сами писатели решили устраниваться от литературного процесса и жить по принципу старого анекдота: «Чукча не читатель, чукча писатель...»

Апрель 2010

ДАВНО РАЗОБЛАЧЁННАЯ ФАЛЬШИВКА

В XIX веке читающей публике был хорошо известен стихотворный сатирик, пародист и мистификатор Д.Д. Минаев (1835—1889). Он активно стряпал пародии не только на классиков русской поэзии: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета, Тютчева, Плещеева, но даже и на Толстого и Данте. Между прочим, накопил он почти не уступающий

оригиналу по объему пародийный роман «Евгений Онегин наших дней».

В 1873 году этот разыгравшийся рифмоплет, ярый ненавистник монархической России, накропал пародию на стихотворение А.С. Пушкина «К морю», начинающееся всем известной строкой: «Прощай, свободная стихия!». Пародийный опус демократа Минаева для каждого нормального русского человека звучал кощунственно и отвратительно: «Прощай, немытая Россия, Страна рабов, страна господ. И вы, *мундиры голубые*, И ты, им преданный народ». Под своим именем опубликовать эту мерзость он не решился — видимо, из-за обычной демократической трусости. И анонимная дешевка долгое время просто гуляла по рукам. Но в 1887 году литературный историк П.А Висковатов опубликовал ее в журнале «Русская старина» под... именем М.Ю. Лермонтова, а затем, в 1890 году, археограф П.И. Бартенов повторил эту публикацию в своем журнале «Русский архив». Имя великого поэта, на первый взгляд, и впрямь выглядело достоверно, т.к. пародия эта заканчивалась словами: «Быть может, за стеной Кавказа Сокроюсь от твоих пашей, От их всевидящего глаза, От их всеслышащих ушей».

Излишне говорить, что не существует и не могло быть ни черновика, ни лермонтовского автографа этой пародийной дешевки. (Разве мог он, боготворивший Пушкина, так испохабить его строку «Прощай, свободная стихия!»?) Более того, в дальнейшем Минаевым была написана сатирическая поэма «Демон», пародирующая самого Лермонтова, в которой имеются такие строки: «Бес мчится. Никаких помах Не видит он в ночном эфире. *На голубом его мундире Сверкают звезды рангов всех...*» В ней Минаев как бы прокальвается, засвечивает свою руку — он повторяет понравившуюся ему метафору с «голубыми мундирами». В то время как в стихах Лермонтова эти пресловутые «голубые мундиры» отсутствуют начисто.

Бездарность и косноязычие всех русофобов — их родовое клеймо, которое рано или поздно проявляется сквозь их ехидные личины. Оно проявилось и здесь: «Прощай... мундиры голубые...» Да и слово «паши» явно притянута за уши — ради бессмысленной рифмы.

Многие русские литературоведы возмущенно доказывали непричастность М.Ю. Лермонтова к данной фальшив-

ке, и среди них — выдающийся современный ученый, пушкинист Н.Н. Скатов. Но несмотря ни на что, весь XX век всяческие комневежды и демократические мерзавцы приписывали этот русофобский минаевский текст Лермонтову, неоднократно включая в его Собрание сочинений! Не говоря уже о том, что этот примитивный опус неизменно входил в школьную программу по изучению творчества Лермонтова. И продолжает входить!

2011 («Своими именами». 2011. №3)

К ДИСКУССИИ «СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СИТУАЦИЯ» НА САЙТЕ «РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Что такое современный «модернизм» в литературе? Или даже «неомодернизм»? Есть ли сейчас в русской литературе какие-то новые модернистские, авангардные направления или течения, какие были в XIX—XX веках? И что мы теперь в современной литературе называем модернизмом? Большакова настаивает даже на «неомодернизме». Какие серьезные имена можно к нему отнести? Галактионову? Да она сама вряд ли с этим согласится. «Калоеда» В.Сорокина? Ублюдка и русофоба В.Ерофеева? Но можно ли их вообще привязывать к русской литературе? К русскоязычной — в какой-то степени. Но только не к русской. Они к ней вообще не имеют никакого отношения.

Теперь чаще всего под «модернизмом» подразумевают некую «новую» форму подачи текста. Потому что никакого **нового** содержания современный т.н. «модернизм», как правило, в литературу не привносит. А то, что он натужно пытается привнести, уже множество раз в литературе **было**. Ничего новаторского ни в форме, ни в содержании у современных т.н. «модернистов» нет. Нынешнее «модернистское» содержание — это повтор худших явлений старого. Дешевая ирония, пародирование, пошлость, матерщина, садизм, низменные проявления, непотребная физиология и т.п. — вот в основном проявления нынешнего т.н. «модернизма».

И что, это можно называть новой литературой, новым направлением, «новым реализмом»? Это пародия на саму литературу. Скажут: это есть в нашей жизни. Да это **всегда** было в нашей жизни.

Сколько было шума в 80-е годы вокруг «поэтов-метафористов»! Сколько было сломано копий в печати по поводу этого «нового течения» в литературе! Где они теперь? Кто-нибудь о них вообще сейчас помнит?

Но с другой стороны, разве Пушкин не был новатором и, если хотите, авангардистом для своего времени? А Блок, Маяковский, Есенин?.. А Гоголь и Салтыков-Щедрин?..

Подлинное новаторство не сталкивается с традиционализмом, а сливается с ним и становится классикой.

Теперь же модернистами называют тех, кому нечего сказать и кто изощряется в своем местечковом непотребстве и в своих шизофренических отклонениях. И никаких новых идей, новых откровений, не говоря уже о новых прозрениях, у них не наблюдается. Дешёвка, она и есть дешёвка.

Но были у нас Николай Шипилов, Вячеслав Дёгтев, Юрий Петухов — настоящие русские новаторы-традиционалисты, раздавленные этой властью и этой антирусской телевизорной «культурой». В своем творчестве они были сверхсовременны и в то же время классически правдивы и точны. И самое главное, они показали живых, национально окрашенных людей.

А вот совсем недавно ушли от нас Валерий Рогов и Евгений Богданов, никогда не входившие ни в какие обоймы. Но прочтите их книги — в них пульсирует живая кровь нашего времени. Но критика, как всегда, этого не увидела. Она будет и дальше жевать и пережевывать одну и ту же жвачку и из одних и тех же имен.

Май 2011

СЛИШКОМ НЕТОЧНОЕ «УТОЧНЕНИЕ»

Газета «Своими именами» (№9 за этот год) опубликовала заметку В.Бушина «Маленькое уточнение», в которой «всезнающий» ветеран газетных дуэлей поведал читателям

о том, что «в еженедельнике «Своими именами» №3 (21) напечатана заметка главного редактора журнала «Молодая гвардия» поэта Валерия Хатюшина «Живучая фальшивка». Не будем придавать значения такой незначительной оплошности в заметке Бушина, как отсутствие указания года публикации «Живучая фальшивка». Видимо, ветеран-дуэлянт проделал эту штуку для того, чтобы данную публикацию никто не смог отыскать.

Речь и в бушинском «Маленьком уточнении» и в моей заметке, напечатанной в еженедельнике «Своими именами» в начале 2011 года, шла о приписываемом М.Ю. Лермонтову стихотворении «Прощай, немытая Россия...». Я, далеко не первым, доказывал, что оно принадлежит известному пародисту XIX века Д.Д. Минаеву. Бушин же это упорно отвергает. Имеет право. Однако неточности в его «уточнении» заставляют усомниться в правоте «всезнающего» «республиканца». Излишняя самоуверенность вновь подвела нашего ветерана-полемиста.

Он пишет в своей заметке: «В.Хатюшин уверяет, что впервые стихотворение опубликовал как лермонтовский П.И. Бартенев в своём журнале «Русская старина». Это не так, монархист. «Русская старина» — журнал П.А. Висковатова... Монархисты тоже должны уважать факты». (Меня он почему-то упорно называет монархистом, хотя сам себя я нигде и никогда монархистом не называл.)

Но вот Бушин несколько раз в своей заметке обозвал себя республиканцем (наверное, по аналогии с республиканцем Бушем). Поэтому для нашего неувядаемого «республиканца» я должен повторить вслед за ним: **это не так**. Журнал «Русская старина» был основан М.И. Семевским и редактировался им вплоть до своей смерти в 1892 году. П.А. Висковатов никогда этим журналом не владел, он редактировал журнал «Русский мир». Я же в своей заметке ни словом не обмолвился о том, что журнал «Русская старина» принадлежал П.И. Бартеневу, как уверяет наш ветеран-республиканец. Мне хорошо было известно, что П.И. Бартенев владел журналом «Русский архив». Вот такие «маленькие уточнения». Республиканцам тем более надо бы иметь уважение к фактам...

Действительно, впервые желчная минаевская фальшивка была напечатана под именем М.Ю. Лермонтова в

«Русской старине» в 1887 году, а затем, в 1890 году, археограф П.И. Бартенев повторил ее в собственном журнале «Русский архив». Очень кстати прихлалась она антимонархическим учебникам русской литературы вплоть до наших дней.

Я указывал, что в стихах Лермонтова **ни разу** не встречается выражение «голубые мундиры». А вот у Минаева оно присутствует не однажды, причем — в пародии на лермонтовского «Демона»: «Бес мчится. Никаких помех Не видит он в ночном эфире. *На голубом его мундире* Сверкают звезды рангов всех...» Но нашему республиканскому дуэлянто-полемисту этот аргумент показался слишком неубедительным. И он через год после его указания в газете нанес свой «неотразимый» укол: «...таких совпадений при небольшом усердии и республиканец может найти у разных поэтов немало». Вот только почему-то этого «небольшого усердия» он не проявил — не назвал республиканец ни одного поэта с подобными «совпадениями». Хотя не сомневается — их «немало»...

Специально для республиканца-дуэлянта приведу и другой аргумент: мог ли гениальный Лермонтов допустить такую языковую нелепицу: «Прощай... мундиры голубые...»? Предвижу бушинский скоропалительный ответ: мог, мог! Ведь написал же: «Из пламя и света рожденное слово!» Мол, если однажды допустил эту **сознательную** словесную вольность, то и в других стихах мог опростоволоситься... Наш республиканец ведь тоже стишки пописывает, ему лучше знать. И ради рифмы, по республиканскому мышлению, вполне возможно притянуть за уши каких-нибудь «пашей»...

Но читаем далее эту минаевскую чушь: «Прощай... мундиры голубые, и ты, им преданный народ». Кому «преданный народ»? Голубым мундирам, то есть — жандармам? Мог ли Лермонтов сказать такое о своем народе?

Как выясняется, наш дуэлянт-полемист и сам в конце прошлого века пытался опровергнуть в печати принадлежность Лермонтова к данной фальшивке. Но тогда эти попытки, на его взгляд, оказались незамеченными. Даже Н.Скатов, к сожалению республиканца, на них не сослался в своих выступлениях на данную тему. Наверное, обидно.

Но видится мне, что нынешнее раздражение Бушина объясняется совсем другой причиной. Чувствуется, уже более года не дает ему покоя вопрос: как же это он сам не догадался о Д.Минаеве? И чтобы затемнить эту чужую догадку, он теперь будет отвергать ее до упора.

Февраль 2012

90-ЛЕТИЕ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

(Поздравление читателей в юбилейном номере журнала)

В это трудно поверить, но «Молодой гвардии» уже 90 лет! Основанный в мае 1922-го, наш журнал, пройдя вместе со страной героический путь побед, взлётов и трагических испытаний, достиг высокого возраста. Из всех существующих ныне журналов старше нас нет никого. Наш опыт — это большая, уникальная история, о которой еще будут написаны книги.

Сколько идеологических и литературных бурь отшумело на страницах «Молодой гвардии» за минувшие годы! Великие события XX века, его достижения и утраты, раскаленные страсти человеческих отношений и духовные поиски владели умами и сердцами наших лучших писателей и публицистов. «Молодой гвардии» вверяли свои произведения молодые, еще малоизвестные в двадцатые годы прошлого века поэты и прозаики: Сергей Есенин, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Вячеслав Шишков, Дмитрий Фурманов, Александр Фадеев, Николай Островский.

Рождался новый литературный герой, стойкий, созидательный, честный и принципиальный. Насильно лишенный веры в Бога, он генетически сохранил в себе духовную силу и крепь характера, которые помогли отстоять Отечество в тяжкие годы народных трагедий.

С середины 60-х годов, с назначением на пост главного редактора журнала Анатолия Никонова, вокруг «Молодой гвардии» начал формироваться стойкий патриотический авторский коллектив. Именно в те годы на страницах жур-

нала появились знаменитые, вызвавшие широкую полемику «Письма из русского музея» Владимира Солоухина, национально ориентированные, духоподъёмные публикации Л.Леонова, В.Чивилихина, художника И.Глазунова, скульптора С.Конёнкова, исследователей литературы М.Лобанова, В.Чалмаева, В.Кожина.

С журналом стали сотрудничать писатели послевоенной поры: М.Алексеев, Ю.Бондарев, А.Иванов, И.Шевцов, В.Федоров, И.Стаднюк, П.Проскурин, В.Шукшин и следом идущие за ними Н.Рубцов, Н.Кузьмин, Б.Примеров, Ф.Чуев, В.Цыбин, Ст.Куняев, С.Семанов, Э.Володин.

Долгие годы журналом руководил горячо любимый народом писатель Анатолий Иванов. В так называемое «перестроечно-реформаторское» время, в состоянии всеобщего развала и моральной деградации общества он, а позже Александр Кротов и Евгений Юшин сумели сохранить национально-патриотическое направление журнала.

И всегда на страницах «Молодой гвардии» мы говорили правду, какой бы горькой она ни была. В горбачевско-предательские, в переворотные 90-е и в либерально-разрушительные годы мы открыто и бескомпромиссно держали твёрдую, честную, государственническую позицию, неприимую к внутренним врагам Отечества. Много раз пытались нас закрыть, запугать, задушить экономически. Но мы выстояли и продолжаем отстаивать честь нации, бороться за нравственность, правду и сохранение страны. Хотя, конечно, в этой жестокой борьбе мы потеряли многих своих коллег, товарищей, талантливых авторов: А.Игошева, Н.Кузьмина, Т.Плушкову, В.Дёгтева, В.Рогова, С.Семанова, В.Илюхина...

России нужны перемены. Вот уже 90 лет «Молодая гвардия» не сходит с передовой линии огня, энергична и отважна в защите истинных нравственных ценностей, внимательна к новым талантам и беспощадна к литературной пошлости. Как и прежде, это один из острейших и актуальнейших журналов современности. Всеми своими публикациями мы говорим, что во имя спасения Отечества нужно прежде всего дать ход русскому патриотическому духу, патриотической энергии. Только в упрочении национального самосознания, государственности, народности и Православия — залог духовной стойкости нашей России.

Поздравляем с юбилеем журнала вас, дорогие наши читатели, чьё равнодушное отношение к судьбе Родины и народа помогает нам в нелёгком пути. Правду и свет победить нельзя.

2012 («Молодая гвардия». 2012. №5-6)

МОЛЧАТЬ НЕ ПОЗВОЛЯЕТ СОВЕСТЬ

Заявление деятелей русской культуры

Как известно, более ста т.н. «деятелей культуры», считающих себя единственными выразителями духовной жизни России, подписали обращение в Верховный суд с требованием освобождения из следственного изолятора трех бесноватых хулиганок, совершивших акт глумления над чувствами православных верующих в храме Христа Спасителя. Эти «деятели» лишней раз наглядно показали свою внутреннюю антихристианскую сущность, свою агрессивно-безнравственную природу и русофобскую направленность своей лжекультурной деятельности. Интернет и все «либеральные» СМИ называют их «элитой русской интеллигенции». В этом определении наиболее вызывающе звучит слово «русской», т.к. для русского сознания и русской души само хамоватое «обращение» этой чванливой «элиты» и вся ее бескультурная и антиправославная деятельность — оскорбительны.

Оправдывать религиозное кощунство, бесцеремонно обеливать преступных экстремисток, сознательно и целенаправленно совершивших заранее подготовленный акт надругательства над духовной святыней русского Православия и русского народа, могут только циничные **деятели бескультурия**, не имеющие за душой ни любви к России, ни уважения к ее тысячелетней истории. То есть они, «поборники демократии», стали **соучастниками** этого грязного ритуального преступления. Подобно тому, как 42 «деятели культуры», в октябре 1993 года подписавшие письмо к Ельцину с требованием расстрела Верховного Совета, **навсегда**

опозорили свои имена, нынешние адвокаты моральной мерзости войдут в русскую историю в качестве ненавистников нашей веры и нашей духовной основы.

Церковь наша опирается на православный народ, и то, что некие деятели бескультурья пошли наперекор мнению многомиллионного народа и решили своим обращением в судебные органы заглушить голос народной души, говорит об их чуждости традиционной русской культуре и враждебности к российскому государству, скреплённому православной верой. Они, как обычно, вновь решили нахрапом и давлением на власти всех уровней достичь своих чуждых России эгоистичных целей.

Церковь не может вмешиваться в работу следствия и суда. Но подлинные деятели русской культуры, истинные патриоты и православное общество не имеют морального права отмалчиваться и оставаться безучастными к антицерковной, антихристианской спланированной провокации. Этого нам не позволяет наша совесть.

Мы уверены в том, что находящиеся под следствием экстремистки, совершившие сознательное надругательство над православной верой, православной святыней и чувствами православных верующих, обязаны понести соответствующее деянию уголовное наказание.

В.Распутин, В.Крупин, М.Лемешев, В.Осипов, О.Платонов, А.Сенин, В.Хатюшин и еще более тридцати подписей.

2012 («Русский Вестник». 2012. №15)

Предисловия

К первому номеру альманаха «Звено»

Появление нового литературно-художественного и критико-публицистического сборника продиктовано самой современностью, отмеченной пробуждением общественной мысли и примечательными процессами, происходящими в сфере искусства. Есть нечто символическое в самом названии этого альманаха. Он должен и может стать новым ЗВЕНОМ, точнее одним из тех звеньев, которые, спаявшись, переходя одно в другое, выстраивают непрерывную цепь отечественной культуры, тянущуюся из глубины истории нашего государства до нынешних дней. Нерывность этой цепи определяется духовной связью всех поколений, живших до нас. И наша обязанность перед великой культурой, наследниками которой мы являемся, эту связь крепить, строить надежное ЗВЕНО, способное иметь продолжение в будущем.

Современная литературная жизнь вновь забурлила после многолетнего оцепенения. Сегодняшние процессы, в ней происходящие, многолики, разнородны, порой непримиримы. Литературные журналы публикуют множество остропроблемных, полемических материалов, нередко в своей запальчивости теряющих основной смысл обращения к широкой аудитории, а именно: приобщение ее к подлинным духовным ценностям, заботу о ее нравственном совершенстве. И все же в последнее время было впервые обнаружено столько прекрасных творений прозы и поэзии!

Но периодических изданий явно не хватает. Нужны новые журналы, альманахи, сборники для освещения всех направлений, всех оттенков современного творчества, ибо талантливых произведений, ожидающих своего часа

встречи с читателями, и в прошлом и в настоящем накоплено немало, а всё истинно талантливое, к сожалению, пробивается к свету с трудом. Цель настоящего альманаха облегчить этот путь, стать еще одним звеном в общении творческой личности с читателем.

На страницах альманаха появятся произведения молодых и уже известных авторов в жанрах прозы, поэзии, критики, публицистики, драматургии. Главным критерием отбора для публикаций будет самобытный талант и общественный темперамент их авторов, ориентация на классическую традицию русской литературы. Немалое место новый альманах предоставит литературному наследию. Слишком еще много белых пятен и провалов зияет в нашем знании творчества старых русских писателей, историков, мыслителей, публицистов. И одна из главных задач альманаха «Звено» — восполнить эти пробелы, приблизить широкого читателя к богатейшему культурному достоянию нашей могучей Родины.

1988 (подготовленный к печати альманах в свет не вышел)

К статье Арона Абрамовича «Вместе с Троцким»

В газете «Известия» за 28 августа 1990 года опубликован так называемый «Резонанс» В.Дашевского под заголовком: «...И не краснеют», в котором автор, не стесняющийся называть себя «историком», пытается ответить на публикации журнала «Молодая гвардия», посвященные проблемам советской истории. В.Дашевский утверждает: «Как известно (?), в первом Совнарком, образованном на Втором Всероссийском съезде Советов 26.X.1917 г., было 15 человек (13 русских, 1 грузин — Сталин, 1 еврей — Троцкий)». «Отметим, — настаивает далее «историк», — что... в составе военного ведомства (Реввоенсовета) в 1919—1920 гг. евреев было трое (включая самого наркома Троцкого...), а в наркомате юстиции — ни одного...»

Не желая вступать в полемику с, мягко говоря, несерьезной газетной публикацией, рассчитанной на наивную и не-

сведущую публику, мы перепечатаваем статью «Вместе с Троцким» из «Военно-исторического журнала» (1990. №8) и надеемся, что документы, обнародованные на страницах этого журнала, должны, наконец, внести ясность в наши знания и представления о некоторых сторонах нашей истории.

(Послесловие)

В. Дашевский в своем «Резонансе», названном «...И не краснеют» (!), таким образом относится к освещению белых, а точнее — темных пятен советской истории журналом «Молодая гвардия»: «...этот журнал повторяет зады геббельсовской и черносотенной пропаганды о «еврейской большевистской революции». Собственно, ничего другого мы от изолгавшегося «историка» ждать и не можем. Но как ему теперь быть с книгой Арона Абрамовича «В решающей войне», изданной в Тель-Авиве, сведения из которой приведены выше? Тоже назвать ее «антисемитскими бреднями»? Думаем, что на этот раз на подобное выражение у него духу не хватит: обвинять Тель-Авив в «черносотенной пропаганде» он вряд ли осмелится. Ведь там могут этого не понять и не оценить...

«Молодая гвардия». 1990. №11

К статье Марка Любомудрова «Агония нигилизма»

Общеизвестно, в каком состоянии находится современный российский театр. Волны авангардизма, захлестнувшие театральные подмостки, уже до неузнаваемости изломали и способны окончательно смести классические традиции русского сценического искусства. Советский театр, в котором на протяжении всех лет его существования зримо просматривается борьба классической традиции с авангардизмом, сегодня явственно свернул на авангардистские рельсы. Чуть ли не все вновь создающиеся театральные студии словно в каком-то апокалипсическом раже ринулись на показ насилия, жестокости, аморализма, на демон-

страцию самых низменных человеческих инстинктов. Эротика и секс стали обычной атрибутикой в постановках современных драматургов и интерпретаторов классического репертуара. Внимательный анализ этого явления отчетливо показывает его чужеродность общечеловеческой культурной традиции, не говоря уже о конкретной нации или народности. Природа такого «искусства» — вненациональна. Не избежали подобных веяний и многие серьезные в прошлом театральные коллективы.

Искусство, несущее высокодуховные и нравственные человеческие критерии, стало для немалого числа так называемых «новаторов», по сути, анахронизмом, достойным лишь саркастической усмешки и откровенного презрения. Традиции уважения к человеку и к его духовным идеалам забыты и попораны на сцене. Продолжающийся разгром театра, основанный на принципах разрушительного нигилизма, вызывает обоснованную тревогу культурно мыслящей общественности, и это заставляет обратиться к серьезному анализу истоков театрального авангардизма, чему служит предлагаемая статья известного театрального критика М.Н. Любомудрова. Главный ее герой — Вс.Э. Мейерхольд, один из основных идеологов и практиков авангардистской «эстетики».

«Молодая гвардия». 1990. №11

К письму В.Криворотова А.Солженицыну

«Историку» В.Дашевскому всё нейдет. Уже, казалось, и недруги наши успокоились насчет национального состава первого большевистского правительства, но В.Дашевский стоит как скала: евреем там был только один — Троцкий («Известия». 1990. №241). А может, и впрямь согласиться с тем, что члены Совнаркома Апфельбаум (Зиновьев), Шлихтер, Ландер, Кауфман, Шмит, Шпицберг, Анвельт, Урицкий и др. — были русскими? (В своих публикациях Дашевский указывает только цифры национального состава высших органов большевистской власти, но до конкретных фамилий — не «опускается». Для него проще голослов-

но указать на энциклопедический словарь, чем привести сами списки фамилий. И при этом он все время говорит о каких-то «фактах».) Действительно, почему бы не согласиться, если этого так сильно хочется некоторым «историкам»?! Ведь соглашались же многие предыдущие десятилетия!

Но дело в том, что совсем не «Молодая гвардия» первой «определила», кем по национальности являлось «преступное большинство» членов СНК, ВЧК и всех остальных комиссариатов, повинных в «морях пролитой человеческой крови». Задолго до публикаций в «МГ» это подробное и точное «определение» было сделано многими авторами как у нас в стране, так и за рубежом (лукавит В.Дашевский, утверждая, будто «данные» эти журнал почерпнул исключительно из сочинения Г.Форда «Международное еврейство»). Не случайно мы в №11 за 1990 год — в ответ на его «известинский» выпад против нас — перепечатали главу из книги А.Абрамовича, изданной в Израиле, о национальности членов Реввоенсовета времен гражданской войны (кстати, об этой публикации В.Дашевский в «Известиях» помалкивает). Но, как видим, и книга А.Абрамовича не в силах переубедить нашего консервативно-либерального «историка».

Даже детям бывает понятно: если кто-то повторил чью-то глупость, то это не значит, что он этой глупости не говорил. Очень странно рассуждает Дашевский. Оказывается, вовсе не он, а всего лишь А.Козлов и Е.Плимак в «Известиях» расценили наши публикации как «антисемитские бредни» (давно известно, что называть еврея евреем — не что иное, как «антисемитские бредни»), и это о н и раньше Дашевского сделали вывод, что «МГ» «повторяет лживые измышления геббельсовской и черносотенной пропаганды» (надо полагать, вместе с А.Абрамовичем, издающемся в Израиле). А он — лишь с ними с о г л а с и л с я, так как, видите ли, «факты показывают, что А.Козлов и Е.Плимак п р а в ы». Вон в чём дело: В.Дашевский просто не желает «присваивать сделанные ими выводы». Да, надо отдать должное, казуистика тут поистине умопомрачительная: абсолютно согласен с «выводами» и даже «дополнил» их «фактами» (?), но «выводов» сам не делал... Не оттого ли «историк» так долго собирался с мыслями, чтобы найти

причину для обвинения «МГ» в «утверждениях», задевающих его «честь и достоинство»?

Хоть и с большой натяжкой, но можно было бы согласиться с тем, что люди всех национальностей были и есть по обе стороны баррикад. Это если говорить обо всех национальностях, кроме одной. Евреи в России в подавляющем своем большинстве были и есть, как в 1917 году, так и сейчас, — антигосударственники, антипатриоты. Казалось бы, не трудно принять и другую моральную установку Дашевского — о нравственной невозможности связывать «страшное и трагическое» в истории нашей страны «с действиями людей какой-то национальности». В принципе, в умозрительном постулировании — конечно. Если бы не один сногшибательный ф а к т: в среднем из каждых ста палачей русского народа девяносто были евреями... Интересно, о чем бы заговорил «историк» Дашевский, когда бы такой факт взять и перекинуть на государство Израиль и поменять действующих лиц местами?..

Русских не оскорбляет то, что Калинин, Киров, Куйбышев, Жданов были их соплеменниками. Отчего же одно лишь указание подлинной национальности Зиновьева, Каменева, Кагановича, Володарского, Сокольникова, Землячки, Загорского, Ярославского, Урицкого вызывает дикий протест со стороны евреев? В чем тут дело, «историк» Дашевский? Видать, знает кошка, чье мясо съела...

В журнале «Кубань» №1 за 1991 год впервые в советской печати опубликовано письмо русского писателя-эмигранта Василия Криворотова (1901—1984) Александру Солженицыну, написанное в 1975 году (с биографией В.Криворотова можно ознакомиться в том же номере ж. «Кубань»). Письмо это резко отличается от восторженных публикаций последнего времени о знаменитом «вермонтском отшельнике» и имеет собственный, по нашему мнению, более точный взгляд на творчество А.И.Солженицына. Но главное, это письмо — еще один ответ «историкам» типа Дашевского (из «Политиздата», на которых он то и дело ссылается) и всем фальсификаторам русской истории XX века. Может быть, оно откроет глаза многим из русских, обманутых, униженных, разучившихся самостоятельно думать, ведь еще в середине семидесятых годов никому не известный русский писатель знал и предупреждал о тех разработанных за рубе-

жом планах, согласно которым, как под копирку, проистекает «перестройка» на нашей преданной властью земле.

Перепечатывая из «Кубани» письмо В.Криворотова, редакция «Молодой гвардии» сочла необходимым дополнить его собственными примечаниями, дабы приблизить содержание этого письма к нынешним дням.*

1991

К публикации выступлений на VII съезде писателей РСФСР

В декабре прошлого года состоялся VII съезд писателей России. Съезд проходил в крайне сложный период в истории нашей страны. Безволие власти, экономический хаос, разгул экстремизма в союзных республиках, развал социалистического лагеря, события в Персидском заливе не могли не наложить отпечатка на работу писательского форума. Большинство выступающих, оставив на время собственно литературные проблемы, высказывали искренние опасения за судьбу страны и народа.

Продемонстрированное писателями России моральное единство, причастность их к общенародным чаяниям не могли не вызвать прямо-таки зубовного скрежета со стороны леворадикальных органов печати. Так получилось, что местом проведения съезда стал Театр Советской Армии. Но даже это обстоятельство послужило поводом для зубоскальства, к примеру, газеты «Известия», напечатавшей по такому случаю многословную статью под названием «Театр одного актера» (1990. №349). Назвав писательский форум «импровизированным спектаклем», газета посчитала, что он «достоин подмостков, на которые выкатывают танки». Патриотическая атмосфера съезда названа в этой публикации «вакханалией», а в выступлениях большинства писателей, по мнению автора статьи, «потерявших всякое представление о приличиях», «кликушество достигало апогея», «демонстрируя полное отсутствие христианского чувства».

* Публикация письма В.Криворотова в «МГ» не состоялась.

Не слишком ли поздно доморощенные «демократы» вспомнили о христианском чувстве, доведя страну до полного развала, до кровопролития, до голода, посадив народ на унижительную талонно-карточную систему распределения продуктов? Не потому ли, боясь народного гнева, испуганные фарисеи от литературы стали призывать писателей-патриотов не касаться политики и заниматься лишь своими узколитературными делами?

Мы публикуем выступления некоторых писателей — Ю.В. Бондарева, В.Г. Распутина, С.Ю. Куняева и В.В. Горбачева и надеемся, что наши читатели разделят их тревогу, горечь и бесстрашие писательского слова, прозвучавшего на съезде.

«Молодая гвардия». 1991. №3

К статье Галины Беяковой «Преступление перед нацией»

Москву — Третий Рим — постигла та же судьба, что и весь наш народ: ее лишили души, исказили историю и изуродовали подлинное гордое и прекрасное лицо — древнюю удивительную архитектуру, заменив безликими, барачно-блочными зданиями, которые и архитектурой-то называть стыдно. Москва славилась своими многочисленными культовыми строениями: монастырями, соборами, церквями, часовнями, домами призрения и т.д. Именно на них в первую очередь обрушился удар новоявленных геростратов XX века, таким вот излюбленным способом боровшихся с «религиозным дурманом» великого и духовно богатого народа. Но ведь храм — это не только религиозное учреждение. Как бы кто ни относился к религии, все же он не сможет не признать, что в храме сливаются воедино и национальная культура, и религия, и история каждого народа. Поднимать руку на храм способны только те, в ком выродилось всё истинно человеческое, кто начисто вытравил из себя совесть, доброту и душевный свет.

«Молодая гвардия». 1991. №8

К серии рецензий «Россия: путь осмысления»

Наши читатели наверняка обратили внимание на то, что в последнее время в «МГ» почти не публиковались критические материалы под рубрикой «Наше обозрение». В процессе острой политической борьбы и непримиримой литературно-публицистической полемики часто и впрямь не оставалось места на страницах нашего журнала для жанра литературных рецензий. Но, как выяснилось, они сами заявили о своих законных правах целой обоймой резких, как выстрел, и принципиально важных материалов, посвященных книгам, вышедшим за последние годы, на которые трудно не отозваться и которые было бы несправедливо обойти вниманием.

Каждая из предлагаемых сегодня рецензий так или иначе касается истории Российского государства и написана как небольшая острая статья (почему мы их и даем под рубрикой «Литературная критика»), подвигающая русское национальное сознание к переосмыслению многих до сих пор бытующих точек зрения, внушенных нам с детства фальсификаторской исторической наукой. И среди них — не только негативный взгляд на издаваемую литературу. Большая часть книг, написанных в жанре прозы, поэзии, публицистики, историографии и послуживших основой для серьезных размышлений авторов критических откликов, — едины в своей благородной, созидательной, возрожденческой идее. Книги, о которых пойдет речь, вызвали немалый интерес читательской публики, и потому критический взгляд по поводу этих изданий, надеемся, также привлечет внимание наших читателей.

«Молодая гвардия». 1991. №8

К стихам Нины Карташёвой

«Стихи я писала всю сознательную жизнь, — призналась в нашей с нею беседе Нина Карташёва, — и только недавно с благословения своего духовника решила принести их в редакцию русских патриотических журналов».

Нина Карташёва — человек глубоко религиозный. Об этом необходимо знать для проникновения в суть ее поэти-

ческого видения мира и богатой словесной символики. Так или иначе относясь к христианской религии, мы забываем о том, что она — необычайно поэтична, потому что образна. Это ее свойство, может быть, и заставило глубоко верующего человека взяться за перо. Из немалого числа стихотворений, переданных мне Н.Карташевой, сложилось представление о личности весьма эмоционально яркой, самостоятельно сформировавшейся и поэтически одаренной. Причем стихи эти отнюдь не замкнуты на внутреннем, на воображаемом мире, лишены бездеятельной созерцательности, но напитаны конкретными реалиями нашей горькой действительности, наполнены болью за отчий край, состраданием к ближнему, в них слышен призыв к действию.

Религиозное мироощущение в стихах Н.Карташёвой восходит к классической литературной традиции славянофильского направления. Возможно, отталкиваясь от философско-религиозной поэтической концепции Вл.Соловьева, поэтесса нередко использует в своем творчестве образ «Ее» как олицетворение Божественного женского начала. «Она» в стихах Н.Карташёвой — символ Божеской Премудрости и Красоты.

В личной судьбе поэтессы два душевных состояния — глубокая вера и беззаветный патриотизм — бесспорно, неразделимы, едины, равны по своему одухотворенному содержанию, однако в творчестве, в поэзии патриотизм является первостепенной побуждающей силой, подвигающей к борьбе за торжество добра, света и правды. На этом самом трудном жизненном пути главное — остаться верным себе до конца. И стихотворения Нины Карташёвой убеждают: сердце их автора готово к самопожертвованию, к служению во благо Родины, к страданию ради спасения своего народа.

«Молодая гвардия». 1991. №9

К первому изданию в России книги Григория Климова «Красная каббала»

Бывший агент КГБ, а затем ЦРУ — всемирно известный писатель-эмигрант Григорий Климов уже пришел к русскому читателю со своими книгами: «Князь мира сего»,

«Крылья холопа», «Протоколы советских мудрецов», «Дело №69». Очередное его острейшее литературно-политическое эссе под названием «Красная каббала» впервые выходит у нас в стране отдельным изданием. Пусть не смущает читателей некоторая необычность литературного стиля данной книги: три ее главы представляют собой записанные на диктофон в 1988—1989 годах беседы ее автора с московским журналистом, пожелавшим не раскрывать своего имени.

Многие факты, приводимые Г.Климовым на этих страницах, могут показаться невероятными. Однако, изложенные в логической цепи с реальными историческими событиями и с действиями реальных исторических лиц, эти факты выстраиваются в четкую стройную систему и способны внести ясность в очень многие, порой труднообъяснимые повороты и катаклизмы новейшей цивилизации.

1992

К переводам сонетов Михаля Худы

В 1984 году отдел поэзии журнала «Наш современник» обратился ко мне с предложением сделать переводы цикла сонетов современного чешского поэта Михаля Худы. Подстрочники десяти сонетов были привезены из Чехословакии главным редактором «Нашего современника» Сергеем Викуловым, от которого и исходило желание опубликовать их в своем журнале в поэтическом переводе на русский язык. Несколько авторов уже пытались по просьбе редакции «НС» сделать эти переводы, однако главный редактор ими был недоволен. К тому времени я опубликовал на страницах «НС» переводы из югославской и украинской поэзии, и потому нельзя сказать, что данный заказ был для меня случайным.

Сонеты Михаля Худы оказались действительно сложными для перевода. Во-первых, оттого, что сонет требует строгого соблюдения формы оригинала, в которую необходимо заключить истинное, а не приблизительное его содержание. Во-вторых, близость языка не облегчает (что за-

кономерно), а только осложняет задачу: отступление от звучания (тем более сонета!) и содержательного наполнения подлинника сразу бросается в глаза. Ведь поэтическая школа славянских литератур почти ничем не отличается от русской школы, а современная поэзия Чехословакии — одна из сильнейших в Европе после поэзии русской.

Но главная особенность сонетов Михалы Худы заключалась в том, что они были написаны как заклинания, обращенные к человечеству перед возможной мировой катастрофой. Цикл так и назывался: «На грани». То есть — на грани жизни и смерти. Взяв эпиграфом четыре строки из стихотворения «Надписи на могилах» другого чешского поэта Павола Горова, М.Худа дал и второе название всем сонетам этого цикла: «Надписи на домах», тем самым подчеркнув, что обращается он к еще живущим — ж и в ы м — людям в надежде на их разум и волю, веря, что еще не поздно сохранить «благословенную», по его словам, «цветущую» жизнь. Под циклом стоит дата: 1983 год. Время действительно глобального противостояния двух непримиримых систем, ощерившихся друг против друга своими колоссальными ядерными арсеналами. Сейчас мы уже стали забывать о том времени, но тогда — в начале 80-х годов каждый из нас кожей чувствовал это леденящее душу дыхание ядерного апокалипсиса и ту колючую жесткость зыбкого мира между двумя главными державами.

Последние строки «Надписей на домах» М.Худы заканчивались на оптимистической ноте: жизнь сама по себе настолько величественна и прекрасна, что нет и не может быть оправдания ее гибели. И что жизнь — обязательно победит. Видимо, такой их пафос и подкупил Сергея Викулова, пожелавшего опубликовать эти стихи у себя в журнале. При нашей встрече, когда переводы мною были выполнены, Сергей Васильевич сказал прямо: будем печатать. И они действительно вышли в №12 «НС» за 1984 год... Да только не все. Как это нередко бывает, в толстых журналах не хватает места именно для поэзии... Свет увидели четыре из десяти переведенных мною сонета. Думаю, будет вполне справедливо, если на страницах журнала «Славяне» дойдут до читателя и остальные шесть.

«Славяне». 1992. Спецвыпуск

К статье Владимира Васильева «Сатанизм в русской литературе»

Трагична судьба русской культуры XX века. С величайшим трудом пробиваясь сквозь завалы искусственных наслоений, будь то агрессивный модернизм или лакировочный соцреализм, давившие ее по всем направлениям, русская культура, принеся колоссальные жертвы и познав небывалые испытания, всё же сумела сохранить в себе великую гуманистическую идею, основанную на глубочайшей духовности, любви к ближнему, всепрощению и добре. В этом и состоял смысл русской идеи, как бы ни извращали ее всякого рода бесы антидуховности и чужеродного искусства.

Продолжая на страницах нашего журнала тему русской идеи, с новой силой возрождающейся в нынешнее переломное время, предлагаем вниманию читателей статью В.Васильева, талантливого и самобытного исследователя, как бы охватывающую весь период «советской литературы» и подводящую неутешительный итог в борьбе за бытие в ней истинного, вечного и жизненного с сиюминутным, пошлым и жестоко-ничтожным.

«Молодая гвардия». 1992. №7

К статье Фаттея Шипунова «Путь спасения России»

Оценивая исторический путь, пройденный в XX веке Россией, многие из современных ученых-историков, философов, писателей пытаются найти рецепт для возрождения экономической, духовной, нравственной силы некогда великого Российского государства, а также определить наиболее приемлемое для нее политическое устройство общественной жизни. Одни видят дальнейшее государственное развитие России по образцу западной демократии, другие находят панацею от всех экономических неурядиц в коммунистических идеях, для третьих единственно спасительным является православно-монархический путь устройства российской жизни.

Работа, которую мы предлагаем вниманию наших читателей, написана известным общественным деятелем, острым публицистом, ученым, историком, экологом, кандидатом географических наук, автором серии фундаментальных работ по биосфере и экологии, председателем объединенного Комитета спасения рек России — Фаттеем Яковлевичем Шипуновым. Эта статья как часть будущей книги явилась плодом многолетних раздумий автора о судьбе России, о смысле ее высшего предназначения в земной, духовной и в небесной жизни. Последователь русских философов-государственников, прежде всего Ильина, Солоневича, Тихомирова, Лосского, Хомякова, Гилярова-Платонова, — Ф.Я. Шипунов убежденно продолжает и отстаивает идею необходимости для России Высшей нравственной власти в лице Православного Монарха, **призываемого** Земским Собором.

Позиция автора — это позиция бескомпромиссного русского патриота, отстаивающего национальный путь государственного развития России, и именно здесь лежат точки соприкосновения с позицией журнала «Молодая гвардия». Слово человека, всем сердцем впитавшего красоту и величие России, остро переживающего ее боли и трагедии, имеет для нас нравственную ценность. Мы не сомневаемся, что и эта точка зрения, тем более выстраданная всею жизнью автора, должна иметь выход к читателю.

«Молодая гвардия». 1993. №1

К публикации «Протоколов сионских мудрецов»

В 1905 году русский писатель Сергей Николаевич Нилус в своей книге «Великое в малом и близгрядущий Антихрист» опубликовал так называемые «Протоколы сионских мудрецов», в которых изложены программа завоевания сионистами мирового господства и способы достижения ими этой цели. Сразу же после обнародования «Протоколов» возник и продолжается до сих пор яростный спор — подлинный это документ или фальшивка?

Об этом же постоянно спрашивают нас наши читатели. Они просят опубликовать полный текст этих «Протоколов» и дать им оценку.

Мы выполняем просьбу читателей. Оценка же «Протоколов», то есть фальшивый это документ или подлинный, читатели могут сделать сами, сравнив изложенную в них программу осуществления владычества над миром с реалиями как прошлых лет, так и сегодняшнего дня.

В ближайших номерах мы опубликуем несколько дискуссионных и полемических материалов на тему: «Сионские протоколы» — фальшивка или подлинный документ?»

«Молодая гвардия». 1993. №10

К статье Анатолия Буйлова «Слуга Люцифера»

В «Красноярской газете» 26 октября 1993 года были опубликованы письмо писателя Виктора Астафьева по поводу прошлогодних событий 3—4 октября и ответ на него другого сибирского писателя Анатолия Буйлова. Многим читателям известна метаморфоза сознания В.Астафьева по отношению к нашей Родине и к русским патриотам. Достаточно вспомнить его публичную поддержку избиения омоновцами ветеранов войны 23 февраля 1992 года. Нынешняя его попытка оправдать кровавый режим за октябрьский расстрел русских уже стоит за гранью элементарных нравственных ориентиров. Совесть, душа, сознание после подобных поступков отказывают в праве некогда уважаемому писателю с помощью русского слова выражать чаяния народа, среди которого он вырос, сформировался и получил признание. Обо всём об этом убедительно говорит Анатолий Буйлов. Перепечатывая из «Красноярской газеты» оба выступления полностью (мы только изменили заголовок ответа А.Буйлова), надеемся, что наши читатели безошибочно оценят степень моральной деградации с одной стороны и твердость национального духа — с другой.

«Молодая гвардия». 1994. №2

К статье Виктора Брачева «Тайные масонские общества в СССР»

Читатели «Молодой гвардии», наверное, обратили внимание на то, что ныне многие издания поднимают тему масонства в дореволюционной и в современной — «перестроенной» — истории России. Однако советский период, в особенности 20-е и 30-е годы, до последнего времени оставался как бы белым пятном для исследователей масонства. Считалось, что в СССР масонские ложи были запрещены и их словно бы вовсе не существовало. Теперь же, когда открыт доступ ко многим ранее секретным архивам, обнаруживаются очень интересные и весьма неожиданные факты, проливающие свет на необычайно разветвленную сеть масонских и околосекретных организаций, буквально заполнивших интеллигентскую среду крупных российских городов.

Из предлагаемой ниже статьи петербургского исследователя этой небезопасной темы Виктора Брачева читатель узнает о способах создания вербовки и конспирации «братьев» и «сестер» «орденских» лож, об идеологии и конечных целях деятельности всевозможных «религиозно-философских кружков» и «окультистских обществ», как магнит притягивавших к себе космополитически настроенную «культурную» интеллигенцию, студенчество, деятелей науки и нередко членов правительства. И, наверное, неожиданно для себя читатель узнает о причастности к ним людей широко известных, как говорилось, несправедливо преследовавшихся и пострадавших от «сталинских репрессий». Среди них — знаменитые русские философы Г.П. Федотов, И.О. Лосский, писатель Д.С. Мережковский, литературовед М.М. Бахтин, популярные в свое время актеры Михаил Чехов, Юрий Завадский, среди них — и поныне здравствующий академик Д.С. Лихачев.

В данной статье, может быть, впервые открываются факты искусственного создания масонских лож органами ОГПУ и НКВД для «засвечивания» и отслеживания действий, как констатировалось в следственных документах, «врагов советской власти». С другой же стороны, из заявлений лидеров масонских лож мы узнаем о том, что «стремления коммунизма совпадают в общих чертах со стремлени-

ем русского масонства». Это красноречивое признание — еще один штрих в раскрытии механизмов управления миром единым тайным правительством.

И.В. Сталин терпеливо, постепенно подкапывался под эту коварнейшую закулисную систему, пока, накопив силы, не обрушился на нее со всей карающей мощью. Только теперь становится ясно, что многочисленные процессы тридцатых годов над всевозможными «троцкистами», «безродными космополитами», «западными агентами» и «антисоветскими организациями» — это сокрушительный удар по масонству в СССР. Именно этого до сих пор не может простить Сталину западная и российская сионодемократия.

Вне всяких сомнений, масонство в СССР не было окончательно ликвидировано. Оно, уйдя в глубокое подполье, выжило, сохранилось и в наше «перестроечное» время сбросило маски, достигло открытой власти, пожиная свои разрушительные плоды. Его жрецы — у всех на виду, имеют мировую славу, богатство, почет, они не сходят с телеэкранов, со страниц журналов и газет, о них пишут книги. Они, как и прежде, учат профанов «новой» жизни...

Предлагаемая статья лишь приподнимает завесу над скрывавшейся до сих пор правдой. Главные открытия и выводы еще впереди.

«Молодая гвардия». 1994. №3

К статье Григория Кисунько «Секретная война»

Что же это за секретная война, о которой пишет генерал Григорий Кисунько? Как теперь становится ясно, это была серьезнейшая и напряжённейшая борьба у истоков создания первых в СССР систем противоракетной обороны. Находились, оказывается, люди, препятствовавшие работам по ПРО, которые практически делали страну беззащитной от планируемого в те годы американского ядерного удара по СССР. И эти люди, под чьим контролем в то время едва не оказалась атомная и ракетная промышленность страны,

могли привести тогда наш народ к катастрофе. Но, к счастью, им не удалось дискредитировать первую в СССР систему противоракетной обороны, разработанную конструктором Г.В. Кисунько. И эта система долгие годы надёжно обеспечивала нашу безопасность. Но что не смогли тогда уничтожить вредители и бездари в противоракетной технике, — разгромили нынешние демократические правители, и Россия опять стала уязвимой со стороны любого ядерного агрессора.

«Молодая гвардия». 1995. №3

Ко второму изданию книги стихов «Русская кровь»

Первое издание книги стихотворений «Русская кровь» вышло в 1992 году на мои собственные средства тиражом 2 тысячи экземпляров. Книга была довольно быстро раскуплена, несмотря на общее охлаждение интереса к поэзии в последние годы. Стихи книги вызвали более чем положительную реакцию русских читателей, и после разошедшегося тиража со всех сторон ко мне посыпались просьбы о ее переиздании. Однако так и не нашлось в России ни одного издательства, которое осмелилось бы это сделать, хотя я обращался во многие из них. Издавать же книгу за свой счет в наше время крайне трудно, потому что — очень дорого, тем более что в прошлом и в этом году мне в первую очередь было необходимо выпустить в свет (опять же на собственные деньги) свои новые книги публицистики.

И всё же через три года с Божьей помощью мне удалось исполнить просьбу моих читателей и осуществить второе издание книги «Русская кровь», дополненное новыми гражданского звучания стихами, написанными за эти прошедшие годы.

Может быть, кому-то покажется странным настроение последних стихотворений книги или кто-то даже обидится на автора за слишком резкие, «несправедливые» слова. Но пусть мне поверят: эти настроения и эти слова были вызва-

ны острейшей душевной болью за поруганную отчизну и ее униженный народ. И надеюсь, что большей частью равнодушных, заинтересованных читателей я буду понят правильно.

1 сентября 1995

К воспоминаниям А.Г. Горчакова

Теперь, когда демократы разрушили все сферы жизни некогда благополучной страны и довели могучее государство до полного развала, вряд ли кто из честных людей будет чернить недавнюю советскую историю. Что бы там ни говорили и как ни относиться к доперестроечной верхушке КПСС, все же основная масса простых людей Советского Союза жила спокойной, безбедной жизнью, чувствуя уверенность в завтрашнем дне. А рядовые коммунисты и работники среднего партийного уровня, руководители местной исполнительной власти, депутаты городских и районных Советов в большинстве своем искренне заботились о процветании своей страны, прилагали огромные усилия для стабильной работы всех сфер производства, сельского хозяйства, социального и бытового благополучия советских граждан, уделяли немалое внимание развитию образования и культуры. И не их вина, что страну предали и отдали на растерзание члены Политбюро.

Многие из директоров производственных предприятий — ветеранов партии — прошли труднейший жизненный путь. На этом пути — война, голод, восстановление разрушенного, многочисленные ударные стройки, руководство заводами, фабриками, партийные взыскания, инфаркты, вызовы «на ковер» к «Самому»... На этом пути — встречи с легендарными людьми, участие в исторических Съездах, памятные встречи, большие потери, взлеты, падения... Одним словом — богатая, интересная, насыщенная жизнь. Сейчас эти люди, как правило, на пенсии, доживают последние годы, видя крах всего того, что они создавали, укрепляли, о чем заботились. Про них забыли, они оказались на обочине жизни, их прошлое охаяли, очернили,

извратили находящиеся у власти враги России. Эти люди тоже оказались преданными мерзавцем Горбачевым.

В прежние времена наш журнал нередко предоставлял им слово на своих страницах по звонку из ЦК ВЛКСМ. Теперь же мы делаем это по своей воле и даем возможность высказаться, поделиться своими воспоминаниями, чувствами и тревогами одному из старых производственников, поднимавших промышленность Московской области, — Алексею Георгиевичу Горчакову, ставшему впоследствии председателем Исполкома Хотьковского Горсовета. Отнесемся же к его богатой трудовой биографии с должным уважением.

1997 (воспоминания А.Г. Горчакова не были опубликованы)

К статье Виктора Кузнецова «Фальсификаторы»

Вот уже семьдесят пять лет гуляет по России клевета, которую до конца всё никак не удастся смыть с невинного человека. Сколько бы ни пытались разные люди доказать абсурдность, бессмысленность и даже преступность этого навета, официальные власти всех прошедших лет, как и ангажированные ими «эксперты», никак не желают избавить нас от этой страшной клеветы — безумной версии о самоубийстве великого русского поэта.

Сергей Есенин так и остается до сих пор самоубийцей. Это обвинение его в одном из самых тяжких грехов, обвинение, не имеющее абсолютно никаких доказательств и множество раз опровергнутое, до сих пор оскорбляет память о всенародно признанном гении XX века.

Смириться с подлой, безбожной версией, навязанной нам убийцами поэта, — значит не иметь сердца, значит верить в изошренную ложь, значит не быть русским.

Поэтому «МГ» публикует новую большую, страстную, хотя и недостаточно систематичную работу Виктора Кузнецова, петербургского исследователя жизни и гибели Сергея Есенина.

«Молодая гвардия». 2000. №11-12

К подборке стихотворений

Только что почти одновременно вышли в свет две мои новые книги — стихов («Разлука», 90 стр.) и публицистики («Чёрные годы. История нашей борьбы», 592 стр.). Причём вторая — это как бы итог моей публицистической работы за последние тринадцать лет и вместе с тем откровенный анализ духовного кризиса российского общества, заглотившего демократическую наживку и утратившего великую Державу. Когда на твоих глазах убивают Родину и народ, трудно, почти невозможно оставаться только лириком. А молчать — еще мучительнее, тем более, если знаешь, что нужно сказать и как надо поступать. Ведь не всё можно и нужно говорить в стихах. Их вообще не должно быть много. Но острое ощущение творящейся вокруг нас лжи, несправедливости и подлости находило выход в статьях, которые затем, как и стихи, складывались в книги. Хотя и лирика за последнее десятилетие стала намного печальнее и даже мрачнее по сравнению с той, что рождалась в стране нашей молодости. Но боль, переживание очищает и возвышает душу — единственное, что спасает нас в этом прекрасном и страшном мире.

Предлагаю вниманию читателей «Московского литератора» стихи из книги «Разлука».

«Московский литератор». 2000. №12

К публикации «Дневника» Аркадия Первенцева

Имя писателя Аркадия Алексеевича Первенцева было широко известно в советский период развития русской литературы. Его романы «Кочубей», «Честь смолоду», переиздавались миллионными тиражами. В 1949 году он становится дважды лауреатом Сталинской премии за роман «Честь смолоду» и сценарий к фильму «Третий удар».

Писатель активно сотрудничал с журналом «Молодая гвардия». Здесь в №12 за 1978 год вышли заключительные главы его последнего романа «Секретный фронт».

На протяжении десятилетий писатель вел дневник, отразивший события тогдашней общественной и его личной

жизни. Публикуемые здесь страницы «Дневника» относятся к 1972, 73 и 74-м годам — тому времени, когда его роман «Секретный фронт» пробивался в свет, к читателю, через идеологические препоны того времени.

Писатель-патриот уже тогда видел и понимал перерождение партийной верхушки, лизоблудствующей перед Западом и заигрывающей с русофобской творческой интеллигенцией. Его нередко очень справедливые характеристики многих функционеров литературного цеха на фоне нынешнего писательского раздора удивляют своей точностью и предвидением будущего непримиримого идеологического раскола.

Читая «Дневник» А.Первенцева, со всей ясностью видишь, что развал страны был заложен задолго до наших дней, что он был неизбежен и что апатия, равнодушие современного общества, а также продажность и коррумпированность чиновничьей бюрократии имеют глубокие корни, пронизавшие советскую партноменклатурную систему снизу доверху. И с горечью сознаешь, что истинным патриотам в послесталинской России приходилось жить и творить в условиях пренебрежения, безразличия и даже убийственной травли со стороны властей. В семидесятые годы русский писатель мучился той же не проходящей болью за Родину, какая саднит и наши сердца.

В сущности, как ни печально об этом говорить, радетьелям России всегда жилось хуже, чем ее хулителям и клеветникам. Просто в наши дни эта истина обнажилась со всей остротой и стала понятна каждому, умеющему видеть и думать. И силы нам дает лишь одна вера: пока есть борцы за правду и бесстрашные патриоты, Россия не погибнет.

Публикация «Дневника» А.А.Первенцева подготовлена к 95-летию писателя.

«Молодая гвардия». 2001. №4

К подборке стихотворений

Год назад «Московский литератор» напечатал мои стихи из только что к тому времени изданной книги «Разлука». Мне тогда и в голову не могли прийти, что по прошествии

года именно эта стихотворная книжка Московской писательской организацией будет отмечена премией им. Сергея Есенина. Но так случилось. Первая в моей жизни литературная премия носит имя лучшего поэта XX века. И как это для меня ни удивительно, мы с прозаиком Ириной Ракшой оказались первыми ее лауреатами. Больше моральной поддержки в эти жуткие для литературы годы я и не мог себе вообразить. И кроме слов благодарности хочу сказать еще вот о чем: премия имени Сергея Есенина обязывает быть достойным великой русской поэтической традиции и, как бы это громко ни звучало, заставляет еще вернее служить России, особенно в такое лихое время, в каком мы по воле судьбы оказались.

Литературную премию я воспринимаю как определенный жизненный и творческий итог. Она совпала по времени с выходом в свет моей прозаической книги, романа «Поле битвы», главный герой которого — поэт, погибающий в столкновении с известной враждебной нам силой. Осознание героем романа смысла нашего пребывания на земле и судьбы русского поэта — это тоже своего рода итог моих размышлений в стихах, в публицистике, в прозе.

Предлагаю читателям «Московского литератора» новую подборку стихотворений.

«Московский литератор». 2001. №20

К книге стихов Елены Сапрыкиной

Елена Сапрыкина — москвичка. Однако она бросила столицу и вместе с мужем — тоже поэтом — уехала в провинцию, в небольшой городишко Юрьевец Ивановской области, чтобы там, в глубине простой народной жизни и русской природы, строить свою судьбу, писать стихи и растить детей. На такое способен решиться только человек, наделенный дерзкой волей и безоглядным творческим характером. То есть — поэт. И теперь она — по рождению москвичка — может естественно и полноправно даже в самом незамысловатом стихотворении прийти к неслучайному обобщению:

Весна в районном городишке
Свои выводит вензеля.
Который день на солнце вспышки,
Весны магнитные поля.
Капель на улице Советской,
Ручьи на Глазовой горе,
И ты идешь с улыбкой детской
Апрельским утром на заре.
Тебя синица понимает,
С тобою верба говорит,
Колонка радостно кивает
И потихонечку звенит.
И выше древней колокольни
В округе нету ничего.
За дамбой — Волга, и довольно,
И речь народа твоего.

Давно известно, что тепличные условия поэту противопоказаны. И хотя трудности жизни для Елены Сапрыкиной не были самоцелью, все же интуитивно она выбрала путь, ведущий к точному пониманию жизни, к творческой правде и узнаванию истинной цены людям, делам и словам.

«Протуберанцы» — первая книга Елены Сапрыкиной, и книга эта, выходящая с запозданием, конечно же, не лишена некоторых недостатков всех первых книг: порой сбивчивого стихотворного ритма, инверсионной вольности, не всегда оправданной ассонансности рифм. Но эти мелкие, изживаемые с опытом недостатки с лихвой перекрываются проникновенной лиричностью ее стихов.

Особенность лирики Елены Сапрыкиной — в органическом, неразрывном слиянии ее поэтической души с состоянием природы, с проявлениями окружающего мира — с полями, раскинувшимися до горизонта, со стогами, бредущими по скошенному лугу, с зимними рыбаками, шагающими с бурами, словно витязи из Мурома, с желтой лодкой осени, с увядающим, как будто горящим деревом, с лампадой, плачущей в углу.. В ее стихах присутствует Родина, родная земля, родное небо, родные глаза. А это главное. В ее стихах неподдельно живут любовь и печаль, горечь и восторг. А непрестанная духовная работа ее остро переживающего сердца — залог серьезной поэтической работы.

2003

К публикации труда Н.С. Державина «Происхождение русского народа»

Имя советского историка-славяноведа, академика АН СССР Николая Севастьяновича Державина (1877—1953) в наши дни известно лишь узкому кругу историков, посвятивших свою жизнь исследованию корней возникновения русского народа. Можно сказать, оно почти забыто. Точнее, усилиями послесталинской академической номенклатуры, по сути антирусской, имя Н.С. Державина было выдвинуто, вычеркнуто из употребления в научных изданиях на данную тему. В современных книгах по истории славянства и этногенезу русских племен, как правило, отсутствуют ссылки на работы этого ученого. Ну разве что иногда кто-то вспомнит, что он проходил по «делу славистов» — группе историков и филологов славянофильского направления, разгромленного и ошельмованного властью в тридцатые годы прошлого века. А ведь труд Н.С. Державина «Происхождение русского народа» в 1948 году был удостоен Сталинской премии!

Исследование истории русского народа Н.С. Державин начал еще до большевистского переворота. Но публикации на эту тему в первые годы советской власти были практически невозможны: любые упоминания о происхождении русской нации вызывали у большевистских правителей скрежет зубовный. Свою историю новое государство начало исключительно с 1917 года. Книга «Происхождение русского народа» была издана только в 1944 году — по личному указанию Сталина. Однако после смерти вождя и самого автора она была изъята из всех библиотек и упрятана в спецхраны. С тех пор книга эта ни разу не вышла в свет.

Думаю, нетрудно догадаться, в чем причина такого отношения послесталинской власти в стране и руководства АН СССР к историческому труду Н.С. Державина о русском народе. Все дело в том, что труд этот имеет ярко выраженную антинорманнскую направленность в вопросе о корнях славян в целом и русских в частности, направленность, недопустимую для высших академических сфер, состоящих в большинстве своем по духу и по крови из людей нерусских и зараженных прозападной, норманнско-варяжской теорией зарождения славянства — далеко небезобид-

ной теорией, которая как бы «научно» оправдывает исторические притязания Запада на русские территории. Руководствуясь этой теорией, издавна навязанной российской историографии, уже в современных условиях западноевропейские политики продолжают обосновывать необходимость отторжения от России всей славянской Прибалтики вместе с Калининградской областью. Многие наивно думают, будто проблема калининградцев заключается в унижительных визах для проезда через Польшу и Литву. Отнюдь. Проблема калининградцев — земля, на которой они живут и которую Запад не мытьем, так катаньем стремится урвать у России.

Но земля эта исконно русская. Наши исторические предки владели ею еще в пятом веке до новой эры, то есть за 500 лет до Рождества Христова. Это доказывает прямой потомок Гаврилы Романовича Державина, советский академик, лауреат Сталинской премии Н.С. Державин в своем труде «Происхождение русского народа». И простим автору отдельные вынужденные поклоны в сторону коммунистических вождей и советской власти. Без этого данная работа, как все должны понимать, в тех условиях вообще не была бы опубликована. Еще раз напомним: дата последнего ее выхода в свет — 1944 год, время, когда русский народ победоносно освобождал свою землю и земли славянских предков от новоявленных «варягов».

«Молодая гвардия». 2003. №4

К «Открытому письму» Александра Бринкена

Наша редакция получила «Открытое письмо» из Швейцарии. Его автор — эмигрант, известный в музыкальном мире русский композитор и пианист Александр Бринкен, кстати, многолетний подписчик журнала «Молодая гвардия».

Письмо это непростое, затрагивающее очень острые проблемы современного русского национального мировоззрения и прямо, без обиняков указывающее на самые болезненные точки в наших взглядах на историю России XX века.

Сразу скажем, что мы не во всем разделяем мнение автора письма относительно недавней истории нашего государства, хотя тема разговора, искренняя попытка Александра Бринкена сказать, вернее даже выкрикнуть «самую главную», «самую вопиющую», на его взгляд, правду, раскальвающую современных русских патриотов, достойны серьезного и сочувственного отношения.

Однако деликатность ситуации заключается в том, что автор «Открытого письма» со своими наболевшими вопросами и размышлениями напрямую обращается к главному редактору дружественного нам журнала «Наш современник». Принимая во внимание важность поднимаемых в письме вопросов и надеясь на продолжение этой сложной дискуссии на страницах нашего журнала, мы сочли необходимым опубликовать данное письмо вместе с ответом на него С.Ю. Куняева.

«Молодая гвардия». 2004. №5-6

К военным рассказам В.П. Решетникова

О Великой Отечественной, казалось, уже сказано всё. В бесконечном потоке художественной литературы, публицистики, мемуаристики и кинематографических шедевров запечатлен подвиг русского солдата и всего нашего многонационального народа, спасшего мир от нацистско-германского варварства. Но все чаще и чаще приходится сталкиваться с всерьез неисследованным, неразработанным пластом народного творчества, до сих пор являющимся, по сути, белым пятном в наших знаниях о давно минувшей войне. Это, хоть и непрофессиональное, тем не менее замечательное творчество, отразившее народную память, народный дух, народную речь, имеет для нас ничуть не меньшее значение, чем признанная литература, и, обделенное вниманием, оно ждет своего часа, своего выхода в свет, к читателю.

И неожиданным, и удивительным оказалось для меня знакомство с короткими рассказами-воспоминаниями простого русского солдата Василия Петровича Решетнико-

ва (Осипенко), на долю которого, как и многих других его сверстников, выпали нечеловеческие испытания того грозного времени, так как через эти рассказы устами солдата народ говорил о себе и о своих переживаниях.

Повествование Василия Решетникова — это неповторимый документ трагической эпохи и Великой войны, созданный изнутри, из гущи событий их непосредственным участником и свидетелем, не раз ходившим в штыковую атаку, испытавшим ад плена, многожды раненным, но вновь встававшим в строй ради достижения Победы. Это захватывающие воспоминания человека, в самых безнадежных ситуациях сохранявшего неистребимую волю к жизни, веру в Бога и любовь к Родине.

То, что он после всех испытаний остался жив, сам автор называет чудом, «великой милостью и силой Божьей». Это бесспорно. Однако сколько же надо было ему самому иметь силы духа и жизненной мощи! Об этом доходчиво и проникновенно свидетельствуют его документальные рассказы, написанные простым разговорным языком, который вовсе не нужно редактировать и править ради публикации. От этого выправления язык рассказов только проиграет.

Василия Решетникова уже нет в живых. Но его русская стойкость, человеческая справедливость и душевная доброта обеспечили ему бессмертие в сердцах тех, кто его знал и любил и кто сохранил его рукописи. Стойкость, справедливость и доброта — основа его природной талантливости и ключ к объяснению той Великой Народной Победы.

«Молодая гвардия». 2005. №1-2

К статье Александра Уайта «Русская политика самосохранения»

Написанная в 1955 году, «Русская политика самосохранения» впервые была полностью опубликована в 1959 году в русской газете «Голос Родины», выходящей в Мюнхене, а затем журнал «Русское самосознание», издаваемый в США В.Тетеновым, перепечатал ее в 1984 году.

Журнал «Молодая гвардия» опубликовал эту работу Александра Уайта в апрельском номере 1991 года, когда еще существовал Советский Союз, но до его распада оставалось несколько месяцев. Большинство наших читателей в то время даже не могло предположить того, что ожидает всех нас в грядущее десятилетие. Но публикуя «Русскую политику самосохранения» Александра Уайта в 1991 году, мы пытались заставить советских людей задуматься, вникнуть в смысл предательских действий коммунистической власти, чтобы если и не остановить грядущую катастрофу, то хотя бы пройти ее с наименьшими жертвами. Но страна нас тогда не услышала.

Все, что предсказывал русский эмигрант А.Уайт, произошло в нашей стране, как по-написанному. Компартия страну предала, соцлагерь исчез, союзные республики от нас откололись, и «Западная Демократия» получила в неограниченном пользовании наши природные ресурсы за пустые и никчемные для нас зеленые бумажки.

Подтвердилась и мысль автора о том, что компартия изначально создавалась как структура «Мировой Демократии», а Сталин лишь на время вышел из подчинения этой интернациональной диктатуре.

Но и сейчас, в наше время, «Русская политика самосохранения» А.Уайта остается не менее актуальной для думающих русских людей, так как до сих пор отвечает на многие современные вопросы мировой политики и открывает глаза на тайные пружины глобальных процессов, руководимых этой самой «Мировой Демократией». Вот поэтому мы и решили, спустя 15 лет, еще раз опубликовать ее в нашем журнале.

«Молодая гвардия». 2006. №7-8

К стихам Андрея Облога

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые» — сказал великий поэт. Для творческой личности роковые годы Отечества — это одновременно и трагедия, и необыкновенная, Богом данная возможность выразить свой дар во всей полноте.

Недавно я открыл для себя удивительно сильного поэта трагической судьбы — Арсения Несмелова, вычеркнутого из русской литературы в советское время. Боевой офицер Белой гвардии, прошедший через окопы Первой мировой и Гражданской войн, сражавшийся в армии Колчака, волею рока оказавшийся на переломе русской истории, он, как Лермонтов и Гумилев, опоэтизировал бой, сражение, восторг победы и тоску поражений. Война вошла в его стихи как героическая повседневность, как быт окопной жизни: *«Пели добровольцы. Пыльные теплушки Ринулись на запад в стукоте колес. С бронзовой платформы выглянули пушки. Натиск и победа! или — под откос»*.

Когда я читал стихи Арсения Несмелова, то невольно сравнивал их с трагедией современной России и с опоэтизированной героикой нынешних дней. И тут невозможно было обойти вниманием поэзию Андрея Облога:

...К чертям этот мир, и да пусть война
Восстанет из тьмы годин.
У нас должна быть Страна одна,
И должен быть Вождь один.
И смерть над полями несется — пусть,
И пушек гремит раскат.
Омытая кровью, воскреснет Русь,
Лишь краше еще стократ.
Иначе Родины нам не сберечь,
Всё нынче легло на кон.
Не мир Господь нам принес, но — Меч!
Запомни этот закон.

Стихи эти могли быть написаны автором на приднестровском фронте в 1992 году или на краснопресненском фронте в октябре 1993 года, когда русские патриоты в прямом смысле этого слова спасли честь Родины и показали всему миру, что не все в России труслили и продались врагу за чечевичную похлебку, что есть еще русские бойцы и есть поэты, способные, когда нужно, держать в руках оружие.

«Какая разница между героем и поэтом? — спрашивал Дм. Мережковский в статье о Пушкине. И сам отвечал: — По существу никакой... они рождены из одной стихии». Порождение русского духа, они были и будут на Руси всегда — те, кто прямо смотрят в глаза смерти и не встают на

колени среди поголовного ничтожества и безразличия. За-
логом тому эти стихи современного поэта:

Наверно, в бронзе
Сохраненных списков
Знакомых мне не отыскать имен.
Приду сюда
И, встав у обелиска,
Услышу шелест боевых знамен.
Услышу боя грохот отдаленный.
И не поверю я своим глазам:
Встают они повзводно,
Поименно —
Ровесники, оставшиеся там.

Истинная, искренняя гражданственность стихов, способ-
ная пробудить читательское волнение, — это знак качества
поэтического творчества, та золотая проба, которая отличает
подлинное произведение от подделки и графоманской хал-
туры какого-нибудь И.Савельева. Свою патриотическую
гражданственность А.Облог выстрадал и вынес из окопов
Абхазии и Приднестровья. И ему веришь, когда он говорит:

Глина свежая наших могил...
Не очистить ее от сапог.
Он совсем ведь мальчишкой был
Не прикрыл я его.
Не сберег.

Но кто задумывался над вопросом: из чего возникает
гражданственность, каким образом она рождается в сердце
поэта? А происходит она из любви — в широком смысле
этого чувства. Когда любовь вмещает в себе личное отно-
шение и к Отчизне, и к малой родине, и к родителям, и к
детям, и к близкому человеку, — тогда и способна она дать
сердечный импульс, душевный порыв к проявлению граж-
данской позиции и гражданского мужества, без которых не
может быть русского поэта.

Вспомним, был в начале XX века сверхмодный, супер-
оригинальный «король поэтов» Игорь Северянин с его по-
эмами и ананасами в шампанском. И кто бы мог тогда по-
думать, с каким напором, с какой болью прорвется сквозь
его вычурную лирику высокое патриотическое чувство по-

сле трагедии 1917 года! Вот когда в нем проявилась истинная гениальность, вот когда он стал по-настоящему национальным русским поэтом.

Я давно пришел к четкому пониманию: если какой-то автор не способен талантливо (а это значит не избито, не голословно) выразить в стихах своей гражданской сущности, то и проникновенной любовной лирики у него тоже не получится. Но читаем у Андрея Облога:

Ты не ищи в моих словах пророчества,
Не верь в любовь до гробовой доски.
Но избавление от одиночества
Мне принесло тепло твоей строки.

...Забыты напрочь ветхие пророчества.
Искуplen грех унынья и тоски.
И для меня прекрасней — одиночество,
Согретое теплом твоей строки.

Когда любовь и гражданственность органично сливаются в сердце поэта, тогда и рождается слово, разящее как меч, нежное как шелк и трепетное как березовый лист.

Какие-то кабинетные ничтожества, на каждом шагу величающие себя русскими и назначающие сами себе бесчисленные премии и стипендии, надумали исключить А.Облога из Союза писателей. Спрашивается, за что? Да за его позицию, не угодную этим кабинетным ничтожествам. Вот до каких скотских времен мы дожили! И нет ни малейших надежд на пробуждение их совести. Но есть и положительная черта нашего времени: от них, этих кабинетных ничтожеств, в жизни поэта теперь ничего не зависит.

«Патриот». 2007. №4

К статье Бориса Прудникова «Альтернативная история России XX века»

«История не знает сослагательного наклонения» — часто произносят эту фразу. Но не так всё просто. История, между прочим, имеет сослагательное наклонение — в на-

шем сознании. И совсем не вредно проанализировать прошлую российскую историю через возможные альтернативные варианты, чтобы лучше представлять и создавать свое будущее. Автор данного материала такую мыслительную работу проделал и предлагает ее на суд читателей. Мы, конечно, понимаем, что многие его «идеи» выглядят, на современный взгляд, фантастично, но, если вдуматься, ничего нереального в них нет, и при определенной воле и решительности правителей России они вполне могли осуществиться.

«Молодая гвардия». 2007. №7-8

К стихам Людмилы Туровской

Трагедию нашей жизни особенно остро чувствует и переживает поэт. Когда мы по воле предательской власти оказались в другом государстве, в другой, чуждой нам системе ценностей и отношений, те, кто не хотел и не мог идти на сделку с совестью, встал на путь сопротивления и борьбы. Этот путь оказался самым трудным и самым опасным в нынешней России. Но для поэта, обостренно реагирующего на несправедливость и ложь, другого пути не существует. И для Людмилы Туровской это был единственно возможный путь жизни, согласный с ее призванием и биением ее сердца.

Мертвая железная дорога.
Голые колхозные поля...
Предана, поругана, убога
Гордая советская земля.
Вновь бреду по нивам умерщвленным,
И в моей истерзанной душе,
Некогда счастливой и влюбленной,
Ни слезы, ни ужаса уже.

И вправду, после прочтения ее стихов, написанных в молодости, понимаешь, что ее лира была ей дана изначально, чтобы выразить волнение девичьей души, полной любви и нежности к своей малой родине, к Уралу, и к самым близким людям — матери, отцу, бабушке... Самые проник-

новенные, самые искренние и наиболее безыскусные ее стихи в тех книгах, которые мне удалось прочитать, — это стихи о любви.

Ты — мед и яд.
И свет, и тьма.
Вчера простой,
сегодня — странный...
Послушай,
я сойду с ума
от этой пляски окаянной.
Ты был со мной
так дерзко груб,
хвалился дьявольскою силой.
Но лишь моих коснулся губ...
Мой Бог,
я всё тебе простила!

Чаще всего сильная, глубокая любовь, словно некая предопределенная неизбежность, наполняет сердце печалью и ведет к разлуке с любимым человеком. К сожалению, так грустно устроена наша жизнь — чем сильнее и безогляднее любишь, тем вероятнее потеря любимого. Но и тем глубже и яснее становятся поэтическое зрение и чувство, которые ведут к поэтическим прозрениям. Так и Людмила Туровская через личный печальный опыт пришла к философскому осмыслению жизни в своих стихах:

Бывает час, когда не надо хлеба,
Друзей завистливых, услужливых врагов.
Душа грустит — должно быть, просит неба
И рвется прочь из временных оков.
Забыв о тех, кто здравствует, кто умер,
Как дым костра таежного, горька...
И вот тогда из черного раздумья
Вдруг прорастает светлая строка.

Но истинная, неподкупная любовь поэта всегда сопряжена (и это тоже неизбежно) с его выстраданной гражданской позицией. Любовь к малой родине и к близким людям рождает любовь к Родине большой и ко всему своему народу.

Людмила Туровская родилась в Советском Союзе, и никакой другой Родины для нее быть не может, она всей своей кровью и всем своим сознанием — советский человек.

И потому так горька и так тяжела для нее была гибель нашей великой Родины. Тема трагедии государства стала главной болевой точкой всех ее стихов за последние годы.

Горькой горечью вытопан день.
Вихрем кружатся думы о прошлом.
Средь никчемных, тщедушных идей
Грустно мне, одиноко и тошно.
Видишь, друг, мы с тобой не в раю,
А в тисках обезумевшей Жизни.
На руинах великой Отчизны
Сокрушенно сиротски стою...

Прежняя нежность ее сердца отныне стала *гневной нежностью*, в которой соединились и любовь к попоранной Родине и ненависть к ее подлым разрушителям.

Но поэзия, как теперь оказалось, — только часть борьбы Людмилы Туровской с антирусским засильем. Ее сопротивление нашло выход и в созидательной деятельности. Как разносторонне талантливая и граждански активная личность она с головой погрузилась в новую для себя и крайне перспективную работу. На кабельном телевидении она разработала проект и внедрила в жизнь замечательную и очень полезную культурную программу под названием «Времен связующая нить». Оказывается, если с умом взяться за дело, то и через телеэкран (даже в наше время!) можно сеять доброе и нужное для наших людей. Людмила стала пропагандировать талантливых самородков, русских просветителей, писателей, народные, фольклорные, казачьи ансамбли, приглашая их в студию и ведя с ними перед телекамерой очень интересные беседы. Она стала выискивать ростки народной культуры по всей России, в русской глубинке, а в последнее время начала налаживать творческие связи и со славянскими нашими братьями — с белорусами и украинцами. И к ней потянулись народные таланты.

В одном своем стихотворении я написал: «Гражданственность исходит из любви». Гражданственность поэзии Людмилы Туровской и ее просветительская деятельность — это форма борьбы нашей современницы с силами зла и тьмы за возвращение народу великой Родины.

2007

К публикации в «Молодой гвардии» работы «Проект Россия»

Эта анонимная, но получившая широкий резонанс публицистическая работа представляет интерес подробным анализом самых разных систем власти. Для нас она важна еще одним объяснением и подтверждением преступной природы демократии как таковой. И хотя наш журнал на протяжении всех последних семнадцати лет бесстрашно вскрывал демократические язвы, поразившие современное человечество, будет не лишним еще раз показать гибельность этой системы всеобщего обмана и ограбления.

Какая форма существования наиболее приемлема для России? Кто должен стоять во главе государства? Что такое национальная элита? Какая власть будет иметь непререкаемый авторитет для народа и по какому пути страна должна двигаться к своему процветанию? На эти насущные для нас вопросы пытаются ответить неизвестные авторы данной работы, публикуемой нами в сокращении.

«Молодая гвардия». 2008. №3

К публикации подлинной Директивы Алена Даллеса Совету Национальной Безопасности США 1948 года «Задачи в отношении России»

На протяжении последних 20 лет во многих патристических изданиях неоднократно публиковался так называемый «План Даллеса» (иногда называемый «Речью Даллеса»), в котором якобы излагались необходимые действия по разрушению Советского Союза и который в конце XX века был полностью выполнен. Однако в реальности, как уже окончательно прояснилось, текст этой псевдодаллесовской «речи» какими-то ушлыми деятелями был слеплен из кусков двух художественных произведений — Ю. Дольд-Михайлика «И один в поле воин» и А. Иванова «Вечный зов» — и пущен в широкий оборот. (Собственно, профессионалам давно было понятно, что в подобном витиеватом художественном стиле руководитель американской развед-

ки не мог излагать перед конгрессменами и президентом план действий своего ведомства.)

И вот теперь наши недоброжелатели в печати и с экрана телевизора посмеиваются над «неразумными русскими патриотами» (Марк Дейч, например) и самоуверенно утверждают, что никакого разрушительного «Плана Даллеса» не было вообще. Цель их понятна: высмеяв, дискредитировать нас, патриотов России, и дезавуировать давние планы США по моральному разложению советского общества. В какой-то степени цель эта была достигнута. Но истина, рано или поздно, всегда пробивается на свет. И разрушители России, как им и положено, сами подталкивают нас к ее прояснению.

Мы считаем необходимым опубликовать **подлинную** Директиву Алена Даллеса Совету Национальной Безопасности США от 18 августа 1948 года.

После ознакомления с ней становится ясно, что в настоящее время даллесовский подрывной план уже значительно превзойден. Но интересно то, насколько далеко смотрел его автор 60 лет назад. Советское руководство не могло не знать о существовании данной Директивы СНБ США и тем не менее, словно загнипнотизированное взглядом удава, шаг за шагом допустило реализацию практически всех пунктов этого поистине пророческого документа.

При публикации в журнале мы опустили два коротких, чисто технических раздела: «Введение» и «Общие положения».

«Молодая гвардия». 2008. №9

О творчестве прозаика Нины Бойко

За творчеством Нины Бойко я слежу в течение нескольких последних лет. На страницах нашего журнала регулярно публикуются ее короткие рассказы. Надо сказать, что рассказчик Нина Бойко удивительный и очень своеобразный. Ее острый художественный взгляд выхватывает из жизни, из самых, казалось бы, простых ситуаций необыкновенные, яркие картинки быта, наполняя их остроумным содержанием и сочным языком. И эти бытовые, смешные и грустные, истории превращаются под пером автора в живые цепочки российского бытия — со всеми нашими чисто русскими «заскоками», ду-

шевыми взлетами и падениями. И самое главное — в них нет придуманности, искусственности, фальши, им веришь, потому что они и впрямь взяты из реальной жизни. Это замечательный дар писателя Нины Бойко. В этом смысле она продолжает чеховско-шукшинскую прозаическую школу русской литературы. Продолжает на очень достойном художественном уровне. Достаточно ознакомиться с подборкой ее рассказов в №9 «Молодой гвардии» за этот год.

Но основное творчество Нины Бойко, конечно, заключено в крупных жанрах — романах и повестях. Через жизнь отдельных героев она с присущим ей профессионализмом стремится отразить то, что происходило с нашими людьми как в прошедшем веке, так и в нынешнем. Последняя ее книга «Когда мы вернемся», состоящая из двух романов и повести и выстроенная во временной последовательности, начинается с периода нэпа и заканчивается нашим временем. Роман «Куда вы, облака?» — о жизни людей, прошедших коллективизацию, репрессии и Великую Отечественную. Автор жила рядом, близко общалась с этими людьми и потому писала о тех временах по живым рассказам свидетелей.

Второй роман — «Дом на продажу» — о предперестроенном времени, когда по милости руководства СССР настоящие ценности стали подменяться материальной выгодой и благами, приобретенными за рубли. Одна из героинь романа, Елизавета Александровна, получила всё, что хотела, кроме одного: счастья. Однако ее детям, мужу и старому отцу деньги не застили глаза, и они оказались гораздо счастливее. Дочь Ольга грустно говорит: *«Вернуться бы в детство, где мир был так ясен и где совсем не было холодов. Ведь это уже во взрослой жизни начинаются холода, и начинают они с сердца, потерявшего опору. Кидает человека то вправо, то влево за какой-то даже не мечтой, а картинкой».*

В повести «Когда мы вернемся» действие происходит уже в наши дни. «Либеральная» российская власть сделала деньги мерилom всего, в том числе любви и чести, совести и свободы. И жизнь граждан превратилась в сущий ад. Но и в этом аду чистые души пытаются остаться людьми, не измараться; в меру своих сил герои повести борются за право жить по-человечески.

Герои произведений Нины Бойко просто живут: любят и ненавидят, веселятся и злятся, смеются и плачут, то есть их

жизнь показана многоцветной — такой, какая она и есть в реальности. Их судьбы увлекают читателя, который искренне им сопереживает. И это замечательно, что в российской глубинке, на Урале, живет и творчески активно работает писатель Нина Бойко.

Август 2010

К дискуссии «О состоянии русской нации и путях выхода из либерального тупика»

Журнал «Молодая гвардия» открывает дискуссию на крайне важную для всей России тему:

О состоянии русской нации и всего российского народа, об отношении к нынешней власти и о путях выхода из системного тупика (морального, политического, экономического, национального и т.д.), в который завела Россию либеральная ложь.

Мы надеемся, что в этой дискуссии примут участие русские идеологи, серьезные писатели и политики, не равнодушные к судьбе своего народа и ближайшему будущему России. Настало время сказать прямо и четко, куда и к чему привела нас либерально-демократическая система жизни, чем она обернулась для нашего народа и как нам выбираться из вакханалии развала, политической продажности, бесконечного роста цен, повальной коррупции, безумной преступности и национального унижения. Власть продолжает самовлюбленно надувать щеки и имитировать какую-то деятельность. Однако вся эта деятельность подобна горящей «Хромой лошади», в которой обреченно исчезает российское население.

Русским мыслящим людям пора, собравшись на страницах нашего журнала, высказаться так, чтобы власть их услышала. А не услышит — тем хуже для нее. Эти размышления и предложения пора наконец собрать воедино как альтернативу нынешнему провально-беспросветному курсу властей, а также в качестве основы будущей программы развития России и национального восстановления нашего народа.

«Молодая гвардия». 2010. №7-8

Послесловие к дискуссии

Подведем некоторые итоги нашей дискуссии. Практически все участники выразили свое крайне отрицательное отношение к либерализму как государственной идеологии, как системе взглядов на мир и как агрессивно навязываемой нам диктатуре ценностей, чуждых русскому образу жизни, русской ментальности. Но где выход, как избавиться нам от этой всеразлагающей заразы, ведущей наше государство даже не просто в бессмысленный тупик, а к краю небытия, к смертельной пропасти?

Авторы дискуссии по-разному видят возможные пути дальнейшего существования России — в виде православной монархии (М.Лемешев), с помощью христианского социализма (Н.Сомин), через возрождение окультуренной советской системы (С.Кара-Мурза) и как Русского национального государства (А.Савельев). Все эти формы нашего бытия логически обоснованы и имеют конструктивные стороны для формирования будущей внутренней политики государства и строительства Великой России, каковой она, по мнению всех участников дискуссии, должна быть по определению. Но тот путь, которым она идет в настоящее время, ведет ее к деградации, вырождению и гибели. На этом пути состояние государствообразующей русской нации плачевно, трагично и даже катастрофично. Единственный способ увести Россию с этого гибельного пути, по убеждению авторов дискуссии, — смена власти, игнорирующей интересы русского народа, составляющего большинство российского населения.

Собственно, вновь мы пришли к тому же выводу, к которому неизбежно приходили русские мыслители в разные времена: **любая общественная формация имеет право на существование и способна вести страну к процветанию, если во главу угла внутренней и внешней политики она ставит национальные интересы своего основного народа.** Ясно и то, что для т.н. «либеральной» системы такая политика всегда будет чужда.

«Молодая гвардия». 2010. №11-12

**К статье Константина Ерофеева
«Отчего почернели червонные маки»**

(Послесловие)

26 ноября 2010 года накануне визита в Польшу Д.Медведева Госдума сделала заявление, согласно которому всю вину за расстрел немцами польских офицеров в 1941 году она возлагает на Сталина и НКВД. Понятно, что Медведеву очень хотелось подыграть полякам и всей Европе перед этим своим пиар-визитом с дальним расчетом на президентские выборы 2012 года. Однако данный расчет может и не оправдаться. Курс на «десталинизацию», агрессивно и беспардонно навязываемый сверху нашему народу, может обернуться полным провалом для претендента на второй президентский срок.

Стремление любым способом понравиться Европе и Америке приводит в России к предательской горбачевщине и ельцинщине. Эти уроки истории слишком близки, чтобы о них легко забыть.

Здравомыслящим людям понятно судорожное желание ультра-либералов демонизировать И.В. Сталина, дабы списать на него все преступления XX века — от троцкистско-свердловско-зиновьевских до гитлеровских. Однако народ наш еще не настолько ими одурочен, чтобы не понимать всей подлости, лживости и всего цинизма этих озлобленных потуг. 90% нашего населения на них не ведётся, что ярко демонстрировало телевизионное голосование сванидзевского представления под названием «Суд времени».

Судя даже по фильму А.Вайды «Катынь», поляки стремятся возвысить свою страну, пусть и незаслуженно, но прославить своих погибших офицеров, создать вокруг них ореол героев. А что делают «наши» либеральные витии, догнавшие здесь до власти и до телеканалов? Всё что угодно, лишь бы оскорбить и унижить Россию, заставить нас каяться в том, чего мы не совершали. Они уже не могут сдерживать своей ненависти к «этой стране».

Что же касается «катынского дела», то в №3 нашего журнала за этот год опубликован материал депутата Государственной думы Виктор Илюхина «О фальсификации исторических документов советского периода», в котором

ясно показано и доказано, как при горбачёвщине предшественники нынешних фальсификаторов истории готовили фальшивые документы этого «дела» с целью опять же понравиться Европе, оклеветать наш народ и отмыть себя, заклеив «сталинский режим». Но правда вскрылась. И бесполезно либеральным временщикам делать вид, будто ее нет. Как бы они ни злорадствовали и ни ухмылялись, никакая Европа не спасёт их от клейма лжецов и клеветников, сросшегося с ними навсегда.

«Молодая гвардия». 2011. №5-6

К статье Елены Пустовойтовой «Пуля из сорок пятого...»

(Послесловие)

В феврале этого года премьер-министр Японии Наото Кан на весь мир объявил четыре острова Курильской гряды временно оккупированной Россией территорией, принадлежащей Японии. Столь нагло японские официальные власти еще не действовали. И наглость эта была так же **публично** поддержана Вашингтоном.

Сразу после этого, как сказано выше, перед нашим посольством в Токио японские реваншисты подожгли и растоптали российский флаг, а в само посольство по почте ими была отправлена пуля от винтовки времен Второй мировой войны. Когда же наш министр иностранных дел потребовал извинений от официальных японских властей за надругательство над российским государственным флагом, премьер-министр Наото Кан, заявил, что не видит в этих действиях ничего предосудительного.

В прошлом году весь мир увидел, что случилось с президентом Польши Л.Качиньским после его наглых, бесцеремонных, русофобских высказываний.

В марте этого года Япония подверглась серии страшных подземных ударов (до 9 баллов). Вслед за ними последовали разрушительные цунами, затопившие ее прибрежные территории. Стихийное бедствие унесло более 20 тысяч человеческих жизней. Произошли аварии на трех атомных станциях,

на которых только чудом не случился новый Чернобыль. Япония была вынуждена обратиться к России за помощью, и две группы наших спасателей прибыли в район бедствия.

Растоптанный российский флаг и пуля, отправленная в наше посольство, бумерангом возвратились к тем, кто возмечтал о новой войне. Высшие силы то и дело напоминают о себе зарвавшимся наглецам. И теперь правительству Японии надо будет долго работать по восстановлению разрушенного и упорно думать о сохранении жизни на **своих** имеющихся островах вместо того, чтобы зариться на чужие. Потому что в противном случае можно потерять абсолютно всё.

«Молодая гвардия». 2011. №10

**К статье Альфреда Коха
«Верхи-то еще могут, а вот низы уже не хотят»**

(Послесловие)

Эта публикация — реакция далеко не самого зашоренного представителя т.н. либеральной интеллигенции на выступление московской молодежи 11 декабря 2010 года на Манежной площади. Он, как ни удивительно, выразил правильную мысль о том, что национальное русское чувство рано или поздно обязано было прорваться в той или иной форме после десятилетий замалчивания русских национальных проблем. И нет ничего неожиданного в том, что прорвалось оно именно в такой форме. Говорит это либерал-западник, стоявший у истоков бесчеловечной «демократической революции» в России. Говорит точно и правдиво, выражая общелиберальное чувство страха перед грядущей расплатой за содеянное с нашим народом. Они поняли, что выросла молодежь, лишенная страусинового комплекса, которой нечего терять, кроме морально удушающих «демократических» цепей. И в будущем этой власти и этим самовлюбленным либерал-предателям придется иметь дело с жестким, безоглядным и национально ориентированным поколением.

«Молодая гвардия». 2011. №9

**К статье Михаила Ефремова
«К вопросу о российской государственности»**

Мы публикуем, на наш взгляд, интересную, но спорную статью. Ее автор поднимает важный вопрос: каков же в реальности возраст Русского государства, а точнее говоря, с какого исторического периода нужно в действительности отсчитывать возникновение российской государственности? В официальной историографии ее начало принято было считать со времени призвания Рюрика на новгородское княжение, то есть с 862 года. Так, в 1862 году Дом Романовых торжественно отметил 1000-летие России.

Но что на самом деле произошло в 862 году? И правомерно ли приход на Русь варягов считать началом российской государственности? Возможно ли отсчитывать с этого времени подлинную историю русского народа?

Одни исследователи наших корней начинают эту историю с зарождения Киевской Руси. Другие — с воссоздания Андреем Боголюбским истинно русского Владимиро-Суздальского княжества, ставшего предтечей будущего Велико-русского государства. На чьей стороне правда?

Публикуемый материал — дискуссионный. Поэтому будем рады, если заинтересованные в этом вопросе историки и публицисты присоединятся к данной дискуссии.

«Молодая гвардия». 2012. №10

К книге стихов Аллы Линёвой «Слышу тишину»

Впервые я познакомился с поэзией Аллы Линёвой по ее книге «По краешку неба» (2008 г.), которую прочитал за один вечер не отрываясь, потому что очень не хотелось прервать того душевного волнения, какое возникает крайне редко при знакомстве с современными стихотворными книгами. И это волнение не остывало во мне до последней страницы ее книги. Я открыл для себя замечательного, не похожего на других поэта. И с тех пор творчество Аллы Линёвой мне было всегда интересно, где бы она ни публиковалась.

Есть в ее стихах безыскусная непосредственность, незаданность и душевная естественность, которые придают

поэтическому творчеству особую легкость дыхания и глубинную искренность. И потому стихам ее веришь, а лирической героине — сочувствуешь. Вот это невольное и неподдельное сопереживание читателя — есть первый признак настоящего творчества и авторской удачи. И вот что удивительно: стихи Аллы Линёвой короткие, в основном — восьмистишия, но этих строк автору достаточно, чтобы в каждом стихотворении сказать очень много для восприимчивого сердца, и эта их смысловая емкость в большинстве случаев радует и подкупает:

Что закат прекраснее рассвета,
 Это я недавно поняла:
 Разглядела только этим летом,
 Сколько в красках мягкого тепла.
 Как горит лиловое раздолье,
 Как дымят густые облака!
 И душа ликует поневоле,
 Позабыв, что ночь уже близка...

* * *

Всё в мире просто —
 Тополь и берёза,
 Незримый ветер,
 Синь и облака,
 Всё в мире просто —
 Свадьбы и погосты...
 Настолько рядом,
 Что дрожит рука...

Стихи Аллы Линёвой обладают выстраданной женской мудростью, но при этом они не назидательны, не навязчивы в своей лирической правде, мудрость эта исходит из любящей души, познавшей и бренность человеческих чувств и одухотворяющее слияние с природой. Этот сплав, эта мудрая природная одаренность придают стихам А.Линёвой женское, только ее, неповторимое своеобразие. Они захватывают и не отпускают вдумчивого читателя.

Нет, не к тебе душа стремилась,
 И не тебе она верна.
 Но был твой взгляд как Божья милость
 Среди нерадостного сна.

Не припадал ты к изголовью,
И не касался ты руки...
Я это назову любовью...
Я это облеку в стихи...

* * *

Сгущается сумрак в осеннем лесу.
Тяжелую ношу я в сердце несу.
Луна из-за тучи тревожно глядит,
И листик кленовый в ладони летит.
И дом мой еще далеко-далеко.
И страшно идти, и не встретит никто.
Ты только, пожалуйста, сердце, крепись,
Ведь ноша твоя называется — жизнь.

Очень хорошо, что творчески богатый город Липецк дам нам такого поэта. Достоинно продолжая литературную традицию славных предшественников своей малой родины, Алла Линёва смело и уверенно вышла на всероссийскую поэтическую дорогу. Ее стихи публикуются в центральных журналах, в последние годы она стала лауреатом нескольких престижных литературных премий и конкурсов. Но самое главное — поэзия Аллы Линёвой близка и понятна каждому, кто чувствует образную глубину и музыкальность русского стихотворного слова.

2012

О Владимире Гревцеве

С Владимиром Гревцевым меня столкнула судьба в середине 90-х в газете «Патриот». Я публиковал в ней свои статьи, и одну из них готовил к печати он. Мы еще не были знакомы. Когда я приехал в редакцию, чтобы вычитать верстку, он подошел ко мне и сказал, что статья ему очень понравилась. В тот же день он подарил мне свою книжку стихов.

Поначалу стихи его показались мне несколько декларативными, даже излишне пафосными, мне не хватало в них лиричности, сердечности, душевной гармонии.

Мы с ним стали часто видеться на патриотических вечерах, митингах, на концертах в Большом Харитоньевском переулке, в издательстве «Советский писатель», куда переехала редакция «Патриота». Нередко мы выступали на одних сценах, обменивались своими книгами. На моих глазах он рос как поэт.

Будучи по своей природе бойцом, советским патриотом, остро реагирующим на подлость и несправедливость нового жлобского времени, Владимир Гревцев всё заметнее, всё ярче становился большим гражданским поэтом. Стихи его с годами приобретали более яркую образность, впечатляющую хлёсткость, более глубокую метафоричность. На его стихи были написаны прекрасные песни русского сопротивления, его выступления перед большими аудиториями вызывали шквал аплодисментов.

Звенят литавры и награды,
Звучат красивые слова...
Верните имя Сталинграду —
Есть у него на то права!
На грудь Мамаева кургана
Ложатся клятвы и цветы...
Героев кровь — не безымянна
И тем отлична от воды.
Давно сказать бы громко надо,
О чём с оглядкой говорим:
Верните имя Сталинграду,
Ему не нужен псевдоним!

Я уже видел в нём настоящего, зрелого поэта. Таким его запомнили многие. Он стал моим хорошим товарищем, соратником по убеждениям, по творчеству и по жизни.

Его тяжелая болезнь, операция и внезапная смерть стали для меня очередной большой несправедливостью этого мира. Владимир всегда казался мне жизнерадостным, морально сильным, отзывчивым, волевым человеком.

И как часто бывает, главное мое открытие поэта Владимира Гревцева произошло уже потом, когда его не стало. Уже другими, более пристальными глазами я прочитал его книги, изданные после смерти. И увидел в нём потрясающего лирика. Это открытие стало для меня, с одной стороны, неожиданным, а с другой — вполне естественным, ожидаемым,

необходимым для представления о настоящем таланте. Творчество истинного поэта всегда разносторонне, оно не бывает, не должно быть узко направленным, одномерным. Именно таким, цельным и органичным поэтом предстал передо мной Владимир Гревцев.

Его любовная лирика необычна, порой парадоксальна, очень откровенна и безыскусна. Его сердце в ней раскрывается до предела:

Сказать боюсь о женщине: «Моя!»
И в той ночи, когда она со мною,
И на заре — она всегда ничья,
Она и не своя сама порою.
Но лишь во власти твоего тепла
Сумел понять я, что на свете значу.
Себя обрёл, когда обрёл тебя.
Что станет, если я тебя утрачу?..

* * *

Меня недаром пощадили пули
И сердце до сих пор не подвело —
Чтобы однажды в суете и гуле
Отпить глазами глаз твоих вино.
И разом охмелеть, и растеряться —
Как будто вдруг подняться по тропе
На перевал, к границе святотатства,
На грань неожиданной нежности к тебе...

Вот из таких необычайно искренних, пронзительных, сердечно открытых стихов состоит его книга «Бесконечно ожидание любви», изданная в 2012 году.

Стихи Владимира Гревцева нужно читать, переиздавать, исполнять, т.к. они несут свет одновременно волевой и нежной, а значит, подлинной поэзии.

2014

Письма

Главному редактору журнала «Наш современник»
С.В. Викулову

Москва. 21 июля 1984 г.

Уважаемый Сергей Васильевич!

Обращаюсь к Вам письменно, так как нахожусь сейчас в Доме творчества в Малеевке. В конце апреля ко мне обратился с просьбой Ю.М.Медведев срочно сделать для «Нашего современника» переводы десяти сонетов чешского поэта Михала Худы. Переводы эти должны были пойти, как сказал мне Медведев, в восьмой номер журнала. Работа оказалась непростой, однако я выполнил ее в срок, отложив все другие свои работы. В №8 мои переводы не пошли, и в июне А.Шитиков ознакомил меня со своими, а также Вашими замечаниями к ним и предложил мне произвести соответствующую доработку. Я постарался исправить переводы с учетом этих замечаний и вот теперь высылаю их лично Вам. Посылаю не шесть сонетов (на полях которых были замечания), а все десять, так как предполагаю, что А.Шитиков показывал Вам не весь переведенный мною цикл сонетов М.Худы.

Экземпляры с Вашим пометками (к первому варианту переводов) я также прикладываю, чтобы можно было судить о проделанной мною работе по усовершенствованию переводов.

С уважением, Валерий Хатюшин.

21 июля 1984

Председателю Тернопольской писательской организации
В.П. Выхрущу

Украинская ССР. Тернополь. 10 октября 1986 г.

Здравствуйте, уважаемый Владимир Павлович!

Книги Ваших стихов я получил. Большое спасибо. Готов приступить к их переводу для «Советского писателя».

Владимир Павлович, я обращаюсь к Вам с одной очень важной для нас просьбой. Дело вот в чем. В издательстве «Современник» в будущем году выходит книга критики прекрасной современной поэтессы Татьяны Глушковой. Книга эта будет событием в культурной жизни нашей страны. Она необычайно важна для всех, кому дороги национальные традиции, кому дорого поэтическое слово. Название книги — «Традиция — совесть поэзии».

Вы, наверное, знаете, что в последние годы политика Книготорга приобрела прямо враждебные культуре черты. Поэтому, чем содержательнее книга, тем с большими организованными трудностями по ее распространению она встречается. В Москве, по крайней мере, это так. Книгу превратили в рыночный товар и усиленно убеждают всех, что поэзия перестала пользоваться спросом у населения, потому, мол, и необходимо урезать тиражи поэтических сборников и книг о поэзии. И несмотря на то, что заявки на ту или иную книгу поступают, книготорговая мафия делает вид, будто заявок этих нет.

Уважаемый Владимир Павлович, мы просим Вас помочь с оформлением **дополнительных** заявок для Тернополя на книгу Т.Глушковой «Традиция — совесть поэзии». Украина пока слабо отозвалась на эту книгу. Издательство очень рассчитывает на эти дополнительные заявки, чтобы иметь возможность выполнить договорной тираж 10 тыс. экземпляров.

Татьяна Глушкова по рождению и по годам учебы — киевлянка. Литературную деятельность начинала в Киеве в газете «Литературная Украина». В ее книгах стихов широко представлена тема Украины: ее история, период Великой Отечественной войны. Она является переводчиком украинской поэзии на русский язык. Книга «Традиция — со-

весть поэзии» обобщает опыт ее двадцатипятилетней работы в литературе. Это — книга исследований, эссе, публицистики. Она посвящена национальной природе поэзии, ее общественной роли. Многие статьи этой книги публиковались во всесоюзной печати и своей актуальностью вызвали широкие дискуссии и многочисленные отклики. Поскольку эта книга о поэзии, то по стилю она близка к жанру художественной прозы и предполагает широкий круг читателей — прежде всего литературную молодежь, студенчество, музейных работников, слушателей народных университетов... Книга имеет ярко выраженное воспитательное значение, патриотическое звучание, проникнута пафосом высокой роли народной традиции в каждой национальной культуре.

Поскольку Т.Глушкову на Украине все-таки знают, то в последние дни уже откликнулись писательские организации Ужгорода, Хмельницкого, Львова, и мы надеемся на Тернополь.

Возможно, Вы читали статьи Т.Глушковой в этом году в центральной «Литературной газете» о проблемах стихотворного перевода, а также о проблемах национальной культуры, которые имели чрезвычайно большой резонанс: они отчасти дают ясное впечатление об актуальности и публицистичности книги «Традиция — совесть поэзии».

Владимир Павлович, мы обращаемся к писателям братских славянских республик и надеемся на их солидарность с нами. Мы просим лично Вас помочь с дополнительным заказом книги Т.Глушковой для Тернополя, проконтролировать исполнение этого заказа местным Книготоргом и сообщить нам о результатах.

Выходные данные книги: Татьяна Глушкова, «Традиция — совесть поэзии», «Современник», 1987 год. Плановая позиция №300. Объем — 18 п. листов, цена 85 коп.

До свидания.

С искренним уважением, Валерий Хатюшин.

10 октября 1986

Н.Я. Эйдельману

Москва. 10 ноября 1986 г.

Виктор Астафьев не счел нужным подробно отвечать на ваше провокационное письмо, хотя ответил он вам прекрасно. Вам этого показалось мало, и вы решили и дальше мусолить свой вонючий «еврейский вопрос». Но кто такой вы перед Астафьевым?! Теперь вы взялись распространять эту спровоцированную вами переписку. Что ж, для личной славы у евреев все средства хороши. Так вот, я отвечу более подробно за Астафьева. Да только, думаю, что это письмо вы обнародовать не захотите. А жаль...

Не поднимается рука обращаться к вам на «Вы» с большой буквы. Нет у меня к вам уважения.

Вы упрекаете писателя Астафьева в том, что он нелестно написал о торгашах-грузинах, варварах-монголах и т.д., хотя о тех и других в русской литературе было написано много более позорного, в том числе и у Пушкина. Вам как «пушкиноведе» это должно быть доподлинно известно. Но цитаты в еврейском литературоведении для доказательства каких-либо доводов всегда извлекаются те, которые более удобны...

«В наш век при наших обстоятельствах только сами грузины и могут о себе так писать...» — говорите вы, но тогда кто, хочу я вас спросить, дал вам право судить и унижать русский народ? Уж судите в таком случае свой — еврейский! Да только у вас на это духу не хватит: кишка тонка, да и сионистские лидеры вам этого не позволят, можно и головой поплатиться. И потом, о каких это «наших обстоятельствах» вы тут толкуете? Эти «обстоятельства» придуманы исключительно вами — евреями.

С каким наслаждением вы цитируете Пушкина и Толстого, когда они горько говорят о России и о русском народе! В том их и сила. Чьи писатели еще на такое способны? Что-то не знаю я ничего похожего ни у грузинских, ни у еврейских писателей. А последние оскорбляют в России только русских. Вот и вы в своем письме грязно писали о другом народе.

В истории литературы были примеры осуждения другого народа. Тарас Шевченко и Леся Украинка терпеть не

могли завоевателей «москалей», но то хоть было понятно и простительно, они болели за свою родину и они были великими писателями. А, скажите мне, отчего еврей Гейне в своих стихах и статьях жутко поносил немцев? Прочтите современную Юнну Мориц, дышащую презрением ко всему русскому. Впрочем, евреи оскорбляли всех, но более всего тех, на чьей земле они жили. И, наверное, вам не надо уточнять, что о вас, евреях, думают палестинцы?

Лично вас заело у Астафьева не изображение спекулянтов-грузин (хотя они — действительность нынешней России, ведь они у нас торгуют, нас грабят). Кто же, как не русский писатель, должен об этом сказать? Но плевать вам на грузин! Вас покорило слово «еврейчата» из «Печального детектива». Вот тут-то вы и ухватились за «несчастных» грузин, чтобы отомстить писателю, выразить свое, видите ли, возмущение. Без вас тут никак не могло обойтись. Ругают грузин, а евреи тут как тут. Издалека чувствуют, где жареным пахнет. Из любого скандала они стараются для себя пользу выудить, на любой проблеме мечтают нажиться. И такой у них обиженный вид, как будто это их торгашами обозвали!.. Грузины уже давно успокоились, а евреи всё галдят и воду в ступе толкут.

Да только всё это понапрасну. Авторитет Астафьева в русском сознании настолько высок, что никакие евреи и грузины с ним уже ничего не сделают. Правильно вам ответил Астафьев: «Кроме злобы, ничего вы в себе не носите». Вы уже и на Белова рычите и набрасываетесь, как свора дворняг, за его роман «Всё впереди». Но и с ним вы ничего не в силах сделать в своей дикой злобе. Уж слишком высоко наши писатели над вами стоят. Есть произведения, которые, как жгучая статья в газете, не являются шедеврами литературы и искусства (это не в полной мере относится к роману Белова, т.к. его роман глубок и до конца еще не осознан), но они открывают людям глаза, сильно влияют на общественное мнение. «Всё впереди» — не что иное, как роман-поступок, к тому же напечатанный с большими сокращениями (редакционными, естественно). И не случайно он называется: «**Всё впереди**». А впереди — предстоит очищение России от жидовского засилья. Татаро-монгольское иго длилось 300 лет на Руси. И казалось, что ему не будет конца. Придет конец и жидовскому игу в России.

Вы, как и другие псы от литературы, это четко почувствовали в романе Василия Белова и страшно испугались. Уже написаны разносные рецензии на роман. Да только русский народ ваших рецензий не читает. Он читает Белова, Астафьева, Распутина, Абрамова и многих других истинно русских писателей, радеющих за Россию, а не за ваш преступный иудо-масонский космополитизм.

Что же касается вас как «литератора» и «специалиста по русской литературе», то я много наслышан о вашей литературной нечистоплотности и более того — плагиаторстве. Так что не вам обращаться с претензиями к такому человеку и писателю, как Виктор Астафьев. Было бы логичнее — наоборот...

Теперь об уточнениях по конкретным фактам письма. Лично руководил расстрелом и **стрелял** в царя **еврей**, действительно большевик и махровый сионист Яков Юровский. (Он был ювелир и позарился на драгоценности царской семьи, которые ей удалось захватить с собой на случай побега.) Вы это знаете лучше меня. Как знаете и то, что большевик — не значит не еврей. Общее руководство в Екатеринбурге в то время осуществлял Шая Голощекин, тоже ярый сионист, председателем местного совета был Белобородов (Вайсбарт). «Еврейчата» заменены на «вейчата» в отдельном издании «Печального детектива» именно вашей жидовской цензурой. Астафьев в Грузии не был «иностранцем», т.к. живем мы в одном государстве.

Вы притворяетесь наивным, говоря, что «сионисты преследовали... совсем иные цели — создание отдельного еврейского государства в Палестине». Это же детский лепет, который смешно слышать! На кого вы рассчитываете? Школьники — и те рассмеются над вами! Уж кому-кому, а вам лучше других известно, что цель сионизма — власть над всем человечеством, над всем миром и превращение России в одну из «провинций» сионистского «Великого Востока». Еврейский «рай земной» в Палестине давно создан, но что-то вы туда не торопитесь...

В любой стране любовь к Родине вы называете шовинизмом и стремитесь притупить национальное самосознание народов. Вам в какой-то мере удалось это сделать в США, вы были близки к этому в России... Не дотянули. Народ наш вовремя проснулся. Ваши «симпатичные воинствующие безбожники разных национальностей» воевали против всех

религий, кроме иудейской. За годы Советской власти на территории СССР не была закрыта ни одна синагога. Уничтожением Православной Церкви в 20-е годы руководил Троцкий при ближайшем помощнике — Шпицберге, а в 30-е годы — Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман). Все они, естественно, одной национальности.

Все мировые бойни устраивались вами, вы по природе своей провокаторы. Но очищение произойдет не только в России. Произойдет оно во всем мире. И придет день, когда на весь мир будет объявлена ваша истинная роль и ваша цель на Земле.

Во Франции вышла книга под названием «Иудаизм и дух восстания». В ней, в частности, говорится о вечном духе восстания, которым всецело проникнуто еврейство и который придает еврейству страшную разрушительную силу, но в то же время не позволяет ему когда-либо успокоиться, заняться созидательным творчеством и устроить свое прочное еврейское государство. Это последнее обстоятельство — лучшее основание надежде на то, что иудаизм, в конце концов, все же потерпит поражение и не станет владеть миром.

Русский народ с каждым днем все более прозревает, в нем с каждым днем все более зреет ненависть к тем, кто весь этот век планомерно губил Россию. Огромную роль в этом прозрении играют наши русские писатели, они во все времена были со своим народом, а не с вами, еврей Эйдельман.

Вы спровоцировали эту переписку, теперь не жалуйтесь на то, что русские люди вам начнут отвечать.

В.Хатюшин.

10 ноября 1986

В редакцию газеты «Московская правда»

Москва. 31 марта 1989 г.

Уважаемая тов. Панкратьева!

Честно говоря, меня весьма рассмешил Ваш ответ на мое письмо, посланное в газету «Московская правда» более чем полгода назад.

Вы пишете, что ответить раньше Вам не позволила «текущая работа». Что ж, бывает. Хуже другое — когда журналу «текущая работа» не позволяет следить за периодикой, тогда ему лучше вообще не отвечать на чьи-либо письма, чтобы не оказаться в глупом положении. Дело в том, что мое письмо под названием «Кому памятник?» было опубликовано в №10 ж. «Москва» за прошлый год и вызвало большие дискуссии в прессе. Достаточно сказать, что на него пришлось отвечать А.Рыбакову в «Московских новостях». Но это не все. В журнал «Москва» пришла огромная читательская почта по поводу этой публикации, и в №4 за этот год выйдет моя новая статья на данную тему, в которой некоторые из этих писем будут опубликованы.

Не забудьте прочесть. Ксерокопию напечатанного в №10 ж. «Москва» моего письма я Вам высылаю — на всякий случай.

А Ваша «благодарность» за «подсказанную тему», к которой, как Вы говорите, редакция намерена обратиться в дальнейшем, — весьма симптоматична для «Московской правды», которая наконец-то проснулась от спячки и заинтересовалась темой, уже давным-давно пережеванной и перемолотой другими органами печати.

С уважением,
член Союза писателей СССР
Валерий Хатюшин.

31 марта 1989

Н.Н. Якушенко

Москва. 3 сентября 1989 г.

Николай Николаевич!

Получив на руки читательскую почту из журнала «Москва» на мою статью в №4 за 1989 год, я решил ответить и таким читателям, как Вы. Должен сразу сказать, что основная часть почты пришла в мою поддержку, но есть, естественно, и письма людей, статьей недовольных, которые свели

весь ее смысл к еврейскому вопросу, хотя писалась она совсем о другом.

Действительно, когда я учился в школе, служил в армии, работал на производстве, то учителя, офицеры и пропагандисты, подобные Вам, очень часто мне говорили неправду. До многого, если не до всего в нашей действительности и в нашем прошлом, мне приходилось доходить собственным умом. И когда я, по разным источникам изучая советскую историю, читая неподцензурную литературу, понял, что такое бывшая большевистская власть, когда я увидел, кто авторы этой «великой», самой преступной в мире «революции», то — ужаснулся. И я попытался открыть людям глаза, сказать правду о той власти, которая погубила миллионы русских жизней.

Дело в том, что «военные инструкторы», подобные Вам, как раньше ничего не понимали, ничего не хотели видеть вокруг себя, так и теперь ничего не понимают и не видят, но, как попугаи, винят в нашем жестоком прошлом лишь «перегибы» Сталина, потому что об этом сейчас долдонит еврейская пресса и потому что теперь так **принято** считать. Нет, не сами Вы до этого дошли, Вы об этом прочитали в «Огоньке» и радостно поверили еврею Коротичу, который лгал всю свою сознательную жизнь (так, как воспевал Брежнев Коротич, не воспевал никто). И лишь только прочитали в «Москве» отличное от «Огонька» мнение, сразу же встали на дыбы: как это так! разве можно обвинять в преступлениях против русского народа бедного еврея Троцкого? ведь ясно же, что во всех преступлениях гражданской войны и коллективизации виноват один лишь Сталин! Это же, по Вашему разумению, школьнику ясно!

Да, тому школьнику, которого учили и будут учить такие, как Вы. Но прочтите ради интереса как-нибудь на досуге статью «Головокружение от успехов». И задайте сами себе вопрос: с чего бы это сейчас многим средствам массовой информации, поносящим Сталина, вдруг понадобилось так упорно выгораживать Троцкого? Он что, сделал что-нибудь хорошее для России и для русского народа? И не потому ли его сейчас пытаются обелить, что он этот народ уничтожал и России принес одни лишь страдания и несчастья? Не потому ли о нем так сожалеют нынешние левые (а евреи всегда левые), что их несбывшаяся мечта —

гибель России. А с Троцким она бы погибла окончательно. И они это прекрасно знают.

Задайте себе и еще один вопрос: разве во всех преступлениях германского фашизма виноват один лишь взбесившийся Гитлер? И разве памятники жертвам фашизма, стоящие по всей Европе, называются памятниками жертвам гитлеровских репрессий? И разве Вам не известно, что скрывающиеся фашистские палачи Нюрнбергским трибуналом приговорены к смертной казни, что для них не существует срока давности? А большевистским палачам русского народа стоят памятники: Свердлову, Володарскому, Урицкому, Землячке и многим другим. Но теперь хотят поставить один общий памятник всем палачам сразу.

Уж если Вы пишете в письме о «вынужденной» жестокости в годы гражданской войны, то надо хотя бы приблизительно знать о потерях этой войны — Вам как бывшему военному. Придется провести урок политграмоты: всего в гражданскую войну погибло 12,5 млн. человек. Из них — 250 тысяч белых и около 1 млн. красных. Но кто же составил остальные 11 миллионов погибших? Как Вы думаете, Николай Николаевич? Ответу: это были мирные люди, в основном — крестьянское население. Так кто же с кем воевал? Белые с красными? Или жесточайшая интернациональная сила воевала с русским народом? Потому что по всей России народ поднялся против этой силы. Слышали Вы что-нибудь о крестьянских бунтах и рабочих восстаниях? Хотя бы о самых известных — Тамбовском, Ярославском, Воткинском, Ижевском? Но в коммунистической историографии об этом — молчок, потому что она во многом фальсифицирована. Вы никогда не читали телеграмм Ленина по подавлению крестьянских волнений? Все они сводятся к одному: к поголовному расстрелу.

Учитесь думать, товарищ «военный инструктор». Читайте русскую патриотическую прессу, а не жидовскую мерзость типа «Московского комсомольца». И тогда, даст Бог, может, поумнеете.

Я Вам этого искренне желаю.

В.Хатюшин.

3 сентября 1989

Е.И. Копыловой

Владивосток. 4 сентября 1989 г.

По Вашей просьбе я решил Вам ответить, чтобы Вы не думали, будто мне нечего сказать на такую излишне эмоциональную реакцию: «Остановитесь! Что вы делаете!»

Я получил много писем-откликов по поводу своей статьи «Не покаяние, но искупление» в №4 журнала «Москва» за этот год. Правда, передали мне эту почту в редакции совсем недавно, и потому я отвечаю Вам с большим опозданием. Почти все письма присланы в мою поддержку. Это может Вам показаться неправдой, однако в отделе публицистики журнала мне обещали опубликовать подборку этих писем. Должен сразу обратить Ваше внимание на такую деталь: никто из респондентов (и тех, кто за меня, и тех, кто против) не подчеркивал в конце своих писем своей национальности. И уж тем паче русскому человеку не свойственно делать акцент на том, что он — русский. Так поступают, как правило, люди нерусские.

Зря Вы меня называете «реакционным критиком». Я не критик, а поэт. О том, к а к о й поэт — судите сами: я решил выслать Вам одну из своих книг стихов по причине Ваших напоминаний о «гуманных чувствах» русских писателей.

И, конечно, тем более я никакой не антисемит. Русскому писателю это всегда чуждо. К тому же антисемитизм — есть оборотная сторона сионизма, что множество раз показано и доказано советской же печатью. Даже как-то неудобно здесь заниматься азами политграмоты, но, видимо, придется.

Антисемитизм как реакцию на жидовскую наглость идеологи и практики сионизма целенаправленно выпестовывали, вскармливали и внедряли в общественное сознание для того, чтобы якобы притесняемые евреями со всего мира выезжали в «землю обетованную» с целью создания там еврейского государства — по типу фашистского. Собственно, с помощью внедренного ими по всему миру антисемитизма это государство и было создано (лидеры сионизма заключили тайный договор с Гитлером о лишении евреев гражданских прав в Германии, чтобы те «охотнее» выезжа-

ли в Палестину, за что нацистская Германия получала огромную финансовую помощь со стороны международных сионистских организаций. Я здесь не открываю никакой Америки. Эти факты неоднократно освещались в печати. Например, в книге Корнеева «Классовая сущность сионизма»). Так что мне всегда смешно слышать это глупое выражение: данный писатель — антисемит. Уж кто-кто, а русские люди терпимее всех в этом мире к представителям других национальностей. Какая же Вы русская, если Вам это нужно объяснять.

Посмотрите, что сейчас происходит во всех регионах Союза: резня на национальной почве. И только в России, вернее, там, где живут русские, нет ничего подобного. По программе «Время» недавно показали чудом выжившего в ферганском погроме турка-месхетинца. Он со слезами на глазах просил, чтобы их всех переселили жить в Россию. «Только в Россию, — плакал он, — в России нам будет жить спокойно». Но такие, как Вы, всё рассказывают сказки про русский антисемитизм.

А теперь давайте поговорим о евреях, если Вы уж так за них переживаете. Знаете ли Вы, что в 1918 году в центральной красной прессе была опубликована фотография первого большевистского правительства во главе с Лениным? Под фотографией стояла подпись: первое еврейское советское правительство. И ведь действительно в этом правительстве еврейскую кровь имели почти все, в том числе и Ленин, и Луначарский, и Вами уважаемый «Николай Иванович». Не отсюда ли такая дикая ненависть к русской религии с первых дней этой власти (зверское уничтожение храмов и священников), к русской культуре (сколько деятелей культуры покинули Россию, сколько было погублено!) и замене ее на «культуру» новую — пролетарскую, которую начали лихорадочно клепать евреи бурлюки, брики, жаровы, безыменские, авербахи, шкловские, эйхенбаумы, бескины, бабели, олеши, багрицкие, светловы, алтаузены и тому подобный околотитературный сброд? Сколько оставшихся русских писателей было ими ошельмовано, затравлено, подмято, сломлено! Вспомните трагические судьбы Маяковского (опутанного и погубленного бриками), Гумилева, Блока, Есенина, Клюева, поэта Павла Васильева (расстрелянного за «антисемитизм» — набил морду Джеку

Алтаузену за его русофобские стихи). Почитайте критику тех лет: кто нападал на М.Булгакова и А.Платонова? Вы не найдете среди этих злопыхателей ни одной русской фамилии. Но кто спас Булгакова и разрешил ставить его пьесы в театре? — Сталин. Известно ли Вам, что почти все крестьянские поэты в двадцатые-тридцатые годы были расстреляны. А как Вы думаете, кто подготовил почву для их уничтожения? — Н.И.Бухарин. И дело тут не в моем «антисемитизме», а в реальных фактах.

И что тут поделаешь, если евреи со всего мира хлынули в Россию после 1917 года (а до этого два миллиона их въехало с 1914 по 1917 годы для революционной деятельности, точнее, для развала России изнутри во время первой мировой войны, и, надо сказать, очень в этом преуспели. Думаете — тоже случайность? Но они-то остро почувствовали, как воронье, где можно пожить) и заняли почти все гос. посты, возглавили органы ЧК, судебные тройки, комиссии по т.н. «экспроприации», а вернее — по грабежу населения, и многие-многие другие организации. И ведь это тоже известно, что комиссарами в частях Красной армии были **обязательно** евреи, чтобы, не дай Бог, командиры — в основном русские — не проявили «излишнего» гуманизма по отношению к сельскому населению России, с которым эта армия главным образом и воевала.

Народ был возмущен жестокостью и засильем еврейства в стране в 20-е годы и поднимал **повсеместно** бунты и восстания, о чем история наша упорно молчит. Но придет время, и будет сказана правда о гражданской войне, которую развязал не русский народ, она ему была не нужна. Это была война с русским народом страшной беспощадной интернациональной силы, которая путем поголовной мобилизации и расстрелов формировала части Красной армии. А с каким зверством была истреблена семья Романовых по приказу еврея Янкеля Свердлова!

Да, нам есть за что обвинять евреев: они пришли на русскую землю и убивали здесь русских, а не наоборот. Невозможно себе представить, чтобы русские пришли в Израиль и, устроив там массовый геноцид, начали вдруг обижаться: и за что это вы нас не любите, ведь это же смешно думать, что во всех ваших бедах виноваты русские, ведь евреи тоже убивали евреев... А евреи у нас именно так и рассуждают.

И в этом — вся подлость их лицемерия. Умные люди никогда не скажут, что они (евреи) **во всём** виноваты, нет. Подонков у нас вполне хватило и своих. Их везде и всегда **хватает**. Но посмотрите, что евреи делают теперь — с палестинцами. Не проходит и дня, чтобы они не убивали, не истязали, не унижали мирных безоружных людей — стариков, женщин, детей. Сейчас на земле существует единственное расистское государство — это еврейское государство, о чем заявлено, как Вам должно быть известно, в резолюции ассамблеи ООН. Сионизм — это и есть самый настоящий фашизм. Но мировая пресса довольно равнодушна к еврейскому фашизму, т.к. почти все средства массовой информации находятся в их руках.

Неужели Вы не видели, не читали, как оскорбляют русскую нацию, как издеваются над ней в «Огоньке», в «Моск. новостях», в «Юности», в «Моск. комсомольце», в «Октябре», в «Знамени», в «Дружбе народов», в «ЛГ» и т.д.? Неужели Вы никогда не читали подлых, безнравственных, лживых статей двух критикесс — Т. и Н. Ивановых, статей Н.Ильиной, Б.Сарнова, С.Рассадиной в «Огоньке»? Вот кому, если Вы действительно русская, должны бы Вы крикнуть: «Остановитесь, что вы делаете, ведь у вас есть дети!» Но куда там, Вы кричите это мне, хотя я писал в своих статьях не вообще о еврейской нации, а только об **их** палачах, в то время как еврей Коротич использует свой провокаторский журнал именно для натравливания инородцев на русских. Но этого Вы, конечно, не замечаете. Каждый человек замечает лишь то, что лично ему выгодно замечать, если все же не иметь в виду истинно честных и умных людей.

Но и сами Вы повторяете огоньковские примитивно-штампованные мысли: Сталин боролся за личную власть. Как будто все тридцать лет на посту главы государства он только этим и занимался. Ведь это же детская наивная глупость. Почитайте его переписку с Черчиллем и Рузвельтом, она недавно переиздана. В тридцатые годы ему уже не надо было за эту власть «бороться»: он обладал таким баснословным авторитетом в народе и в партии, что имел абсолютное большинство на своей стороне в стычках со всякого рода малочисленной оппозицией. Сталин мог вообще не заботиться об этой власти. Троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы как партийные противники не пользовались никакой

поддержкой в народе. А ликвидированы они были за смуту, демагогическую болтовню и вредительство. Но только не нужно теперь из троцкистско-зиновьевских преступников делать героев и придумывать версию, будто они были серьезными конкурентами «в борьбе за власть».

Вы пишете, что мне нужно, чтобы в смерти Гумилева виноват был еврей Зиновьев. Что значит: мне нужно? Мне нужно, чтобы Н.Гумилев оставался бы в 20-е и в 30-е годы живым. Но ведь приказал убить его Зиновьев, а не я. И он — еврей не потому, что мне так хочется. Он таким родился. Известно, что Зиновьев спровоцировал Кронштадский мятеж, и он же приказал расстрелять всех сдавшихся офицеров, — потому и наложил в штаны, когда Юденич подошел к Петрограду. Выручать его был послан не кто иной, как Сталин, под командованием которого вновь организованные красные формирования отбросили белых от города.

Еще несколько примеров из русской истории. Александр II отменил крепостное право и был назван русским народом Царем-освободителем. А евреи-народовольцы его убили. Почему? Потому что он выбил у них почву из-под ног, они потеряли такой козырь в своей «революционной» демагогии! И это была месть. Жорж Дантес и Николай Соломонович Мартынов, убившие русских гениев, тоже были евреями. Я вижу, как Вы делаете удивленные глаза. Мол, как это так? Дворяне — и вдруг евреи! Не удивляйтесь. Дворянское звание, как в России, так и на Западе, можно было приобрести за деньги.

Знаете ли Вы, кто теоретически подготовил и практически осуществил производство атомной бомбы? Кто придумал и построил газовые камеры в немецких концлагерях? Кто был начальником нашего ГУЛАГа? Кто автор проекта поворота северных и сибирских рек? От мыслительных способностей «гениальных» евреев веет реальным сатанизмом.

Что же касается русских великих мыслителей, то вот что писал о «несчастных» и «гонимых» Достоевский в «Дневнике писателя»: «...ну что, если бы это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов — ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали? Дали бы они им сравняться с собою в правах? Хуже того: не содрали бы кожу совсем? Не избили

бы дотла (Эх, не знал он того, что они будут с нами творить! — В.Х.), до окончательного истребления, как дельвали они с чужими народностями в старину, в древнюю свою историю? Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, несимпатия к нему, особенно по местам и даже, может быть, очень сильная. О, без этого нельзя, это есть, но происходит это вовсе не от того, что он еврей, не из племенной, не из религиозной какой-нибудь ненависти, а происходит это от иных причин, в которых виноват уже не коренной народ, а сам еврей». Лучше не скажешь. А ведь ему еще была не ведаема нынешняя трагедия Палестины.

Ваши друзья интеллигенты-евреи могут спать спокойно. Никто их в России не тронет, не такая это страна, зря Вы тут наводите страху. У меня у самого немало знакомых евреев-интеллигентов, и они меня ничуть не боятся. Скорее даже наоборот: я их должен побаиваться. Кстати, некоторые из них прекрасно понимают все то, с чем я выступаю в печати. Не бойтесь и Вы, не торопитесь с ярлыками, а постарайтесь хорошенько подумать о недавней нашей истории и кое-что понять. Ведь «великое» коммунистическое учение еврея Маркса провалилось и довело нашу страну до катастрофы.

Что же касается моей статьи в «Москве», то Вы всё в ней свели к «еврейскому вопросу», в то время как она совсем о другом. Однако этого — другого — Вы постарались не заметить, оскорбившись за названные любимые фамилии.

Извините за резкий тон, но Вы, как говорится, меня «достали». У меня тоже есть чувство ответственности за свой народ. Русские никогда ничего плохого евреям не делали, а наоборот: всегда спасали их на своей территории от разных бед, тогда как евреи русским сделали очень много плохого и продолжают делать. Однако еврейские погромы бывали в основном на Украине, в Молдавии и в Белоруссии, да и то — до революции. И должен добавить, что погромы эти никогда не были беспричинны.

Тех, кто называет меня шовинистом, уважать не могу.

Валерий Хатюшин.

4 сентября 1989

С.Ю. Рыбасу

Москва. «Литературная Россия». 2 ноября 1989 г.

Святослав Юрьевич,

Вы меня убедили в том, что **лично Вы** п р и н ц и п и - а л ь н о игнорируете любой мой материал, представляемый мной в «Лит. Россию». Всякий раз я слышу или узнаю Ваш однозначный и категорический ответ: «**Это** мы печатать не будем». Хотя мне все еще не ясно, что означает в Вашем понимании «это», так как затем «это» всегда публикуется в других местах. Но Вы, курируя критику и публицистику в газете, отстаивали свою позицию: после четырех отказов в течение этого года я, конечно, в «ЛР» больше не обращаюсь.

Как ни грустно, но литературный мир тесен: жизнь как нарочно устраивает нежелательные встречи, и на этот раз она обязательно устроит так, что наши литературные пути пересекутся. Не думайте, что я Вам отвечу тем же. В подобных ситуациях я всегда поступаю наоборот, чтобы в человеке заговорили совесть.

Кстати, заранее ставлю Вас в известность: у Ю.Гусинского лежат мои стихи. Хоть Вы и не курируете поэзию, все же позицию надо выдерживать до конца.

Для Вашего оправдания скажу: бывшие работники редакции — Колосов, Идашкин, Бобров, Сухнев поступали со мной аналогично.

Валерий Хатюшин.

2 ноября 1989

В.М. Богданову

Новгород. 14 февраля 1990 г.

Уважаемый Виталий Михайлович!

Думаю, что в какой-то мере могу Вас порадовать. Довольно большой кусок Вашей статьи (предыдущей) будет опубликован в виде письма в редакцию в мартовском но-

мере журнала «Москва» в моей статье «Урок на века». Номер уже подписан в печать. Так что поздравляю с публикацией.

А теперь — несколько слов по поводу Ваших работ. Вы действительно мыслите неординарно и интересно. Ваши наблюдения точны и глубоки, рассуждения нередко оригинальны. У Вас хорошее и мгновенное чутье на происходящие события, как, например, на инцидент в ЦДЛ (даже странно: откуда такое знание подробностей в Новгороде? В Москве — и то многие толком не знают, что случилось в Доме литераторов, хотя там, как Вы сами понимаете, ничего «погромного» не происходило).

Однако имеется в Ваших работах и довольно существенный недостаток, который, думаю, всегда мешал правильно их оценивать. Дело в том, что рассуждения Ваши, при всей их оригинальности, слишком непричесаны, не облечены, так сказать, в принятую, удобоваримую литературную форму. Одним словом, Вас надо существенно редактировать (не пугайтесь, Ваше письмо в «Москве» публикуется с очень незначительной редакторской, вернее, моей правкой). А браться за это, конечно же, никому не хочется. Вот и отфутболивают Вас отовсюду, не пытаясь даже вникнуть в суть прочитанного. Это не Ваша только беда, а беда всего несчастного, кое-как обученного русского народа, в большинстве своем умеющего мыслить широко и талантливо.

Я понимаю, что Вам переучиваться поздно. Тем не менее — необходимо самому научиться быть своим редактором и корректором. Внимательно, по несколько раз перечитывайте свой текст, отложите на некоторое время, дайте ему отлежаться, и вновь — перечитайте. И Вы сами увидите многие свои стилистические и языковые погрешности. Учитесь работать над текстом, будьте строги, порой даже беспощадны к себе, доводите каждую фразу до совершенства. А то складывается впечатление, что Вы более одного раза свои тексты никогда не перечитываете: как написано — так и остается навсегда. А это неправильно. Надеюсь, что Вы не обидитесь на меня за такое «нравоучение». Не буду Вам ничего обещать конкретного, но работу «О разжигании национальной розни» при случае покажу людям из русской прессы. В «ЛГ» такие вещи посылать бессмысленно, не тратьте на них бумагу.

Если интересно, посмотрите в «Молодой гвардии» №1 за этот год в «Дискуссионной трибуне» мою небольшую статью «Когда в чести лицемерие» — это об «Апреле». А в №1 «Москвы» можете почитать мои стихи. Но это так — к слову. Главное же — серьезнее относитесь к своим работам, пусть они станут Вашим настоящим творчеством. У Вас есть публицистический дар, и нельзя его зарывать в землю. Тем более, что сейчас как никогда нужны смело и глубоко думающие и хорошо пишущие люди. И еще — не будьте в своих работах многословны — это тоже у Вас есть, держите свою мысль в узде, и я уверен, что отношение к Вам в русских органах печати будет самым благожелательным.

Кстати, почему бы Вам не послать короткую статью в «Дискуссионную трибуну» «Молодой гвардии». Они часто публикуют смелые письма читателей. Во всяком случае это намного надежнее, нежели посылать статьи в «Литературную газету».

Желаю всяческих успехов. Пишите.
Всего доброго. С уважением, Валерий Хатюшин.

14 февраля 1990

Главному редактору журнала «Кубань»
В.А. Канашкину

Краснодар. 3 мая 1990 г.

Здравствуйте, уважаемый Виталий Алексеевич!

Возможно, Вы читали мою статью «Урок на века» в журнале «Москва» №3 за этот год. Она по духу близка Вашему выступлению в «Кубани» — в первой книжке этого года. Потому я и решил послать Вам в журнал свою новую статью «Отчужденная земля». В ней — много о Ленине. А эта тема московскими патриотическими журналами пока еще поддерживается слабо. Они все еще продолжают держаться, как за спасительную соломинку, за личность Ленина —

главного преступника против России и против русского народа, главного виновника всех наших бед. Даже журнал «Москва», решившийся на публикацию «Урока на века», где я негативно говорю о Ленине, все-таки побаивается продолжать этот разговор и принять к публикации «Отчужденную землю», которая есть не что иное, как продолжение «Урока». «Наш современник» также нашел причину для отказа, хоть я и являюсь их автором. Для «Молодой гвардии», где я с марта месяца работаю зав. отделом критики, данная статья — не в русле позиции журнала. В этом легко убедиться, прочитав в №4 работу под названием «С Лениным — побеждать!» Так что, Виталий Алексеевич, у меня одна надежда на Вас.

Если по каким-либо причинам моя статья Вам не подойдет, очень прошу выслать ее мне по адресу нашего журнала.*

Кроме всего прочего (независимо от Вашего отношения к моей статье), мне искренне хотелось бы привлечь Вас к сотрудничеству с нашим журналом. Если есть острый, интересный материал (критика, публицистика) — присылайте.

С искренним и огромным уважением,
Валерий Хатюшин.

3 мая 1990

Главному редактору газеты «Литературная Россия»
Э.И. Сафонову

Москва. 11 июля 1990 г.

Уважаемый Эрнст Иванович!

Не знаю, дойдет ли первый экземпляр этого письма, посланного мною на Ваше имя в редакцию «Литературной России». Два предыдущих моих письма к Вам в редакцию по какой-то причине до Вас не дошли. Поэтому прошу ме-

* Статья была опубликована в №9 журнала «Кубань» за 1990 г.

ня извинить за то, что отсылаю второй экз. — по домашнему адресу.

Дело вот в чем. Мне совершенно непонятно отношение ко мне редакции Вашей газеты, хотя, кажется, я ни в чём перед ней не провинился, и всё, что я пишу и публикую в других — патриотических — органах печати, находится в полном соответствии с духом и позицией «Лит. России». Суть не в том, что работниками Вашей редакции с ходу отвергались все мои статьи, которые затем публиковались в «Нашем современнике», «Москве», «Молодой гвардии» и т.д. С прошлого года в отделе поэзии «ЛР» находится подборка моих стихов, одобренная еще Ю.Гусинским.

В ноябре 1989 года я получил письмо за подписью Г.Пятова с просьбой прийти в редакцию — сфотографироваться для готовящейся публикации подборки стихов в начале 1990 года, что я и сделал. Однако после этого всё застопорилось, и только в июне этого года В.Дагуров мне сообщил о том, что «начальство газеты» отвергло мои стихи. Кто именно из начальства — Дагуров уточнить отказался.

Но это еще не всё. Сотрудник Вашей газеты Е.Ованесян прочитал книгу моих стихов «Вечерний свет», вышедшую в «Современнике» в 1989 году, и изъявил желание отрецензировать ее на страницах «ЛР». Я скептически отнесся к этой затее, помня о своем «горьком опыте» в «сотрудничестве» с этим, кстати, близким мне по духу органом печати. Однако Е.Ованесян написал рецензию на мою книгу и представил ее на суд редколлегии. Результат, естественно, оказался тем же: ее без разговоров и объяснений отвергли (что для меня уже не было удивительным), не предъявив Е.Ованесяну никаких претензий по качеству рецензии и самой рецензируемой книги. Как это ни смешно, Эрнст Иванович, но согласитесь, что всё это похоже на какое-то глупое интриганство и дешевый «заговор».

Но мне не ясно другое: если тут — принципиальная позиция газеты или отдельных членов ее руководства по отношению ко мне, то, наверное, надо так прямо и сказать, чтобы я больше никогда не появлялся в стенах российской писательской газеты и чётко знал: на страницах «Лит. России» мое имя никогда не появится.

Эрнст Иванович, я понимаю, что Вы здесь абсолютно ни при чем, что Вы страшно загружены работой и что всё это

неприятие меня и моего творчества происходит на нижних ступенях «начальства газеты». Я не настаиваю на Вашем ответе. Я просто хочу донести до Вас свое недоумение.*

С искренним уважением к Вам и к газете,
член СП СССР, зав. отделом критики журнала
«Молодая гвардия» Валерий Хатюшин.

11 июля 1990

Письмо читателя

В редакцию ж. «Москва». 19 июля 1990 г.

Уважаемые товарищи!

Я давний читатель журнала «Москва». Мне странно, что на страницах журнала часто ведется полемика, носящая далеко не интеллигентный характер. Я имею в виду статью «Урок на века» Валерия Хатюшина в №3 за 1990 год. Вряд ли он был в сталинских лагерях. Я провел там 10 лет по ст.58-10, ч.2 и по роду своей работы видел многих руководителей (я был инженер связи).

Право, не следует делать акценты на евреях. Стыдно! Начальником ГУЛЖДС был Чернышев, начальником стройки 500 (Комсомольск — Совгавань) Гвоздевский, его заместители — Петренко и Потемкин. Нач. стройки 505 — Балабанов. В общем, палачей было всяких много. Среди них были и «подключенные» чекисты всех национальностей (Берзин). Солженицыну просто повезло — он знал ГУЛАГ. Я, кроме ГУЛАГа, видел ГУЛЖДС и местные лагеря (Омск). Единственный еврей был зам. нач. 4-й колонии г. Омска, и он был наиболее гуманный из всех, мною виденных.

Вероятно, евреи были более квалифицированы, более грамотны. Врачей евреев было больше, ученых тоже, в процентах они превалировали и были наиболее результативны. Я работал и вырос в среде старых интеллигентов («последних могикан»). Никогда эти настоящие интеллигенты, русские аристократы, не затрагивали национальных отношений и тех, кто это делал, порицали.

Может быть, и вам, литераторам, стоит кончать с этой перебранкой на страницах журналов? Наверное, это отголосок сталинской нетерпимости к мнениям разных людей.

---

* После получения этого письма Эрнст Сафонов мне позвонил, и вскоре в «Литературной России» вышла подборка моих стихотворений.

Некоторых, например, меня, развлекают перебранки на страницах «Н. современника» и «Москвы». Но поверьте, это не основная масса читателей. Есть же у вас и толковые публикации! О рабской душе не один Гроссман писал, Сахарова захлопывали не только (и не столько) евреи. Для реабилитации «Памяти» вы нашли только одного козла — Норинского. Но ведь его уже нет (? — В.Х.), а «Память» фашистского толка действует. И пользуется поддержкой «Москвы». Ваша редакция «кондово-русская». Наверное, вы даже дворником еврея не допустите! Это похвально. Но протезы для вас делает еврей! (? — В.Х.) Это уже отступление от принципов... Истинный нацист (? — В.Х.) этого не допустит. Поймите, дорогие друзья, национализм (фашизм) даже на нашем черноземе не выглядит лучше, чем немецкий, с которым мы боролись.

В национальном вопросе нужно проявлять максимум такта. Не надо ускорять эмиграцию евреев. США уже обеспечены математиками и врачами за наш счет. Стоило бы поставить памятник антисемитам (?! — В.Х.). Они сейчас обеспечивают интеллект Израилю и другим странам Запада. А наши Шариковы их плохо заменяют. Вернитесь к культуре, интеллигентности, стыдитесь антисемитизма, хотя и замаскированного.

С уважением и болью,
Н.М. Деревцов. Русский.

19 июля 1990

Н.М. Деревцову

Кисловодск. 5 августа 1990 г.

Уважаемый Николай Михайлович!

Более всего меня задела в Вашем письме эти слова: «С уважением и болью». Может быть, именно они и подтолкнули начать этот трудный и, скорее всего, нелюбимый для Вас разговор как бы в продолжение и в подкрепление того, что мною уже было сказано в статье «Урок на века». Душевная боль, с чьей бы стороны она ни исходила, я уверен, всегда достойна уважительного ответного чувства. Но давайте же, Николай Михайлович, посмотрим искренними глазами на те причины и обстоятельства, что породили в Вашей душе боль и тревогу.

Главная печаль, изложенная в письме, — это отсутствие интеллигентности и культуры, по Вашему мнению, в пуб-

ликациях патриотических журналов и присутствие в них проявлений антисемитизма. Главное же опасение — «русский национализм», якобы выросший на «нашем черноземе». Ну что ж, мнение такого рода стало нынче довольно расхожим, если почитать так называемую либеральную прессу (поддерживающую, кстати, прибалтийский национализм) и послушать ораторов из ДС, «Дем. России», МДГ, «Апреля», «Мемориала», сумевших навязать, внушить многим простым людям свою сверхтенденциозную и крайне несправедливую точку зрения на историю России и ее великий народ. Вот и Вы, Николай Михайлович, стали жертвой этой вполне объяснимой и, простите за откровенность, слишком безнравственной тенденции.

В конце письменного обращения в редакцию Вы указываете свою национальность — «русский», словно бы не доверяя собственной вполне русской фамилии — Деревцов... По опыту редакторской работы, имея дело с бесчисленными читательскими письмами, я давно заметил, что подчеркивание в них своей национальности — черта, русским не свойственная. А ведь в своей статье я уже изложил курьез, происшедший с неким Н.Гульбинским, выступившим против меня в «Огоньке» и подписавшимся так же, как и Вы: «русский»...

Николай Михайлович, видимо, Вы очень невнимательно, а может быть, даже и предвзято прочитали эту статью, если всё в ней свели к пресловутому еврейскому вопросу. Как же Вы не увидели, что статья-то гораздо обширнее по содержанию, а по фактам и свидетельствам, изложенным в ней, — намного страшнее того вопроса, который сильнее всего вызывает у Вас душевную боль и сочувствие. Основная тема ее — отчужденная земля, оболганный, униженный народ и разграбленная Россия. Как же Вы — «русский» — не разглядели этого?! По какой причине Вас не проняли те жуткие цифры геноцида первых лет большевистской власти (за три года — с 1918 по 1920 — уничтожено более одиннадцати миллионов мирных граждан, в основном крестьян), которые приведены в статье? А увидели, восприняли болезненно и обиделись исключительно за фамилии верхушки ГУЛАГа в 20—40-е годы (фамилии реальные, подлинные), названные мною. Но ведь еще Солженицын говорил: «Не моя вина, что они оказались

евреи... так показала история» (кстати, в своем письме Вы почему-то не указываете, в какие годы находились в лагерях). Считаю, что непростительно проявлять такое равнодушие к собственному народу, к поруганной, истерзанной России! Неужели в Вас настолько вытравлено уважение к самому себе?! Хотя я прекрасно понимаю, какими коварными и безжалостными средствами вытравлялось из русских людей это самое уважение к самим себе. Тем не менее почитали бы Вы, Николай Михайлович, другие письма, пришедшие в редакцию! Сколько в них настоящей боли, сколько сострадания, горечи и любви к страдальце Родине!

Вот Вы всё призываете «Москву» и «Наш современник» прекратить «перебранку» в печати с другими журналами. Но почему-то этих призывов Вы не шлете ни в «Огонек», ни в «Юность», ни в «Знамя», ни в «Октябрь» и т.д. По Вашей логике, они «перебранкой» не занимаются, там работают «интеллигентные» литераторы, а их редколлегии далеко не «кондово русские»... Но, спрашивается, как же мы одни участвуем в «перебранке»? А наши противники, выходит, культурно отмалчиваются? Тогда давайте вспомним, с чьей легкой руки Вы стали русских людей именовать «шариковыми»? Не «Огонек» ли пустил гулять по свету эту унижительную для русских кличку? Не он ли из номера в номер повторяет свое расистское оскорбление людей, принадлежащих к огромной нации?! И Вы — «русский» — так безоговорочно и даже с удовольствием с ними солидаризируетесь! Вот это и есть самая настоящая, прямая русофобия. Выходит, что и Вы — Шариков?..

Вслед за «Огоньком» Вы повторяете вопреки здравому смыслу слова об антисемитизме в России. По-Вашему, назвать фамилию начальника Главного управления лагерей — Бермана — уже есть антисемитизм? Какое-то странное, гипертрофированное, болезненно-искаженное у Вас понимание национальной нетерпимости. Согласно подобной логике, то обстоятельство, что среди местного лагерного начальства Вы указываете, как Вам кажется, на русские фамилии — Чернышев, Потемкин, Гвоздевский, Петренко — есть не что иное, как признак проявления... русофобии. Нелепо, не правда ли? Более того, так рассуждать было бы безмерно глупо и бесстыдно. Но чем, в таком случае, зани-

маетесь Вы, по аналогичной причине называя публикации, подобные моей статье, антисемитскими? Ведь других «фактов» «антисемитизма» в нашей печати Вы и Ваши огоньковские единомышленники просто-напросто не имеете ни одного!

Так что, Николай Михайлович, откройте глаза, научитесь здраво мыслить, не повторяйте вслед за подлинными русофобами и ненавистниками России их летящие во все стороны расистские оскорбления: «русские фашисты», «шовинисты», «шариковы», «рабы» и т.д. Всё это ложь! Не может стать нацистом тот, кто более всех в мире пострадал от нацизма.

Вполне согласен с Вами, что в национальных вопросах нужно проявлять максимум такта. Но почему об этом такте Вы призываете помнить лишь по отношению к еврейской национальности? Что за односторонность такая — у Вас, у «русского»? Или Вы уже в своем уничижении дошли до такого предела, что на свою — кровную — нацию смотрите лишь как на «шариковых» и «рабов»? Знаете ли Вы, в чем несуразном сознании родилось это глупое выражение «дети Шарикова» (видимо, по аналогии с «детьми Арбата»...)? Хотя, судя по фантастической истории М.Булгакова («Собачье сердце»), у ее главного персонажа — человека-пса Шарикова — детей не было и не могло быть. Другое дело Швондер — идейный наставник Шарикова. У того были и дети, и ученики, и последователи, которые действуют и поныне... Но отчего же никто из русских (похоже, из такта) не называет их потомками Швондера? А ведь это так соблазнительно: данная кличка им — ученикам и последователям — уж очень подходит...

Из лагерного начальства, виденного Вами, только один оказался евреем — «наиболее гуманный» (Вы что, в паспорта им заглядывали?). И потому делаете из этого вывод: «Вероятно, евреи были более квалифицированы, более грамотны..., наиболее результативны». Ничуть не сомневаюсь в «квалификации» и «результативности» основных управителей ГУЛАГа 20—40-х годов, тут Вы попали в самую точку. Их «результативности» в изощренном уничтожении населения нашей страны мог бы позавидовать любой иноземный завоеватель. Что же касается «квалификации» этой верхушки — Когана, Бермана, Нахимсона, Френкеля, Рап-

попорта, Абрамсона, Плинера — сплошь евреев, то, согласен, вряд ли кто сумел бы их превзойти по выучке и подготовленности в этой, конечно, очень непростой палаческой профессии.

Не раз в своем письме Вы, Николай Михайлович, попадаете впросак чисто логически. А может быть, просто проговариваетесь в своих истинных помыслах?.. Например, сожалея о еврейской эмиграции и снабжении Запада математиками и врачами «за наш счет», Вы предлагаете поставить памятник антисемитам. Непонятно: ради чего? Кажется, сами Вы уезжать никуда не собираетесь и осуждаете тех, кто ускоряет эмиграцию...

Вы считаете, что о русской «рабской душе не один Гроссман писал» (что же не сказали, кто еще?..). Но если даже и принять на веру эту гроссмановскую ахинею о «тысячелетнем русском рабстве», то, объясните, Вам-то какая от этого радость? Вы же — «русский». Или, смирившись, уже согласились считать себя рабом ради соблазнительной «теории»?

Вы, Николай Михайлович, убеждены, что «наши Шариковы плохо заменят» выезжающих из СССР интеллигентов-евреев, которые с излишком обеспечивают «мозгами» США и Израиль. Боже, да откуда же у Вас такое несправедливое, прямо-таки извращенное представление о «бездарности» русской нации? У Вас — у «русского»! Выходит, что мы — самые никчемные в мире, самые глупые, самые бесаланые? И что же это за несчастье это такое на наши головы?! Все нации как нации, а вот мы без помощи «еврейских мозгов» просто пропадем, деградируем, вымрем с голоду. Но как бы узнать, откуда взялась на свете богоносная тысячелетняя Россия с ее гениальными учеными (Ломоносов, Павлов, Менделеев, Циолковский, Курчатов, Королев... Продолжить список?), великими писателями-гуманистами (назвать или сами знаете?), выдающимися деятелями искусства и культуры, прославленными полководцами, мореплавателями, зодчими, инженерами, мастерами? Помилуйте, тов. Деревцов, где Вы учились до того, как попали в лагерь? Ведь Вы же, по Вашим словам, инженер связи!.. Или позабыли, где и когда впервые были практически осуществлены проводная и беспроводная связь, где и кто изобрел первую электролампочку, кто впервые вышел в

космос? Такая — сознательная — забывчивость, подобное уничтожение — хуже воровства. Да как же после этого верить Вашим словам: «Вернитесь к культуре, интеллигентности!» Это Вам я должен прокричать, Николай Михайлович: вернитесь к культуре! Не забывайте, среди какого все еще великого, бескорыстного и талантливого народа проживаете! А те носители «интеллекта», которые нашу Родину покинули, ничего хорошего, к сожалению, ей не дали, но, пробыв многие годы на руководящих постах, оставили нам порушенные, изгаженные святыни, исковерканную культуру, бездарную архитектуру, разграбленные природные ресурсы, отсталую технологию и загнанную в тупик экономику. Возможно, в расистском Израиле они будут работать и вести себя иначе. Ведь там, как они любят говорить, их «настоящая Родина», и что-то не слышно ни их, ни вашего возмущения подлинным фашизмом этого государства.

Что ж, Россия, вскормившая и образовавшая их, вытерпит и это очередное оскорбление, Россия, ценой невероятных усилий и потерь спасшая евреев от полного физического уничтожения. Ей не привыкать к черной неблагодарности. И нам ли, не раз спасавшим мир от бесчисленных варваров и завоевателей, выслушивать, Николай Михайлович, подобные наставления: «стыдитесь антисемитизма»? Нам нечего стыдиться. Нам можно только горько жалеть о десятках миллионов сгинувших человеческих жизней наших соплеменников, ставших жертвами чужих и собственных палачей. Пусть стыдятся те, кто способен этих людей называть шариковыми, шовинистами и даже фашистами. Если, конечно, у них имеется совесть.

Поймите, наконец: мы не «перебранкой» с ними занимаемся, а за щ и щ а е м достоинство и честь с в о е г о народа (как и любого другого) от оскорблений и клеветы, сыплющихся на него со всех сторон — от западных «голосов» до иудолиберальной прессы. Пора бы Вам, Николай Михайлович, в конце-концов это разглядеть.

Валерий Хатюшин.

5 августа 1990

Б.Разуваеву

Ленинград. 25 декабря 1990 г.

Тов. Разуваев!

Я ознакомился с вашим письмом в ответ на публикацию моих стихов в №11 «МГ». И, знаете, оно меня ничуть не удивило. Оно очень похоже на истерику, которую закатило радио «Свобода» по этому поводу. А чьим рупором является это «радио» — вам, должно быть, известно.

Вы якобы обиделись за чухонцев, эстонцев и латышей. Не верю. Плевать вам на них, как и на русских, которых вы в своем письме оплевываете, называя «шовинистами» и т.п. Однако где и кого эти «шовинисты» притесняют и унижают в отличие от тех же латышей и эстонцев, а? Ответьте мне, тов. Разуваев. Укажите точный адрес. Разве русские «шовинисты» лишили прибалтов гражданских прав, разве русские «шовинисты» сделали их людьми второго сорта? Или, может, наоборот? Разве русские «шовинисты» выгнали их детей из школ и детских садов и не принимают их на работу по национальному признаку? Разве русские «шовинисты» ввели ценз оседлости и лишили прибалтов избирательного права? Или, может, наоборот — латыши, литовцы и эстонцы все это проделывают с русскими, которые превратили их республики из отсталых аграрных в цивилизованные и развитые? И ведь на все это вы закрыли глаза и не считаете их шовинистами. Более того — вы считаете, что так русским и надо. А здесь уже — ваш шовинизм, не буду уточнять какой. И чего это вы в своем письме не смогли обойтись без «еврейского вопроса», если речь-то в стихотворении «Голос народа» идет о чухонцах?..

Однако радует то, что вы не обходите вниманием наш журнал, при всей ненависти к нему. Значит, интересно читать. Интересно знать, что мы о таких, как вы, думаем. Читайте. Вы еще немало узнаете о себе.

Валерий Хатюшин

25 декабря 1990

Нине Карташёвой

г. Менделеево Московской обл. 24 февраля 1991 г.

Здравствуйте, уважаемая Нина!

К сожалению, Вы не назвали своего отчества. Я получил Ваше письмо и был приятно удивлен им и очень тронут. Дело в том, что еще осенью прошлого года я прочитал Ваши стихи в «Нашем современнике». Стихи меня взволновали, я их показывал своим знакомым и говорил, что это — настоящая поэзия. Многие со мной соглашались. Я собирался узнать у Касмынина или у Куняева про Вас поподробнее. И вдруг — Вы мне написали сами. И оказалось вдобавок, что Вы в давних дружеских отношениях с моими родственниками по отцовской линии. Просто невероятно.

Со своим отцом я расстался совсем маленьким и очень смутно помню о нем. За все годы моей сознательной жизни мы с ним ни разу не встречались, и я не слышал о его попытках повидаться со мной (возможно, их и не было), хотя, скажу честно, я сильно переживал в детстве потерю отца. Но затем всё улеглось.

А теперь хочу поговорить о деле. Я уже поговорил с ответственным секретарем и зав. отделом поэзии журнала «Молодая гвардия» о возможности публикации Ваших стихов. Показал им №9 «НС». Те стихи им понравились, и они отнеслись к моему предложению положительно. Я побывал также у Г.Касмынина и взял некоторые Ваши стихотворения — те, что у них не пошли. Даже уже кое-что отобрал и хочу написать к ним предисловие для публикации в «МГ». Но, может быть, у Вас есть еще стихи, которых нет у Касмынина? Хотелось бы сделать хорошую, сильную подборку.*

И еще: всегда трудно писать о стихах не пообщавшись, не поговорив с их автором, не зная его биографии, судьбы. Поэтому, думаю, нам было бы лучше повидаться и поговорить.

Спасибо Вам за поздравления.

С глубоким уважением, В.Хатюшин.

24 февраля 1991

* Стихи Нины Карташёвой вышли с моим предисловием в №9 «МГ» за 1991 г.

Владимиру Беспалову

Новый Уренгой. 26 февраля 1991 г.

Здравствуйте, Владимир!

Получил Ваше письмо, газету и стихи. Извините, что задержался с ответом. За газету — спасибо. Ничего другого мы от той *корреспондентки* и не ожидали. Но все же — теперь останется память о нашем выступлении в Нижневартовске.

Владимир, я прекрасно понимаю Ваше душевное состояние, когда почти невозможно достучаться до сердец наших ко всему равнодушных людей, оболваненных за 73 года советской власти. Я с этой разобщенной, аморфной, ничего не понимающей массой встречаюсь всюду. И всё же после наших выступлений хоть у одного-двух да открываются глаза.

Мы пока имеем дело не с народом, а с населением. Народ же, как единую нацию, еще надо будет создать. На это уйдут долгие и долгие годы. Мы только начинаем эту работу (хоть и нас могут быстро всех уничтожить по новой резолюции ООН...). Так что нет ничего удивительного в том, что нас с Вами — не понимают и даже злобно отвергают, высмеивают сами же русские. Население находится в глупом затмении, оно, раскрыв рот, слушает и смотрит на иудеюмократов и верит больше им, а не нам. Зло всегда привлекательнее. Нужно набраться терпения и нести людям правду несмотря ни на что. У меня порой у самого опускаются руки и хочется поносить это «стадо» последними словами. Но потом успокаиваю себя тем, что они не виноваты в своей темноте. Они — жертва генетического отравления в прямом и переносном смысле.

Теперь о деле. Стихи Ваши я передал в отдел поэзии Евгению Юшину — заведующему отделом. Он сказал, что после ответов В.Иванова и А.Козина они Ваших стихов больше не получали. Обещал внимательно прочитать и, возможно, что-то отобрать для готовящейся у нас подборки стихов молодых тюменских поэтов. Он Вам напишет.

Желаю успехов и бодрости духа.
Всего доброго.
С уважением, Валерий Хатюшин.

26 февраля 1991

Н.Т. Богданову

п. Дугна Калужской обл. 31 октября 1994 г.

Уважаемый тов. Богданов!

Когда-то я добился публикации Вашей статьи в «Молодой гвардии»... Но, как говорят, хочешь нажать врага — сделай добро. А Вы еще говорите, что добро не порождает ложь... Своими поступками себя же и опровергаете. Но это так — ирония... А теперь — ближе к делу.

Вы трактуете мои слова из журнальной статьи «Сатанизм демократии» так, как Вам их удобно трактовать по одной-единственной причине — ненависти к христианству и, самое главное, к Православию. Это видно по Вашему письму и по Вашим статьям, когда-то присланным мне. И эта Ваша произвольная трактовка моих слов — не что иное, как самая настоящая ложь, а из нее — Ваша небескорыстная демагогия о том, будто бы у Хатюшина «добро творит зло» (вообще-то так тоже среди людей бывает: мое добро по отношению к Вам сотворило Ваше зло по отношению ко мне. И не надо мне рассказывать о том, что Ваша статья в «Молодой гвардии» вышла не в таком виде, как бы Вам хотелось, то есть — в сокращении. В журналах практически все статьи публикуются в сокращении. Да и то сокращал Вашу статью не я, а главная редакция, так что и тут моего греха нет). Как видно, Вы набили руку на подтасовках, выдергивая слова из цитат: «зло и добро... борются... порождая ложь».

Но у меня-то сказано не вообще о борьбе зла и добра, а об их борьбе внутри человеческой природы, что на Вашем примере, кстати, и подтверждается: «...зло и добро бесконечно раздирают человеческую природу, борются внутри нее, порождая ложь, ненависть, зависть, корысть, подлость, измену...» Так что речь идет не только о лжи, а о гораздо более страшных вещах, которые порождаются в человеке не вообще неким «добром» как таковым (что утверждаете Вы), а **борьбой** в нём зла и добра, раздиранием, раздвоением человеческой души в результате этой борьбы. Каждый здравомыслящий человек скажет Вам, что это не одно и то же.

Аналогично Вы поступаете и говоря о дьяволе, который якобы именно в качестве злого духа помогал Богу творить человека. Знаете, господин или товарищ Богданов, я в сво-

ей творческой жизни встречал очень много недобросовестных критиков-поддельщиков. Вы, как видно, из той же плеяды. Но, как говорится, Бог Вам судья, хоть Вы и готовы Его «убить». Вот моя дословная цитата: «Вместе с Богом, как повествуется в христианской апокрифической литературе, человека творил и **Ангел света Люцифер, когда он еще не был падшим ангелом...**» И далее: «...Бог в гневе проклял Люцифера и из Ангела света обратил его в князя тьмы — в ничто». И только после этого — ради мести Богу — он стал дьяволом-разрушителем (так это было или не так — это уже другой вопрос, я здесь говорю о логике мышления).

Вы как человек антиправославный не верите в Бога, в Высший разум, в Провидение, в бессмертие души, в мир иной, во Второе пришествие, хоть и говорите что-то там про ад... И потому Вы считаете, что наша земная жизнь — это предел человеческого существования, что это — **всё**, и что ради жизни на земле можно и нужно **убивать** всякого, кто встанет на твоём пути, даже — «богов». Так рассуждали безбожники-материалисты. Такого же взгляда на жизнь придерживаются иудеи, для которых закрыты врата рая, и потому для них не существует нравственных законов. (Вот кому очень выгодно Ваше «умничанье»). Вам бы хотелось, чтобы они, иудеи, два века подряд обзывали Пушкина и Лермонтова убийцами... Вот уж был бы у них козырь для издевательств! Да верите ли Вы вообще в душу?!

Пушкин как гений сделал свое дело на земле (в с е г о сделать и написать невозможно да и не нужно) и по Божьей воле ушел в мир иной, чтобы оттуда, из небесной России, поддерживать русский творческий дух, оставаясь для нас идеалом. Но Вам, видимо, этого никогда не понять.

Похоже, Вы считаете себя язычником (говорить сейчас о язычестве — глупость несусветная, если под современным языческим богом не понимать какой-нибудь компьютер). Но вот Вам цитата из «Деяний Святых Апостолов»: «И тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам (евреям. — **В.Х.**) первым надлежало быть проповедану слову Божию; но как вы отвергаете Его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы обращаемся к язычникам; ибо так заповедовал Господь: «Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли». Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово

Господне, и уверовали все, которые были представлены к вечной жизни» (Деяния; 13; 46—48).

Что же касается другой цитаты оттуда же («Спасение Господне послано не евреям»), то ее я взял из книги Дугласа Рида «Спор о Сионе», где эта цитата дана без указания главы и стиха. Книгу «Спор о Сионе» уже много десятилетий читают во всем мире, и ни у кого, кроме Вас, не вызывают вопросов и сомнений эти слова из «Деяний», настолько они известны. Специально для Вас искать эту главу и стих у меня нет ни времени, ни желания. Возьмите Новый Завет, откройте «Деяния» — и легко найдете сами. Усмирите свою гордыню, брезгливость и хотя бы ради самообразования прочитайте внимательно Евангелие.

Но вот вам другие слова Христа о врагах человеческих: «Знаю... злословие тех, которые говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но — сборище сатанинское» (Откровение; 2; 9). Если бы человечество послушалось Христа и придерживалось бы Его слов, то от «рода лукавого и прелюбодейного», сеющего на земле зло и разрушения, давно бы уже осталось одно воспоминание. Но у Христа среди людей слишком много врагов, и — не только состоящих из иудеев.

Вы беретесь защищать Пушкина от Хатюшина и от Высшей Воли, «если она такова». Однако сам Пушкин за все Ваши слова о Христе, о Боге, о Новом Завете не подал бы Вам руки.

Христос нёс в мир добро. Но сколько Он в Вас порождает зла!..

Тем не менее всего доброго.
В.Хатюшин.

31 октября 1994

Бутырскому межрайонному прокурору г. Москвы
Домбровскому Е.Г.

Москва. 16 марта 1995 г.

15 марта сего года в Бутырской межрайонной прокуратуре я был ознакомлен с текстами нескольких заявлений, направленных в Генеральную прокуратуру России по

поводу публикации в №9 журнала «Молодая гвардия» за 1994 год моей статьи «Сатанизм демократии», якобы, по мнению заявителей, разжигающей межнациональную рознь. В связи с этим считаю необходимым обратить внимание на следующее. Все данные заявления имеют дословно один и тот же текст, что говорит о некоей сговорившейся группе лиц, пытающихся огульно опорочить журнал «Молодая гвардия», с чем мы сталкивались уже неоднократно на протяжении нескольких последних лет. Всякую попытку исследовать происхождение наций и рассмотрения межнациональных вопросов определенная группа лиц объясняет «разжиганием межнациональной розни» и требует привлечения редакции журнала и его авторов к уголовной ответственности. Видимо, кем-то перед этими людьми поставлена задача любыми средствами добиться закрытия журнала.

Моя статья, как и большинство публикаций «Молодой гвардии», носит дискуссионный характер, являясь при этом философским исследованием Библии. По вопросам толкования Библии написаны десятки тысяч научных и религиозно-философских трудов, очень разных, порой прямо противоположных по выводам, трактовке и пониманию ее мистического, метафорического смысла. Мнения здесь могут быть очень разными, и сейчас эти мнения благодаря закону о печати открыто излагаются в прессе, несмотря на усилия некоторых лиц наложить на них запрет. Кроме этого в статье затрагиваются некоторые малоисследованные проблемы истории и происхождения некоторых наций. Каждый исследователь, пользуясь конституционным правом свободы слова, может иметь субъективную, личную точку зрения, которая, конечно, не является истиной в последней инстанции. Тем не менее во всех спорных вопросах мною используются ссылки на известные, много раз изданные научные труды и книги.

Нигде в моей статье нет ни оскорблений каких-либо наций, ни призывов к какому-либо насилию по отношению к ним. Если же авторы заявлений в прокуратуру считают, что в науке или в литературе существуют некие запретные темы для исследователей и людей творческого труда, то они глубоко ошибаются: невозможно наложить табу на творческую мысль, даже если эта мысль кому-то очень не нравится.

В рамках дискуссии на темы, затронутые в моей указанной выше статье мы готовы на страницах журнала «Молодая гвардия» опубликовать профессионально выполненные работы, имеющие противоположную точку зрения. Это и будет являться нормальным, уважительным способом для решения всех спорных проблем.

С уважением, член редколлегии журнала
«Молодая гвардия» В.В. Хатюшин.

16 марта 1995

*С вышеизложенным согласен полностью.
Гл. редактор журнала «Молодая гвардия» А.Иванов*

В Бутырскую межрайонную прокуратуру

Москва. 25 марта 1996 г.

По поводу возбуждения уголовного дела по факту публикации моей статьи «Сатанизм демократии» в №9 «Молодой гвардии» за 1994 год я должен заявить, что моя статья носила дискуссионный характер, не имела никаких иных целей, кроме историко-философского исследования Библии, происхождения еврейской нации и иудейской религии. При изложении тех или иных мыслей в своей статье я ссылался на публикации других авторов (в частности на В.И.Ленина), в том числе и еврейской национальности. Никакого умысла в разжигании межнациональной розни я никогда не имел, к тому же моя статья написана спокойным, литературным языком. В ней нет призывов к каким-либо предосудительным действиям по отношению к другим нациям.

В Уголовном кодексе Российской Федерации с изменениями и дополнениями на 1 марта 1994 г. и в постатейных материалах (изд-во «Деловая книга», 1994 г., с.243) дается такое разъяснение: «16. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 74 УК, может быть выражена только в форме **прямого умысла**. Виновный сознает, что действия направлены на нарушение равноправия граждан

именно по признаку расы, национальности или отношения к религии, и желает совершить эти действия».

Там же сказано: «12. Нельзя относить к преступлению, предусмотренному статьей 74 УК, высказывание националистических идей, носящий **дискуссионный** характер, вызывающих полемику и не содержащих призывов к совершению каких-либо насильственных действий».

Моя статья к тому же лишена каких-либо националистических идей, но носит именно дискуссионный, полемический характер, а журнал готов был опубликовать и иные, прямо противоположные мнения на данную тему.

В комментариях к Уголовному Кодексу РФ (изд-во «Вердикт», 1994, с.136) говорится: «Коммерческие или научные цели, преследуемые распространением такой литературы, исключают ответственность по статье 74».

Кроме вышесказанного хочу обратить внимание следствия на то, что один из авторов заявления на меня в прокуратуру Гохберг Е.Д. на протяжении нескольких последних лет завалил московские прокуратуры своими заявлениями на русских писателей, публицистов и редакторов русских газет и журналов с требованием возбудить против них уголовные дела по 74 статье. Когда же в возбуждении уголовных дел отказывалось, он и его приближенные писали жалобы в вышестоящие органы. Так, недавно Гохберг Е.Д. добился суда над редактором газеты «Русские ведомости» В.И.Корчагиным, а до этого — над членом Союза писателей России В.Т.Фомичевым. Во время этих судов все домыслы Гохберга обвиняемыми были опровергнуты. Теперь Гохберг решил сосредоточиться на мне. Видимо, он — человек с нездоровой психикой, занимающийся на старости лет откровенным судебным сутяжничеством (ему 86 лет), и пора бы правоохранительным органам поставить его на место.

Хочу обратить внимание так же и на то, что по ст. 74 УК РФ судят, в основном, только русских людей и только по заявлениям лиц еврейской национальности. Все это выглядит крайне подозрительно, особенно теперь, когда русских на территории других республик постоянно притесняют именно по национальному признаку, грабят и убивают. И никто не слышал, чтобы кто-то был осужден по статье 74 за разжигание вражды к русским. Почему-то судят по этой

статье только русских и только по заявлениям лиц еврейской национальности.

Я — член Союза писателей, поэт, прозаик, критик, публицист, автор пятнадцати книг, публикуюсь на страницах центральной печати уже более двадцати лет, у меня много хороших знакомых разных национальностей, никто из них никогда не имел ко мне претензий по национальному вопросу. Считаю возбуждение в отношении меня уголовного дела по 74 статье безосновательным.*

С уважением, В.В. Хатюшин.

25 марта 1996

В.Н. Балаковской

США, штат Нью-Йорк, г. Ютика. 11 июня 1997 г.

Здравствуйте, дорогая Вера Николаевна!**

Извините, что задержался с ответом на Ваши письма. Я их все получил. Дошли до меня и все высланные Вами книги. Огромное спасибо. Книги «В угоду Сталину» (обе) и «Облик генерала А.А. Власова» я прочитал. Книги сильные и интересные. Всей правды о генерале Власове и о насильственной репатриации русских пленных в Россию после войны здесь действительно почти никто не знает. Хотя мне об этом уже приходилось читать, и я кое-что знал, но книги, Вами присланные, дают много неведомой нам информации, которую, конечно, надо доводить до русских умов и сердец.

Но самое печальное состоит в том, что русские стали ко всему равнодушны и своим умом ничего не могут понять. Всё им надо разжевывать, растолковывать. А большинство ничего и не хочет понимать.

* 10 июня 1996 г. уголовное дело было прекращено «за отсутствием в деянии состава преступления».

** В.Н. Балаковская во время Второй мировой войны служила в Русской Освободительной Армии (РОА) генерала Власова. После войны эмигрировала в США.

Сейчас, читая присланные Вами книги, с сожалением видишь, что в документах РОДа и КОНРа нигде не говорится о национальном составе ранней большевистской власти. Слово «евреи» вообще в них отсутствует. А ведь большевистская власть была именно иудейской властью. И доверенный террор в России был иудейским террором против славянского народа. Жаль, что в «Манифесте» КОНРа от 14 ноября 1944 года этот тезис отсутствовал. Я понимаю, что в окружении А.А. Власова тоже были евреи (например, Зыков), и Власов не хотел выглядеть «антисемитом». Но вследствие этого не говорилась вся правда и не назывались истинные виновники трагедии русских.

Но если хочешь освободить Россию — нужно говорить: от кого. Сказать: «большевики» — недостаточно, потому что, во-первых, большевики были разными, а во-вторых, и меньшевики, и эсеры, и кадеты были не лучше, и они тоже были жидами. А февральская «революция» — это чисто масонский переворот. Без евреев нигде не обошлось. Как и сейчас, «демократы», ставшие антикоммунистами и поносящие большевиков и Сталина, — это те же жиды, внуки жидов-большевиков.

Одураченное наше население, уткнувшееся в жидовский телятник, разобраться в этом самостоятельно не в состоянии. Оно все надеется, что придет какой-нибудь новый Чубайс или Немцов и прикажет директорам заводов и фабрик выплатить им за прошлый год зарплату. Никто не хочет верить, что Чубайс и Немцов — евреи и что цель их «работы» состоит в том, чтобы все заводы и фабрики в России вообще перестали работать.

Присланную Вами статью В.Симанского из журнала «Вече» о книге В.Филатова главный редактор «Молодой гвардии» А.Кротов, конечно же, публиковать не будет, не захочет сечь сам себя. Филатов написал в своей книге о Власове полную чушь. Мне это было ясно и до прочтения статьи Симанского. Книга протоирея А.Киселева прекрасно показывает провокационность «работы» В.Филатова. Не сомневаюсь, что он заодно с А.Кротовым выполнял жидовский заказ по дискредитации А.А.Власова, так как в России в последние годы появились публикации, проливающие истинный свет на личность этого человека и на попытку Русского Освободительного Движения во время

войны избавить Россию от жидовского коммунизма. Книга Филатова оскорбительна для памяти генерала А.Власова, которого Филатов превратил в агента советской разведки. Это — глупость.

Но с другой стороны, РОА изначально была обречена на гибель. Она ни при каких обстоятельствах не смогла бы победить военную машину СССР. И потому судьба А.Власова вдвойне трагична. Он оказался между двух огней. Гитлер запретил вооружать РОА, боясь, что она повернет оружие против него. Наверное, правильно боялся. Но представьте себе, что русские начали бы воевать против русских, как в Гражданскую... СССР все равно бы победил, такова была воля истории. Но сколько погибло бы наших людей от рук своих же! Насколько увеличилось бы и без того огромное число ненужных жертв этой войны! Русские вновь убивали бы русских, а жидовская власть отсиделась бы в Ташкенте...

Тем не менее власовское движение показало всему миру силу духа русского человека. В любой ситуации русские оставались людьми и боролись за освобождение своей Родины.

Гитлера, Германию могла победить только Россия и больше никто, ведь против России воевала вся Европа. И я не знаю, как бы повел себя Гитлер в отношении А.Власова, окажись Германия победительницей. Священник А.Киселев сам пишет о жестоком обращении немцев с русскими, которые работали на них в Германии. Русских они не считали за людей. И во время пражского восстания РОА показала, что Гитлер не зря боялся ее вооружать...

Статью В.Симанского я попробую куда-нибудь пристроить, может, и удастся.

Книга «В угоду Сталину» — страшная книга. Она показывает отношение к русским так называемой «западной демократии», на каждом шагу галдящей о соблюдении «прав человека». Разве могла бы эта «демократия» так обращаться с жидами? А вот с русскими — сколько угодно.

Вера Николаевна, спасибо Вам за всё. Дай Вам Бог здоровья и душевных сил.

С огромным уважением, Валерий.

Москва, 11 июня 1997

В редакцию газеты «Ветеран»

Москва. 9 октября 1997 г.

Хватит бояться правды

Уважаемая редакция, прочитал в вашей газете статью «Проснись, Отчизна!» бесстрашного русского писателя Ивана Шевцова (1997. №35). Наконец-то сказано четко и ясно о главных причинах всех русских бед и трагедий, а враги России в этой статье названы своими именами.

Давно нам пришла пора говорить и писать именно так, не прячась за намеки и не боясь истеричного еврейского гвалта. Всему миру известно: если евреи поднимают вой, значит, кто-то где-то про них сказал правду. Да и чего нам уже бояться?

Россия, русские поставлены мировым Сионом на колени. Страна разграблена и унижена. Армия без войны разгромлена. Офицеры и генералы прозябают в своем ничтожестве, трусливо молчат и стреляются. Население превращено в рабов, вкалывающих бесплатно и не способных ни на какое восстание. Каждый год оно уменьшается на миллион. Промышленность стоит, наука, медицина, образование влачат нищенское существование. Телевидение и вся еврейская пресса издеваются над русскими и над нашей историей. И на фоне этой жуткой катастрофы они день и ночь устраивают нам развлекаловки... Чего нам еще бояться?

Слава Богу, что есть русские люди, способные врагов называть врагами, евреев — евреями, а невменяемого президента и окружающую его коррумпированную свору — прислужниками Израиля и США. Думаю, что многие это видят и понимают, но вот сказать об этом вслух — не хватает духу. Когда же русские научатся хотя бы морально защищать своих героев, идущих на амбразуру, если уж сами не способны на смелые поступки?

Подумать только, правительством Российского государства помыкает какая-то Чечня!.. Смех и позор! При Сталине такое было немыслимо. Прав Иван Шевцов, Сталин — величайшая фигура XX века, равной которому в мире нет. А вся послесталинская сволочь, правившая страной вплоть

до Ельцина и разбазарившая ее богатства, не стоит пыли на сталинских сапогах.

Понятно, что после публикации статьи «Проснись, Отчизна!» у ее автора и у газеты могут быть большие неприятности. И надо отдать должное мужественному поступку главного редактора «Ветерана», решившегося на эту публикацию.

Писатель Иван Шевцов не первый раз вызывает на себя огонь сатанинских (читай — сионистских) сил, высасывающих кровь России. И называет их прямо — по именам. Честь ему и слава. Не позволим оклеветать его тем, кто ненавидит нашу Родину, Сталина, русских гениев и героев.

В.Хатюшин.

«Ветеран». 1997. №41 (в сокращении)

В Московскую городскую организацию
Союза писателей России

Москва. 6 мая 1999 г.

Рекомендация

С публицистикой Владислава Шумского я знаком давно. В начале девяностых годов я прочитал его открытое письмо А.Солженицыну, опубликованное в журнале «Кубань» и затронувшее меня остротой и прямотой поставленного вопроса: почему известный писатель в своих работах обходит стороной очень важную для России проблему — решающую роль мирового еврейства в разрушении дореволюционной Российской империи и в осуществлении горбачевской «перестройки»?

В дальнейшие годы писательский путь В.Шумского происходил на моих глазах. Я следил за его смелой, бескомпромиссной деятельностью на ниве освещения важнейших политических процессов, бушевавших в мире и у нас в стране. Мне приходилось редактировать и публи-

ковать статьи В.Шумского в журнале «Молодая гвардия». Его очерки и рассказы, печатавшиеся в русской периодике, содержали искреннее переживание и настоящую боль за судьбу русских людей. Одна из его книг, вышедших в свет в 1998 году, так и называлась: «Россия — боль родная».

Публицистика В.Шумского — это особое явление в русской литературе и общественной мысли. Отличаясь страстностью и профессиональным подходом в изложении наболевших мыслей и чувств, автор никогда не пользуется намеками и недоговоренностями, но все вещи называет своими именами и четко выражает свою гражданскую позицию. И что самое, на мой взгляд, важное — это позиция бесстрашного сына Отечества, позиция русского патриота, непримиримого борца с врагами России. Этим врагов Владислав Шумский называет в лицо. Так написаны его книги «Россией командуют граждане Израиля» (1997) и «Страшен гитлеризм, но сионизм страшнее» (1999).

Последняя его книга, по моему мнению, — это одно из наиболее серьезных исследований влияния сионизма на мировую историю. Ее можно поставить в один ряд с получившими мировую известность трудами на данную тему: Е.Дюринга «Еврейский вопрос», Д.Рида «Спор и Сионе», Г.Форда «Международное еврейство», А.Дикого «Евреи в России и в СССР». Тема эта, как мы понимаем, опасна для нашего времени, но тем с большим уважением и с большей солидарностью мы должны отнестись к человеку, имеющему смелость и фундаментальные знания для освещения этой, как оказалось, крайне важной для России проблемы.

Убедительно рекомендую В.С. Шумского для приема в Союз писателей России.

Член Союза писателей России с 1986 г.
Валерий Хатюшин.

6 мая 1999

Ректору Литературного института им. М.Горького
С.Н. Есину

Москва. 22 ноября 2001 г.

Еще одна расстрельщица...

Как мне стало известно, слишком экзальтированная дама по фамилии Чудакова, преподающая в Литературном институте и считающая себя литературоведом, на одной из своих лекций объявила студентам следующее: главного редактора газеты «Московский литератор» и ее наиболее одиозных авторов, таких как Валерий Хатюшин, она приговорила бы к тридцати годам лагерей, а еще лучше — расстреляла бы...

Ни для кого не секрет, что российская либеральная интеллигенция, особенно околотитературная, во все времена требовала свободы слова и печати исключительно **для себя**, любимой, а всех остальных, высказывающих противоположные мнения, она бы с патологическим злорадством приговаривала к тридцати годам лагерей, а еще лучше — расстреливала (что, как мы знаем, с ее помощью и вытворяли с русскими писателями в двадцатые и тридцатые годы прошлого века). И это неискоренимо: махровый экстремизм — родовая болезнь либеральной интеллигенции.

В 80-е годы М.Чудакова «прославилась» тем, что якобы выкрала у одного из биографов не публиковавшиеся дневники М.А. Булгакова и на их основе затем написала и опубликовала жизнеописание Михаила Афанасьевича. Эта история тогда наделала много шума. Чудаковой пришлось потом упорно оправдываться и доказывать, что она не воровка. Но данный факт остается на совести М.Чудаковой (если, конечно, таковая (совесть) у нее имеется). Проблемы ее совести меня не волнуют, но я считаю себя вправе потребовать от руководства Литинститута запретить этой злобствующей даме в каком-либо контексте упоминать мое имя в стенах Литературного института.

Валерий Хатюшин,
член Правления Московской городской организации
Союза писателей России,
лауреат премии им. Сергея Есенина.

22 ноября 2001

С.Я. Ширманову

Харьков. 22 августа 2003 г.

Здравствуйте, уважаемый Сергей Яковлевич!

Редакции «Молодой гвардии» было передано Ваше письмо, адресованное Н.П. Кузьмину. Мы так же, как и Н.Кузьмин, ознакомились с Вашим письмом и тоже решили Вам ответить. Меня, В.В. Хатюшина, зам. главного редактора, Вы знаете по публикациям в журнале. Кроме этого, Н.Кузьмин Вам ответит самостоятельно.

Сергей Яковлевич, издание задуманной Вами книги по лучшим публикациям «Молодой гвардии» за последние десять лет — дело очень нужное и благородное. Такие книги войдут в историю нашего Отечества и будут восприниматься потомками как подвиг. Наша редакция очень признательна Вам за многолетнее внимание к журналу и за стремление к действенной пропаганде государственно-патриотической идеи. Книга эта, если выйдет в свет, станет политическим бестселлером.

Однако все мы, патриоты России, находясь в сионизированном государстве, вынуждены выпускать национальные газеты, издавать журналы и книги через преодоление жесточайшей финансовой удавки. Мы работаем почти бесплатно. Никаких гонораров, конечно же, за свои публикации мы уже давно не получаем, а книги издаем в основном за свои деньги, влезая в сумасшедшие долги. И Николай Кузьмин, как ни грустно об этом говорить, находится в таком же положении. Поэтому я вместо него могу сказать, что помочь Вам, Сергей Яковлевич, он, к сожалению, ничем не сможет. Мы публикуем в журнале отрывки из его романа «Возмездие» совершенно для него бесплатно. А вот выйдет ли отдельной книгой этот роман — пока не известно.*

Сергей Яковлевич, если все же с Божьей помощью Вам удастся найти деньги на издание задуманной Вами книги и она выйдет в свет, то пришлите, пожалуйста, по адресу нашей редакции на мое имя 10 экземпляров наложенным

* Роман Николая Кузьмина «Возмездие» удалось издать в начале 2004 г.

платежом — мы оплатим. К тому же я могу Вам помочь в ее распространении по Москве.*

Желаю Вам успеха в очень важном деле. Здоровья Вам и силы духа. Мы обязательно победим.

С глубоким уважением,
Хатюшин Валерий Васильевич.

22 августа 2003

А.Е. Бринкену

Люцерн, Швейцария. 11 января 2004 г.

Здравствуйте, уважаемый Александр Евгеньевич!

Поздравляю Вас с прошедшими праздниками. Огромное спасибо за присланные нам в редакцию поздравления с Новым годом и Рождеством.

Как и обещал, высылаю Вам верстку Вашего «Открытого письма» с ответом Ст.Куняева. Вы увидите мою редактуру и незначительное сокращение текста. Мы считаем, что в таком виде письмо Ваше выглядит убедительнее, точнее и интереснее. Наше предисловие и две сноски, которые мы даем, придают данной публикации более дискуссионный характер и только подталкивают все заинтересованные стороны к включению в разговор. Нам это необходимо.

Было бы здорово пригласить к дискуссии И.Шафаревича, М.Назарова и О.Платонова. Я попробую их уговорить влиться в обсуждение поднятой Вами темы.

Письмо Ваше удалось вставить в пятый номер. Так что всё идет нормально, как мы и планировали.

Не очень ругайте нас за содержание №1-2 «МГ». Мы существуем за счет наших подписчиков, которые сформировались и выросли в «советской цивилизации».

Всего Вам доброго. Успехов в работе и творчестве.

До встречи. Обнимаю. Ваш Валерий.

11 января 2004

* Книга «Время сокрушать мифы» вышла в свет в Харькове в конце 2003 г.

Ивану Голубничему

Москва. «Московский литератор».
12 ноября 2005 г.

Иван, я понимаю: ты, В.Гусев и остальные обиделись на мои эпиграммы. Но, дорогие мои, на эпиграммы нужно отвечать адекватно — эпиграммами, а не мелкой подлянкой. Эпиграмма — это литературный жанр, а мелкая подлянка — это что-то другое, из другой сферы деятельности. Конечно, так — проще, не нужно включать поэтические способности, талант, тем более если он под вопросом.

Лопусов тоже сочинил грубоватую эпиграмму на меня («Три головы, а мозга нет»). А Котюков и ты — ее напечатали. Однако я почему-то не стал писать на него донос и распространять сплетни. Я написал в ответ аж три эпиграммы, которые он сам же и оценил и больше эпиграмм на меня не пишет. Силкин тоже написал эпиграмму на меня. Я ответил ему тем же. Это нормальные, традиционные пикирования поэтов. Но мелкая подлянка — это из другой оперы, это нечто дешевое и недостойное. Что ж, такие теперь у нас нравы. (Кстати, Гусев ведь тоже кропает стишки, как ему кажется, сатирические.)

Ты вот, Ваня, вместе с Замшевым проработал немало лет в газете, вроде товарищем своим его считал. А тут взял и напечатал поношение его на передовой странице. Где же твоя принципиальность, Ваня. Или она, ради должности, теперь называется конформизмом? За который ты в газете клеймил других. Это заметили очень многие.

И эпиграммы мои не случайны, Иван. Я высказал в них то, что висит в воздухе, о чём говорят абсолютно все и что всем видно невооруженным глазом. Вы с Замшевым очень быстро переродились: с циничной ухмылкой хватали должности, премии, стипендии, наверное, думая, что вы всего этого достойны. Вы оба сильно ошибались на этот счет — скажу я вам прямо. Не было у вас для этого как литераторов никаких оснований. Даже вокруг Зюганова вертелись. Что, хотели и там должностишку отхватить? Поверь мне, кроме меня тебе правду никто не скажет.

У людей, много лет знающих меня, отношение ко мне не изменится, а вот к тебе и к газете — изменится.

В 80-е годы я писал и публиковал русские статьи, одни из самых острых на тот момент в СССР, когда ты еще под стол пешком ходил. А в «МЛ» печатался еще 20 лет назад. И сейчас нападки на Хатюшина — есть признак нерусскости, враждебности, это тебе любой грамотный человек скажет. На мне висело и висит столько уголовных дел, сколько на всё ваше «оскорбленное» Правление хватит. Тут ты иудодемократам большую услугу делаешь.

Своими статьями и стихами я поднял интерес к «МЛ» после ухода из него Дорошенко. Газету спрашивали даже люди нелитературные, ее читали. Но теперь интерес к ней пропал. Скучная стала газета. Да и передовицы твои, извини, дорогой, читать стало невозможно: пустая, высосанная из пальца демагогия. Продираешься сквозь ничего не значащие слова — и не веришь.

Ты идешь скользким, лицемерным путем, Иван. Уважения к себе ты на нём не сыщешь да и поэтом стать не получится. Пройдет время — ты в этом сам убедишься.

Николай Котенко тебя бы не похвалил. А ведь ты ему многим обязан.

Приспособленчество и карьеризм преодолеть бывает практически невозможно.

Извини за правду.

Валерий Хатюшин.

12 ноября 2005

Оксане Косур

Краснодар. 20 июля 2006 г.

(Письмо первое)

Здравствуйте, Оксана!

Спасибо за отзыв о фрагменте моего романа. Но Вы не правы, считая, что сила воли сильнее веры. Да, мой роман мистический. И силы воли недостаточно, чтобы победить отрицательную мистику. Победить ее можно только силой веры. Нечистая сила трепещет перед Богом и проявлением

Божьего духа. Об этом надо знать и всегда помнить. Сам человек, без Бога, бессилен что-либо сделать духовное. Бесы таких людей не боятся или притворяются, что боятся.

Художественное произведение — это избранная картина жизни, некий ее сгусток, поэтому в нём всё должно быть ярко и не банально.

Я тоже всю жизнь сталкиваюсь с мистикой, точнее с проявлением присутствия Бога.

Готовы ли вы читать мой роман? На своем сайте я многие свои вещи не размещаю, не хочу раньше времени терять сайт, ведь Интернет в их руках, и за мной они следят очень пристально.

20 июля 2006

(Письмо второе)

Краснодар. 12 августа 2006 г.

Здравствуйте, уважаемая Оксана!

Извините меня, ради Бога, что заставил вас поволноваться и отвечаю с большой задержкой. Был в отъезде. Дела заели. Заезжал домой пару раз, но отвечать формально, на скорую руку не хотелось.

Спасибо, что прочитали роман и высказали свои соображения по нему. Вот теперь я на них и отвечаю.

Во-первых, как оказалось, мы с вами не совсем сходимся мировоззрением — по взглядам на мир и на религию. Я — глубоко православный человек, а вы к Православию, как видно, не пришли. К сожалению, мы выросли в атеистической стране (хотя я ничего против нее не имею), и наш путь к вере теперь очень труден и *разномыслен*. Многие идут к Богу самостоятельно и потому часто поддаются под всяческие влияния, уводящие в сторону от Истины. А Истина, как сказано в Евангелии, — это Христос и Церковь, которую Он создал. Эта Церковь — и есть Апостольское Православие. (Католицизм — отклонение от нее.) Ваша вера, как я понял, пантеистически-протестанская, то есть — смесь язычества с сектантством. Не думайте, что я вас за это корю, нет. Каждый по-своему идет к Богу, к Истине, главное, не останавливаться.

Я пришел к Богу через отрицание, через атеизм. Но моя безграмотная бабка Андреева Екатерина (о ней идет речь в «Рассказе матери»), жившая после войны в подмосковной деревне Починки, где я провел свое дошкольное детство, а потом часто наезжал в гости, постепенно открыла мне глаза на Бога. И первое Евангелие, дореволюционное, потрепанное, мне подарила она (я его храню). На моем сайте есть стихотворный цикл «Память», посвященный ей. Так вот, бабка моя была евангелистка-бабтистка, то есть сектантка, и члены их секты часто собирались в ее доме и пели евангелические песни. Она мне тоже говорила, что им не нужен посредник в общении с Богом.

Но потом, когда у меня прозрели глаза и Евангелие меня привело к Богу, я понял, что это неправильно. Священник — это не посредник, а проводник, продолжатель апостольского дела (именно этому их учат в духовных семинариях и академиях). Ведь не случайно же Христос готовил Своих учеников, Апостолов, — чтобы они стали проводниками к Нему.

А людей часто обуревают гордыня, они думают, что сами с усами, мол, проводники им не нужны, сами дорогу найдут. И, как правило, попадают в дремучий лес или в болото и остаются один на один со своими заблуждениями или, еще хуже, попадают в сети и капканы, расставленные протестантскими сектами, неоязычниками и сатанинскими «проповедниками».

Я в своем романе ведь ничего нового не говорю — ни о земном мире, ни о других религиях, ни о языческих божеествах, ни о природе. Обо всем этом на протяжении многих веков с Рождества Христова говорили святые отцы Православной Церкви. Мои герои лишь вкратце повторяют их мысли. Читайте православную литературу, православных мыслителей, и вам откроется бездна знаний по этим вопросам. Вот тогда, может быть, вы и придете к Истине, то есть к Христу.

Вы спрашиваете, бес ли «козлобородый». Да, он бес, но только ночью, и бесовские дела он творит, как вы могли заметить, в основном по ночам. А днем он в большой степени утрачивает бесовскую силу, хотя и не полностью (потому он и упал от удара бутылкой, но сильно от этого не пострадал). Между прочим, то же самое происходит в мис-

тических рассказах Гоголя. А насчет коньяка, льющегося с потолка, вы можете прочитать в «Фаусте» Гете. Правда, там льется вино...

Но вот вам и другой, более яркий пример. Христос — Сын Божий, то есть Бог, но Его **люди** и били, и пытали, и распяли... Что уж тут говорить о каком-то бесе?..

Кстати, я рад, что мы с вами сходимся во взглядах на еврейство.

Но вы неправильно считаете, будто при Сталине и при Хрущеве с ним, с еврейством, успешно боролись: и во власти, и в искусстве, и в СМИ, и в науке, и в секретных производствах евреев было навалом. Другое дело, что Сталин их держал в узде, не давал разгуляться, но при Хрущеве они полезли из всех щелей, недаром же они так воспевают «хрущевскую оттепель». Почему они бесы? Да потому что природа у них такая: вольно или невольно они являются орудием дьявола, их слитность и подчинение кагалу говорит о том, что исправить их практически невозможно. Хотя, конечно, везде и во всем бывают исключения.

Насчет библейского Древа познания написано множество книг и работ, это вопрос религиозно-философский. Тут речь идет не о знаниях как таковых, а о познаниях, ведущих к научно-техническому прогрессу человечества в отрыве от прогресса нравственного. Такое одностороннее «познание» (а Бог-то знает об этом) ведет к трагедии жизни, к убиению природы и самого человечества, что мы и видим своими глазами. Познания эти каждый день толкают нас к концу света. Для того и приходил Христос, для того он и создал Свою Церковь и оставил нам Апостолов, отцов священства, чтобы повести людей по нравственному пути, остановить наше безоглядное движение к гибели. Но дьявол руками евреев и язычников-римлян убил Христа и опять же с помощью евреев всё время толкает нас на путь атеистического научного прогресса или навязывает «неоязычество» и всякого рода сектанство. И напрасно вы думаете, что простой народ «образованнее» священников. Простой народ в большинстве своем после 80 лет атеизма вообще не разбирается в этих вопросах. Даже русские вроде образованные патриоты — и те многого не знают и не понимают, потому-то среди них и стоит такой раздрай. Что уж тут говорить о простых людях, день и ночь сидящих у телевизора?

Шанс спастись, Оксана, действительно есть только у православных, потому что только в Православии — Христос и Его Истина. И если вы не крещены в Православной церкви, то не теряйте времени, обязательно креститесь. Ведь это такой дар был дан нашей стране и нашему народу — Православная Апостольская Церковь! Не откликнуться на этот дар — грех большой.

Бог-то, Оксана, будет всегда, но нынешнее человечество — не всегда, не вечно. Если оно не желает жить с Богом в душе и не хочет совершенствоваться нравственно, то Бог его ликвидирует и заменит на другое. Так уже было на Земле.

В этом и заключается вопрос «что делать?» — сопротивляться бесовству, то есть помогать Богу и проповедовать нравственное развитие человека. А явных врагов надо наказывать. Именно всем этим и занимаются герои моего романа.

Не забывайте, что мной написана все-таки художественная вещь, а не публицистика, не статья, не очерк. А потому — в романе присутствует художественный вымысел. Собрание кагала — это своеобразный гротеск, который **слишком** далек от реальности — свои проблемы они примерно так и решают, я это знаю, и во время сатанинских камланий они действительно пьют христианскую кровь. Об этом еще Даль писал и многие другие. Это известный факт.

Но и приукрашивать нашу жизнь и своих героев я был не намерен. Разве вы не знаете, что в нашей жизни без застолий почти ничего не происходит? То, что Николай иногда выпивает, заметьте, совсем понемногу, он знает норму, — обычное в нашей жизни дело. Ведь он работал на Севере, на строительстве газопровода, то есть был простым рабочим человеком, а там без этого, без водки, было никак нельзя. Я сам там работал, хорошо знаю. Но такие, как он, не спиваются, он человек воли и действия. До состояния Чаруты он не дойдет никогда.

Ну вот, кажется, на все ваши сомнения и вопросы я ответил.

Еще раз извините за долгое молчание.
Всего вам доброго. Будет желание — пишите.

С уважением, Валерий.

12 августа 2006

(Письмо третье)

Краснодар. 14 августа 2006 г.

Здравствуйте, Оксана!

Наверное, я не слишком ясно выразил свою мысль, коли уж вы задаете почти те же вопросы. Без научного прогресса уже невозможно в нашем мире жить: что сделано, то отменить нельзя. И наши знания, конечно, не от сатаны, он не творец, а разрушитель.

В своем прошлом письме я вам говорил о **начале** истории, о первых главах Библии. Там, в Библии, конечно, сказано всё аллегорически, образно, но ясно, что Бог и дьявол боролись за человека. Бог остерегал его (человека), чтобы он не вкушал прежде времени плодов с Древа познания, то есть до того, как он созреет, разовьется нравственно и уже самостоятельно сможет отличать добро от зла, сам будет знать, что хорошо для жизни, а что плохо. Вот тогда-то он и сможет без вреда для себя и для жизни вообще пользоваться знанием законов природы, то есть научными знаниями.

Но дьявол сделал свое подлое дело: через слабое звено, через женщину, преждевременно соблазнил человека вкушать «плодов» от Древа познания. Вот мы и пожинаем с тех пор эти дьявольские «плоды» в своем безнравственном научно-техническом развитии. Но обратного пути нет. Христос пытался спасти человечество. И многих спас, и продолжает спасать, потому-то он и зовется Спасителем. Но в целом человечество движется к гибели, и евреи, **избранные** дьяволом в качестве своих слуг, каждый день способствуют этому движению.

Бывают, конечно, и среди священников невежды и приспособленцы, но таких всё же меньшинство. (Хотя в последнее время в православное священство активно полезли жиды, а это просто ужасно. Но тут уж надо их уметь отличать.) Вы не сказали, за что ваш знакомый священник «предал анафеме» астронома Лапласа, тут, как говорится, «надо посмотреть». Но вообще-то в Православии не существует обряда анафемы. Анафема — это католическое действие. У нас бывает лишь отлучение от Церкви, точнее — констатация отпадения человека от Церкви, что в свое время случилось с Л.Толстым.

Но этот Лаплас наверняка не был православным, и потому священник вообще не мог ни придать его анафеме, ни от нашей Церкви отлучить.

Нравственными могут и должны быть все — и язычники, и католики, и мусульмане, и индусы. Иначе бытие человеческое теряет всякий смысл. (Единственно безнравственная религия на земле — иудейская, потому-то их и называют сатанистами.) Я ведь говорил об этом в романе. Кошка тоже существо доброе и ласковое. И ей тоже дана Богом возможность жить и размножаться. Но человеку в отличие от кошки дан разум, и потому спрос с него гораздо больший, ведь к человеку приходил Христос. Русские это осознали, хотя жил Он не на нашей земле, а в Палестине. Кто мешал осознать это индусам? Католики впали в ересь со своим папой — т.н. «наместником Бога на земле». Это их проблемы. Они за это и ответят. Можно верить и в Аллаха, но спасения души эта вера не принесет. Не нужно думать, что в ином мире нужны **все**, живущие на земле. Это большое заблуждение.

Языческие боги свою миссию выполнили и ушли. Нет больше никаких языческих божеств, они утратили свою силу, которой когда-то обладали. Вернее, передали ее Христу и православной Троице.

И хвататься в наше время за всяких там Ярил, Велесов, Ярославов и т.д. — это просто смешно. Термин «пантеизм» — поклонение силам природы и языческим божествам — произошел от божества по имени Пан. Это божество изображено на картине Врубеля под тем же названием. Посмотрите внимательно: не ней этот Пан изображен с копытами и рогами, то есть в виде беса, во что и превратились те божества, которые из-за своей гордыни не захотели уйти из земной жизни после прихода Христа. Все они стали нечистой силой, то есть бесами. А некоторые, по моей версии, как показано в моем рассказе «Не изменяй себе», — *срединными существами*, но тоже бесполезными и пасующими перед силой православной молитвы и крестного знамения.

А простой народ — разный. Но большинство, к сожалению, — обыватели, мало в чём разбирающиеся. И телевизор они, к несчастью, смотрят почти все, потому что заниматься им больше нечем и ни во что они не верят.

Ну вот, опять я вам много написал. Но надо вам, Оксана, свои знания приводить в порядок, организовывать и

систематизировать. И самое главное — воздерживайтесь от скоропалительных выводов, чаще задумывайтесь в поисках ответов на возникающие у вас вопросы и внимательно всматривайтесь в глубину той или иной проблемы. А для этого надо читать православные книги. Найдите книги Игнатия Брянчанинова, Серафима Роуза, Иоанна Кронштадтского, Феофана Затворника, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, да и любых других православных мыслителей, они вам больше и лучше, чем я, расскажут и ответят на все ваши вопросы.

Всего вам доброго и успеха в творчестве.

С уважением, Валерий.

14 августа 2006

И.И. Светикову

г. Обнинск Калужской обл. 19 ноября 2006 г.

(Письмо первое)

Здравствуйте, дорогой и уважаемый Иван Иванович!

Вы своим письмом меня немного смутили. Когда я его читал, то улыбался и краснел. Но в каждой его строке я чувствовал искренность Ваших слов. Я и смущен, и благодарен Вам за такое внимание к моей литературной работе и такое сердечное участие в моей судьбе.

Даже и не знаю, что сказать, настолько я тронут Вашими словами и Вашей оценкой моего творчества. Одно такое письмо укрепляет душу и убеждает в том, что жизнь, борьба и мыслительная работа были не напрасны. Спасибо Вам, Иван Иванович, самое сердечное.

Вы абсолютно во всём правы, даже удивительно, что, живя в Обнинске, Вы точно чувствуете ситуацию в нашей литературной жизни. Действительно, мне приходится биться на два фронта (а еще вернее, как Вы угадали, — в полном окружении). То, что враг пытается задушить и уничтожить, — это понятно: враг, он и есть враг, хоть и находится во власти. Но то, что делают, вроде бы, свои, — это

самое отвратительное и самое обидное. Так и есть, как Вы говорите, — и замалчивают, и не публикуют, и сплетничают, и мелко подличают. Но в большинстве случаев они действуют так из-за сознания своей бездарности и трусости. А отсюда — зависть и ненависть к тому, кто не боится, кто имеет талант, кто способен говорить правду.

Но Бог с ними. Есть «Молодая гвардия», есть газеты «Дуэль», «Российский писатель», «Казачий Спас», которые меня публикуют, есть ваша обнинская газета «Московские ворота», издаваемая моим другом Игорем Кулебякиным. Есть в конце концов Интернет.

...Иван Иванович, читаете ли Вы «Молодую гвардию»? Ведь она — тоже дело моей жизни. 18 лет я отдал работе в этом журнале, и в нём — той же непримиримой борьбе за Россию. Сейчас в журнале людей почти не осталось, мы его делаем вдвоем с Е.Юшиным, а вернее говоря, я его делаю практически один, т.к. все серьезные материалы добываю, готовлю и редактирую я. Журнал также отнимает много сил и времени.

Дорогой Иван Иванович, еще раз спасибо огромное за Ваши высокие слова по мою душу. Бог даст сил — буду писать и работать дальше, до конца. Время всё расставит по своим местам.

Здоровья Вам и личного благополучия.

Обнимаю. Ваш Валерий.

15 августа 2006

(Письмо второе)

Здравствуйте, дорогой Иван Иванович!

Ваше новое письмо — такая редкая радость в наше беспросветное время. Читаешь — и ободряешься душой, и начинаешь видеть, что трудишься всё же не в пустоту и не для пустоты, что есть люди в России, которые всё понимают, как надо, и кому нужен твой труд.

Рад, что Вам пришелся по душе мой рассказ «Не изменяй себе» и что Вы читаете наш журнал. Огромное Вам спасибо за оценку сборника стихов «Прицел — 2».

Публицист Валерий Герасимов прошедшим летом приехал ко мне из Америки вместе с супругой, я подарил ему новые свои книги. Он мне постоянно звонит из-за океана, чтобы выразить свои бурные чувства. В будущем году в «МГ» выйдет интервью с ним.

...Вы очень точно подметили, что наши известные сибиряки оказались духовно слабыми, а нередко и продажными — Ельцин, Лигачев, Рыжков, Астафьев, Распутин, Гангнус-Евтушенко... Русский дух и русский стержень был у них ненадежным или вообще отсутствовал, как у Гангнуса.

...Да, действительно, журнал отнимает много времени и сил, но что делать, люди его ждут, читают, бросить эту работу я сейчас уже не могу, т.к. без меня журнал просто погибнет.

Высылаю Вам три газеты со своими публикациями. Одну из них (в «Казачьем Спасе») Вы уже читали («Их жажда террора»), но в этом же номере на 4 стр. стоит еще одна моя статья — «С печатью величия...» В «Российском писателе» подборку стихов дали хорошую, но фотографию поместили отвратительную, какую-то смазанную и уродливую, я сам себя на ней не узнал.

В №11-12 «Молодой гвардии» прочитайте мою новую вещь — «Рассказ матери».

Еще раз, Иван Иванович, выражаю Вам огромную признательность за Ваше отношение к моему творчеству.

Здоровья Вам и Вашим близким.

С глубоким уважением, Валерий Хатюшин.

19 ноября 2006

Николаю Кузину

Екатеринбург. 27 июня 2007 г.

Здравствуй, дорогой Николай!

Очень меня огорчило твое письмо. Я всё же надеялся на лучшее. (Да и сейчас еще надеюсь.) К слову, твоему почти полному тезке Николаю Кузьмину год назад сделали такую же операцию — удалили раковую опухоль в кишечнике. Но он вроде как оклемался, правда, очень ослаб.

Николай, всё равно надо надеяться на Бога, молиться и просить Его о милости. Химиотерапию проходить надо, но всё зависит от Него. Нужно исповедоваться и причаститься. Бог может дать еще пожить на свете.

«Угнетаться беспросветностью», Коля, не стоит. Физические муки человеку даются ради очищения и спасения души. Помни об этом и благодари Бога и за это, и за то, что дал пожить на свете и кое-что сделать полезное. Я вообще считаю, что мне повезет, если доживу до пенсии... А если проживу 65 лет, так это просто будет бесценный подарок Свыше. (Один юморист говаривал: «Все великие люди умерли, и мне что-то нездоровится...»)

Николай, смотри на всё, что происходит с нами, как на неизбежное и не тяготись этим. Все будем в ином мире, сейчас или потом — для нас с тобой какая разница? Главное в своей жизни мы уже сделали — написали то, что обязаны были написать, а всё написать невозможно. Это я так философствую, когда бывает совсем противно на душе.

Тут у нас творятся свои безобразия, но не буду тебя ими нагружать.

Правду говорят, унывать грешно. Мы всё-таки успели пожить.

Твою «Заметку» я отдал в газету Н.Дорошенко. В нашем журнале ни Бондаренко, ни Проханова мы упоминать ни в каком виде не будем. Второй, по-моему, как, впрочем, и первый, совсем уже одурел: одновременно носится с Лениным, с мавзолеем и с Путиным. Похоже, еврейская кровь не дает ему покоя.

И еще, Коля, в твоей статье мне не понравилось то, что (видимо, по болезни) ты вообще никого не видишь из писателей-бойцов в «патриотическом» стане. А обо мне ты забыл, что ли? Я имею в виду позицию. Хотя есть и кроме меня кое-кто. Но, конечно, мало. Вспомни, что именно об этом я написал в своей «заметке» «Тщета критики», которая тебе тогда показалась обидной (но в ней ведь речь шла не только о критике). Ты, слава Богу, осознал, а я давно об этом и говорил, и писал, что прославленные нынешние русские писатели оказались слабы и морально, и духовно, и в конце концов творчески. (Кажется, один только Бондарев выстоял.) Василий Белов после своего романа «Всё впереди» не дал больше ничего современного, яркого, вы-

зывающего огонь на себя. Хотя, конечно, для своего времени это был смелый поступок, который многие наши критики не поняли. Но развития темы не произошло, Белов на этом остановился.

Эх, Коля, я обо всем об этом долдоню в своих статьях уже много лет. Да только все или отмахиваются, или делают вид, что мол, Хатюшин — одиозная личность, чего с него взять, заикнулся на евреях... Наши литературные страусы будут так считать даже когда в бомжей превратятся. Жаль Глушковой нет, она бы им выдала!

Николай, дорогой, держись, сколько сможешь! Не падай духом. Всё в руках Божиих. Мы еще поборемся.

Крепко обнимаю. Пиши. Твой Валерий

27 июня 2007

Ю.Н. Иванову

Новосибирск. 28 июня 2007 г.

Здравствуй, уважаемый Юрий Николаевич!

Сначала я получил от Вас перевод на 400 руб. и отправил Вам два экз. книги «Возмездие». Но затем пришло Ваше заказное письмо с Вашей книгой и просьбой прислать «Во имя Истины». Высылаю Вам свои книги. Это подарок.

Вашу книгу начал читать. Вижу, что это крайне серьезный и большой труд. И, главное, очень нужный — доказательство Бога-Творца с научной точки зрения. Робкие попытки подобного уже делались некоторыми учеными, но о них мало известно. Жаль, конечно, что столь мизерный тираж у Вашей книги. Но за такими трудами — будущее.

Со школьной скамьи, хоть еще и был неверующим, я почувствовал лживость теории Дарвина об эволюции и происхождении видов. Затем все более и более утверждался в своем убеждении — а именно, что все живые существа изначально были созданы в том виде, в каком мы их видим и сейчас. Просто одни животные вымерли от изменения климата и иных причин, а другие сохранились. Но никто

ни в кого не превращался и уж тем более в человека. Человек — существо духовное и разумное, а разум, речь (слово) и дух даны ему были Свыше, и ни у какого животного они сами по себе развиваться не могли, да и не нужно это животным. Тот, кто не понимает этого, — идиот и кретин от рождения, то есть недоразвитый, больной умственно или наделен дьявольским духом. Последнее встречается нередко, т.к. дух тьмы притягателен, соблазнителен и может легко вселиться в неверующие души. За последние сто лет таких людей стало много на земле. Мы с ними сталкиваемся на каждом шагу.

Но носителей духа Истины тоже немало. И мы с Вами должны выполнять ту миссию, которая назначена нам Богом.

Здоровья Вам и крепости духа.

С глубоким уважением, Валерий Хатюшин.

28 июня 2007

Николаю Кузину

Екатеринбург. 8 сентября 2007 г.

Дорогой Коля, привет!

Извини за долгое молчание. В этой дурацкой суете для ответа на письма постоянно не хватает времени. Но тут к моей и твоей радости увидел в «Дне литературы» твою «исповедальную» статью, напечатанную полностью. Вот и поспешил послать тебе это письмо. Так что в «Российском писателе», куда я ее тоже отдал, она уже теперь не выйдет. Но в «Дне» даже и фотография твоя есть. Поздравляю.

6 сентября вместе с Михаилом Лобановым общались с читателями на книжной ярмарке на ВДНХ (ныне — ВВЦ) в офисе издательства Олега Платонова. Потом поговорили с Лобановым о тебе. Он очень за тебя переживает и никак не может смириться с тем, что с тобой случилось.

А вчера, 7 сентября, исполнилось 19 лет твоей крестнице Алене. Она была у меня — уже взрослая, симпатичная девушка, учится на 3-м курсе Гуманитарного университета. В будущем году у нас с нею юбилей.

Спасибо за рассказ, за посвящение к нему и за мое стихотворение в нём. Но он, конечно, во-первых, очень личный, а во-вторых, по смыслу, — из другого времени, из другой страны (из СССР), не для современного журнала. Тебе надо собрать книгу прозы, и, может, с Божьей помощью она будет издана.

Высылаю тебе свою новую книгу гражданской лирики, собранной воедино за последние 20 лет. Я вновь назвал ее «Русская кровь». Не знаю, тянет ли эта книга на «могучий единовременный выстрел» (цитирую тебя), но на статью в УК «За экстремизм» она тянет без всяких сомнений. Хотя кое-кто мне сказал, что таких книг в русской поэзии еще не было. Кстати, она продается на книжной ярмарке и наверняка попадет в руки наших заклятых «друзей».

Уголовные дела против патриотов сейчас идут косяком. Полностью сбывается всё, что было сказано мной два года назад в статье «Их жажда террора». Она должна у тебя быть. Впереди — еще более ожесточенное наше столкновение с *ними*.

Как твоё состояние, Коля? Хоть какая-то польза есть от химиотерапии?

Я, несмотря ни на что, надеюсь и верю, что Бог даст еще тебе пожить на свете. Будем молиться об этом, и наши молитвы будут услышаны.

Самое главное, Николай, не падай духом. Мы с тобой.

Крепко обнимаю. Твой Валерий.

8 сентября 2007

Николаю Кузину

Екатеринбург. 25 декабря 2007 г.

Здравствуй, дорогой Николай!

Извини, ради Бога, что долго не отвечал. Всё ждал, что кто-то напечатает твою статью об «Эхе Москвы», — обещали две газеты, но пока не напечатали.

Поздравляю тебя с наступающим Новым годом. Когда ты получишь это письмо, он уже наступит.

Как ты? Что со здоровьем? Хочется надеяться, что будущий год мы тоже проживем. А у меня ведь он — юбилейный. В ноябре будет 60. И у Алены тоже будет юбилей — 20 лет. Вспомни, совсем, кажется, недавно я отмечал 50-летие, к которому ты написал статью. Почти 10 лет пролетело, как миг.

Литературная жизнь в Москве пребывает в бессмысленном и затхлом застое. Проводятся Союзом писателей какие-то никчемные вечера и мероприятия, где читаются слабенькие вневременные стихи, кто-то произносит пустые дежурные слова о культуре и духовности... А страна и народ при этом стремительно изничтожаются. Власть усугубляет репрессии, газеты закрываются, на русских редакторов и издателей заводят уголовные дела (газета «Дуэль» по суду уже закрыта).

Мы тут с Борисом Мироновым организовали «Письмо писателей» в администрацию Путина с требованием прекратить репрессии. Напечатали его в «Завтра», но Путин по случаю юбилея ЧК-КГБ-ФСБ приказал ужесточить борьбу с «экстремизмом» и «шовинизмом»... Всё идет к тому, что нас, пишущих патриотов, со временем всех пересажуют или перебьют, причем на «законных» основаниях.

И при этом русские организации — перегрызлись. Все хотят быть главными и только себя считают самыми правильными. Вот и долбят их поодиночке. Как ты видишь, в Думу ни одна русская партия и ни один русский патриот — не попали. А виной всему — мелкотравчатая амбициозность вождишек и внутреннее предательство. И почти все писатели русские за любую премию готовы день и ночь вылизывать эту власть. Ты не представляешь, сколько мы получили упреков с их стороны за это напечатанное в «Завтра» «Письмо» (высылаю тебе его ксерокс).

Ну вот, Коля, опять я о грустном. Да и впрямь веселого в нашей жизни уже почти ничего не осталось.

Вот только — дочь, Алена. Сдала досрочно зимнюю сессию на одни пятерки. У них, молодых, совсем другая жизнь, как будто мы живем в разных странах. А ведь действительно, с поколением 60—70-летних уходит, исчезает **другая** Россия, которой молодые не знали. И после нас будет совсем иная культура и другой (по сознанию) народ. Среди них таких писателей (поэтов, прозаиков, критиков, публицистов), какие были в нашем поколении 20—30 лет назад, уже нет. Там почти пустота или искажённое сознание. Быть

писателем стало непрестижно и бесперспективно. Тем более русским писателем. Так что мы, Коля, еще должны поработать. Это к тому, что нам рано уходить.

Держись, дорогой, и крепись духом. Напиши о себе.*

Обнимаю. Твой Валерий.

25 декабря 2007

Виталию Серкову

г. Сочи Краснодарского края. 13 мая 2008 г.

Здравствуй, дорогой Виталий!

Большое спасибо за письмо. Рад, что наши взгляды на творчество во многом совпадают и что Вы перечитываете мою книгу «Во имя Истины». Действительно, статьи, написанные 20, 15 и 10 лет назад, жизнью подтвердились, и те литературные поползновения, указанные в статьях, которые тогда только намечались, теперь как бы узаконились, утвердились и даже поощряются, работая на разрушение и литературы, и самой жизни. К сожалению, мало кто хочет об этом думать из нынешних литераторов, желая лишь приспособиться и как-нибудь пробиться. Мало кто всерьёз размышляет о сегодняшней поэзии. Мало кто пишет критические статьи. Это я вижу по своей работе в журнале. Большинство из тех, кто это делал в прошлом, умерли, и вместе с ними потихоньку умирает и этот литературный жанр. А то, чем, к примеру, занимается В.Бондаренко, просто противно видеть и читать. (Высылаю Вам газету «Казачий Спас», ознакомьтесь с моей статьёй в ней.)

Я Вам признателен, Виталий, за то, что Вы решили написать статью о моих стихах. Шлю Вам вышедшую в прошлом году книгу «Русская кровь. Гражданская лирика за 20 лет». Возможно, она дополнит Ваши впечатления от книги «Собрание стихотворений».

В этом году, в ноябре, у меня юбилей — 60 лет. Думаю издать к этому времени новую книгу лирики и большой том

* Писатель Н.Г. Кузин ушёл из жизни в марте 2008 г.

прозы. (Кстати, прочтите в №5-6 «МГ» мой новый рассказ «Перед уходом».) Высылаю также свою краткую творческую биографию, опубликованную в свое время в энциклопедии «Русская литература», которую издал Олег Платонов.

Всего Вам доброго и нового творчества.

Обнимаю. Валерий Хатюшин.

13 мая 2008

Нине Бойко

г. Губаха Пермского края. 21 ноября 2009 г.

Дорогая Нина!

Подарок Ваш получил как раз к дню рождения. Я был необычайно тронут таким Вашим вниманием. Спасибо огромное Вам, Светлане и Леонарду Дмитриевичу. Подарок прекрасный. Светлана Петровская по-настоящему замечательный, талантливый художник. Передайте ей от меня большой поклон.

Получил и Ваше письмо. Оно одновременно и грустное, и бодрое. С одной стороны — зарплаты Вас лишили, чиновники оборзели, время беспросветное. А с другой — спасительная уральская природа, родная местная речь, дорогие лица, друзья. И внутреннее ощущение правды, неистребимое чувство совести и справедливости толкает на борьбу с подлостью, невежеством и хамством бездарей.

У Вас те же проблемы, что и у меня. «ЦК» Союза писателей меня боится и сторонится, я у них экстремист, антисемит, шовинист и т.д., и т.п. Они всё пытаются с властями заигрывать, надеясь на какие-то подачки от тех. А правление Московской городской организации СП вообще хотело бы меня на куски порезать, т.к. я на всех этих скурвившихся мерзавцев написал убийственные эпиграммы, которые опубликовал в газетах и в Интернете на нескольких сайтах. И теперь любой желающий их может там прочитать. Они рвут и мечут, а сделать ничего не могут: Интернет им неподвластен, и я от них ни в чём не завишу.

Кстати сказать, в моем романе выведен в том числе и Тюленев — в сцене пьянки в буфете ЦДЛ под фамилией Китов. Перечитайте это место — стр. 153—155. Там все персонажи — реальные.

Но главная моя забота — журнал. Он съедает почти всё мое время. Мы ведь его делаем с Юшиным вдвоем, если не считать технических работников. А фактически, если уж быть более точным, я его делаю один, т.к. Юшин профессионально редактировать тексты не умеет, и мне приходится читать и доводить до ума все материалы журнала. А журнал очень непростой. Каждый номер по остроте — на грани запрета. И ненавидит нас Сион со страшной силой. Ну и, само собой, клеймит меня на чём свет стоит. Если почитать еврейские сайты, то меня давно уже пора к стенке ставить.

Вот так и живем — как на минном поле. Но иногда уезжаю на дачу (в основном летом) или иду гулять в лесопарк. Я живу на окраине Москвы, а здесь рядом бывшее имение Голицыных. Вот тут и пишутся лирические стихи. Этим и спасаюсь морально.

У нас тоже в ноябре выпал снег и даже постояли небольшие морозы. Но сейчас опять потеплело, пошли дожди, и снег растаял. Небо в основном — серое.

Еще раз благодарю за подарок. И хотелось бы узнать, когда Ваш день рождения.

Желаю Вам побольше маленьких радостей.
Можете меня называть просто —
Валерий.

21 ноября 2009

Максиму Страхову

Тверь. 15 февраля 2010 г.

Здравствуйте, дорогой Максим!

Рад, что мои стихи нашли отклик в Вашей душе.

Мы, пишущие люди, теперь оказались в такой ситуации и в таком времени, когда литературная жизнь постепенно

умирает не только в провинции, но и в Центре. Руководство Союза писателей уже мало что может, брошенное властью на произвол судьбы, да особо и не стремится к большему. Молодые писатели по всей стране предоставлены сами себе и варятся в собственном соку. А журналы выживают как могут или вообще не выживают. Теперь молодым необходимо упорно заниматься самообразованием и самовоспитанием. Нужно самостоятельно учиться на собственных ошибках и достойных примерах и заставлять себя до предела серьезнее относиться к слову. Таково нынешнее время.

И я, и редактор отдела поэзии прочитали Ваши стихи. Вы, конечно, человек творчески одаренный, талантливый. И у Вас есть шанс достичь многого в поэзии. Хотя пока еще Ваши стихи грешат неточностями, случайными словами и неорганичными эпитетами. Просто Вам надо строже относиться к своему творчеству.

Но одно стихотворение мы отобрали для публикации в коллективной подборке «Стихи поэтов России», которую регулярно даем на страницах нашего журнала. Это — «Дикий народ». Для начала неплохо.

Желаю Вам большой поэтической работы и творческого роста.

С уважением, главный редактор «Молодой гвардии» Валерий Хатюшин.

15 февраля 2010

Нине Бойко

г. Губаха Пермского края. 27 февраля 2010 г.

Дорогая Нина!

Вот только к вечеру сел за компьютер и пишу ответ.

Письма Ваши всегда очень теплые и лиричные и всегда с интересными подробностями из жизни. Это, конечно, от Вашего таланта прозаика.

Рассказы Ваши скачал, читать буду позже. В августе у нас выйдут семь или восемь Ваших рассказов, точно не по-

мню, они уже сверстаны, могу в понедельник посмотреть и потом скажу по названиям. Но хорошо помню, что вошел рассказ «Единственное средство», который есть в Вашем письме. Помню еще «Мент», «Сыч», «За вешалками».

Да, стихи у меня, конечно, пишутся грустные. Но такими они почему-то, в основном, были всегда, с самой юности. Видимо, с детства какая-то не проходящая печаль запала в мою душу, да так и осталась навсегда. Одну из этих печалей я запомнил накрепко — расставание с отцом.

А с сердцем постоянные проблемы, пришлось даже как-то скорую вызывать — увезли в больницу. А когда мать умерла прошлой весной, я зашел к дежурному врачу в поликлинику рядом с домом — давление измерить, так она сама вызвала скорую, а те не хотели меня отпускать, пришлось им давать расписку, что я сам отказался от госпитализации. Куда было ложиться, когда я каждый день ездил в больницу к матери в подмосковный Ногинск?

Рад, что стихи пришлись Вам по душе, хоть и грустные очень. Правда есть там одно светлое — «Русское раздолье». В солнечные морозные дни ходил гулять в наш парк, а там озеро, искусственно сделанное еще в 17 веке, и крутой берег, и ребятня горки раскатала. Смотришь на их веселье — и сердце оттаивает.

Помимо письма высылаю Вам две ссылки на мои личные сайты, нажимайте на них и сайты откроются. На одном, там где кленовый лист, есть раздел «Молодая гвардия» — можно читать все номера нашего журнала. Фотографии на сайтах молодые, поэтому пришлю еще и другую, приближенную к реальности. Но еще там есть Фотоальбом, где загружены фотографии с раннего детства. А на другом сайте есть раздел Гостевая книга, куда Вы тоже можете помещать свои сообщения помимо почты. Это даже быстрее и легче. Правда, их уже смогут читать и все остальные.

А у нас повеяло весной, начал таять снег. Завтра последний день зимы.

Всего Вам доброго, Нина. Главное, весной не разболеться.

Валерий.

27 февраля 2010

Прокурору Северо-Восточного
Административного округа г. Москвы
Э.Э. Артюхову

Москва. 8 апреля 2010 г.

Объяснение

В связи с обращением Ф.И. Бинштока в Генеральную прокуратуру РФ по факту публикации в журнале «Молодая гвардия» статьи Е.Бородина «Пять «чудес еврейской истории», поясняю, что статья доктора философских наук, профессора Евгения Бородина носит научный, исследовательский характер. В ней рассматривается история возникновения олигархического капитала, даются ссылки на известные исторические факты и публикации многих других авторов. Фактически автор во многом повторяет сказанное в работе Карла Маркса «К еврейскому вопросу», а именно — тезис Маркса о торгашеской, классовой и шовинистической сущности мирового еврейского капитала. В подтверждение своих доводов автор статьи в «МГ» ссылается также на известную книгу А.Солженицына «Двести лет вместе» и на книгу Г.Форда «Международное еврейство», которые неоднократно издавались в России и не являются запрещенными.

В статье Е.Бородина не идет речи о еврейской нации как таковой. Автор пишет о еврейской олигархии, о финансовой элите, о новом неприкасаемом сословии, стремящемся к власти как в России, так и во всём мире. Проводя исторические экскурсы, автор говорит о неслучайном столкновении германского нацизма с этим финансово-капиталистическим кланом, с этим классом олигархических эксплуататоров, стоявших на пути гитлеризма к достижению власти над всем миром. В наше время это новое сословие еврейских олигархов у всех на виду. Но и в советском прошлом, по мнению автора статьи, это сословие проникало во многие властные структуры.

Капитал еврейской олигархии — это в основном сионистский капитал, утверждает автор статьи. На этом утверждении, по сути, и основана вся его статья. Простые евреи, к каким, по всей видимости, относится и Ф.И. Биншток, страдают точно так же, как и все остальные народы России,

от безнравственной деятельности нового класса собственников и толстосумов, строящих свой капитал на ограблении России. И потому для простых людей еврейской национальности, живущих в нашей стране, статья Е.Бородина не может быть ни обидной, ни оскорбительной. Выражение автора «еврейские шовинисты» не относится ко всей еврейской нации, а только — к узкому сословному кругу дорвавшихся до власти еврейских банкиров и капиталистов. (Центральные СМИ то и дело употребляют выражения «русские нацисты» и даже «русские фашисты», но мы не помним, чтобы за эти термины кого-либо привлекли к ответственности.)

Обо всём об этом писали очень многие мыслители и честные политики как в России, так и за рубежом. Статья, по нашему убеждению, не разжигает никакой ненависти к евреям как таковым. Потому мы и сочли возможным опубликовать ее на страницах нашего журнала. К тому же в качестве полемики или дискуссии готовы дать слово и другой, не согласной с этим мнением стороне.

Главный редактор журнала «Молодая гвардия»
Валерий Хатюшин.

8 апреля 2010

Александр Коппенолу

Голландия. 28 апреля 2010 г.

Здравствуйтесь, Александр!

Прочитал вашу статью. Тема интересная, полемическая и спорная. Во многом я с вами согласен, но не во всем. Я не считаю, что положительными качествами обладает меньшинство русского народа. Как раз наоборот, меньшинство обладает отрицательными качествами. Но это меньшинство всегда виднее, явственнее, оно бросается в глаза. Потому и кажется, что его много. А положительное большинство чаще всего незаметно. К тому же вы не учитываете факт многолетнего влияния на наш народ инородцев — кавказцев, азиатов и т.д., заполонивших просторы России и повлиявших на наш народ очень отрицательно. Не говоря уже о евреях.

Я не считаю наш народ ленивым и безалаберным. Я сам много поездил по стране и много где поработал. Люди при нормальном к ним отношении и при нормальной оплате и работают соответственно. Просто власть к простым людям часто относилась по-хамски, вот они и отвечали ей тем же. За копейки кто будет нормально трудиться?

Европа кичится своей культурой, но у нее была совсем другая история. Это в основном небольшие страны, а в небольших странах всегда легче навести порядок, легче воспитать народ, тем более, это в основном моноэтнические нации, не то что Россия.

Да, русский народ за последнее время изменился. Но, я уверен, мутации национального характера не произошло (в худшую сторону). Мутация — процесс необратимый. Я же считаю, что еще возможно изменить характер русского народа в лучшую сторону. Вы не говорите самого главного слова в своей работе, потому что, возможно, об этом не задумывались. А слово это — воспитание. То есть при правильном воспитании народа — и характер его неизбежно изменится. Вот к этому нужно стремиться в перспективе, и об этом нужно говорить как о самом важном.

Кстати, дискуссионная трибуна, о которой мы заявили, получилась интересная. Ее материалы будут публиковаться всё 2-е полугодие, начиная с 7-го номера. №5-6 я уже выставлял на своем сайте.

Всего доброго.

Валерий.

28 апреля 2010

Первому секретарю Правления Союза писателей России
Геннадию Иванову

Союз писателей России. Москва. 15 января 2013 г.

Здравствуй, Геннадий!

Хочу тебя спросить: как ты считаешь, должен быть делегатом съезда Союза писателей России главный редактор

старейшего всероссийского русского патриотического журнала? Или нет?

Я был делегатом съездов СП СССР и России в конце 80-х годов, потом — в 90-е годы. А затем уже, будучи заместителем главного редактора «Молодой гвардии», почему-то перестал быть как делегатом, так и приглашенным на писательские съезды. Сам я себя не навязывал, но мне казалось это странным. Например, от «Нашего современника» делегатами автоматически становились несколько человек. А от «МГ» — всегда только один Юшин, хотя толку от его делегатства никогда не было никакого.

Делегатами и даже секретарями СП очень часто являются люди, которые вообще ни одного дня не работали редакторами (уж не говорю: главными редакторами), издали 3—4 книжки (у меня их более 30) и не занимают никаких литературных должностей. Есть ли еще хоть один известный главный редактор литературного журнала, который не был бы ни секретарем, ни делегатом последних съездов СП?

Я говорю это без обид, просто мне всегда это казалось странным.

Дружески, Валерий Хатюшин.

15 января 2013

Владимиру Петрову

Липецк. 2 сентября 2013 г.

Здравствуйте, уважаемый Владимир!

Извините, что задержался с ответом. Сразу сошлось множество проблем — и болел, и срочные дела, которые, как обычно, наваливаются сразу все в одно время. Да и журнал не дает продыху.

Рад, что книги мои Вам пришлись по сердцу и подтолкнули Вас письменно выразить свои впечатления. Теперь обычной почтой письма приходят очень редко — переписываемся исключительно по электронке, двумя-тремя фра-

зами. Разучились мы писать друг другу обычные письма, какие люди писали веками.

То, что «Протуберанцы» вышли отдельной книгой, — действительно, событие очень важное и не только для меня. Писались они восемь лет, и, перечитывая их, вижу, что практически всё сказанное попадало в точку и не оказалось ошибочным. Книга эта опасная, потому что в ней сказана не просто правда, а та правда, которая читателю реально открывает глаза, заставляет хотя бы на минуту включить мозги. Опасна она еще и тем, что лежит на прилавках московских магазинов и может попасть в руки любому «либералу», дураку-совку, провокатору и стукачу. А таковых на моем пути было как собак нерезаных. И каждый норовил куда-нибудь «сообщить».

Когда я начинал ее писать — сначала в стол для себя, потом для журнала, — то никак не думал, что она станет одной из самых важных для меня. Как я потом понял, интересность и ценность ее в том, что в каждом из этих коротких размышлений сконцентрирована какая-то важная, острая для нас мысль без лишних рассуждений, отвлечений и пустых слов, мысль, может быть, и спорная, но естественная и логичная, без демагогии и журналистского вранья, мысль чаще всего неожиданная, основанная на фактах и документах. Как мне говорили, книга эта захватывает как раз своей неожиданной простотой мышления, от которой нас всеячески долгие годы пытались отучить. И многих отучили, отчего люди просто разучились самостоятельно думать.

Ну а шеститомное собрание — это самый серьезный этап в моей творческой жизни. Я решился на этот шаг, потому что почувствовал, что пора. Пора собрать воедино всё написанное, так как если я не соберу, то уже никто не соберет — хотя бы чтобы не пропало. Да и здоровье подталкивает, уже дважды с сердечным приступом оказывался в больнице. Лихая жизнь и 65 лет даром не прошли.

Спасибо Вам, Владимир, за искренние слова о стихах. Все-таки поэзия — это главная стезя моей жизни. И так редко в наше время сталкиваешься с умным, пронизательным взглядом критики. В основном какое-то однобокое отношение. Одни воспринимают только лирику и считают лишней гражданственность в поэзии. Другие наоборот — ценят только «убойные», хлесткие, «громкие» стихи и не

способны принять к сердцу тихую лирику. И каждый пытается доказать правоту своей односторонности. И не могут они понять, что и то и другое — это одно целое, что разорвать это целое невозможно.

К большому сожалению, нынешнюю русскую литературу постигла большая беда (объяснимая и ожидаемая): у нас не стало серьезной критики. Она почти закончилась как процесс, как органичный литературный жанр. Какие-то «критики» (или косящие под них) пишут и публикуют отдельные статейки и даже немало, а критики как таковой — нет. Теперь это в основном или обслуживающая подёнщина, или бессвязная, разнобойная, очень легковесная пустая говорильня. Ушли большие, мыслящие, глубокие критики, а на замену им почти никого и нет. Вот и в журнале у нас очень не хватает хорошей критики, а где ее взять? Не пишут. А ведь я, когда пришел в журнал в 1990 году, возглавлял целый отдел критики. И в каждый номер мы давали по несколько хороших статей.

Начали верстать третий том. Это будет проза. Отношение к ней тоже неоднозначное, да и сама она неоднозначная. Но она есть, и никуда мне от нее не деться.

Владимир, присылайте в журнал статьи или новую прозу, желательно рассказы.

Спасибо за письмо.

Искренне Валерий Хатюшин.

2 сентября 2013

Эмме Меньшиковой

Липецк. 7 декабря 2013 г.

Здравствуй, дорогая Эмма!

Спасибо огромное за твои размышления. Я рад, что ты меня понимаешь и думаешь так же. Эта проблема очень непростая. И в наше время, после атеистического века и главенствующей либеральной безбожной пропаганды, крайне мало думающих людей, способных поддержать мои сооб-

ражения. Но то, что «Русская народная линия» мою статью («Отрицательная литература») опубликовала, говорит о том, что такие люди есть. Дорошенко ее публиковать на своем сайте отказался, даже несмотря на то, что 10 лет назад статьи «Без Божества» и «Во имя Истины» были напечатаны им в газете «Российский писатель». Он понимает, что тема эта опасна именно для руководства СП...

Вопрос, повторяю, очень непростой. И массовая культура уже почти задавила религиозные чувства в общей массе населения. Но с чего-то же надо начинать этот трудный разговор, потому что без понимания данной проблемы литература наша придет в тупик или будет топтаться на месте в формальных «поисках» несущественного, неглавного в творчестве.

Ты права, к пониманию главного, истинного каждый должен идти своим мучительным путем. Но в том и состоит путь к Истине. И без этого пути, без этого стремления вся наша литература и искусство в целом — пустое занятие, никчемная игра, не более того. Потому-то и подлинных писателей, творцов — единицы, хотя в СП состоят тысячи. Пушкин тоже долго метался, заблуждался, воспевал аполлоническую линию в искусстве, пока наконец не пришел к пониманию: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна».

Художественная литература — это, конечно, не духовная литература. Ей до этого очень далеко, да и скорее всего невозможно этого достичь. Мы все-таки светские люди, живем в миру. Главное, понимать, для чего мы живем, идем и куда стремимся. И всегда помнить, Кто наградил нас даром творчества. И не изменять Ему, а уж тем более не противоречить и не идти против Его замысла.

Я попробую использовать твои размышления в продолжение поднятой темы. Мне одна писательница, Нина Бойко, сказала, прочитав статью, что тема эта колоссальная. И у нее (у этой темы) очень много врагов, недоброжелателей, да и просто насмешников.

Но когда рядом есть люди, которые тебя поддерживают и размышляют также, — уже легче.

Удачи. Валерий.

7 декабря 2013

В.П. Заманскому

г. Муром Владимирской обл. 6 марта 2014 г.

Здравствуйте, уважаемый Владимир Петрович!

Неожиданно рад был получить Ваше письмо. Сразу не удалось ответить на него из-за непрерывного нагромождения срочных дел, связанных и с журналом, и со своими книгами, и с выступлениями, и с перепиской в Интернете, и еще бог знает с чем. Готовлю сейчас 4-й том своего собр. соч. (три уже вышли), в который войдет лит. критика и как раз — письма. Перечитываю свои старые литературные письма 20-летней давности и с грустью понимаю, что этот эпистолярный жанр ушел из литературы. Его убила электронная почта, переписка по Интернету: три-четыре строчки — и всё письмо.

А журнал забирает уйму нервов и времени, не говоря уже о сердце и глазах. Почти четверть века — 24 года — отдал я «Молодой гвардии». Сколько авторов, сколько текстов за это время было подготовлено к печати! И со сколькими писателями столкнула жизнь! И скольких уже не стало!

Жизнь берет своё. Уехал бы хоть на время в какую-нибудь глушь, чтобы от всего отключиться. Сердце просит покоя. Но не выйдет. В этом случае погибнет журнал. Да, «МГ» — самый боевой, самый прямой, самый правдивый литературный журнал. Ради этого его выписывают люди. И другим ему быть нельзя. А тут еще события на Украине. Как уедешь? Спасибо, что Вы на него подписались. Мы ведь существуем только за счет подписки.

В книге Т.Глушковой «Не говорю тебе «прощай»...» есть стихотворение «А я сказала: будь мне другом...» Это о нашей с ней первой встрече.

Уважаемый Владимир Петрович, здоровья Вам и душевного равновесия.

Поклон Наталье Ивановне.

Высылаю небольшую книжку стихов.

С признательностью, Валерий Хатюшин.

6 марта 2014

Отклики современников

Владимир ЮДИН, г. Тверь

ПО ВОЛЕ ПРОВИДЕНИЯ

Давно пришла пора все вещи называть своими именами. Хватит нам скромничать и бояться обвинений в завышенных оценках. Своих врагов, своих героев и своих гениев мы должны знать в лицо и называть по именам, чтобы потом не кусать локти и не вздыхать: как же это мы не заметили, как же это мы не оценили...

Валерий Хатюшин — гениальный русский поэт. В своих стихах он одновременно и удивительный, ни на кого не похожий лирик, и глубокий философ, и бесстрашный гражданин. Но кроме этого — он и прозаик, и критик, и публицист, и драматург. Подобных ему творческих личностей в поколении 50-ти и 60-летних в современной русской литературе я не встречал. По гениальному творческому разнообразию и потенциалу с ним рядом в наши дни, на мой взгляд, поставить некого. Но и это не всё. Валерий Хатюшин — главный редактор острейшего литературно-публицистического журнала «Молодая гвардия», стоящего в первых рядах борьбы за национальное сохранение русского народа.

Вся деятельность Валерия Хатюшина — это громадный творческий и гражданский подвиг, по-настоящему пока еще не осознанный и не оцененный современниками. Правда, враги России кое-что разглядели и почувствовали: их ненависть к нему с каждым днем становится всё громче и всё злобнее. А о подловатых, суетливых и завистливо-бездарных выпадах т.н. «своих» я и вспоминать не хочу.

Поэтическое мастерство, глубина, природная талантливость и бесстрашие стихов Валерия Хатюшина удивляют и врагов, и друзей. Одна только его книга гражданской лирики «Русская кровь», изданная в 2007 году и составленная из

поразительных по страстному звучанию гражданских стихотворений, созданных автором за двадцать лет (с 1997 по 2007 гг.), способна обессмертить автора уже в наши дни. Вернее, была бы способна, если бы могла свободно дойти до русского читателя. Но кто ее прочёл и кто о ней вообще знает? Пятьсот человек на всю страну — по числу экземпляров тиража книги. И кто ее переиздал? Никто. А почему? Потому что — страшно и жить спокойно хочется.

Всего же Валерий Хатюшин издал более тридцати книг. Одна сильнее и талантливее другой. Только четыре из них (самые первые) были изданы при советской власти за государственный счет. Все остальные он выпустил на свои деньги. Его стихотворение «Возмездие», ставшее притчей во языцех, с зубовным скрежетом было перепечатано чуть ли не во всех «либеральных» газетах и журналах в качестве доноса. Вот уже девять лет прошло со дня его первой публикации, а из Америки через Интернет до сих пор идет злобное шипение. Это говорит о многом.

Казалось бы, зачем ему это надо — рисковать жизнью, здоровьем, покоем и судьбой? Но истинный талант не может существовать иначе. Это трусы, приспособленцы и бездари даже в самое тяжелое для страны время будут сидеть в кустиках, кропая никому не нужную белиберду про облака, ветер и рыбалку на тихой речке. И при этом они еще будут осуждать и поучать того, кто гениально бесстрашен и безоглядно правдив: мол, зачем ты лезешь на рожон, чего тебе не хватает?.. В наши дни истинный признак таланта — смелость. Нет ее — значит, и талантом Бог не наградил. Это сейчас — аксиома.

Его роман-бестселлер «Поле битвы» (о нашем времени), его мистическая повесть «Последней ночью лета», рассказы «Не изменяй себе» и «Перед уходом», его аллегорическая пьеса «Зеленые розы» в любой другой стране зачитывались бы до дыр, издавались бы сотысячными тиражами, ставились бы на лучших сценах и принесли бы автору мировую славу. Но только не в нынешней России, где русского автора будут хамски, беспардонно игнорировать, оскорблять и душить за то, что он посмел пусть даже и художественно коснуться национальных проблем своего народа. У русских людей, видите ли, не должно быть национальных интересов и нет национальных проблем... А писать надо про ти-

хую речку и про облака — и всё будет в порядке... Но его героическая поэма «Взятие Кремля», уверен, в будущем войдет в хрестоматию по русской литературе и будет в школе заучиваться наизусть, как лермонтовское «Бородино».

Особый разговор о публицистике Валерия Хатюшина. Она стоит особняком в его творчестве и в его деятельности. Одним из первых, еще в 80-е годы прошлого века, он вступил в бой с врагами России, и уже тогда вызвал оторопь даже у них, не ожидавших такой страстной смелости, напора и фактологической убедительности его статей, которые одна за другой стали появляться в русских журналах: «Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Кубань»... А в 1990 году, придя на службу в «Молодую гвардию», он сделал этот журнал главной трибуной русской мысли в России, выдавая в печать свои статьи почти через номер и привлекая в журнал лучших и острейших русских публицистов того времени — А.Кузьмича (Цикунова), Э.Володина, В.Кожина, А.Кузьмина, Ф.Шипунова, Т.Глушкову, М.Любомудрова, Г.Литвинову, С.Бабурина, М.Антонова, А.Ланщикова, О.Платонова, В.Васильева и многих других. Его работа «Откройте глаза!!!», увидевшая свет в «Молодой гвардии» в августе 1991 года, сразу после известных событий (19—21 августа), вызвала эффект разорвавшейся бомбы, настолько она была честно-информативна и глубока по анализу «перестройки» и лукавых реформ. Тираж журнала тогда еще был огромным, и люди, как я хорошо помню, говорили об этой статье шепотом... За статью «Сатанизм демократии», опубликованную в «МГ» в 1994 году и ставшую, по сути, пророческой, против него возбудили уголовное дело и около года прессовали в прокуратуре. Его пытались запугать, сломать морально и физически. Не вышло. Своим примером он дал толчок для появления в русской публицистике новых, дотоле неизвестных имен. И в наши дни многие авторы как некое откровение выдают читателям то, о чем Валерий Хатюшин писал пятнадцать лет назад.

Я хорошо помню, как критические статьи Хатюшина будоражили литературную общественность Москвы 80—90-х годов. Надо было решиться на отчаянный поступок, чтобы поднять свой голос против громогласно прославляемых литературных кумиров того времени — Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной, В.Высоцкого, А.Рыбакова,

Д.Гранина!.. Но он совершил этот поступок, ярко, точно и остроумно показав, что все эти литературные «короли» — голые, искусственные, нерусские и пустозвонные. (Их клеветы до сих пор не могут ему этого простить.) А его статьи о творчестве Ю.Кузнецова «Без Божества», «Во имя Истины» и «С печатью «величия» — без преувеличения, эталон литературной критики.

Проработавший в «Молодой гвардии» двадцать лет, Валерий Хатюшин теперь — ее главный редактор. Тираж журнала, конечно, не тот, что был в начале 90-х (это ныне общая беда всех литературных журналов), но боевитость и актуальность для русской жизни «Молодая гвардия» не утратила и, благодаря упорству ее сегодняшнего руководителя, остается яркой выразительницей чаяний русского народа, за что и ценят ее верные читатели. В эти прошедшие двадцать лет Валерий Хатюшин вырос в гениального русского поэта и мыслителя. Журнал дал ему трибуну для самовыражения, а он дал журналу и всем нам эпохальные плоды творчества. Конечно же, это было не случайное соединение — журнала и писателя, и в этом, не сомневаюсь, явно проявилась воля Провидения.

Мы наконец должны научиться видеть и ценить своих живых, а не только мертвых гениев. Прочтите самые последние поэтические публикации Валерия Хатюшина в альманахе «Академия поэзии — 2009» и в «Молодой гвардии» (2010, №1-2), и вы убедитесь, что всё сказанное здесь — непреложная истина.

Январь 2010 («Московские ворота». 2010. №5)

Владимир СМЫК

ИСТОРИЯ СЕРДЦА ПОЭТА

Несомненным событием в литературной жизни России 2012 года стал выход в свет первого тома Собрания сочинений замечательного русского поэта, прозаика, критика и публициста Валерия Хатюшина. В этот том, изданный мос-

ковским издательством «Голос-Пресс», вошли стихи, написанные автором с 1964 по 1992 год. Стихи эти, по признанию самого автора, являются историей формирования его души и сердца. Листая страницы книги, читатель видит, как лирическое сердце поэта взрослело, мужало, любило, училось переносить удары судьбы, одевалось в броню, чтобы принять бой с посягнувшими на то, что для поэта дороже всего — на его Родину. Бой этот, может быть, и безнадежный. Но без него само существование поэта означает, как сказал бы Андрей Платонов, «бессмысленно проживать вещество жизни». Для осознания необходимости такого боя потребовалось время, ставшее однажды в нашей России неумолимым и беспощадным и так непохожим на светлое время ранней юности, в которое произошла первая встреча поэта с музой.

Книгу открывает написанное в 15 лет стихотворение «Звёзды». Юноша хочет понять, что шепчут ему ночные светила:

Звёзды грустные вздыхают,
что согреть меня не могут,
и под утро упадают
на туманную дорогу.

(1964)

Здесь уже была намечена та чистая линия, которая идёт от русской лирической школы XIX века. Одним из первых в нашей классической поэзии разговоры звёзд слушал Михаил Лермонтов.

Шли годы. Лирическая струя набирала силу, черпая ее из общения с природой, с любимым человеком, с русской дорогой, сибирской тайгой, с нашими великими реками:

Полощет Волга солнечные блики
среди лесов, вдоль зелени полей,
и мы за то зовём ее великой,
что вся Россия отразилась в ней.

(1972)

Валерий Хатюшин не баловень судьбы. В молодости его поэтическую личность формировали армейские и трудовые будни. Он служил в ракетных войсках в Сибири; вгры-

заясь в мерзлую землю, прокладывал газопровод «Сияние Севера»; в Набережных Челнах строил КамАЗ. («Став романтиком, став кочевником, // пол-России исколесил, // по дорогам, как по учебникам, // географию изучил»). Трудовая тема в поэзии сегодня воспринимается с определенным чувством ностальгии по оставшейся в советской истории эпохе созидания и романтического энтузиазма. Читаешь его «Активированный день» (день, когда на Крайнем Севере лютый мороз и пурга загоняют строителей в теплушки, и бригадир составляет акт о том, что работа прекращается по погодным условиям) и реально чувствуешь волнующий пульс стройки, в котором поэт услышал отзвук эпохи далекой войны:

Но бригадир наш Витя,
а он мужик лихой,
сказал нам:
«Как хотите...
А смелые — за мной!»
Быть может, вспомнил кто-то,
как много лет назад,
бросая в бой пехоту,
«За мной!» —
кричал комбат...

(1973)

Это была поэзия общего труда, и поэт не отделял себя от тех, с кем он трудился. Героизм здесь был изначально чужд индивидуализму. Бригада чувствовала то же, что и автор, их объединяли не только прокладываемый газопровод или строящийся завод, объединял общий строй чувств русской души, русский лад, в котором находила вдохновение лира поэта:

По тайге разливается музыка,
и мужчины уставшие, грузные
опускаются тихо на снег.
Пилы брошены, мастер не хмурится,
все задумчиво лезут за куревом
и молчат, как один человек.

По тайге разливается музыка,
и такая протяжная, русская,

так, что даже дышать тяжело;
не печальна она и не радостна,
просто души шемяще и сладостно
позабытым теплом обдало.
(1972)

Однако в этой поэзии коллективного труда, подвига, сравнимого с воинским быта строителей-первопроходцев, в поэзии, которую молодой автор воспринимал как гармонию общего дела, нет-нет да вдруг возникал «одинокый звук», по слову Гоголя, «не выражавший веселья»:

...И зазвучит под струнами тугими
такая грусть в бездонной тишине,
что ощутишь ты пальцами своими
живую боль в натянутой струне.
(1980)

В этих строках не только отклик на передревское «Еще струна натянута до боли...», поставленное В.Хатюшиным в эпитаф. Передрев в стихотворении «В.Кожинуву» всё же оставляет надежду на лучшее: «Еще не всё потеряно, мой друг». А у Хатюшина — гаснет «звезда в пути неодолимом», и «уже не чувствуешь, не знаешь, // не видишь связи с миром никакой». Здесь уже прослеживаются симптомы надлома, который окажется глубже душевной драмы поэта. Этот надлом угадывается по строкам, мелькающим в других стихах, написанных в первой половине 80-х. Чувство тревоги всё чаще посещает автора: «Золотая, тревожная птица // за моим промелькнула окном...»; поэт томит «предчувствие близкой беды», его «душа горюет, нет покоя в ней...»

Но что же лечит душу поэта? В чем находит он успокоение? К творчеству Валерия Хатюшина вполне приложимы слова Есенина: «Моя поэзия богата одной любовью — любовью к родине». Природа родного Подмосковья, роща, лесное озеро, поле — вот источник, утоляющий жажду красоты, из которого поэт черпает силы.

Как ни будет в жизни трудно,
станет на сердце светлей,
лишь смогу вдохнуть всей грудью
эти запахи полей.
(1988)

Каждый большой поэт, входя в возраст художественной зрелости, однажды пересекает границу, ступить за которую, вообще говоря, страшно. Позади остаются молодость, право лирического героя на самоанализ, на подробный разбор своих чувств, даже, если угодно, на право тосковать в стихах. Строго говоря, поэт перестаёт принадлежать себе, во всяком случае в той мере, в какой это было ранее: «И куда ты влечешь меня, тёмная, грозная муза?» — спрашивал Николай Заболоцкий. «Никогда, никогда не искал я с тобою союза, // никогда не хотел подчиниться я власти твоей», — признавался он. Николай Рубцов об этом тоже сказал, правда, не в такой протестующей форме, скорее, кратко: «О чем писать? На то не наша воля!»

Но прежде чем переступить эту грань, Валерий Хатюшин, как бы прощаясь с собой вчерашним, пишет проникновенную поэму «Вечерний свет» — лирический гимн или, лучше сказать, песнь русской природе. В поэме, строго говоря, нет сюжета: автор бредет по вечернему лесу под осенним дождем и слышит, как в этом тихом шелесте течет время, которое поэт хотел бы остановить:

Бредешь один, шурша
опавшею листвою,
и хочешь, чтоб еще
продлился дивный час
дождливой тишины,
объятай полутьмою,
чтоб этот полусвет
прекрасный не угас.

Эта поэма — сыновнее объяснение в любви к родной земле:

Земля моих отцов,
российская равнина,
лесная благодать
и луговой простор,
где после гроз любых
приветят, словно сына,
единственное — что
мой не насытит взор.

Пусть праздные слова
теперь звучат нередко,

но сознаёт земля,
кто не изменит ей.
Всей плотью, всем собой
и всею кровью предков
навек я срашен
с родной землёй моей.

(1985)

Поэма заканчивается тем же, что и в начале, — желанием поэта остановить время. Автор обращается к судьбе (факт такого обращения, кстати сказать, не редкость в стихах Хатюшина): «И у судьбы прошу, чтоб не кончался час осенней тишины», как бы чувствуя, что этот час красоты и гармонии его души с родной землей может оказаться под угрозой... Судьба не вняла поэту, время не остановилось, и Валерий Хатюшин перешёл за ту грань, где оно начало отсчитывать совсем другую эпоху — вероломства и обмана, распада и гибели, подлости и предательства... Шел 1986 год.

«И слёз так много пролила ты // за то, что Родину любила», скажет в том году Валерий Хатюшин Татьяне Глушковой. Набирала ход горбачевская перестройка, нёсшая душевные и физические страдания как патриотам, так и всему народу России. Но при этом вдруг объявилось множество «ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови» — «деятелей культуры», еще вчера воспевавших советскую власть и его вождей («Всё, что создано нами прекрасного, // Создано с Лениным, // Всё, что пройдено было великого, // Пройдено с ним»), а потом вопивших (Окуджава, Евтушенко, Р.Казакова...): «Раздавите гадину!», то есть уничтожьте тех, кто эту самую советскую власть пытался защитить. «Обагряющие руки в крови», обласканные новым режимом, остались при кормушке, стали обслуживать новый класс, совершивший криминальную революцию, разоривший великую страну, ограбивший ее народы и, прежде всего, русских.

Даже в лучшие времена нашей России всегда было два типа литераторов: первый вел свою линию от Александра Пушкина, второй — от Фаддея Булгарина. Вторая линия была, так сказать, «охранительная», т.е. близкая к охране, как бы она ни называлась: «Третье отделение», НКВД, КГБ... К первой принадлежали «невольники чести», не связанные

«с жадною толпой, стоящею у трона», пробуждавшие лирой «чувства добрые», «народные заступники». Век их, как правило, был не долгод:

Грибоедов — убит.
Пушкин — убит.
Лермонтов — убит.
Гумилев — убит, —

сухо перечисляет Валерий Хатюшин погибших поэтов в стихотворении «Неполный список». В этот список он заносит не только тех, кого сгубила пуля или петля (Есенин, Клычков, Приблудный, Ганин, Кедрин, Рубцов), но и тех, кто доведен был до гибели — режимом или социальной атмосферой, господствовавшей в стране. В этом списке, среди прочих имен, Блок, Хлебников, Цветаева, Прасолов... Валерий Хатюшин, не колеблясь, встал «в стан погибающих за великое дело любви».

Думается, что поэт перешагнул грань, за которой раздалось отчетливое гражданское звучание его лирики, в 1987 году. Именно тогда он заговорил голосом поэта-трибуна: «Кто не ослеп и не оглох — // Разбейте цепи — с нами Бог! // А все, то спит, — проснитесь // и за булат возьмитесь!»; «Прозренья грозный пробил час! // Две мировых — отцов скосили, // а третья — захлестнула нас...»

В русской литературе найдётся немного примеров столь стремительного обретения поэтом гражданского пафоса, ставшего преобладающим в его творчестве. С этого времени собственно лирические стихи, то есть стихи, рождённые личными переживаниями, появляются в творчестве Хатюшина всё реже: случившееся с Родиной, обрушившиеся на нас беды заставляют поэта забыть о себе. Он открывает новую страницу в русской поэзии — **поэзию сопротивления** и становится его первым певцом. Он не смирял себя, как Маяковский, «насупивший на горло собственной песне», — Валерий Хатюшин просто не мог иначе, жёсткая гражданская лирика клочкотала в нем, рвалась из сердца и легких: «Если не предал свой край, // трусом не стал и глупцом, // если ты русский — вставай! // Враг у тебя под окном!»

Нетрудно предположить, что в следующем, втором томе, гражданская лирика Валерия Хатюшина займет преоб-

ладающее место. Автор, наверное, мог бы внести в него стихотворения, написанные в 1987—1992 годы. Но то, что он завершил ими первую книгу, имеет свое достаточное основание: она даёт объемное представление о пути, пройденном поэтом, раскрывает нам историю его сердца, объясняет, почему он верит, что

...в доме поруганном, сиром
всех Божьи коснутся уста...
И властвовать будут над миром
Россия — Любовь — Красота.
(1992)

2012 (сетевой журнал «Камертон». 2012. №38)

ФИЛОСОФИЯ РОДИНЫ

Наша философия должна быть философией Родины и жертвы.

А.Ф. Лосев

В схватке за будущее победу нередко одерживают либералы. Несовершенство настоящего, недовольство существующим положением подпитывает их энергию и обеспечивает массовых союзников. Они зовут в грядущее, рисуя его светлым и радостным. Но предлагаемый ими набросок отнюдь не совпадает с тем, что начертит завтрашний день. А вот традиционалисты-почвенники тяготеют к реализму, их видение перспективы, и не только ближайшей, нередко оказывается наиболее верным и правдивым. Их пророчества, как правило, отнюдь не радужные, сбываются порой с поразительной точностью. Достаточно вспомнить записку министра внутренних дел Российской Империи Петра Николаевича Дурново Николаю II, в которой подробно расписано, что произойдет с государством в случае вступления России в войну с Германией, и делается вывод: «Социальная революция в самых крайних ее проявлениях неизбежна».

Но, увы, предвидения консерваторов чаще всего игнорируются обществом. Пророков, как известно, не любили, не любят и не собираются любить. Над ними насмехались, как жители Трои над Кассандрой, побивали камнями, как древние израильтяне, или замалчивали и игнорировали, как это происходило в нашей стране, начиная от перестройки и до сего дня.

Вот книга, выпущенная Институтом русской цивилизации: «Вехи окаянных лет». Автор известный поэт, прозаик, критик и публицист Валерий Хатюшин не ставит специальной цели заниматься политическими прогнозами. Но он говорит на языке бескомпромиссной правды о настоящем, поэтому так верно его ощущение будущего: «Их (европейцев. — В.С.) дальнейший путь — в деградацию и упадок. Власть денег и маниакальной материальной выгоды приведет к вырождению западного общества, с каким бы высокомерием оно сейчас ни смотрело на нашу неухоженную, развороченную, полуголодную жизнь». Это написано Валерием Хатюшиным в 1992 году, когда работникам «если и платили, то готовой продукцией: кирпичами, простынями, стиральным порошком, гвоздями...», когда население «поголовно стояло в бесконечных очередях, опутавших всю Россию, с омерзительными порядковыми номерами на ладонях», а к нам из Европы шли посылки с гуманитарной помощью, и на Руси появились магазины «сэконд хенд», сбрасывавшие вдруг обнищавшему народу ношеное западное барахло. Мог ли представить двадцать с лишним лет назад российский обыватель, что Запад, выставленный нашими либералами как маяк демократии, указывающий единственно правильный путь для страны, в недалеком будущем высшей ценностью этой самой демократии провозгласит свободу для сексуальных извращенцев, что глубокий моральный кризис «золотого миллиарда» совпадет с беспрецедентным финансово-экономическим кризисом, что до половины выпускников европейских университетов в наши дни пополнят ряды огромной армии безработных? Но кто тогда прислушивался к трезвым голосам публицистов патриотического лагеря?.. «Загнивание Запада? — усмехались либералы — это штамп советской пропаганды. Да и он не был ее изобретением. Еще Шпенглер, пророчил закат Европы, прочитав славянофила Н.Я. Данилевского.

Тоталитарный Союз приказал долго жить, а демократической Европе хоть бы что».

Сегодня широкой аудиторией воспринято то, что говорили патриоты в 90-е годы. В высоких официальных документах уже произносятся слова о государствообразующем русском народе, о воспитании в гражданах нашей страны патриотизма, о необходимости крепить оборонный потенциал страны. Однако вспомним «откровения» либералов в 90-е годы: «Патриотизм — животное чувство, оно есть даже у кошки» (Булат Окуджава), «Патриотизм — последнее прибежище негодяев» (хотя Самуэль Джонсон, которому принадлежит этот афоризм, имел в виду ложный патриотизм и противопоставлял ему патриотизм истинный, но наши либералы предпочитают этого не помнить). Сегодня многие из тех, кто вчера вслед за Горбачевым звал Россию в «общеевропейский дом», поменяли фразеологию, взяли на вооружение лозунги патриотической оппозиции 90-х, при том, что самих представителей этой оппозиции, за редчайшим исключением, продолжают игнорировать и тем самым присваивают себе чужую идеологическую собственность. Теперь поди докажи, что официальные нынешние «патриоты» вторичны и предлагают **не свое!**

Но страшно не это. Гораздо страшнее то, что, долгое время борясь с патриотизмом как с идеологией, государство упустило бесценное время: страна шла назад или в лучшем случае топталась на месте и не смогла задействовать рычаги, которые позволили бы ей достигнуть хотя бы уровня экономики СССР. Она до сих пор не вышла на хозяйственные показатели последних советских лет, в то время как наши геополитические конкуренты ушли далеко вперед. Но в верности рынку, ввергнутому Россию в экономический хаос в «лихие девяностые», либералы, и ныне определяющие курс нашей промышленной и финансовой политики, клянутся так же, как большевики в свое время клялись на верность диктатуре пролетариата. Сегодняшняя наша экономика — служанка политики в значительно большей мере, чем это было во времена Сталина. Тогда все-таки политика мыслилась «концентрированным выражением экономики»: разрушится экономика — не удержится власть, соответственно прикажет долго жить политическая элита, эту власть осуществляющая.

Трудно ожидать патриотического чувства от рядовых граждан государства, видящего, как российская «оффшорная элита» менее всего озабочена положением простого народа. Официальный «патриотизм» без поддержки снизу малоэффективен и скорее всего останется пустой декларацией. «Люди, растерявшие патриотическое чувство — не народ, — предупреждает в своей книге В.Хатюшин. — Только осознанный патриотизм создает народный монолит из разрозненного, разобщенного и ко всему равнодушного населения». Вот почему так третировали патриотов разрушители страны, вешая на них ярлыки красно-коричневых, фашистов, антисемитов. Перефразируя Александра Зиновьева, можно сказать: либералы целились в советский патриотизм, а попали в народ...

Валерий Хатюшин в числе первых публицистов постсоветской России отметил: «наша» элита служит не народу, а правящей миром международной финансовой олигархии. Отечественные либералы являются послушными проводниками их политики (статьи «Сатанизм демократии, или Дети погибели» (1994 г.) и «Под колесом истории» (1996 г.). Публикации были острыми, и бдительные слуги Фининтерна не дремали: коллективный донос в Генеральную прокуратуру не заставил себя ждать. В 1996 году на Валерия Хатюшина было заведено уголовное дело по 74 статье старого УК — «За разжигание национальной и религиозной розни» (нынешняя 282 ст.). «Полтора года мурыжили меня следователи прокуратуры, — вспоминает Валерий Хатюшин. — Пришлось потребовать независимой экспертизы текста статьи, с помощью которой это дело в конце концов было прекращено за отсутствием состава преступления. И все же Министерство печати вынесло журналу предупреждение». (Имеется в виду журнал «Молодая гвардия», где эти статьи публиковались.)

Еще пример из книги «Вехи окаянных лет». Задолго до августовского путча 1991 года в статье «Для чего демократам власть?» Валерий Хатюшин предупреждал о неизбежности ельцинской «демократической» диктатуры. Через два года «ельцинская демократия» выпустила антиконституционный указ №1400, обнесла спиралью Бруно здание парламента и кумулятивными снарядами расстреляла его защитников. Подобных примеров предвидения того, как

будут развиваться события, в книге достаточно. Но, повторы, не прогнозирование будущего было задачей автора.

«Окаянные годы», о которых рассказывает Валерий Хатюшин (по аналогии с бунинскими «Окаянными днями»), — это публицистическая летопись последнего десятилетия минувшего столетия, когда был перечеркнут созидательный путь советского народа, разрушена и разворована его страна, подверглись глумлению его ценности, осмеяно прошлое, население ограбили реформами и бросили в нищету. «Мы взялись за эту работу, которая станет летописью великой русской трагедии конца XX века» — говорит автор от своего имени и от лица единомышленников.

Год за годом, месяц за месяцем прослеживает Валерий Хатюшин трагические события девяностых, сокрушившие Советский Союз, обескровившие Россию. Перед читателем разворачивается публицистически масштабное полотно событий. Автор, показывает, как предательская политика Горбачева подготовила август 1991-го. Мировой закулисе Михаил Сергеевич уже не был нужен. Его «перестройка» была запущена к тому моменту, когда народ «в буквальном смысле переродил систему». Этого испугались заграничные кукловоды и привели к власти «лучшего немца», звавшего Россию в «общеевропейский дом». Но мавр сделал свое дело, и на его место подготовили фигуру «якобы радетеля России». Провокационный «путч» августа 1991-го, позволил привести в Кремль «царя Бориса». Прослеживая политическую борьбу в Верховном Совете России, Валерий Хатюшин описывает, как непоследовательно вели себя депутаты от оппозиции. Путь компромиссов, откровенная трусость народных избранников дала возможность Ельцину удержаться у власти, издать антиконституционный указ №1400 и устроить двадцать лет назад кровавую бойню в центре Москвы.

Эти дни описаны в книге подробно, с достаточным количеством деталей, но при этом Валерию Хатюшину удалось создать цельную картину событий. Статья «Кругом измена, трусость и обман» (слова эти, как известно, взяты из дневника императора Николая II) может служить прекрасным пособием для тех, кто будет изучать историю октябрьского восстания 1993 года. Это именно «летопись великой русской трагедии конца XX века».

В своей своеобразной хронике событий летописец запечатлел основные события десятилетия: грабительскую приватизацию, сдачу Думой русских позиций в Крыму, войну в Чечне, «черный четверг» 1995 года, события в Буденновске, террористический акт в Кизляре, семибанкирщину, лукавые выборы 1996 года, дефолт 1998-го, предательство Кремлём союзной Югославии... Но от внимательного взгляда публициста и историка не ускользнули также факты, может быть, не столь масштабные, но весьма точно характеризующие состояние общества в целом и его отдельных социальных групп.

Вот депутаты Верховного Совета России после ельцинского указа №1400 пришли на ЗиЛ, чтобы поднять завод на защиту парламента. Их даже не пустили на территорию завода. Перед началом утренней смены у проходной, где стояли депутаты, рабочие отмахивались от своих же избранников, не желая даже останавливаться, осыпали их нецензурной бранью, угрожали применить насилие, если те не уберутся. Пройдет немного времени, и ЗиЛ будет остановлен. В ожидании, что всё рассосется и цеха снова заработают, десятки тысяч автомобилестроителей пальцем не пошевелили, чтобы себя защитить. Но, как однажды заметил генерал Войцех Ярузельский: «История не делает подарков». И, добавим, наказывает неразумных.

Вот шахтеры пишут Ельцину (1995 г.): «Мы всё сделали, чтобы вы стали президентом, но вы нас предали». Но разве те же шахтеры, ведя к власти Ельцина, не предали Светский Союз, который обеспечивал их высокими заработками, дворцами культуры, санаториями в лучших курортных зонах страны да и в государствах ближнего зарубежья, высоким уровнем техники безопасности? Разве, бастуя с целью добиться права самостоятельно продавать уголь на экспорт, не предали они своих смежников-металлургов, не давая им во время длительных забастовок коксующие угли, вынудив их тем самым погасить — навсегда! — десятую часть коксовых батарей страны.

В 1995 году, по словам автора, уже было бессмысленно перекрывать Транссибирскую магистраль: *«Голодающие шахтеры давно перестали волновать президента и его правительство... Немцов демонстративно отказался встречаться с представителями кузбасских угольщиков, шахты вдруг*

стали «убыточными»... Их лучше совсем закрыть, а людей выбросить на улицу...»

1999 г. Взрывы в Буйнакске, Москве, Волгодонске. 307 убитых, свыше 1700 раненых. Кто сегодня помнит, что после первого взрыва в Москве (в Печатниках) «день траура был назначен аж на четвертые сутки, когда уже состоялись похороны погибших»? Почему? *«Чтобы не отменять запланированных на выходные дни телеразвлекаловок и не терять огромной прибыли, — поясняет автор. — Но террористы именно ранним утром «дня траура», в понедельник 13-го, стерли с лица земли еще один дом — девятиэтажку по Каширскому шоссе. Лишились жизни 118 человек».*

Страшные 90-е годы ознаменовали новый этап в творчестве Валерия Хатюшина. Можно согласиться с теми критиками, которые называют их «переломными». Но строгий литературовед может посчитать это определение не совсем точным. Белорусский писатель Эдуард Скобелев, говоря о творчестве В.Хатюшина, отметил, что в «1987 году, еще при живом СССР, он писал:

Но что осталось от России?..
Прозренья грозный пробил час!
Две мировых — отцов скосили,
а третья — захлестнула нас...

Да, именно тогда, когда обнаружилась вся лживость горбачевской перестройки и ее разрушительные цели, Валерий Хатюшин заговорил голосом поэта-трибуна:

Кто не ослеп и не оглох —
Разбейте цепи — с нами Бог!
И все, кто спит, — проснитесь
и за булат возьмитесь!

То есть Валерий Хатюшин, как видим, еще в 80-е годы остро чувствовал катастрофу, надвигавшуюся на страну. Неслучайно в 90-м году он пришел работать в редакцию журнала «Молодая гвардия», последовательно занимавшего патриотические позиции и отстаивавшего национальные интересы (с 2009 года Валерий Хатюшин — главный редактор этого журнала). Работа в журнале, очевидно, помогла ему в полном масштабе раскрыть талант не только поэта, но и критика, публициста, исследователя, мыслителя.

В предисловии к книге «Вехи окаянных лет» доктор филологических наук В.А. Юдин, называя Валерия Хатюшина одним из крупных современных лидеров русского сопротивления, пишет, что его творчество чрезвычайно актуально «для подлинно научного понимания русской национальной истории, русской национальной идеи, укрепляет наше национальное самосознание, закладывает основы современной русской публицистической культуры».

Литература «русского сопротивления» нашла свои специфические жанровые формы. Наиболее полно она выражает себя в поэзии, авторской песне и публицистике. Социальный надлом и последовавшее за ним крушение страны вызвали мощный вал публикаций на исторические и политические темы. Вадим Кожин отшел от литературоведения и приступил к глубокому изучению советской истории, поэт Станислав Куняев подверг критическому анализу навязанные в последние годы стереотипы советско-польских отношений периода Второй мировой войны и проблему холокоста, критик Александр Казинцев стал острым комментатором текущих политических событий. Что касается Валерия Хатюшина, то среди русских поэтов найдётся немного примеров столь стремительного нарастания гражданского пафоса, быстро ставшего преобладающим в его творчестве. Этому пафосу оказалось тесно в рамках даже гражданской поэзии. Родина стала смыслом жизни Валерия Хатюшина как гражданина, философией всего его масштабного творчества. «Наша философия должна быть философией Родины и жертвы, — писал Алексей Федорович Лосев. — Всякое страдание и труд на пользу Родине, всякое лишение и тягость, переносимые во славу Родины, уже есть так или иначе жертва». Творческому труду во имя Родины Валерий Хатюшин отдает себя без остатка. Угрозы и оскорбления недругов, неоднократные доносы в прокуратуру, непонимание своих — через всё это Валерий Хатюшин прошел на своем пути, и мало надежды на то, что в дальнейшем путь его будет более гладким. Тот, кто избрал дорогу борца, кто чувствует с Родиной, по слову Рубцова, «самую жгучую, самую смертную связь», с нею уже не свернет.

*2013 (Сайт Всероссийской социалистической
народной партии «Отчизна»)*

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Уроки Аполлона Григорьева	3
Слепой «поиск» и духовные прозрения	17
Кривые зеркала (<i>О «новых веяниях» в критике</i>)	31
Необходимо договаривать	31
На грани развоплощения	43
«Фантазийные проделки чёрных дыр...»	55
«Любимый мой пейзаж...»	63
Мания профессионализма	68
О мнимом и подлинном в поэзии	75
К чему приводит схема	112
Посмотрим истине в глаза	124
Искусство или эстрада?..	124
Роковая наивность	128
Улетай, туча...	137
Приглашение к сомнению	141
Поэт и книгопродавцы, или О диктатуре организованного спроса	147
О принципиальности и смелости в печати	155
О перекосах гласности и писательской совести	164
О лжепоэтах и русской поэзии	174
Путь измены	176
Путь отчуждения	183
«Среди горних светил...»	188
Поэт для России	193
Горькие плоды	199
Отчужденная власть	216
Ответ литературным погромщикам	222
А нужна ли им воля?.. (<i>О «просветителях» с наручниками</i>)	227
Без России мир погибнет	232
Назначение литературы	239
Кто занимается подлогом (<i>В защиту Владимира Даля</i>) ..	244
О нравственном одичании	250
Без Божества	261
Во имя Истины	270

Тщета критики	282
С печатью «величия»...	286
Поэты Белой гвардии	291
Отрицательная литература	316

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, РЕПЛИКИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

Обошлись без разговора о творчестве	326
Выступление на литературной конференции в СП СССР	327
Что такое «молодая литература»?	329
Не будем бояться правды	332
К справедливости привыкнуть нелегко	336
Без чувства юмора	339
Странные оправдания	343
Вступительное слово на юбилейном вечере в ЦДЛ ..	345
Полемические заметки по поводу «Рейтинга» поэтов ..	349
Ответ «примирителю»	352
Островок русской культуры	353
Остановите русофобский террор! (<i>Обращение писателей к президенту Российской Федерации В.В. Путину</i>)	356
Ответное слово на церемонии вручения Международной Шолоховской премии	360
Где нужна ретивость?	362
Выступление на юбилейном вечере в Центральном доме литераторов	363
Выступление на презентации книги Б.Миронова «Русские — последний рубеж»	365
«Русский поэт»...	367
Ответы на вопросы анкеты в газете «Российский писатель»	368
Давно разоблачённая фальшивка	373
К дискуссии «Современная литературная ситуация» на сайте «Российский писатель»	375
Слишком неточное «уточнение»	376
90-летие «Молодой гвардии»	379
Молчать не позволяет совесть (<i>Заявление деятелей русской культуры</i>)	381

ПРЕДИСЛОВИЯ

К первому номеру альманаха «Звено»	383
К статье Арона Абрамовича «Вместе с Троцким»	384
К статье Марка Любомудрова «Агония нигилизма» ..	385
К письму В.Криворотова А.Солженицыну	386
К публикации выступлений на VII съезде писателей РСФСР	389
К статье Галины Беляковой «Преступление перед на- цией»	390
К серии рецензий «Россия: путь осмысления»	391
К стихам Нины Карташёвой	391
К первому изданию в России книги Григория Климо- ва «Красная каббала»	392
К переводам сонетов Михалы Худы	393
К статье Владимира Васильева «Сатанизм в русской литературе»	395
К статье Фатгя Шипунова «Путь спасения России» ..	395
К публикации «Протоколов сионских мудрецов»	396
К статье Анатолия Буйлова «Слуга Люцифера»	397
К статье Виктора Брачева «Тайные масонские обще- ства в СССР»	398
К статье Григория Кисунько «Секретная война»	399
Ко второму изданию книги стихов «Русская кровь» ..	400
К воспоминаниям А.Г. Горчакова	401
К статье Виктора Кузнецова «Фальсификаторы»	402
К подборке стихотворений	403
К публикации «Дневника» Аркадия Первенцева	403
К подборке стихотворений	404
К книге стихов Елены Сапрыкиной	405
К публикации труда Н.С. Державина «Происхождение русского народа»	407
К «Открытому письму» Александра Бринкена	408
К военным рассказам В.П. Решетникова	409
К статье Александра Уайта «Русская политика само- сохранения»	410
К стихам Андрея Облога	411
К статье Бориса Прудникова «Альтернативная исто- рия России XX века»	414
К стихам Людмилы Туровской	415

К публикации в «Молодой гвардии» работы «Проект Россия»	418
К публикации подлинной Директивы Алена Даллеса Совету Национальной Безопасности США 1948 года «Задачи в отношении России»	418
О творчестве прозаика Нины Бойко	419
К дискуссии «О состоянии русской нации и путях выхода из либерального тупика»	421
К статье Константина Ерофеева «Отчего почернели червонные маки»	423
К статье Елены Пустовойтовой «Пуля из сорок пятого...»	424
К статье Альфреда Коха «Верхи-то еще могут, а вот низы уже не хотят»	425
К статье Михаила Ефремова «К вопросу о российской государственности»	426
К книге стихов Аллы Линёвой «Слышу тишину»	426
О Владимире Гревцеве	428

ПИСЬМА	431
--------------	-----

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННОКОВ

<i>Владимир Юдин</i>	506
<i>Владимир Смык</i>	509

Хатюшин Валерий Васильевич

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

Том четвёртый

Издательство «Голос-Пресс».
Москва, ул. Цветной бульвар, д. 32, стр. 2